

Карл
ЛЕОНГАРД

АКЦЕНТУИРОВАННЫЕ
ЛИЧНОСТИ

Karl
LEONHARD

Prof. em. Dr. med.
ehem. Direktor der Psychiatrischen
und Nervenlinik der Charité der
Humboldt-Universität zu Berlin

AKZENTUIERTE PERSÖNLICHKEITEN

2., überarbeitete Auflage

VEB VERLAG VOLK
UND GESUNDHEIT
BERLIN 1976

Карл
ЛЕОНТАРД

АКЦЕНТУИРОВАННЫЕ ЛИЧНОСТИ

Перевела с немецкого
канд. филол. наук
В. М. Лецинская

Под редакцией д-ра
мед. наук *В. М. Блейхера*

2-е издание, стереотипное

КИЕВ
ГОЛОВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
«ВЫЩА ШКОЛА»
1989

ББК 88

Л 47

УДК 615.851

Акцентуированные личности: Пер с нем. / Карл Леонгард; Предисл. и ред. В. М. Блейхера.— 2-е изд. стер.— К.: Выща шк. Головное изд-во, 1989.— 375 с.— ISBN 5-11-001299-7.

Монография состоит из двух частей. В первой части дан психологический и клинический анализ акцентуированных личностей, т. е. людей со своеобразным заострением свойств личности и особым реагированием. Вторая часть является как бы иллюстрацией к первой, т. е. в ней проводится характеристический анализ героев классических произведений мировой литературы свыше тридцати писателей: Толстого, Достоевского, Гоголя, Шекспира, Сервантеса, Бальзака, Гете, Стендаля и др.

Книга предназначена для врачей-психиатров, студентов старших курсов медицинских и педагогических институтов, психологов, педагогов, всех интересующихся проблемой психологии личности.

Библиогр.: 255 назв.

Переведено с издания:

Karl Leonhard. Akzentuierte Persönlichkeiten.

VEB Verlag Volk und Gesundheit

Berlin 1976.—328 S.

Предисловие В. М. Блейхера

Редакция литературы по медицине и физической культуре

Редактор А. Е. Замяткина

Л $\frac{0303020000-106}{M211(04)-89}$ 335-89

ISBN 5-11-001299-7

© VEB Verlag Volk und Gesundheit
Berlin, 1976

© Перевод на русский язык,
предисловие. Издательское
объединение «Выща школа», 1981

Книга К. Леонгарда «Акцентуированные личности» на русском языке первым изданием вышла в 1981 г. Она была с большим интересом встречена советским и зарубежным читателем. Об этом свидетельствуют рецензии, опубликованные в специальной периодической печати («Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова», 1982, № 6; болгарский журнал «Неврология, психиатрия и неврохирургия», 1984, № 1), откликнувшись на их приход в общественно-публицистические издания. В частности, рецензия на книгу К. Леонгарда была опубликована в журнале «Новый мир» (1983, № 1), автор ее режиссер московского театра Ю. А. Мочалов. Читатель, письмо которого опубликовано в журнале «Огонек» (1988, № 17), называет ее настоящей книгой учителя и врача. Это неудивительно. Разработанный К. Леонгардом концепция акцентуированных личностей позволяет широкому кругу читателей углубленно познавать природу человеческой личности.

Написанные вначале множество писем с просьбой переиздать книгу, результатом чего и явилось настоящее издание. Заключены также разговоры о выстатке книги на русском языке в Польше и Народную Республику.

Конечно, особенный интерес эта книга представляет все же для психиатров. Концепция акцентуированных личностей излагается в некоторых рукописях по психологии и медицинской психологии, привлекается для изучения ряда проблем пограничной психиатрии. Исследуются роль акцентуации личности в генезе неврозов, психопатий и психосоматических заболеваний (язвенной болезни желудка и бронхиальной астмы, ишемической болезни сердца).

Любое новое исследование, тем более зарубежного автора, в области пограничной психиатрии представляет интерес не только в методологическом-эмпирическом аспекте, но и в сравнении с уже известными у нас работами этого плана и, в первую очередь, с классическим трудом П. Б. Ганнушкина «Клиника психопатий, их этиология, диагностика и систематика» (1933).

Сравнение взглядов П. Б. Ганнушкина и К. Леонгарда по вопросам пограничной психиатрии могло бы послужить предметом специального исследования. Остановлюсь лишь на нескольких моментах П. Б. Ганнушкина, перекликающихся с положениями К. Леонгарда. Это, во-первых, положение о том, что психо-

патическая личность со всеми ее особенностями не может рассматриваться как данная уже в момент рождения и не изменяющаяся в течение жизни; во-вторых, указание на редкость однотипных психопатий и большую частоту переходных, смешанных форм, отличающихся чрезвычайным полиморфизмом проявлений и богатством оттенков; в-третьих, подчеркивание в динамике психопатий значения количественной стороны их изучения, т. е. определения степени психопатии.

П. Б. Ганнушкин указывал, что при количественной оценке динамики психопатии речь может идти не только об интенсивности всей клинической картины в целом, но и в ряде случаев о выпячивании отдельных психопатических черт, особенностей, зависящих от внешних условий.

В связи с этим П. Б. Ганнушкин выдвинул положение о латентных, или компенсированных, психопатиях. Разницу между ними и клинически явными психопатиями он видел в жизненном (!) проявлении последних, т. е. в том синдроме, который в современной психиатрии обозначается как социальная дезадаптация.

Книга П. Б. Ганнушкина посвящена клинике психопатий, в ней подвергнуты специальному изучению проявления латентных психопатий, являющихся не чем иным, как проявлением акцентуации личности в понимании К. Леонгарда.

Концепция акцентуации личности была использована А. Е. Личко и его сотрудниками при изучении характера подростков, особенно отклонений в их поведении. Автор этих строк с сотрудниками на основе данной концепции изучал особенности пациентов, страдающих психосоматическими заболеваниями, их преморбидное состояние, возможность выявления путем скрининга лиц, подверженных психосоматической патологии.

В книге К. Леонгарда читатель найдет исключительно тонкие клинические описания акцентуированных личностей, познакомится с анализом сложных и имеющих большое практическое значение случаев комбинированных акцентуаций, проследит динамику акцентуации личности как в сторону психопатии, так и в положительную сторону, не приводящую к явлениям социальной дезадаптации. Эта книга дает возможность проникнуть в исследовательскую лабораторию К. Леонгарда, в которой на первом плане оказываются наблюдение (я бы сказал наблюдательность) и клинико-психологическое исследование, оцениваемое автором выше каких бы то ни было опросников и анкет.

В процессе подготовки второго русского издания пришла печальная весть: профессор К. Леонгард в апреле 1988 г. скоропостижно скончался на 85 году жизни. Он прожил большую жизнь ученого и труженика. Книги, написанные К. Леонгардом, переведены на другие языки — итальянский, английский, японский, русский, румынский. В настоящее время издательство «Выща школа» подготавливает перевод на русский язык последнего, шестого, издания книги о систематике эндогенных психи-

зов (в этом издании она будет называться «Систематика эндогенных психозов и их дифференцированная этиология»).

Мне довелось в течение 10 дней близко общаться с проф. К. Леонгардом в январе 1988 г. Однажды, говоря о своих исследованиях, он произнес слова: «моя психиатрия». Я подумал, что он имел для этого все основания: нет ни одного раздела психиатрии, который бы К. Леонгард не осветил по-своему, не обогатил оригинальной творческой концепцией.

Он был исключительно ученым-клиницистом, сочетавшим огромное теоретическое знание предмета с умением исследовать больного, анализировать ход заболевания.

Я присутствовал на его клинических разборах. Думаю, что среди этих разборов, а их обстоятельно, почти стенографически записывала многолетняя сотрудница проф. К. Леонгарда З. фон Тростерова (читателям его книг она известна по многочисленным статьям на ее работы и приведенным для иллюстрации основным положениям клиническим наблюдениям), могли бы составить интереснейшую книгу. Книгу, которая учила бы врачей-психиатров тому, как обследовать больного, изучать течение болезни у него, проводить дифференциальную диагностику, устанавливать окончательный диагноз. Книгу, которая бы учила психиатрической прогноктике.

Какими больные К. Леонгард смотрел не менее часа, не обремененный при этом усталости и не утрачивая интереса к личности больного. Больные, которых он смотрел повторно, воспринимали его уже как близкого им человека, все о них знающего и все понимающего. Гораздо тонкость, я бы сказал — отточенность, индивидуальностического метода. Я наблюдал проф. К. Леонгарда в общении со своими молодыми коллегами в психиатрической клинике Шарите, которой он много лет руководил, и в центральной берлинской психиатрической больнице им. Э. Бриннера — их отношение к нему определялось не разницей в возрасте, это был авторитет Учителя, в нем чувствовалось то уважение, которое сам К. Леонгард испытывал к своему учителю — Эрсту Блейхеру.

К. Леонгард не был человеком, замыкнувшимся в своей высокой профессиональной ответственности. Он проявлял глубокий интерес к общественной жизни, был большим знатоком искусства. Вспомогая, в последнем читатель легко убедится, знакомство со второй частью книги «Акцентуированные личности». Мне было особенно приятно убедиться в том, насколько глубоко знал и выжил роман К. Леонгард творчество Ф. М. Достоевского, А. Н. Толстого, А. П. Чехова.

Книжка, которую представит большой интерес не только для специалистов, занимающихся вопросами психиатрии и психологии с ней связ, но и для студентов медицинских и психологических институтов, всех интересующихся проблемой психологии личности.

В. М. Блейхер

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ

Ряд моих книг уже переведен на другие языки, но я полагаю, что перевод на русский язык моих «Акцентуированных личностей» обеспечит особенно тесный контакт автора с другим народом. Мысль эта станет понятной читателю, когда он ознакомится с содержанием II части данного труда, в которой я обращаюсь к великим писателям-психологам. К величайшим среди них принадлежат русские писатели Толстой и Достоевский. Толстой доносит до нас своеобразие таких душевных реакций, которые без психологической глубины его подхода вряд ли оказались бы вообще раскрытыми в художественной литературе, хотя они глубоко человечны и играют существенную роль в поведении личности в целом. У Достоевского с исключительной силой показаны различия в поведении разных людей. Акцентуированные личности, представляющие при деловом профессиональном описании не более, чем чисто научный интерес, благодаря Достоевскому делаются близкими нам, мы воспринимаем их более непосредственно, зримо.

Некоторым критикам персонажи Достоевского представлялись патологическими. Однако это мнение основано на недоразумении: именно в силу того, что Достоевский изображал психологию и поступки людей столь образно, столь захватывающе, им и приписывался патологический характер. На самом же деле поведение всех его героев есть поведение людей совершенно нормальных. В моей книге цитируется следующая мысль Достоевского, который касался и данного вопроса: «Писатели в своих романах и повестях большею частью стараются брать типы общества и представлять их образно и художественно,— типы чрезвычайно редко встречающиеся в действительности целиком, хотя они тем не менее еще действительнее самой действительности».

В I части книги я не мог говорить с читателем, создавая художественные образы, ибо я только ученый, не более. И все же я постоянно стремился и здесь не быть голословным, конкретно подтверждать теоретические рассуждения наглядными примерами, взятыми из жизни. Лишь при таком методе читатель способен полностью охватить все, сказанное автором. Эта наглядность изложения представляется особенно важной при переводе на другой язык. Теоретические положения не всегда могут быть адекватно переведены на иностранный язык, иногда они несколько отходят от оригинала, зато описания конкретных лиц и ситуаций в переводе недвусмысленны и сразу всем понятны, они от оригинала ничем не отличаются.

Я придаю большое значение исходному определению своей темы: данный труд посвящен личностям не патологическим, а нормальным, хотя и акцентуированным. Если изображение их порой так ярко и выразительно, что создается впечатление патологичности описываемых людей, то это связано лишь с намере-

или того или иного автора как можно более резко подчеркнуть индивидуальность личностные черты. Именно это и дает мне право сказать на вышеприведенную мысль Достоевского.

Радует меня тот факт, что в своих научных поисках я не один, что я солидарен с советскими учеными, преследующими те же цели анализа и определения личности.

Надеюсь, что благодаря опубликованию перевода этой книги взаимоотношения с советскими учеными станут еще теснее, чем были до этого. Этим сожалеаю я и хотел бы закончить предисловие к русскому переводу «Акцентуированных личностей».

Карл Леонгард

ПРЕДИСЛОВИЕ К ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Замечания акцентуированных личностей, излагаемая в данной книге, основана на монографии «Нормальные и патологические личности», написанной обою вместе с моими сотрудниками и вышедшей в 1964 г. (VEB, Издательство «Volk und Gesundheit»). На этой монографии заимствовано и много отдельных выписок нормальных и патологических личностей, в связи с чем в начале своем сотрудникам искреннюю благодарность.

Во втором издании внесены ряд исправлений и дополнений. В частности, книга дополнена описанием тех акцентуированных личностей, которые впервые описаны в художественной литературе. На эту тему значительно расширена ее вторая часть.

Бонн, март 1975

Карл Леонгард

При оценке данной книги, пожалуй, скорее всего можно упрекнуть меня в том, что, говоря об основных чертах человеческой личности, я не привлекаю случаев из существующей обширной литературы по психиатрии и психологии. В свое оправдание приведу два момента. Первый из них чисто внешний: когда объем книги заведомо ограничен, то, вероятно, целесообразнее приводить материал, полученный и отобранный автором в результате личных наблюдений, а не те общеизвестные факты, на которых основывали свои выводы другие исследователи. Любому психиатру известны имена ученых, занимавшихся диагностикой личности, в первую очередь Кречмера, Эвальда, Курта Шнайдера, Петриловича. Каждый психолог знает наперечет все выдающиеся труды по психологии, а также и случаи, использованные в них в качестве примеров. Едва ли необходимо заниматься реферированием уже известного.

Кроме этого соображения существует и сугубо внутренняя причина. Моя методика изучения личности, на которой дальше я остановлюсь подробнее, отличается от других методик. Правда, и я исхожу из обычного в психиатрии обследования поступающих в клинику лиц путем расспроса, однако мои вопросы сориентированы иначе, так как преследуют особую цель. Из-за своеобразия методики мне трудно было бы подвести результаты своих исследований под один знаменатель с результатами, полученными другими авторами. Я был бы вынужден постоянно оговаривать, что я имею в виду то же, что и цитируемый ученый, или, наоборот, что его оценку полученных данных я не совсем разделяю. Такое постоянное внесение коррективов было бы не только утомительным, но и малопродуктивным.

Полагаю, что возможные недочеты изложения, связанные с недостаточным привлечением материалов других специалистов, будут компенсированы широким привлечением литературы другого плана: я намереваюсь проиллюстрировать и подкрепить свои соображения о структуре личности образами художественной литературы. В связи с этим будут процитированы многие произведения художников слова. Здесь я позволю себе небольшой упрек в адрес других специалистов. В художественной литературе мы в изобилии находим замечательные описания психологии человека, которые следовало бы уже давно использовать

и в своей науке. Великие писатели одновременно являются и выдающимися психологами. Особенно убедительные результаты дает изучение психологии героев литературных произведений при рассмотрении человека как индивидуальности. Таким образом, исследование вопроса психологии человека в художественной литературе, я в какой-то мере наверстываю упущенное и в то же время получаю возможность значительно расширить реальную основу для выдвигаемых мной положений.

А именно, большая часть публикуемых здесь материалов — это непосредственные наблюдения, собранные автором и его коллегами в книге «Нормальные и патологические личности». Из случаев, выделенных моими коллегами, в настоящую книгу включены лишь те, с которыми я знаком; форму описания я при этом не менял. В книге описаны также ряд новых, еще неопубликованных случаев.

Я убежден, что мы не достигнем должной глубины при изучении структуры личности, если будем основываться на одних лабораторных исследованиях или на экспериментальных исследованиях. Необходимо обследовать человека как такового, как он существует в жизни — это позволит проверить данные и теории, в экспериментах. Поэтому особую свою задачу я усматриваю в том, чтобы дать как можно больше примеров из жизни с их тщательным объяснением таких людей, которые в силу особой структуры личности постоянно вступают в конфликт со своим окружением. Только то, что может быть выведено из непосредственных наблюдений или живыми людьми и их поступками, может считаться действительно достоверным. И в первую очередь здесь имеют в виду психологию личностей, называемых

ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Люди различаются между собой не только акцентуированными чертами. Даже не обнаруживая черт, выделяющих личность на фоне среднего уровня, люди все же несходны между собой. Имеются в виду те особенности, которые придают человеку как таковому индивидуальные черты. Если мы задались целью понять, что же такое акцентуация личности, необходимо познать эти отличительные черты.

ЧЕЛОВЕК КАК ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И КАК АКЦЕНТУИРОВАННАЯ ЛИЧНОСТЬ

Людей отличают друг от друга не только врожденные индивидуальные черты, но также и *разница в развитии*, связанная с течением их жизни. Поведение человека зависит от того, в какой семье он вырос, в какой школе учился, кто он по профессии, в каком кругу вращается. Два человека с натурами, первоначально сходными, могут впоследствии иметь весьма мало общего между собой, а, с другой стороны, сходство жизненных обстоятельств может выработать сходные черты и реакции у людей, в корне различных.

Так называемые жизненные типы, например тип служащего, офицера, коммерсанта, ученого, учителя, официанта, формируются благодаря тому, что определенное положение или должность накладывают отпечаток на образ жизни. Конечно, этому часто способствует тот факт, что заложенная в человеке природой тенденция взаимодействует с избранной профессией, более того, человек и определенную профессию часто избирает именно потому, что она соответствует его индивидуальным склонностям. Отпечаток, о котором идет речь, у взрослого человека не может серьезно отразиться на диагностике личности, ведь внешние формы поведения в гораздо большей степени определяются приобретенными привычками, чем проявлением внутренней направленности. Так, например, у учителя известная уверенность в себе, самоуверенность естественны, поскольку он привык играть важную роль в детском коллективе. Совсем другое впечатление производит человек, самоуверенность которого не обусловлена его профессией. Кстати, наряду с уверенностью в себе учитель может обладать безусловной скромностью. Или возьмем офицера, отличающегося исключительной дисциплинированностью.

тью, аккуратностью. Такая черта в военном более оправдана, чем из ряда вон выходящий педантизм, заложенный в самой натуре человека.

Обычно поведение, связанное с профессиональной привычкой, не смешивают с поведением, отражающим внутреннее своеобразие человека. Иное дело, если черты большого своеобразия проявились уже в раннем детстве. Тут бывает трудно установить, насколько глубоко это своеобразие отразилось на структуре личности взрослого.

Я должен оговориться, что вопрос происхождения акцентуированных черт личности не является в данной работе предметом особого внимания: эти черты занимают нас лишь в том виде, в каком мы непосредственно наблюдаем их у обследуемых лиц. Например, можно считать установленным, что у любого человека в натуре заложено желание заслужить похвалу, одобрение, что любой человек не чужд чувства жалости. Вполне возможно, что впечатления детского возраста наложили определенный отпечаток на особенности проявления этих черт у взрослого. Однако бесспорно одно: и склонности, и направленность интересов человека исходят извне. В какую сторону направлены честолюбивые помыслы человека, зависит исключительно от внешних стимулов. Двое одинаково честолюбивых людей могут быть злейшими врагами в силу того, что ставят себе прямо противоположные цели. По-разному может быть направлено и чувство долга. Какое именно направление избирается человеком, во многом зависит от общества, в котором он живет. Точно так же врожденная направленность интересов и склонностей ни в коей мере не представляет воспитательному воздействию. Более того, именно врожденная направленность и есть основа воспитания, без нее воспитание вообще невозможно. Если бы в человеке не была заложена тенденция к формированию чувства долга, то при помощи воспитания нельзя было бы побудить его делать одно и не делать другого.

Люди отличаются друг от друга независимо от того, каким путем такое отличие возникает. Точно так же, как по внешности один человек всегда отличается от другого, так и психика каждого человека отличается от психики других людей.

И вот на основе обобщения индивидуальных черт, мы не представляем ни себе ни другой-то несоборимый ряд возможностей, вдобавок еще и с количеством переходов: не может быть и речи о безличности неповторимых индивидуальных черт. Можно выдвинуть следующую тезис: основные черты, определяющие индивидуальность и характер человека, весьма многочисленны, но все же их число нельзя считать неограниченным.

Черты, определяющие индивидуальность человека, могут быть отнесены к различным психическим сферам.

Назовем прежде всего сферу, которую правильнее всего было бы обозначить как *сферу направленности интересов и склонностей*. Некоторые интересы и склонности носят характер эгоис-

тический, другие, напротив, альтруистичны. Так, один человек может все подчинять жажде наживы или обладать непомерным тщеславием, другой — отзывчив, добр, у него высоко развито чувство гражданской ответственности. К этой же сфере относятся и чувство справедливости, боязливость или ненависть к человеку. Если одно из этих свойств психики очень ярко выражено или, напротив, мало развито, то есть основания говорить о них как об индивидуальных чертах человека, т. е. яркую выраженность описываемых индивидуальных черт еще нельзя считать основной причиной акцентуации личностей, которые неизменно чем-то выделяются на фоне людей среднего уровня.

Легко установить, что отклонения в ту или иную сторону у личностей неакцентуированных всегда находятся в пределах общечеловеческих норм. Эти черты, заложенные в человеке от природы, именно вследствие своей общечеловеческой значимости составляют настолько крепкий остов, что особого индивидуального «разнобоя» обычно не наблюдается. Не исключены, конечно, *вариации человеческого реагирования*: бывают люди более или менее эгоистичные или альтруистичные, более или менее тщеславные, более или менее сознательно относящиеся к своему долгу. Таким путем, т. е. на фоне вариаций в сфере направленности интересов и склонностей, возникают различные индивидуальности, но их еще нельзя отнести к акцентуированным личностям.

Вторую сферу можно обозначить как *сферу чувств и воли*. Характер внутренней переработки явлений также определяет значительные индивидуальные различия. В результате возникают модификации индивидуальности и характера. Речь идет о самом процессе протекания эмоций, о скорости, с которой они овладевают человеком и затем ослабевают, о глубине чувства. Сюда же входят и виды волевых реакций, к которым мы относим не только слабость или силу воли, но также и внутреннюю волевою возбудимость в плане холерического или флегматического темперамента. Свойства этой эмоционально-волевой сферы также в той или иной мере обуславливают различные вариации поведения, наделяя людей специфическими индивидуальными чертами. Однако и они не определяют сами по себе личность, которая отчетливо выделялась бы на среднем фоне.

Третья сфера связана с интеллектом, который обычно не включают в понятие личности. Существует, однако, область ассоциативных чувств (цит. соч., с. 117—140)¹, в которых заложено начало таких черт личности, как заинтересованность, стремление к упорядоченности. Данная сфера может быть названа *ассоциативно-интеллектуальной*. Такую черту человека, как любовь к порядку, нельзя сразу же категорически определять как

¹ В дальнейшем при указании «цит. соч.» я имею в виду книгу «Биологическая психология», в которой освещен целый ряд принципиальных положений, относящихся к данному изложению, повторять которые здесь считаю нецелесообразным. Указанная книга цитируется по 4-му изданию.

потребность аванга в упорядоченности. Сплошь и рядом эта черта является лишь одним из индивидуальных проявлений ас-
пективно-интеллектуальной сферы, которое отнюдь не должно
связываться с чертами акцентуации личности.

Чтобы познать сущность человека, необходимо пристально
присмотреться к свойственным ему различным чертам назван-
ной сферы. Я попытаюсь проиллюстрировать в
дальнейшем особенности акцентуированных личностей конкрет-
ными примерами из жизни. Точно так же следовало бы посту-
пить и в отношении перечисленных вариаций человеческой ин-
дивидуальности. Но даже при желании это нелегко сделать.
Специфические свойства, о которых здесь говорилось, не так бро-
саются в глаза, чтобы их можно было убедительно подтвердить
каким-либо конкретным материалом. Ни наблюдения, ни беседы с лю-
дьми не позволяют объективно познать и определить упомяну-
тые черты личности. Зато их можно очень явственно предста-
вить себе, если рассмотреть на человека изнутри. Именно такую
возможность дает нам искусство. Они не только изображают
человека внешне, но и передают его слова и даже вы-
сказывания в себе самом, но нередко сообщают нам и то, о чем
он сам думает, что чувствует и чего желает, показывая внут-
реннее состояние и поступки. У персонажей художественных
произведений можно выявить весьма тонкие индивидуальные ва-
риации. Если человек проявляет боязливость или самоуверен-
ность, экспансивность или чувство справедливости, либо даже не
проявляет этих качеств сам себе их приписывает, то трудно с
уверенностью сказать, действительно ли он границы нормальных
пределов. Но зато мы встречаем у писателя персонаж, у кото-
рого проявляются различные черты, выписанный талантливо, со
всей его силой и силой, это в большинстве случаев дает
возможность беспристрастно рассмотреть проявление одной из сфер
личности. Если персонажи художественной литерату-
ры дают нам возможность рассмотреть индивидуальные вари-
ации личности.

Но когда мы пытаемся установить связь между чертами, фор-
мирующими индивидуальность личности, и чертами, определяю-
щими ее индивидуальность человека. Колебания здесь
зависают в духе индивидуальности. Прежде всего, особенности
личности, или индивидуальности, или индивидуальности лич-
ности могут быть выявлены в человеке столь незначительно,
что индивидуальность как таковая не имеет места, можно лишь кон-
статировать наличие некоего «трафаретного» образца. Особенно
трудно это сделать при определении тех или иных
особенностей личности, представляющих все промежуточные ступе-
ни от полной выходя из точки нейтральной. Акцентуация всегда
в области индивидуальности усиление степени определенной черты.
Эта черта личности, таким образом, становится акцентуиро-
ванной.

Качество черты невозможно строго дифференцировать, т. е.
трудно установить, относятся они к ряду акцентуаций или лишь

к индивидуальным вариациям личности. Например, если говорить о *честолюбии*, то следует прежде всего определить, относится оно к сфере интересов и склонностей или является чертой акцентуированного застревания. Последнее определение возможно при яркой выраженности данной черты: твердолюбый, слепой карьеризм вряд ли можно отнести к сфере направленности интересов. Кроме того, застревание никогда не проявляется одним только честолюбием, к нему присоединяются повышенная чувствительность к обидам и сильно выраженная злопамятность.

С подобным же положением мы сталкиваемся, наблюдая яркие проявления *чувства долга*. Его можно отнести к сфере направленности интересов и склонностей, но можно усматривать в нем и черту, свойственную ананкастам. Дифференциация должна учитывать следующие моменты: в случаях, когда чувство долга — просто характерологическая особенность, человек отличается ровным, спокойным поведением, его преданность долгу лишена напряженности и является чертой как бы само собой разумеющейся; у ананкаста же чувство долга сопряжено с беспокойством, постоянными вопросами о том, достаточно ли самоотверженно он поступает.

Весьма интересно и существенно с психологической точки зрения то, что застревающие личности обнаруживают *проявления эгоистических чувств* (честолюбия, болезненной обидчивости), а педантические — *проявления альтруистических*, в частности чувство долга. Следует подчеркнуть, что черты застревания взаимосвязаны в основном с эгоистическими чувствами, а черты сомнения, постоянных колебаний (ананкастические) — с чувствами альтруистического порядка. Чем больше человек колеблется в своих решениях, тем сильнее альтруистические чувства завладевают сознанием и воздействуют на принятие решения.

Еще больше бросается в глаза контраст при сравнении ананкастической личности не с застревающей, а с истерической, поскольку истерики еще в большей мере склонны к эгоизму. Они часто принимают необдуманные решения, редко взвешивают свои поступки, оставаясь в эгоистическом кругу направленности интересов, который им ближе (см.: цит. соч.).

Ананкастические и истерические черты пересекаются и с другими чертами индивидуальности. Я уже и прежде занимался вопросом о том (см.: цит. соч., с. 218—219), не является ли *длительное раздумывание* при принятии решения легкой формой ананкастической предрасположенности или же это просто один из свойств сферы чувства и воли. Параллельно с этим я пытался также установить, является ли *готовность к необдуманным действиям* выражением слегка истерического уклона или же ее следует расценивать как самостоятельное проявление свойства из сферы чувства и воли. Имеются и другие неясности такого рода.

Сильно развитая область эмоций у человека активизирует

альтруистические чувства — чувство сострадания, радости за чужую удачу, чувство долга. В гораздо меньшей мере в подобных случаях развиты стремление к власти, алчность и корыстолюбие, возмущение, гнев в связи с ущемлением самолюбия. Для импulsive натуры особенно характерно такое свойство, как *социальность*, но оно может развиться и на другой почве.

Не обнаруживает единой генетической основы и такая черта личности, как *тревожность* (*боязливость*). В нормальной степени *боязливость* свойственна многим людям, но она может стать возмущающей, накладывая свой отпечаток на все поведение человека. В этих случаях нередко обнаруживается и физическая основа данного состояния *в виде повышенной возбудимости вегетативной нервной системы*, которая, воздействуя на сосудистую систему, может привести к физическому чувству стесненности сердца в груди. Вероятно, лишь в последнем случае констатируется *патологическое расширение* границы средних проявлений *боязливости* и вызвать акцентуацию личности.

Из-за большого количества пересечений некоторые специалисты считают, что, рассматривая индивидуальные черты людей, следует отказаться от всяких классификаций и лишь в общем виде описывать наблюдаемое. Я придерживаюсь иной точки зрения, и следовательно, могу ожидать упрека в попытках *навязать* в науку то, что не поддается четкому определению. *Я считаю и убежден, что существуют основные черты человеческого индивидуальности, существуют объективно и что в силу этого можно и можно стремиться к их выделению и описанию.* *Безусловно, это связано с большими трудностями, ведь речь идет не о том, чтобы приспособить разрозненный материал к более или менее определенной схеме, а о том, чтобы вскрыть объективные черты личности, лежащие в основе понятия «личность» черты, которые не являются их многочисленных пересечений.*

Важнейшими чертами далеко не так многочисленны, как первоначально представляется. Акцентуация — это, в сущности, не не индивидуальные черты, но обладающие тенденцией к перекосу в патологическое состояние. Аванкастические, параноидальные и истерические черты могут быть присущи в какой-то мере, естественно, любому человеку, но проявления их так ничтожны, что они ускользают от наблюдения. При большей выраженности они приобретают отпечаток на личность как таковую и, конечно, могут приобретать патологический характер, разрушая структуру личности.

Личности, обозначаемые нами как акцентуированные, не являются патологическими. При ином толковании мы бы вынуждены были прийти к выводу, что нормальным следует считать только среднего человека, а всякое отклонение от такой середины (предела нормы) должны были бы признать патологией. Это трудно бы нас вывести за пределы нормы тех личностей, которые своим своеобразием отчетливо выделяются на фоне среднего уровня. Однако в эту рубрику попала бы и та категория лю-

дей, о которых говорят «личность» в положительном смысле, подчеркивая, что они обладают ярко выраженным оригинальным психическим складом. Если у человека не наблюдаются проявления тех свойств, которые в «больших дозах» дают паранойяльную, ананкастическую, истерическую, гипоманиакальную или субдепрессивную картину, то такой средний человек может безоговорочно считаться нормальным. Но каков в таком случае прогноз на будущее, какова оценка состояния? Можно сказать, не колеблясь, что такого человека не ожидает неровный жизненный путь существа болезненного, со странностями, неудачника, однако маловероятно и то, что он отличится в положительном отношении. В акцентуированных же личностях потенциально заложены как возможности социально положительных достижений, так и социально отрицательный заряд. Некоторые акцентуированные личности предстают перед нами в отрицательном свете, так как жизненные обстоятельства им не благоприятствовали, но вполне возможно, что под влиянием других обстоятельств они стали бы незаурядными людьми.

Застревающая личность при неблагоприятных обстоятельствах может стать несговорчивым, не терпящим возражений спорщиком, но если обстоятельства будут благоприятствовать такому человеку, не исключено, что он окажется неутомимым и целеустремленным тружеником.

Педантическая личность при неблагоприятных обстоятельствах может заболеть неврозом навязчивых состояний, при благоприятных — из нее выйдет образцовый работник с большим чувством ответственности за порученное дело.

Демонстративная личность может разыграть перед нами реальный невроз, при иных обстоятельствах она способна выделиться выдающимися творческими достижениями. В целом при отрицательной картине врачи склонны усматривать психопатию, при положительной — скорее акцентуацию личности. Подобный подход в достаточной мере оправдан, поскольку легкая степень отклонений связана чаще с положительными проявлениями, а высокая — с отрицательными.

Обозначение «патологические личности» следовало бы применять лишь в отношении людей, которые отклоняются от стандарта и тогда, когда внешние обстоятельства, препятствующие нормальному течению жизни, исключаются. Однако необходимо учитывать различные пограничные случаи.

Жесткой границы нет и между нормальными, средними людьми и акцентуированными личностями. Здесь также не хотелось бы подходить к этим понятиям слишком узко, т. е. неверно было бы на основании какой-либо мелкой особенности человека тотчас же усматривать в нем отклонение от нормы. Но даже при достаточно широком подходе к тому, какие качества можно считать стандартными, нормальными, не бросающимися в глаза, все же существует немало людей, которых приходится относить к акцентуированным личностям. Согласно обследованиям, про-

веденным в Берлинской клинике Зитте среди взрослых и Гутьяром среди детей, население нашей страны, во всяком случае население Берлина, это на 50 % акцентуированные личности и на 50 % — стандартный тип людей. В отношении населения какого-либо иного государства данные могут оказаться совершенно другими. Немецкой национальности, например, приписывают не только такую лестную черту, как целеустремленность, но и довольно неприятную — карьеризм. Может быть, этим можно объяснить, что Зитте нашла среди обследованных ею людей много застревающих и педантических личностей.

Ниже я подробно излагаю свое понимание акцентуированной личности. Однако, поскольку при этом я все время обращаюсь и к личностям патологическим, следовало бы детально изложить сущность моих расхождений во мнениях с некоторыми известными учеными, занимающимися идентичными проблемами. Предварительно укажу, что Бергман, занимаясь *комбинированными патологическими чертами*, отмечала, насколько наши взгляды совпадают со схемой, предлагаемой К. Шнайдером. В небольшой книжке «Детские неврозы и личность ребенка» я изложил свои взгляды по этим вопросам более полно, поэтому здесь ограничусь несколькими краткими замечаниями.

Педантические, или ананкастические, личности, которых К. Шнайдер вообще не выделяет, представляют собой, на мой взгляд, особо важную группу как в силу своей распространенности, так и в связи с очень широким масштабом отклонений от среднего уровня.

То же можно сказать и о *демонстративных, или истерических, личностях*, которые в последнее время ряд ученых тоже отчасти выделяет в особую группу. Между тем, ананкастические и истерические черты способны сильно отражаться на личности человека.

Прогностико-слабоумный я трактую несколько иначе, чем К. Шнайдер, так как наиболее существенной стороной его черты — склонность к застреванию аффекта.

Уже только в своей систематике *нестойких, неустойчивых личностей*, или *иде* в принципе не нахожу единства структуры личностей, когда читаешь о таких людях, видишь перед собой тип истерического, то эпилептоидный, то эпилептоидных личностей. Даже если бы под неустойчивостью понималось одно лишь *слабоволие*, все равно не смог бы отнести эту черту к акцентуации, а отнес бы ее только к вариациям индивидуальности: ведь *слабоволие* никогда не может достигнуть такой степени, при которой можно было бы говорить о наложении отпечатка на личность в целом. Следует отметить, что в условиях применяемой ныне диагностики неустойчивость является наиболее распространенной формой психопатии. Это связано с тем, что в понятие неустойчивости включают дополнительно еще множество *патологических черт личности*, в то же время собственно *слабоволие* сплошь и рядом к этому понятию не относят.

В главах об акцентуации личности я не рассматриваю и *бес-
чувственность*, которую иногда обозначают термином *гебоид*¹.

В этих случаях речь идет, судя по последнему термину, о латентном душевном заболевании. Что же касается обычной холодности чувств, то с нею мы сталкиваемся только при вариациях характера, а не при его акцентуации.

Гипертимические, дистимические и циклотимические личности различаются мной по Кречмеру, однако надо оговорить, что я расцениваю их как личностей, обладающих лабильным темпераментом, а поэтому постоянно колеблющихся между гипертимическим и дистимическим состоянием. *Синтонными* я считаю, напротив, таких людей, которые обладают, как правило, средним уравновешенным настроением. Из общей массы циклотимических личностей я выделяю *аффективно-лабильных*, склонных к постоянным чрезмерным колебаниям настроения как бы между двумя полюсами.

За счет области мышления и психомоторики следовало бы *увеличить количество специальных групп акцентуации темперамента*, так как некоторые лица обнаруживают особое возбуждение или торможение именно в процессе мышления, с чем связана и их психомоторика, в частности оживленность или вялость мимики. Эти явления подробно описала Тросторфф.

Более детально здесь следует заняться *интровертированными и экстравертированными личностями*, поскольку в цитируемых мной работах такой информации нет. В эти понятия я также вкладываю смысл, несколько отличный от общепринятого, хотя они и без того лишь частично сохранили содержание, которое в них в свое время вкладывал Юнг.

В моем представлении эти понятия тесно связаны с периодом переходного возраста, т. е. с периодом *формирования у ребенка психики взрослого человека* (см.: цит. соч., с. 228—237). Вкратце изложу свои взгляды по данному вопросу.

Ребенок экстравертирован: он обращен к процессам, воздействующим на его чувства, и реагирует на них соответствующим поведением, мало раздумывая. Взрослый, по сравнению с ребенком, интровертирован: его гораздо меньше занимает окружающее, внешний мир, реакции его гораздо менее непосредственны, он имеет обыкновенные предварительно размышлять над поступком. При экстравертированности в мыслях и в поведении преобладает *мир восприятий*, при интровертированности — *мир представлений*. У экстравертированного взрослого человека *радость принятия решения* гораздо интенсивнее, ибо он больше сосредоточен на внешнем, окружающем его мире и поэтому

¹ Гебоид — термин, предложенный Кальбаумом (1889) для обозначения изменений личности по психопатическому или психопатоподобному типу, наблюдающихся в юношеском возрасте и характеризующихся склонностью к асоциальным поступкам. Гебоидная симптоматика, по современным представлениям, встречается в рамках психопатии или относительно мягко протекающей шизофрении (гебоидофрения. — Прим. ред.).

значительно меньшей степени рассуждает, взвешивает различные возможности; у интровертированного — преобладает тенденция предварительно обдумывать и оценивать решения. Для экстравертированного человека характерно проявление чисто внешней активности, не зависящей от мыслительных процессов, т. е. значительно большая импульсивность поведения: эта черта также сродни детской психологии. Нерешительность интровертированного человека связана с усиленной работой мысли, но, несмотря на это, он менее способен ощутить радость в связи с принятым решением.

В детском возрасте экстравертированность у обоих полов имеет одинаковую форму выражения. В отроческом возрасте переход к интровертированности у мальчиков носит значительно более резкий характер, чем у девочек. Поэтому женщина всегда больше связана с объективными событиями жизни, больше зависит от них и в большинстве случаев обладает более практичным умом. Однако принять необдуманное решение, наделать ошибок, и действовать, не взвесив последствий, — это всегда реальная опасность для нее. Мужчина лучше понимает взаимосвязь явлений и истинные, не всегда очевидные причины их, он больше склонен к обобщениям, его мысль работает в соответствующем направлении более эффективно. Опасность же для мужчины заключается в том, что он пускается в теоретические размышления и упускает те возможности, которые требуют незамедлительных действий. Вследствие этого различия нельзя одинаково рассуждать о ценностно ориентированную экстравертированность и интровертированность у мужчин и у женщин. То, что для женщины является нормой, для мужчины — экстравертированность, и наоборот, то, что у мужчин следует считать нормой, у женщин надо рассуждать как интровертированность.

Различие в экстравертированном плане может быть менее реальным и менее объективным, чем в интровертированном, особенно по отношению к тем, которые после основательного и всестороннего исследования, всегда бывает более здравым, трезвым. В беседе с Юнгом, когда он говорит: «Экстравертированные люди ориентированы на данные конкретные факты, интровертированный человек вырабатывает собственное мнение, которое не так бы «отталкивалось» назад самим собой и объективной данностью».

Остановившись на том, о чем Юнг пишет дальше: «Говоря об интровертированности, нужно иметь в виду еще и другой тип личности, который, собственно, еще скорее может подойти под понятие рефлексии, а именно тип, который не ориентируется ни на конкретный объективный опыт, ни на общие идеи, получаемые посредством объективных выкладок».

Итак Юнг здесь приходит к выводу, что не только конкретная ориентация на объект исключает интровертированность, но и такие идеи, которые «отталкиваются от объекта». Вначале Юнг говорил, что экстравертированный человек приемлет объ-

активную действительность такой как она есть, интровертированный же внутренне перерабатывает ее; в последующем он выдвигает положение, согласно которому интровертированный человек вообще все объективное воспринимает под субъективным знаком: «Я применяю термин «субъективный фактор» по отношению к тем психологическим акциям и реакциям, которые, испытывая воздействие объекта, порождают новый факт психического порядка».

Далее еще яснее излагается, что именно представляет собой мышление в интровертированном плане: «Нельзя отрицать в подобных случаях, что идея берет свое начало в неясном и сумрачном символе. Такой идее присущ некий мифологический характер: в одном случае эту идею истолковывают как проявление оригинальности, в другом, худшем, — как чудачество. Дело в том, что архаический символ для специалиста (ученого), незнакомого с мифологическими мотивами, всегда кажется завуалированным». Конкретно это означает, что немалое количество идей можно связать только с экстравертированностью. Кроме того, читаем: «В процессе практического мышления у коммерсанта, техника, естествоиспытателя мысль не может не быть направлена на объект. Не столь ясной представляется картина там, где речь идет о мышлении философа, занимающегося областью идей. В этом случае необходимо прежде всего установить, не являются ли данные идеи лишь абстракциями, возникающими в процессе познания некоего объекта. Если это так, то соответствующие идеи представляют собою не что иное, как общие понятия высшего порядка, включающие в себя некую сумму объективных фактов. Если же идеи не есть абстракции из непосредственно полученного опыта, то также следует установить, не переняты ли они откуда-либо по традиции и не заимствованы ли из окружающей интеллектуальной среды. Если да, то и эти идеи относятся к категории объективной данности, а тем самым и это мышление надо будет признать экстравертированным».

Я считаю мыслительную работу естествоиспытателя экстравертированной лишь в тех случаях, когда его деятельность носит характер собирания, коллекционирования. Чем больше он мысленно перерабатывает наблюдаемое, тем более его мозговая деятельность приближается к плану интроверсии. Философу же, разрабатывающему определенные идеи, я приписываю только интровертированный характер умственной деятельности даже в тех случаях, когда ход его мысли основывается на объективных источниках или фактах.

Если я, несмотря на расхождения во мнениях с Юнгом, пользуюсь его терминологией, то это происходит по двум причинам. Во-первых, в медицинской психологии эти термины укоренились настолько больше в том значении, которое приписывается им мною. Во-вторых, при практическом подходе к вопросу не наблюдается столь большого расхождения, как в области теории. Чем конкретнее примеры, приводимые Юнгом, тем больше я склонен к

вам согласиться. Например, Юнг пишет: «Один человек, только услышав, что на улице холодно, тотчас же бросается надевать пальто, другой считает это излишним из тех соображений, что «нужно закаляться»; один восхищается новым тенором по той причине, что все «на нем помешаны», другой вовсе им не восхищается, но не из тех соображений, что он ему не нравится, а потому, что глубоко убежден: если все чем-то восхищаются, то это совсем еще не значит, что данное явление заслуживает восхищения; один поражается существующим обстоятельствам, ибо, как показывает его опыт, что-либо другое все равно невозможно, другой же уверен, что пусть такой результат был уже тысячу раз, но тысяча первый случай может повернуться по-иному». Эти противоположные типы поведения я рассматриваю под тем же углом зрения, что и Юнг.

Иногда особенности недостаточно четко разграничивают экстравертированность и интровертированность поведения с чертами темперамента. Например, гипоманиакальные личности постоянно отвлекаются, они целиком ориентированы в сторону происходящих вокруг событий, готовы в любой момент включиться в них. Их можно обозначить и как экстравертированный тип, однако их поведение лишено специфики экстравертированности.

Айзенк, у которого в диагностике личности экстравертированность и интровертированность играют первостепенную роль, не той же мерой, не избегая вышеупомянутой опасности и вовлек в свою теорию также и гипоманиакальный темперамент. Об интровертированном человеке Айзенк пишет: «Он любит пошутить, очень наблюдателен, постоянно ищет развлечений, разнообразия, он оптимист, ищет и любит смеяться. Чрезвычайно деятельный человек, человек с агрессией, часто им овладевает нетерпение. Не может не сдерживать в проявлении чувств; на него не можно никак возмущаться». В этом описании явно слышатся нотки гипоманиакального темперамента, который принципиально отличается от интровертированности интровертированной личности. Всегда оптимистичен, не склонен к пессимизму, не любящий смеяться человек никак не может быть ни интровертом, ни экстравертированным, не говоря уже об интровертированности, не так резко бросающейся в глаза. С другой стороны, гипоманиакальная личность может обладать чертами интровертированности. В дальнейшем мы приводем в пример это соответствующими примерами.

Существует еще один фактор недостаточного разграничения типов, проявляющийся в сфере контактов между людьми. Так, человек, являющийся преимущественно в мире восприятий, легко устанавливает контакт с другими людьми; тому, кто больше углублен в себя, труднее устанавливать отношения с окружающими. Однако такая зависимость наблюдается не всегда. Человек интровертированный не проявляет большой готовности включаться в общение, и все же он может быстро сдружиться с кем-нибудь, тогда как другой человек, всегда ориентирующийся на

окружение, живущий «нараспашку», при установлении контактов может испытывать трудности. В чем же причина этого? Очевидно, в установлении непосредственного понимания между двумя людьми, связанного в большой мере с *областью выразительности, экспрессии поведения*. Несомненно, у некоторых людей существует особый дар действовать на других выразительной, располагающей манерой общения, чутко понимать тончайшие оттенки чувств и настроения других. Но есть и люди, лишенные такого дара, такой чуткости. В первом случае контакт устанавливается быстро даже при наличии интровертированности, во втором — даже у экстравертированных людей установление контакта с другими происходит туго. *Способность к установлению контактов и ослабленную контактоустанавливающую функцию* часто рассматривают как нечто идентичное экстравертированности и интровертированности соответственно. Особенно часто термины *аутизм* или *шизоидный характер* расшифровываются как интровертированность плюс слабость контактов. Четкую грань между тем и другим удалось провести Тросторфф.

После сделанных мною предварительных замечаний я могу обратиться к диагностике акцентуированных личностей. Даже там, где моя методика диагностики ничем не отличается от методик других авторов, описание ее все же не будет излишним: оно покажет, каким образом можно конкретно отграничить одну акцентуированную личность от другой.

Курт Шнайдер говорил, что его схему психопатии трудно применить на практике, так как ряд отдельных черт слишком незаметно переходят друг в друга. В силу этого он в большинстве случаев предпочитает такое общее обозначение, как «психопатия». Я не раз возражал против такого подхода. В данной работе я хотел бы конкретно показать, что те акцентуированные личности, которых я предлагаю отличать друг от друга, в большинстве случаев могут быть распознаны вполне отчетливо независимо от того, идет ли речь об одной акцентуированной черте или о нескольких. Диагностика личности должна проводиться по надлежащей методике.

Методика диагностики личности

К сожалению, у нас нет пока перечня обязательных вопросов, с помощью которых можно было бы определить акцентуированные черты личности. Это объясняется тем, что задавая вопросы, мы всякий раз должны применять индивидуальный подход, проверяя, правильно ли нас понял обследуемый, постоянно пристально наблюдая его, контролируя полноценность его ответов. В этих условиях схематическая игра в вопросы-ответы бессмысленна, а *тесты* можно использовать лишь с большими оговорками.

Шмишек и Мюллер составили перечень вопросов, многие из

сторых и промежуто при диагностировании личности. Необходимо делать поправку на возможные ошибки, так как ответы, связанные с установлением акцентуации личности, могут отличаться совершенно по-разному. Так, например, на определенный вопрос, заданный дважды, один и тот же обследуемый дает противоположные ответы в зависимости от того, как он воспринял это понятие. Можно, конечно, большим количеством вопросов и возникающих вопросов постепенно свести к более определенным и однозначным, но однозначное заключение сделать нельзя, ибо невозможно предвидеть заранее сопроводительные акты поведения, способную придать разное значение тому или иному ответу. В другой работе («Выражение лица человека») в подробное описание такую важную роль играют наблюдения за мимикой обследуемого при диагностике личности. Мне еще придется вернуться к этому вопросу позднее.

Важнейшими средствами диагностики личности являются наблюдение и беседа. Если у врача есть возможность наблюдать человека непосредственно, изучать его поведение на работе и в различных обстоятельствах, в семье, среди друзей и знакомых, в кругу семьи и при большом количестве собравшихся, то, несомненно, можно получить представление о его личности. Впрочем, даже и в этих случаях остается скрытым и познается лишь для наблюдателя только внешний с наблюдаемым. Однако процесс наблюдения наблюдения над пациентами едва ли возможно даже в условиях стационара, поскольку здесь люди находятся не в тех обстоятельствах, в которых обычно проявляются особенности личности.

Очень интересны наблюдения с больными детьми, которые не связаны какими-либо рамками. Как только такой ребенок привыкнет к обстановке, он начинает «проявлять себя» гораздо выразительнее, чем взрослый больной. Вначале и ребенок стесняется новой обстановки, считая, что она обязывает к непривычному поведению, и поэтому проявляет известную боязнь. Но проходит всего несколько дней, и ребенок начинает чувствовать себя в обстановке стационара как дома. На время товарищем по палате ребенок считает не тех же больных, вместе с которыми он проходит курс лечения, и даже тех же друзей детей, с которыми он играл в доме и на улице, а в школе, с которыми можно играть, спорить и даже драться. Обычная игра в обстановке детского стационара отличается от любой другой детской игры. Разговоры в клинике, точное время подъема, сна, приема пищи расцениваются маленькими пациентами не как обязательные формальности, а так несколько видоизмененный домашний режим. Поэтому наблюдения в клинике над детьми дают гораздо более богатый материал, чем над взрослыми. Кроме того, если врач не может сам заняться наблюдениями над маленькими больными, он может получить сведения у психологов или у медсестры-воспитательницы, которые находятся с детьми постоянно. Еще больше дает наблюдение в тех случаях, когда

непосредственно при отделении есть школа, так как очень важно наблюдать детей и в школьной обстановке. Отношение взрослого человека к труду, к трудовой деятельности, столь важное для суждения о личности в целом, во время пребывания в клинике, естественно, не может выявиться; трудовая деятельность ребенка — это его отношение к школьным занятиям, его работа над домашними заданиями. Таким образом, можно определить, как ребенок справляется с поставленной перед ним задачей, как он относится к обязанностям, насколько важным стимулом является для него соревнование.

Но если у ребенка можно многие данные получить путем наблюдения, то вторая сторона диагностики, т. е. обследование, у взрослого проходит безусловно успешнее, чем у ребенка: у детей еще недостаточно выработана способность к самонаблюдению, поэтому они о себе, о своих внутренних переживаниях в состоянии дать лишь весьма поверхностные сведения. В таких случаях могут помочь расспросы родителей и воспитателей.

Один тип наблюдения в одинаковой мере важен и у детей, и у взрослых — это наблюдение над *микой, жестиком и интонациями* обследуемого. Если мы, например, хотим установить, действительно ли обследуемый испытывает чувство печали, радости, воодушевления, надежды, опасения, разочарования и т. д., как он нас в том заверяет, то одни его слова не могут служить гарантией. Но по мимике можно определить, соответствует ли то, что говорится, истине. Ничего не выражающее лицо свидетельствует о равнодушии обследуемого, вопреки его утверждениям о том, что он полон печали или надежды. Даже в тех случаях, когда при собеседовании говорят о, казалось бы, давно забытых чувствах, эта тема обязательно находит отражение в мимике, ибо чувства оживают вновь, когда о них вспоминают. Даже если в правдивости рассказа пациента можно не сомневаться, то и тогда по мимике можно определить, насколько глубоко затронуло человека описываемое им чувство, например, действительно ли потеря близкого родственника так сильно потрясла его, как он уверяет. Или наоборот, человек хочет скрыть огорчение или досаду и заявляет, что «все это давно забыто». В таких случаях по мимике нередко можно определить, что огорчение не прошло, что оно мучает человека и поныне.

Интонации также часто позволяют судить о том, что говорится, более верно, чем сами слова. Выражение, с которым произносятся фразы, модуляции голоса играют существенную роль. Иногда удается «подслушать» вздох или даже стон, которые выдают то, что словами показать не хотят. Большое значение имеет и подчеркивание мимикой и голосом того или иного слова (слов). Иногда из рассказа обследуемого мы извлекаем гораздо меньше, чем из сопровождающей рассказ мимики. О чем бы ни шла речь, мимика и интонация могут усилить или ослабить сказанное. Они же могут помочь разобраться в том, уверен ли

вырастая обследуемый в сообщаемом или кое в чем сомневается. Любое «да», любое «нет» в плане чисто словесного материала так будто однозначны, но тон и мимика позволяют предположить и другое значение, даже противоположное. Если человек говорит чуть-чуть нерешительно, если он почти незаметно разжимает слова, то это может служить знаком, что глубоко в его сознании идет конфликт в сказанном. Неуверенность выражается и внешне — мы видим вопрошающий, ищущий взгляд, слегка приоткрытый рот, свидетельствующие о том, что вопрос для высказывающего еще не доведены до конца. Тут даже не требуется особенно предварительного изучения мимики, она как бы сама сообщает о своей диагностической силе, а мы включаем полученные сведения в общее суждение об обследуемом.

Таким образом, наблюдение за мимической, жестикуляционной и физическими сторонами выразительных средств можно считать малым методом для диагностики личности. Найдутся, конечно, люди, которые сочтут эту методику малодостоверной. Я на это никогда хотел бы подчеркнуть, что наблюдения за мимикой — наиболее достоверный из всех методов, которые можно применять для диагностирования человеческой личности, ибо здесь часто глубокое содержание находит непосредственное внешнее выражение, которое также непосредственно может быть воспринято другим человеком, о чем я уже писал в своей монографии. Если, например, человек в какой-либо ситуации проявляет страх, то он не в чем не найдет столь отчетливого выражения, как в его мимике. Пусть он даже попытается подавить выражение страха, но внешне это у него получится гораздо хуже, чем попытка скрыть страх словами или какими-либо действиями. Если даже для страха незначителен, то по мимике почти безотчетливо можно сделать заключение о тревожности, боязливости обследуемого. Разумеется, нельзя точно установить и математически доказать, что определенная мимика человека свидетельствует о переживании им минут радости, печали, сомнения и т. д., но все же этот признак достоверен более, чем всякое иное наблюдение.

Еще широко известно из повседневного опыта, что человека можно познать внешне только, так как он познается нами по выражению и внешне виден человек с печальным выражением лица или счастливый в чем-то человеком, а человек, выражение лица которого обнаруживает раздражение, никогда не окажется в хорошем и спокойном расположении духа. Поскольку мы приходим в таких случаях к выводам непосредственно и иногда очень быстро, то бывает, что о личности человека, просидевшего несколько минут всего каких-нибудь две минуты, можно узнать гораздо больше, чем после тщательного обследования его с применением тестов и актов. Следует, однако, учесть, что даже после применения отличной умственной «зарядки» живость ума со временем все более бледнеет (приходит в упадок), если стимулы — пусть в иной форме — не продолжают поступать.

Можно сказать следующее: за единицу времени у человека, привыкшего активно мыслить, рождается больше мыслей, чем у другого, не привыкшего мыслить, независимо от того, у кого из обоих выше интеллект.

Достаточно посмотреть на лицо человека, чтобы составить себе суждение о том, насколько он умственно подвижен. При собеседовании, нацеленном на анализ личности, этот момент весьма важен, ибо, независимо от того, какие вопросы мы задаем и какие ответы получаем, нужно отчетливо представлять себе внутреннюю позицию человека. Особую роль она играет при определении экстра- или интровертированности личности. Например, у человека с высшим образованием, привыкшего постоянно оценивать окружающие его объекты, об интровертированности может свидетельствовать ярко выраженная склонность к продуцированию собственных идей. У человека же, не прошедшего достаточной интеллектуальной школы, особенно бросаются в глаза черты экстравертированности.

И все же необходимо признать, что мимика при детальном исследовании черт личности является не более чем превосходным вспомогательным средством. Конкретные констатации отлично подтверждаются выражением лица, но более полная картина личности выявляется при определении всевозможных реакций обследуемого.

Прежде всего, можно попросить обследуемого *высказаться о собственном отношении к своему характеру*. Мы предлагаем ему набросать свой психологический портрет, спрашиваем, как он смотрит на жизнь, как справляется с ее сложностями. Уже при одном таком самоописании можно выявить важные моменты: одни не могут смотреть на жизнь просто, другие отличаются чрезмерной чувствительностью и возбудимостью, у третьих жизнь протекает спокойно, они любят общество, веселье. Если по мимике и по модуляции голоса мы замечаем, что обследуемый чего-то не договаривает, можно остановиться на этом и расспросить детальнее. Если нам кажется, что мы столкнулись с определенной чертой личности, то можно углубить эту тему. Даже если мы окончательно убедились в наличии данной черты, она должна быть подтверждена не общими фразами обследуемого, не утвердительным «да», а *фактами из жизни, поступками*. Всякий охотный ответит утвердительно на поставленный вопрос (за исключением тех случаев, когда возможно установочное поведение), если положение соответствует истине, но такой ответ приобретает ценность только при подтверждении его объективными фактами. Обследуемый может отрекомендовать себя как человека старательного, целеустремленного, серьезного, живого и т. д., но все эти заявления ничего не стоят, если он не сможет рассказать, в чем именно проявляется его старательность, его серьезность. Примеры должны быть выразительными, яркими, ведь речь идет о качествах, которые выделяют данного человека на фоне людей среднего уровня. Примеры должны свидетель-

жестом, что в аналогичной ситуации поведение обследуемого существенно отличается от поведения других. Утверждать нечто такое, что объективно не соответствует истине, возможно, но никто не сможет в подтверждение привести конкретные случаи в факты, если их не было в действительности, разве что одаренный богатым воображением актер, но актера сразу можно распознать. Итак, признаки обследуемого могут служить лишь ориентиром, основой же определения личности — это особенности поведения человека в конкретных ситуациях. Я сказал бы, что это основной, основной методический пункт в анализе личности.

Различия, или в форме с обследуемым та или иная акцентированная черта, определяющая структуру акцентуированной личности, выливается в различный жестокость.

Если вы предполагаете, что перед вами личность застревающая, то прежде всего возникает вопрос о ее чувствительности. Признаки лишь не совсем верно подходят к понятию «чувствительности», они касаются ее так «впечатлительности». В таких случаях следует различать пассивную, что имеется в виду чувствительность к личной обиде. Обследуемого спрашивают, что он чувствует, когда к нему относятся несправедливо, может ли он простить эту обиду. Многие не хотят признаваться в чувствительности к личным обидам, особенно обвинения в нетерпимости, несправедливости, и т.д., им приходится уже выслушивать упреки и обиды. Реакция сразу же отразится в мимике, и обследуемому необходимо тут же распознать, что имеются в виду именно не справедливые обвинения, а то, как он внутренне переживает обвинения эту обиду — только словами, снять с данной личности отрицательный заряд. В таком случае застревающая личность обычно признается, что ей легко задеть и обидеть. Но признается, что никак не может, как злопамятность, многие признаются, что не могут. Впрочем, отрицая, такие люди имеют в виду лишь одно, что именно они в определенный момент так не признаются справедливости, так как «свои» уже отыграли». Застревающая личность в той мере, в какой чувствительнее перестало быть для них справедливым, признается не так как продолжают помнить. Признаки обследуемого признают так и говорят: «Я могу простить обиду, но не забыть ее». В жизни акцентуация личности достаточно благоприятно является то, что причиненная когда-то несправедливость практически остается в памяти, хотя другие черты той же личности могут тормозить проявления этой давней несправедливости.

Он может признается признается, что они внутренне глубоко страдают от обид и несправедливости, хотя внешне этого не проявляют.

При более высокой степени чувствительности внешние проявления (реакция) обиды редко отсутствуют. Хороший результат дают следующие вопросы к обследуемому: бывали ли у него конфликты в связи с тем, что он не выносит несправедливости?

не случилось ли так, что пришлось и с работы уволиться, потому что он не мог примириться с тамошними обстоятельствами? а может быть, обследуемый был уволен по инициативе администрации, потому что он проявлял резкость и неуступчивость в любом споре?

Если поставить вопрос не о чувствительности, а о *склонности вступаться за других, когда к ним несправедливы*, то застревающие личности сразу отвечают утвердительно. Они считают такую черту ценным качеством и не видят оснований скрывать его. Впрочем, обычно их все же больше задевает несправедливость по отношению к ним самим.

Если конфликты все больше нагромождаются, если мы сталкиваемся со все растущей вздорностью и неуживчивостью, то здесь приходится констатировать (если, конечно, исключить крайне неблагоприятную ситуацию) уже не акцентированную черту личности, а *паранойяльную психопатию*, при которой застревание переходит в патологическую стадию.

Однако застревание проявляется не только в чувствительности, лица этого склада весьма *честолюбивы*. Взаимосвязь обеих черт особенно хорошо заметна в случаях, когда обида вызвана ущемлением личного престижа. Тот, кто претерпел несправедливость по ошибке, в силу стечения обстоятельств, но при этом его личный авторитет не пострадал, вряд ли будет особенно этим задет. Стремление утвердить себя, добиться высокого положения может проявиться и вне связи с чувствительностью. Профессиональная деятельность застревающего человека подтверждает сказанное. Такие люди часто достигают весьма высокого служебного положения, хотя оно и не всегда соответствует их образованию. Если недостаточные интеллектуальные данные этих людей препятствуют занятию такого поста, все равно, пусть в узких рамках их деятельности, чувствуется непрерывное желание выдвинуться. При значительной степени акцентуации личности честолюбивые устремления часто претерпевают срывы. Должному признанию, должной оценке таких людей постоянно мешают их конфликты с окружающими, из-за которых они не только не продвигаются вверх по служебной лестнице, но сплошь и рядом их понижают в должности. Такие люди обычно обвиняют в этом других, но иногда осознают и собственную вину. Они своенравны и не терпят возражений, они настолько бестактны в своих честолюбивых замыслах, что вызывают своим поведением искреннее возмущение коллег. Приходится иногда опрашивать сослуживцев, так как сами обследуемые не могут объективно отобразить события. Развитие чувствительности и честолюбия, взятых в комплексе, неблагоприятно, но фактически угрожает лишь в тех случаях, когда застреваемость приобретает характер паранойяльной психопатии. Если акцентуация не переходит известных границ, то достижения застревающих личностей обычно бывают выше среднего уровня.

Если мы предполагаем, что обследуем *личность педанти-*

сно, лучше всего начинать опрос с *вопросов о профессии* пациента. Мы спрашиваем, как он относится к своим служебным обязанностям, старателен ли. Поскольку никому не может быть приятно обвинить самого себя в небрежном отношении к работе, то от большинства людей мы получаем положительный ответ. Однако если утвердительный ответ носит более или менее формальный характер, то, как правило, это можно определить уже по началу разговора. Путем дальнейших расспросов мы выясняем, не относится ли обследуемый к некоторым рабочим процессам, которые особенно не перепроверяет ли себя по многу раз, или эти в него включаются необходимостью, не случается ли, что во время с работы домой он мысленно возвращается к рабочим дням, стараясь себя, все ли им было сделано как следует. Но вот здесь большинство людей дают отрицательный ответ. Обычно пациенты начинают тут боком кивать головой и дышать шнуром, что мы исследуем их ахиллесовой пятой. Мы знаем, что они по 1—3 раза себя проверяют, прежде чем сдать работу. Они рассказывают и о том, что с концом рабочего дня для них уже не возникают служебные заботы, что, улегшись спать, они не будут обдумывать, «как все сегодня получилось», и будут забыты вчерашние переживания, начинают заранее «переживать» и наслаждаться днем. Бывает и так, что такие люди с полдороги останавливаются в учреждении: им повзало, что они забыли сделать что-то важное. Вот это почти никогда не подтверждается.

Если такого человека спросить конкретно, *добросовестен ли он в работе*, можно ли на него положиться, то в большинстве случаев он отвечает, что себя считать считает неудобным. Но если продолжать настаивать на ответе, то мы узнаем то, что хорошо известно всему производству или учреждению: человек этот совершенно скрупулезен, на него можно положиться как ни на кого другого. Может быть, именно из этих соображений ему поручают самую трудную работу, где исполнению которой недопустимы ошибки. Правда, ему часто требуется больше времени, чем другим людям, чтобы довести работу до конца. Такие люди поэтому обычно в своем рабочем окружении, не требуя никакой опеки.

Для индивидуальности личности трудности начинаются там, где особая точность и скрупулезность известной помехой в работе, так как бывают случаи, когда в интересах работы в целом можно не стремиться к совершенству в отдельных деталях. Эти люди могут и сами по своему характеру войти в таких случаях даже во конфликт. Больше всего люди чаще всего серьезно страдают под влиянием ответственности: невозможность все выполнить так, как требует добросовестность, делает их несчастными. Вследствие этого они не только не стремятся к повышению по службе, но даже останавливаются, когда им предлагают более ответственную работу.

В дальнейшем беседе мы все же домашней жизни обследу-

дуемого, узнаем, царят ли и там тщательность, пунктуальность. Нередко при этом устанавливаем, что педантичность распространяется не на все области жизни. Мужчины, озабоченные тем, чтобы на работе все шло идеально четко, часто в быту оказываются не слишком аккуратными. Это можно приписать определенной внутренней установке, например, что за порядок в доме отвечает жена. Любопытно, что для педантических личностей нередко более приемлемо вовсе снять с себя ответственность за порученное дело, чем пытаться справиться с ним неполноценно.

Женщины больше чувствуют себя ответственными за дом. Но поскольку и на работе педантичность их дает о себе знать, то они предпочитают работать на должностях минимально ответственных. Если же у женщин чрезмерная аккуратность выражается только в быту, то с выводами приходится быть осторожнее, ибо нередко женщины соблюдают образцовую чистоту и чрезмерный порядок в доме лишь потому, что гордятся своим очагом и всегда хотят видеть и показывать его в безукоризненном состоянии. Обыкновенная любовь к порядку — это следует иметь в виду — к болезненным проявлениям педантической акцентуации не относится.

Наконец, определив педантичность личности, мы предлагаем ряд стандартных вопросов, на которые не во всех случаях получаем утвердительный ответ (не все области психики вовлекаются в соответствующие проявления), но все же часто в ответ обследуемый смущенно утвердительно кивает головой. Под стандартными я имею в виду вопросы о постоянных перепроверках, закрыты ли газовые краны, хорошо ли заперта дверь, не оставлены ли где-нибудь невыключенным свет, действительно ли опущено важное письмо в почтовый ящик и т. д.

До тех пор пока педантичность не выходит за пределы ситуации личности, ее следует оценивать как положительную черту характера, хотя педантичные люди зачастую теряют много сил зря на никому не нужные перепроверки. Но если акцентуация достигает степени, свойственной *ананкастической психопатии*, отрицательное начинает проступать все более отчетливо. Постоянная неуверенность, постоянный последующий контроль могут достигнуть такой степени, при которой всякая работа продвигается вперед черепашьим шагом. Предусмотрительное взвешивание превращается в бесплодные раздумья. Некоторые представления могут приобретать навязчивый характер. Это уже сигнал навязчивых идей, которые не являются предметом настоящего исследования.

При обследовании *демонстративной личности* нужно действовать очень осторожно, поскольку в беседе с такими людьми очень легко «попасться на удочку». Получаемым ответам в большинстве случаев нельзя доверять: обследуемые рисуют себя не такими, какими являются на самом деле, а такими, какими им хотелось бы казаться. Многие демонстративные личности, например, характеризуют себя как добросовестных и даже скром-

добросовестных, являясь при этом иногда абсолютно ненадежными людьми. Они улавливают любую возможность представить себя с наилучшей стороны и с удовольствием ее используют. Поэтому здесь особенно важно требовать подтверждения ответов конкретными примерами. На этот случай у демонстративных личностей не привнесены фактические иллюстрации, как это наблюдается у личностей педантических, которые и здесь, как и во всем, отличаются аккуратностью. Демонстративные личности вообще склонны приписывать себе разные весьма похвальные качества даже и тогда, когда о них не спрашивают.

Кроме того, в процессе диагностики демонстративных личностей существует один весьма характерный момент: следует учитывать не только сообщаемые фактические данные, но также и манеру обследуемого держать себя во время беседы. Своим демонстративным личностям также люди, как правило, выдают всем своим собеседникам: все у них преувеличено — выражение чувств, мимика, жесты, тон. Всегда чувствуется отсутствие настоящего интереса к фактам всех этих проявлений. Вот где может особенно пригодиться способность к непосредственному восприятию и соответствующему истолкованию мимики и жестов. Обладая такой способностью, можно всегда отличить показное от искреннего. Впрочем, еще и еще раз следует подчеркнуть, какую большую роль здесь играет опыт: молодых врачей такие личности особенно вводят в заблуждение. Молодые коллеги считают их ответы и заявления объективными, хотя по картине в целом сразу можно определить, что обследуемый хитрит. В этих случаях врачи также не всегда делают правильные выводы из самовосхваления и самосожаления этих людей, часто столь обманчивых. Мы полагаем, что в реальной жизни демонстративные личности благодаря своему упорству имеют немалый успех, ибо они бы давно отучились от своих манер, если бы каждый видел этих выскочков насквозь.

Некоторые демонстративные личности с врачом ведут себя иначе, чем с окружающими их людьми. Бывает, что по объективным оценкам жены или сослуживцев такие люди представляются весьма уверенными, но при врачебном обследовании оказываются столь задержанными, что всему, что они говорят начинают верить всерьезно верить. Однако все это лишь еще раз свидетельствует о приспосабливаемости таких людей: они показывают себя не такими, какими есть на самом деле, а такими, какими им в данных обстоятельствах выгодно себя показать. Например, многие психологические мошенники умышленно прячут назойливые манеры демонстративной личности, ибо хорошо знают, что с помощью спокойного поведения можно снискать больше доверия.

Демонстративные личности, если расспрашивать их осторожно, часто признаются в своем актерском даровании. Они с изобретением подчеркивают, что в обществе всегда чувство-

вали себя уверенно, что еще в школе выразительно декламировали стихи, с успехом участвовали в детских театральные постановках, а позже — в любительских спектаклях. Из этой области своей жизни им легко черпать вполне конкретные примеры.

В способности играть сказывается и положительный характер данной акцентуации: подобно тому как они играют, чтобы выставить себя в выгодном свете, они весьма успешно играют и на сценических подмостках. Демонстративные личности вообще часто *одарены фантазией*, столь важной и в других областях искусства. В большинстве своем они охотно признаются в полетах фантазии. Например, мне неоднократно приходилось слышать, что обследуемому «ничего не стоит придумать славные рассказы». При тактичном проведении обследования можно добиться у пациента и подтверждения, что ему *легко «выкрутиться» при помощи ловко придуманной небылицы*.

При обследовании демонстративной личности важнее, чем при других видах акцентуации, *охватить весь ее жизненный путь*. Поскольку у таких людей явно выражена склонность избегать трудностей, они часто меняют не только место работы, но и профессию. Чем больше акцентуация приближается к *истерической психопатии*, тем больше насчитывается на работе срывов, внезапных отказов от работы, которая якобы слишком тяжела; наблюдается также и бегство в болезнь. «Истощение нервной системы», которое на самом деле является ни чем иным, как демонстрацией, и «переутомление», о котором объективно не может быть и речи, играют в подобных случаях немалую роль. Многие больные, которых при неточном анализе относят к *слабохарактерным*, на самом деле являются истериками. Рассказ о своей жизни истерические психопаты обычно пересыпают *самовосхвалением и выражением жалости к себе*. При определенной степени акцентуации эти психопаты лгут и хитрят бессознательно, что всегда следует учитывать при обследовании. Дело может дойти до *патологической склонности к обману* и до *pseudologia phantastica*. Наряду с этим у демонстративных личностей встречаются и такие черты, которые способны компенсировать истерическую склонность к отлыниванию от работы.

У *возбудимых личностей* также часто констатируется весьма *неровное течение жизни*, однако не потому, что они постоянно избегают трудностей, а потому, что часто высказывают недовольство, проявляют раздражительность и склонность к импульсивным поступкам. Достаточно того, чтобы им что-либо не понравилось, как они сразу же отворачиваются и, не утруждая себя взвешиванием последствий, берутся за новое. Если спросить таких людей о причинах перемены места работы или профессии, то редко услышишь ответ о трудности самой работы, зато выдвигаются другие мотивы: начальник не хотел пойти на уступки, коллега относился не так, низкая зарплата и т. д. Работа как таковая, в частности физический труд, этим акцентуированным

личности приносит радость, поэтому они здесь достигают успеха. Особенно отчетливо их возбудимость проявляется при глубоких переживаниях. Неприятные события, расстроенные чувства могут привести этих людей к необдуманным поступкам, иногда к попытке самоубийства. Но особенно характерна для них *невыносимая жажда ярости*. Многие из обследованных даже утверждают, что в состоянии запальчивости они не способны сдержаться, другие говорят об этом не так откровенно, но своим поведением это определяют. Для определения степени возбудимости целесообразно опросить родных.

Возбудимые личности нередко производят впечатление людей агрессивных, и с этим во многом можно судить о невыносимой жажде ярости и раздражения, без замечают только то, что они более вспыльчивы в жизни. В беседе такие люди *угрюмы на вид, но внешне спокойны, кратко говорят*. Они собственно, как и все остальные обследованные, *делают не делают проявить недружелюбия, но ярости не признают, что приходится давать так или иначе оценку своему и чужому раздражению*. Однако иногда, в особенности не умеют держать себя в руках; иногда бьются, но в состоянии бы раздражаться воспитанными людьми, и особенно в моменты встречи их с товарищами.

Всплеск этой угрюмости и раздражительности при обследовании обнаруживается даже тогда, когда развитие акцентуации происходит в скрытой форме или об идеопатической психопатии имеет место в ней. Взаимоотношения с окружающими нередко осложняются и обостряются вследствие этого, так как и в припадках, и в периоды заторможенности они часто прибегают к различным как возбуждающему средствам. У девушек отмечается также частое раздражение девочек.

Психопатическая личность детей развивается в обычной форме. Раздражительность и агрессивное настроение сразу обнаруживаются на ней особенно. Различные раздражаемость находят свои проявления в жизни. Такие люди любят господствовать в обществе. Они не выносятся своим повышенным тонусом, высоким раздражением и истерическим возбуждением. В трудной обстановке их раздражаемость усиливается — изобретательность и фантазия падает. Иногда они бывают раздражительны, но особенно часто в семейном кругу, где все им отвлекающе-раздражающим образом, не сдерживающего влияния начальства. Они не выносятся своим раздражением, не стремятся ли нарушить чужие дела, особенно, что только лишь акцентированной ситуацией личности, и в первую очередь должны подумать о выношении раздражения. Мы высказываем, не слишком ли раздражительны родители ребенка и другие, не «витают» ли его мысли, не раздражаются ли они от чужих норм. А может быть, в жизни с раздражением только раздражение наблюдается и распыленность или раздражаемость? Пограничному гипоманиакальной психопатии может встретиться также безразличие, суетливость. Все это

сопровождается частой сменой места работы, а иногда и профессии.

Дистимическая личность также может быть легко распознана в обыкновенной беседе уже по одному застенчивому и безрадостному виду. Мимика у таких людей маловыразительная. При расспросах они обычно подтверждают, что всегда серьезны, а чувства свободной и приятной веселости вообще никогда понастоящему не испытали. Если серьезность достигает патологической степени, т. е. при *субдепрессивной психопатии*, это может привести к полной утрате жизнерадостности и общей замедленности реакции.

Как при гипертимическом, так и при дистимическом поведении необходимо предварительно убедиться, что это поведение присуще обследуемому постоянно. Если одно из них периодически сменяется другим, то перед нами *аффективно-лабильный темперамент*. Люди этого типа, в зависимости от направления и общего тона беседы, могут представляться в одном случае оживленными и веселыми, в другом — тихими и скромными, возможна и средняя позиция темперамента.

Следует отметить, что и многие гипертимические личности в сложной ситуации могут проявить признаки глубокой депрессии, так что, по сути, и их темперамент должен быть отнесен к аффективно-лабильному типу.

Если в момент обследования человек показывает себя ровным и выдержанным, все же при опросе иногда можно довольно быстро убедиться в лабильности его темперамента. Для этого можно привести в разговоре известную антитезу Гете о настроениях — «то возносящийся, ликуя, до небес, то опечаленный смертельно» — и зафиксировать реакцию. В таких случаях при установлении диагноза нужно, кроме того, исключить аффективно-экзальтированный тип темперамента, к которому мы ниже перейдем. Нелегко определить, что именно вызывает колебания в настроении людей с аффективно-лабильным темпераментом — внешние или внутренние причины, поэтому зачастую, несмотря на данную специфику темперамента, следует исключить внешние стимулирующие моменты. Впрочем, и внешние причины могут иногда вызвать такие колебания настроения. И лишь при яркой выраженности аффективно-лабильного темперамента преобладают колебания, связанные с сугубо внутренними мотивировками, но в таких случаях перед нами уже не аффективнолабильный темперамент, а *циклотимия как вид психопатии*.

Поскольку колебания поведения при аффективно-лабильном темпераменте могут быть вызваны и внешними причинами, необходимо исключить *эмотивный темперамент*. Дифференциацию следует проводить по следующим признакам: эмотивные личности бывают глубоко потрясены самим событием, а люди аффективно-лабильного темперамента еще некоторое время после события-стимула продолжают «вибрировать» на струне радостно-

убеждаемся в том, что тут имеют место не только яркие внешние проявления, но также и несомненная искренность чувств, т. е. об игре, столь свойственной истерикам, не может быть и речи. Проявляемые экзальтированной личностью чувства внутренне трогают нас, в то время как в беседе с личностью истерической мы постоянно ощущаем, что дальше «фасада» здесь дело не идет. Именно сам характер выражения чувств наводит на эти мысли. Если в подобных случаях профессия обследуемого не связана с артистической деятельностью, то всегда надо специально расспросить его об отношении к искусству, так как артистический вкус, эстетизм часто является характерной чертой этих людей.

Чрезмерное проявление чувств возможно в направлении и радостных, и горестных эмоций, но может быть и так, что эмоциональные переживания касаются в основном одного какого-либо полюса, а уклон в другую сторону возможен лишь в результате особо сильного стимула. При уклоне преимущественно в эйфорическую сторону наблюдаем *легко воодушевляемых личностей*, в депрессивную — *личностей, постоянно готовых впасть в отчаяние*, — я предложил бы называть их так.

При избыточных степени и темпе аффективно-экзальтированных реакций, т. е. в тех случаях, когда перед нами *аффективно-экзальтированная циклотимия*, наблюдается патологическая зависимость от эмоций с тенденцией к реакциям типа короткого замыкания. При психопатии у больных могут также наблюдаться преимущественно противоположные уклоны то к легкому воодушевлению, то к отчаянию.

Тревожность, боязливость может быть как результатом аффективной экзальтации, так и первичным свойством личности. У детей частично отмечается акцентуация личности в плане тревожности, боязливости, у взрослых такая отличительная черта чаще присуща женщинам. При предположении об акцентуированной тревожности рекомендуется расспросить, замечался ли в детстве страх перед темнотой, грозой, животными, особенно собаками, перед старшими детьми и учителями. Таким путем можно получить нужные данные. Если же на подобные вопросы мы не получаем утвердительного ответа, хотя страх и находит подтверждение в анамнезе, то это значит, что его происхождение связано с *навязчивым неврозом*. Такая дифференциация при наличии у человека навязчивого страха обычно не проводится, но она имеет существенное значение для более точной диагностики личности. Возникновение фобии обычно связано не с первичной боязливостью, тревожностью, а с ананкастическими чертами. Акцентуированная боязливость у ребенка может достигать патологической степени, у взрослых же это наблюдается лишь в случаях угрозы чего-либо извне.

Наконец, чрезвычайно важно не проглядеть отчетливую *экстра- или интровертированность*. Предположим, что мы определяем, не является ли обследуемый *экстравертированной лич-*

ности. В таком случае следует задавать вопросы, связанные с состоянием деловых контактов: хорошо ли он устроен в жизни, обладает ли хорошей нравственностью к обстоятельствам, если же человек интровертен, вступает в дружеские отношения. К экстравертности относится и вопрос об отношениях с противоположным полом. Ответы на все эти вопросы не ведут еще к окончательной оценке. Более ответственную оценку можно дать, если врач, опираясь на данные обследования о социальном положении и религиозных взглядах, семейных отношениях обследуемого, рассуждает о нем. Далее спрашиваем, как он относится к своим друзьям, общается ли с другими людьми (близкими, друзьями детства, коллегами по работе), а если обследуемый интровертен, то делаем акцент на общении с другими интеллигентными индивидами и коллегами по работе. Если обследуемый много читает, спрашиваем, какие виды книг он предпочитает, приемлет ли критику своего творчества или размышляет над произведениями других авторов (обследуемого при чтении книги, произведениями других авторов, сосредоточено ли его внимание на деталях книги). Если человек не слишком суггестивен, то можно задать также выверенные ответы, так как застенчивые интровертные интеллигентные люди обследуемые стараются отвечать на все вопросы.

Если мы исследуем интеллигентную личность, рассуждая о том, как человек может начать с вопроса о контактах с друзьями, коллегами, спрашиваем, стремится ли он к общению с другими людьми, особенно с лицами противоположного пола. Но в этот момент другие вопросы: любит ли обследуемый быть членом клуба, общается ли с коллегами, общается ли он с другими коллективные детские группы, общается ли с другими коллегами, общается ли с другими коллегами, общается ли с другими коллегами. Интересно проанализировать человека также на социальную, общественно-политическую и религиозную темы, чтобы установить, есть ли у человека какие-либо взгляды на эти вопросы. Иногда можно поинтересоваться, какие идеи он имеет относительно идеологии. Целью является также выяснить, как обследуемый проводит свободное время — читает ли, занимается спортом, за чтением или другими занятиями, о чем он задумывает много времени, любит ли он проводить время, во время которого человек может быть в состоянии.

Если человек имеет какие-либо вопросы, возникающие в процессе обследования, можно с достоверностью определить место или обстоятельства, которые вызывают это подлинное и искреннее беспокойство во время приема.

Анализировать личность можно также готовя отвечать на вопросы о том, как человек себя чувствует свободная о себе. При этом можно задать вопросы, связанные с себе информацию очень важно, человек отвечает с энтузиазмом, в том же тоне и ритме, в котором вы задаете вопрос. Если судя по вопросу, ожидается положительный ответ, то он отвечает «да»; если врач неволь-

но предвосхищает отрицательный ответ, то он его и получает. Нужно очень следить за собой, чтобы не дать обследуемому почувствовать, какого ответа от него ждут. В этом отношении *интровертированные личности* оказываются более *самостоятельными* и всегда *ведут свою линию*. Если экстравертированному пациенту дать какой-нибудь совет или врачебную рекомендацию, он сразу готов всему последовать. Если данное качество выражено очень ярко, обследуемый проникается *доверием* к врачу и все его предписания готов выполнить с детской готовностью. Он сразу начинает видеть во враче друга и чувствовать в нем непререкаемый авторитет.

Интровертированные личности в беседе отличаются сдержанностью, разговорчивыми становятся лишь тогда, когда сообщают о своих идеях или пристрастиях. Вообще часто для ответов таких людей характерна нерешительность: они еще не дали себе отчета в собственной установке.

Акцентуированные черты личности

Ниже рассматриваются различные черты характера и темперамента, формирующие человека как личность в тех случаях, когда он представляет собой отклонение от некоего стандарта.

Демонстративные личности

Сущность *демонстративного* или, при более выраженной акцентуации, *истерического* типа заключается в аномальной способности к *вытеснению*. Этим понятием пользовался Фрейд, который, собственно, и ввел его в психиатрию, где оно получило новое содержание, далеко отошедшее от буквального значения этого слова. Смысл процесса вытеснения убедительно иллюстрируется в приведенном ниже отрывке из Ницше («По ту сторону добра и зла»): «Я сделал это — говорит мне память. Я не мог этого сделать — говорит мне гордость, остающаяся в этом споре неумолимой. И вот приходит момент, когда память, наконец, отступает».

Механизм вытеснения нашел свое отражение и в поступках героев Льва Толстого. Ниже мы вернемся к тому, насколько он глубоко — и как художник, и как психолог — описывает подобные внутренние конфликты.

По теории Фрейда, в связи с вытеснением уже в раннем детстве возникает подсознательный психический мир, чрезвычайно действенный, предрасполагающий к возникновению впоследствии невроза. Мы не присоединяемся к соображениям Фрейда, хотя и исходим из аналогичного положения: человек может в определенный момент или даже на очень длительное время вытеснить из памяти знание о событиях, которые не могут не быть

енность к угнетателю, может проявить по отношению к нему раболепную покорность, для чего отнюдь не обязательно быть истериком. Случаи, когда скромные и робкие люди в процессе общения выражают с собеседником согласие, хотя на самом деле нисколько не разделяют его мнения, общеизвестны. Ложь, продуманная заранее, подготовленная для конкретной ситуации, может быть преподнесена весьма убедительно. Постоянно внушаемое себе обретает в психике людей определенную рельефность, вплоть до превращения в стимул, руководящий их поступками, между тем они ни на минуту не забывают о том, что лгут.

Предположим, кто-то решил обмануть врага. Человек этот может настолько удачно разработать тактику обмана, что и без вытеснения усвоит правдоподобную манеру поведения, тон высказываний. Или другой пример. У могилы завещателя наследник демонстрирует глубокую печаль, хотя внутренне он рад и торжествует. Стоит, однако, событиям сложиться иначе, чем предполагал обманщик, стоит ему попасть в ситуацию непредусмотренную, для которой схема поведения им заранее не разработана, как появятся неуверенность и смятение. Прежде всего это проявится в мимике, а затем и в высказываниях.

В то же время истерик, полностью вжившийся в роль, не нуждается в том, чтобы судорожно приспособлять свое поведение к неожиданно изменившейся ситуации. Он реагирует всей личностью в плане той роли, которую он в данный момент играет. Это вживание в роль может зайти настолько далеко, что истерик на время перестает принимать в расчет свою конечную цель.

Авантюристические личности порой делают грубейшие «ошибки» в глазах объективного наблюдателя: на какой-нибудь непредвиденный поворот в событиях они, войдя в роль, реагируют импульсивно, ничего не взвешивая, и тем самым выдают себя с головой. Нередко такие срывы облегчают розыскную работу полиции. И если вопреки этим «ошибкам» авантюристические личности все же добиваются своих целей, то тем самым лишь подтверждается известная истина, что окружающих легче убедить уверенной манерой держать себя, чем логическими рассуждениями.

Если же авантюристические личности настолько увлекаются своей ролью, что вредят себе, то это происходит потому, что состояние, вызванное вытеснением, лабильно, неустойчиво.

Истерические лгуны выступают под вымышленными именами и титулами лишь до тех пор, пока в этом есть необходимость. Они никогда не сохраняют фальшивых титулов себе во вред, не появляются под вымышленными именами перед людьми, которые их знают.

Демонстративные личности в любое мгновение могут вытеснить из своей психики знания о каком-либо событии, а при необходимости «вспомнить» о нем. Не исключено, однако, что эти личности полностью могут забыть то, что они длительное время вытесняли из своей психики.

рованные личности, как правило, сами себя не расхваливают; многие из них, и даже часто, были бы не прочь это делать, однако они опасаются всеобщего неодобрения: ведь известно, что похвала ценна тогда, когда она объективна. Личность демонстративная может вытеснять такие нормальные тормоза и получать удовлетворение от собственного бахвальства. Таким образом, истерик обладает в общем не большей потребностью в признании, чем большинство людей, но тем не менее создается именно такое впечатление, поскольку он более других самонадеян и кичлив.

К словесному самовосхвалению присоединяется тщеславное поведение, стремление всячески привлечь к себе внимание присутствующих. Проявляется это уже в детстве: ребенок в школе рассказывает различные истории, читает стихи и, обладая способностью всех истериков «вживаться» в роль, верно нащупывает нужный тон. То же можно наблюдать, когда маленький «артист» разыгрывает сценки перед сверстниками или взрослыми. Как правило, человек обычно стесняется выделяться, чувствует неловкость, становясь центром внимания; даже в тех случаях, когда его выделяют заслуженно, он смущается. Подобного рода смущение демонстративной личности чуждо, а повышенный интерес со стороны она принимает с величайшим удовольствием и стремится «испить чашу до дна». Любопытно, что если внимание собравшихся, как бывает иногда, носит недоумевающий или даже неодобрительный характер, то истерик легко закрывает на это глаза: лишь бы быть заметным.

Чаще всего именно эту потребность истериков находить в центре внимания принимают за пресловутую жажду признания. Действительно, многие демонстративные личности отличаются упорным стремлением вызвать к себе внимание окружающих, хотя это тоже свойственно не всем истерикам. Данные черты могут быть связаны не с повышенной потребностью в признании, а с недостатком выдержки, с отсутствием торможения. Поэтому у таких истериков то же свойство выдвигает на передний план иные, хотя также сугубо эгоистические, устремления, например безудержную жажду наживы.

То же следует сказать и о жалости к себе как проявлении демонстративной личности. Человек часто склонен считать, что по отношению к нему совершена несправедливость, что его незаслуженно постиг удар судьбы. Общество не может одобрить в подобных случаях такую субъективную позицию: насколько обоснованны жалобы пострадавшего, судить не ему самому, для этого требуется объективная оценка ситуации со стороны. Зная это, истерикам следовало бы быть сдержаннее в сетованиях и обвинениях. Но и здесь «срабатывает» вытеснение, истерик раздражается целыми тирадами о своей горемычной доле, и врач безошибочно распознает, что кроется под страдальческим видом, под позой мученика. Ведь он повседневно наблюдает то же самое у других своих больных, которые «спасаются бегством в

истерической психики не без оснований оцениваются положительно. Так, в тех профессиях, где требуется проникновение в психику человека, умение приспосабливаться к другим относится к положительным особенностям этого типа. Например, в сфере обслуживания люди демонстративного типа работают особенно успешно. Возьмем хотя бы продавцов: они превосходно «чувствуют» покупателя и к каждому нащупывают верный подход. Эта способность связана с даром демонстративной личности «отречься» от себя, играя ту роль, которая особенно импонирует партнеру. Так, с покупателем уверенным, властным эти продавцы становятся скромными, даже робкими; с покупателем застенчивым держат себя активно и энергично. Как правило, реакции продавца не акцентированного носят на себе отпечаток его собственной личности, что далеко не всегда приятно покупателю. Зато демонстративные натуры у прилавка способны к полному подавлению своего «я».

Демонстративная личность способна сбалансировать отношения при тяжелых ситуациях и с тяжелыми людьми. Брак, например, может быть удачным именно в силу того, что один из супругов обладает умением приспосабливаться. Но главной положительной особенностью людей истерического типа являются их артистические способности, на которых мы детальнее остановимся ниже.

Так же можно объяснить и особый дар демонстративной личности внушать к себе чувство симпатии, любви. Часто ребенка с выраженными истерическими чертами считают «паинькой», «примерным», а уж если случится, что он нашалит, то как не простить его, ведь с кем не бывает... Шалости таких детей не столь уж редки, хотя они никогда не шалят на глазах у воспитателя. Отношение к воспитателю неизменно вежливое, выдержанное, ребенок с полуслова подчиняется требованиям. Зато среди своих сверстников или других взрослых такое дисциплинированное дитя нередко слышит маленьким эгоистом. К одноклассникам «паинька» относится враждебно, готов очернить их в глазах учителя, действуя нечестными методами, а воспитатель охотно выслушивает «примерного» ученика и верит ему. Демонстративный ребенок лжет, не сознавая себя лгуном. В соответствии с особенностями возраста вытеснение у детей происходит еще легче, чем у взрослых. Маленькие сплетники и клеветники чаще всего принадлежат к личностям демонстративным.

То же поведение сохраняется и у взрослых. Благодаря умению приспосабливаться люди демонстративного типа быстро находят друзей, которых привлекает их общительность, готовность услужить, к другим же чертам новые друзья не присматриваются. Любопытно, что в то время как объективно у большой констатируется отсутствие воли к труду, коллеги по работе нередко хвалят ее за трудолюбие. Они настолько ослеплены ее общительностью, что не могут даже подумать о ней плохо. Впрочем,

ния», и ей все же оформляют инвалидность. Теперь В. живет вместе с дочерью (дочь — парикмахер), якобы хорошо уживается с ней.

В 1958 г. снова попадает в больницу в связи с жалобами на упадок сил и депрессивное состояние. Предпринимается попытка психотерапевтического лечения. Поведение В. неровное: то она приветлива, предупредительна, подчеркнута вежлива, то начинается демонстративное недовольство, нескончаемые потоки жалоб на свое состояние. Она с восхищением говорит об оздоравливающем действии спорта, но категорически отказывается пройти курс реабилитации. Психогенные приступы продолжают.

На этом примере можно проследить развитие демонстративной личности с раннего детства. То, что В. была младшей в семье, несомненно, объясняет ее избалованность. В то же время она отлично знала, как вести себя, чтобы сохранить влияние на родителей. Может быть, она относилась к категории вышеописанных «примерных» девочек. Когда позже начались жалобы на утомляемость, слабость, то в этом, помимо всего прочего, сказались и нежелание трудиться. Оно-то и определило все дальнейшее течение ее жизни. То она старалась найти себе мужа, не заинтересованного в ее зарплате, чтобы стать его иждивенкой, то добивалась денежной помощи по болезни, по инвалидности. Если же ее желания так и оставались неосуществленными — особенно много неудач и срывов было в отношениях В. с мужчинами, — то и это в немалой степени результат ее истерического поведения.

У второй обследуемой на первый план выступает потребность в признании. Отчасти эта потребность давала и положительные результаты, поскольку работу, позволявшую ей находиться в центре внимания, она выполняла с большой старательностью.

Хедвиг Б., 1908 г. рожд., после окончания средней, а затем торговой школы стала конторщицей. Она хорошо «прижилась» на первом же месте работы. Сотрудники относились к ней, как младшей в коллективе, особенно внимательно. Однако у Б. вскоре началось заблуждение кишок, некоторое время она не работала. Вторую и третью должности Б. теряет из-за ликвидации учреждений. В 22 года она пошла работать на кондитерскую фабрику, в отдел рекламы. В течение 12 лет она работала здесь с успехом. «На этой работе, — говорит она, — важно производить на людей впечатление. Одеваться надо аккуратно и со вкусом, а я всегда это любила». Нравились ей и выступления перед людьми, поездки, во время которых появлялись новые знакомства, множество интересных впечатлений. Вскоре ее назначили заведующей отделом рекламы.

В 1942 г. эту должность также ликвидировали в связи с военным режимом. Б. стала работать в городских административных органах. Работа по приему посетителей вначале приносила ей удовлетворение, но вскоре оказалось, что надо пройти курс полувоенной подготовки и быть готовой к отправке в оккупированные области, от чего больная всячески пыталась уклониться. В результате — конфликты с начальством. На этот раз Б. слегла с диагнозом «невроз сердца» и «истощение нервной системы». Затем присоединились приступы лихорадки. «У меня с детства периодически бывают непонятные заболевания, — рассказывает Б., — они сопровождаются очень высокой температурой — до 40°, сильным ознобом. После этого дня три чувствую большую слабость». В эти «приступы лихорадки» ее начальство не верило, но все же ей удалось уволиться, после чего состояние улучшилось. В 1945 г. она была привлечена к работе в районном жилищном управлении. Здесь отдавалась своим обязанностям с большим рвением и чувствовала себя вполне довольной, хотя в 1946 г. и развелась с мужем («муж часто ездил в командировки, заводил любовниц»).

тем заведующей рекламного отдела кондитерской фабрики, она выступала перед людьми и привлекла немало новых потребителей. В данном виде деятельности ей, несомненно, оказывало помощь свойственное истерикам умение приспособливаться, способность вникать в психологию окружающих. Такого рода работа всесторонне удовлетворяла Б., компенсируя неизбежные «издержки» — потерю сил, истощение нервной системы. Торможения такой самоуверенной особе были, конечно, чужды. Надменность и чванство, которых другие постыдились бы, оказались ее вторым «я». Надо полагать, что и напряжение, приводившее к срывам, было не столь уж велико, что она преувеличивала его в своих жалобах врачу, желая показать себя в выгодном свете. Когда слышишь о 18-часовом рабочем дне, невольно думаешь об истерическом преувеличении Б. как своих заслуг, так и способностей. Но после каждого подъема у этой больной наступал спад. Когда она бралась за работу, в которой оказывалась «одной из многих», где требовалось просто подчинение и четкое выполнение служебного долга, она всякий раз «заболевала»: демонстрировала физическое недомогание, слабость, обмороки, рассказывала о таинственных ознобах, которые почему-то ни разу не удалось наблюдать врачам. У этой обследуемой мы констатируем две характерные формы истерических реакций: *самоуверенность*, связанную частично с трудовыми достижениями, и *бегство в болезнь*. В трудовой деятельности она проявляла также и *умение приспособливаться*.

Как мной уже отмечалось («Детские неврозы и детские личности»), акцентуированные черты характера легко распознаются *уже в детском возрасте*. Правда, вследствие особенностей детской психики, они получают особую окраску, но в принципе это те же черты, что и у взрослых. Почему у ребенка черты демонстративного типа, пожалуй, более заметны, чем у взрослого? Потому, что дети вообще быстрее все забывают, не способны заранее наметить линию поведения и реагируют, не обдумывая последствий. Правда, ряд физиологических симптомов взрослых истериков детям чужд в силу их возрастных особенностей, зато они чаще хитрят, обманывают, занимаются мелким воровством. Приведу пример демонстративного ребенка, описанного Рихтером в нашем совместном труде.

Мануэла Ст. поступила на лечение в нашу клинику, когда ей было 8 лет. Отец девочки, нервный, импульсивный человек, любит ее, защищает от своей второй жены. Мать ребенка была легкомысленным, эгоистичным существом. Вскоре после рождения М. она отдала ее на попечение тетки. Отец, между тем, повторно женился на женщине молодой и энергичной, однако общего языка с девочкой она так и не нашла.

От тетки девочка перешла жить к отцу и мачехе в возрасте 2,5 года. Отец упрекал жену, считая, что она относится к М. необъективно, во всем предпочитая ей своего собственного сына, брата М. В школе М. всегда была неуклюжей, куратной девочкой, грязнулей. Она не следила ни за собой, ни за вещами. Постоянно, например, теряла авторучки. Но хуже всего было то, что она постоянно лгала и тайком забирала у соучениц вещи. Так, она стащила чужой завтрак, хотя у нее был принесенный из дому бутерброд. При этом она вме-

появиться асоциальные поступки. Ее сотрудники и начальство обнаружили, как увидим, незнание человеческой психики, слишком ей доверяли, и это оказало на Б. вредное воздействие. Не исключено и то, что она была «удобна» коллективу: она предлагала услуги, ими охотно и бездумно пользовались.

Гертруду Б. я впервые увидел, когда ей было 33 года. Благодаря хорошо развитому умению приспосабливаться она пользовалась популярностью в тех учреждениях, где работала. Ее приветливостью и готовностью услужить все готовы были воспользоваться, не замечая самодовольства Б., ее стремления выдвинуться, постоянно быть в центре внимания, скрывавшихся за обаятельной улыбкой. Она — до момента разоблачения — присваивала, являясь доверенным лицом, деньги всевозможного назначения, например деньги, выделенные на прием гостей предприятия, приехавших знакомиться с его работой; деньги, полученные из касс для выплаты сотрудникам; деньги на устройство небольших персональных празднований в конторе или цехах и, наконец, даже суммы, сданные на приобретение траурных венков для похорон. Чтобы не отвечать за хищения, она поддельвала подписи на документах, подтирала и изменяла суммы на денежных переводах и чеках. Кончилось тем, что она утаила и присвоила 1200 марок, собранных ею для уплаты профсоюзных взносов. Она систематически присваивала деньги мужа, тратя их по своему усмотрению. 1500 марок она «потеряла», 300 марок у нее «украли». Она занимала солидные суммы для ремонта своей квартиры, для приобретения вещей в дом, жалуясь, что «муж денег не дает». Одолженные деньги она тратила на личные расходы.

Я беседовал с обследуемой несколько раз. Во время первой беседы ее поведение было весьма демонстративным, она недоумевала, что слышит такие упреки, плакала, сваливала вину на других, в особенности на мужа. Позднее умение приспосабливаться одержало верх, она уже не отрицала своей вины, а изображала раскаявшуюся грешницу, заверяя, что такое никогда в жизни не повторится. Характерно следующее: она признавалась только в том, что удавалось установить следователю, за этими пределами для нее все было «покрыто мраком». На глазах у следователя она изображала крайнее удивление, когда розыск обнаруживал новые хищения.

Можно сказать с уверенностью, что человек, так долго, и главное, безнаказанно совершающий преступления, может быть только демонстративной личностью. Ведь Б. могла ежеминутно ожидать, что стеклянный дворец, который она себе соорудила, рухнет; убедилась она и в том, что мужу все яснее становятся ее проделки, и все же держит себя с вызывающей самоуверенностью, невозмутимо продолжая обманывать и присваивать чужое. Б. постоянно жила лишь тем, в чем сама хотела себя убедить, а те моменты, которые могли бы ее изобличить, вытесняла. Так она и продолжала существовать, ничего не боясь, не зная угрызений совести. И все же я не отнес бы данную обследуемую к истерическим психопатам, перед нами явно выраженный случай демонстративной личности. Ее умение приспосабливаться несло в себе положительное начало, несомненно, она была бы способна и на хорошие поступки, если бы условия жизни благоприятствовали этому.

Моя оценка станет яснее после того, как мы сравним Б. с другим обследуемым. Склонность к асоциальному поведению была у него выражена куда более ярко, а медицинское обследование позволило установить типичную картину тяжелой истерической психопатии.

водится им до крайности. Некоторые больные полагают, видимо, что чем больше они эмоционально возбуждены, тем легче убедить врача в своем тяжелом состоянии. Другие пытаются убедить в своих страданиях себя самих. В жалости к себе они находят удовлетворение, а мысль о том, что врач не верит им, подстегивает их, заставляет чувствовать себя истинными мучениками.

Если истерик в своих реакциях теряет контроль над тем, приведут ли эти реакции к цели, то это свидетельствует об аномальных психических явлениях. Получается следующая картина: истерик добивается того или иного результата, для чего искусно пускает в ход различные приемы, способствующие его достижению, однако он настолько входит в роль, что приемы превращаются в самоцель, а ведущее намерение, которое стоит за ними, бледнеет и теряет четкие очертания.

Я склонен усматривать в этом критерий, с помощью которого можно определить, относится ли данная личность к истерическому типу или же у нее отмечается патология психики. Некоторые больные настолько хорошо владеют собой, что их умение приспособливаться к ситуации сохраняется, а демонстративное поведение не носит грубо гипертрофированного характера в случае, если для их же пользы совершенно очевидно преимущество спокойной манеры поведения. В таком обследуемом следует усматривать демонстративную личность, а не истерического психопата.

Обследуемую Б., в отличие от Ц., не покидало умение приспособливаться. Лишь во время первой беседы она проявила некоторую назойливость, в дальнейшем же полностью отказалась от нее: очевидно, осознала нецелесообразность такого поведения в данной ситуации.

Отсюда можно сделать вывод, что большинство патологических мошенников, в частности авантюристы, — лишь демонстративные личности, а не истерические психопаты. Редко столкнешься у них с грубо-назойливым поведением, напротив, она обычно спокойны и деловиты. Да так оно и должно быть у преуспевающих мошенников, иначе никто не считал бы их людьми заслуживающими полного доверия. Нужно добавить, что не только поведение, но и прочие элементы структуры личности, в первую очередь ум, играют в таких случаях важную роль. Слабость интеллекта, отсутствие привычки мыслить ухудшают положение. Все же, пока контроль над истерической готовностью сохраняется, обследуемые, как правило, не утрачивают умение приспособливаться, а отсюда наличие у них социальных тактов. Правда, патологические мошенники — это тип ассоциативный. Нередко они идут по скользкой дорожке лишь потому, что слишком хорошо осознают свои возможности и замечают, как легко им ввести в заблуждение людей. При правильном объективном воздействии, разумном направлении их сил большинство патологических мошенников могли бы стать социально

бочно установить по его уверенной манере. К. избрал себе амплу честного человека, который больше печется о благе окружающих, чем о своем собственном. Это способствовало тому, что он снискал доверие своих партнеров.

Выше я упоминал, что истерические черты личности способствуют развитию артистического дарования. В первую очередь это связано, конечно, со сценическим искусством, с профессией актера. Да это и понятно: патологические мошенники — прирожденные актеры, правда, играют они не для того, чтобы давать людям радость, а для того, чтобы их обманывать. Ясно, что человек, играющий роль в жизни настолько хорошо, что окружающие ему безоговорочно верят и доверяют, хорошо сыграет порученную роль и на сцене. Правда, нередко бывает, что, несмотря на природный дар, актер-истерик не справляется с ролью, так как сценическое искусство требует огромного труда, если актер хочет добиться подлинного успеха. Поэтому наиболее удачный результат получается в тех случаях, когда черты демонстративной личности актера сочетаются с другими акцентуированными чертами, им противодействующими. Например, необдуманности и непостоянству истерика противостоят черты параноической личности, благодаря которым повышается упорство и настойчивость устремлений.

Зайге в нашем коллективном труде описал нескольких актеров, у которых проявлялись демонстративные черты характера. На одном из них я остановлюсь более подробно.

Эрнст С., 1909 г. рожд., уже с юности выступает в театре. Очень способный, убедительно создает на сцене образы различных персонажей. Играет не столько эмоционально, сколько профессионально, берет техникой игры и опытом. По натуре бодр, весел, но яркими проявлениями темперамента не отличается. С молодых лет одержим страстью к наркотикам. Только артистический талант удержал его от окончательного падения. В молодости употреблял морфий, принимал много снотворных средств и без конца курил. В 1938 г. из-за злоупотребления алкоголем перенес белую горячку. В послевоенные годы пил, принимал барбитураты.

В 1959 г. вследствие неумеренного образа жизни и злоупотребления алкоголем попал в больницу. Попытки провести курс лечения воздержанием не к чему не привели: С. два раза покидал больницу и возвращался туда в состоянии тяжелого опьянения. В 1960 г. он снова изъявил готовность лечиться воздержанием, так как «в театре на него стали косо смотреть». Жена С. рассказывала, что удерживать его от употребления спиртных напитков невозможно. В состоянии опьянения он пьет злостью, избивает жену; будучи трезв, говорит с нею рассудительно, но бесчувственно. Жена не раз приходила в ужас от его дрожащих рук. С. заявлял, что алкоголь тут не при чем, и как доказательство приводил тот факт, что и в трезвом состоянии дрожь не проходит.

В отделении он сразу вступил в контакт с больными, шутил, рассказывал анекдоты из театральной жизни, был приветлив со всеми, очень общителен. Больные жаловались: слишком много циничных анекдотов, неприятно слышать. С. был неумеренно хвастлив, расхваливал свой талант, отрицал, являлся на спектакли в пьяном виде, и вообще отрицал, что страдает алкоголизмом. Вскоре было установлено, что в больнице он принимает снотворные средства. В моче его были обнаружены следы алкоголя. Во время очередного контроля он подменил свою мочу мочой другого больного. Больничные инспекторы все усиливали, и С. все больше впадал в раздражение. Он требовал выписки из больницы, спокойно заявляя, что в больнице не пил и снотворных

ность, легкость поведения, напротив, ведет к свободе, к возникновению конкретных картин, образов, из которых создается воображаемый мир. Свободная игра представлений, «сны наяву» характерны для людей с раскованной психикой. В таких «снах» счастливые, радостные представления преобладают над печальными и неприятными. «Он строит воздушные замки» — так говорят о мечтателях. В этом определении отражен и конкретный характер мечты, и ее мажорная тональность. Демонстративные и истерические личности склонны вытеснять неприятные мысли, которые могли бы побудить их к активным раздумьям, так как они не желают ничем отягощать себя. Свободная игра светлых, приятных представлений дается именно такой раскованностью мысли. Истерик обладает богатейшей фантазией, которая становится одним из доминирующих компонентов в структуре демонстративной личности. Фантазия проявляется даже при самом примитивном надувательстве. В таких случаях истерик действует не по заранее намеченной схеме, а опирается на конкретные слова и ситуации, возникающие в ходе мошеннической операции. Четкие контуры эта операция приобретает лишь в момент «исполнения». Именно конкретность, материальность фактов, которыми обманщик оперирует, придают убедительность действиям истерических аферистов.

Точно так же и у писателя, обладающего чертами демонстративного типа, фантазия работает с особой живостью: конкретные образы, порождаемые раскованностью мысли и необходимые ему в процессе творчества, могут нахлынуть потоком. Художникам и композиторам фантазия приносит новые идеи, без которых и они не могут плодотворно творить.

Можно привести яркий пример сочетания богатой фантазии и истерической структуры личности. Быть может, многие не признают Карла Мея¹ настоящим писателем, но нельзя отрицать, что этот автор обладал огромной фантазией.

До начала писательской деятельности Карл Мей более семи лет отсидел в тюрьме, отбывая наказания за кражи, грабежи и взломы и различные жульнические махинации. В 38 лет он в последний раз был в тюремном заключении. Все, что можно сказать отрицательного о Карле Мее, изложено в некрологе Альфреда Кляйнберга, напечатанном в журнале «Kunstwart». Друзья Карла Мея считают этот некролог злостным пасквилем, хотя и они не могут отрицать объективных фактов. Гурлитт пытается объяснить и смягчить отрицательные моменты некролога, но достоверность фактов вынужден признать и он.

Мей, став уже писателем, продолжал свои авантюристские выходы, правда, теперь в них не было уголовного элемента. Например, к своему литературному псевдониму он присоединил

¹ Карл Мей (1842—1912) — немецкий прозаик. Написал свыше 50 романов, сюжетами которых являются увлекательные, хотя и маловероятные истории из жизни индейцев. Героем многих из них является Мейнету, вождь индейских племен. — При м. пер.

еврейски, румынски, по-арабски — на 6 диалектах, по-персидски, по-курдски — на 2 диалектах, по-китайски — на 6 диалектах, по-малайски, на языке нанаква, на нескольких наречиях сну, апа-шей, команчей, суаки, ута, кюва, а также кечумани, затем на трех южноамериканских диалектах. О лапландском упоминать не стану. Сколько рабочих ночей мне это стоило? Я и сейчас не сплю по 3 ночи в неделю: с 6 часов вечера в понедельник до 12 во вторник, точно так же со среды на четверг и с пятницы на субботу. Кому бог дал один фунт разума, тот должен приумножать его, ибо «с него спросится». Здесь с полной уверенностью можно говорить о *pseudologia phantastica* в психиатрическом смысле слова.

Бем описывает также следующий эпизод: «Графиня И. из Кабуны в Славонии, читавшая романы Мея запоем, не могла перенести мысли, что Виннету умер язычником, и обратилась к автору с укоризненным вопросом: почему он не описал обряда крещения, совершенного хотя бы перед смертью Виннету. Мей совершенно серьезно написал в ответ, что упрек ее несправедлив: обряд крещения был совершен самим же Меем, т. е. *Old Chatterhand*, но в романе об этом умалчивается, ибо Мей опасался, что последуют нападки иноверцев». Мей парировал упрек читательницы заведомым обманом, чтобы выставить себя в благоприятном свете. Он вообще охотно переписывался с читателями, но, кроме того, создавал себе рекламу, публикуя читательские письма, которые сам же сочинял. Письма эти издавались в виде брошюр под названием «От благодарных читателей». Карл Мей в них предстал воспитателем, пастырем, а его противники испровергались.

Из всего сказанного видно, что Мей, пользуясь поэтической свободой, сочинял и лгал беззастенчиво, не брезгуя никакими средствами, пускал пыль в глаза, а дешевые выдумки выдавал за истину. Таким образом, творческая деятельность не положила конец авантюризму Мея, напротив, он продолжал свои проделки, но теперь уже в новом и оригинальном писательском жанре. Конечно, его авантюризм и в социальном плане приобрел несколько иное звучание: конфликты с законом закончились, молодежь бредила его романами.

Карл Мей может быть отнесен к патологическим лгунам, которые очень сживаются со своей ролью и сами не осознают, что дурачат людей. Благодаря этому его игра приобретала предельно убедительный характер, окружающие верили ему безоговорочно. Вероятно, он покорила этой истерической стрункой и самого Гурлитта. Вот что читаем в одном из писем Мея к Гурлитту: «Господин советник юстиции Зелло, который только что у меня был, рассказал мне, глубокоуважаемый господин профессор, о визите вашем к нему, о том, что вы, наш пламенный борющийся за школьную реформу, предложили ему написать и опубликовать статью о благотворном влиянии моих романов на подрастающее поколение. Трудно выразить словами, как меня, ста—

на, безусловно не свободной. Позвольте заверить вас, господин профессор, что я принадлежу к самым убежденнейшим приверженцам, хотя бы и с некоторыми оговорками. Надо полагать, что эти письма были адресованы только профессору Гуранту, однако было возможно и то, чтобы до Рей до этого случая сочинены профессором. В другом письме Гуранту, написанном значительное время до Рей делится с ним своими дальнейшими творческими планами. Впоследствии стал явным свидетельствующим, что в это время еще не ставал о серьезных планах, писавших профессором. Он писал и писал, а Рей молчал, так что он не имел перед ним, не считая этого было в предварительном порядке и разоблачил. Сами же зум, меня распяли. Зато, как и вы, не крик и крик выслушались вдруг меня выслушались. Тогда, наконец, я начал. Я закончил подлинно. Я начал и начал и начал писать. То, что мне уже было, и мне было. Я начал писать еще долго. А если бы, то в том случае, когда единственными про-... .., как бы он представлял волю чаяниям и желаниям. Если бы был так, значит, и слыли то, что хотел, и писал бы, как вы, как вы. В том письме хорошо отразился... ..

Позвольте и сказать вам, что религия писательского таланта Рей. Но в Рей же способствовала его принадлежность к... .. Адекватность... .. тарачам его... .. Судя по... .. эти... .. сказать, что Рей... .. особенно когда... .. В... .. до полного слияния... .. вам под... .. также, что... .. Old Chat... .. быть только... .. сво... .. и вырастала... ..

Психическая деятельность

На фоне этой психической деятельности... .. У лиц педантических... .. в психическом... .. механизмы... .. отсутствуют... .. «тянут» с реше... .. обдумывания... .. начать дейст-

вывать, еще и еще раз убедиться, что лучшее решение найти невозможно, что более удачных вариантов не существует. Ананкаст не способен вытеснять сомнения, а это тормозит его действия. Таким образом, необдуманности истериков противопоставляется *нерешительность ананкастов*. Разумеется, решения, с которыми связаны колебания педантичного субъекта, должны быть в какой-то мере важны для него: оказывать сопротивление естественному вытеснению трудно лишь тогда, когда неверный поступок грозит либо вызвать неприятности, либо воспрепятствовать приятному. То, что для человека не имеет серьезного значения, сознание вытесняет без всякого труда, для этого не нужно принимать особого решения даже ананкасту.

При развитии у лиц педантического типа *невроза* важность решения не снимается с повестки дня, но в этом случае предполагаемая *угроза*, тормозящая принятие решения, может оказаться *ничтожной*. Если мать-ананкаст прячет в комнате, где находится младенец, все колющие и режущие предметы, то ее действия в известной мере оправданы страхом, что ребенок может пораниться. Но если та же мать, вообще боится прикоснуться к младенцу, «чтобы не повредить ему», то она страдает неврозом навязчивых состояний.

Так, например, навязчивое умывание может с натяжкой быть оправдано тем, что даже после тщательного мытья на теле все же остаются мельчайшие частицы грязи, часто невидимые (бактерии). В случаях, когда минимальная возможность опасности сопровождается резким, бурным аффектом, можно говорить о том, что стадия психологической нормы развития истекла, т. е. приходим к закономерности, описанной в цит. соч. (с. 191). Это можно образно представить как *основной закон развития человеческих чувств*, согласно которому эмоции, раскачиваемые между двумя полюсами, все «набирают высоту» и таким образом из незначительных реакций перерастают в глубокие аффекты. С этой закономерностью мы столкнемся еще при анализе развития параноических состояний.

При *неврозах навязчивых состояний* сильный страх, заставляющий видеть в пустяковом обстоятельстве зловещую угрозу, возникает из-за длительной неуверенности в том, оправдан ли данный страх. Мать в нашем примере сначала хотела лишь убедиться, нет ли острых предметов вблизи ее ребенка. Но успокоиться окончательно не могла, подозревая, что упустила из виду еще какой-то опасный предмет, и вновь гнала от себя мрачные мысли, и вновь они возвращались. Вследствие таких постоянных, разъедающих душу сомнений возникает болезненный страх, снедающий невротиков с навязчивыми идеями. При этом их же собственный разум считает страхи необоснованными, но преодолеть их они не в силах. Уже в периоде развития аффекта ананкаст борется с навязчивыми представлениями; но поскольку его способность к вытеснению заведомо недостаточна, то именно эта борьба усиливает навязчивые представления, ведя

и тому самому «раскачиванию», которое взвинчивает страх до предела. Последуй женщина в нашем примере первому импульсу, унеси она из комнаты свои иголки, булавки, ножницы, прежде чем войти туда с младенцем, прекрати она размышлять в данном направлении — и навязчивая идея не развилась бы. Женщины избега бы о чрезмерных предосторожностях, если бы не переставала удорно о них думать, страх ее улетучился бы сам собой. Но ей не удается «поставить точку», всплывают новые опасения, и, борясь с ними, она невольно способствует их развитию, создает для них питательную среду.

Но не только такие колебания склоняют людей к патологическим сомнениям; толчком, способствующим «раскачиванию» страха, могут быть и внешние обстоятельства. *Ипохондрический* невроз чаще всего возникает в связи с медицинским обследованием, вмешательствами, предписаниями; больной начинает колебаться между надеждой и опасениями, и в конечном итоге — оказывается заточенным в страх перед тяжким заболеванием. Особенно необоснованности страхов у ипохондриков еще менее вероятно, чем при навязчивых сомнениях, поскольку легче убедиться в необоснованности бреда сомнения, чем в несерьезности фантасического заболевания, причина которого нередко неясна в данный момент.

В данной монографии речь идет не о *психическом развитии*. Мы привели эти обстоятельные замечания лишь с целью облегчить понимание типа личности, так как сведения о психопатии, развивающейся у идентифицированной педантической личности, являются частью правдивого суждения о ней. Легче будет понимать и специфические способы акцентуации этого типа.

Для ипохондриков невроз педантичности наносит ущерб личности только тогда, когда она приобретает болезненный характер. Способность работать остается в этих случаях настолько неизменной, что человек не в состоянии нормально работать. Ипохондрический человек, он знает, что зовов прозревает, удовлетворенный тем, что делает его труд, можно ли считать работу невыполненной. Он способен отстраниться от друзей, от коллектива. Ипохондрический невроз не только не компенсируется педантичностью, но и усиливает ее, делая ее еще более мучительной. Ипохондрический человек работает педантично, чтобы навести порядок в своем доме. Вечером, когда приходит педантичность в дом, человек знает, например, рабочий день закончился, и он не может «расстаться» с рабочим местом; тогда, когда приходит вечер, чтобы проверить, заперты ли двери, проверить ли все двери, все ли оставлено в полном порядке. Если он спешит себе, освобождается от многократных проверок, то по дороге домой все равно его изводят мысли о различных рабочих делах, приходят разные мелочи. Особая особенность его сознания, когда порученная работа отложена. Педантичность не оставляет человека и дома: время, предназначенное для другого периода «выключения»,

становится для педантической личности тяжелым испытанием. Ананкаст еще раз подвергает скрупулезному анализу все, что было сделано сегодня, погружается в мысли о планах на завтра и не находит лишь одного — покоя.

Бытовые обязанности также не могут выполняться спокойно и гладко. Женщины больше мужчин подвержены чрезмерной, навязчивой аккуратности. Уборка в комнате производится дотошно и основательно, да и куда чаще, чем нужно. Особая чистота должна царить на кухне. Приготовление пищи отнимает у ананкастов много времени, ибо мытье продуктов, их очистка, перебирание овощей, крупы выполняются с предельной тщательностью. Посуду ананкасты моют по три-четыре раза, меняя всякий раз воду. Если ожидаются гости, уборка производится особенно интенсивно. Трудоемкой оказывается и забота о предотвращении бытовых несчастных случаев. Женщина, которая ни разу в жизни не забывала закрыть газовый кран, обязательно многократно проверяет себя, поднимаясь для этого с постели даже ночью. То же самое прделывается и с входной дверью. А днем опять повторяется знакомая картина: покидая дом, ананкаст возвращается проверить, аккуратно ли заперта дверь, тянет ее, трясет; между тем еще ни разу не случилось, чтобы он не закрыл дверь. Выключение утюга и света при уходе из дому также перерастает в проблему. Таким образом, для педантических личностей и выполнение трудовой деятельности, и бытовые заботы протекают настолько усложненно, что радости жизни, возможность ими наслаждаться как бы проходят мимо них.

Если педантичность выступает лишь как *акцентуированная черта характера*, то описанные выше отрицательные моменты не проявляются. Поведение педантической личности не выходит за пределы разумного, и в этих случаях часто сказываются *преимущества*, связанные с тенденцией к основательности, четкости, законченности. Так, в области профессиональной деятельности педантическая личность проявляет себя положительно, так она выполняет работу очень добросовестно. Другие подумают: что тут возиться, и так сойдет! Такая установка людям описываемого типа чужда. На производстве хорошо знают работников с этой стороны, знают, что на него можно положиться безоговорочно: ему всегда доверяют работу, при выполнении которой необходима большая точность, тщательность. Любопытно следующее: на ананкаста ответственное задание может оказать угнетающее действие, так как вызовет множество тревог и опасений, в то же время педантическая личность возьмется за работу без особых раздумий и выполнит ее четко. Если учесть, что педантичность, сверхаккуратность это одновременно и сверхдобросовестность, то сразу становится понятным положительное значение такой черты характера. Позитивное начало педантической личности проявляется и в том, что такой человек любит свое производство, хорошо осознает обязательства по отношению к нему и не меняет место работы без веских оснований.

такие люди много лет, а иногда и всю жизнь работают на одном и том же предприятии. С мелочным педантизмом скрупулезность такой доброты не имеет ничего общего, а любовь к порядку тоже ни о том, что обладатель этого качества — ананас (на этом подробно остановимся ниже). В быту для лиц педантичного типа также характерна добросовестность. Муж в семье обычно вередко, пасуя перед бытовыми трудностями, перекладывает ответственность на жену. Иногда из-за чрезмерно высокого порога таких лиц, которых еще нельзя отнести к ананасам (они обнаруживают только черты педантичности), могут серьезно осложнить себе жизнь. Однако для общества они очень полезны.

Педантическая скрупулезность, впрочем, выражается не только в высоких деловых качествах. Она чревата тем, что акцентуированная доброты начинает усиленно *печься о собственном здравьи*. При умеренных проявлениях это положительное качество. Сдержанный человек осторожен, не увлекается курением, не выпивает много вьет. Однако при неблагоприятных обстоятельствах такая установка служит толчком к развитию *ипохондрики*. Можно свою мысль выдержками из описаний этих личностей, во избежание приведу описание Шмишеком трех лиц, *представленных в нашей с ним общем труде*.

Василий К. 1922 г. рожда, слесаря по ремонту машин. С детских лет жизнь его шла прямо. Отец в сплавной семье, воспитал восьмилетку, учился средне. После 15-ти окончил профтехшколу слесаря, получил аттестат с хорошими оценками. С 1939 г. работает по специальности в одной и той же фирме. Вот как он сам описывает себя. В 1956 г. женатся, жена на 4 года моложе его. Имеет двух детей, 7 и 5 лет.

В доме работает, и как слесаря К. всегда был на высоте. Его семейная жизнь складывалась гармонично. С товарищами по работе неизменно хорошие деловые отношения, полное взаимное уважение. На производстве в К. самолично выполнял, его ценят за трудолюбие и богатый опыт. Человек он добрый, когда только помочь товарищу.

Черты педантичного типа особенно ярко выявлялись в беседах с К. Выяснилось, что с самого детства его считали старательным и добросовестным человеком. К. любовь к делу он относит к себе: не бывает так, чтобы случайно вылезла неаккуратность, — все делается продумано тщательно. Выявлено было tendency к педантичному контролированию производимой работы. Когда же дело обработки детали, К. непременно проверяет, не забыл ли он какие-либо детали, не забыла ли стружка в инструменте. Когда же инструмент, инструмент, закрыт ли выключатель, выключатель, не забыл ли он какие-либо детали, не забыла ли стружка в инструменте. Когда же инструмент, инструмент, закрыт ли выключатель, выключатель, не забыл ли он какие-либо детали, не забыла ли стружка в инструменте. Когда же инструмент, инструмент, закрыт ли выключатель, выключатель, не забыл ли он какие-либо детали, не забыла ли стружка в инструменте. Когда же инструмент, инструмент, закрыт ли выключатель, выключатель, не забыл ли он какие-либо детали, не забыла ли стружка в инструменте.

Перед нами человек, выгодно выделяющийся на фоне многих других. Его добросовестностью объясняется редкая тщательность при выполнении работы. У него высокие трудовые показатели.

Следующий случай также подтверждает, что аккуратность и добросовестность ведут к трудовым достижениям, обеспечива-

ют авторитет на работе. Одновременно мы убедимся и в том, что чрезмерная добросовестность чревата страхом перед ответственностью.

Конрад Н., 1929 г. рожд., директор школы. Детство протекало нормально, серьезных заболеваний не было. В течение шести лет посещал начальную основную школу, а затем до 1945 г. — расширенную среднюю школу-интернат. Закончил ее, учился всегда хорошо. Позднее поступил на педагогические курсы, окончил их успешно. С 1948 г. работает учителем, с 1952 г. — директором школы. Некоторое время (1954—1955) был школьным инспектором. В 1949 г. женился, имеет двоих детей.

В целом жизнь Н. сложилась благополучно. С женой — также педагогом — у него полное взаимопонимание. Возглавляемая им школа считается одной из лучших. С товарищами по работе отношения хорошие. Объясняется это характером Н., человека весьма добросовестного, у которого во всем «кажур». Он основательнейшим образом готовится к урокам. Многочисленные сверхплановые дела по школе, которые можно было бы поручить кому-либо из коллектива, он выполняет сам, чтобы быть уверенным в своевременном и четком исполнении. При выставлении оценок Н. остерегается поспешных суждений: не хочет быть несправедливым. Вообще ему нелегко критиковать других. Сам он, будучи юношей, во время экзаменов чувствовал себя неуверенно, всегда очень волновался. Должность инспектора школ округа его никак не устраивала, так как была связана с частым посещением школ и контролем за работой коллег. Поэтому он отказался от нее. В истекшем году он всячески сопротивлялся, когда его за хорошие показатели решено было перевести на более ответственную должность. Ему приятнее его скромная школа, где ответственность куда меньше. Впрочем, и этот маленький участок целиком поглощает его. Отчеты учителей областному отделу просвещения Н. прочитывает сам по нескольку раз. Перед сном обходит все помещения школы (он и семья живут при школе), проверяя, все ли в порядке. Н. легко сходится с людьми, настроение у него всегда ровное. Не обидчив, не любит ссор, скандалов, объяснений, при любом конфликте предпочитает уступить, стремится избежать столкновений по работе.

У вышеописанных обследуемых педантичность проявляется в области профессиональной, в труде. Ниже описана женщина на примере которой мы видим, как подобные акцентированные черты характера проявляются в *бытовой обстановке*.

Эльза Ш., 1925 г. рожд., домохозяйка. Детские годы ничем не примечательны. Закончила начальную школу. После года практики стала работать в хозяйстве отца, пока в 1949 г. не вышла замуж. У нее двое детей. Ш. очень добросовестна, всякую работу выполняет основательно. Соседи часто отмечают, что она чересчур аккуратна, без нужды усложняя этим себе жизнь. Ш. никогда не отдыхает, она работает с утра до вечера не покладая рук, добиваясь во всем образцового порядка, безукоризненной чистоты. Случается, что она работает далеко за полночь, хотя намеченное без всякого ущерба можно было бы выполнить и на следующий день. Но она попросту не может ходить покоя, пока не переделает всего, что намечено. Еще работая в хозяйстве на участке отца, Ш. славилась образцовой исполнительностью, и родители очень сожалели об утрате такой помощницы. Когда она позже приезжала к родителям, то неизменно включалась в работу по хозяйству, доводила все до блеска. Кроме работы по хозяйству для семьи Ш. еще заведывала садик. Грядки в нем прямые как стрелки, ни единого сорняка не найдешь. Утром она всегда поднимается в назначенное время, но это не мешает ей заводить два будильника, «чтобы вовремя разбудить мужа». Ш. всегда проверяет выполненную ею работу: вытрет пыль — и сразу начинает вытирать рукой мебель, чтобы установить, не осталось ли пыли. Она обязательно проверяет дверную ручку, заперев за собой входную дверь. Бывает и так, что возвращается домой убедиться в том, что газ и утюг выключены. Правда, ей еще не случалось забыть выключить тот или иной прибор, но все же

допустимо на них задерживаться, а напротив, нужно без промедления переходить к следующему действию или к мысли, связанной с ним. Именно таков путь возвращения ананкаста к нормальной жизни и трудовой деятельности, несмотря на то, что сама аномальная тенденция больного радикально не ликвидируется. Надо сказать, что на военной службе большинство ананкастов чувствуют себя лучше, чем на гражданской, поскольку строжайшая военная дисциплина не оставляет места для нерешительности и колебаний. Вообще же важным моментом у ананкастов является воспитание самодисциплины. Консультации в таких случаях дает психотерапевт. Наш обследуемый Г. после курса лечения мог беспрепятственно выполнять рабочие обязанности. Но слабость в принятии решений осталась и по-прежнему значительно ограничивала свободу его действий. Такая слабость может быть квалифицирована как психопатическая.

Педантичность как черта характера может проявляться даже в детстве, хотя в этом возрасте она и не бывает резко выраженной. Ей препятствует естественное возрастное отсутствие собранности, откуда и часто встречающаяся у детей необдуманность поступков. Поэтому детей, принадлежащих к педантичному типу, сразу можно отличить от других: они выделяются своей добросовестностью, дисциплинированностью. Как пример приведу описание ребенка, сделанное в нашем совместном труде врачом Линдер.

Петер Ш., 10 лет, лечился в стационаре нашей клиники в 1962 г. по поводу тика мышц лица. Его родители придавали огромное значение успехам детей в школе. Как только ребенок получал невысокую оценку, мать начинала дополнительно заниматься с ним по данному предмету. Наш маленький пациент уже прежде был склонен к физическому переутомлению. Ему приходится заметно напрягаться, чтобы не отставать от ровесников, хотя он отнюдь не является «отсталым» ребенком. Мальчик болезненно реагирует на плохие оценки, хотя и старается не показывать этого, скрывая свое огорчение. Петер нередко бывает близок к слезам из-за обиды, из-за завышенных требований. Но мальчик не хочет, чтобы его жалели, он самолюбив. Учится он всегда старательно, отдавая подготовке все силы, стремясь выполнять школьные задания безукоризненно. Что бы ни поручить Петеру из бытовых дел, на него можно безусловно положиться. Это подтверждают и родители. Мальчик тщательно выполняет любое домашнее поручение даже в тех случаях, когда родители уезжают, т. е. никто его не контролирует. Из всех братьев и сестер Петер самый исполнительный.

Тик начался у мальчика в возрасте 4—5 лет, т. е. еще до посещения школы. Немалую роль в этом сыграл его единоутробный старший брат, постоянный «соперник» нашего пациента. По рассказам матери, ее сыну от первого брака — здоровому настойчивому крепышу — доставляло удовольствие дразнить менее выносливого брата, задираться с ним. Вскоре после выписки Петера из клиники родители отправили старшего брата в интернат. Тик удалось вылечить, теперь он появляется у Петера только в моменты волнения, напряжения, нервного ожидания или при переутомлении.

Установить, что этот мальчик — маленький представитель педантического типа, нетрудно. В выполнении порученных заданий он отличается необычайной добросовестностью. Можно сказать, что ему чужды характерные для любого ребенка беспечность, легкомыслие. В связи с тем что одно время Петер

связано с чрезмерным напряжением сил, он вновь стал невротичным, снова появился тик. Появление тика, возрастание его интенсивности при этом весьма характерны — тик и у взрослых представителей вегетативного типа чаще всего появляется тогда, когда большие перегрузки сопровождаются повышенным напряжением и процессом, происходящим в собственном организме.

На фоне вегетативной психопатии возможно развитие череды навязчивых состояний.

Провести четкую границу между обычными реакциями ананксы и развитием невроза навязчивых состояний вряд ли возможно. Иногда уже первое колебание при ситуации, требующей определенного решения, может оказаться предпосылкой для развития невроза. Следующее затем колебание по аналогичному поводу может наоборот усилить торможение, поднять его выше исходной точки. Но в развитии собственно невроза следует говорить лишь тогда, когда обследуемый утрачивает способность совершать разумные поступки. При этом не имеет значения, как часто он поступает так, как не совершает нужного действия, то же поведение совершает его там, где оно излишне. Описываемое развитие так бы шло во все области деятельности, кроме одной, исключительной, удерживаясь однородно навязчивость. Чаще всего эта исключительность нарушения особенно бросается в глаза. Бывает, что человек не решается выйти из дому на работу. Если ему «слышится замертво», и в то же время он, не испытывая и тени сомнения, садится в машину, которую любит так же, как и вылет. Чем оживленнее намечающееся развитие в сторону тяжелых навязчивых состояний, тем явственнее эти состояния проявляются только в одной определенной области психики. У человека, неизменно сосредоточенного на одной какой-либо вещи, почти не остается времени для того, чтобы колебания в навязчивости тика и в отношении других областей психики. В результате, движимый за пределами невроза, он либо поступает нормально, как и любой другой человек, либо вообще не занимается им во что ему обречь своего заблуждения. Например, делая уборку может часами ходить туда, где не убирая, потому что забыла, что она пришла на это «не остается». Иногда такое же может случиться и относительно обследуемую, которая не может и думать.

Знакомая Т. 1915 г. родилась в семье педагогической медсестры. Помню, что мать Т. была весьма впечатлительной женщиной: считала, что если заболеет отец и жена, придет в бред, то другого человека, то последней семье мужа. На исповедном судились сама, она часто бегала исповедываться. В подростковом возрасте ее привели на курсы медсестер Т. 1915 г. года, что в будущем подвергнется трудные воздействия уничтожению, чем жила до сих пор. В этот период она как раз утратила за детьми, болевшими туберкулезом отца и матери. Т. очень много часто рассказывал о своем брате, заболевшем туберкулезом. В Т. возник навязчивый страх туберкулезных больных. Она работала с дочкой в ведомстве ведомственной сестры и до 1939 г. работала частной медсестрой. В 1939 г. вышла замуж, стала матерью троих детей.

Во время войны Т. много время работала медсестрой в госпиталях, впоследствии всевозможные представления у нее не возобновлялись. В 1945 г. во

время бомбардировки погибли две дочери Т. После этого ее снова обуял навязчивый страх перед бактериями. Болезнь прогрессировала, в 1959 г. стала угрожающей. Круглые сутки ее преследовали навязчивые состояния. С утра до вечера она занималась стиркой, но все же не могла добиться желаемой чистоты. Дом у нее был полон всевозможных тряпок и тряпочек, каждая из которых имела специальное назначение. К дверным ручкам Т. иначе как через тряпочку не прикасалась. Ложилась спать очень поздно. Особенно скверно на нее влияла хорошая погода: в солнечные дни она считала необходимым уничтожать бактерии туберкулеза, которые могли находиться на белье, при помощи солнечных лучей. Уже с ночи она начинала собирать все белье, чтобы при появлении первых же лучей солнца развесить его на дворе. Состояние обследуемой особенно ухудшалось, когда ей нужно было выйти на улицу, страх прийти в соприкосновение с бактериями в эти моменты возрастал во много раз. Увидя где-либо пятна крови, Т. на большом расстоянии обходила это место, и тем не менее страх, что бактерии «перешли на нее из крови», не удавалось подавить. Ее преследовали воображаемые картины кровавой мокроты больных туберкулезом, и все чаще ей мерещились на асфальте и на стенах домов видоизменения в окраске, вызванные якобы кровью. В конце концов она стала выходить на улицу лишь в случае крайней необходимости.

Обследуемой, пришедшей на прием в наше психотерапевтическое отделение, была предписана интенсивная терапия отвлечением и привыканием. Основная цель — избавить ее от навязчивого страха перед бактериями туберкулеза и кровью. Одновременно она работала над усвоением разработанных и рекомендованных ей нами правил поведения, которые в конечном счете должны были освободить Т. от господства навязчивых состояний, не покидавших ее в силу присущих ей особенностей личности. После прохождения курса лечения Т. стала вновь работать в качестве педиатрической медсестры. Она была направлена на прежнюю работу с целью сохранения выработанного нами в процессе лечения жизненного ритма. Вот уже несколько лет как Т. работает по специальности (педиатрической медсестрой) и образцово ведет домашнее хозяйство. Сравнительно недавно мы спрашивались о ней: она все еще работает на старом месте в детских яслях. Мы получили от нее письмо с выражением благодарности. Все же Т. должна чрезвычайно внимательно следить за собой, чтобы уберечься от возобновления навязчивых представлений. Ведь сама болезненная педантичность обследуемой лечением устранена не была.

Развитие ананкастического невроза предполагает упорную стойкость аффекта, поэтому данный невроз в детском возрасте не встречается. Исключение представляет собой ребенок, описанный нашей сотрудницей Линднер в нашем совместном труде. Развитие заболевания стимулировалось неврозом матери, который отражался и на ребенке. Сама же возможность заболевания обусловлена особенностями личности ребенка, если не ананкастическими, то по меньшей мере педантическими.

Марио Р., 9 лет, лечился в нашем стационаре по поводу категорического отказа посещать школу. Этому предшествовал случай, когда Марио, вернувшись из школы немного позднее, чем обычно, не застал дома маму, которая обычно всегда его ждала.

Марио — единственный сын. До школы лишь короткое время был в детском саду, все детство провел в родительском доме. Его мать вот уже несколько лет находится под наблюдением психотерапевтов по поводу всевозможных фобий. В нашу клинику она поступила одновременно с сыном. Выходя из дому, мать часто брала с собой мальчика «для поддержки» при переходе через улицу или через мост, так как сама ходить по городу боялась. Мальчик обычно держал ее за руку. Отец всегда очень занят на работе, производит впечатление человека выдержанного, осторожного, надежного.

Марио с раннего возраста боязлив. Его никогда нельзя оставлять одного дома — ни вечером, ни днем. Он боится засыпать в темноте. Это живой ре-

Ниже описаны два случая ипохондрического невроза. Первый из них наблюдался у больного, который отличался выраженными педантическими чертами характера, к тому же мог быть определен как ананкаст.

Герберт Ф., 1936 г. рожд., в средней школе всегда хорошо учился. Уже ребенком он с трудом вступал в контакт с другими школьниками, был неуверен в себе, заторможен. Всегда страдал предэкзаменационной лихорадкой. Вообще в школе его всегда отличала робость. Таким остался и по окончании школы. Несправедливые замечания воспринимает весьма болезненно, в то же время не умеет постоять за себя. «А может быть, все же в чем-то виноват?» — думает Ф. в таких случаях. Его нельзя назвать честолюбивым, основное его стремление — чтобы никто не нашел недочетов в выполненной им работе. Ф. не способен отогнать от себя мысли о «плохом», склонен к самокопанию. В работе аккуратен, исполнительен; если приходится прерывать трудовой процесс, не доведя его до конца, Ф. очень нервничает. Часто поэтому уходит домой позже остальных сотрудников. Постоянно мучается сомнениями, все ли он сделал как следует, неоднократно проверяет себя. Дома проверяет газовые краны, выключатели.

Как-то после очень душного дня — это было в 1964 г. — Ф. никак не мог заснуть, ему «не хватало воздуха», он чувствовал боль в области сердца, его лихорадило (температура была 37,6°). Врач дал Ф. больничный лист с диагнозом «грипп» и через несколько дней выписал его на работу; предложил, однако, сделать на всякий случай электрокардиограмму. Ф. это сильно обеспокоило, он неотступно думал: «Плохо дело, что-то происходит с сердцем». У него обнаружили повышенное артериальное давление назначили лабораторные исследования. Врач обронил фразу о «пороке сердца». Обследуемый был потрясен: «Это оказалось ужасным ударом, прямо катастрофой, я понял, что моя жизнь висит на волоске». Боль усугублялась, все больше чувствовалась стесненность дыхания. «Это конец», — думал Ф. Однажды, когда ему показалось, что сердце сжалось в последней судороге, он с диким воплем вскочил с постели. Исследования продолжались, хотя органических изменений сердца установить так и не удалось.

В 1965 г. Ф. пришел на прием в наше психотерапевтическое отделение в тяжелом состоянии: его преследовали мысли о близкой смерти. Ему было назначено психотерапевтическое лечение. Разъясняющими беседами удалось прервать «самокопание» Ф. Терапия заключалась в организации отвлечений и нагрузок. В результате больного удалось избавить от страха перед болезнью. Мы научили его также правилам поведения на будущее: как ему бороться с навязчивыми мыслями о смертельном заболевании. Самой склонности к подобным мыслям нам ликвидировать не удалось. При повторном обследовании Ф. отмечено нормальное самочувствие.

У следующего обследуемого ананкастические проявления значительно менее заметны. Здесь, видимо, нужно говорить не о психопатии, а лишь *об акцентуации личности*.

Рольф Г., 1924 г. рожд., воспитывался очень строгим, пунктуальным отцом. Очевидно, отец обладал педантическими чертами характера. Г. учился хорошо, по окончании школы стал торговцем. Всякую работу Г. выполняет добросовестно и аккуратно. При малейшей неточности в балансе торгового предприятия он места себе не находит, пока не обнаружит в бухгалтерских книгах ошибку. Он постоянно проверяет все сделанное, возвращается проверить, заперт ли гараж, выключены ли фары. Дома этого делать не приходится, здесь его отец все проверяет «от уголька в очаге до чердачного окошка». Но Г. и сам во всем строго соблюдает порядок: «Если ночью, случится, разбудят, я должен ощупью в темноте найти все нужное». Г. долго раздумывает перед любым решением.

В 1943 г. Г. был ранен в спину, а с 1947 г. у него часто отмечалась боль в крестце, впрочем, он не чувствовал себя серьезно больным. Но боль про-

доставил, и в 1867 г. Г. решил проконсультироваться у врача, который направил его на рентгенологические исследования и назначил водолечение (ванны). Боль в спине после курса лечения не прекратилась. Вот тогда Г. испугался: «Но же это может быть?» — спрашивал в себя. Я думаю, что, вероятно, при этом возникла ревматоидная каверноза, что это приведет к параличу». Болезненность хребта в позвоночной и последующие годы изменялась, но недостаточные не оставило Г. В 1876 г. он был определен в больницу и одновременно направлен на рентгенологическое исследование, оказавшуюся безуспешной. Позже была предпринята операция, но также безрезультатно; скорее, наступила даже ухудшение. На протяжении большого времени еще и психогенный фактор: его считали в клинике начинался парализованный больной, который много раз, но никогда до смерти не рассказывал, что у него тоже «все началось с боли в спине».

В последующие годы Г. продолжал лечиться. Тогда врачи при осмотре и обнаруживали только две опухоли, но не указывали его: «Я был уверен, что в позвоночнике, потому что ничего мне не говорит». Между тем боль распространялась по всему телу. Был характерный перечень жалоб, которые не указывали на время приема большого в какой-либо клинике. «Боль я ощущаю между лопатками, она тянется до правой лопатки, до правого глаза, а иногда и до правой лопатки вниз. И особенно вечером, потом наступает полная бессонница. Спина болит только тогда, когда двигаюсь; я как бы вовсе теряю спину. Боль в крестце переносит в правое бедро, вся правая рука от плеча до кончика. Остальное в спине у меня ощущение холода и влажности в ногах, тупая у меня голова, слабость. Спина? Да, спине тоже болит. Иногда так сильно, словно это позвоночник был оторван».

Боль во всем теле после операции усилилась под действием отдаленного и непрерывного лечения. Остались лишь уменьшилась боль в крестце, вероятно, достигавшая состояния с переносимым равновесием; впрочем, она мало беспокоила обследуемого.

Г. оставался в клинике до 1887 г. В этом году у него была особенно напряженная работа, в связи с чем усилилась боль в крестце, в связи с ней возникла воспалительная опухоль, которая с помощью физиотерапевтического лечения прошла и не давала больше беспокоить.

Вспомнив на то, что Г. оставался в клинике много лет, мы не могли не интересоваться в этом случае личностью пациента. В связи с этим неоднократно проводились тщательные медицинские осмотры и исследования, включившие в себя тщательное обследование, к сожалению, только фронтальной стороны позвоночника, обследуемый находил в это состояние состояние безразличия. Стало аффекту страдания, которое, конечно, связано, как в данной обстановке он возникал спонтанно. Живая личность с искренним стремлением, признанием, что необходимо обратиться к врачу, и искренним интересом к своему состоянию, способным выдержать, более того, поддерживать его длительное лечение. Он выдерживал и довольно долго во время него Г. был весьма интересным и целевым человеком, который, конечно, страдал от своего характера от ряда других заболеваний, включая ревматоидный артрит. Боль в крестце, которая объективно была незначительной, вероятно не вызывала у него такой страдания, что боль продолжалась несколько лет, прежде чем он, наконец, обратился к врачу.

Следует отметить, что, что обследуемый жаловался на бессонницу, выходящую далеко за пределы физиологической нормы.

Вспомнив также, что этот человек — в связи со страхом боли — не только сообщает о неопределенных соматических

симптомах, но и жалуется на конкретные, четко локализованные неприятные ощущения,— это уже свидетельствует о предрасположении к невротическому развитию.

Возникают не *«идеопихондрические»* состояния, как я предлагаю их называть, а *«сенсопихондрические»*, при которых появляются не только болезненные опасения, но и явственные болезненные ощущения без конкретной телесной основы. При подобном предрасположении опасность невротического развития возрастает, так как боль воспринимается как подтверждение органического заболевания. Если момент опасений, страха перед болезнью отсутствует, то описываемое предрасположение не проявляется, следовательно, в нем нет ничего патологического. У Г. в начальной стадии невроза предрасположение к невротическому развитию не проявило себя ничем. И лишь совпадение таких факторов, как нервное и физическое переутомление и выраженные черты личности педантического типа, вызвали невроз, а вслед за ним и разветвленные болевые ощущения.

Ипохондрический невроз не всегда легко отличим от невроза навязчивых состояний. Люди, страдающие кардиофобией, т. е. болезненной мнительностью в отношении заболеваний сердца, могут одновременно бояться выходить на улицу, опасаясь, что именно там произойдет инфаркт. Такая фобия ситуации — она также должна быть отнесена к неврозам навязчивых состояний — есть не что иное, как следствие нозофобии, т. е. ипохондрической мнительности. В других же случаях это вообще страх перед чем-то роковым и зловещим, но он не содержит представлений о конкретном заболевании своего собственного организма.

Застревающие личности

Основой застревающего, параноического, типа акцентуации личности является *патологическая стойкость аффекта*.

Чувства, способные вызывать сильные реакции, обычно идут на убыль после того, как реакциям «дать волю»: гнев у разгневанного человека гаснет, если можно наказать того, кто рассердил или обидел его; страх у боязливого проходит, если устранить источник страха. В тех случаях, когда адекватная реакция почему-либо не состоялась, аффект прекращается значительно медленнее, но все же, если индивидуум мысленно обращается к другим темам, то в норме аффект через некоторое время проходит. Даже если разгневанный человек не смог отреагировать на неприятную ситуацию ни словом, ни делом, то тем не менее не исключено, что уже на следующий день он не ощутит сильного раздражения против обидчика; боязливый человек, которому не удалось уйти от внушающей страх ситуации, все же чувствует себя через некоторое время освобожденным от страха. У застревающей личности картина иная: действие аффекта прекращается гораздо медленнее, и стоит лишь вернуться мыслью к случившемуся, как немедленно оживают и сопровождавшие стресс эмоции. Аффект у такой личности держится очень долгое

время, эти различные новые переживания его не активизируют.

Так уже говорилось, патологическим последствием чреватости в первую очередь эгоистические аффекты, так как именно на эту сторону возбуждается. Вот почему застревание аффекта наиболее ярко проявляется тогда, когда затронуты личные интересы индивидуальной личности. Аффект в этих случаях оказывается реакцией на уязвленную гордость, на задетое самолюбие, а также на различные формы подавления, хотя объективно моральной ущерб может быть ничтожным. Оскорбление личных ощущений, как правило, никогда не забывается застревающими личностями. Поэтому их часто характеризуют как злопамятных или амбициозных людей. Кроме того, их называют чувствительными, болезненно обидчивыми, легкоуязвимыми людьми. Обиды в таких случаях в первую очередь касаются самолюбия, сферы личной гордости, чести.

Однако и ущерб, наносимый интересам другого плана, например жадности материальных благ, страсти к приобретательству, также болезненно воспринимается людьми, которые отличаются чрезмерной ригидностью аффекта. Чувство возмущения общественной несправедливостью у личности застревающего типа наблюдается в более слабой степени, чем аффекты на уровне индивидуальной возбудимости. И если среди представителей данной группы не встречаются иногда борцы за гражданскую справедливость, то лишь в той мере, в какой эти люди отстаивают общественную справедливость в отношении себя; общением они стремятся предать больше веса своим личным претензиям.

Чужды истинности складываются не только при нанесении ущерба индивидуальной личности, но и в случае ее успеха. Здесь не часто наблюдается проявление самолюбности, самонадеянности. Честолюбие — особенно характерная, яркая черта у лиц с чрезмерной стойкостью аффекта; честолюбие сопровождается самолюбностью, а люди такой типа всегда бывает жадны.

Поздному началу эгоистических влечений исходят от агрессивных людей, то при высокой степени застревания, т. е. у личностей параноического типа, наблюдается также характерная черта, как подозрительность. Человек болезненно чувствителен, постоянно страдающий от внешнего «плохого отношения» к себе, тем не менее не может видеть в людях, как и человек, склонный к этому, объективно обоснованно. Ведь подозрительность — это абстрактная категория, а ревизор, которого действительно обвиняют. Но в то время как оправданная подозрительность не идет дальше данного случая, подозрительность истинной личности имеет всеобъемлющий характер, поэтому болезненно подозрительность порождается не определенными внешними обстоятельствами, а коренится в психике самой личности. Поэтому и подозрительности как свойстве психики можно говорить только при наличии общей настроенности человека, распространяющейся на любые области и отношения.

Повторение нескольких однотипных случаев может послужить толчком к началу параноического развития, но объяснять последнее только *суммированием* подобных случаев было бы неверно.

Если какое-то лицо постоянно чувствует себя мишенью для обидных замечаний, допустим, со стороны своего начальника, то, с одной стороны, будет постоянно расти ненависть к этому человеку, а с другой — появится притупление реакций на систематически действующий раздражитель, т. е. произойдет постепенное ослабление аффекта. Такой результат наблюдается обычно в тех случаях, когда вступить в борьбу с обидчиком невозможно, но параноического развития такие ситуации не дают.

Постоянное нарастание аффекта вызывается появлением описанного выше длительного чередования успехов и провалов. Представим себе, что есть возможность должным образом прореагировать на обиду, однако успех этот будет лишь частичным, так как вскоре за ним вновь последует новый выпад со стороны обидчика. Такая непрерывная смена удовлетворений и новых поражений и ведет к возникновению параноического аффекта. Подобное развитие может иметь место — при описанных предпосылках — даже у лиц, не отличающихся застреваемостью аффектов. Часто встречается такое положение в быту, скажем, в «борьбе» невестки со свекровью возможно развитие реакций типично параноических. При этом сам аффект бывает неизмеримо сильнее, чем вызвавший его повод.

Особенно велика опасность тогда, когда в вышеописанное «раскачивание» вовлекаются аффекты, обладающие тенденцией к стойкости. В этом случае толчок в обратную сторону не дает достаточного снижения силы аффекта.

Аффекты, достигающие большой силы и обнаруживающие тенденцию к застреванию, постепенно все больше поглощают мысли больного, что приводит к возникновению *сверхценных* или даже *бредовых, параноических* идей.

Вне области психиатрии такого рода развития почти бредового порядка мы наблюдаем в первую очередь *в связи с ревностью*. В области зротики больше, чем во всех других, человек постоянно колеблется между надеждой и опасениями, в силу чего аффект все усиливается. Это усугубляется тем, что любовные проявления обычно держат в тайне, так что судить о том, есть ли измена или нет, бывает затруднительно. Добавим к этому, что кокетливые женщины нередко специально дразнят партнера двойственным поведением, чтобы он терзался ревностью, ибо известно, что с ревностью усиливается любовь.

При такой смене чувств страдание от мысли о возможной неверности любимой достигает апогея, но ему тут же противостоит захватывающее ощущение счастья, связанное с надеждой, что, может быть, она все-таки верна. В другой работе (Monatschr. f. Kriminologie, 1966, s. 92) я детально описал этот процесс, который ведет к *«любви, исполненной ненависти»*. Ревность

может охватить не только мужчину, но и женщину. Правда, ревность женщины обычно не доходит до столь опасных финалов, как у мужчин, так как последние воспринимают факт, что их «предатели», не только эротически. У них в гораздо большей мере, чем у женщин, страдает самолюбие.

Кроме эротической сферы человека могут «раздирать на части» также *судебные тяжбы*. Они безжалостно выматывают энергию, который как бы раскачивается, то поднимаясь на вершину, то стремительно падая вниз. В конечном итоге аффект достигает наивысшей точки и настолько овладевает мыслями, что для благоразумия уже не остается места. Ведь «путь» тяжбы усеян сильными аффектами, а человек постоянно находится во власти противоречивых умозаключений: то он в отчаянии, что проигрывает процесс, то полон надежды, что все же выиграет. Даже если дело не доходит до подобных крайностей, то параноически настроенный человек может просто упереться, считая себя правым, хотя факты свидетельствуют об обратном. В таких случаях мы имеем дело с индивидуумом несговорчивым, не терпящим ни в чем возражений, упрямо настаивающим на своем. Преобладающие черты *несговорчивости* часто проявляются у людей в старости.

При *возрастном-параноическом* развитии заболевания на первом плане также стоит аффект. Для человека, который поставил перед собой большую цель и которого постоянно «шалят» между успехом и фиаско, уже сама цель начинает таить в себе магическую прелесть, не терпящую объективной критической оценки. В ходе развития такого психоза человек, наоборот, может возомнить себя крупным изобретателем, хотя объективно об этом ничто не свидетельствует. Так как подобные состояния индивидуума обнаруживают тенденцию к стойкости, ибо человек вообще склонен погружаться в оптимистические грезы, то дальнейший путь развития акцентуации следовало бы ожидать чаще, чем в подростковом (бред преследования). Однако при *возрастном-параноическом* развитии резко снижается активность, наблюдается крайняя осторожность, избегание опасных падений и рисков, а не стремление к еще большим патологическим успехам.

Человек, развивающийся в направлении *акцентуированного* развития, часто не имеет достаточного контроля, однако все должно быть связано с *акцентуированным* развитием (Вернике), т. е. человек *акцентуированно* развивается. Например, человек может считать своим делом быть лживым, мыслями о своей лживости, которые лживость у него не только ревности, или иной иной *акцентуированно* достигшей, что все другие интересы и цели для него не существуют. В этом поведении выявляется такая характерная черта, как *твердолобие* параноической личности.

При *возрастном-параноическом* развитии этих состояний мы уже сталкиваемся, особенно *акцентуированных* личностей *ананкас-*

тического типа. У последних, например, мысли о своем тяжком недуге или навязчивое представление, что нечто важное упущено,— по сути, те же сверхценные идеи, хотя психиатры их так и не называют. Сходство параноического и ананкастического развития еще больше бросается в глаза в тех случаях, когда у застревающих личностей потенцируется *страх*. Страх может лежать в основе как ананкастического, так и параноического развития. При колебаниях между надеждой выздороветь и опасением умереть страх в большей или меньшей мере овладевает и застревающими личностями. В результате — картина *ипохондрического* развития протекает у акцентуированных личностей и педантического, и застревающего типа примерно одинаково, хотя у последних она встречается значительно реже.

Застревающий тип личности интересен тем, что он в равной мере таит в себе возможность как *положительного*, так и *отрицательного* развития характера. Как известно, человек лишь в том случае может добиться уважения и авторитета, если он в чем-то достигает положительных результатов, выделяясь на фоне других. Поэтому всякий честолюбивец стремится достичь высоких показателей в любом виде деятельности.

Истерики, впрочем, могут обойтись и без этого, они часто бывают довольны собой без видимой причины. Объяснение простое: путем вытеснений истерики могут субъективно продемонстрировать тот престиж, которым объективно вовсе не обладают.

Паранойяльные личности, не обладая склонностью к самоунижению, должны завоевать реальное признание других людей, чтобы иметь основания гордиться собой. Таким образом, честолюбие может стать *важной движущей силой на пути к отличным трудовым или творческим показателям*. Но честолюбие может оказаться и отрицательным фактором, например, когда честолюбец бесцеремонно подавляет и оттесняет своего коллегу, в котором видит конкурента. В таких случаях честолюбец обычно наталкивается на протест общественности, и выход может быть двойным: либо он образумится и снова попытается добиться признания самоотдачей в труде, либо победит вторая особенность такой личности — ее подозрительность, враждебность.

В приводимых ниже примерах мы познакомимся с тем, как застревание может отразиться на поведении личности и в положительную, и в отрицательную сторону. У первого обследуемого, который ранее уже был описан Зайге в нашем коллективном труде, до 60-летнего возраста преобладали положительные черты акцентуации, а вместе с ними и позитивная жизненная установка. Позднее положение резко изменилось; стала преобладать подозрительность, а не честолюбие. Именно подозрительность и толкала больного на бесплодную борьбу с окружением и окружающими.

Такое положение встречается нередко: застревающие личности в юные годы отличаются выдающимися достижениями в

различных областях, так как они искренне и с увлечением ищут удовлетворения в осуществлении своих честолюбивых замыслов, но с возрастом превзойти других бывает нелегко, и застревающая личность, характеризующаяся чрезмерной стойкостью аффектов, с возрастом уже не чувствует былого удовлетворения своей деятельностью. Признание ее достижений становится теперь весьма умеренным, и возникает параноическая готовность винить вину за создавшееся положение на других, на тех, которые якобы враждебно к ней настроены. Со временем такая личность окончательно становится на отрицательный путь, вредный для общества.

Эрик Б., 1900 г. рожд., из буржуазной семьи. Отец Б. возглавлял крупное предприятие, был добросовестным, энергичным, справедливым человеком, большое значение придавал безукоризненному исполнению обязанностей, высоким трудовым показателям. Мать обладала тихим и мягким нравом. Следует отметить, что один из родственников был основателем религиозной секты.

Б. с раннего возраста отличался чрезвычайным честолюбием; в школе стремился к высоким оценкам, плохую оценку долго не мог забыть. Такое отношение к себе или иной «несправедливости» по отношению к нему осталось на всю жизнь. Так, например, Б. удается доказать свою правоту, он решительно требует, чтобы перед ним извинились, иначе «противник» перестает для него существовать. Большое значение придает исполнительности, к работе предъявляет сурово-доброосведенно и требует такого же отношения от окружающих. К новым знакомствам неизменно относится настороженно. К разговору, особенно с незнакомыми, избегает. Своих собственных действий по многу раз перепроверяет.

По окончании начальной школы и реальной гимназии Б. изучал экономику в различных университетах. Диплом защитил с отличием. В 1928 г. стал работать в престижном научно-исследовательском учреждении в качестве ассистента; работу был вынужден на должность персонального секретаря председателя. В 1929 г. Б. было предложено стать руководителем научно-исследовательского института экономики, так как к этому времени, благодаря многочисленным публикациям, он уже завоевал популярность в научных кругах. По финансовым соображениям он от этого поста отказался. В 1932 г. экономическим министром СССР Б. с поста, который тот занимал 8 лет, исключили из-за ряда провинностей Ставского режима. Некоторое время он работал на временно национализированных предприятиях, затем стал доверенным лицом одного из крупных государственных предприятий, а впоследствии занялся управлением по балансу всех крупных военных торговых фирм. Эту должность, которую выполнял непрерывно, занимал до 1945 г.

В конце второй мировой войны Б. оказался в английской оккупационной зоне. По приказу высшей военной власти принял активное участие в восстановлении Германии, состоял в комитете по контролю над родной и в связи с этим выполнял различные дипломатические функции с другими представителями различных стран, входил в состав комиссии по организации специальной комиссии, которая должна была исследовать экономику Германии. Поскольку Б. не был согласен с рядом экономических взглядов западных союзников, у него возникает конфликт с представителями США. В конце 1946 г. английские оккупационные войска сменились советскими. Б. становится председателем одного из окружных советов ЦК. По своим способностям и личным резервам по балансу фирм он уже не удовлетворен. Своей деятельностью и умением Б. добивается вместе с другими представителями западных государств влиятельных показателей во вверенном ему окружном совете. Экономическая подготовка Б. облегчает ему эту задачу. Обширные знания его и тому, чтобы сделать свой окружной совет лучшим в республике, и в этом он преуспевает.

В 1948 г. Б. приглашено, учитывая его большие заслуги как специалиста по балансу государственных предприятий, работать в министерстве с тем, чтобы организовать новый важный отдел. Эта новая должность глубоко удо-

влетворяет Б., поскольку его всегда влекла руководящая работа с большой ответственностью. Отдел министерства, организованный Б., обеспечивал огромный объем нужной работы, через 3 года число его сотрудников выросло до 1000 (вначале было 6 человек). Управляемый им сектор государственного аппарата Б. жаждал поднять на самый высокий уровень. Но поскольку он ставил перед всеми сотрудниками непомерно высокие требования (такие же, впрочем, как и перед самим собой), у него начались столкновения с коллективом, особенно с молодыми кадрами. Вот тогда-то у Б. и зародилась мысль, что под него «подкапываются», что от него хотят избавиться. Со своими подозрениями он обратился в самые высокие инстанции, ища здесь поддержки, но надежды его не оправдались.

К этому времени Б. предложили профессию в новоорганизованной Академии наук ГДР. От этой должности он не отказывается: во-первых, она открывает большие научные перспективы, во-вторых, дает самому Б. возможность «развернуться» как руководителю важной области науки в масштабе республики. Теперь его честолюбивые устремления сосредоточились в области науки.

В 1960 г. у Б., как и у всех научных сотрудников институтов Академии наук ГДР, потребовали представить подробный отчет о проделанной научной и лекционной работе. Это сильно его задело. Он почувствовал над собой «опеку», чем был очень озлоблен. Но в возрасте 62 лет Б. уже трудно было перестраиваться. Впервые в жизни он ощутил серьезное физическое недомогание. Во время обследования нами было обнаружено массивное накопление аффекта, направленного против его сотрудников, которым Б. предъявлял резкие обвинения. К предписанному нами лечению он вначале относился скептически, это распространялось даже на медикаменты. Б. высказывал опасения, что его заболевание — не что иное, как злокачественная опухоль мозга, и все думал, что от него скрывают диагноз. Но позже, когда Б. под влиянием лечения почувствовал себя лучше, он стал относиться к лечащим врачам с гораздо большим доверием.

В описанном случае перед нами типичная *застревающая личность со всеми характерными для нее чертами*. С самого детства Б. был весьма честолюбивым мальчиком, чувствительным к любого рода порицанию. Уже в начальной школе он добивался только лучших оценок, диплом защитил с отличием. Затем он десятилетиями заметно выделялся на общем фоне своей эрудицией, энергией, строгой требовательностью к себе и к другим, а также исключительно высокими достижениями в разных областях. Не раз ему приходилось начинать с нуля, но трудности всегда влияли на него лишь положительно, побуждая к еще большей активности, и он с молниеносной быстротой вновь выдвигался на высокие руководящие посты. Причем этих постов он добивался отнюдь не знакомствами и очковитирательством, напротив, его считали специалистом с конкретными творческими проявлениями.

И лишь в возрасте 60 лет, когда начали угасать творческие силы, проявили себя другие черты этой акцентуированной личности, обратная сторона застревающего характера. Видимо, известную роль сыграло и то, что обстоятельства складывались неблагоприятно для самолюбивого характера Б.: он никак не мог вернуть себе былого престижа, столь важного для людей этого типа.

Теперь позиция Б. в отношении его начальства, а также коллектив становится все более враждебной. Он чувствует несправед-

даже отношение к себе. Застревающие черты личности, дававшие прежде на редкость положительный результат, растрачиваются теперь на бесплодную борьбу с коллегами и начальством.

У второго обследуемого чувствительность и уязвимость даже в годы достижений не всегда благотворно компенсировались честолюбием. Даже периоды подъема были у него сопряжены с трудностями и с большими осложнениями.

Георги Н., 1910 г. рожд., по профессии музыкант (скрипач). Отец его, он сам и брат больного, был «фанатиком справедливости». Школу Н. посещал исправно, но честолюбие не позволяло ему получать плохие оценки. И действительно, он всегда был первым учеником. В 8 лет Н. попросил подарить ему скрипку, в 12 лет он ее получил, а в 15 добился приема в музыкальную школу. И в дальнейшем во всем чувствовалась у него целеустремленность, упорство. На заключительных экзаменах Н. по всем предметам получил завышенные оценки. Как музыкант он прошел блестящий путь, и все же у него постоянно были столкновения с начальством, с администрацией, ибо он прямо настаивал на каких-то своих особых правах и ни в чем никогда не шел на уступки. После бурных объяснений он часто менял место работы. Причины были самые различные: то ему якобы несправедливо снизили гонорар, то направили работать в не соответствующий его данным коллектив. С директором, возможно несколько нетактичным, директором дело у Н. дошло до настоящего скандала. Оба кричали друг на друга, директор ожидал, что вот-вот со стороны Н. последует оскорбление действием. Позднее директор попытка войти на мировую, пригласил Н. к себе, но Н. категорически отказался пойти, настолько неприятен стал ему этот человек. Он рассказывал и о других «эпизодах», например, однажды другого музыканта незаслуженно повысили, а его ничем не отметили. С женой у него отношения прекрасные, но она, надо полагать, женщина весьма уступчивая.

В возрасте 51 года у Н. вследствие перегрузок развился спазм музыканта, и в дальнейшем профессиональный невроз. В нашем психотерапевтическом отделении эпизоды лечения этого заболевания всегда протекают успешно, но лечение Н. было неэффективным, ибо он недостаточно внимательно прислушивался к указаниям специалистов и не всегда следовал предписаниям. Всем нашим усилиям не удавалось высказать свое собственное мнение. Из клиники он выписался, так и не выздоровев.

Мы говорили о том, что этот обследуемый считал себя поборовавшим справедливость, но боролся всегда только за свои собственные права. Начальства Н. часто вступали с ним в спор, не считая его истинным. Хотя он все же добился творческого признания, но основной причиной было его недожирное музыкальное дарование. Впрочем, за буйство такого стимула, как честолюбие, не стоит ли считать бы достигшего уровня. Честолюбие всегда становится для больного движущей силой как его отличной чертой, так и основой профессиональных успехов на поприще музыки.

Оба обследуемых не являются эгоистами, они лишь при неблагоприятных обстоятельствах сталкивались с трудностями, и в общем всегда проявляли исключительное трудолюбие, деловитость и целеустремленность. Но оба они, несомненно, должны быть отнесены к инстинктивно инстинктивным личностям.

Вся жизнь этих и других людей упорно идет к цели, добивается необычайных успехов. Однако эти личности очень уязвимы и, испытывая на пути препятствия, реагируют враждебно.

У обоих обследуемых иногда констатировались признаки начинающегося психического заболевания, но ни разу не было фиксации болезненных состояний в одной четко определенной сфере переживаний. Аналогичное различие можно провести между акцентуированной педантической личностью и личностью, у которой наблюдаются тяжелые проявления невроза навязчивых состояний.

При параноическом развитии человек направляет борьбу не в разнообразные случайные точки, он охвачен одной-единственной идеей, которая всецело завладевает им.

Привожу пример параноического развития, также описанный Зайге в нашей коллективной работе.

Иозеф Н., 1913 г. рожд., горнорабочий. Натура очень общительная, веселая. Обладает чувством юмора, неизменно весьма активен. В школе учился хорошо, честолюбивым не был, но требования учителей выполнял добросовестно. С 24 лет работает горнорабочим, на работе он на хорошем счету. Правда, Н. не согласен был кое с чем в организации приисков, но несправедливостью он возмущался еще будучи мальчиком. Н. участвовал во второй мировой войне. По окончании войны опять пошел в горнорабочие, где вновь добился отличных трудовых показателей. Его 5 раз представляли к премии, но администрация не соглашалась ее выплатить, так как Н. был с нею не в ладах. Дело в том, что он часто защищал сотрудников, боролся против несправедливости в оценке их труда. Он критиковал и начальство, и профсоюзных деятелей и кое в чем был, видимо, прав. Но он так резко подчеркивал свою критическую позицию, что в конечном итоге прослыл склочником. В последние годы Н. чувствовал себя обойденным и полагал, что некоторые из руководителей предприятия стремятся избавиться от него.

В 1958 г. при устройстве новой штольни на Н. обрушилась угольная стена выше человеческого роста. В результате — сотрясение мозга, ушиб спины, сопровождающийся жесткой болью. Некоторое время Н. пролежал в постели, лечился, затем вышел на работу, но через несколько дней снова слег, жалуюсь на боль.

В последующие полгода улучшение не наступило несмотря на упорное лечение. Н. считал, что его лечат и неправильно, и недостаточно интенсивно, и воспринимал такое отношение как жестокую несправедливость. Когда через 5 месяцев курс лечения был окончен и Н. выписали на работу, он расценил это как интриги предприятия, полагал, что хотя бы «затушевать» несчастный случай. Н. потребовал пенсии по увечью. Он чувствовал себя инвалидом из-за постоянной головной боли, боли в затылке и спине, но при хирургическом, неврологическом и ортопедическом обследовании оснований для назначения пенсии не было обнаружено. Особенно существенно, что не был установлен посттравматический органический психосиндром. Однако Н. и здесь заподозрил неверный диагноз. Он подал иск на комиссию за отказ в пенсии и потребовал стационарного лечения в клинике университета. Этот иск был отклонен комиссией округа, и тогда Н., в обход последующей инстанции, подал иск в рабочий суд на организацию социального страхования за ее неправильные действия. Н. теперь уже твердо убежден, что за всем этим стоит уполномоченный по соцстраху его предприятия, с которым у него бывали серьезные трения. Вообще он приходит к выводу, что предприятие и соцстрах объединились, совместными усилиями хотят лишить его законных прав.

По просьбе рабочего суда Н. в 1960 г. пришел к нам в клинику для прохождения экспертизы по поводу несчастного случая и проверки своих жалоб. Н. предложил уплатить положенные за экспертизу деньги из своего кармана «лишь бы добиться справедливости». Детальное стационарное обследование не показало остаточных травматических явлений, но был обнаружен явный ипохондрический синдром. Н. был уверен, что в результате травмы страдает тяжелым недугом, что здоровье никогда уже не вернется к нему, он мечтает поработать хотя бы до 50 лет. Во время пребывания Н. в стационаре

попытки избавиться от параноического состояния, подробно осветив своему врачу его невротических жалоб. Он как будто бы понял нас и решил продолжить лечение у нас стационарное психотерапевтическое лечение. Но когда после того, как Н. поступил в нашу клинику, произошла «схватка» между ним и одним из врачей, тогда врач начал говорить с Н. о невротических жалобах его невротических жалоб. Лишь после того как призванному на эту «схватку» специалисту консультанту удалось успокоить его, Н. отказался от дальнейшей возможности оставаться из клиники.

В дальнейшем между интенсивная психотерапия отвлечением и нагружением и постоянной сменой обстановки больного от комплекса ипохондрических жалоб. Мы так считали, что наш больной на пути к выздоровлению, однако болезнь его резко обострилась по отношению к своему предприятию ничем не вызвано. Через 4 недели мы снова наблюдали жесточайший аффект. На сей раз Н. не только из своих штольни, ни наш медперсонал, и вскоре после этого он покинул клинику.

Спустя несколько недель Н. сообщил главврачу, как было договорено, о желании начать лечение. Он звонил пошел работать, но врач предприятия, несмотря на наши частые предупреждения, заявил ему открыто, что для работы ему нужны не «санитарии». Это заявление тяжело уязвило Н. и стало причиной в начале вынужденным опасениям. Теперь у него появился новый страх — потерять работу, так как при обследовании окулиста заявил, что у него имеются серьезные проблемы. Сообщил в письме все это, Н. снова пережил в отношении этой — жестокой травме. Письмо заканчивалось обещанием в том, что Н. больше не будет писать жалобы. Позднее мы узнали, что болезнь наша опять обострилась.

Перед нами характерные развитие параноического состояния. Обширный, который бурно растет все предприятие своими спорными и может быть предельно так параноический психопат, после несчастного случая начинает борьбу «за свои права». По мере нарастания конфликтной борьбы становится все ожесточеннее. Психопатическое поведение имеет в зрелом и временному улучшению, но затем болезнь продолжает развиваться, так как Н. тем самым очень переживает в болезненные переживания. Однако, в борьбе его предельно острого, но все же основную роль в развитии заболевания сыграл все та же сложная картина — свои страхи и страхи, связанные с последствиями несчастного случая. Болезненные страхи Н. оказалось предельно все время обследования, вплоть до смерти, а они-то и подталкивали больного к тому, что, начиная из стороны в сторону, обострились параноическое и невротическое состояния.

На фоне не только Н., но и характерные личности тоже имеют развитие параноического и невротического комплекса. Развитие началось от параноического и невротического, но параллельно шла борьба и с невротическим, который был ядром его фантазии.

На основании описанного случая, развитие заболевания может происходить и в чисто ипохондрических формах.

Случай Н. 1958 г. рождался, на профсоюзном комитете на заводе. В детстве перенес тяжелую болезнь на фоне работы на земельном участке отца. Кочегаром работал с 1957 г. женился в 1958 г., две дочери — 5 и 5 лет.

Он характеризуется истинно невротическим ущемлением в правах как на работе, так и в личной. Очень легко уязвим. Когда чувствует себя задеваемым, становится очень нервным, выразительным: «Я кому угодно в глаза сказать могу». Но в то же время Н. честолюбив, не прочь превзойти лю-

бого трудовыми показателями. В общем на работе к нему относятся хорошо ценят за хорошую работу, а зная его обидчивость, щадят его.

В нашей клинике П. появился в 1960 г., вел себя сначала весьма самоуверенно, но в то же время проявлял подозрительность.

Предложил нам целый список своих жалоб, на основании которых мы определили его как *сенестоипохондрика*: в правой верхней половине живота сильная давящая боль, при лежании отдает в спину; в прохладную погоду — колющая боль в крестце; головная боль, ригидность затылка; колющая боль в сердце, пульс учащен, усиленное сердцебиение. Жалуется на озноб, старается «утепляться» и с этой целью носит на животе кроличью шкурку. Даже при незначительном напряжении его бросает в пот. Многого не может есть — «усиливается боль в печени». Жалуется на ощущение, будто «все в кишках мертвое».

Болезнь П. началась в декабре 1957 г. Жена его в то время болела инфекционной желтухой, 2,5 месяца пролежала в больнице. Примерно через неделю после начала болезни жены П., поев свинины, почувствовал, «будто внутри что-то лопнуло». Боль не прекращалась, исчез аппетит, ощущалось «набухание печени». Жена настаивала на консультации у врача, говорила, что печень «сначала затвердеет, а потом будет рак». Врач при обследовании ничего в печени не нашел, боль объяснил заболеванием желудка. Лечение успеха не дало. В 1958 г. врач в очередной больнице все «свалил» на печень, а желудок признал здоровым. При выписке из этой больницы П. был в еще более тяжелом состоянии, чем при поступлении. В этом же году умер от желтухи его бывший сосед по палате. Теперь П. начинает соблюдать строжайшую диету; он продолжает работать, но очень быстро устает, часто вынужден садиться, чтобы отдохнуть. В 1959 г. наступило незначительное облегчение, но потом снова боль возобновилась с прежней силой. Теперь она концентрировалась не в области печени, а распространялась по всему животу, грудной клетке, вплоть до головы. Снова П. госпитализируют, снова не устанавливают причины заболевания, снова улучшения нет. Однако теперь было окончательно установлено нервное происхождение заболевания, и П. направили к нам для прохождения курса психотерапевтического лечения.

В начале лечения П. был настроен весьма скептически. Он не верил, что к его болезни можно найти «подход» со стороны психической. Когда мы, применяя нагрузочную терапию, предложили ему помочь перенести шкаф, он тут же решил, что подорвался, лег на койку, не хотел вставать, отказался участвовать в спортивных упражнениях. Снова последовали длительные беседы. П. постепенно становился все более благодушным и даже согласился снять с живота кроличью шкурку, с которой не расставался и в стационаре. В течение нескольких дней после этого он жаловался на «озноб в животе». Скепсис П. пришлось преодолевать долго, но постепенно он стал принимать участие и в играх, заниматься спортом, — видимо, осознал, что лечение принесит ему пользу.

В момент выписки П. (через 8 недель после поступления) мы не отметили почти никаких жалоб. Дополнительно ему был назначен амбулаторный курс лечения, который и привел к окончательному выздоровлению. Теперь наш обследуемый вот уже несколько лет работает, время от времени появляется у нас на приеме. В 1967 г., в возрасте 48 лет, он начал посещать курсы усовершенствования, желая приобрести более высокую квалификацию: «Не хочу отставать профессионально».

Это пример типичной застревающей личности, которую в силу неблагоприятного стечения обстоятельств преследовал *всевозрастающий страх*. Результатом его оказалось ощущение множественных телесных недомоганий. Во время лечения параноический компонент в развитии заболевания не мог не броситься в глаза, ясно обозначились черты застревающего характера. Вначале П. был крайне недоверчив к врачам, с озлоблением заявлял, что он сам лучше всех разбирается в своей болезни. Упорно

переходил к лечению. Но когда благоразумие одержало верх, он сам активно включился в лечение. Последний момент также характерен для застревающих акцентуированных личностей. Если уж они убедились в правильности назначенного лечения, то последующую поставленную цель так же четко, с такой же последовательностью, как это вообще свойственно их натуре. В своей борьбе стремления быть образцовым в борьбе за здоровье выказывают застывающие эти больные. Как только П. выздоровел, он так же целеустремленно снова включился в жизнь, в труд взял на себя дополнительную нагрузку, чтобы не отставать от товарищей. У нас нет оснований отнести его к психопатом, он, безусловно, является *акцентуированной личностью*.

Отец, отец одного из вышеописанных обследуемых был «*фанатично суровым*», среди родственников другого был *реалистичный* человек, что опять-таки наводит на мысль о параноической структуре личности. Основываясь на этих фактах, можно высказать предположение, что соответствующие черты характера являются наследственными. С другой стороны, встает вопрос: не послужило ли поведение отца, его моральный облик образцом для сына? Подобный случай невроза навязчивых состояний мы видели ранее — речь идет о матери и сыне. Во всяком случае, такая черта, как застревание, распознается уже в детском возрасте.

В жизни деток обследуемых мы наблюдали много маленьких признаков застревающего типа. Иногда эти черты у детей проявляются очень ярко. Но если они ведут в конечном итоге к положительным результатам, то чаще всего это результат неправильного воспитания. Особенно часто пагубные последствия дает «*сентиментальное*» воспитание, так я предлагаю его назвать. Оно заключается в постоянных ссорениях между преувеличенной строгостью в методах дисциплины и снисхождением. Это и служит основой для тех самых «*капризов*», которые ведут к параноическому характеру. Ребенок обречен на постоянные метания между любовью и ненавистью и в результате на всех запретах, в конце концов у него выработывается привычное отношение к тому из родителей, который в его детском мире представляет строгость. Если мать в то же воспитание «*капризна*», подобно матери, которую мы в другом случае обследовали, то у ребенка выработывается привычка выискивания известия-любви, так и у него выискивание привычек и бытовых привязанностей, которые являются объектами депривации.

Обследуемая мать и родители своей «*борьбы*» с окружением выискивают для себя истинную «*исключительность*» между усвоенными нормами. Дети, конечно, не способны на подобную активность, истинно, что они, в основном, подчиняются влиянию взрослых, поэтому в «*исключительности*» их приходится извне.

Такая история маленькой девочки, у которой параноический характер выработался как результат застревающих черт характера, так в воспитании «*сентиментального*» воспитания.

Ева Э., 7 лет, поступила в наше детское психиатрическое отделение. Отец — целеустремленный, честолюбивый человек, из-за напряженной работы воспитанию детей не уделяет никакого внимания. Мать — работник торговли, но не работает по специальности, так как целиком посвятила себя воспитанию троих детей и домашнему хозяйству. Восьмилетняя сестра Евы прилежна, добросовестная; трехлетний братик — очень живой ребенок.

Мать лишь недавно оставила работу, поэтому Ева в течение ряда лет жила то у бабушки с дедушкой, то у родителей, испытывая на себе совершенно разные воспитательные влияния. Дед и бабушка во всем девочке потакали, мать была строга, часто снимала туфлю и шлепала Еву. Через некоторое время мать, жалея Еву, осыпала ее ласками и лакомствами, пытаясь компенсировать причиненное зло добром. Но успеха не приносили ни строгости, ни поблажки. Ева была необыкновенно упряма, постоянно пыталась поставить на своем и часто даже бросалась на пол. Когда мать за дело журила девочку, это вызывало в ней только раздражение и злость. Однажды Ева целую неделю не разговаривала с матерью из-за того, что та сделала ей замечание за плохо вытертую посуду. Когда Ева злится на мать, она не обращается к ней с просьбами непосредственно, а передает их через старшую сестру, пытаясь добиться своего. Ева очень любит похвалу и, если в чем-нибудь проявит старание, всегда ждет ее как лучшей награды.

Однажды, разозлившись, Ева неделю не вставала с постели, не поднималась даже поесть, требуя, чтобы кушанья ей подавали в постель. Мать сначала не соглашалась на такое «обслуживание», но в конце концов уступила. «Не буду же я морить ее голодом», — заявила она в свое оправдание. Итак, мать и девочка постоянно спорили друг с другом, при этом в споре обычно побеждала Ева, так как она оставалась непреклонной, а мать всегда уступала.

Патологические проявления начались у Евы в 3—4 года и особенно ярко начали сказываться, когда родился младший братик. Ева с самого начала отнеслась к его появлению отрицательно, бросала разные предметы в колясочку, где он лежал. Когда малютке было 14 дней, она с силой уткнула его личико в подушку, а подбегавшей матери сказала: «Это я для того, чтобы он заснул». В последующие годы Ева также относилась к маленькому братику враждебно. Когда мальчику было 2 года, она вздумала заставить его взобраться на перила балкона — мальчик легко мог упасть вниз. Ева специально подставила стул и продемонстрировала ему, как надо ставить ножки и как повернуться. Матери она сказала: «А пускай падает, по крайней мере он тогда умрет».

Когда Еве было 6 лет, отец за столом рассказывал, что прочитал в газете статью о вредной привычке брать в рот и жевать цветочные лепестки. В статье подчеркивалось, что это может привести к опасным последствиям. Ева весьма внимательно слушала. Через два дня ее поймали на том, что она запихивала брату в рот кучу цветочных лепестков.

В детском отделении клиники Ева постоянно предъявляла свои требования, а если к ним не прислушивались, становилась озлобленной. В игры с другими детьми включалась с трудом. Любопытен один фотоснимок, сделанный в клинике: Ева смотрит исподлобья, выражение лица у нее характерное — полное затаенной злобы. Мы добивались того, чтобы обращение с ней было предельно ровным. Девочка приспособилась к этому режиму и особые трудности мы в связи с ее поведением не ощущали. Она даже старалась произвести хорошее впечатление.

Несомненно, что у этой девочки «мятниковое» воспитание сказалось в ее постепенном сопротивлении матери, олицетворявшей в воспитательном процессе строгое начало. Впрочем, и мать была непоследовательна: внезапно становилась доброй, начинала жалеть дочку. Ровное, постоянное мягкое отношение к девочке привыкла всегда встречать только со стороны бабушки. С другой стороны, следует учесть и необычность для шестилетнего ребенка таких реакций как, например, молчание по 3—4

для нас упрямое лежание в постели в течение недели с тем, чтобы предоставить матери свою волю. Вспомним также, что во многих «соединках» с матерью ребенок оказывался сильнее и добрее. Все подобные моменты трудно объяснить одним лишь неправильным воспитанием, приходится привлечь при анализе в характерные черты *застревающего типа*. То же относится и к психикам, даже опасным *реакциям ревности*, связанным с младшим братом. Известно, что дети часто ревнуют родителей и младших братьям и сестрам, например, нарочно мочатся в штанишки, чтобы вызвать заботливое отношение матери к себе. Но редкость такой глубины и длительности, как у Евы, все же надо считать не редкой вон выходящей. Особенно это застревающее поведение аффекта бросается в глаза в эпизоде с цветочными делами. Застревание аффекта — основной механизм описываемой реакции — сказалось и во время пребывания в клинике. Поведение нормализовалось благодаря применению последовательного режима в лечении. Это не могло не отразиться положительно на психике семилетнего ребенка. Возможно, Ева впоследствии станет лишь типичной акцентуированной личностью и дальнейшая эволюция не разовьется.

Паранормальный аффект, проявляющийся во враждебности, может при большой глубине стать крайне опасным. Подтверждением могут служить случаи *убийства на почве ревности*. В своем эмпирическом труде мной описан убийца, ревность которого достигла степени бреда. В дальнейшем я имел возможность наблюдать его в клинических условиях. Проявление застревающей черты характера приобрело у него выраженные формы, происходили постоянные конфликты с врачами и медицинскими сестрами, так как он считал, что без всяких оснований определены в клинику и что вообще окружающие относятся к нему враждебно. Несмотря на отказывался отвечать на вопросы врачей, продолжал не переставая принимать пищу. Об этом обследуемом в мое присутствие писал *Илья Ильич*, поскольку наблюдал паранормальную структуру его личности вместе истерического характера. В его личности присутствовало нечто утрюрованное, нечто инертное. Конечно, в личности подверженного им паранормальному аффекту присутствовало нечто, что паранормальный аффект в сочетании с ревнивой тенью короткого замыкания, инертной личностью истерического типа.

Ева и ее младший брат паранормальный убийца, который был мучимой ревнивой любовью и одной из причин и из-за этого был другим, связанная с которой присутствовала соединению личности.

Мать В. В. была из семьи рабочих, простых людей. Отец вначале был рабочим, а потом стал специалистом по калкуляции. Мать в войну была инженером связи. Сестра Валентина — врач-специалист. В. не был очень образован: работал электромонтером, он учился, стал техником. Черты паранормального аффекта — паранормальный убийца — проявлялись всегда как положи-

В. влюбился в женщину с не очень хорошей репутацией и, по его собственному выражению, «пошел к ней в кабалу». В плохую репутацию ее В. не верил. Судя по описаниям, предметом этой любви была женщина с демонстративной акцентуацией личности, которая, несмотря на свой богатый сексуальный опыт, разыгрывала из себя невинность, воспылавшую страстным чувством к нашему больному. Чувство В. к этой женщине не могло протекать спокойно: он влюбился в нее, будучи уже обрученным с другой женщиной, у которой был ребенок от него. В. метался от одной женщины к другой, раздираемый противоречиями: с одной стороны — чувство ответственности перед матерью ребенка, с другой — безумная страсть. Он искренне хотел жениться на той, с которой был обручен, но мысль об отказе от другой была для него невыносима. Он думал и о разлуке с матерью своего ребенка, но испытывал сильный стыд перед собственной семьей, особенно перед отцом, которого считал образцом морали. Кончилось тем, что он договорился с женщиной, с которой был обручен, о встрече на пустынном морском берегу и здесь ее утопил.

Когда я столкнулся с этим больным, он уже вошел в состояние депрессии и понимал, что совершил нечто непоправимое. Хотя он с ужасом говорил о своем страшном преступлении, в его депрессивном тоне все же моментами звучали ноты заносчивости, самовосхваления. Из этого можно сделать вывод, что патологическое развитие у данного больного шло в сторону экспансивную, а не персекуторную, т. е. что В. больше отличался чрезмерно раздутым честолюбием, чем преувеличенной уязвимостью. Возможно, именно в силу такой надменности и сознания своего превосходства над другими В. вообще был способен закрыть глаза на то, что на карту поставлена человеческая жизнь.

У В., человека весьма целеустремленного, развился жесточайший аффект в связи с тем, что он постоянно разрывался между любовью к одной женщине и чувством долга по отношению к другой. Одна обещала ему осуществление заветных желаний, другая воплощала горечь разочарования. Раскачиваясь и поднимаясь в высоту, оба чувства — «безумная любовь» к одной и ненависть к другой — все больше взвинчивались. Только лишь любовь к одной женщине никогда не толкнула бы его на убийство другой. Толчком к тяжкому преступлению оказалась ненависть к той, которая, взывая к долгу, мешала осуществлению мечты, счастью. Не обладай В. чертами застревания, он не стал бы убийцей. Следует подчеркнуть, что в принципе этот тип акцентуации личности не имеет ничего общего с преступностью. Прежняя жизнь, склад характера В. заставляют предположить, что жизнь его как гражданина сложилась бы вполне нормально, если бы он не стал жертвой событий, которые оказались толчком к развитию заболевания.

Возбудимые личности

Весьма существенны черты характера, вырабатывающиеся в связи с недостаточностью управляемости. Они выражаются в том, что решающими для образа жизни и поведения человека часто являются не благоразумие, не логическое взвешивание своих поступков, а влечения, инстинкты, неконтролируемые побуждения. То, что подсказывается разумом, не принимается во внимание.

Самое влечение можно трактовать обобщенно, усматривая в нем, главным образом, стремление к разрядке в большей мере эмоционального, чем морального (духовного) свойства. Вот почему в таких случаях можно говорить о *патологической власти влечения*. При повышенной степени реакций этого типа мы сталкиваемся с *эпилептоидной психопатией*, хотя прямая связь с эпилепсией отнюдь не обязательна. Возможно, в данном случае существует известное сходство с психическим складом больного эпилепсией, но внутреннего родства нет никакого.

Реакции возбуждаемых личностей импульсивны. Если что-либо им не нравится, они не ищут возможности примириться, им чужда терпимость. Напротив, и в мимике, и в словах они дают волю раздраженности, открыто заявляют о своих требованиях или же не стесняясь конфликтуют. В результате такие личности по самому естественному поводу вступают в ссору с начальством и с сотрудниками, дружки, агрессивно швыряют прочь работу, подают заявления об увольнении, не отдавая себе отчета в возможных последствиях. Проявления недовольства могут оказаться самыми разнообразными: то им не нравится, как на данном предприятии с ними обращаются, то зарплата мала, то рабочий процесс их не устраивает. Лишь в редких случаях речь идет о тяжести самого труда, ибо возбуждаемые личности, как правило, имеют склонность к занятию физическим трудом и могут похвастаться тут более выносливостью, чем у других людей, показателями. Раздражает их чаще не столько напряженность труда, сколько моменты организации. В результате систематически трений наблюдается частая смена места работы.

Та же мера раздражения этих личностей с повышенной возбудимостью не сама собой переходит в «делам», т. е. к рукоприкладству. Однако, при диссоциальности у возбуждаемых личностей отсутствует самоконтроль, так как такие люди вообще не очень склонны к самоконтролю, если не считать отборных ругательств. Они имеют склонность к открытому обмену мыслями, а уровень интеллигентности у них обычно довольно низок. Да они и не ощущают необходимости в общении — ведь причина гнева и так ясна. Они не умеют скрывать, что думают, и *живыми* или импульсивными жестами высказываются, часто швыряют, во время подсудно гоним, неумолимо раздражаются и имеют привычку, разрядки. Уже при малейшем раздражении, раздраженности, в которой речь пойдет о том, как бороться с быстрыми реакциями. Наблюдается скопление отрицательных эмоциональных эффектов, чем это сопровождается, поэтому у них обычно очень мало положительных моментов для таких людей, как правило, для них характерны отрицательные моменты. Впрочем, частые конфликты, даже мелкие разногласия именно своей неумолимостью, так употребляют общепринятое *вспыльчивость*. Неумолимостью, которая свойственна им же и холерическим людям, и которая не отличается любовью к массивным массивным конфликтам, она более быстрая. Когда сердится холерик, он не умеет не проявлять коммуналки, протест, возбуждаемая

личность в подобном случае бывает не столько возбуждена, сколько сосредоточена на аффекте, и то, что этот человек расстроен, часто можно определить по одной лишь мимике. На приеме у врача — а обстановка приема возбуждимым личностям обычно неприятна — они чрезвычайно скупы на слова, сидят, угрюмо глядя перед собой, на вопросы почти не отвечают.

Импульсивность патологического характера относится также и к *влечениям в узком смысле слова*. Возбуждимые личности едят и пьют все подряд, без разбору, многие из них становятся *хроническими алкоголиками*. Когда хочется выпить, они не думают об опасности внезапного острого опьянения и о пагубных последствиях для служебного престижа, для семейной жизни, здоровья. Среди хронических алкоголиков можно найти немало возбуждимых личностей.

Импульсивны их проявления и в сексуальной сфере, однако у мужчин это не очень бросается в глаза, так как они, будучи неумеренными в половых потребностях, часто длительное время не меняют партнершу, более того — довольно прочно к ней привязываются. Впрочем, это не имеет никакого отношения к верности, просто с данной женщиной инстинкт удовлетворяется наиболее полно. Если же таких людей охватывает влечение к другой женщине, то они без раздумья ему следуют. Они неразборчивы в половых связях, особенно в юные годы, и часто становятся отцами множества внебрачных детей. У женщин также часто наблюдается постоянство в отношении избранного партнера, у немолодых женщин подобным путем нередко устанавливаются длительные половые связи. Однако возбуждимые личности — молоденькие девушки, а также эпилептоидные психопатки в юном возрасте нередко полностью лишены моральных устоев и легко отдаются многим мужчинам. Некоторые эпилептоидные психопатки вступают на путь проституции.

Вообще, *моральные устои* в жизни возбуждимых личностей не играют сколько-нибудь заметной роли. При «благоприятных» обстоятельствах они нередко совершают нечестные поступки, например берут то, что «плохо лежит». Уголовные преступления эпилептоидных психопатов-мужчин чаще всего связаны с грубыми актами насилия. У подростков наблюдаются случаи изнасилования девушек.

У возбуждимых личностей обоих полов в юности нередки *импульсивные побеги* из дому. Нередко возбуждимых подростков что-либо дома не устраивает, а простейшим выходом им кажется удрать, порвать всяческую связь с домом. Иногда это способ убежать на некоторое время посещения школы, а что будет дальше — для них не имеет значения. Девочки во время таких побегов, попадая в бедственное положение, часто завязывают сексуальные отношения с мужчинами. Мальчики совершают влечения либо для того, чтобы чем-нибудь поживиться, либо просто в поисках ночлега.

Наблюдаются также *немотивированные побеги*, чаще всего

ние у подростков с легковозбудимым, импульсивным характером. Высказывания об этом в литературе мы встречаем у Ширера. Подростки или дети часто уезжают в таких случаях далеко от дома и задерживаются в местах, «где есть на что посмотреть», но в момент побега такой цели у них могло и не быть. Поскольку лица с эпилептоидными чертами характера обладают примитивными импульсами, то возможно, что в них просыпается древний инстинкт к бродяжничеству, проявляется извечная жажда переживаний, принимающая опять-таки свою древнейшую форму. Эта жажда побуждала, возможно, когда-то людей искать все новые переживания и тем самым накапливать жизненный опыт. В своей книге «Инстинкты и первичные инстинкты» я прихожу к заключению, что примитивные (древние) инстинкты проявляются преимущественно в детском возрасте.

Когда преступность возникает на почве неудержимого инстинкта, она носит не совсем обычный характер. Хотя возбудительная личность, совершившая грубое насилие, часто характеризуется как бессердечная, бездушная, а причиной преступления считается жестокость, такая оценка основана на непонимании этих людей. Акты насилия у них вызываются не бездушием, а аффективным напряжением (стрессом). В спокойном состоянии эти люди отличаются привязчивостью, заботятся о своих детях, любят животных и нередко готовы оказать любую помощь. Эти добрые чувства социального порядка у них точно так же, как и другие, не испытывают торможения. Однако социальный долг высшего порядка — для них в общем чуждое понятие. Они не осознают, что нельзя прогуливать уроки, что нельзя до безобразия опоздать, что пропустить хотя бы один день на работе разрешается только по весьма уважительной причине, что перед начальником работник обязан отчитываться.

Средство проявлений эпилептоидной психопатии с изменением характера эпилептического порядка проявляется еще и в замедленности мышления. У возбудимых личностей констатируется замедленность мыслительных процессов. Затруднено даже восприятие чужих мыслей, так что часто приходится прибегать к аллюзии и различным обманимкам, для того чтобы быть понятым. Мышление людей, страдающих эпилепсией, замедлено, мышление людей, страдающих эпилепсией, замедлено, мышление людей, страдающих эпилепсией, замедлено. Задавая простейшие вопросы, приходится долго ждать ответа. Если же предоставить такому человеку возможность говорить, не перебивая его, то замедленность мышления в крайней обстановке. Они рассказывают о вещах с подробностями, «размазывают» их, а на интуитивном уровне все равно приходится «наводить».

Интеллектуальную тяжеловесность эпилептоидных психопатов можно, как правило, распознать в самом простом разговоре, но особенно ясно она видна при опросах с целью проверки интеллектуального уровня. Так же убедительно доказывается тяжеловесность мышления и пробой на продуктивность. Испытуе-

тому предлагают в течение 3 мин назвать как можно больше предметов. Нормальный человек называет не менее 60 понятий, эпилептоидный психопат значительно от него отстает.

Тяжеловесность мышления, затрудняющая и внутреннее переключение психики, может проявиться и в педантичности, которая, однако, далеко не так четко проявляется у эпилептоидных психопатов, как у большинства эпилептиков.

Более или менее четко проявляющиеся признаки возбудимой личности могут несколько сглаживаться наличием природного ума, однако не настолько, чтобы снять движущую силу инстинкта. Решение, которое импульсивными людьми принимается в нормальном состоянии, «в здравом уме», следующий же приступ эмоционального возбуждения может свести на нет. Особенно заметно это у возбудимых детей. Можно прилагать любые усилия, взывать к благоразумию, неотступно вести намеченную тактику — и все же воспрепятствовать проявлению импульсивных реакций невозможно. Ни в одном из случаев акцентуации другого рода *воспитательное воздействие* не является столь труднодостижимым. Возможно, это происходит в силу того, что сама сфера инстинктов, которая порождает импульсы, остается недоступной для воспитательных мероприятий. Впрочем, по мере созревания личности наблюдается некоторое улучшение. При различных возбуждениях и «соблазнах» повседневной жизни у этих людей оказывается достаточно самоконтроля, чтобы удержаться от безрассудства. И лишь при необычных, острых аффективных напряжениях самоконтроль исчезает.

Общие черты у эпилептоидных психопатов и эпилептиков наблюдаются не только в психике. Часто у них отмечается *атлетическое телосложение*. Отличаясь большой физической силой, возбудимые личности в состоянии аффекта могут становиться зверски жестокими — ведь уже под влиянием одного лишь аффекта физическая сила возрастает.

Чтобы представить картину как можно более четко, я в изложении касался пока не столько возбудимых личностей, сколько эпилептоидных психопатов. Поэтому как первый пример я описываю обследуемого, которого нельзя безоговорочно отнести к психопатам, несмотря на наличие у него характерных для них черт.

Хельмут Х., 1921 г. рожд., по профессии историк. В школе учился хорошо. По окончании вуза получил специальность германиста и историка, работал в научно-исследовательском институте. Женат с 1955 г., имеет двоих детей. У Х. уже давно намечается склонность к импульсивным реакциям. В присутствии посторонних лиц он обычно сдерживается. Очень груб в общении с женой, с детьми, сорит ругательствами, но до насилия дело не доходит.

Если ему не удастся «сильно отреагировать», то он все равно *идет себе* «разрядиться»: стучит кулаками по столу, рвет и разбрасывает свои деловые бумаги, выбегает из дому. Любая мелочь способна вызвать у Х. состояние аффекта. В магазине, например, совсем короткое ожидание в очереди доводит его до такого раздражения, что он не способен сдержаться. В конфликтах дело нередко доходит до истошных криков. Х. осуждает свои

адекватное поведение, но не может держать себя в руках. Несколько раз пытался подавлять возмущение алкоголем. Во время длительных конфликтов раздражительность X. увеличивалась еще и в связи с тем, что он лишался сна. В состоянии возбуждения и после него нередко впадал в депрессию, таил мысли о самоубийстве.

В клинике, во время приема, обследуемый полностью осознавал свою психическую возбудимость, был подавлен ею. Склонность к самоубийству оказалась то своеобразным выражением возбуждения, так как последнее проявлялось не только в гневе, но и в депрессии, то носила характер реакции. X. прилагал много стараний, чтобы стать сдержанным. Он неоднократно подвергался ругательствам, готовые вот-вот сорваться с языка. Несмотря на высоко развитый интеллект X., в беседах с ним сказывалась замедленность, заторможенность. Его мысли часто упорно и непродуктивно кружились вокруг какой-то побочной темы, переключиться на главное ему было нелегко. При выписке из клиники X. твердо верил, что ему удастся в будущем справиться с собой. Действительно, после выписки X. из стационара конфликтов в институте стало значительно меньше.

Перед нами обследуемый, сочетающий легкую возбудимость со склонностью к аффективным взрывам. Если что-либо противоречит его желаниям, его все сильнее охватывает внутреннее раздражение, требующее разрядки. То, что параллельно со вспышками гнева проявляются *черты депрессии*, — явление обычное. У некоторых возбудимых личностей состояние психического расстройства нередко носит депрессивный характер, что толкает их в конечном итоге к самоубийству. Депрессивная настроенность требует разрядки в такой же мере, как и возбуждение.

Медлительность мышления у X., несмотря на развитость интеллекта, подтверждает наличие акцентуации. С другой стороны, у него намечается и возможность компенсации аномальной готовности к определенным реакциям. Обследуемый все же не был полностью во власти своих эмоций. Пока не прибавилась дополнительная нагрузка в виде конфликтов, он способен был владеть собой. Эмоциональная возбудимость X. не послужила препятствием также и к продвижению по службе. После лечения он вернулся на прежнее место работы.

У следующего обследуемого психическая зависимость от эмоций и влечений выражена более ярко, но и его состояние, в основном, не выходит за пределы нормы.

Клаус Ш., 1928 г. рожд. В школе учился хорошо, но часто менял место работы, что сказывалось на успеваемости. По профессии он преподаватель экономики, хотя в свое время не смог довести до конца дипломный проект. Переутомление по месту работы, тщетные поиски квартиры — все это доводило его до отчаяния. В порыве отчаяния он однажды выбил оконное стекло, в другой раз ударил в стену тяжелой чернильницей. Когда жена заговорила о клинике, он сначала очень возмутился, но позднее согласился.

В клинике Ш. рассказал, что к своей профессии он пришел не прямым путем. Сначала думал стать художником, но затем в нем заговорили педагогические склонности. Однако и на этом поприще он успел уже несколько раз изменить уклон. В 18 лет он убежал из дому, чтобы поступить в иностранный университет, но через несколько дней вернулся в семью. В браке — постоянные ссоры (может ударить жену по лицу). Однажды избил пожилого профессора за то, что тот якобы неуважительно обратился к его теще. После подобных выпадов всегда испытывает глубокий стыд. Преподавателем считается скромным, но несколько педантичным. Во время беседы часто останавливается, подбирая нужное слово, формулировку.

В клинике отличался особой медлительностью. В пробе на продуктивность назвал 56 понятий. Несколько раз обнаруживал резкую раздражительность, однако после разъяснения и увещаний Ш. признавал свою неправоту. При выписке верил в то, что обретет самообладание.

Мы видим и на примере Ш., как трудно таким людям справляться с обуревающим их возбуждением. Медлительность мышления подтверждает наличие акцентуированной возбудимости. Однако последняя в целом не мешает нормальному ходу жизни.

Приведем теперь пример обследуемого, злоупотребляющего алкоголем, описанного Ширмером в нашем коллективном труде.

Вилли П., 51 год, слесарь по ремонту машин. Из семьи пьяниц: отец пьет пиво, легко возбуждается, неумеренно пил слабоумный брат матери, дед по матери — алкоголик, отличающийся пароксизмами гнева.

С момента окончания обучения П. работает по специальности, место работы меняет редко.

После полового созревания, которое наступило в 16 лет, резко изменился его характер. До этого П. был приветливым и спокойным, теперь стал легким приходить в ярость, сделался грубияном.

П. всегда молчалив — и в будни, и праздники. Любит, чтобы кругом царил покой, «тогда и работаете хорошо». Ложится не позднее 19 ч, встает в 4 ч 30 мин. Любит в свободное время выполнять разные домашние работы, в чем проявляет большую сноровку. Охотно помогает соседям нарубить дров, сложить их, денег за это не берет. По окончании работы, молчаливый и угрюмый, отправляется домой. «Его никогда не увидишь веселым», — говорит мать.

П. легко раздражается и тогда ругается, кричит, приходит в бешенство. «Отреагировав» таким образом, молча продолжает работать. На заводе даже до эксцессов не доходило, но во время приступа он «весь дрожит», работать нормально не может, хотя и молчит. Его начальник сообщил, что примерно недели три П. «держится», а затем словно специально ищет повод для ссоры. Случается, что в припадке гнева бьет жену, а потом очень жалеет об этом.

Пить начал в 1944—1950 гг. В этот период он был военнопленным в Франции и работал у крестьянина-виноградара. «Там с утра до ночи пили. Как встанут, так и начинают». Здесь П. привык к вину. Вернувшись на родину, он год не пил, затем начал пить водку и пиво (вино в ГДР трудно было достать). Вначале пил в тракторе, изредка, а затем стал пить дома в одиночку. В состоянии опьянения П. более легко возбуждается, чем будучи трезвым. Его называют «быком». Он ругается нецензурными словами, избивает жену. Жена об этом рассказала нам с опаской: «Не узнал бы, а то убьет».

У П. *возбудимый характер* проявляется весьма ярко. Его склонность к сильным взрывам гнева сочетается с общей тупостью и агрессивностью. Угрюмое поведение характерно у П. для периода «затишья». Однако угрюмость не обязательна: в клинике, например, П. был спокоен и доволен; с удовольствием работал на участке у соседей, оказывая им помощь в хозяйстве по собственной инициативе. Благодаря старательности в физическом труде, доставлявшем ему удовольствие, в ассоциальном поведении П. многое сглаживалось. Поскольку проявления насилия у П. обычно были связаны со злоупотреблением алкоголем, можно было бы полагать, что при отсутствии этого возбуждающего средства П. был бы вполне уравновешенным человеком.

В *детстве* способность управлять влечениями и эмоциями снижена даже у нормальных детей, осознанный контроль отсутствует у них еще отсутствует. Вследствие этого особенности поведения

тивных личностей и эпилептоидных психопатов в детстве проявляются особенно резко.

Привожу пример ребенка, описанного Рихтером в нашем совместном труде.

Рената М. поступила в наше детское отделение в 8,5 года. Рената — внеочередной ребенок. Мать, вполне добропорядочная и аккуратная женщина, сдала ребенка в интернат, потом вышла замуж, сейчас имеет двоих детей. Когда Ренате было 1,5 года, ее удочерил родной отец, человек легкомысленный, с яркими психическими проявлениями. К этому времени он успел жениться, и мачеха очень привязалась к Ренате: когда появились трудности с воспитанием девочки, она даже оставила работу.

Рената родилась нормальным ребенком, но развивалась несколько замедленно. Особенно это ощущалось в развитии речи. С четырех лет посещала детский сад. Несмотря на то что к ней относились дома очень заботливо, она несколько раз убежала в город, вместо того чтобы играть в доме или во дворе. Рената неряшлива, с игрушками обращалась небрежно. Это очень ласковая девочка, любит проявления нежности, но временами бывает угрюма.

Уже через две недели после поступления в школу начались жалобы учителей. Рената не подчинялась никаким правилам, во время уроков расхаживала по классу, пела, шалила, убежала в коридор. Но во всем этом как-то не ощущалась естественной для детей живости, шалости ее были какие-то неуклюжие. Иногда Рената вообще не поддавалась никакому воздействию. В такие периоды она убежала из школы или из дому. Девочка не объясняла своих побегов, говорила только, что думала скоро вернуться. Иногда она опаздывала на занятия или вообще не появлялась в школе. Неоднократно полиция доставляла ее домой. Уходя из дому или из школы, Рената бродила по городу, рассматривала витрины магазинов.

Будучи во втором классе, она начала воровать небольшие суммы из кошелька мачехи, порой и у посторонних людей. Деньги уходили на воздушные шары, мороженое, молочный коктейль. В магазине самообслуживания она брала пирожные. В проступках никогда не сознавалась. Только угрозой тяжелого наказания можно было вынудить у нее признание вины.

Вообще Рената много лгала. На замечания девочка реагировала упрямо и даже возмущенно, наказания на нее не действовали. Вскоре после очередного наказания она начинала вести себя так, словно ничего и не было. С детьми она общалась, у нее было несколько подружек.

Состояние становилось все хуже, девочку, наконец, отправили в клинику. Рената в момент поступления была высокой стройной девочкой. Ее поведение не отличалось постоянством. Обычно она была услужлива, приветлива, но порученное дело выполняла медленно и крайне небрежно. Умственное развитие ее несколько ниже среднего. Иногда становилась угрюмой, необщительной. В какой-то момент могла побить окружающих ребят, однажды ударила большую девочку в живот. В это время в играх не участвовала, никаких поручений не выполняла.

В детской группе искала контактов со старшими мальчиками, старалась привлечь их внимание, показываясь перед ними полураздетой. Если же мальчики поддавались к ней, она пускалась наутек с криком, что они хотели «подсмотреть».

Не могло быть и речи о том, что отрицательные стороны характера Ренаты являются результатом неправильного воспитания. Мачеха искренне любила девочку, очень заботилась о ней. Поведение Ренаты не изменилось и тогда, когда она попала в различные воспитательные условия нашего детского отделения. Если Ренату ничто не злило и особо не соблазняло, она казалась вполне нормальным ребенком с мягким, добрым характером. Это характерно для всех эпилептоидных детей. Мы уже упоминали о том, что

при данной структуре личности не исключены социальные контакты, вполне человеческие эмоциональные реакции. Однако гораздо ярче представлена обратная сторона — Рената порой оказывалась всецело во власти асоциальных побуждений. Она убегала из дому и из школы, когда ей вздумается, по самому пустяковому поводу. Она воровала, чтобы полакомиться сладостями, и при этом лгала безапелляционно, лишь бы отвести от себя подозрение. За наказанием следовали упрямство и гневные реакции. Злясь на других детей, она, не задумываясь, избивала их. Этот восьмилетний ребенок не был чужд и сексуальных устремлений (эпизод со старшими мальчиками).

Эпилептоидные черты характера у детей встречаются нередко. В нашем детском отделении, куда поступает множество детей с резким отклонением в поведении, встречались, далеко не к радости воспитателей, и возбудимые личности. Импульсивные упрямые реакции детей способны вызвать добрую и снисходительную улыбку лишь тогда, когда эти дети значительно младше Ренаты. Чем старше ребенок, тем сложнее бороться с его распушенностью.

В отношении детей с таким характером, как у Ренаты, встает вопрос о дальнейшей их судьбе. Воспитательное воздействие на эпилептоидов вообще затруднено. Кроме того, отец Ренаты относится к той же психической категории (возбудимых личностей), что и дочь. Учитывая все это, мы не можем дать обнадеживающего прогноза.

В период полового созревания, когда на человека с особой силой обрушивается волна физических влечений, асоциальные проявления возбудимых личностей усиливаются. Те лица, которые в детстве казались более или менее уравновешенными, становятся теперь вызывающе грубыми.

Обе девушки, описываемые ниже, после полового созревания стали отличаться вульгарностью и преступными склонностями.

Маргот Г. появилась у меня на приеме впервые в 25 лет. Отец — пьяница, склонный к припадкам возбуждения (во время опьянения, например, бьет посуду). Мать в такие периоды запирает от него детей. Впрочем, она и сама выпивает. Сестра обследуемой тоже алкоголичка. Двое ее братьев, как и она, уже несколько раз отбывали наказание за нанесение побоев.

Сама обследуемая — особа крепкая, грубо сколоченная, охотно берется за тяжелый физический труд. Пьет с 15 лет. Когда спиртного у нее нет, хорошо и успешно трудится. В детстве один раз убегала из дому, но вернулась дважды уведила чужой велосипед и оставляла в незнакомом месте. Уже будучи взрослой, дважды воровала велосипеды, объясняя это тем, что украли ее собственный. У мужчины, искавшего с ней интимного сближения, вытаскала из портфеля бумажник с деньгами. Обвиняется в краже портфеля. В сексуальной области патологические инстинкты не проявляются.

Особым развитием интеллект Маргот не отличается, но в дебильной ее назвать нельзя. Во время обследования она показала себя неприветливой, угрюмой, скупой на слова, что типично для эпилептоидов. Еще больше она замкнулась, когда речь шла о нарушениях ею закона. Насилия она не совершала, видимо, пол спасал ее от такого рода эпилептоидных реакций.

время как отец Маргот и оба брата обвинялись именно в на-
казуемых преступлениях (избиение, нанесение увечий).

Герда Р., 21 год, занималась профессиональным воровством, уже шесть раз
была задержана с поличным. Кражи совершала обычно у мужчин, с которыми
была в интимных отношениях, а также при других обстоятельствах. Нередко
заезжала в гостинице, затем уходила, не заплатив за номер. Во время бесе-
дования выражала крайнее неудовольствие. О наказуемых деяниях ничего не
хотела говорить. Умственное развитие Герды в норме.

Эпилептоиды часто встречаются среди проституток. Посколь-
ку влечения у эпилептоидов преобладают над разумом, они част-
но рано начинают половую жизнь. Легко, без особых колебаний
они соглашаются на то, чтобы их сексуальные похождения ста-
ли источником материального обеспечения. Совершение ими
кражи — явление такого же характера, как и беспорядочная по-
лковая жизнь.

У эпилептоидов-подростков мужского пола импульсивные по-
ступки бывают еще опаснее.

Ханс-Иоахим Ц. в 16 лет, когда я познакомился с ним, имел уже немалый
жизненный опыт. С одиннадцатилетнего возраста часто убегал из дому, затем
появлялся через полицию. Часто пропускал занятия в школе. На выговорах
имел плохое поведение, на расписках за получение библиотечных книг поддельвал
подписи родителей. Нередко хвастался вещичками, которые он якобы где-то
нашел, на самом же деле он их крал. В 15 лет совершил нападение с целью
грабления (деньги ему нужны были, чтобы купить билеты в кино). Это было
на улице в отдаленной части города. Ц. набросился сзади на одиноко идущую
женщину, повалил ее на землю и отнял сумочку. После этого его поместили
в интернат, откуда он скоро сбежал к бабушке, у которой украл несколько сот
марок. На эти деньги он приобрел радиоприемник и башмаки. Затем снова
вернулся в интернат, а в 16 лет — снова побег оттуда с товарищем. Вдвоем они взломали
шкаф, украли два мопеда и на них вновь отправились к бабушке. На этот
раз Ц. украл у нее 1800 марок, на которые накупил всякой всячины: портфель,
букварик, два топора, шесть стрел, нож, карты, бумажник. По 250 марок он
продал школьным товарищам, остаток — 460 марок — спрятал в туалете. При-
мерно в это же время он украл велосипед и развезжал на нем по городу.

Когда я обследовал Ханса, он был в угнетенном состоянии, на вопросы
отвечал неохотно. Не хотел говорить четко, хотя я просил его об этом несколь-
ко раз. Фразы произносил очень медленно, строил их громоздко. В пробе на
продуктивность он за 3 мин назвал всего 36 предметов. Интеллект Ханса в
норме.

Объясняя причину множества своих уголовно наказуемых выходов, он твер-
дил лишь одно: пребывание в школе ему не нравилось, дома он тоже «не мог
долго выдержатъ», а деньги ему были нужны. Когда я попытался разбудить
его эмоции, спросил, что же в жизни ему милее всего, он сначала еще больше
застыл: никого он не любит и ничто его не интересует — таков был ответ.
Но по ходу дальнейшего разговора им все больше овладевала депрессия. Что
ему теперь говорить! Теперь все кончено. Он прежде очень интересовался
техникой, но ведь если сейчас вновь угодит за решетку, то для специального
образования, отбыв срок, будет уже слишком стар. В словах его чувствува-
лось сильное внутреннее волнение, в эти минуты Ханса никак нельзя было на-
звать бесчувственным, черствым.

Мы видим, что этот подросток совершенно безвольно подда-
вался тем соблазнам, с которыми его сталкивала жизнь. Следу-
ет отметить, что у ребенка и подростка сфера желаний вообще
исключительно активизирована. Что же говорить о таких под-

ростках, у которых присоединяется патологическая подверженность влечениям, как у взрослого человека с возбудимым типом личности. Преступное действие может быть вызвано только глубоким аффективным напряжением, предельно сильным раздражением.

У Ханса эпилептоидный механизм поведения подтверждается и тяжеловесностью мышления. Существенно то, что у него удалось вызвать нормальные эмоции, которые лишь прикрывались сферой инстинктов.

Эпилептоидных преступников во время врачебной экспертизы часто признают «бесчувственными». Эти выводы чересчур прямолинейны: исходя из жестокости, с которой было совершено преступление, заключают, что преступник лишен нормальных человеческих чувств. Это впечатление еще усиливается, когда эпилептоид недовольно реагирует на опрос и с раздражением отвечает тогда, когда следовало бы демонстрировать глубокое раскаяние. В таких случаях нужно уметь найти подход — лишь тогда удастся приподнять завесу над эмоциональной жизнью пациента.

А человеческого облика не был лишен даже тот убийца, к описанию которого я перехожу.

Хорст Д., 1936 г. рожд. впервые подвергался врачебной экспертизе после того, как в семнадцатилетнем возрасте едва не стал опасным преступником, покушаясь на жизнь старика. Медицинский эксперт дал следующее заключение: «Интеллектуальный уровень Д. невысок, но он не дебилен. Бросается в глаза бездушие, отсутствие хотя бы намека на раскаяние в своем преступлении; он жалеет лишь об одном — что навсегда попадет «за решетку».

В школе обследуемый дважды оставался на второй год. Отец был на войне, матери справиться с Д. было не под силу. Вместо того чтобы ходить в школу, он воровал продукты, белье, часто все это перепродавал. Попал в интернат для малолетних преступников, бежал оттуда. Однажды в пылу драки Д. схватил железные грабли и нанес ими удар по голове одному из своих противников. Тот с тяжелым ранением был отправлен в больницу. Работал Д. частично в сельском хозяйстве, частично на производстве. Часто менял место работы, много пил. В 16 лет украл из сумочки, стоявшей в магазине, кошелек с деньгами. В 17 лет пытался растлить малолетнюю.

Когда Д. было 17,5 лет, он проживал в комнате совместно с 73-летним стариком. У них происходили крупные ссоры. Однажды старик обвинил Д. в краже его перчаток, которые сам же и положил куда-то. Такие необоснованные обвинения Д. слышал от забывчивого старика часто и затаил на соседа злобу. Однажды Д. увидел в руках у старика 50 марок. Войдя вскоре после этого в комнату, Д. заметил, что старик дремлет у печки. Он схватил стоящую поблизости кочергу и с силой ударил ею старика по голове. Старик потерял сознание. Д. перетащил его в кладовку, нанеся еще несколько ударов по голове «для верности». В момент, когда он хотел удалиться с 50 марками, его задержали. Тяжело раненный им старик выжил, а Д. в течение 5 лет отбывал наказание в тюрьме.

В 24 года он женился, а в 25 лет предстал перед судом за нанесение тяжелых телесных повреждений жене. В 26 лет Д. развелся. Драку, особенно под действием алкоголя, он затевал довольно часто.

В 27 лет Д. в пьяном состоянии начал избивать собутыльника, который, зная о его судимостях, глумился над ним. Собутыльник в долгу не остался. Д. нанес ему несколько ударов связкой тяжелых металлических ключей. Когда тот упал, стал бить его по голове сапогами. Когда раненый мог уже только стонать, Д. удалился. Изувеченный умер там же, на месте преступления.

Д. объяснил свой поступок яростью против обидчика, назвавшего его «идиотом и растлителем». Вначале он не собирался так расправиться с «идиотом». Но «когда он начал мне угрожать, мне стало безразлично, что со мной будет, и я затоптал его ногами».

Во время обследования Д. показал себя человеком весьма ограниченным, мало гибким. Был подавлен, говорил мало — ронял отдельные слова. О совершении им ранее преступлений не хотел говорить. Мы спросили: раскаявается ли он в Д. ответил: «К чему? Что же я сейчас могу сделать? Ведь мертвого не разбудишь...» Из этого можно было заключить, что он вообще не понимает себе ужаса совершенного им преступления.

Интересно от всего содеянного им я попытался выяснить этическую позицию Д. Тут на его лице появилась тень улыбки. Он рассказал, что очень любит своих братьев, что младшего брата даже часто выручал из беды. Любит рои коров. Очень жалеет животных — коров, которых ему приходилось доить, лошадей, за которых ездил, за которыми смотрел. Он никогда не ударил ни одной лошади, а те каждый его приход встречали трогательным ржаньем. Д. спрашивал других кучеров к ответу за жестокость в обращении с животными. В детстве он тоже всегда хорошо относился. Детям сестры постоянно приносили сладости, и они его очень любили.

Во время разговора о приятном для себя, обследуемый оставался безрадостным, почти не слова, тяжеловесным.

В работе на продуктивность повторилась характерная для эпилептоидов задержка — Д. насчитал всего 28 предметов. Зато он обладал практической способностью, работал быстро, был, по словам его начальника, «парень с головой». Сам Д. говорил, что с заданиями по работе справляется быстрее других.

У этого обследуемого мы наблюдаем черты возбудимой личности или, точнее, *эпилептоидной психопатии*. Он пропускает наказания, становится воров, убегает из интерната, защищается от наказания граблями и наносит тяжелое ранение сверстнику. Д. мучается до бесчувствия, ему безразлично, где работать, он часто меняет место работы, постепенно превращается в хронического алкоголика. Попытки растления связаны с полной неадекватностью в сексуальной сфере. В 17 лет Д. чуть не убил человека, введение которого его раздражало, и присвоил себе его имущество. Позднее, в 27 лет он зверски избивает человека, вызвавшего перед тем его безумное раздражение. Когда этот человек начал угрожать, что донесет на него полиции, аффект Д. возрос настолько, в результате чего он растоптал своего противника.

Сложно было бы ограничить рассмотрение психики Д. только этими фактами. Его оценка как жестокого, бессердечного человека не дает полной характеристики. Он становится бездушным только тогда, когда аффект полностью овладевает им. Когда Д. находится, что бы вы зовешь холодным и бесчувственным. Об этом свидетельствует его любовь к детям, к животным. В состоянии аффекта он, конечно, куда более груб и страшен, чем товарищи, которые не совершают насилия. Однако многие из них в состоянии аффекта более черствы и злы, чем Д.

Важно помнить в заблуждение и тот факт, что эпилептоиды не раскаиваются в своих преступлениях. Если непоправимо совершили, они стараются предать его забвению. Ведь в состоянии растления предполагает взвешивание, анализ, в результате чего можно осознать значение проступка и представить

себе его возможные последствия. Эпилептоидам такой анализ не свойствен. Если их расспрашивать о факте преступления, то они выразят лишь мрачную досаду по поводу того, что им «напомнили», но не проявят никакого желания «копаться» в прошлом. Последнее особенно характерно для детей, у которых вообще аффект быстрее улечивается из памяти. Поэтому у экспертов в отношении Д. вначале сложилось ошибочное мнение, что у него нет «ни намека на раскаяние» в своем преступлении.

Д.— типичный эпилептоид. Это проявляется и в тяжеловесных реакциях, и в замедленности пробы на продуктивность. Об этом же свидетельствует и невысокий уровень его интеллектуального развития. С физической стороны диагноз подтверждается тем, что обследуемый — человек плотный, явно атлетического сложения.

Если внимательно вдуматься в приведенные выше описания, особенно убийцы, то можно прийти к выводу, что у этих *примитивных личностей эпилептоидного типа* отсутствует («выпадает») тот участок развития психики, в ведении которого находятся *этические общественные нормы*. Эта филогенетически новая сфера человеческой психики, на уровне которой благоразумие обретает господство над инстинктами и неконтролируемыми побуждениями, у таких личностей вообще не развита.

Каждый психический слой обладает сложной природой, поэтому, безусловно, возможны случаи, в которых компоненты того или иного слоя представлены лишь частично. Например, существуют лица, *тяжеловесные и медлительные* в своих реакциях, не склонные, однако, к вспышкам гнева или к частой перемене места работы. Лица эти, если данные черты их характера четко обрисованы, реагируют вяло и медленно, как и эпилептоиды, и при самом тщательном опросе нельзя установить у них проявлений раздражительности или импульсивности. Эти люди добились хорошего положения, не собираются менять место работы, вполне удовлетворены занимаемой должностью. Создается впечатление, что благодаря своей тяжеловесности, они и профессионально как бы малоподвижны, а поэтому скорее представляют свойства, прямо противоположные «летунству».

У некоторых людей сходной с эпилептоидами чертой является *скрупулезность мышления, его педантичность*. В своем поведении они не медлительны, не обнаруживают и признаков моральной инертности. Нередко мы видим их на высоких постах. Такие люди не способны рассказать о чем-либо без упоминания абсолютно несущественных деталей, они не могут не вклиниться издали, вплетают в свое сообщение разные несущественные моменты, имеющие к сути дела лишь косвенное отношение. Часто они повторяются, чтобы «сформулировать поточнее». Предлагаю, что многим, присутствовавшим на дискуссиях, различный тип, знаком этот тип. Уже в момент, когда они произносят слова, знаешь, что надо запастись терпением, чтобы выслушать их до конца. Психиатру легко установить, что при четком выра-

данной акцентуации перед нами открывается как раз та картина, которую мы наблюдаем при эпилептоидной педантичности. Правда, при углубленном обследовании можно выяснить, что у некоторых лиц их реакции в аффекте отмечаются какой-то управляемостью, однако у многих акцентуация ограничивается лишь своеобразным мыслительным педантизмом.

Таким образом, резкие, ярко выраженные проявления общей педантовности или скрупулезной педантичности мышления акцентуированных личностей дают основание говорить об эпилептоидной психопатии.

Сочетание акцентуированных черт характера

Если в структуре человеческой личности различать свойства характера и темперамента, то в вышерассмотренных типах акцентуации личности преобладают свойства характера. Свойства характера определяются направленность интересов человека и форма его реакций, в то время как от темперамента зависят темп и глубина эмоциональных реакций. Четкой границы между темпераментом и характером, однако, не существует. Крезмер и Эвальд также по-разному подходили к их разграничению.

Например, у возбудимой личности, у которой доминируют психопатические импульсивные и аффективные реакции, можно констатировать в какой-то мере преобладание черт темперамента. С другой стороны, глубина эмоциональных восприятий у эмотивных личностей (см. ниже) сильнее отражается на альтруистических чувствах, чем на эгоистических, обуславливая и некоторые черты их характера. В силу этого я не считаю, что предлагаемое мной деление личностей по характеру — на *демонстративных, педантических, застревающих и возбудимых* — является чем-то обобщенным, точно так же как и черты, анализируемые в ряде последующих глав, определяют отнюдь не один лишь темперамент человека.

Зная отдельные черты, несложно проследить и их сочетаемость. Однако именно в области характера сочетания некоторых черт отличаются столь явственными особенностями, что их необходимо обсудить подробнее.

Усиление, ослабление или варьирование одной черты можно проследить. Предсказать же характер преломления, например возбудимости у застревающей, импульсивной (возбудимой) или педантической личности, невозможно. Правильно судить об этом можно только на основании практических наблюдений и опыта. Вот почему я считаю целесообразным начать с конкретных наблюдений над некоторыми сочетаниями описанных черт характера.

Сочетание *демонстративных и педантических черт* у акцентуированных личностей не встречается, поскольку демонстративные и педантические личности противопоставлены друг другу в

одной и той же сфере реакций. Для демонстративной личности в состоянии аффекта показательны внезапные действия по типу короткого замыкания, в то время как педантические личности исключительно медлительны, объективного наблюдателя их нерешительность повергает в полное недоумение. Способность вытеснить из сознания эмоциональные вопросы, не сразу поддающиеся психологическому решению, у демонстративных личностей повышена, у педантических — резко понижена. Если бы в психике человека имелись черты и те и другие, то неизменно возникло бы нечто нормальное, среднее. Наши наблюдения, проведенные на весьма большом количестве пациентов, подтвердили, что людей, обладающих одновременно обоими упомянутыми чертами характера, не существует.

Особый интерес вызывает сочетание черт характера *демонстративной и застревающей личности*. Результат при этом бывает различный. Слабость истерика может в известной степени компенсироваться стойкостью и упорством реакций паранойяльной личности, но иногда возможны и деформации психики. Причина заключается, видимо, в социальной двойственности паранойяльной акцентуации, при которой возможны как высокие трудовые и творческие показатели, так и бесплодная трата времени на бессмысленную борьбу. При таком сочетании последняя тенденция нередко особенно ярко проявляется у упорных рентных невротиков, которые не только симулируют симптомы заболевания по типу истерического вытеснения, но еще и борются с чисто паранойяльным упорством за признание этих симптомов истинными болезненными явлениями.

Привожу историю болезни, которую Бергман описала в нашем коллективном труде.

Фрида В., 55 лет, по профессии была сначала модисткой, а затем подборщицей мехов. В 26 лет вышла замуж за подборщика мехов. Работает то в мастерской мужа, то на стороне с аккордной оплатой. Трудиться, по свидетельству дочери, никогда особенно не любила. Правда, начинала любую работу с большим рвением и с удовольствием, но вскоре заявляла, что работа оказалась трудной или что ее безобразно эксплуатируют. После замужества большую часть времени не работала, а занималась домашним хозяйством, но и здесь сама справлялась. Муж страдал от ее сварливости и вечного нытья. После очередного скандала она ложилась в постель и разыгрывала больную. Муж часто покидал дом, в конце концов у него появилась связь на стороне. В 50 лет В. подала заявление о разводе. Уже после развода судилась с мужем из-за суммы, которую тот якобы отказывался ей отдать. Постоянные волнения и переутомление вызывали у В. головокружение. Она почувствовала себя нетрудоспособной, начала хлопотать о пенсии, но в пенсии ей отказали. В. обжаловала отказ, ей снова отказали. Однако В. не возвратилась на работу, она живет на алименты, получаемые от мужа.

Однажды В. ехала в поезде. Поезд резко затормозил, и она ударилась головой. Об этом «несчастном случае» и его последствиях имеется много противоречивых показаний самой В. Объективным можно считать лишь свидетельство медицинской сестры, которая видела В. в медпункте на главном вокзале. Сестра сообщила, что у больной на голове было несколько шишек. Когда больная показалась врачу (через 2 дня после происшествия), он никаких внешних травм не обнаружил, но высказал предположение, что головная боль связана с пережитой «встряской». «Ослабление зрения», на которое жаловалась

В. при офтальмологическом осмотре не подтвердилось. В. считала, однако, что она пережила тяжелейшую травму, и подала в суд заявление о возмещении за нанесенные увечья.

За это время «история травмы» успела обрести новыми подробностями: во время резкого торможения тяжелый чемодан угодил В. в голову, мощным ударом ее отшвырнуло к стене, она ощутила тошноту, изо рта и из носа хлынула кровь, но полностью она сознания не потеряла; сестра из медпункта вокзала сопровождала В., у которой все тело болело и ныло, до трамвая.

Во время врачебного осмотра у нас В. утверждала, что пережитая травма сделала ее калекой. Все жалобы ее были расплывчаты, неконкретны. Единственным объективным болезненным явлением можно было считать воспаление века около левого глаза.

Больная все время держалась напряженно и очень враждебно; показывала справку с документами, где были поощрения по работе, различные справки о состоянии здоровья. Она предъявляла претензии не только к железной дороге, но и к бывшему мужу, который «всех настраивает против нее».

Историю «несчастливого случая» В. освещала столь же подробно, как и прощала. Несколько раз ей указывали на то, что последующая фраза ее никак не согласуется с предыдущей, на что она вообще не обращала внимания.

Стоило заговорить с В. о районных врачах, о железной дороге, о муже, как она падала в состояние сильнейшего аффекта, обвиняла всех в непризнании ее прав, грозила подать жалобу в более высокие инстанции с требованием возмещения за потерю работоспособности. Иногда В. всячески старалась произвести на врача выгодное впечатление, заявляя, что все врачи, проводившие исследование до него, ничего не понимали и наконец-то ей посчастливилось говорить с квалифицированным специалистом.

На протяжении всей жизни В. мы констатируем у нее *истерические черты характера*, сопровождающиеся склонностью уйти от жизненных трудностей, особенно от трудовой деятельности. Сначала ее недовольство обрушилось на мужа, затем, когда муж ушел, она искала поддержки у государства. Вечные споры в семье, жалобы в суд на мужа после развода — эти и другие факты биографии свидетельствуют о наличии у В. паранойяльные черты характера. При хлопотах о пенсии объединились черты обоих типов. В. усиленно демонстрировала симптомы заботливости и с упорством добивалась их признания. Вначале речь шла о пенсии по инвалидности. Затем на помощь пришел довольно безобидный случай на железной дороге, став поводом для требования пенсии по увечью. Положительных проявлений заботливости у данной больной мы совсем не наблюдаем: возмущение, свойственная истерикам слабость, с самого начала препятствовала трудовым достижениям. Можно предположить так же, что В. не представилась конкретная возможность удовлетворения своего честолюбия в трудовой деятельности. Возможно, в молодые годы, когда пациентка с энтузиазмом бралась за любую иную работу, хорошие трудовые показатели являлись результатом честолюбивого порыва.

Благоприятное развитие личности при определенном сочетании черт характера наблюдается, в основном, тогда, когда стремление к самоутверждению, которое свойственно застревающим личностям, осуществляется по демонстративному типу.

Если эти лица добиваются признания, если им удается найти работу, которая не только им нравится, но и обеспечивает

возможность находиться в центре внимания, то демонстративно-застревающие личности могут быть на высоте в течение длительного времени.

Следующая пациентка также была описана Бергман, которая в нашем коллективном труде дала описание ряда комбинированно-акцентуированных личностей.

Лизбет Х., 56 лет, еще в детстве отличалась недоверчивостью и злопамятностью. Она не могла наладить контакт с соучениками, постоянно чувствовала себя ободенной. С возрастом у нее все больше развивалось честолюбие. Став продавцом, она пользовалась уважением, продвигалась по службе. Директор магазина поручал ей ответственные участки работы, но с коллегами дело обстояло хуже, многие недолюбливали ее из-за сварливого, своенравного и злопамятного характера.

В возрасте 24 лет у Х. наблюдались типичные истерические реакции по поводу разочарования в любви: она разыгрывала тяжелобольную, позволяла матери баловать, жалеть себя. Но вскоре она снова приступила к работе и в следующие годы (они проходили без конфликтов) достигла весьма высоких профессиональных показателей. Связей с мужчинами у нее все эти годы не было. Лишь в возрасте 50 лет она еще раз полюбила, но снова все кончилось глубоко разочарованием. Два года спустя умерла ее мать.

В климатическом периоде у Х. часто отмечалось недомогание. Она не могла уже выполнять свою работу так безукоризненно, как прежде. Несмотря на это, Х. не в силах была отказаться от авторитетной должности закупщика оптовых товаров, чтобы заняться работой более легкой. Когда новый директор назначил в помощницы Х. молодую женщину, она восприняла эту помощь как знак недооценки ее многолетней работы в торговом предприятии. Х. прореагировала на назначение помощницы грубо-демонстративно — упала с громким криком. После этого у нее появилось нарушение координации движений при ходьбе. Домой с работы она уехала на такси, а позже постоянно и с большим удовольствием демонстрировала симптомы своего заболевания.

При поступлении в нашу клинику Х. предъявила перечень своих болезней на восьми страницах. При ходьбе пользовалась в качестве опоры то палкой, то зонтом, то детской колясочкой. В психотерапевтическом отделении выяснилось, что Х. очень хочет получить пенсию. Постепенно нам удалось снять симптомы истерии, но преодолеть до конца ее внутреннее сопротивление мы не смогли. В конце концов Х. почувствовала себя намного лучше и даже снова заговорила о работе. К сожалению, мы не смогли обеспечить ей место работы, на котором обследуемой удалось бы выдвинуться, как раньше.

У Х. в течение многих лет *паранойяльные* черты преобладали над *истерическими*. Уже ребенком она чувствовала себя ободенной, а став взрослой, отличалась несговорчивостью и злопамятностью. Честолюбивые устремления обеспечили ей продвижение по службе и хорошую должность. В 24 года Х. проявила типичные истерические реакции при разочаровании в любви. В пятидесятилетнем возрасте все явственнее наблюдается «бегство в болезнь».

Сочетание у акцентуированной личности застревающих и демонстративных черт часто ведет к честолюбивым устремлениям, особенно в расцвете лет. При таком типе акцентуации реакция несостоятельности, «осечки» не имеют места. Благодаря хорошим трудовым показателям такие люди завоевывают авторитет на работе, что, в свою очередь, является стимулом на пути к дальнейшим достижениям. С возрастом, когда работать стано-

зается труднее и авторитет работника падает, у застревающих личностей наблюдается крутой поворот к сверхчувствительности. Они сваливают вину за отсутствие прежних трудовых успехов то на коллег, то на болезнь. Тем самым эта черта личности перекликается теперь с истерической тенденцией к игнорированию неприятного. Таким образом можно объяснить эту *позднюю несостоятельность* демонстративно-застревающих личностей. Мы показали это на примере честолюбивой женщины, которая преуспевала в работе и у которой в пожилом возрасте развилась картина рентного невроза. Разумеется, не во всех случаях наблюдается поздняя несостоятельность. Некоторые истерически-паранойяльные личности к началу преклонного возраста обеспечивают себе столь прочное служебное положение, что удерживают его несмотря на слабеющие физические силы. В таких случаях психическое равновесие обеспечивается удовлетворенным честолюбием.

При наблюдении над демонстративными чертами характера чаще всего отмечается склонность истериков к «бегству в болезнь». И действительно, такая форма истерической реакции — очень типична для всех истериков. Всякое затруднение, всякий конфликт, даже простое желание немного облегчить себе жизнь заводят их на мысль о том, что выходом из создавшегося положения является болезнь. Больного нельзя ни к чему обязать, его все жалеют, о нем заботятся, более того, при длительном заболевании можно рассчитывать и на социальное обеспечение, на получение пенсии. Если бы этих форм государственного обеспечения не существовало, таких истериков стало бы гораздо меньше, однако все равно многие из них спасались бы «бегством в болезнь», рассчитывая на жалость и заботливость добрых людей. В большинстве же случаев основные истерические реакции приняли бы в таком случае иные формы.

Другой формой истерического реагирования является *неподходячность по отношению к окружающим людям*; истерические реакции идут окружающим во вред, а истерику — на пользу.

Анита Б., 1907 г. рожд., уже в школе была весьма честолюбива. Избрав специальность делопроизводителя-секретаря, она быстро и уверенно поднималась по служебной лестнице. Начальник учреждения был высокого мнения о Б. и давал ей ответственные поручения. Выражением особого доверия было то, что Б. была избрана профсоюзным казначеем. В то же время коллеги недолюбливали Б.: она вечно кичилась своими организаторскими способностями, подчеркивала, что начальство ценит ее как никого другого. Но так как в общем это соответствовало действительности, против такой позиции Б. и возражать-то было нечего.

В быту она была человеком с большими претензиями, старалась, чтобы в доме у нее все было добротнее, комфортабельнее и красивее, чем у других. Это требовало больших расходов.

В 1962 г. произошла техническая реорганизация процедуры сдачи профсоюзных взносов и временно не было ясности в том, куда именно сдавать деньги. Б. вышла выход сама — она вообще перестала их сдавать. Деньги держала в ящике в своей рабочей комнате и использовала для личных расходов. Систематическое присвоение Б. профсоюзных денег было раскрыто лишь через 4 года.

Во время обследования Б. держалась напряженно, недоверчиво. При упоминании о ее уголовно-правовых нарушениях отвечала злобно, заявляя, что все это не более чем недоразумение. Затем Б. начинала разыгрывать оскорбленную невинность, спорила и отрицала все, что значилось в судебных актах.

Врачи предложили подвергнуть проверке ее интеллектуальные данные, ссылаясь на то, что у обследуемой возможны психические нарушения. Б. живо ухватилась за это предложение. Хотя предыдущие обследования свидетельствовали о вполне нормальном интеллекте, теперь она стала демонстрировать картину типа псевдодеменции. При простейших вопросах Б. долго раздумывала над ответом, с большим трудом отвечала, сколько будет «3×3» и «5×5». Часто Б. говорила: «На этот вопрос ответить не могу», хотя до этого на аналогичный вопрос давала верный ответ.

Характерно, что во время проверки интеллектуальных возможностей полностью исчезла ее раздражительность, враждебность. Теперь Б. старалась вызвать жалость отчаянием по поводу своей умственной неполноценности, часто начинала рыдать. Новая попытка напомнить Б. о ее вине вновь вызвала отрицание вины, сильное раздражение и злость.

Перед нами женщина, достигшая высокого служебного положения. Будучи отличным работником, она с готовностью брала на себя дополнительные нагрузки. К этому ее, несомненно, толкало честолюбие, что подтверждается и ее заносчивостью по отношению к сослуживцам. В истории болезни также бросаются в глаза *демонстративные черты личности*. Все поведение Б. говорит о желании выделиться, быть заметной. Именно в связи со второй чертой данной акцентуированной личности стали возможны и уголовные нарушения. Ведь авантюристка не могла не знать, что рано или поздно присвоение ею государственных денег будет обнаружено. Естественно предположить, что страх не давал ей ни минуты покоя. Но, обладая свойством вытеснять все неприятное, она оставалась в превосходном настроении и продолжала свои уголовно наказуемые действия.

При обследовании черты и того и другого порядка проявились чрезвычайно ярко: черты застревания — во враждебном отрицании вины, демонстративные черты — в картине псевдодеменции. В зависимости от того, с какой стороны подходить к обследуемой, ее можно расценивать то как паранойяльную, то как демонстративную личность.

Сочетание застревающих и демонстративных черт распознается уже в детстве и может развиваться в нескольких различных направлениях. Дети такого склада в школе часто бывают весьма честолюбивы и старательно учатся, хотя у них, видимо, вполне возможны были бы истерические реакции игнорирования неприятного. Признание со стороны учителей и воспитателей оберегает этих детей от срывов. Иногда можно наблюдать, как честолюбие у ребенка с истерическими чертами перерождается в пустое тщеславие, для удовлетворения которого он прибегает к нечестным средствам.

Ниже в качестве примера приводится описание ребенка, у которого развитие такой сложной акцентуации проходило именно во втором направлении. Целлер уже описывал этот случай в нашем совместном труде.

Рольф Г. в 9 лет поступил в наше детское отделение. Родители разведены, мать — натура явно тщеславная, отец отличается своенравием, большой спорщик. Рольф уже в детском саду стремился быть в центре всеобщего внимания, вызывая ребятам разные небылицы.

Дома его держали в большой строгости, которой он подчинялся весьма неохотно. В школе учился на «хорошо» и «отлично», но дисциплина была неответственной. Получая выговор от учителей, нередко цедил сквозь зубы «Скотина ты...» Часто Рольф своими проделками смешил детей, некоторые даже возмущались, что он своими клоунскими выходками мешает заниматься. В играх Рольф нередко доходил до бешенства и бросался беспощадно избивать товарищей. Во время уроков постоянно бегал по классу.

Рольф очень хитер, любит дразнить и злить товарищей. Так как своим плохим поведением он «прославился» на всю школу, ему стали приписывать вину за все скандальные выходки в школе, в которых он и не принимал участия. В конце концов все ученики стали враждебно к нему относиться. Особую антипатию Рольф испытывал к девочкам, так как 12 девочек, объединившись, всякий раз, когда Рольф нарушал спокойствие в классе, били его. Они называли его «Рольф-дурак». Он дружил только с такими же отъявленными нарушителями дисциплины, как сам.

В нашем отделении Рольф пытался занять среди детей «первое место» и играть роль вожака. С этой целью он отчаянно лгал. Однажды, после выходки дней, Рольф заявил, что побывал в эти дни в СССР и в доказательство продемонстрировал набор советских цветных карандашей, делился впечатлениями о своей «поездке». Как позже выяснилось, нигде Рольф не был, а карандаши привез его отчим, ездивший в СССР. Рольфу указали, что нельзя быть таким врумом, но он оставил эти слова без внимания. Перед взрослыми Рольф в клинике рисовался, стараясь произвести хорошее впечатление, с детьми же постоянно ссорился, бранился и лез в драку.

Перед нами *весьма честолюбивый* девятилетний мальчик. Честолюбие стимулировало его успехи в школе. Кроме того, он стремился всегда быть в центре внимания, быть вожаком. Его дисциплинированное поведение, разные шалости, вплоть до *детских выходок*, — это не что иное, как попытки выделиться. В этом угадываются истерические черты. Они подтверждаются также хитростью и безудержной ложью. Однако если у Рольфа измерение «утвердить» себя срывалось, появлялись параноические реакции: он начинал драться. Любопытно, что такое поведение было свойственно Рольфу еще в детском саду. Уже тогда он старался быть в центре внимания, часто обманывал. Возможно, были допущены какие-то ошибки в воспитательном процессе. Возможно, однако, и другое: мальчик мог унаследовать черты застревающей личности от отца, а черты демонстративности — от легкомысленно-тщеславной матери.

Весьма опасно сочетание черт *застревающей и возбудимой личности*. Ведь уже каждая из этих черт в отдельности ведет к сильным вспышкам аффекта.

Ниже приведем пример, описанный Бергман в ее монографии. Этого обследуемого наблюдал и я.

Валли В. поступил в клинику в январе 1957 г. как социально опасный.

Отец отличался сильной вспыльчивостью. По малейшему поводу он избивал своих троих детей кнутом, в припадках ярости ломал мебель. Ни в чем не принимал возражений. Однажды, когда один из сыновей улыбнулся в ответ на его замечание, он запустил ему в голову тарелкой. Братья В. также очень агрессивны.

В. с юности легковозбудим, подозрителен и с момента вступления в брак очень ревнив. После шести лет супружеской жизни возникла сложная ситуация. В. посещал вечернюю школу, готовясь к сдаче экзаменов на аттестат зрелости. Жена к концу занятий часто подходила к зданию школы, чтобы встретить мужа и вместе идти домой, но В. при этом пользовался другим выходом из школы. Жена, вспыхвав ревностью, подала в 1955 г. заявление о разводе. Накануне бракоразводного процесса супруги помирились, суд был отложен на 5 месяцев. Вскоре после этого жена уехала к родным. Когда она вернулась, разразился скандал, жена сыпнула В. в глаза целый пакетик перца, В. нанес ей сильный удар в переносицу. После этого 9 мая 1955 г. последовал развод. 10 мая В. разгромил спальню жены, после чего явился с повинной в полицию и был арестован. Суд приговорил его к тюремному заключению. За образцовый труд по месту заключения его освободили досрочно (19 декабря 1955 г.). В. предполагал вернуться к бывшей жене, однако она выехала в ФРГ. В. отправился к ней, состоялось примирение, оба вернулись в ГДР. В ноябре 1956 г. В. вступил в связь с другой женщиной, но через три недели порвал с ней. Немедленно после этого он отправился к бывшей жене и умолял ее вернуться к нему. Жена наотрез отказалась. Он стал ежедневно подстерегать ее у детского сада, в котором она работала. В канун рождества он с улицы разбил стекла в окне спальни. На следующий день снова тщетно валялся у нее в ногах, умоляя вернуться. 4 января 1957 г. опять разбил окна на кухне. 5 января 1957 г. В. тайком пробрался в подвал дома жены, и когда она возвратилась с работы, жестоко избил ее. Наконец, 7 января жена В., заметив, что он снова поджидает ее возле детского сада, обратилась в полицию и В. был задержан.

По словам жены, В. абсолютно нетерпим к самому пустячному возражению. Сексуально он легковозбудим и очень груб. Уже через 3 недели по возвращении из ФРГ начались отчаянные скандалы, хотя бывшие супруги жили еще порознь. Она постоянно наблюдала, как В. с 8 ч утра и до окончания рабочего дня околачивался у детского сада. Иногда ей удавалось, улизнув от него, вскочить в трамвай, тогда В. некоторое время бежал рядом с трамваем, угрожая ей и выкрикивая похабные ругательства.

В клинике В. заявил, что жену свою он обожает, безумно ревнует к ней, как и все родственники по отцовской линии, страшно раздражителен, вспыльчив и обидчив. Он не хотел жить на свободе без жены, уж лучше сидеть в тюрьме, все равно любимая женщина от него отвернулась. Многолетнюю связь с другой женщиной он считает неизгладимой своей виной перед женой, ведь теперь она навеки отвернется от него. Но в то же время это было его до такой степени, что он готов убить жену: «Когда я дохожу до бешеного мне все безразлично».

В. можно расценить как *застревающую личность*. Этот тип акцентуации всегда склонен к подозрительности и ревности. Описанная ситуация послужила для В. толчком к параноическому развитию, которое в силу неровного поведения жены породило «полную любви ненависть», столь характерную для подобных случаев. Частично так и следует объяснить его акты насилия. Преднамеренные насильственные действия перемежались у него с совершенно бесконтрольными взрывами аффекта.

Здесь, очевидно, параноийальные черты личности послужили толчком к насилию, а *эпилептоидный характер* породил характерные поступки, т. е. поступки. Свою зависимость от влечений В. признавал и в том, что, несмотря на сильную привязанность к жене, вступил во временную связь со случайной женщиной. Его разрывчивая манера поведения во время бесед в клинике очень ясно указывает, до какой степени аффекты человека, особенно при сочетании параноийальной и эпилептоидной акцентуации, владеют им.

он совсем не по тому пути, по которому он сам намерен идти. Конечно, приступы безудержного возбуждения В. унаследовал от своего отца.

Неблагоприятные состояния напряжения при аффектах, возникающие при сочетании *застывающих и возбудимых черт характера*, проявляются уже в детстве. Очень явственно это следит из примера, который приводим ниже. Речь идет о мальчике, сыне Вольфганга Бергман в нашем коллективном труде.

Вольфганг Д., 8 лет, родители привели в нашу поликлинику по поводу частых вспышек ярости, наступающих, когда ему в чем-либо перечат.

Школьные учителя жалуются на упрямство, агрессивные поступки. Все, что ему не нравится, он считает несправедливыми; получая их, швыряет книги и тетради на пол, топчет их ногами, потрясая при этом кулаками. Он уже не раз выкрикивал ярость на соучениках, а однажды пригрозил учительнице: «Если я получу плохую оценку, то Виктору В. не одобровать». Учительница не в силах справиться с этим ребенком. Он сопротивляется требованиям других учителей, топчет на пол, царапается, кусается, воеет.

В октябре 1962 г. в связи с состоянием возбуждения, длящимся несколько дней и невозможностью содержания Вольфганга в домашних условиях мальчик был госпитализирован в нашу клинику. Во время стационарного лечения были собраны дополнительные сведения: в школе мальчик в самом начале проделывал темы понятлив и способен успешно работать, но вскоре появляются вспышки ярости, подрывающие дисциплину всего класса. Вольфганг «подкалывает» соучеников перьями, карандашами, а если отнять у него эти предметы — сразу бьет их по голове башмаком.

Мать и отец реагировали на выходки мальчика бурно, нередко били его. Конечно, Вольфганг всегда настаивал на своем. Однажды он схватил отца за шею и стал душить его.

В клинике мальчик держался вначале напряженно, был враждебно настроен. Конечно жаловался на свою школу, особенно на одну учительницу. Дети в школе себя старался подчинить своему влиянию. С другой стороны, он искал всякому поощрению.

Во время пребывания в школу Вольфганг некоторое время вел себя нормально, слушался учителя. Но такие периоды всегда были недолгими. Вскоре он вновь начинал капризничать, начал кричать, избивать товарищей. После лечения в клинике возбудимость обычно снижалась, но достигнуть постоянной уравновешенности так и не удалось.

Поскольку родители Вольфганга натуры бурные, воспитание его, естественно, проводилось без особой последовательности. Конечно же тяжелые взрывы аффекта у ребенка не могут быть устранены лишь за счет воспитания. Наивысшей ступени они достигают в школе, и давали себя почувствовать даже в нашем детском отделении.

Самый типичный повод приводил мальчика в ярость, вызывая в безрассудство которой указывают на черты *эпилептического характера*. Но аффект его был не только импульсивным, но и очень длительным, в чем сказывается *паранойяльный характер*. Эта черта проявлялась во враждебности к учителям, особенно к отношению которых мальчик считал несправедливым. Во время лечения нам удалось активизировать позитивные моменты его паранойяльного характера, мы постарались уменьшить его честолюбие, но все же вспышки возникали снова, и мы не смогли подавить их так и не удалось. *На паранойяль-*

ное начало в личности этого ребенка было легче воздействовать, чем на *эпилептоидное*. Честолюбивые моменты на общем фоне застревания были заметны еще в школе, где мальчик, несмотря на отвратительное поведение, все же неплохо учился, в отличие от возбудимых детей, которые, как правило, не только недисциплинированы в школе, но и запускают учебу.

Эпилептоидная взрывчатость может оказаться особенно опасной в тех случаях, когда она сочетается с *истерической склонностью к реакциям типа короткого замыкания*. Аффективные проявления в этих случаях непосредственно переходят в действия.

Среди личностей с таким сочетанием черт характера мне пришлось наблюдать несколько случаев насилия. Один такой мужчина стал убийцей своего новорожденного ребенка.

Эрнст Ш., 1937 г. рожд., вместе с женой ожидал рождения второго ребенка, который был для него нежелательным. Он считал это несвоевременным: вначале надо купить домик и построить гараж. Сначала он пытался уговорить жену сделать аборт, но она не пошла на это. После появления новорожденного на свет Ш. завернул его в купальный халат и отнес на чердак. Младенец задохнулся, Ш. завернул его в оберточную бумагу, вынес на улицу и положил в сугроб.

Ш. считается хорошим работником, все время работает на одном месте (он специалист по изготовлению автомобильных кузовов). До совершения преступления у него не было судимостей. По свидетельству родных, Ш. обладает весьма бурным темпераментом. Впадая в гнев, может поднять руку на обидчика. Пищу, которая ему не нравится, может швырнуть о стену. На работе его невыдержанность была известна, но агрессивность он здесь никогда не проявлял. Как умелый мастер Ш. зарабатывал больше товарищей. Возможно, данное место работы привлекло его именно хорошим заработком. Деньги на автомобиль он зарабатал собственным трудом. По словам сотрудников, Ш. охотно разыгрывал из себя клоуна, любил «ломаться».

При обследовании интеллектуальное развитие Ш. оказалось в норме, но он был чрезвычайно тугодумом: говорил медленно, с частыми паузами, переспрашивал. В движениях также тяжеловесен, малоподвижен. При исследовании интеллектуального уровня в пробе на продуктивность он назвал всего 38 слов. При обсуждении его уголовного преступления бросалась в глаза и столько описанная тяжеловесность (она не препятствовала взаимопониманию), как тенденция проходить мимо ряда вопросов. Кроме того, он вновь и вновь старался так или иначе смягчить перед нами свою вину, но тут же добавлял, что вины как таковой это с него не снимает. На конкретно поставленные вопросы Ш. отвечал заведомой ложью.

Из его рассказа явствовало, что он до самого рождения ребенка надеялся, что жена сделает аборт. Когда начались роды, позвать акушерку он якобы не успел. По другой версии, Ш. подумал, что у жены выкидыш. Его тетка, которой он в 4 ч ночи привел трехлетнюю дочку, не имела ни о чем понятия. Любопытно, что при подобных описаниях он, несмотря на свою тяжеловесность, становился весьма словоохотливым и как бы «вживался» в эти подуманные истории. Когда мы обратили внимание Ш. на грубое искажение фактов в его рассказе, на ряд несовпадений с действительным положением вещей, он смущался лишь на несколько мгновений, а затем опять продолжал свое. При этом он в патетической форме высказывал искреннее удивление и поводу того, что ему не верят.

Поведение Ш. стало совсем иным, когда я спросил о его увлечениях. Он держал и почтовых голубей, и кроликов. Большую роль в его жизни играл автомобиль. Он почти нигде не бывал, так как в семье чувствовал себя всем. К жене он искренне привязан, когда же мы заговорили о трехлетней дочке, на глазах у него появились слезы.

Тупеловесность и медлительность в сочетании с раздражительностью указывают на *возбудимость личности*. Этому акцентуированному характеру обследуемого соответствовало плотное телосложение и грубоватое лицо. Упорная ложь, попытки смягчить свою вину объяснялись, очевидно, не только понятным человеческим желанием как-то оправдать себя, но и не отрицал совершенного им преступления. Однако ответственность, с которой он лгал, самоуверенность, которой он не подвержения не могли поколебать, неспособность признать себя убийцей — все это свидетельствует о том, что Ш. не считал до конца своей лжи, что он сам в какой-то мере виноват в своей невиновности. В этом мы усматриваем черты демонического характера, что подтверждается и патетичностью, и выходящими выходками его на работе.

Оба эти типа акцентуации соединились, когда он совершил свое страшное преступление. Ш. не хотел ребенка. Гнев по поводу того, что жена не избавилась от беременности, подспудно вылился. Но все же, несмотря на эпилептоидные черты характера Ш., дело, вероятно, не дошло бы до умерщвления ребенка, если бы истерическая вспышка не отбросила в сторону голос совести и благоразумия.

При сочетании *застревающих и педантических черт* в социальном плане возможны весьма положительные результаты. Однако у таких личностей наблюдаются высокие достижения. Эмоциональная тенденция застревания смягчается альтруистическими качествами педантической личности. Тщеславию хотелось бы убрать с дороги тех, кто мешает, сверхчувствительность заставляет сваливать все на окружающих, однако совесть заставляет своевременно подумать о возможности собственной вины. В результате бесцеремонный, ни с чем не считающийся каприз возматывается разумной целенаправленностью поступков.

В свою очередь, отрицательные черты педантичности также могут сосуществовать, когда к ним присоединяется другой компонент. Невротические колебания перед принятием каждого решения уменьшаются минимальными в тех случаях, когда честолюбие требует новых достижений. Многие превосходные специалисты в своей области, обладающие одновременно отличной приспособляемостью к окружению, являются акцентуированными личностями, у которых сочетаются черты застревания и педантичности. Продвигаясь по намеченному пути, они не ущемляют интересов других. Работа должна быть выполнена — вот их принцип. Этого требует и целеустремленность педантичной личности, но еще больше — солидность и доброжелательность педантичной. Параноическое развитие застревающих личностей, вызывающее враждебное отношение к окружающим, также тормозится сдерживающими ананкастическими чертами.

Сдерживает в такое развитие, при котором сочетание обеих черт приобретает отрицательное значение, — это невротическое

состояние, в основе которого лежит страх. Как известно, и ананкасты, и в меньшей степени паранойяльные личности склонны к ипохондрическому развитию. Именно поэтому многие ипохондрики обладают одновременно чертами застревания и педантичности. При сочетании этих черт характера возможен отрицательный результат, однако не в плане асоциального поведения. При этом наблюдаются лишь постоянные недомогания и *понижение трудоспособности акцентуированной личности*. При невротическом развитии такой личности объединяются тенденция ананкастов к «раскачиванию» аффекта и паранойяльная тенденция к его кумуляции.

Привожу историю болезни обследуемого, который был весьма добросовестным и преуспевающим специалистом, но отличался невротическим складом психики. Он был уже описан в нашем коллективном труде Бергман.

Альбин Д., 1918 г. рожд., уже в школе отличался самолюбием и старательностью. По окончании школы сначала работал помощником продавца, постепенно поднялся до должности заместителя директора крупного торгового предприятия. Затем заочно закончил педагогический институт, стал работать учителем. Вскоре стал директором большой школы (1900 детей) и, наконец, начальником областного отдела народного образования. Кроме того, Д. имел много общественных нагрузок, *сильно переутомился. Самого себя Д. характеризует как человека чувствительного и легковозбудимого, не выносящего ни малейшей несправедливости*. Всюду с жаром отстаивает свои принципы, но еще чаще защищает интересы окружающих, зачастую приобретая себе врагов. Д. — исключительно добросовестный и исполнительный человек, обладает высоким сознанием долга. При выполнении любой работы он не отступает от намеченной системы и работу непременно доводит до конца. Д. склонен к самоконтролю. Неоднократно проверяет свои записки к докладам, с которыми выступает, «для гарантии» готов проверить лишний раз, выключен ли свет, газ и т. д.

Когда Д. было 10 лет, он испытал тяжелый стресс: его товарищ, разгоряченный игрой в футбол, с жадностью выпил кружку холодной воды и тут же упал мертвым. С той поры Д. не пьет холодной воды, не пил ее даже в армии, когда на больших маршах сильно страдал от жажды. После этого случая Д. никогда не присутствует на похоронах, не бывает на кладбищах. При разговорах о смерти его охватывает страх. Когда он работал санитаром, просил товарищей избавить его от переноски трупов, не решался входить в инфекционное отделение больницы. Впрочем, на собственные болезни он раньше никогда не жаловался.

С 1960 г. Д. страдает тромбозом вен обеих ног. Последнее резкое ухудшение наступило в 1962 г. Теперь его часто стал «прошибать пот», отмечались ознобы, сердечные приступы. Хотя тяжелые явления закупорки вен были устранены, Д. не решался выходить на улицу, считая, что у него тяжкий сердечный недуг. В результате — потеря работоспособности. С диагнозом «тяжелый ипохондрический невроз» поступил в нашу клинику.

К нашим методам лечения пациент в начале относился скептически. Позже нам удалось найти правильный подход. При выписке у Д. не было никаких жалоб. В хорошем состоянии он снова приступил к своей ответственной работе.

Д. достиг в жизни многого. Его честолюбие, сопровождающееся сильной впечатлительностью, позволяет сделать заключение о том, что перед нами *застревающая акцентуированная личность*. Однако движущей силой его поступков было не только

челюлюбие: *педантичность* «заботилась» о том, чтобы Д. не стал дерзко-самонадеянным, умел всегда сохранять деловые и добрые отношения как с подчиненными, так и со всеми окружающими. В развитии невротического состояния, выбившего его из колеи, участвовали оба компонента его личности. Толчком к развитию послужил страх, внушенный заболеванием.

Особый интерес представляет сочетание черт *возбудимой (имплетоидной) и педантической личности*, ибо эти черты в какой-то мере противоречат друг другу. Можно было бы предположить, что здесь должно быть выравнивание, подобное тому, которое наблюдается при совмещении педантических и демонстративных черт характера. Следует, однако, подчеркнуть, что в последнем случае речь шла о противопоставлении в одной и той же психической сфере. Что же касается черт характера возбудимых и педантических личностей, то их следует, напротив, отнести к различным функциональным сферам. Решение вопроса о том, способен ли человек на быстрые или лишь на медленные психические реакции, относится к гораздо более высокой психической сфере, чем вопроса, поддается ли данное лицо своим влечениям или нет. Однако известная осторожность акцентированной личности в принятии решения может сказаться и в торможении тех действий, на которые толкает влечение; человек с таким сочетанием акцентуаций отличается большим самообладанием, самоконтролем. Наблюдения, сделанные в нашем психотерапевтическом отделении, подтверждают такое предположение.

В других случаях черты того и другого характера сосуществуют, не взаимодействуя. В результате в некоторых случаях черты одного характера активизируются, а другого — вообще ничем себя не проявляют. Особенно часто этот разобщенный тип реакции встречается у подростков, т. е. тогда, когда ананкастическая скрупулезность не успела еще распространить свое действие на сферу инстинктов.

Сильмар Э., 1945 г. рожд., по профессии механик. По словам родных, он не расследовал добросовестности своего отца. Отец был человеком сверхаккуратным, «не успокоится, пока не наладит все как по струнке». Э. в школе выказывал лень, уроков почти совсем не готовил. Часто не ночевал дома, иногда его разыскивали. Наказания не помогали. Э. был неаккуратен и с личными вещами. В других отношениях проскальзывала, однако, педантичность: Э. следил за тщательной уборкой своей комнаты, перепроверял, хорошо ли запер, закрыта ли дверь квартиры. «Не могу иначе — меня совесть замучит!» — так он объяснял эту привычку. Со сверстниками Э. постоянно задибался, при этом часто приходил в ярость, дрожал всем телом, наносил удары противнику. В таких случаях Э. мог, потеряв самообладание, поступать совершенно безразлично: он нападал, например, на ребят старше и сильнее себя, в драке с которыми его поражение было неизбежно. Поэтому его самого нередко изби-

Когда Э. исполнилось 13 лет, у него появились навязчивые идеи. Так, например, если приближался трамвай или поезд, Э. ставил перед собой задание — через перебежать через рельсы, или же ему казалось, что спастись от какой-то угрозы грядущей ему опасности он может, только прочитав какое-нибудь объявление, висящее поблизости. Стоя на башне, на большой высоте, Э. представ-

лял себе, как спрыгнув, собьет кого-то вниз. Иногда он вдруг ощущал неодолимое желание дать пощечину постороннему человеку. А то Э. так и подымало вскочить на радиатор мчаться навстречу машины, или ему казалось, что он должен «добежать до фонаря, прежде чем машина со мной поравняется, лишь тогда все будет хорошо» и т. д.

С 15 лет Э. начал красть. В школе он нередко присваивал всевозможные мелочи, которые могли пригодиться «в работе» (он любил мастерить). Однажды вломился с товарищем в квартиру знакомых, унес радиоприемник. В последующие годы количество краж все возрастало, но в 18 лет он вдруг прекратил воровство. В 20 лет Э. стал социально уравновешенным человеком. Работал на производстве механиком, вполне добросовестно, хотя по-прежнему отличался возбудимостью. При обследовании Э. подтвердил, что он и сейчас с трудом сдерживается, если что-нибудь выведет его из себя. Но все же эксцессов больше не было. Не замечал уже и навязчивых идей. Вместо этого у него развились черты педантической личности: постоянно — и дома, и на производстве — он теперь проверяет, хорошо ли выполнил то или иное дело.

Будучи подростком, Э., *отнесенный нами к ананкастам, начал красть*. В этом заключается необычность данного случая, поскольку известно, что непорядочные поступки несовместимы с добросовестностью педантической личности. Однако импульсивные реакции Э., возникающие на почве внешних соблазнов и раздражителей, соответствуют поведению эпилептоидной личности. Эти реакции могут быть отнесены ко второму «набору черт характера Э. как возбудимой личности. Итак, обе тенденции «уживаются» в личности юноши независимо друг от друга: если Э. сталкивается с чем-то, что его влечет, он — как личность *возбудимая*, не способная владеть собой, — безудержно поддается соблазну, если же в аффективном плане он находится в состоянии покоя, им завладевают черты навязчивости, *свойственные ананкастам*. И лишь по мере созревания личности у таких людей наступает сбалансированность психики.

Правда, с возрастом Э., все еще легковозбудимый, научился вполне владеть собой. С другой стороны, его педантичность уже не ведет к навязчивым представлениям, ее проявления ограничиваются многократным самоконтролем на работе и в быту. В конечном счете Э. стал весьма похожим на своего сверхактивного отца, что вначале казалось маловероятным. Проявления ананкастических черт личности Э. в годы отрочества в виде типичных навязчивых представлений можно объяснить тем, что в этом периоде происходит перестройка личности, переход от экстравертированности к интровертированности. Навязчивые представления в период отрочества, как известно, не столь уж редки.

Иногда и у взрослых черты, свойственные *возбудимому педантичному характеру*, существуют параллельно, *абсолютно без взаимодействия*.

Франц Ф., 1942 г. рожд., по профессии рабочий химической промышленности. Его отец — человек весьма педантичный, но в молодости много *пил* и в свое время нещадно бил детей и сейчас способен на весьма импульсивные реакции, в припадке ярости орет.

Ф. в школе учился хорошо, но учеба ему давалась нелегко. *Самостоятельно* 8 классов.

В возрасте 10 лет в порыве гнева как-то бежал из дому, но вскоре вернулся. Когда Ф. учился на мастера, он нередко убегал с работы, причем по самым разным поводам. Однако типичные припадки ярости наблюдались редко: в состоянии раздражения им не только овладевал гнев, но он чувствовал и острую угнетенность. В это время он предпочитал бегство от людей. В двадцатилетнем возрасте Ф. сохранил привычку попросту уходить или уезжать, если что-либо его «доводило». Однажды он отсутствовал дома несколько дней, его родители, вместе с которыми он жил, очень беспокоились. Оказалось, что он ночевал в каком-то кемпинге.

Когда Ф. не находится в состоянии возбуждения, его считают хорошим работником. На производстве он бывает даже чересчур добросовестен. Отцу нередко приходится даже убеждать его, что и в старании не нужно «перегибать палку». Излюбленное занятие Ф.— контролировать, все ли в доме в порядке, закрыта ли заперта дверь, выключен ли газ. В обществе он часто бывает замкнут, всегда боится, что скажет что-нибудь невпопад.

В 18 лет Ф. начал пить, а в 25 лет поступил к нам в клинику для прохождения курса противоалкогольного лечения (у него это был уже третий курс). Каждый раз он приступал к лечению с самыми благими намерениями. Ф. откровенно отдавал себе отчет в том, как ему вреден алкоголь, но после краткого периода воздержания снова начинал пить, мотивируя это тем, что часто впадает в pessimистическое настроение, радости никакой ни в чем не видит и тянется к водке, не думая о последствиях.

После последнего курса лечения Ф. долго оставался под амбулаторным наблюдением. Согласно имеющимся у нас сведениям, рецидив у него не наступал.

Среди алкоголиков ананкасты вообще не встречаются. Ананкасты настолько серьезно относятся к себе и своим обязанностям, что расценивают алкоголь как непосредственную угрозу делу и личному благополучию. Поэтому они отвергают спиртное даже в умеренных количествах, не говоря уже об излишествах.

Если Ф., несмотря на черты педантичности в характере, все же стал хроническим алкоголиком, то это, несомненно, связано со вторым компонентом его личности. С малых лет Ф. был склонен к импульсивным поступкам (побеги из дому), кроме того, Ф. был всегда чрезвычайно раздражителен. *Как личность возбудима Ф., конечно, легко мог стать хроническим алкоголиком, но ананкастические черты характера должны были защитить его от данной опасности, потому что такие понятия, как ананкаст и алкоголик, несовместимы даже в тех случаях, когда ананкастические черты комбинируются с другими чертами характера. Возможно, именно поэтому Ф. не выработал в себе нужной самодисциплины (или лишь с годами обрел ее) и наряду с раздражительностью был склонен к депрессивным состояниям. Повлеченность еще в большей степени, чем раздражение, требует «поддержки» алкоголем, ведь раздражение может найти разрядку не в другом. Депрессивные черты примешивались к дурному настроению Ф. уже в детстве: вместо того чтобы «перебеситься», он уходил из дому, ищет возможности скрыться. С этой чертой Ф. нередко встречались у больных эпилептоидной психопатией, у которых реакции на неприятные события могут вылиться как в пароксизмы ярости, так и в глубокую депрессию. Пожалуй, в этом и следует искать объяснение того, почему у данного больного (даже тогда, когда отрочество давно миновало) обе черты*

характера не вступили во взаимодействие — Ф. всегда реагировал то как чисто возбудимая, то как чисто педантическая личность.

Акцентуированные черты темперамента

Гипертимические личности

Гипертимический темперамент, резкая степень проявления которого носит название *гипоманиакального состояния*, хорошо известен в психиатрии. Как и *при маниях*, правда, в несколько смягченной форме, приподнятое настроение сочетается при этом с жадой деятельности, повышенной словоохотливостью и с тенденцией постоянно отклоняться от темы разговора, что иногда приводит к скачке мыслей. Гипертимическая акцентуация личности не всегда чревата отрицательными последствиями, она может благотворно влиять на весь уклад жизни человека.

Гипертимические натуры всегда смотрят на жизнь оптимистически, без особого труда преодолевают грусть, вообще им нетрудно живется на свете. Благодаря усиленной жаде деятельности, они достигают производственных и творческих успехов. Жажда деятельности стимулирует у них инициативу, постоянно толкает на поиск нового. Отклонение от главной мысли порождает множество неожиданных ассоциаций, идей, что также благоприятствует активному творческому мышлению. В обществе гипертимические личности являются блестящими собеседниками, постоянно находятся в центре внимания, всех развлекают. Они способны говорить и рассказывать без конца, только бы их слушали. Такие люди не могут наскучить, с ними интересно, они пересыпают свою речь прибаутками, остротами и никогда долго не задерживаются на одной теме.

Однако *если данный темперамент выражен слишком ярко*, положительный прогноз снимается. Безоблачная веселость, чрезмерная живость таят в себе опасность, ибо такие люди шутя проходят мимо событий, к которым следовало бы отнестись серьезно. У них постоянно наблюдаются нарушения этических норм, поскольку они в определенные моменты как бы утрачивают и чувство долга, и способность к раскаянию. Яркий гипоманиак легкомысленно ставит на карту свой авторитет, нередко рискует потерять имущество, пускаясь в сомнительные предприятия. Чрезмерная жажда деятельности превращается в бесплодное разбрасывание, человек за многое берется и ничего не доводит до конца. Богатство идей в подобных случаях превращается в пустое прожектерство.

Чрезмерная веселость может переходить в раздражительность. Если такие переходы резко выражены и наблюдаются часто, это наводит на мысль о параноическом компоненте, о чем речь будет ниже.

Доля психической вовлеченности гипертимического темперамента

в область мыслей, чувств и волевых проявлений не всегда сдерживаясь. Иногда в человеке прежде всего бросается в глаза исключительная веселость, иногда она отступает перед безудержной фантастичностью, в некоторых случаях мышление, ни на чем не выдерживаясь, перескакивает с одной идеи на другую. Однако иногда в большей или меньшей степени наблюдаются все три признака одновременно, представляя единство, подобно тому как это бывает при мании. Иногда удается прямо доказать, что гипертимический темперамент представляет собой не что иное, как некое «разбавление» мании. Иногда выраженная мания может обнаружиться либо у самого обследуемого, либо у одного из его родственников.

В целом гипертимический темперамент отнюдь не обязательно связан с манией. При сравнительно легких проявлениях он представляет собой нормальный вариант акцентуации человеческой личности.

Приведу описание двух обследуемых, сделанное Унгер в начале коллективного труда. У первой обследуемой повышенная активность, обусловленная гипертимическим темпераментом, сказывается на течении ее жизни положительно.

Ивановна Н., 1911 г. рожд. Отец весьма контактен, популярен в обществе. Она имеет высокий служебный пост, обладал прекрасным голосом, часто пела. Всегда выказывала доброжелательные отношения к людям.

Ушла из семьи сектантов, очень религиозна. После смерти мужа отказалась от брака с любимым человеком, так как он был другого вероисповедания. Играла, как и муж, юмором, любила петь. Сестра Н. также исключительная шутка и энергичная девушка. По словам Н., сестру все «безумно» любили и всегда попадали к ней на вечеринки, где бывает на редкость весело.

Ивановна Н. говорит, что ее воспитание противоречило ее природному складу. Она была живой, жизнерадостной девочкой, но, обучаясь в монастырской школе, стала религиозной фанатичкой, впрочем, еще будучи подростком. Н. интересовалась философией религии. Все годы проучилась добросовестно, окончила школу с отличием, получила диплом учительницы начальной школы. Вскоре поступила на философско-теологический факультет, здесь также была хорошей ученицей. Одновременно успешно работала учительницей, любила детей. По ее словам, ее деятельность отразилось и на выборе мужа: она вышла замуж за человека, мужа которого умерла во время родов. Н. твердо решила заменить умершего мужа.

Придя к заключению, что муж ее, музыковед, — выдающийся человек, она стала пропагандировать его музыкальные теории, налаживая необходимые необходимые контакты. В трех университетах добилась курса лекций по теории великого ученого, не умеющего постоять за себя. Н. совершала поездки, во время которых знакомилась с различными музыковедами, работавшими по теории мужа. После войны она вела переговоры с английскими и американскими войсками, добилась выделения суммы в 4000 марок на ее работу по исследовательской работе в области теории музыки. Н. наладила тесные контакты с известными музыкальными критиками, организовывая их отзывы на ее работы, публикации в прессе. Н. добилась даже того, что известный физик подтвердил правильность математических формул в теории ее мужа. Сам супруг очень верно охарактеризовал свою жену: «Я не могу представить себе ни одного человека, ни одного учреждения, которое бы относилось ко мне так, как ты относишься ко мне».

Имея обширные контакты в области музыки, Н. познакомилась со многими интересными людьми, с некоторыми из них дружба продолжается и сейчас. Дружеские отношения наладились у Н. с одним писателем, для которого ее рассказы были важным стимулом в его творческой работе. Он говорил ей: «Мои произведения — твои произведения, ведь импульсы к

ним исходят от тебя». Н. говорила нам, что дружба у нее завязывается преимущественно с людьми, которых надо «активизировать», за которых нужно принимать решения; этих людей она заражает оптимизмом и поддерживает в них мужество.

Мы познакомились с Н. через ее пасынка (к которому она относилась как к сыну), поступившего к нам в стационар по поводу шизофрении. В вопросах лечения сына Н. проявляла такую же напористость, как и при пропаганде искусствоведческих теорий мужа. Она изучила большое количество специальных работ по психиатрии, собрала обширную информацию обо всех когда-либо предлагавшихся способах лечения шизофрении и предлагала их лечащим врачам сына. Н. исходила из того, что еще не все возможности терапии исчерпаны. Скептическое отношение врачей ее не смущало. Всякий новый метод, заявляла она, сначала принимают в штывки, но в конечном итоге кто-то все же дерзает и вводит его. Н. добралась до известного профессора в Будапеште и добила из первых рук сведения о новейших данных по лечению шизофрении.

Во время наших многочисленных бесед Н. была слишком многословна, охотно переходила на личные темы, не связанные с сыном, говорила обо всем остроумно, с массой иронических замечаний. Если же мы просили ее сосредоточиться на какой-либо одной теме, она говорила кратко и конкретно. Насторожение у Н. всегда было приподнятое, она охотно переводила разговор на веселые темы, сама при этом от души хохотала и просила приглашать ее почаще, чтобы выговориться и посмеяться. Рассказы Н. всегда сопровождала оживленной мимикой и жестикуляцией. Свою жизнь Н. стремилась строить по формуле: «Пережить как можно больше — в этом богатство жизни».

Спустя некоторое время сын Н. умер (острый инфаркт миокарда). Смерть сына была для нее большим горем. Несмотря на свой гипертимический темперамент, Н. была глубоко потрясена. Она все допытывалась у нас, не было ли в чем упущения, страдал ли он перед кончиной.

Перед нами женщина, которая уже в детстве проявляла исключительную активность, сделала много добра мужу и друзьям. Благодаря своей неутомимой энергии, она умела стать опорой в жизни слабых людей. Она горячо заботилась о сыне, до самой его смерти не теряла надежды на излечение тяжелого недуга. Живость, словоохотливость, жизнерадостный нрав (лишь смерть сына погрузила Н. в состояние глубокого угнетения) также свидетельствуют о том, что личность Элизабет Н. — типично гипертимическая.

Вторая обследуемая обладает теми же особенностями темперамента, что и Н., однако они достигают у нее степени гипертимической психопатии. *Отрицательные проявления у нее преобладают.*

Анна В., 1898 г. рожд. Отец был веселым, жизнерадостным, наивным человеком, любил выпить, всегда умел быть душой общества. Много постоянно брал разные приработки. Мать в юности любила петь, танцевать, но она не обладала способностью сеять вокруг себя веселье, к тому же была обидчива. Дедушка В. по отцу тоже отличался жизнерадостностью, был веселым рассказчиком, слыл остряком, пользовался всеобщей любовью в рабочем коллективе. Сестра матери была женщиной веселой, очень смешливой, и поэтому всегда вносила живую струю.

В. пошла в школу в 8 лет (в связи с рахитом), училась хорошо. После окончания школы работала на кухне одного трактира, помогала жене отца обслуживать гостей. За любую работу бралась охотно и уверено. Работа на фабрике (сначала папиросной, затем по изготовлению мебели) ее не спорилась. В. объясняет это так: «Мне нужна работа сама по себе, я люблю работать по обслуживанию людей». Пыталась устроиться в кондитерской, снова работала в трактирах, но все это было не по ней. В этих местах она не могла выдержать.

И вот, наконец, В. нашла подходящее поле деятельности. Она приобретает патент на «торговлю разного рода товарами». Этот патент не связывал ее со специализацией товаров, и В. торговала товарами весьма разнообразного ассортимента. Одно время продавала мороженое, пристроившись между торговцами мороженым и раков. Когда ее коллеги уходили «пропустить рюмочку», она не только следила за их товаром, но и успешно рекламировала его: «Такая уж у меня натура, я — женщина многосторонняя». Торговала редькой «для пьяных и подгулявших». Затем она организовала игру в кости, во время которой бойко продавала ургями: «Чем больше очков — тем толще ургор!» Некоторое время ходила с нагрудным лотком, торговала в ресторане — конфетами, печеньем, маршмэллоу. Начальник считал ее самой боевой продавщицей.

Торговала она и цветами на танцплощадках. Цена за букетик была стандартная — 2,5 марки: «Все равно выходило по 3 марки — не потребует же придурный мужчина 50 пфеннигов сдачи!» Мужчин на танцплощадке охотно раздавала советы — с кем из девушек стоит, а с кем не стоит «связываться в вальс». Шутки были ее подлинной стихией, за шутки и веселый нрав она всегда получала много чаевых. Тем не менее В. вела настоящую трудовую жизнь: уже в 4 ч 45 мин она приходила на рынок, чтобы оптом закупить цветы, затем целый день вязала букетики.

Через некоторое время В. стала торговать газетами, сначала в ресторанах (там больше дают чаевых), затем на центральном вокзале, где ее вскоре все уже хорошо знали: она не могла не привлечь внимания своими остроумными замечаниями о новостях дня и находчивыми ответами. Вечером, по окончании рабочего дня, вокруг нее собирались служащие, здесь всегда стоял хохот: остроты текли несмолкаемым потоком. Люди, смеясь, жаловались, что из-за нее «отпускают последний поезд». В. стала своего рода знаменитостью, по радио о ней передали репортаж под названием «Берлинская оригиналка». Она стала лучшей продавщицей газет столицы. К этой профессии она привлекла своего мужа, но отзывалась о нем с пренебрежением: «Он для нашего дела не годится, оборот у него был никудышный!»

Насколько В. была словоохотлива, рассказывая о своих профессиях и записках, настолько же сдержанно она говорила о своей личной жизни, в которой ей не очень-то везло. Она была замужем три раза. Первый раз вышла замуж в 21 год. Этого мужа называла «молотобойцем», так как он, когда был пьян, из ревности, к которой «в общем-то не было оснований», бил ее пощечинами. За 4 года брака (через 4 года В. развелась) родила четверых детей, но все они, кроме последнего, умирали вскоре после родов в детдомах, куда она вынуждена была их отдавать, ибо «муж хотел делать детей, но не хотел их брать».

Второго мужа (второй брак в 37 лет) она называла «выпивохой», он так же внезапно бил В. и ей часто приходилось среди ночи уходить из дому, спасаясь от него бегством, и слоняться по улицам, «как проститутке какой-нибудь». Через три года она развелась и со вторым мужем: «Я была рада-радеваться, что от него избавилась. Прокормить я и сама себя прокормлю». Третий брак состоялся, когда ей было 57 лет. Муж умер через три месяца. Она его любила и искренне оплакивала.

После потери мужа В. стала глушить тоску алкоголем, в клинику поступала с явлениями пределирия. Когда ее называли «алкоголичкой», она резко отвечала. «Я всегда умеренно выпивала, какой же лоточник не пьет хоть иногда?» — говорила она. Мы спросили, не думает ли она еще раз вступить в брак. В. ответила, что последнего мужа ей не забыть. Тут же она заметила, что этот вопрос ее мало волнует, так как «найти партнера» для нее не проблема.

Во время частых обследований в клинике В. всегда была в приподнятом настроении, словоохотлива, речь пересыпала остротами. Со своим врачом она разговаривала, как с хорошей знакомой. Если в комнате кроме лечащего врача присутствовал еще кто-нибудь, она немедленно вступала с этим лицом в контакт, шутила, оживленно разговаривала. Беседа врача с ней обычно тянулась долго, только первое предложение В. прямо касалось поставленного вопроса, после чего она перескакивала на информацию, имевшую весьма отдаленную связь с затронутой темой.

Мы продолжали наблюдать В. и после выписки из клиники. Пока она пила, она была вполне активной работницей, хорошо справлявшейся с порученным делом. Мы предложили ей работу уборщицы в клинике. Вскоре ее здесь знали, так как она с каждым вступала в беседу. Рецидивы наступали постоянно, и тогда В. не выходила на работу, валялась в пьяном виде дома. Мы в этих случаях вновь помещали ее в клинику на излечение, что она всегда считала необоснованным, поскольку алкоголиком себя так никогда и не признала.

Однажды ее нашли дома мертвой. Ей было 68 лет. Накануне она много пила, причиной смерти была острая недостаточность сердца.

В семье В. были *гипертимические личности*. Сама В. обладала ярко выраженными гипертимическими чертами: была всегда весела, находчива, искусна в общении с людьми, но и Деловита. Ее постоянные уклонения в сторону от темы заставляла предполагать наличие скачки идей. Торможения моральных порядков для нее не были характерны, но все же она старалась скрыть свои сексуальные похождения. В. не сумела воспитать своего единственного ребенка (он воспитывался в детдоме), а дело здесь не только и не столько в недостаточном чувстве материнской любви — она в общем с теплотой вспоминала о детях. Вероятнее всего, несерьезное отношение к детям объяснялось общим отсутствием сосредоточенности, полным неумением жить целеустремленно. Еще до того как В. начала пить, она не могла приспособиться к социальным рамкам, к тем требованиям, которые предъявляет жизнь к нормальным людям. В. почти непрерывно меняла род занятий, трудовых достижений у нее фактически нет.

Злоупотреблять спиртным В. начала из-за своей феноменальной беспечности, безответственности. В какой-то мере это было связано и с тем, что обстоятельства жизни В. постоянно толкали ее к рюмке.

Дистимические личности

Дистимический темперамент (при более резком проявлении *субдепрессивный*) представляет собой противоположность гипертимическому. Личности этого типа по натуре серьезные и обычно сосредоточены на мрачных, печальных сторонах жизни в гораздо большей степени, чем на радостных. События, потрясая их глубоко, могут довести эту серьезную пессимистическую настроенность до состояния *реактивной депрессии*, особенно в тех случаях, когда налицо резко выраженные субдепрессивные черты. Стимулирование жизнедеятельности при дистимическом темпераменте ослаблено, мысль работает замедленно. В общении дистимические люди почти не участвуют в беседе, лишь вставляя замечания после длительных пауз.

Серьезная настроенность выдвигает на передний план такие, возвышенные чувства, несовместимые с человеческим эгоизмом. Серьезная настроенность *ведет к формированию строгих этической позиции*. Показательно уже то, что в общении с

мы пользуемся определением «серьезный». Это указывает на внутреннюю близость между данными проявлениями. Именно мы и усматриваем положительную сторону дистимического темперамента. Пассивность в действиях и замедленное мышление в тех случаях, когда они выходят за пределы нормы, относятся к отрицательным свойствам этого темперамента.

Субдепрессивный темперамент легко поставить в связь с депрессивным психическим заболеванием, но, как и при гипертимии, эта связь отнюдь не обязательна. Этот темперамент очень часто соответствует психической норме.

Приведу одно из описаний из нашего коллективного труда (Сегер).

Х. 1931 г. рожд. Отец — человек спокойный, замкнутый. Мать более энергична по натуре, но постоянно болеет. У Х. два брата, оба — натуры более энергичные, чем Х.

Как ребенком Х. был весьма замкнут. Учение давалось нелегко, но по мере взрослости, второгодником Х. не был. Близкого товарища у него не было, как, впрочем, и в последующие годы. Соучеников Х. считал врагами и возмущался, когда они несерьезно относились к требованиям учителя. Двое любил мастерить, мечтал стать столяром-краснодеревщиком, но по настоянию школы получил место ученика токаря. Через год оставил эту работу и до 1949 г. работал разнорабочим. В 1949 г. начал работать в государственности, стал бригадиром. В выходные дни развлечения, которыми привлекался его товарищи по работе, предпочитал одинокие длительные прогулки, иногда ходил один на лыжах. Через полтора года его хотели перевести в другую шахту, но он отказался, поскольку за этой шахтой установилась высокая дисциплина, и пошел работать подсобным рабочим. Двое товарищей предложили ему водить документы в школу полицейского управления.

Х. окончил школу офицеров полиции (правда, на тройки) и стал начальником участка. Работы его ни в какой мере не удовлетворяла, он не любил командовать, не любил преодолевать чье-то сопротивление. «От работы никакой не пользы», — рассказывал он, — да и сама жизнь казалась бессмысленной».

Х. его перевели в звено, где было меньше людей. Впрочем, мнение Х. о его союзе оказалось хорошим. Самым большим желанием Х. было перейти на другую работу, но этого не допускала полицейская дисциплина.

Х. в течение нескольких лет с девушкой продолжался 2 года. Оставил ее, потому что она имела обыкновение рассказывать ему о приглашениях других мужчин. «Особенно меня задевало, что ей это так льстит, что она так смеется», — говорил Х.

Х. в 1950 г. женился на ровеснице, но они с женой «не сошлись характерами». Жена много танцует его на танцы, на коллективные загородные прогулки, но Х. предпочитает оставаться дома с детьми. Если жена приглашала гостей, Х. не любил их встречать. Любому приему он предпочитал одиночество и книгу. Жена была энергична, у нее натура другая». В 1965 г. «по обоюдному согласию» они разошлись. Жена предложила ему и после развода жить в одной квартире («вамте легче за детьми присмотреть»), Х. согласился. Он объяснял это тем, что «иногда все равно не сбьются, уйду я или останусь — это не меняет дела». Он решил, что съедет с этой квартиры, если жена не изменит своего круга жизни.

Х. в течение жизни Х. версепал такими замечаниями: «Я всегда вижу во всем своем окружении человеку хорошо мне никогда не жилось», «Я ни с кем не могу поладить, в какой-то неполноценный». Сначала он вообще отказывался разговаривать: «К чему это?»

Х. — человек, несомненно, имеются положительные черты характера. Он относится серьезно, где бы ни работал — никогда не был довольны. Он тактичен, справедлив. Но недо-

статочная активность помешала ему организовать свою жизнь так, чтобы чувствовать удовлетворение. Постоянная пессимистическая установка усугубляет положение, обследуемый пытается «начать что-то другое», включиться в новую профессию, но радости или даже равновесия не находит.

Особенности темперамента удается, как правило, установить уже в детстве. Гипертимический темперамент у детей определить легко, пожалуй, легче, чем у взрослых, так как к естественной детской живости присоединяется живость темперамента. В своем труде «Детские неврозы и детская личность» я описал также «сверхбойких», «сверхрезвых» детей. Дистимический темперамент у детей также нетрудно распознать. Такие дети выделяются среди других робостью, нерешительностью. Об этом свидетельствует случай, описанный Целлером в нашей книге.

Карл С., 12 лет. Поступил к нам для прохождения курса стационарного лечения. Мать — женщина неуравновешенная, «то плачет, то смеется», иногда бывает строга и выдержанна. Отец — пекарь, по натуре человек живой, работник добросовестный. Мать постоянно помогает в пекарне, отец очень рано ложится спать (в связи с условиями труда), поэтому дети фактически предоставлены самим себе.

Из шести детей Карл самый тихий и медлительный, хотя его вряд ли можно назвать боязливым. Мальчик всегда очень серьезен, никогда не смеется в души. С незнакомыми Карл робок, застенчив, начинает заикаться. Бойится идти за покупками: «там приходится разговаривать с продавцами». Аккуратен в одежде. Со старшим братом, которого родители любят больше, чем его, никогда не ссорится, тогда брат с товарищами избивают его.

В школе Карлу приходилось трудно, он даже один раз остался на второй год. Учился он добросовестно, но времени на подготовку уроков уходило больше, чем у других детей. В классе все над ним подтрунивали, никто никогда не защищал его. Он дружил с учениками младших классов: «они не такие важные и не дерутся».

В отделении Карл был робок, заторможен, постоянно подавлен, часто в глаза у него наворачивались слезы. Детской смешливости, жизнерадостности не было и в помине, говорил очень тихо. Он часто обижался на детей, но всегда шел на примирение. За всякое проявление внимания был искренне благодарен. Расспросы о старшем брате приводили его в сильное возбуждение. Наш детский коллектив его «не принял». Карл был счастлив, когда нашелся мальчик, который с ним сдружился. Этому мальчику он покорялся во всем, ради него даже на проступки, которые сам же осуждал (пропуски уроков в школе и в клинике). Возрастные показатели интеллекта, определяемые специальными методами, в норме.

У Карла проявляется весь комплекс *субдепрессивного темперамента*. У него нет детской беспечности, веселости, он производит скорее впечатление подавленного ребенка. К этому присоединяются медлительность, неповоротливость. Вероятно, замедление у него замедленное, о чем свидетельствует неуспеваемость в школе. Несмотря на нормальный интеллект, депрессивность и медлительность реакций была причиной его отставания от сверстников. Поэтому сверстники над Карлом подсмеивались, он же злился и обижался на них.

Аффективно-лабильный темперамент

Аффективно-лабильные, или (при ярко выраженных проявлениях) *циклотимические личности* — это люди, для которых характерна смена гипертимических и дистимических состояний. На передний план выступает то один, то другой из этих двух полюсов, иногда без всяких видимых внешних мотивов, а иногда в связи с теми или иными конкретными событиями. Любопытно, что радостные события вызывают у таких людей не только радостные эмоции, но также сопровождаются общей картиной гипертимии: жадной деятельностью, повышенной говорливостью, скачкой идей. Печальные события вызывают подавленность, а также замедленность реакций и мышления.

Причиной смены полюсов не всегда являются внешние раздражители, иногда достаточно бывает неумолимого поворота в собственном настроении. Если собирается веселое общество, то аффективно-лабильные личности могут оказаться в центре внимания, быть «заводилами», увеселять всех собравшихся. В серьезном, строгом окружении они могут оказаться самыми замкнутыми и молчаливыми. Этот темперамент также имеет параллель с психическими заболеваниями — *маниакально-депрессивный синдром*, который также проходит как бы между двумя полюсами. Однако этиологическая связь в этом случае не обязательна.

Можно было бы предположить, что лабильность внутреннего состояния связана с наследственным совмещением гипертимического и дистимического темперамента, т. е. одна черта унаследована от отца, другая — от матери. Однако мои наблюдения показали, что такое совмещение не вызывает аффективно-лабильности. Напротив, в подобных случаях возникает *взаимная компенсация*, обуславливающая появление *синтонного темперамента*, для которого характерно постоянно ровное, нейтральное настроение. При этом наблюдается картина, подобная той, которая встречается при сочетании *истерических и ананкастических черт характера*. Весьма показательно, что сочетание акцентуированных или психопатических личностных черт в том или ином человеке не усиливает акцентуацию или психопатию, наоборот, оно ведет к *выравниванию характера, т. е. к норме*. Это наблюдение представляет интерес в первую очередь для тех, кто старается усматривать в психопатиях нечто принципиально новое во всем. Между тем *две психопатии, сложенные вместе, могут быть в результате нормой*. Привожу пример аффективно-лабильной личности (ранее эта личность была описана Унгер).

Иванов И. 1925 г. рожд. Отец, погибший во время войны, был живым, веселым человеком, страстным филателистом, любителем футбола и душой компании. Мать в то время еще трудится на кондитерской фабрике, она человек добрый, открытый, хотя склонна иногда впадать в «черную меланхолию» и даже депрессивна. У И. три сестры, все три — живые, культурные, преданные люди.

Иванов И. была очень живым ребенком, в школе возглавляла «разудалую компанию». Она охотно охотилась, училась хорошо, но с 5-го класса стала «сда-

вать». Родители хотели, чтобы Ш. стала учительницей, она же мечтала стать пианисткой (на рояле играет с семилетнего возраста). Когда Ш. было 12 лет, она вместе с сестрой предприняла попытку побега, но их вскоре вернули домой. В назревавшем конфликте с будущей профессией помогла, как это не странно, война. В военные годы, чтобы обеспечить себе пропитание, сестрам пришлось работать домработницами. Ш. попала в семью музыкального руководителя театра. «Мне очень повезло»,— говорит она. Директор устроил Ш. на работу в театр концертмейстером. Правда, эта деятельность из-за постоянных интриг в театре мало удовлетворяла Ш., но сама по себе работа с музыкой была для нее радостью. По ночам девушка часто не спала: «вгрызалась» мыслями в тяжелую, «душную» атмосферу интриг в театре.

С 1952 г. Ш. работает пианисткой в оркестре танцевального ансамбля, с 1954 г.— пианисткой в оркестре, затем концертмейстером хора. В этот же период оканчивает школу по работе с кадрами. На протяжении всех этих лет Ш. бодрa, оптимистична, предприимчива. Изредка бывали моменты разочарования, тоски, но они быстро проходили.

С 1955 г. Ш. начала работать в активе народных заседателей. Постоянный активный контакт с людьми ее сначала радовал, но затем Ш. стали обуревать мысли об «океане горя», которым представлялся ей мир, и эта работа показалась Ш. невыносимой.

С 1956 г., закончив краткосрочные курсы, работает на производстве статистиком. В период обучения на курсах она выделялась на семинарах способностями и четкими ответами. В 1959 г. перешла на новую работу — плановиком в системе народного питания. Но эта работа у нее не спорилась, она допускала много ошибок. После рабочего дня Ш. часто охватывало отчаяние. Она снова меняет место работы, занимает должность калькулятора, но на работу ходит с отвращением. Вечером начинаются раздумья, самобичевание и страх перед наступающим днем.

Так продолжалось до 1962 г. Ш. все время была склонна к пессимистическому самоанализу, лишь изредка появлялись просветы. Почувствовав полную неспособность работать, Ш. обратилась к нам. В нашем стационаре она сначала была подавлена, всю вину за многочисленные свои срывы брала на себя. Но постепенно к ней стала возвращаться жизнерадостность, бодрость. «У меня бывают гнусные черные полосы»,— говорила она и добавляла, что монотонная работа губит ее. «Но теперь все прошло»,— радовалась Ш. Она собиралась выписываться, организовать вокальный ансамбль.

В интимной жизни у Ш., по ее словам, твердые принципы. В 22 года она познакомилась со своим будущим мужем и по сей день является женой этого «замечательного, глубоко порядочного человека». Но счастливый брак омрачает сознание, что муж из-за нее развелся со своей первой женой. Иногда она думает, что все ее неудачи не что иное, как наказание, ниспосланное ей за то, что разбила семью.

Ребенком Ш., несомненно, обладала *гипертимическим темпераментом*. Во время войны были периоды угнетенности, когда она сторонилась своих сотрудников. После войны начинается ряд беспечных, безоблачных лет. С гипертимической легкостью она преодолевает сложные препятствия и добивается значительных профессиональных успехов. Жизнь в этом периоде лишь изредка омрачается кратковременными периодами угнетенности. В 1955 г. наступает длительный период подавленности с *депрессивными мыслями*. В 1956—1958 гг. появляется просвет, а с 1959 по 1962 год Ш. вновь погружается в глубокую *депрессию*. Работать в это время не может совсем.

В клинике мы довольно детально ознакомились с обеими сторонами ее темперамента: и с дистимической, и с гипертимической. В разговоре на серьезные, тяжелые темы Ш. склонна была подходить к своей жизни критически и винить за все про-

валы и срывы только себя. На темы радостные она реагировала живо, с живостью, становилась разговорчивой и весьма веселой. Вероятно, ее поведение и в прежние годы колебалось от одного полюса к другому гораздо чаще, чем об этом можно судить по ее рассказам. Такое предположение подтверждается наблюдениями в клинике: здесь мы за сравнительно короткое время оказались свидетелями весьма частой смены ее «циклов».

Аффективно-экзальтированный темперамент

Аффективно-экзальтированный темперамент, когда он по степени выраженности приближается к психопатии, можно было бы назвать темпераментом тревоги и счастья. Это название подчеркивает его близкую связь с психозом тревоги и счастья, который сопровождается резкими колебаниями настроения. Описываемый темперамент может действительно оказаться ослабленной формой этого заболевания, но такая взаимосвязь не обязательна. В случаях, когда наблюдается чистая аффективная экзальтация, тем более не может быть и речи о патологии.

Аффективно-экзальтированные люди реагируют на жизнь более бурно, чем остальные. Темп нарастания реакций, их внешние проявления отличаются большой интенсивностью. Аффективно-экзальтированные личности одинаково легко *приходят в восторг от радостных событий и в отчаяние от печальных*. От «страстного ликования до смертельной тоски», говоря словами поэта, у них один шаг. Экзальтация в незначительной мере связана с грубыми, эгоистическими стимулами, гораздо чаще она мотивируется тонкими, альтруистическими побуждениями. Привязанность к близким, друзьям, радость за них, за их удачу могут быть чрезвычайно сильными. Наблюдаются восторженные порывы, не связанные с сугубо личными отношениями. Любовь к музыке, искусству, природе, увлечение спортом, переживания религиозного порядка, поиски мировоззрения — все это способно захватить экзальтированного человека до глубины души.

Другой полюс его реакций — крайняя впечатлительность по поводу печальных фактов. Жалость, сострадание к несчастным людям, к больным животным способна довести такого человека до отчаяния. По поводу легко поправимой неудачи, легкого разочарования, которое другим назавтра уже было бы забыто, экзальтированный человек может испытывать искреннее и глубокое горе. Какую-нибудь рядовую неприятность друга он ощущает болезненнее, чем сам пострадавший. Страх у людей с таким темпераментом обладает, по-видимому, свойством резкого нарастания, поскольку уже при незначительном страхе, охватывающем экзальтированную натуру, заметны физиологические проявления (дрожь, холодный пот), а отсюда и усиление психических реакций.

Тот факт, что экзальтированность связана с тонкими и очень человеческими эмоциями, объясняет, почему этим темпераментом

особенно часто обладают артистические натуры — художники, поэты. Артистическая одаренность представляет собой нечто в корне иное, чем научные способности в определенной области, например в математике. В чем заключается причина данного явления?

Во-первых, я полагаю, что сама по себе одаренность еще не обеспечивает возможности создания произведения искусства. Такое произведение рождается лишь тогда, когда творец способен к высокому накалу эмоциональных переживаний. Если человек обладает глубоким умом и практическим здравым смыслом, то ничто не помешает ему развивать свои математические, технические или организационные способности. Но при подобной разумной практической установке данное лицо не пишет стихов и не сочиняет музыку, хотя его природных данных хватило бы на это.

Во-вторых, эмоции сами по себе позволяют создавать впечатление о возникающем произведении, давать ему верную оценку. Уровень науки измеряется ее прикладным значением, ценность же художественного произведения познается лишь в эмоциональному воздействию. Из этого следует, что неотъемлемым свойством поэта или художника прежде всего должно быть *эмоциональная возбудимость*. Вторым стимулирующим моментом для артистической натуры может быть наличие *демонстративных черт характера*. Наконец, с третьим моментом мы столкнемся, рассматривая *интровертированность*.

Конфликты артистических натур с жизнью часто происходят из-за слишком большой чувствительности, «проза» жизни и подчас грубые требования им не по плечу.

Например, избыток чувств у Гельдерлина стимулировал его поэтическое творчество, но одновременно не давал приспособиться к повседневным жизненным требованиям. Возможно, эта постоянная эмотивная возбудимость носила болезненный характер, так как во второй половине жизни у него развилось тяжелое психическое заболевание (моя работа на данную тему выдана в 1964 г.).

Гельдерлин всю жизнь больше страдал, чем испытывал порывы восторженной радости, но это было связано с большими жизненными трудностями, которые ему пришлось испытать из-за чрезмерной чувствительности. К началу душевного заболевания эта исключительная эмотивная возбудимость еще возросла. В письме к В. Ланге он пишет: «Поверь мне, дорогой! Я борюсь до смертельного изнеможения, чтобы сохранить высшую жизнь, в вере и в созерцании, о, да! Я боролся, страдая невыносимо, я полагаю, что мучения мои превышают все, когда-либо испытанное человеком». В подобных жизненных гиперболах мы не только узнаем Гельдерлина, но одновременно получаем представление о силе импульсов, которыми возбудимость питала его творческое вдохновение.

Выдающийся немецкий лирик приведен мною как пример

Добавим же образом, хотя, возможно, и не в такой степени, эмоциональная возбудимость является базой создания художественных произведений у многих артистических натур. Добавим к этому закономерное стремление художника отразить в своем творчестве то, что его так сильно и глубоко захватывает.

Негативный полюс аффективно-экзальтированного темперамента можно наблюдать на следующем примере.

Клеу Э., 1928 г. рожд. Мать — экзальтированная женщина, для которой с одной стороны, чувство восторженности, с другой — подверженность печальным переживаниям. В детстве Э. боялся темноты. В темноте ему казалось, что кто-то стоит за спиной, — он оглядывался и быстро бежал, сердце его бешено колотилось. Это был молчаливый, замкнутый мальчик, не любивший выступать публично: при этом он терял голос и сильно нервничал. Он не выносил, когда при нем били животных, испытывал при этом невыносимую тоску, но, так как его «душило волнение», не мог произнести ни слова в защиту бедного четвероногого. Его захватывают различные торжественные мероприятия: «Когда исполняются торжественные гимны, я прямо боюсь испугаться, все от растроганности...» Нечто подобное Э. испытывает и во время спектаклей в театре. Однако сам играть он не может и никогда не мог, у него «застряла» «сценическая лихорадка» и точно «ком в горле стоит». Он очень любит музыку, нежную, лирическую, подобную «Грезам» Шумана, но и хор «Дорожное голландца» ему нравится. В 25 лет он поступил в вуз, с увлечением занимался 2 года, после чего наступил срыв. Э. заболел. Мать послала ему значительную сумму на покупку продуктов, но он, поддавшись на провокацию товарищей, растратил все эти деньги на спиртное и устроил пирушку. Об этом же, да я ведь из самых дружеских чувств, надо же помогать друг другу! Этот случай послужил началом. Теперь после всяких мелких неудач, после невзгодных у Э. сильное угнетение, он все чаще выпивает. По этому поводу к нему и обратилась его мать.

Можно сказать, что в характере данного обследуемого преобладает «готовность к отчаянию». Уже ребенком он часто находился во власти грустных и тревожных переживаний. Позже к этому чаще стал прибегать в отчаяние, когда не мог чего-нибудь добиться, часто им овладевал страх. То, что эти колебания связаны с типичным темпераментом тревоги и счастья, подтверждается умилением Э. при всяких торжественных мероприятиях. В данном случае это состояние символизирует чувство счастья, а слезы его в этот момент — это слезы счастья.

Вспомогательные художники часто отличаются экзальтированным темпераментом, о чем свидетельствуют приводимые ниже при-

Пример Р., 1911 г. рожд., поэт-лирик. В 62-летнем возрасте, когда он находился в ссылке во мне, он больше занимался переводами стихов с иностранных языков. Р. увлекался музыкальными способностями, и стихи свои он считал «лирическими песнями». Некоторое время он занимался рекламными объявлениями. На всей его жизни лежит отпечаток бурных эмоциональных переживаний и страданий. Р. с детства был увлекающейся натурой, в школе он участвовал в общественной работе. Однажды дело чуть не дошло до стачки забастовки, организованной Р. как протест против одного из преподавателей и ненавистного учителя. Позже увлечения в основном касались искусства, особенно в кругу женщин. Свою нынешнюю жену Р. патетически называет «своей женщиной». Для Р. характерны постоянные колебания настроения и крайним пессимизмом при пустяковых неудачах.

В последнем случае у него появлялись и суицидальные мысли. На встречу с нами Р. пришел угнетенный: почечная колика навела его на мысль о том, что у него рак.

Р.— *типичный лирик*. В данном случае интересно то, что порывы отчаяния связаны с мыслями о самоубийстве.

Перехожу к характеристике личности *художницы*, описанной ранее Тросторфф.

Аделе Г., 1901 г. рожд., мать имбецильного ребенка, который именно вследствие своего заболевания стал ее любимцем. Она самоотверженно удерживает за ним.

Г. живет ради больного сына и ради искусства. Она увлекается «все прекрасным». При первом своем визите (ей было тогда 63 года) она заявила мечтательно: «Писать картины — величайшая для меня радость. Я не могу не писать их!» Красота природы служила как бы настроем, и ее начинало тянуть к кисти: «Я пишу лишь мотивы, вызывающие внутреннюю радость. У меня потребность излить в красках ощущение счастья, которое дает мне природа. Когда я иду по лугу или по лесу, то чувствую несказанное счастье. И думаю: «Вот это прекрасно, это ты напиши!» Счастья без живописи для меня не существует!» Когда ее спросили, почему она так старается, ведь она никогда своих картин не выставляет, она ответила: «Я не ставлю себе этой цели. С меня достаточно сознания, что я могу нарисовать это...» Интересно и также ее высказывание: «Когда я вижу цветок, мне хочется проникнуть в его сущность. Вот, например, календула — сколько радости излучают эти лепестки благодаря их желтому сиянию!» Или вот еще: «Трудно нарисовать человеческое лицо. Все хочешь угадать за внешними очертаниями выражение самой души».

Способностью испытывать огромное воодушевление объясняется тот факт, что Г. отдавалась живописи, творчеству с большим вдохновением. *Второй полюс* представлен у нее трогательной заботой о сыне, глубоким состраданием к этому слабому ребенку.

Следующий пример, ранее описанный Зайге.

Мартин Ц., 25 лет, с детства был музыкален, охотно пел. По окончании средней школы стал учеником слесаря. Во время одной радиопередачи у него неожиданно были обнаружены певческие данные. Он стал брать уроки пения, а затем начал выступать с эстрадным оркестром. Поет он на радио и телевидении в развлекательных программах, но мечтает участвовать в репертуаре мюзиклов, так как его интересует не только пение, но и артистическое исполнение. Уже и сейчас Ц. пытается сопровождать пение выразительной жестами.

Обследуемый характеризует себя как человека весьма темпераментного. Он быстро воодушевляется и в такие минуты чувствует себя «сверхчеловеческим». Но так же быстро он может впасть в глубокую меланхолию из-за состояния тревоги; в такие моменты он близок к отчаянию. К уязвимости в состоянии он возвращается под влиянием жены. В общем у Ц. преобладающее повышенное настроение, он считает себя оптимистом, от радости может даже «на столе танцевать». Ц. нетрудно погрузиться в настроение, которое требует эстрадный номер, и тогда его исполнение получается очень убедительным. Он честолюбив, но справедлив, не злопамятен и не умеет постыдиться.

Однажды Ц., очень встревоженный, прибежал к зубному врачу, который незадолго до этого поставил ему две коронки. Боли не было, но Ц. считал «безумно мешающими»: он не сможет ни петь, ни выступать. Ц. уже считал себя безработным. Врач успокоил Ц., за что тот благодарил его в весьма эффекторном стиле. Через несколько дней певец сообщил, что у него все в порядке.

Глубокая восторженность, связанная у Ц. с профессией эстетического певца, объясняется его *возбудимостью, склонностью к импальсации*. Случай с коронками свидетельствует о лабильности его инстинкты со склонностью к чрезмерной тревоге.

Тревожные (боязливые) личности

В детском возрасте чувство страха нередко достигает крайних степеней. Дети такого склада, обладающие тревожно-боязливым темпераментом, боятся, например, засыпать в темноте или когда в помещении никого нет, заходить в неосвещенные комнаты и коридоры. Боятся собак. Трепещут перед грозой. Боятся других детей, поэтому те их часто преследуют и дрессируют. Они не решаются защищаться от нападения, что как бы провоцирует других, более сильных и смелых, детей поиздеваться над своим боязливым товарищем, ударить его. Это «козлы отпущения», как их обычно называют, или «мишени», как предпочли бы их назвать я, ибо они постоянно «вызывают огонь на себя». Любопытно, что сверстники сразу распознают их слабое место. Если, например, ребенок-«мишень» поступает в детское психиатрическое отделение, то и здесь, стоит лишь воспитателю отвернуться, его сразу же начинают «преследовать». Такие дети испытывают сильный страх перед учителями, которые этого, к сожалению, часто не замечают, усугубляя страх ребенка своей строгостью. Иногда дети при очередной шалости сваливают вину на боязливого ребенка, который действительно становится «козлом отпущения».

У взрослых картина несколько иная, страх не столь полностью овладевает взрослым, как ребенком. Окружающие люди не представляются им угрожающими, как в детстве, а поэтому их тревожность не так бросается в глаза. Впрочем, неспособность отстоять свою позицию в споре остается. Достаточно противнику выступить энергичнее, как люди с тревожно-боязливым темпераментом ступеньваются. Поэтому такие люди отличаются робостью, в которой чувствуется элемент *покорности, униженности*. Наряду с этим различают еще *ананкастическую робость*, специфической которой является внутренняя неуверенность в себе. В первом случае человек постоянно настороже перед внешними раздражителями, во втором — источником робости служит собственное поведение человека, именно оно все время находится в центре его внимания. Эти два типа робости можно дифференцировать при простом наблюдении. В обоих случаях возможна перемена поведения в виде самоуверенного или даже дерзкого поведения, однако неестественность его сразу бросается в глаза. *Ананкастическая робость* может иногда перейти в доверчивость, в которой слышат просьба: «Будьте со мной дружелюбны».

Вместе с робостью присоединяется *пугливость*, которая имеет часто рефлекторный характер, но может быть и результатом взаимного страха. Чем ярче выражена пугливость,

тем более вероятна сопровождающая ее *повышенная возбудимость вегетативной нервной системы*, усиливающая соматическую реакцию страха, которая через систему иннервации сердца может сделать страх еще более интенсивным.

Привожу описание ребенка, упоминавшегося ранее Целлером.

Эккехард Р., 1951 г. рожд., поступил в наше детское отделение в 1960 г. И у матери, и у отца брак, от которого родился Эккехард, уже третий, поэтому у мальчика 7 сводных братьев и сестер. Его родной сестре 4 года. Кроме того, с ними живут двое сводных детей. У отца часто бывает дурное расположение духа. Родители постоянно ругают детей, часто бьют их. Особенно попадало Эккехарду за плохие отметки в школе. Его избивали и сводные братья и сестры, причем очень жестоко. Эккехард боялся всех, он с ужасом вспоминает о телесных наказаниях, которым его подвергала мать. Одному из сводных братьев он всегда уступал, так как тот был единственным товарищем его детских игр. Дети со всей округи преследовали Эккехарда, крича вслед: «Битый!» Он избегал сверстников, играл больше со своей собакой. Боязливостью Эккехард отличался еще в дошкольном возрасте, засыпал только при свете, очень боялся грозы, по ночам часто мочился в постель.

В школе мальчик сразу стал «козлом отпущения». Товарищей в классе у него не было, на переменах он старался уйти подальше от детей. Почти каждый день дети над ним издевались, избивали его, а он даже не защищался. Его называли «клякса-плакса». Поношенная одежда Эккехарда также вызывала насмешки. Иногда он жаловался на мальчишек учительнице, но тотчас с глазу на глаз. Постепенно Эккехард начал кривляться и гримасничать на уроках, очевидно, с целью привлечь к себе внимание.

В нашем детском отделении страх сопровождал его постоянно, он боялся и обследований, и шприца. Однако во время бесед был понятливым, в беседах сообразительным. По малейшему поводу он рыдал, приходило в истериче- ская и сразу прятался в каком-нибудь углу. Даже во сне он вставал, если его дразнят и избивают. В детском коллективе Эккехард не проявлял комму- ниционной способности, иногда выкидывал клоунские выходки, казался не совсем нормальным. Дети не хотели его «принять». При исследовании интеллекта Эккехард, несмотря на нормальные умственные способности, проявлял исключительное неверие в свои силы. При решении задач очень старался, но задачи вывалились у него из рук. Как только встречалась пустяковая трудность, сразу рыдая, отказывался продолжать свои усилия.

Несомненно, жестокое обращение и взрослых, и детей вызвало этого ребенка. Но дело не дошло бы до столь серьезных нарушений, если бы мальчик обладал хотя бы минимальной способностью бороться и сопротивляться. В случаях, подобных описанному, беспомощность, являющаяся прямым следствием страха, провоцирует детей на агрессивные выходки, провоцирующие еще большую запуганность боязливого ребенка. В результате, и взрослые часто склоняются к тому, чтобы особенно сурово обращаться с детьми, не способными к протесту. В случае с Эккехардом родители в пылу своих споров часто обращались на сына, который был при этом совершенно безропотен.

Следует отметить, что тревожность, сопровождающая комму- нициацию педантического типа, у взрослых делается еще более отчетливой, истинная же тревожность по мере повзрания человека уменьшается. Тревожные личности нуждаются в поддержке и помощи, о чем не следует забывать.

Также приводится описание женщины, ставшей *ипохондриком* из-за боязливости, тревожности.

Женщина Э., 1932 г. рожд., работает в торговом предприятии. С детства чрезвычайно боязлива. Бойтся темноты, в сумерки предпочитает сидеть дома. Когда ее муж вечером Э. возвращался домой, у нее появилась навязчивая мысль, что на ней медленно следует какая-то легковая машина. Она представляла себе, как из машины выскочит человек и нападет на нее, поэтому не шла в магазин, а осталась на улице («поближе к пешеходам»). Звонком позвала своего мужа, который спустился в вестибюль и привел ее домой. Э. постоянно боится грозы. «Все во мне сжимается», — говорит она. Избегает темноты. Когда Э. услышала, что в ближнем лесу водятся змеи, она перестала выходить из дома. Если же ей все-таки приходилось там бывать, то она непрерывно повторяла себе, что змеи не ядовиты, судорожно сдвинув ноги и глядя перед собой, чтобы узнать, не зацепилась ли за что-нибудь. Иногда Э. просыпается ночью, обливаясь холодным потом от страха, будит своего мужа, ожидая успокаивающих слов. Она испытывает большую робость с незнакомыми людьми и старается заводить по возможности знакомств. В своем муже она видит защитника.

В 1951 г. в доме, в котором проживала Э., по неосторожности одного из жильцов произошло массовое отравление жильцов газом. С тех пор ее тревожность усилилась. В 1961 г. она однажды по дороге домой почувствовала себя плохо, когда открылась испариной, началось сильное сердцебиение. Как раз в этот момент на работе у Э. двое сотрудников умерли от инфаркта миокарда. После этого у больной начался ипохондрический невроз. Э. боялась тяжело работать, плакать. Смерти она страшилась всегда, теперь этот страх дошел до того, что она вообще боялась выйти на улицу: «Может начаться сердечный приступ, упаду и уже не встану». В клинике Э. боялась всех врачебных процедур, дрожала, например, когда у нее брали кровь на исследование, но при этом обнаружилась хорошая приспособляемость. Нам удалось устранить все физические проявления страха, однако тревожность у Э. осталась.

Женщина обследуемая с детства страдает явлениями *тяжелого* страха. Даже ничтожная предполагаемая опасность вызывает у нее потрясение. На почве тревожности развился *ипохондрический* невроз. Причины его появления — смерть от инфаркта миокарда двух сотрудников Э. и приступ сильного сердцебиения, вызванного испариной. С помощью психотерапии удалось оказать воздействие на патологическое развитие, но устранить ее, однако тревожность осталась.

Личности

Личности характеризуются чувствительностью и глубокой эмоциональностью в области тонких эмоций. Не грубые чувства волнуют их, а те, что мы связываем с душой, с гуманностью, с любовью. С подобными реакциями мы уже встречаем у эмоционально-аффективно-экзальтированный темперамент, но эмоциональные личности не впадают в крайности в области эмоций, как аффективно-экзальтированные личности, эмоции их развиваются с меньшей быстротой. Эмоционально-аффективно-экзальтированных личностей можно охарактеризовать как «буравый, порывистый, возбужденный», эмоционально-чувствительных — «впечатлительный». Обычно людей этого типа называют *мягкосердечными*. Они более жалост-

ливы, чем другие, больше поддаются растроганности, испытывают особую радость от общения с природой, с произведениями искусства. Иногда их характеризуют как людей задушевных.

Мягкосердечие, задушевность людей этого типа связаны с усиленным внешним проявлением их реакций. В беседе с эмотивными личностями сразу видно, как глубоко их захватывают чувства, о которых они говорят, поскольку все это отчетливо отражает мимика. Особенно характерна для них слезливость: они плачут, рассказывая о кинофильме с печальным концом, о грустной повести. Так же легко у них появляются слезы радости, растроганности. Эмотивным детям нередко нельзя читать сказки, так как при печальных поворотах сюжета они сразу же начинают плакать. Даже мужчины часто не могут удержаться от слез, в чем признаются с немалым смущением.

Особая чувствительность натуры ведет к тому, что душевные потрясения оказывают на таких людей болезненно глубокое воздействие и вызывают реактивную депрессию. Иногда, когда душевный разлад достигает патологической степени, возможна попытка самоубийства. Однако при этом патология развивается несколько иным путем, чем при реактивных депрессиях дистимических или циклотимических личностей, у которых или иное переживание как бы «развертывает» заложенную в человеке от природы готовность к депрессии. Это может произойти и без особо тяжелых ударов судьбы; нередко такое состояние вызывается лишь случайным поводом, приводящим в действие некий механизм. У эмотивных же личностей тяжесть депрессии всегда соответствует тяжести события, переживания. У них отсутствует предрасположение к депрессивным реакциям. Они легко поддаются и радости, причем радость также захватывает их глубже, чем других людей.

Здесь мы сталкиваемся с важным различием между эмотивным и циклотимическим реагированием. В обоих случаях наблюдается лабильность эмоционального уровня: нейтральное состояние с одинаковой легкостью может перейти и в радость и в печаль. Однако в случае циклотимии реакция по характеру и по глубине непрочно связана с переживанием. Незначительный успех может привести такого человека в бурный восторг, а пустячная неудача — в глубокое депрессивное состояние. Как мы видели, пребывание в весело настроенном обществе нередко вызывает первое, а пребывание с опечаленными, грустными людьми — второе состояние. На эмотивную личность действие оказывает только само переживание, вызывая адекватно адекватную эмоциональную реакцию без предрасположенности к настроениям. Поэтому человек эмотивного склада не может «развиться» весельем в веселом обществе, не может беспечно сделаться ни смешливым, ни счастливым.

Ниже описывается женщина, впавшая в реактивную депрессию после потери мужа.

Гертруда Ю., 1916 г. рожд., уборщица. Уже в детстве была впечатлительной, часто плакала, никогда не могла отказать в просьбе другим детям. Как-то раз подарила сверстнице любимую игрушку, в другой раз отдала нищему мальчику единственную конфетку. Сильно привязана к сестрам и братьям, однажды рыдала, когда одна из младших сестричек умерла. Крепкая привязанность к семье сохранилась навсегда. Поступив работать домработницей, она с трудом переносила разлуку с близкими. Возвращаясь домой, всякий раз испытывала чувство глубокой радости. Видя плачущего ребенка, не может оторваться от слез. Частенько плачет и в кино. Когда по телевизору показывают сцены человеческих страданий, уходит из комнаты.

Вышла замуж в 22 года, была исключительно привязана к мужу. Мучительно пережила годы разлуки с мужем во время войны. Горячо любит своих двух детей, страстно привязана к внуку.

В 1966 г. муж в возрасте 60 лет без всякой видимой причины покончил жизнь самоубийством. Незадолго до этого несколько раз говорил, что он «уже не способен». Ю. была глубоко потрясена смертью мужа. Она не могла ни есть, ни спать, думала и сама о самоубийстве, но мысль о детях ее останавливала. Постоянно мучила себя упреками: видно, она недостаточно заботилась о муже, вот он и ушел от нее. Объективно Ю., напротив, была женщиной чрезвычайно заботливой. Незадолго до кончины муж как-то сказал, что другого такого честного и хорошего человека, как Ю., на свете нет.

Когда Ю. поступила в клинику, со времени смерти мужа прошел почти год. Она бессонница и отсутствия аппетита у нее развилась резкая астения, она похудела на 20 фунтов. Стоило ей напомнить о покойном муже, как она начинала плакать. Слезы лились и тогда, когда с ней говорили о других важных событиях ее жизни. В клинике неврастеническое состояние удалось преодолеть, вместе с ним прошла и депрессия. Но острую депрессию Ю. все еще ощущала.

Перед нами типичная *эмотивная личность*, которая любое событие воспринимает серьезнее, чем другие люди. Легко она поддается чувству жалости, сострадания. Боль и радостные чувства она переживает глубоко, особенно радостные, связанные с детьми, их воспитанием, успехами. Исключительно предана семье — сначала семье родителей, затем своей. Смерть мужа стала для Ю. крахом всей жизни. Потерю усугубляет мучающее чувство вины: как же это она упустила, не заметила, ведь он страдал, а она так и не пришла на помощь. На этой почве возникали даже мысли о самоубийстве. На этой почве развивалась острая неврастения. Именно поэтому так долго восстанавливается у Ю. реактивная депрессия, которая обычно, даже у эмотивных личностей, проходит быстрее.

В реактивной депрессии близки случаи, когда мягкосердечные личности под влиянием событий испытывают столь острую уязвимость, что *теряют силу сопротивляться*. Протест против действий других людей или какие-либо действия наперекор судьбе для них невозможны из-за наличия депрессивного состояния.

Почему описание человека, который стал «мишенью» своих

Ваня Ю., 1911 г. рожд., уже ребенком был боязлив, поэтому дети часто его боялись, но не били, так как он заранее избегал этого. Он искал одиночества, любил природу. В грубых шалостях участия не принимал. Неприятностями делился с матерью. В подростковом возрасте, он нашел сверстников, которые, подобно ему, не

хотели принимать участия в грубых выходках, любили совершать прогулки, беседовали о музыке, поэзии. Стал проявлять большой интерес к живописи, с увлечением занимался вопросами, связанными с искусством. В школе у него был строгий учитель, который бил детей, но его эти строгости миновали, особенно страха он не испытывал. Однако он часто «плакал за компанию», когда били других детей, что вызывало гнев учителя.

В дальнейшей своей жизни К. оставался таким же мягкосердечным. Часто грустные фильмы, повести вызывали у него слезы.

Много лет К. работал картографом, считался хорошим работником. В 1948 г. сдал соответствующие экзамены и стал учителем по картографии в профшколе. В 1963 г. эта школа была ликвидирована, и он начал работать учителем в общеобразовательной школе. Вскоре выяснилось, что он не умеет наладить дисциплину в классе. Он не требовал, а больше просил у учеников послушания, умолял их вести себя подобающим образом, а класс отвечал на это еще большей распущенностью. Например, географическую карту ученики вывешивали вверх ногами, поворачивались к нему спиной; когда он начинал объяснять урок, многие ученики принимались читать вслух. Иногда К. терял терпение и, схватив ученика за шиворот, тряс его. Один мальчик при этом нарочно растянулся на полу и в дальнейшем постоянно это повторял под хохот всего класса. К. часто приходил в отчаяние, плакал перед учениками. Директор школы обвинил его в недисциплинованности класса (К. был классным руководителем). Некоторые родители хотели подать жалобу на К. в суд за то, что он «трясет» детей. «А-а-а, вы уже снова на свободе!» — сказал ему однажды маленький мальчик, которому старший брат рассказывал про К. отбывает наказание в тюрьме за то, что повалил своего ученика на пол. Только сердобольные девочки иногда защищали учителя, спорили с классом, а учителю говорили, что он «не должен этого терпеть». Наконец, К. был направлен к врачу для выяснения, может ли он продолжать заниматься преподавательской деятельностью. Так К. попал к нам в клинику.

Он рассказал, что совершенно растерян, не знает, что делать. Его требования к детям почему-то носят характер просьб, а на просьбы дети отвечают издевательствами и грубостями. Дело дошло до того, что он плакал перед классом. Надо сказать, что его мягкая и чуть растерянная манера поведения бросилась нам в глаза и при обследовании. Он чуть не плакал, рассказывая о своих злоключениях. С другой стороны, К. с глубоким удовлетворением говорил о своей специальности чертежника. С глубоким чувством он рассказывал нам и о некоторых других событиях и связанных с ними переживаниях. Мы подвергли его психотерапевтическому лечению и порекомендовали заниматься со взрослыми: учитель он, видимо, хороший, а во взрослой аудитории трудности с дисциплиной не будет.

Обследуемый К. еще в детстве отличался *большой душевной мягкостью*. Он всегда держался вдали от шаловливых и шумливых детей, любил природу, искусство; печальные события очень удручали его. Уже будучи взрослым, тоже нередко плакал. Чувствительность К. была результатом мягкосердечия. В школе он нередко проливал слезы, когда били его соучеников, но наказаниям не боялся. Сначала его эмотивность не вела к какому-либо жизненным осложнениям, он охотно и успешно работал чертежником. Но когда он начал преподавать и стал не только обучать ребят профессиональным навыкам, но и воспитывать их, все изменилось. Ученики скоро поняли, в чем слабость учителя, и со свойственным детям бездушием стали издеваться над ним. Лишь сердобольные девочки пытались его защищать. Его беспомощность в школе была обусловлена тем, что возмущающее поведение детей подавляло его и он не мог занять защитную позицию протеста. Борьба с гнусными выходками детей

не в состоянии, лишь просил пощады, на что дерзкие мальчишки отвечали новой наглостью.

Эмотивность у детей сопровождается боязливостью. При тщательном обследовании обнаруживается, что эта боязливость связана с общей повышенной чувствительностью ребенка. В этом случае ее и следует здесь рассматривать.

Привожу пример эмотивного ребенка, описанного Линднер.

Ханс-Иоахим Р. поступил к нам в клинику в 9 лет. Через длительное время после того, как Ханс начал аккуратно ходить на горшок, он вдруг вновь начал писать в штаны. Случилось это как раз к тому времени, когда его младший брат научился проситься на горшок.

У Ханса прекрасные домашние условия. Он старший из четырех детей. Мать работает, так как полностью посвятила себя детям и хозяйству. Отец выдержанный человек, служит главным бухгалтером, много времени и внимания уделяет семье. Все дети развивались нормально. В общем семье вполне благополучная.

Ханс родился на три недели раньше срока, аккуратность в отправлениях появилась с некоторым опозданием — в 4 года. Мальчик мечтателен, чувствителен к наказаниям, после них долгое время бывает подавленным, угнетенным. Ханс протестует к новой обстановке, поэтому неохотно ходит с матерью в гости. Больше незнакомых сторонится, контакты с ним устанавливаются туго. Ханс разлука с членами семьи (отец уезжает с другими детьми в отпуск, мать уходит в родильный дом) проходит болезненно. Мать, например, уходя хотела попрощаться с детьми, но Ханса нигде не было: он оказался в постели и горько рыдал, хотя притворялся спящим. Для Ханса характерна открытость в чувствах: так, перед отъездом отца он сидел за столом, с интересом углубившись в «Жизнь животных» Брема; он не хотел не проститься с отъезжающими, но даже посмотреть им вслед из окна, так сильно хотел игнорировать ситуацию, которая слишком глубоко его трогала.

Во время пребывания Ханса в клинике мы узнали его как тихого, прилежного, очень послушного мальчика. Он охотно и старательно выполнял все назначения и предписания, но на самую незначительную критику реагировал крайне болезненно, нередко со слезами. Несмотря на застенчивость Ханса, у него установился хороший контакт с другими детьми. Ему было назначено специальное лечение по поводу энкопреза, и он охотно выполнял все предписания. При выписке из клиники все симптомы заболевания исчезли.

В том, что ребенок испражнялся в штаны (в дневное время) мы рассматриваем желание ребенка вернуть себе заботливость матери. Такой прием явился результатом скрытого «хода» Ханса к младшему брату к этому времени как раз научился аккуратно испражняться, у матери «развязались руки», следовательно, он мог «проявить заботу» и о нем, Хансе.

Боязливости у Ханса мы не наблюдали, однако по натуре он был крайне чувствителен, мягок. Подавленность после наказания, реакция разлуки с близкими, стремление избегать людей незнакомых, слезливость — все это типичные реакции эмотивной личности. Стараясь подавить эти реакции, Ханс избегал ситуаций, которые могли бы их спровоцировать. Так как все это ему было противно, он рос славным, чутким и правдивым ребенком.

В типичных эмотивный темперамент, как мы видели, нередко сопровождается болезненных депрессивных реакций на сильные раздражители. У ребенка, чувства которого более проходя-

щи, мы реже сталкиваемся с такими проявлениями: он может быть глубоко потрясен в данный момент каким-то событием, но оно быстро улечивается из его памяти. Поэтому *самоубийства* в детском возрасте наблюдаются редко. Возможно, это связано и с предварительным продумыванием, которого требует самоубийство и для которого интеллект ребенка еще не созрел. Случаи самоубийства или попытки к самоубийству в детском возрасте происходят в виде импульсивных действий. Какое-либо тяжелое переживание вызывает глубокую депрессию, возможно в связи с эмотивным темпераментом и ведет к непродуманной и неподготовленной попытке самоубийства, к счастью, в большинстве случаев неудачной. Попытки самоубийства в детском возрасте встречаются чаще всего в связи с острым и тяжелым страхом перед наказанием.

Сочетание акцентуированных черт характера и темперамента

Я не ставлю перед собой цель показать все возможные сочетания черт характера и темперамента. Если две или даже несколько представленных параллельно черт *не слишком заметно взаимно пересекаются*, то, зная эти отдельные черты, нетрудно понять и их комбинации. Взаимосвязь различных черт, которая была проиллюстрирована выше, показала любопытные особенности характера, часто совсем неожиданные. Определенные сочетания черт темперамента между собой и с чертами характера также дают весьма интересные результаты. Мы считаем целесообразным остановиться и на этом вопросе, чтобы восполнить картину акцентуации личности, представить ее исчерпывающим образом.

Можно было бы предположить, что *демонстративная склонность* к притворству окажется особенно выраженной в сочетании с *гипертимической активностью*. Но это допущение справедливо лишь в отношении *детского возраста*, когда, действительно, редко при такой комбинации жажда активности влечет за собой целый ряд нечестных поступков. Я детально описал в своей акцентированной уже работе одного гипертимически-истерического ребенка. Здесь привожу пример, описанный Бергман.

Моника К., 7 лет 11 мес., поступила в клинику по поводу патологического беспокойства. Отец — большой хвостун, вороватый тип. Разыгрывал ее как «большого человека».

Уже в 4 года девочка была дикой, неуправляемой, дезорганизованной в детском коллективе. В школе оказалась невыносимой, родители были вынуждены забрать ее. Она постоянно лгала, забирала у детей вещи, не слушалась, прогуливала уроки, класс ее «не принял».

У нас она без всякого стеснения рассказывала о своих выходках. Никаких признаков стыда, тем более подавленности не было в ее поведении. Кроме того, Моника все время была беспокойна, ерзала на стуле, возбужденно и без умолку. Вообще настроение у девочки всегда было неустойчивым.

С игрушками Моника обращалась на редкость неряшливо. Дети в клинике не хотели с ней играть, так как она была нетерпима, требовательна и церемонна. Однако к взрослым она пыталась втереться в доверие, старалась понравиться.

Выходки Моника характерны для всех *гипертимических* детей. Но она была еще и воровкой и отъявленной лгуньей и при этом совершенно не сознавала, что ведет себя неподобающим образом. Льстивость по отношению к взрослым и бесцеремонность со сверстниками свидетельствуют *об истерических чертах*. Если учесть ассоциальное поведение Моника, напрашивается *плохой* прогноз. Но все же не исключен и другой путь развития этой девочки, ибо комбинация данных черт у взрослых не исключает противоположных результатов.

Гипертимическая жажда деятельности у взрослых далеко не всегда выражается в совершении непорядочных поступков, *наоборот, это свойство темперамента нередко ослабляет аморальные проявления*. Открытые натуры, которыми большей частью являются представители гипертимического темперамента, выбирают прямые пути. Хитрость, неискренность, притворство не идут в ряд с их жизненной установкой. Ребенку менее свойственно торможение побуждений, в том числе и нечестных, особенно если речь идет об исполнении его желаний. Кроме того, у детей иногда наблюдается безудержное стремление хотя бы *каким-то* себя проявить — своеобразное детское тщеславие. Иногда у ребенка неискренность сочетается с открытым, жизнерадостным поведением. У взрослых параллелизм таких разноплановых свойств личности почти не встречается.

Сочетаемое сочетание весьма часто наблюдается у писателей, журналистов, деятельность которых, можно сказать, прямо определяется суммой гипертимического темперамента и демонстративного характера. Например, что в первую очередь важно для писателя, журналиста? Открытость миру, впечатлениям и *свободному* воображению, дар фантазии. Приведу описание одного из *наиболее* описанных нами ранее *писателей*, являющихся *демонстративно-гипертимическими* личностями.

Мать П., 1933 г. рожд. Мать — веселая, словоохотливая, играла в самодеятельном театре. Она хорошо контактировала с окружающими, являлась *общительной*, увлекалась музыкой, книгами, живописью. В настоящее время П. *не пишет* и издает дневник своей матери. Обследуемый любит бывать *в театрах*, он ее всегда находится в центре внимания. С детства мечтал *быть артистом*, так как прекрасно умеет вживаться в роль.

Из *школы* П. *не окончил* школы пытался поступить в театральное училище и провалился. Дома он *предпочитает* заниматься режиссерской работой, даже сочинил за *несколько* П. *не пишет*, но и на этом поприще не сумел продвинуться. У него был *сильный* и добрый почве. В поисках работы устроился наборщиком в типографию и *вскоре* начал писать. Писал новеллы, короткие рассказы сатирического характера. Как писатель пользовался успехом и хорошо зарабатывал. *В настоящее время* П. *не пишет* и 35 лет развелся.

В *период* П. *не пишет* постепенно увеличивая дозы, — ему *нравится*, что в состоянии опьянения лучше идет творческая писательская работа. *В настоящее время* он *не пишет* он зачастую так напивался, что вообще ничего не писал. После развода он, несмотря на приличный заработок, влез в долги, *не работает* по половую жизнь. Одна из его «подруг» пыталась *помочь* П. *не пишет* с сумасбашеством.

В *период* П. *не пишет* всегда был разговорчив, в приподнятом настроении. *В настоящее время* П. *не пишет*, что рассказать. Если его не прерывать, он может *говорить* *долго*, постоянно отклоняясь от темы. Он любит покрасоваться

своей речью, иногда говорит манерно, вставляя иностранные слова там, где в них нет никакой надобности. Рассказывая автобиографию, он всячески приукрашивал ее, желая показать себя в выгодном свете. Когда его упрекали в злоупотреблении алкоголем, он тут же приводил тысячи оправданий и, во всей видимости, внутренне также не признавал за собой вины. Более того он считал, что как писатель имеет право претендовать на большее в жизни, чем другие люди. Однако его зазнайство и высокомерие никогда не произвели у нас в клинике неприятного впечатления, потому что Ш. любые свои заявления сопровождал улыбкой, веселыми шутками и прибаутками. По окончании лечения он стал снова продуктивно писать и сделался — во всяком случае на некоторое время — социально уравновешенным человеком.

Безусловно, мы вправе говорить о наличии у этого обследуемого черт *демонстративной, даже истерической личности*. Он тщеславен, преувеличивает свои способности, хвастается тем, что за три дня написал драму. Свой неупорядоченный образ жизни он либо всячески оправдывает, либо вообще отрицает. Вполне возможно, что жизнь Ш. сложилась бы еще менее удачно, *если бы к истерическим чертам у него не присоединились гипоманиакальные*. Несомненно, его писательская деятельность без этой активности и «открытости» натуры не удалась бы.

Итак, данную комбинацию черт можно, в общем, считать благоприятной. Однако алкоголизм при таком сочетании представляет особую опасность: гипоманиак постоянно ищет веселья общества, а ведь в таком обществе часто не обходится без алкогольных напитков. Тем самым убивается то гипертимическое положительное, что могло бы выравнять некоторые истерические черты личности.

Сочетание демонстративных черт характера с гипертимической живостью темперамента способствует активизации *актерских данных* в человеке. Зайге в нашей совместной работе описывает трех актеров с такими свойствами личности. Одно из этих описаний я привожу здесь.

Хайнц Г., 42 лет, актер, режиссер, автор пьес. Еще в школе интересовался театром, музыкой, брал уроки музыки. По желанию отца поступил в университет, но лекций не посещал, экзаменов и зачетов не сдавал, а через друзей обманным образом оформлял всю документацию. Сам же он занимался театром, эстрадой, «капустниками». Позже Г. открыл свой театр, но вскоре вынужден был закрыть его, так как переоценил свои экономические возможности и очень скоро начал испытывать финансовые затруднения. Он одновременно за разные работы, но многое выполнял недобросовестно. Г. написал несколько пьес для театра и телевидения. Поскольку Г. часто держал себя весьма самоуверенно и даже нагло, он то и дело вступал в конфликты с влиятельными театральными деятелями. Однако вины своей никогда не признавал, сваливал ее на других. Настроение у Г. было всегда приподнятым, он обладал неусыпаемым красноречием, иногда переходившим в сарказм.

Гипертимические черты у этого обследуемого преобладают над демонстративными. Возможно, именно поэтому театральная и организаторской (административной) деятельностью он занимался больше, чем актерской. С другой стороны, отчетливо выражены и демонстративные черты: он часто обманывал окружающих, всегда был готов смощенничать, в споре никогда не признавал

своей вины. Наиболее яркая черта Г.— желание произвести впечатление, т. е. выраженное тщеславие.

Особый интерес представляет сочетание *демонстративных и аффективно-лабильных черт*, так как и те и другие связаны со *склонностью к поэтической, художественной деятельности*. Демонстративные черты характера стимулируют фантазию, аффективно-лабильный темперамент порождает эмоциональную направленность.

Приведу описание обследуемой, у которой тяга к поэзии обусловлена именно таким сочетанием черт личности.

Бербель Г., 1935 г. рожд., по профессии медсестра, но с детства чувствовала поэтическое призвание. Все свободное время у нее уходило на творческую деятельность. Она писала стихи, рассказы для детей, сказки, иногда сатиры. Погруженная в мир фантазии, она забывала об окружающем. Хотя ее успех и признание надежды не было, но вдохновение не покидало ее, и она продолжала сочинять. Депрессивный полюс выражался у Г. в нескольких попытках самоубийства, причем некоторые из них были истерически окрашены, поэтому их нельзя считать серьезными. Наблюдалась и другие демонстративные черты. Г. уклонялась от трудной работы, часто спасалась «бегством в болезнь» и была склонна к самосостраданию. В клинику она поступала неоднократно: здесь настроение ее колебалось между кокетливым заигрыванием во время «подъемов» и пароксизмами слез, которыми она пыталась вызвать в себе жалость. Несколько раз ее посещала мать, отличавшаяся патетическими манерами и производившая яркое впечатление демонстративной личности.

После выписки из клиники Г. оставалась под психотерапевтическим наблюдением. И в последующие годы она не изменила своим поэтическим склонностям, сочиняя теперь в основном стихи и рассказы для детей. Нередко ее творчество бывало пессимистически окрашено. Позднее она обращалась и к изобразительному искусству, лепила глиняные фигурки, изготовляла разные кустарные изделия. Она продолжала работать медсестрой, хотя для этого нуждалась в систематической поддержке курсами психотерапевтического лечения.

Обследуемой постоянно грозила опасность полного погружения в *мир фантазии* и забвения действительности. Впрочем, способность к вдохновению положительно сказывалась и на ее основной профессии медсестры, в которой Г. проявляла немало самоотверженности, *несмотря на временные срывы*. Как видим, аффективно-лабильный темперамент *оказывает смягчающее воздействие* на эгоизм истерического плана.

Совершенно очевидно, что и на профессию актера такое сочетание черт оказывает благоприятное воздействие. Глубокие чувства, если они связаны с чертами демонстративного характера, приобретают динамическую силу выражения. Когда актер только истеричен, он может лишь удачно изображать различные душевные состояния, но глубокая эмоциональная передача чувств невозможна, если нет внутренних переживаний.

Привожу наблюдение, описанное Зайге.

Берта Ш., 68 лет, актриса, с молодых лет вместе со своей сестрой работает в одном и том же театре.

С юности Ш. отличается резкой лабильностью настроений, испытывая то безудержную радость, то отчаяние. В театре она всегда работала с полной отдачей, была неопишимо счастлива, когда роль ей удавалась. Но даже независимо от своей непосредственной работы она вообще страстно любила театр, музыку, все прекрасное. Вместе с тем Ш. жила в постоянном страхе перед заболеваниями, то инфекционными, то легочными. Вначале этот страх был связан с чьей-то конкретной болезнью. Позднее она жаловалась на страх без видимого повода. Ш. всегда отличалась суеверностью. Неоднократно она просила принять ее в нашу клинику, но при этом ставила свои условия. Прежде всего, она не могла отказаться от снотворных порошков, которые в течение многих лет принимала в огромных количествах. Но поскольку на это мы пойти не могли, она лишь один раз была у нас в стационаре, да и то преждевременно прервала курс лечения. После этого она время от времени приходила к нам и с явной аффектацией просила ее лечить по ее собственной схеме. Ш. сильно нервничала, испытывала приступы страха, но когда ей говорили, что причина этих явлений—в злоупотреблении снотворными средствами, она и слушать не хотела. При отказе Ш. пускала в ход всевозможные театральные приемы: падала перед врачом на колени, протягивала к нему руки, осыпала его похвалами по поводу его врачебного мастерства, чуткости и т. д.

Эту обследуемую всегда отличал *аффективно-лабильный темперамент*. Но им одним нельзя объяснить такую утрированную демонстрацию чувств. Актрисе легче, чем другим людям, опуститься перед врачом на колени, но в том, как она вела себя в дальнейшем, чувствовались *черты демонстративной акцентуации*. Режим, система в ее жизни отсутствовали, злоупотребление снотворными средствами, которые ей были запрещены, в какой-то мере можно считать попыткой Ш. к самоутверждению.

Педаггический характер смягчается при сочетании с гипертимическим темпераментом, поскольку последний несколько поверхностен. И все же истинного выравнивания не происходит. Эти черты личности относятся к слишком различным сферам, чтобы компенсировать друг друга. Например, гипоманиаку ничто не мешает быть добросовестным работником, если он обладает и ананкастическими чертами. Привожу пример обследуемой, ранее описанной Бергман.

Шарлотта К., 44 лет, уже ребенком была очень старательной, трудолюбивой. Позднее всегда намечала себе в жизни некую цель, которой обязательно достигала. Человек предприимчивый, она открыла свой парикмахерский салон. Со времени окончания школы работает ежедневно по 12 ч, почти все это время ей приходится стоять на ногах. Во время войны потеряла мужа, парикмахерская почти не работала. После войны предприятие снова распустили, у К. теперь работали 12 человек. На иждивении К. были ее родители и чаевшие души в дочери. Она в очень хороших отношениях со своим сыном.

К.— натура веселая, жизнерадостная. У нее масса приятельниц, все любят за живость, веселость. Она также образцовая хозяйка, отлично управляет своим салоном. Бухгалтерские книги многократно контролирует, никогда не допускает ошибки.

К. явилась в клинику, чтобы проверить, может ли она и дальше работать парикмахерской. Незадолго до этого она простудилась, но переболела безболезненно на ногах, работала, и вот начались физические недомогания. К. жаловалась на сердцебиение, на странное чувство в руках, «точно по ней что-то проходит». Кроме того, она ощущала внутреннее беспокойство, стала раздражительна. После краткого отдыха, к которому мы почти не подключаем ее к терапии, К. поправилась и вернулась к исполнению своих обязанностей.

Сочетание обеих черт акцентуации у данной обследуемой выразилось в высшей степени благоприятным. С гипоманиакальной аутомимой энергией она пробивалась в жизни, но в то же время ее педантичность служила гарантией того, что все ее дела были заранее тщательно подготовлены и добросовестно выполнены. Те и другие черты в ней гармонически сочетались, не было «взаимоуничтожения» и не возникали тяжелые личностные противоречия. Пожалуй, об абсолютно положительном сочетании черт у К. говорить все-таки нельзя; взять хотя бы ее реакции на предстоящее неврастеническое заболевание: вместо того чтобы прекратить, К. продолжает работать, частично из-за жажды деятельности, частично из-за редкостной добросовестности.

Гипоманиакальный темперамент не может подавить и навязчивый страх в тех случаях, когда ананкастические черты резко выражены. Правда, навязчивый страх не носит острого характера и не охватывает личность в целом. Вообще гипоманиакальный темперамент оберегает ананкаста от невроза навязчивого страха, но не от фобий, которые появляются временами, хотя и не отражаются на образе жизни человека и не отражаются.

Также описывается человек гипоманиакального темперамента с выраженными явлениями навязчивого страха.

Павлов П., 1921 г. рожд., по профессии зубной врач. Уже в детском возрасте проявлял большую нервозность, перед контрольными работами в школе ничего не ел, испытывал тошноту. Сам о себе заявляет, что он «большой педант», это качество унаследовал от отца, который «по привычке мерялся» перед тем, как перенести цифру с одной страницы на другую. П. строго соблюдает режим, вечером проверяет, закрыты ли газовые краны, заперта ли входная дверь. В то же время он очень жизнерадостен, любит бывать в обществе, танцевать.

В 1956 г. после утомительного рабочего дня у него появилась сильная головная боль, он ничего не мог есть. Установив у себя резко ускоренный ритм сердца, П. очень испугался возможности инфаркта. С тех самых пор уверен, что у него сердечное заболевание сердца. Перестал ходить в кино, в театр, избегает пребывания в тесных помещениях. Утром поднимался с постели с большими предосторожностями, «чтобы не отягощать процесс кровообращения». Несмотря на это продолжал работать и по-прежнему увлекался ездой на своем автомобиле. Часто превышал дозволённую скорость, и лишь личное обаяние инспекторов спасало его от штрафа.

Через несколько года после появления жалоб П. поступил к нам в клинику. Он страдал от тяжёлого сердечного недомогания. Нескоро мы убедили его, что можно и дальше ходить и в театр, и в кино, и в тесное помещение зайти не боясь. В то же время он всегда был весел, разговорчив, обожал шутки. Его рассказы всегда, всегда он умел рассказать что-нибудь забавное.

Во время лечения П. удалось избавить его от *торможений*, но он охотно оставался в клинике выписки под нашим наблюдением, потому что к нему по-прежнему сохранялся страх перед сердечным приступом, сопровождаемым повышенной скоростью. Любопытно, что и после выписки он избегал появляться в людных местах, где в свое время испытывал чувство страха, подавленности.

Он сочетался с типичной гипоманиакальной личностью. Сочетался с оптимизмом, и ускорением речевого потока. Все же он сам себя справедливо характеризовал как «педанта», а мы, в нашем понимании, как *педантическую личность*. Уже в детстве он испытывал различного рода торможения, позже это

вылилось в болезненно-строгое соблюдение распорядка дня. Этот второй компонент личности привел в конечном итоге к ипохондрическому неврозу, который был связан с клаустрофобией, т. е. со страхом перед замкнутым пространством. Однако этот страх никогда не охватывал его целиком. С другой стороны, постоянно проявлялся и его гипоманиакальный темперамент. То он испытывал безумный страх перед внезапной остановкой сердца, то совершал рискованные поездки на автомобиле и постоянно вступал в конфликты с дорожной милицией. Лишь гипоманиакальная изворотливость помогла ему найти нужные слова и отделяться от неприятностей. Если бы П. не обладал гипоманиакальным темпераментом, несомненно, невроз навязчивых состояний усугубился бы и вылечить его было бы значительно труднее. И все же обращает на себя внимание, что эти разные свойства личности, лишь до определенной степени уживались рядом в одном человеке и часто проявляли себя как независимо друг от друга.

Не наблюдается и простое суммирование *при сочетании педантических и дистимических черт*. Однако при этом сочетании специфика тех и других усиливается, т. е. отклонение от нормы заметнее. Наш опыт показывает, что ананкастов, отличающихся одновременно субдепрессивностью, гораздо труднее излечить от фобий, чем тех, которые обладают средним темпераментом, а тем более гипертимическим. Обычно сочетание педантичности и дистимии отражается на всем образе жизни.

Ниже описывается обследуемый, которого наблюдала Берман.

Хайнц С., 30 лет, в детстве испытывал торможения, страдал от чувств неполноценности. По окончании философского факультета стал несколько лет работать в себе, но колебался в избрании поля деятельности. Сначала пытался стать служащим, затем поступил на должность редактора в издательстве. С. говорил нам: «Эта работа была не по мне, но другой просто не представлялось». Чтобы избежать одиночества, С. рано женился на разведенной женщине с ребенком, к которой испытывал больше жалость, чем любовь. Вскоре эта жена, вышедшая замуж явно из корыстных соображений, стала изменять ему. Он развелся и в 28 лет женился вторично, вернее, его женила на себе женщина живая, весьма активная, которая в доме единолично «командовала всем». С. всегда был пассивен и в бытовом, и в сексуальном отношении. Больше всего он любил одиночество и чтение.

С. поступил в клинику для прохождения курса психотерапевтического лечения. Он предполагал у себя заболевание сердца, которому никакие обследования переживания не предшествовали. Обследуемый был спокоен, апатичен, производил впечатление человека, покорного судьбе. С. рассказал, что постоянно подумывает о самоубийстве. Сообщил также о своей давней склонности к депрессиям. С. вообще не представляет себе, что такое радость жизни. Алкоголя в его семье является наследственной. Дед в 80 лет покончил жизнь самоубийством из-за того, что два внука один за другим погибли на фронте. Мать — человек замкнутый, горестных переживаний долго не может забыть, знакомых у нее почти нет.

С. сообщил нам, что по натуре он склонен к скрупулезной аккуратности во всем: когда временно работал учителем, — по многу часов готовился к урокам, часто проверял, все ли в течение дня выполнено достаточно добросовестно, об этом нередко думал и по ночам, ворочаясь в постели. Очень любит порядок, всякая книга у него имеет свое, строго определенное место.

Проводить психотерапевтическое лечение С. было крайне сложно, так как депрессивные черты препятствовали активному включению в процесс лечения. Мешала и педантичность С., поскольку он требовал от нас подробнейших сведений о своем заболевании. В конечном счете его состояние все же несколько улучшилось.

У данного обследуемого следует говорить о наличии *психопатии*, вернее, о двух психопатиях — *субдепрессивной и ананцистической*, ибо обе акцентуации весьма выражены и препятствуют нормальному течению жизни. Возможно, сами по себе акцентуированные черты не были бы столь серьезны, если бы одна не усиливалась за счет другой. Дистимический темперамент заставлял С. воспринимать жизнь пессимистически, а склонность к навязчивому раздумыванию в связи с этой пессимистической установкой усиливалась и приводила к депрессиям. Дефицит энергии и активности, объясняющийся дистимическим темпераментом, весьма вредно отражался на всем жизненном укладе С. То, что С. все же получил образование, объясняется положительной стороной обеих черт: добросовестностью и трудолюбием, серьезным отношением ко всему.

Психотерапия затруднена и тогда, когда *педантическая личность* обладает *аффективно-лабильным темпераментом*: частая смена настроений постоянно сводит на нет наши терапевтические достижения. Решения, принимаемые такими людьми, всегда непостоянны.

Здесь привожу сведения о Х., описанном ранее Бергман.

Х. 43 лет. По желанию отца выучился на механика по точным наукам, хотя с детства мечтал стать музыкантом. Позднее обучился игре на фортепьяно. Затем — война, принесящая солдату Х. много тяжелых переживаний: он не мог примириться с бессмысленными и безответственными действиями фашистских военачальников. После войны играл в разных оркестрах. Как музыканта его ценили, однако он часто менял место работы, так как не уживался в коллективе. До открытых ссор не доходило, напротив, Х. отличался сдержанностью, но он не мог продолжать сотрудничать с людьми, против которых таил в душе глубокую обиду. Х. поступил в клинику только раз после очередной перемены места работы: начальник якобы сказал ему «слова вострыми», хотя тот, как выяснилось, вовсе и не хотел заводить с Х. был хорошим семьянином, много помогал жене по дому, но жене его домашней жизнью ему не следует злоупотреблять, так как это вре-

дит ему. Х. испытывал торможения, очень боялся, когда его вызывали на работу. Настроение вечно колебалось, то он ликовал, то приходил в отчаяние. Вместе с тем он превыше всего ставил порядок, аккуратность, чистоту. Главным правилом было: «каждая вещь должна знать свое место». То же правило он часто собственноручно переписывал партитуру своего инструментального произведения «еще потренироваться». Постоянно проверял, выключено ли освещение, закрыты ли замки на дверях.

Х. обратился к нам по поводу боли в сердце, боясь смертельного исхода. Боль в сердце вызывал неотложную помощь, один раз врач госпитализировал его с диагнозом инфаркт. Мы попытались разъяснить ему характер его заболевания. Состояние депрессии прошло, Х. обрел веселость, стал оптимистом. Но только ему удалось узнать о заболеваниях сердца, как он начал ощущать боль. Однажды у Х. появилось кровотечение геморроидального происхождения. Он был в ужасе: боялся заражения крови («каловые массы проникнут в кровь»).

Состояние больного в итоге улучшилось, но лабильный темперамент, частая смена настроения остались. Постоянно, при любом настроении, сохранялись черты педантичности: аккуратность в одежде, скрупулезная подготовка оркестровых партий.

В образе жизни X. можно прежде всего увидеть проявления *циклотимии*, которая достигает степени психопатии. Из-за постоянной смены настроений X. часто менял место работы, хотя объективных причин к этому не было. Педантичность вначале проявлялась не так резко, напротив, она вызывала отраду добросовестность, однако позднее *развился ипохондрический невроз*. Боль в области сердца заставила X. углубиться в поиск ее причин, его начали обуревать опасения. При лечении было нетрудно установить, что страхи обусловлены не только педантичностью обследуемого, но и *циклотимией*: когда X. бывал в приподнятом настроении, оказать на него психотерапевтическое воздействие было легко, в плохом настроении он с трудом поддавался лечению.

Педантичность и тревожный темперамент относятся к разным психическим плоскостям. Однако если оба вида акцентуации наблюдаются у одного человека, возможен суммирующий эффект. Это связано с тем, что одним из важнейших признаков ананкастического характера также является страх.

Привожу случай, описанный ранее Бергман.

Вальтер Р., 31 года, сначала слесарь-инструментальщик, затем рабочий. Работник хороший, но в обществе всегда неуверен в себе, застенчив, уходит домой. До сих пор не имел интимной связи с женщиной. Р. считает, что он, возможно, импотент.

В работе чрезвычайно педантичен, скрупулезен, чаще других контролирует счета. Проверяет газ, запоры в подвале, уходя, возвращается убедиться, все ли сделано по правилам. Уже в детстве Р. был боится грозы, а собак боится до сих пор. Не выносит вида крови, стесняется, когда у него берут кровь для исследования. Необыкновенно чувствителен к пустяковым неожиданностям приводит его в трепет.

После гнойного аппендицита стал испытывать страх перед заболеваниями кишечника: часто ему мерещились явления перфорации кишок, рак прямой кишки. При ощущении тяжести в голове боялся психического заболевания. Физически испытывал страх при мысли о нарушении любой функции организма.

В клинике мы поставили перед собой цель не только излечить Р. от ипохондрического невроза, но и помочь ему в установлении социальных контактов, что в некоторой степени удалось.

Тревожность Р. мешала ему жить. Так, до 31 года он не имел интимных отношений с женщиной. Крайняя застенчивость в социальном плане сочеталась у него с хорошими трудовыми показателями. Тревожность играла отрицательную роль в отношениях с людьми, но в профессиональном плане она не проявлялась. Кстати, тревожность «предохраняла» Р. от вступлений в споры с начальством. Тяжелые торможения Р. объясняются тем, что его тревожность, боязливость происходили из двух источников: во всех своих поступках он был всегда больше связан с совестью и уже в детстве отличался боязливостью.

Сочетание педантичности и тревожности часто уже в детстве отражается на нервной системе. Заикки обычно либо являются ананкастами, либо обладают тревожным темпераментом, а чаще всего у них сочетается и то и другое. У ребенка тревожность часто связана с напряжением, при котором возникают нарушения со стороны артикуляции, но если ребенок к тому же педантичен, он начинает усиленно следить за речью, что еще больше усугубляет нарушения.

Приведу пример ребенка, заболевшего логоневрозом заикания на фоне данной комбинации.

Хельмут К., 12 лет, имеет двух младших братьев. Ходить начал в 1,5 года, говорить испражнялся — лишь с 5 лет. С малых лет очень боязлив, не может расстаться из дому, контакта со сверстниками наладить не может. Бойтись начал (мать раздражительна, плохо слышит). Если о чем-либо хочет попросить родителей, подсылает младших братьев. Бойтись детей, которые часто смеются со взрослыми крайне робок. В школе учится хорошо, он один из лучших учеников класса. Весьма аккуратен в одежде, экономно расходует родительские деньги. Говорить начал в два года, но артикуляция многих слов была неправильной. Позже это перешло в заикание, которое особенно усилилось, когда он поступил в школу: его непрерывно дразнили и сделали посмешищем класса. Когда Хельмута журили, — он плакал.

Хельмут поступил в наше детское отделение по поводу заикания. Мы сразу установили, что он весьма боязлив и заторможен. Над предлагаемыми заданиями думал очень долго. При трудностях у него сразу опускались руки. Однако много времени, пока он привык к нашему персоналу. Мы усиленно старались, чтобы дети не смеялись над Хельмутом. Он всегда искал общения с нашими детьми. Когда Хельмут свыкся с обстановкой, лечение пошло хорошо. В процедуры и тренировки Хельмут вкладывал много рвения.

Перед нами ребенок, с одной стороны, весьма пунктуальный, добросовестный в учебе, аккуратный в одежде, с другой — чрезвычайно тревожно-боязливый. Трудности, испытываемые им при произнесении речью, перешли в заикание. Несомненно, в тот период многое тревожило его, например раздражительность матери. Поступление в школу, насмешки детей усугубили заикание. Вероятно, только боязливости, тревожности было недостаточно, чтобы вызвать и поддерживать заикание, но вторая характерная черта Хельмута вела к постоянному контролю за своей речью и усугубляла внутреннее напряжение.

Среди сочетаний застревающих черт характера со свойствами темперамента особенно важна застревающе-гипертимическая комбинация, так как она таит в себе опасность кверуляторного синдрома. Начало состояния обуславливается застревающими чертами характера, а гипертимическая жажда деятельности усугубляет заикание. Если бы мы имели дело только с застревающей чертой характера, то причины постоянных жалоб в конечном счете были бы в нас самих, но гипертимический темперамент заставляет нас искать все новые поводы жаловаться. В противоположность застревающему развитию, кверуляторное отличается хлопотливостью, суетливой деловитостью. Такие люди никогда не находят покоя, у них все время повышенное настроение.

Важным наблюдением, описанное ранее Зайге.

Рудольф К., 54 лет, печник. Впервые обратился к нам в 1960 г. по специальному отношению Института судебной медицины, где он настойчиво требовал справки о том, что жена его скончалась из-за отравления угарным газом, причиной которого явилось неудовлетворительное состояние дымохода в квартире. Поскольку в институте К. произвел впечатление человека психически неуравновешенного, он был направлен к нам.

К. начал с того, что устроил скандал в регистратуре. Полился нескончанным потоком обвинений в адрес регистратора («наглая особа!»), домоуправления, пожарного управления, судебной медицины и ряда министерств, что весьма затруднило собирание анамнеза.

К. превосходный работник, обладает веселым, общительным нравом, характеризует себя как «оптимиста» и «борца за справедливость». Женат по любви в 1938 г., брак был удачный, но детей не было.

Все началось с небольших разрушений в доме, причиненных бомбардировкой во время войны, в частности трещин в стене возле дымохода, представляющего в спальне.

С 1954 г. у жены К. появилась сильная одышка, что К. объяснял отравлением угарным газом. По его словам, ремонт в доме после войны был проведен чисто «косметический». Он засыпал жалобами домоуправление, жилищное управление, пожарное управление, но все считали, что дымоход работает нормально. Тогда К. самовольно стал вносить меньшую квартплату, чем положено.

Между тем жене К. становилось все хуже (головокружения, рвота). В 1958 г. у нее был диагностирован порок сердца — тяжелый стеноз митрального клапана. К. продолжал настаивать на отравлении угарным газом. Он подал в суд на городское управление, требуя возмещения жене заработной платы за все время болезни.

Суд привлек в качестве эксперта начальника по очистке дымоходов района, установившего, что если даже попадание ничтожной доли угарного газа возможно, то это не может быть причиной хронических заболеваний у жильцов. Тогда К. подал на начальника жалобу в прокуратуру. Он обвинял его в систематическом отравлении жены, в намерении совершить убийство. Эту жалобу у него не приняли.

На заявления и жалобы К. расходовал четверть своей зарплаты. При этом обращался во все более высокие инстанции. Между тем домоуправление предприняло весьма солидный ремонт дома.

Однако это не успокоило К. Теперь он уже считал, что отравление произошло в 1954 г. жену поместили в больницу, он потребовал расследования и установления хронического отравления угарным газом у жены и у жильцов. Медицинская комиссия экспертов интоксикации не установила.

Вскоре жена умерла. К. продолжал искать все новые пути, «чтобы добиться справедливости». Тогда-то он и попал к нам.

Когда мы попросили его принести всю собранную им по делу документацию, он искренне пришел в ужас: «Бог ты мой, да мне такую тарабарщину один раз не дотащить!» Он принес увесистую папку, в которой он содержалось «важнейшее», но оставить ее не захотел: «Ознакомьтесь с ней и верните». Его жалобы пестрели юридическими и медицинскими терминами, усвоенными им во время многолетней тяжбы. Наш врач указал на бессмысленность ведения таких судебных процессов, тогда К. заявил, что они — одна компания, что врач их «покрывает». Лейтмотивом его было требование «справедливости». Сам он, по его словам, так сильно отравлен угарным газом, что чувствует себя дурно, с работой справиться не справляется и, видимо, «вскоре отправится вслед за женой».

За полгода у нас было 10 собеседований с К. Нам удалось оказать благоприятное воздействие на его психическое состояние и на его поведение. Но от стационарного психотерапевтического лечения К. отказался. Он продолжал лечение только в своей районной поликлинике, куда же у нас не появлялся.

В начале жизни у К. преобладает гипертимический темперамент, но уже в ту пору он был «фанатиком справедливости».

Может быть, тогда защитой от подозрительности и чрезмерной чувствительности ему служил веселый нрав. Но в дальнейшем стали проявляться *паранойяльные черты характера*. Его опасения, что через трещины в стене проникает угарный газ, подрывающий здоровье жены, были явно безосновательны. Но они служили питательной средой его маниакального сутяжничества. Это усугублялось ухудшением здоровья жены, и он продолжал буквально изыскивать всевозможные новые кляузы. Огромный материал, собранный им по «делу», показывает как упорство, так и его гипоманиакальную «деловитость».

При менее значительной паранойяльной тенденции, когда *характеристические черты* одерживают верх, прогрессирующее развитие не наблюдается. Благодаря «текучести» темперамента в ходе зрения таких людей всякий раз попадает что-либо новое. Развитие, начинаясь, всякий раз обрывается, вновь приобретая свою паранойяльную направленность.

Привожу наблюдение, описанное Бергман.

Эдуард Р., 54 лет. После школы начал учиться на механика, стал слесарем. В 1922 г. по совету отца решил на длительный срок уйти в армию. Поднял обязательство на 12 лет, но, прослужив 2 года, ушел. Никто его не останавливал, так как он постоянно высказывал претензии и жалобы. Снова стал работать слесарем. Вскоре начались конфликты с начальством. Позднее Р. открыл собственную слесарную мастерскую; дело шло хорошо, так как он работал всегда охотно. Во время войны был мобилизован, служил ревностно, но в конце отчаянно сорвался с начальством. Дело дошло до судебного разбирательства. Во время процесса его частично оправдали, но перевели служить в другое место. Р. рассказывал, что многие коллеги его защищали. После войны (с 1945 г.) работал в сельском хозяйстве, затем заготовителем мяса. Постоянно жаловался, что его не повышают по службе (не считая Р. из-за его деятельности при фашистском режиме). Наконец, в 1950 г. благодаря содействию шурина, он получил должность бухгалтера. Вскоре начались конфликты, он заявлял о том, что завален «массой работы», требовал помощника, который по штатному расписанию предусмотрен не был. Тогда Р. перестал выполнять положенный объем работы, ссылаясь на *паранойяльное* — писчий спазм. Когда с него сняли часть обязанностей, он начал снова преуспевать. Свои обязанности Р. вообще выполнял легко. Здесь, в 1952 г., у Р. появились друзья, так как он был «компанейским» человеком. С тех пор ему ни в чем не перечили. Однако стоило смениться начальником, как трудности появились вновь. Р. чувствовал, что «за ним все время следят» и ведь он знает дело лучше, чем «этот новичок». Снова у него появились писчий спазм. Тогда он и был направлен к нам для психотерапевтического лечения.

Мы сразу установили, что нарушения письма как такового не было: писчий спазм был формой проявления протеста. Как только обследуемый успокоился, у него прошел и спазм.

У Р. был человеком самоуверенным, весьма подвижным, темпераментным, с *характерной* «звонкой», выразительными жестами; во время беседы часто говорил, был не в меру многословен. У него установились хорошие отношения с соседями по жилью. Он был способен всех развеселить, позабавить. Вспомогательная модель о конфликтах, возникавших на протяжении всей его жизни, была о «*неизбежные неудачи*» он сваливал на других. Необъективность, субъективность — его отличительная черта. Если Р. на это указывали, он с ожесточением возражал, приводил самые различные факты, якобы подтверждающие его несправедливом к нему отношении, против которого он чувствовал себя обиженным. В эти моменты в нем пробуждался кверулянт, он начинал говорить о тех людях, связанных с его конфликтами, но брался судить со

своей колокольни и о многом другом. Беспечность и жизнерадостность во время бесед на эти темы покидали Р., но одно шутовское слово способно было вернуть ему хорошее расположение духа.

Гипоманиакальный темперамент Р. вызывал его большую активность, отсюда и симпатии окружающих к нему. Трудности его связаны были с конфликтами на почве «несправедливого отношения», в которые он постоянно вступал на любом месте работы или службы. Однако эти споры никогда не носили длительного характера. Поконфликтовав некоторое время, поспоров «за свои права», Р. просто менял место работы. На первых порах к нему нигде не относились враждебно, более того, за общительность многие даже любили его.

Особым качеством обладает комбинация застревания и тревожности. Тревожность связана с принижением человеческого достоинства. Такие лица слабы, беспомощны. Застревающие личности не могут этого вынести, они всячески стараются выделиться, задеть их самолюбие очень легко. Так возникает *сверхкомпенсация*. Эта компенсаторная реакция наблюдается и в *эмоциональном темпераменте*, но все же чаще всего она сопровождается именно тревожностью. Поскольку всякий старается скрыть свои слабости, поведение таких людей характеризуется упрямством и некоторой настойчивостью. Так можно отличить сверхкомпенсацию от обычного желания произвести впечатление. Дети также могут развивать сверхкомпенсацию, напоминая на себя важность, чтобы скрыть трусость.

Привожу описание, сделанное Бергман.

Михаэль Ф. поступил к нам впервые в 9 лет в связи с жалобами на невыносимое поведение в школе. Он из не очень дружной семьи: мать чрезвычайно ревнива, отец весьма упрям. Аккуратно мочиться Михаэль стал только в 4 года. Он очень боязлив: боялся спускаться по лестнице, один оставаться дома, боялся собак, воды (если надо было перейти мост, он пускался бегом по мосту во всю прыть). Младших братьев сильно ревновал к родителям, часто между детьми возникали ссоры. Если мальчику не доставалось любимое лакомство или красивая игрушка, он досадовал, злился, считал себя обиденным.

Особенно трудно пришлось Михаэлю в школе. Дети сразу увидели в нем трусишку и начали его отчаянно дразнить, нередко били. Девочки злились над ним. Он мстил им, раздавая исподтишка тумаки, пытаясь ударить под скамьей.

Если младшие братья говорили ему резкое слово, он тотчас же бросался их бить.

В школе он лазал по скамьям, бросался апельсинными корками, спорил с учительницей, грозил ей кулаком. Однако стоило поднять на него руку, как он начинал плакать и, всхлипывая, умолкал.

Успеваемость в школе хорошая, но в нашей школе при поступлении сразу стал хорошо учиться. Михаэль вообще долго привыкает к новой обстановке и вначале производит впечатление замкнутого, сердитого ребенка. Освоившись у нас, он рассказал и о разных своих проделках в школе. Чаще, чем на учителей, он злился на соучеников. Но почему именно на соучеников Михаэль объяснить не мог. С детьми в нашем отделении он ладил, он раньше лез к взрослым, у которых искал защиты.

Михаэль выписался в удовлетворительном состоянии, но через некоторое время поступил к нам вновь. Причина опять та же — недисциплинированность.

Часто отказывался отвечать нам на вопросы, иногда наблюдались приступы необъяснимого гнева. Однажды в наказание за какой-то проступок его время перерыва оставили в классе. От злости он схватил мусорную корзину и бросил ее вместе с содержимым на играющих во дворе детей. В отместку он дружил теперь с детьми невыдержанными и даже гордился тем, что они его «приняли». С медсестрами бывал груб. Но с другой стороны, как в первый раз, льнул к взрослым, радовался, когда его хвалили. Грубых нападений мы у него не наблюдали.

Михаэля в основном характеризует тревожность, боязливость. Но к этому присоединяется еще и повышенная ревность: ревновал мать к младшим братьям, завидовал им — в этом проявляются черты застревающей личности. В школе трусливость очень вредила мальчику, он стал «мишенью» для сверстников. Но это не заставило его держаться в стороне, чтобы не подвергаться нападкам. Напротив, он искал возможности тайно отомстить и вопреки всему одержать верх. Кроме того, такая тактика открывала возможность выделиться, привлечь к себе внимание. Так Михаэль превратился в отъявленного нарушителя спокойствия всей школы. Пусть его дразнят, избивают, пусть не хватает сил защищаться, — но все же он окажется в центре внимания, а быть может, и восхищения. И он позволял себе безобразничать как никто другой. Все его «проделки» были направлены на то, чтобы любой ценой выделиться. Впрочем, ввиду к ученикам в нынешней школе весьма мягкий, так что последствия Михаэля не особенно пугали.

Переходя к возбудимым акцентуированным личностям, заметим, прежде всего, что здесь новое качество акцентуации в сочетании с чертами того или иного темперамента не возникает, возможны любопытные акцентуационные разновидности. Ближайшее дифференциация в тех случаях, когда возбудимый характер сочетается с аффективно-лабильным темпераментом, так как эпилептоидные личности сами по себе склонны к возбуждениям в настроении. Правда, в блаженно-приятное состояние эпилептоиды впадают редко.

Вопрос о том, каков же будет результат при сочетании эпилептоидной тяжеловесности с маниакальной подвижностью, заслуживает внимания. Я попытаюсь ответить на него, приводя следующий случай.

Раймунд К., 1939 г. рожд. В школе дважды оставался на второй год, не столько из-за недостатка способностей, сколько из-за нежелания учиться (часто пропускал занятия). К. женился в 24 года, но к тому времени у него уже было двое внебрачных детей. Через 1,5 года он развелся с женой, постоянно устраивала сцены ревности, и он ее избивал). От этого брака К. был ребенок. Алименты выплачивались всем трем детям весьма скупо. К. отличался повышенной сексуальной возбудимостью. Состоя в браке, он по несколько раз в день требовал у жены совершения полового акта. Обществу его вождлений часто менялись. Бывшие его любовницы утверждали, что он груб и склонен к насильственным действиям. Если, например, женщина отказывалась от совершения полового акта, он жестоко ее избивал.

В работе К. показывал себя с хорошей стороны. Если, однако, что-либо ему было не по вкусу, то он попросту оставлял рабочее место и уходил. Кро-

ме того, в рабочее время он часто болтал всякий вздор, любил смешить товарищей.

С домашними животными обращался заботливо, но, разозлившись, жестоко их избивал. Предметы домашнего обихода в припадке злости швырял куда попало. Если коллеги, разыскав К., просили его вернуться на рабочее место, это вызывало потоки нецензурной брани.

В 1958 г. К. судили по поводу кражи со взломом. И в дальнейшей биографии за ним числится несколько краж. Наконец, в 1964 г. он предстал перед судом по обвинению в попытке изнасилования и убийстве. Когда женщина, которую он побуждал к сожительству, ему отказала, он ее задушил.

С этим обследуемым я познакомился, когда ему было 26 лет. Когда с ним говорили о его судимости, он реагировал очень бурно, заявляя, что это не имеет отношения к следствию. Но злость скоро проходила, и тогда он становился весел, смеялся, шутил. Тест на продуктивность нам провести не удалось, так как К. с ироническими замечаниями отказался. Результаты проверки интеллекта вполне удовлетворительные. По физическому развитию К. крупный, грубовато сколоченный мужчина с очень грубыми чертами лица.

У К. наблюдается патологическая *раздражительность* и склонностью к *насильственным действиям*. В сфере труда являл большую недисциплинированность. В насильственных действиях был крайне несдержан. К этому присоединялись *бесудержные половые влечения*. Даже если исходить из диагноза *эпилептоидной психопатии*, все равно возбудимость и неустойчивость психики К. выражены чрезвычайно резко. Последнее объясняется тем, что у К. одновременно были и *гипертимические черты*. Он был склонен шутить во время работы, пытаясь развлечь и рассмешить сотрудников. Во время обследования проводившегося мною, он был весел, отпускал юмористические замечания. Но в мыслях и поступках у него не было *жизнелюбия*: она полностью перекрывалась эпилептоидной *тяжеловесностью*.

Надо полагать, что податливость влечениям объясняется у К. эпилептоидным началом, которое усиливалось гипоманиакальными чертами.

Отрицательно, видимо, сказывается сочетание *возбудимости характера и дистимического темперамента*. Это подтверждается одним из моих наблюдений.

Герхарду Ш., когда я с ним познакомился, было 31 год. Он увлекался к судебной ответственности по поводу кражи, вымогательства, вандализма, злоупотребления служебным положением и растраты. Ш. страдает интеллектуальной *тяжеловесностью*, на простейшие вопросы отвечает медленно, с большими паузами. Во время испытания на продуктивность назвал за 3 мин всего 25 предметов. С тестом по сравнению понятий оказался удовлетворительно, но в тесте на комбинаторику потерпел *фатальную* ошибку, как не мог составить простейшего предложения из трех слов. Характерно, что именно комбинаторные интеллектуальные данные у Ш. отстают.

Во время обследования Ш. был очень неприветлив, угрюм. Во время жизни не замечалось. Напротив, он говорил о том, что *склонен к* *вяжущим* *размышлениям*, *тяжелым* *предложениям* из трех слов. Когда происходят разные печальные события, как, например, кончина отца, разлука с ребенком или его, Ш., преступные деяния. Когда речь шла о последних, Ш. впадал в состояние депрессии: он был близок к *самоубийству*. В попытке сдержать слезы рот искажался гримасой, он долго *сжимал* *голову*.

Эпилептоидная замедленность у Ш. усиливалась депрессивностью. Именно последним компонентом его психической структуры можно объяснить, что степень наказуемости проступков обследуемого была не столь высока, как у других эпилептоидов. Безразличность его преступных склонностей можно было бы сравнить с картиной эпилептоидных подростков, однако, в отличие от них, у Ш. отсутствовали проявления насилия. Мне думается, что субдепрессивность темперамента Ш. действовала ослабляюще на вспышки гнева и это «предохраняло» его от совершения актов насилия. Однако «готовность к преступности» у Ш. не ослаблялась, она лишь направлялась в другое русло. Обследуемый, возможно, еще больше, чем эпилептоиды, был склонен к совершению наказуемых действий, так как он больше испытывал неудовлетворенность отрицательными сторонами жизни. Таким образом, можно предположить, что зависимость от отрицательных влечений привела Ш. к уголовным проступкам, которые совершались импульсивно, будучи навязанными ситуациями, но субдепрессивный компонент темперамента определил особый характер его преступных действий.

У одного обследуемого с такой же комбинированной структурой личности (описан Ширмером в нашем совместном труде) также был выражен возбудимый характер, но в большей степени проявлялись дистимические черты. Вероятно, этим можно объяснить, что в данном случае не наблюдалось такой ярко выраженной зависимости обследуемого от влечений и что депрессивность не только снижало возбудимость, но и оказывало некоторое благоприятное воздействие, например обуславливало определенное отношение к обязанностям.

Случай II. 22 лет, связист. Обладает спокойной, медлительной психикой. С материнской стороны страдала сильными приступами мигрени, в семье никаких сведений нет.

Родился от счастливой беременности при помощи кесарева сечения. В возрасте 11 лет перенес приступы приступов «глазной мигрени». Во время приступов всякий предмет перед глазами в течение часа терял зрение на один глаз. Учился в начальной школе с успехом, позднее — удовлетворительно, всегда был дисциплинированным ребенком. Профессию связиста приобрел в железнодорожной школе, экзамены сдал на «отлично». Школа даже направила его в институт инженеров связи, однако он по материальным соображениям был отказан. С 1955 г. Ц. служит в армии, где работает связистом. Через 4 года после поступления в армию Ц. обратился к врачу.

Обследуемый — малоподвижный мужчина. Без особого внешнего повода не выходит из общества, но даже и при наличии стимула включается в общение. Ц. очень любит детей, животных, собственными усилиями приобрел себе аквариум, который существует и по сей день. Ц. не может установить как человека, оторванного от коллектива, хотя он, в общении, не избегает контактов, а на тесные контакты вообще неспособен. Любая неожиданная перемена вызывает у него возбуждение, стресс, хотя он отнюдь не отрицает в том, что сам повод «выведенного яйца не стоит». Ц. считает, что невеста его обманывает, он впал в бессильную депрессию, начал пить, и начал пить, впрочем, выпивка долгое время не помогала. Ц. чувствует себя виноватым. Но и в этой начальной стадии его нередко

преследовали мысли о самоубийстве. Однажды в состоянии опьянения схватил с туалетного столика бритву, собираясь перерезать себе вены. Когда бритву у него отняли, он стал выдергивать пружины из матраца, чтобы ранить себя. Но его удалось привести в чувство. На следующий день он чисто забыл о происшедшем и был ошеломлен, когда мать рассказала ему подробности.

Все неприятности кончались у Ц. походом в пивную. Пиво нередко было ему противно, вызывало тошноту, но он продолжал пить: «ничто меня так не успокаивало». С другой стороны, опьянение действовало на него действующим образом, он чувствовал себя «всеми покинутым», часто появлялись мысли о самоубийстве.

Родители Ц. в конце концов обратились к офицеру его воинской части, хотя он здесь ни разу еще не был замечен в злоупотреблении алкоголем. Он пришел к нам на прием в сопровождении двух офицеров: оба они рассказывали о честности Ц., его скромности, готовности помочь товарищу, трудолюбии и отличную профессиональную сноровку. Начальство планировало отпустить его в вуз, для усовершенствования знаний, но Ц., по неизвестным причинам наотрез отказался. Товарищи по воинской части поделились с нами, что не теряют такого работника им было бы очень жаль, просили нас его выслать, но вылечить.

Злоупотребление алкоголем у этого медлительного, тяжеловесного мужчины объясняется его возбудимостью. Наряду с этим следует отметить и положительные стороны его личности: весьма добросовестное отношение к своим обязанностям, дружеский контакт с товарищами по части. Последние черты склонны приписывать депрессивному началу. Оно способствовало и тому, что во время исполнения служебных обязанностей он всегда способен был совладать с тяжелым состоянием возбуждения. Но его тяжелые запои, попытки самоубийства свидетельствуют о том, что депрессивное начало у Ц. является не только благоприятным фактором.

Я располагаю еще рядом интересных фактов. Наличие тревожный темперамент не может действовать нейтральным образом на возбудимую личность. Так, тревожность обостряемого, описываемого ниже, лишь повернула его предрасположенности в другую сторону.

Иоахим Р., 19 лет. Уже ребенком испытывал страх перед близкими товарищами, случалось, что был для них «мишенью». Р. боялся темноты. Спускаясь в погреб, начинал петь, чтобы прогнать страх. В 15 лет, когда он днем зашел в квартиру знакомой семьи и украл там электрическую бритву, автоматический карандаш, ручные часы и другие мелочи, в следующем году он обокрал домики на пяти пригородных дачных участках, вывезя в основном продукты. Пропускал занятия в профучилище. Когда была объявлена проверка, чтобы он принес справку о своих посещениях за последние три месяца, Р. подделал подпись, что, кстати, проделывал неоднократно. Во время отлучения в училище он разъезжал по городу на велосипеде. Р. подделывал билеты в ученическом билете, чтобы его пускали в кино на бесплатных условиях. В 16-летнем возрасте Р. снова похитил из квартиры электрическую бритву, разъезжал на чужом велосипеде по городу (велосипед он вывез из дома в владельцам). Пришло время поступать учиться, чтобы избежать наказания. Вначале он решил стать пекарем, но вскоре бросил эту профессию, было чересчур жарко. Затем он перепробовал множество профессий, попробовав, беспричинно исчезал с работы. В возрасте 17—18 лет Р. было зарегистрировано 7 краж, в 19 лет — еще 6. В квартире он крадет с помощью отмычки, либо когда хозяева оставляли в комнате ключ. Крад деньги, продукты.

Р. воображал, что когда ему представлялась возможность обокрасть квартиру, он не раздумывал, а тут же действовал. Лишь позднее приходило сознание, что он снова совершил непорядочный поступок. К насилию Р. не прибегал никогда. В детстве, когда его били, в нем закипал гнев, но он не отвечал обидчикам. Он и сейчас быстро возбуждается, готов в эти минуты напасть на пол все, что попадается под руку. Пронгрявая в карты, он так увлечен, что не может продолжать игру. Во время беседы Р. в общем был молчалив, но все же о дебильности не могло быть и речи. В пробе на продуктивность за 3 мин назвал 27 предметов.

Преступность Р. объясняется тем, что он как эпилептоид не способен бороться со своими влечениями. Отсутствие насильственных действий связано с наличием черт тревожности. Поэтому он позволял избивать себя, поэтому позже его коллеги стали называть его «трусом». Гнев закипал в нем мгновенно, в порывах гнева он бросал на пол предметы, но никогда (из-за страха) не становился агрессивным. Можно предположить, что импульсивность Р. реализовалась в кражах, так как он не мог отреагировать в открытых схватках со своими недругами.

До сих пор я рассматривал сочетания различных характеров и темпераментов, так как они дают гораздо более заметные результаты. Сочетание тех или иных свойств темперамента ничего качественно нового не дает, получается скорее смешанный тип конституции, при котором трудно отделить один темперамент от другого. Например, реакции, с которыми мы сталкиваемся при тревожности и эмотивности (сильное восприятие тяжелых переживаний, слезливость и т. д.), могут также наблюдаться при истерическом и циклотимическом темпераментах. Если акцентирование проводится к одной яркой особенности темперамента, то все обычно представляет собой единую, весьма четкую картину. В сочетаниях же соотношения реакций становятся зыбкими. Однако во время реакции при этом не возникают. Вот почему не приходится в этих случаях определять поведение человека исходя из сочетаний черт разных темпераментов. Следует напомнить также, что гипертимия и дистимия, например, обладают способностью взаимно уничтожаться.

В природе лишь одну комбинацию темпераментов, дающую характерную картину.

Дело в том, что можно было бы считать родственными «аффективно-эмоциональный темперамент», т. е. один из полюсов аффективно-эмоционального темперамента, и гипоманиакальный темперамент. Однако на деле речь идет о чертах, в корне различных. Четко различаются они и тогда, когда встречаются в сочетании.

Попытку объяснение обследуемого, сделанное Ширмером в направлении к труду.

М. Пятнадцатилетний, популярный артист эстрады. Невысокий, крепкого сложения, с длинной шевелюрой, речь свою сопровождает размахистыми жестами.

Мать и бабушка были людьми веселыми и беспечными. Мать колебалась между двумя полюсами — веселости и серьезности. Отец — жизнерадостный, энергичный человек. Таков и младший брат М. Пятнадцатилетний.

летняя дочь — девочка тихая, серьезная, не очень приветливая. Другая дочь 12 лет, настроена чаще всего оптимистически.

Сам обследуемый всегда весел, невероятно активен, разговорчив, увлекается сам и всех вокруг увлекает. В обществе он всегда в центре внимания, добродушен, добр, заботливый муж и отец. Иногда им овладевает возбуждение по совершенно ничтожному поводу. В подобном состоянии он может даже побить жену.

Детство и юность М. ничем не примечательны. Успеваемость в школе средняя. Соученики любили М., он пользовался у них уважением и авторитетом, умел всех увлечь.

По окончании школы М. пошел по торговой части (изучал экономику зернового хозяйства). Затем — война. По окончании войны, после демобилизации, открыл мастерскую бытовых изделий, где занимался переработкой военного имущества на предметы домашнего обихода. Он занимался также изобретением игр для детей и различных игрушек со сложными механизмами. Одновременно М. разрабатывал усовершенствованный язык для глухонемых, так как после войны было много глухонемых-инвалидов. Этот язык должен был заменить обычный язык глухонемых, знаки-жесты которого малоэффективны. О своей новой системе М. издавал на свои средства брошюры. Однако правительство не проявляло никакого интереса к его новому мимическому языку. Тогда М., не долго думая, решил применить его для своих собственных трюков и за короткое время стал у себя на родине и за рубежом известным «ясновидящим». М. тщательно собирает и хранит свою «артистическую» историю. Его артистическое имя стало символом особых способностей, и многие известные газеты печатали обширные восторженные рецензии о его выступлениях. Некоторые периодические издания задавали даже осторожный вопрос: не следует ли демонстрации М. считать доказательством того, что существует мир сверхъестественного.

Выступления М. продолжают по сей день. Он неиссякаем в смысле новых идей, задался целью включить свой номер в программы кино и телевидения.

Единственное, чем иногда прерывается серия блестящих успехов М., — это эксцессы, связанные со злоупотреблением алкоголем. Еще юным М. начал пить пиво в довольно больших, со временем все возрастающих количествах. Не проходило и недели, чтобы он не напивался один-два раза в неделю. Во время опьянения он становился агрессивным, приставал к присутствующим, пытался затеять драку. Жена болезненно реагировала на такое поведение в пьяном состоянии. По ее настоянию М. явился к нам в клинику.

Мы поместили его в стационар, он сразу же «прижился» к больным, вокруг себя больных, отпускал грубоватые шуточки, демонстрировал свое плохое настроение овладело даже тяжелобольными. Со временем М. добился и до неприятных ситуаций. Например, М. решил в один прекрасный день взять на себя руководство всем нашим отделением. Он был склонен к демонстративным проявлениям аффекта, связанным с событиями в стационаре: делая какие-либо замечания, наблюдал того или иного сложного больного, с неестественным возбуждением прощался с теми, кто выписывался из клиники. Когда мы пришли к тому, что один известный государственный деятель серьезно заболел, М. восклицал полным отчаяния голосом: «Увы, мой бедный... (делая паузу) восклицать у него наверняка рак. А-ах, такой чудесный человек!»

После выписки он оказался от дальнейшего наблюдения. Но через некоторое время от времени в клинике появлялся. Это происходило тогда, когда его опьянение в состоянии опьянения приводило к конфликту с администрацией или с врачами он рассчитывал добиться поправки. При всякой возможности М. старался захватить в свои руки инициативу, предлагая врачам какие-либо новые грандиозные планы.

Наши советы воздерживаться от чрезмерных возлияний он игнорировал, слушивал весьма серьезно и вежливо, после чего принимал участие в беседе, шутил и подмаргивал, чем дело обычно и кончалось.

Принимая во внимание большую предприимчивость обследуемого, его обычно веселое и беззаботное настроение, мы можем считать его как представителя *гипертимического темперамента*. Однако его значительные успехи нельзя объяснить одной лишь гипоманиакальной деловитостью, они достигались углублением М. в соответствующие проблемы. Вынашивая планы, М. вдохновенно отдается идеям. В свои замыслы он вкладывает много труда, вот почему его изобретения интересны и оригинальны. Подтверждением *аффективно-лабильных* черт этой акцентуированной личности является не только патетика, с которой он говорит обычно о своих идеях, но и искренность чувств, испытываемых М. к тяжелобольным, глубокая жалость к ним. Иногда в манере поведения М. чувствовалась даже некоторая истерическая театральность, но сами чувства были искренны и правдивы. Кроме того, истерик и вдобавок гипоманиак никогда не обнаружил бы выдержки, необходимой для того, чтобы довести идею до успешного конца.

Экстравертированная акцентуация личности и комбинации

Как отмечал, в чем усматривают своеобразие *экстравертированной личности*. Экстравертированный человек больше обращен в сторону *восприятий, чем представлений*. Такой человек больше подвергается влиянию окружения, стимулам извне, постоянно переживает переживания, любит ходить в кино, смотреть телевизионные передачи. Он отлично чувствует себя в оживленных местах, где получает сразу множество впечатлений и новую информацию, и с удовольствием проводит время с приятными людьми о том, о сем. Среди любимых занятий таких людей следует отметить спорт, в котором они либо активно участвуют сами, либо с увлечением отдаются спортивному зрелищу. Экстравертированные коллекционеры, однако в отношении тех или иных предметов не чувствуются внутренне заинтересованными. Коллекционирование не служит для них интеллектуальным толчком. Во время путешествий экстравертированная личность нацелена прежде всего на разнообразные переживания, а вовсе не на то, чтобы обогатить свой багаж и свой внутренний мир впечатлениями но-

стью поверхностности мышления все, поступающее им, не подвергается особому анализу. Это обуславливает *легковерие* и *легкое влияние*. Любое сообщение, сообщаемое в категорическом тоне, для экстравертированного человека — бесспорный факт, даже в том случае, когда факт этот бы немного задуматься и сопоставить факты, проверить сомнения в достоверности информации. Поэтому экстравертированный тип людей становится просто рупором своего окружения. Все, что они слышат от других, читают, слышат

по радио (а для женщин — очень часто высказывания мужей) является для них неопровержимой истиной. Однако их мнения не отличаются стойкостью, поскольку внутренне не перерабатываются. Поэтому новое сообщение, заключающее иное освещение фактов, легко может все опрокинуть в их сознании.

Явной обращенностью к тому, что приходит извне, обусловлена непосредственность реакций на внешние раздражители. События, привлекающие внимание в данный момент, легко становятся для таких людей господствующими и приводят к поступкам, подсылаваемым гугубо внешней ситуацией. Мысли, которые могли бы притормозить подобную необдуманность реакций, отсутствуют. Вот почему экстравертированная акцентация влечет за собой импульсивность поступков.

Приведу, прежде всего, пример одной экстравертированной обследуемой с законченным высшим образованием, что свидетельствует о том, что экстравертированность отнюдь не связана с недостаточностью интеллекта.

Раугильда М., 1913 г. рожд., домохозяйка. В школе училась хорошо. В 19 лет закончила среднее образование, после чего начала изучать английский язык и историю. Занятия в вузе были прерваны, когда М. в 22 года вышла замуж. Муж погиб на войне. После войны М. решила возобновить прерванные в свое время занятия в вузе, который благополучно закончила, получила диплом учительницы. Некоторое время преподавала в школе. В 33 года М. вторично вышла замуж и окончательно оставила профессиональную деятельность. Она просто не чувствовала педагогического призвания. Гораздо интереснее она занималась домашним хозяйством и детьми (их у нее двое: старший — первого, другой — от второго брака). Хотя оба ее мужа и по профессии и по ее рассказам, интеллектуально находились на более низком уровне развития, чем сама М., однако они решали в семье все, кроме вопросов приготовления пищи и уборки. Социально-политические взгляды ее мужа не совпали с ее собственными взглядами. Как же ей удалось получить высшее образование? Училась она легко, очень легко все воспринимала. Собственные мысли, как и собственных проблем, у М. никогда не было. С обязанностями учительницы, с дисциплиной в классе она отлично справлялась. Она вела журнал, придерживалась материала программы и учебников, не вносила ничего своего, оригинального. Свободное время в одиночестве М. проводила за чтением, но общество всегда находилось: у нее было несколько близких друзей. Ей всегда было нетрудно завязывать близкие отношения с людьми. В общности с мужчинами. Больше всего на свете М. любила развлекаться. Занималась и спортом — легкой атлетикой, плаванием, обожала смотреть спортивные состязания: с большим волнением следила за тем, кто выигрывает, никогда не ставила прогнозов. М. любила и путешествия, туристические походы, но относилась к ним несколько беспорядочно, просто развлекаться. Увидит что-то новое...

Во время бесед с нами М. вела себя доброжелательно и открыто. У нее был прямой и открытый нрав. Когда мы объяснили ей разницу между экстравертированностью от интровертированности и спросили, к какой из них она себя отнесла, она, не задумываясь, ответила: «Конечно, я экстравертированный человек».

Этот случай подтверждает, что экстравертированность человека отнюдь не зависит от его интеллектуального уровня. У описанной обследуемой интеллект был достаточно высоким. Не хватило на окончание и средней школы, и вуза (правда, в последнем приеме). Однако она никогда не отличалась умением сосредоточиться на задаче.

... мыслить. Она полагалась во всем на суждения своих друзей. О профессиональном совершенствовании думала мало. Ольга М. и умела в общем передавать своим ученикам знания, но своего своего не добавляла. Вообще, жизнь эта обследуемая протекала легко, занималась спортом, развлекалась, путешествовала, но не задумывалась глубоко над жизненными проблемами.

Следует отметить, что М. постоянно испытывала *большую потребность от общения с людьми*. Благодаря своему открытому характеру, отсутствию торможений, она легко находила друзей обоим полам. Однако экстравертированность не всегда сопровождается активными поисками контактов с людьми.

Далее приводим случай *заметной экстравертированности обследуемого, у которого общение налаживалось с трудом*.

Владимир Г., 1945 г. рожд., каменщик по профессии. В детстве был живым, разговорчивым ребенком, но с детьми не дружил. Учился хорошо, но не отличался за хорошим счетом. В свободное время постоянно ищет развлечений. Любит спорт, занимается футболом, плаванием, катается на велосипеде. Вышел из велосипеда за город, всегда берет с собой транзистор, слушает музыку. Дома постоянно слушает пластинки, имеет приличную фонотеку. По телевизору особенно любит смотреть остросюжетные фильмы или оперетты. Говорит мало и не много. Излюбленные жанры — приключенческие романы, фантастические рассказы. Книгам он предпочитает иллюстрированные журналы, потому что в них не только прочтешь, «но и увидишь что-нибудь новенькое». У него есть коллекция открыток с видами различных городов и стран. Но особенно радует его возможность куда-нибудь поехать, чтобы увидеть «все это собственными глазами. Кроме открыток, коллекционирует почтовые марки. Интересоваться проблемами; о религии, политике не задумывается.

Время он хорошо проводит время, но — один: не дружит ни с юношами, ни с девушками. Связей с женщинами Г. не имеет. Нет у него и потребности участвовать, переживаниями он делится обычно с родными. У знакомых часто чувствует себя немного стесненно, не находит темы для беседы. Не участвует, как правило, ни в совместных играх, ни в танцах. Вообще любит заниматься со своим транзистором, с пластинками и не испытывает потребности в общении с друзьями.

В ходе наших бесед Г. всегда был вежлив, охотно отвечал на вопросы. Однако говорил он монотонно и не сопровождал свои слова ни оживленной мимикой, ни жестами. Уже по одной слабой эмоциональной окрашенности речи можно было прийти к выводу, что ему нелегко вступать в контакт с людьми.

Таким образом, перед нами типичный случай *экстравертированной личности*. Об этом говорит направленность интересов Г. в целом и частные склонности и увлечения: спорт, экскурсии на велосипеде, с транзистором, чтение приключенческих романов и т.д. Но при этом контакты с другими людьми сведены к минимуму. «Развлекательные мероприятия» Г. предпочитает проводить одному.

Интересно также, что даже его манера включаться в беседу с нами характеризуется и даже иллюстрирует его своеобразный индивидуальности: недостающая ему слабая способность контактирования проявляется с трудностью выразительной моторики.

Таким образом, по характеру акцентуации личности Г. свидетельствует о наличии экстравертированности, но ввиду наличия торможений при установлении контактов с людьми эта особенность

психики проецируется не на людей, а на вещи и на разнообразные внешние впечатления.

Направленность человека на людей и внешние события наблюдается также и при *гипоманиакальном темпераменте*. Человек с таким темпераментом захвачен происходящим вокруг, он постоянно отвлекается. *Гипоманиакальный темперамент нетрудно спутать с экстравертированностью личности*. Далее мы покажем, что их разграничение, безусловно, возможно, ибо существуют гипоманиакальные личности с типичными интровертированными чертами. Так, тихого серьезного человека, который мало «проявляет» себя, мы чаще всего относим к несомненно интровертированным личностям. Однако нередки случаи, когда *субдепрессивный темперамент сочетается с явно выраженной экстравертированностью поведения*. Ниже приводится такой случай.

Хелена В., 1934 г. рожд., работница. В школе эта тихая, привязчивая девочка училась хорошо, была одной из лучших учениц класса. Дети ее любят, у нее всегда было много подруг, с некоторыми она поддерживает отношения по сей день. Печальные события всегда заметно угнетают В., она долго не может забыть о них. Вообще она выделяется своим пессимизмом, склонна видеть все в мрачных тонах, хотя сплошь и рядом зловещие предчувствия не подтверждаются. С незнакомыми В. несколько робка, неуверенна в себе, но с близкими общается легко и охотно. Не любит быть одна, сильно привязана к матери. Своими невзгодами чаще всего делится с родными. Любит проводить время с матерью, с сестрой или с подругой, хождению в гости предпочитает прогулки. Иногда читает что-нибудь занимательное, но редко: предпочитает болтать с близкими. Других проблем, кроме бытовых, В. не знает. Иногда задумывается над вопросами религии, политики, технического прогресса, но просто принимает к сведению то, что передают по радио, или прислушивается к мнению родных, подруг. С мужчинами вообще не контактирует, была замужем за тридцать.

Во время наших бесед В. была тиха, серьезна, почти не смеялась, но все же ощущалась в ней какая-то душевность, что весьма облегчало общение. Вопросы касались тем, выходящих за пределы узкобытовых интересов, она высказывала мнения близких, которые легко принимала.

Это описание создает впечатление, что перед нами *недоразвитое, отсталое существо*. Не надо, однако, забывать, что в школе В. хорошо успевала. Интеллект позволял ей составить мнение о людях, и иметь широкий кругозор. Последнего следовало бы ожидать в особенности потому, что В. обладает *субдепрессивным темпераментом*, следовательно, она склонна к раздумьям, самоанализу. Но для В. это не характерно, экстравертированность у нее проявлялась не в общении с новыми знакомыми, общества, не в стремлении увидеть поближе отдаленных объектов, а в том, что ее внимание было поглощено было родными и близкими подругами. Чем более далеких знакомых, то контакты с ними характеризовались субдепрессивными чертами.

Интровертированная акцентуация личности и ее комбинации

Интровертированная личность живет не столько своими воспоминаниями и ощущениями, сколько своими представлениями. Поэтому внешние события как таковые влияют на жизнь такого человека относительно мало, гораздо важнее то, что он о них думает. В большинстве случаев интровертированный человек приходит к объективно правильным умозаключениям: он не связан впечатлениями момента, он учитывает то, что ему подсказывает его прежние представления, его жизненный опыт. Из высокой степени интровертированности вырабатывает способность к правильным суждениям. Но если данная акцентуация сильно выражена, то личность все более отдаляется от действительности и в конечном итоге, настолько погружается в мир своих представлений, что объективно принимает в расчет воспринимаемое все меньше. В силу этого идеи не подвергаются достаточной критике, в результате они могут формироваться, расширяться и приобретать субъективную значимость, у которой отсутствует всякая объективная подоплека. Таким образом, в той или иной степени интровертированности способствует развитию самостоятельного суждения, сильно интровертированная личность живет большей частью в мире нереальных идей.

Именно заводят подобные идеи интровертированного человека, в какой степени идеи теряют связь с действительностью — зависит от интеллекта. Однако преобладание «внутренней жизни» распознается во всех случаях. Профессиональная деятельность интровертированного работника, например, постоянно сопровождается размышлениями, он вводит всякие усовершенствования, которые представляются ему целесообразными, хотя на самом деле это может быть и не так. В свободное время он ищет для себя занятий, которые будят мысль. Содержание жизни он воспринимает не пассивно, а создает о них собственное мнение. Он подбирает для себя такую литературу, которая дает ему возможность углубиться в ту или иную область. Если интровертированные люди имеют любимое занятие, увлечение, то оно сопровождается постоянным внутренним интересом, это не может быть, например, механическое накопление экспонатов для музея. Если они занимаются спортом, то также постоянно приходят к выводу расчетов, взвешиваний, которые практически не имеют значения не имеют. Однако ощущение удовольствия, которое представляет чисто физическая деятельность, лежит за пределами интровертированности, так и интровертирован-

ные личности нередко предпочитают другим видам деятельности, которые ставят перед партнерами большое количество задач. Ручная работа (у тех, кто любит ее) является скорее у таких людей с оригинальными замыслами, чем у интровертированных. Немало интровертированных людей являются

настоящими изобретателями, у других же дело не идет дальше пустых выдумок. Нередко эти личности носятся с идеями «управления жизни на земле». Особенно их волнуют всякие загадки окружающего мира и трудноразрешимые вопросы. Излюбленная пища для мышления — проблемы религии, политики, философии. По многим из этих проблем они способны выработать вполне обоснованное собственное суждение, в других случаях их позиция весьма далека от жизни, ибо мало учитываются реальные факты.

Действия, поступки следуют за идеями отнюдь не обязательно или, во всяком случае, не сразу. С одной стороны, попытки действовать у интровертированных личностей неоднократно приводят к столкновению с действительностью, которая не привлекалась во внимание при созревании идеи, с другой стороны, сильная сосредоточенность на идеях не располагает к конкретной деятельности и даже чужда ей. Действия людей в норме всегда направлены на объект. Если этот объект все время находится в центре внимания, как это бывает у экстравертированных личностей, то он становится стимулом к началу действий, если же внимание больше направлено на внутренние процессы, то начало действий затягивается. В последнем случае то побуждение, которое исходит от объекта, слабеет, теряет эффективность. Таким путем возникает связь между подчеркнутой склонностью к раздумьям и слабой готовностью к поступкам. Интровертированные люди, как правило, медлительны и нерешительны в поступках. Само собой разумеется, что такую медлительность могут обуславливать и другие факторы, например, определенные черты темперамента, которые подталкивают или сдерживают человека в активные действия.

Ярко выраженная интровертированность ведет к изоляции личности от других людей, которые не в состоянии понять ее подчас чуждаковатых идей. С другой стороны, связи с людьми могут быть слабыми также из-за первичной слабости контактов. Дифференцировать первый и второй случаи не так уж сложно, нужно только внимательнее понаблюдать за этими «одиночками». В первом случае мы обнаруживаем наличие у человека оригинальных, необычных идей, во втором общении затруднения возникают тогда, когда оно касается обыденных бытовых тем. Во втором случае особенно бросается в глаза бедность мимики, застывшее выражение лица и отсутствие модуляции голоса. Если человек, несмотря на явную интровертированность личности, обладает хорошей способностью контактирования, он сам будет избегать общения, но ему постоянно будет трудно найти отклик на свои идеи, понимание их. Однако стоит интровертированному человеку установить контакт, как он будет искренне рад общению, принимающим его партнером, между ними установятся теплые отношения.

Некоторые из наблюдаемых нами интровертированных личностей в прошлом перенесли невроз или психоз. Оценка их состояния

...составлялась из собственных рассказов обследуемых и описаний их родителей.

Мне представляется, что мы, безусловно, имеем право при-
... для характеристики интровертированных личностей об-
... перенесших психоз, из следующих соображений: 1) не всегда эти лица болели шизофренией, иногда это был фа-
... психоз; 2) мы имеем в виду исключительно поведение дан-
... уже после перенесенного психоза. Известно, что шизо-
... нередко с юности, за много лет до начала заболевания,
... интровертированными личностями. Наиболее яркие
... интровертированности я наблюдал в поведении шизофре-
... до заболевания и, насколько это было возможно, уже во
... течения. Каково конкретное соотношение между данной
... личности и шизофренией, — пока неизвестно.
... думать, что, по сути, здесь нет ничего общего. Просто
... интровертированные люди более восприимчивы к этому заболе-
... чем другие, поэтому у них процесс носит более ярко
... характер, так же как, например, некоторые особен-
... конституции человека явно способствуют заболеванию ту-
... . Замечу, что особого различия между интровертиро-
... здоровыми людьми и интровертированными людьми,
... психоз, я не замечал. Возможно и такое положение,
... «готовности» к шизофрении способствует не столько интро-
... , сколько затруднение в контактах с людьми, а
... оба фактора, вместе взятые. Этим вопросом детально за-
... . Просторфф.

... приводится описание *интровертированного человека*,
... характерна *способность легко контактировать с ок-*
...

... 1925 г. рожд., управдом. Ребенком был скромн, робок с ма-
... , однако с друзьями, которых было у него немало, жа-
... . Подростком в школе любил ставить в тупик учителей во-
... в восторг его соучеников. В 12 лет Ш. был направлен
... в санаторий. Здесь приходилось постоянно находиться
... : он хотел контактировать лишь с
... избранных им товарищей. Кроме того, он стеснялся
... души. К счастью, один из воспитателей его хорошо
... свое покровительство. Во время войны Ш. постоянно искал
... . Затем — пребывание в плену. Его очень
... пленных на сексуальные темы. Много играл в шахма-
... Ш. интересовал лишь после войны.

... у Ш. были особые взгляды. В 17-летнем возрасте он
... , соответствовавшую его тогдашним представлениям об
... . Он посещал ее родителей, но физического сближения с де-
... . После освобождения из плена Ш. отыскал эту девушку. Од-
... , что у него к ней какое-то рационалистическое отно-
... к ней «из принципа», и отказала ему. Вскоре после
... Ш. женился на другой, но развелся с ней: она ему изменила. По его
... не было общих интересов, а главное — жена не понимала его

... Ш. было то, что, избегая общества, он в то же время
... , что не с кем поделиться, что его считают
... . Это объясняется тем, что почти никто не понимал его личных

взглядов и идей. Еще в школьные годы он глубоко задумывался над философскими вопросами, которыми и ставил в тупик учителей. Он очень любил анализировать поступки людей, чтобы понять их характер, делал попытки разбираться даже в психологии и характере животных. Ш. интересовали также вопросы жизни и смерти. В 17 лет он прочитал много книг по биологии, чтобы приблизиться к загадке жизни, подолгу размышлял по поводу прочитанного. В плане социальном он создал свое собственное «учение», установив, что в нем следует изменить в существующем общественном порядке. Прежде всего он предлагал компромисс между капитализмом и коммунизмом, затем — отмену всех государств, переход всех народов на один общий язык. Позднее он серьезно изучал буддизм, в котором видел наиболее совершенную религию. Крайнее анство он считал своего рода бизнесом, так как оно обещает награду «за хорошее поведение», буддизм же основан на чистом стремлении к совершенству без всяких наград. Он не соглашался ни с одним политическим направлением, противопоставляя им собственные теории. Ш. дружил с людьми, отстаивавшими политические взгляды, в корне несходные с его собственными, спорил с ними, но дело никогда не доходило до возмущения, ссоры.

Во время наших бесед Ш. был приветлив, охотно отвечал на вопросы, предлагал свои взгляды всегда вдумчиво, тщательно подбирая выражения. В общении, был вполне контактен.

Не подлежит сомнению, что Ш. — личность интровертированная. Он с детства склонен к созданию различных теорий вдали от действительности. В то же время он постоянно ищет интеллектуального общения с людьми. В любой среде он находит одного-двух друзей, с которыми делится своими идеями. Его считают «одиночкой», индивидуалистом не потому, что он с трудом вступает в контакт с окружающими, а потому, что людям трудно проникнуть в суть его идей, его внутренний мир. Для окружающих был обычно непонятен, чужд. О конфликте между идеями и действительностью свидетельствует его расхождение с избранным им «женским идеалом». Ориентированный исключительно на данный «идеал», он забыл о горячем искреннем чувстве. Пытаясь со временем «из принципа» приблизиться к избранной им девушке, он натолкнулся на ее естественный протест против такого схематического решения личных вопросов. Все «принципы» Ш. смела новая страстная любовь, но финал «любви» оказался плачевным. Итак, перед нами личность, склонная к интровертированности, идущая по индивидуалистическому пути, без стремление к человеческим контактам здесь налицо.

Явная интровертированность бросается в глаза и в тех случаях, когда жажда общения особенно подчеркнута *блестящим гипоманиакальным темпераменту.*

Эвальд К., 1908 г. рожд., парикмахер. В школе учился хорошо. Испытывал желание обучаться музыке, но финансовое положение семьи не позволило этого. Как парикмахера его ценили, но ему самому эта работа через несколько лет наскучила. Он хотел испытать «что-нибудь новенькое», освоить несколько профессий, затем стал работать на почтовой автомашине. Его специальностью был мобилизован и работал всю войну. После войны снова стал парикмахером. Женился. Поздняя женитьба объясняется постоянными колебаниями в выборе будущей жены.

К. был человеком веселым, живым, в обществе всегда играл роль «комеданта». Часто развлекал собравшихся имитированием популярных артистов. Разговорчивость была очень кстати в его профессии, и как артистом он сразу нащупывал тему для общения. К. охотно мучил окружающих

Они один, и в обществе. Он играл на цитре — вальсы, народные песни. Во время бала с нами К. был всегда в хорошем настроении, разговорчив, часто отходил от темы.

Сначала К. любил побыть и один. В такие часы он много размышлял, много читал преимущественно книги по технике и по физике, где больше всего интересовался различными физическими закономерностями. Часто читал и фантастические романы. Увлекался астрономией, жизнью звезд. Думал о том, что на них приходится, населены ли они разумными существами, попадут ли на них когда-нибудь земляне. Пытался определить место человеческого индивидуума во Вселенной ко Вселенной: человек живет до 90 лет, а ведь Земле уже миллиарды лет! Он прослушал множество докладов по астрономии, записался в астрономический кружок. С астрономией связывались и его мысли о религии. Работ К. не любил, но он выращивал цветы, пользуясь справочной литературой. Охотно решал кроссворды.

Перед нами достаточно выраженный *гипоманиакальный тип* — интровертный, жизнерадостный человек, умеющий организовать вечеринку в обществе, на вечеринке. И все же его мысли обращены преимущественно не на внешнюю сторону жизни, его занимают различные внутренние проблемы. Часто он уходит в неведомые дали, отходя от обычных жизненных задач. Таким образом, гипоманиакальность, интровертность, как кажется на первый взгляд, порождает экстравертированность, отнюдь не препятствует *интровертированному образу жизни*. Однако следует четко отличать случаи, когда человек реагирует на внешние впечатления благодаря своему темпераменту от тех случаев, когда это происходит в связи с экстравертированной ситуацией, т. е. когда он живет только миром восприятия. Обе эти черты личности уживаются в одном человеке одновременно. То, что К. имел склонность к увлечению меняя тему, можно отнести за счет гипертимического темперамента к «переборчивости» в выборе невесты из-за неуверенности в правильности сделанного выбора была результатом интровертированной акцентуации.

Если интровертированность менее заметна при наличии хороших контактов с людьми или при гипертимическом темпераменте, то там где контакты с окружающими слабые, она очень заметна в глаза.

Владимир Д. 1935 г. рожд., чертежник. С детства был тихим, замкнутым ребенком. В школе всегда проявлял себя старательным учеником, получал хорошие оценки. Без особого труда прошел курс в профессионально-техническом училище. Работал добросовестно. Свободное время у Д. было всегда поглощено чтением разнообразных внутренних миром. Он издавна много читал, мог ночами читать по нескольку книг. Особенно интересовали его Ницше, Шопенгауэр и другие философы (1 часть) он знал наизусть. Увлекался астрономией, психологией. Он много занимается «вечными вопросами» — о сущности Вселенной и о сущности человеческой жизни. Некоторое время Д. пробовал свои силы в поэзии, но так и не достиг. В соответствии с профессиональной направленностью Д. очень любит рисовать, старается постоянно совершенствоваться в этом занятии, разговаривая. Всем играм он предпочитает шахматы: постоянно играет по телефону о партиях чемпионов мира, штудировать ее, анализирует, пытается предугадать, что именно привело противника чемпиона к поражению. Д. много играет со своим братом, но чаще сам с собою.

Владимир Д. много играет со своим братом и невзгодами он делится в семье и больше фактически ни с кем не делится. Уже ребенком он сидел дома и читал, когда другие дети играли во дворе, был какой-то мальчик, с которым Д. вместе гото-

вил уроки, но позже у него никогда не было друзей. В кино, в театр Д. всегда ходит один. Впечатлениями, порою критическими, он делится дома со своими родными. С девушками он никогда не контактировал: торможения Д. в основном и относились к женскому полу.

При обследовании перед нами предстал человек с весьма скупой мимикой, отечавший на все вопросы с запинкой. По свидетельству родных, Д. всегда был крайне замкнут, трудно было понять, что у него происходит внутри. Сестра его выразилась о Д. так: «С ним не расчувствуешься».

В этом случае одновременно с *интровертированностью* наблюдается и крайняя *скупость в контактах*. Д. жил только в мире своих идей. В результате он все больше отдалялся от окружающих, у него не было ни эмоциональных проявлений, ни эмоциональных потребностей, ни друзей. Дома хотя он и делился с родными, между ними всегда словно стоял невидимый барьер.

Весьма характерная картина наблюдается при сочетании *интровертированности с ананкастическими чертами характера*. Множество мыслей, возникающих при интровертированной акцентуации, рождают проблемы, которые требуют ответа, решения. Если найти решение не удастся, интровертированный человек смиряется с этим, нерешенные вопросы не становятся для него причиной постоянных терзаний. Иначе бывает в тех случаях, когда речь идет о личности педантической, о натуре, которая не может не довести дело до конца. Ананкаст не может отодвинуть от себя ни проблему, ни тягостную думу, он должен «до конца все взвесить», еще и еще раз пытаться все понять. Освободиться от вопросов, на которых сконцентрировано его внимание, он не способен. Он пробует отыскать ответ даже на те философские вопросы, которые пока еще не решены мировой наукой. В этих случаях мы сталкиваемся с картиной навязчивого мудрствования. Иногда приводим случай, где сочетаются одновременно черты интровертированности и педантичности.

Манфред С., 1937 г. рожд., слесарь. В детстве был всегда спокойным. Уроки готовил на совесть, с тетрадами, учебниками обращался аккуратно, сразу же по окончании занятий садился готовиться «на завтра». Никогда не пропускал школьных занятий. Так же пунктуален до педантичности он был и в работе. Навязчивыми мыслями страдал, еще будучи ребенком: то хотелось уколоть иголкой незнакомого человека, то он еле сдерживался, чтобы не побить школьного врача, когда тот обследовал школьников. В дальнейшем он страдал агорафобией, боялся иногда пересекать площади, переходы улицы.

С. всегда был «одиночкой». Хотя и было у него 2—3 товарища, но особенно он любил проводить время один за разными ручными работами: смастерил возок для братика, вечно чинил свой велосипед, занимался старой радиоаппаратурой, хотел усовершенствовать радиоприемник. Однажды еще ребенком он попробовал устроить в комнате красивый фонтан, используя для этого таз, и, конечно, все залил водой. Он вообще постоянно тянулся изобрести что-нибудь. Дома у себя он был «первым специалистом» по технике, исправлял электропроводку, пылесосы, миксеры. Всегда много читал (в основном техническую литературу), иногда до глубокой ночи. Он постоянно сомневался в правильности написанного, думал: «А не могу ли я внести в эту теорию что-нибудь новое?» Он мечтал о больших собственных изобретениях. Иногда появлялись и навязчивые мысли. Например, он долго раздумывал над вопросом о правильности гороскопа, хотя и знал, что верить ему бессмысленно. При чтении книг он часто задумывался над тем, прав ли автор в том или в другом

«что он за человек, этот автор». Иногда им овладевало желание определить тип, структуру личности какого-либо человека, но иногда его мучали и бессмысленные вопросы, к примеру: куда идет сейчас этот прохожий о чем он думает?

С. мало общался с людьми, но и не страдал от этого: слишком он был занят своими мыслями. В 20 лет он начал ухаживать за девушкой, но почти никогда не ходил с ней, за что она на него обижалась. Перед каждым поцелуем он постоянно размышлял. Полового сближения у них не произошло, так как С. отвлекал себя мыслями о причинах такой тягостной сексуальной аномалии. Девушка вскоре с ним рассталась.

Во время бесед с нами С. был словоохотлив, вежлив, охотно делился своими идеями. У нас установился хороший, непосредственный контакт с ним. Он прислушивался к нашим советам о том, как преодолеть трудности налаживания контактов с людьми, как бороться с тенденцией подпадать под власть навязчивых идей.

Перед нами человек *ананкастического склада*, с раннего возраста страдавший навязчивыми идеями и влечениями. *Интровертированностью* он, видимо, также отличался с раннего детства, ведь он издавна любил размышлять, его занимали мысли о прогрессе, возня с «техникой», а не игры с товарищами. Интерес к технике сохранился и позже, появилась масса книг по технике, много мыслей по этому поводу, надежда сделать свои изобретения, быть может, даже открытия. Даже в его ручных работах чувствовалась большая самостоятельность и стремление к оригинальности. Свою работу в училище на звание мастера он выполнял с отклонениями от тех стандартов, которым его обучали, вносил в нее свои собственные усовершенствования. Размышления часто переходили в навязчивые мысли. Он ставил перед собой задачи заведомо неразрешимые, может быть, сам где-то сознавал, что ими заниматься бессмысленно.

Навязчивые идеи обусловлены, несомненно, обоими компонентами его личности. Благодаря интровертированности С. отличался избытком мыслей и нескончаемыми вопросами. В силу же характерных черт ананкаста возникали навязчивые идеи. Избавиться от них обследуемый не мог, хотя разум и подсказывал ему, что эти мучительные вопросы неразрешимы.

Трудности общения с женщинами также связаны были с обоими компонентами структуры его личности: из-за интровертированности он вообще мало контактировал с людьми, характер ананкаста вызывал торможения, особенно в эротической области. А в там, где и у обычных натур бывает достаточно колебаний и неустойчивости.

Особенно любопытную картину дает сочетание *интровертированности и застревающих черт характера*. Можно было бы предположить, что у человека в таких случаях появляются предпосылки для развития «сверхценных идей»; при этом «сверхценность» поренится в паранойяльных чертах, «идеи» же исходят от интровертированности. Однако наш опыт, основывающийся на наблюдениях, показывает, что такие проявления при данном сочетании не обязательны.

Вольф К., 1939 г. рожд., радиомеханик. В школе не отставал от сверстников. Участвовал во всех их проделках, а порой даже верховодил, почему и вступал в конфликты с учителями. Со времени наступления половой зрелости контактирует с соучениками гораздо меньше. На вечеринки не ходит, алкоголя не признает принципиально. Теперь он после занятий чаще остается дома, читает книги и предается философским раздумьям. Контакт с родителями тоже стал гораздо слабее, чем раньше, о волнующих его вопросах К. говорит редко и с немногими. Конфликты с учителями бывают и теперь, но уже по другому поводу: он упорно отстаивает свое мнение. Он часто не соглашается с господствующей точкой зрения, особенно по политическим вопросам. Несмотря на это, его постоянно повышали по службе, так как К. обладает незаурядными способностями. И все же во время выпускных экзаменов он сорвался. Он желал писать сочинение по немецкой литературе в духе общепринятой традиции: «Если бы я стал излагать такие мысли, то они шли бы вразрез с моими убеждениями». Поэтому К. вообще не написал выпускного сочинения. С ним говорили, его убеждали, предлагали перенести срок написания экзаменационной работы — ничто не помогло. К., самый способный ученик в классе, в результате не получил аттестата зрелости. Он выучился на радиомеханика и стал работать. Впрочем, и на работе он нередко спорил с начальством. Однажды дело чуть не дошло до рукопашной. Родителям часто приходилось вмешиваться и «мирить» его.

Призыв в армию К. воспринял более спокойно, чем ожидали родители. К. добросовестно выполнял служебные обязанности, но от товарищей по службе держался в стороне и по поводу своих личных взглядов не высказывался. С женщинами в интимных отношениях не состоял. Одно время он был влюблен в девушку (на своем предприятии), однако так и не заметил, что она дружит с другим, пока не было объявлено о ее помолвке.

После работы он занимался собственными делами и никогда не считал себя интровертом. Читал научные, технические книги, два научных журнала по своему профилю, которые систематически выписывал. С увлечением занимался различными техническими работами — строил усовершенствованные громкоговорители по своим проектам и т. д. К. охотно совершал длинные прогулки, участвовал в охоте за голосом птиц. Часто он делал магнитофонные записи птичьих голосов, а затем проигрывал их, находясь поблизости от птиц, чтобы приманить их и записать другие, новые голоса. Он постоянно читал книги по орнитологии. По-прежнему К. интересовался вопросами политики, но с малознакомыми вообще не говорил на эти темы, а с близкими — лишь намеками. Его мнения отличались своеобразием.

В начале наших бесед К. всегда был сдержан, но постепенно становился все приветливее, а под конец был даже рад возможности «выговориться» перед людьми, которые его понимали. Несмотря на готовность включиться в разговор, он всегда немного колебался, прежде чем дать ответ: К. было трудно «выпаливать» ответы, не продумав. Мимика его также была сдержанной, при общем стиле поведения воспринималась как нечто естественное. В беседе с К. нам всегда удавалось наладить «эмоциональный» контакт.

Паранойяльные склонности у К. вырисовывались уже в детстве, когда он бывал зачинщиком школьных шалостей. Паранойяльные черты они ярко проявляются в его непримиримости, в упорстве. Наиболее выразительно эти качества проявились во время экзаменов на аттестат зрелости, когда он оказался готовым пожертвовать своим будущим, лишь бы не писать сочинения, противоречащее его собственным убеждениям. *Интровертированность* до полового созревания у К. не удается констатировать, — ведь К. тогда среди друзей в коллективе в плане ничем не выделялся. Следует подчеркнуть, что в детстве, как все черты темперамента или характера личности, проявлялись уже в детстве, с интровертированностью это далеко не исключение. Так. Как уже говорилось выше, в период полового созревания

Человек происходит переход от экстравертированности к интровертированности. Вероятно, во многих случаях речь идет о склонности, которая имела и раньше, однако полностью проявилась только теперь. Но не исключено и другое положение: интровертированность возникает там, где в детстве не было и намека на нее. Мы предполагаем, что у К. мы столкнулись именно с таким случаем. В период полового созревания он был личностью экстравертированной, контактной, но после полового созревания стал интровертированным человеком. Он отделился от людей, жил только своими интересами, обо всем имел свое индивидуальное, нестандартное мнение, вследствие чего и превращался в одиночку.

Предположение, что сочетание *застревающей и интровертированной сторон личности особенно благоприятствует параноическому развитию*, у данного обследуемого не подтвердилось. Мы не наблюдали у него постоянного углубления аффекта с идеями, ни какого-либо ущерба в какой-то определенной области. Хотя идеи интровертированного человека и могут дать пищу для усиленных параноических застреваний, но это еще не значит, что эти идеи стимулируют развитие застревания. Опыт психиатров показывает, что параноическое развитие чаще всего встречается у *гипертимических личностей*, темпераментом значительно больше напоминающих экстравертированных людей.

Рассмотрим в качестве примера *кверуляторный бред*, который представляет собой наиболее частую форму параноического развития. Несомненно, дело здесь связано с той самой *активностью*, которой не хватает интровертированной личности. Следовало бы провести специальное исследование, чтобы выяснить, как часто среди кверулянтов встречаются люди, у которых гипертимия сочетается с экстравертированностью.

Не исключено, что наличие интровертированности может «сдерживаться» определенным темпераментом. Но активность в этих условиях остается решающим фактором; без активности не могут сдерживаться те постоянные колебания чувств, которые лежат в основе развития. Нам, например, не раз приходило на ум констатировать, что кверулянты «неисчерпаемы» именно благодаря своей гипертимической деловитости, создающей все новые конфликты. Описанного же обследуемого К. никак нельзя считать «активным» человеком. Если при сдаче выпускных экзаменов он еще предстает перед нами борцом за свои убеждения, то впоследствии он уже совсем не пытался защищать идеи, хотя всегда оставался принципиальным и оставался при своем мнении.

Мы предполагаем, что если разделить всех параноиков на скрытые и явные, то скрытые параноики, которые противостоят окружающей действительности, но не делают из этого прямых выводов, предпочитают своей позиции в поступках, обладают изобретательностью и изобретают. Они могут сочетать в себе параноичность и интровертированность. У явных, открытых параноиков, такое сочетани-

Важную роль играет сочетание *интровертированной и демонстративной акцентуации*, так как оно стимулирует поэтическое дарование.

Маргит В., 1944 г. рожд., почтовый работник. В школе училась неровно: ее всегда очень стимулировали хорошие оценки, получив плохую, она сразу опускала руки. Иногда В. без причины пропускала школьные занятия. Соученики не любили ее, так как она постоянно и во всем стремилась играть первую роль. В 15 лет В. начала учиться в интернате. Обстановка в нем настолько ей не понравилась, что она через 4 недели убежала оттуда. Впрочем, в дальнейшем она чувствовала себя, как писала в дневнике, «и дома, как в тюрьме». В. начала вести дневник с 16 лет. У этого дневника был исключительно неадекватный вид, масса зачеркнутых мест, записи разным почерком, с разным наклоном букв, с разным нажимом. В дневнике кроме описания событий дня имеются довольно высокомерные замечания о родителях, есть картинки настроений: несколько, правда, патетические, но впечатляющие.

Примерно в этот период В. начала писать стихи. Она очень любила музыку и хорошо играла на аккордеоне. Рисовала В. также неплохо. Подруг у нее почти не было, большую часть времени она проводила «с самой собой». В. долго не могла выбрать себе профессию. Вначале она работала помощником стоматолога, затем устроилась на почту. Она много раз меняла и место работы: успела поработать уже в нескольких поликлиниках и в нескольких почтовых отделениях. В. меняла место работы, аргументируя это тем, что «здесь тяжело работать». В 22 года вышла замуж.

Контакт с мужчинами В. устанавливала без всякого труда. Могла выйти замуж и раньше, если бы замужество представляло для нее интерес. Она хорошо, с пользой для себя и с полным удовлетворением умела проводить время одна: интересовалась педагогикой и психологией, читала книги по этим вопросам и серьезно задумывалась над их содержанием. Еще до этого увлекалась химией, говоря, что «в химических процессах чувствуется жизнь». С ней не импонировала, она считала ее «мертвой» наукой.

В. воспринимала все повышено эмоционально. Некоторые фильмы ее очень волновали. По телевидению она предпочитала смотреть пьесы и телефильмы проблемные, ставящие перед зрителем всевозможные вопросы. По этим вопросам она любила дискутировать с матерью, с мужем, нередко отстаивала свое оригинальное мнение. Ее политические взгляды весьма резко отличались от взглядов ее среды, родителей. Ее коньком была тематика религиозного и философского порядка. Читая книги, она задавалась «проклятыми» вопросами: как образовался наш мир, наша планета, есть ли бог — и способно ли человечество обсуждать их с близкими.

В. нравились и фильмы «о заморских странах». Ее живое воображение рисовало детали увиденного, она испытывала большое удовольствие. В детстве знавалась нам: «У меня фантазия на редкость богатая, фильмы словно живут, меня самой демонстрируют». Не только фильмы, а вообще разные интересные события она часто переживала вторично — в своем воображении. С детства В. склонна была к снам наяву, к мечтаниям. Она представляла себе, что станет великим исследователем вечно актуальных вопросов жизни, что совершит важные открытия. Очень сожалела о том, что из ее исследовательской программы ничего и не получилось. Впрочем, на неприятных и печальных моментах задерживаться не любила, она умела «сбросить их с себя, как изменчивую тень». В. никогда не испытывала скованности и при публичных выступлениях. Выступая с докладом или с небольшой речью, была спокойна, уверена в себе. С ней не существовало «предстартовой лихорадки», при сдаче экзаменов она совсем не волновалась.

Контакт с В. во время бесед у нас налачился превосходный. Она никогда не была скованно, говорила свободно, охотно давала ответы на вопросы. Мимика, жесты ее были оживленными, но иногда явно утрированными.

У этой обследуемой явно отчетливо распознаются черты *демонстративной акцентуации*. С детства она стремилась быть в центре внимания.

живания, стараясь в то же время избегать неприятных переживаний, связанных со школой. Она сама говорит о способности «сбросить с себя» докучливые, тягостные мысли. В. обладает способностью вытеснять из сознания вещи, которые заставляют ее нервничать, расстраиваться.

С такой же четкостью проявляется у В. интровертированность. Как отнесется к жизни нейтрально-спокойно, все переживания глубоко затрагивают, она активно думает об увиденном и прочитанном, вступает в спор с собеседником. Хотя по образованию В. не имеет отношения ни к педагогике, ни к психологии, однако она проявляет интерес именно к этим областям, так как здесь видны близкие ей нерешенные проблемы. Из тех же соображений обращается к философии и религии.

Интересное демонстративной акцентуации с интровертированностью лежит в основе склонности В. к снам наяву. Истерики склонны к раскованному, образному мышлению. Если к интровертированности присоединяется интровертированность, то роль фантазии, фантазии в живневосприятии человека подчеркивается еще в большей мере. Все вместе взятое может оказаться основой для развития поэтического дарования. Оно проявилось и у В. в обследуемой.

В. выделил в данной книге два типа акцентуации, которые способствуют развитию артистических данных у человека: это «чувствительность эмоций у застревающих личностей» и «демонстративность» демонстративных личностей. Теперь к этим типам акцентуации я могу добавить в качестве фактора, способствующего творческую направленность личности, еще и интровертированность. Выдвигаемый тезис не ограничивается одним лишь поэтическим даром, а в равной мере относится к образительным искусствам и созданию музыкальных произведений: для всех этих видов творчества фантазия и образность являются насущной необходимостью.

ЛИЧНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Многие писатели, как известно, являются превосходными психологами. Будучи весьма наблюдательными, они обладают способностью проникновения во внутренний мир человека. К тому же их литературный дар помогает облечь увиденное и воспринятое в прекрасную языковую форму. Перед нами предстают не отвлеченные рассуждения, а конкретные образы людей с их мыслями, чувствами, поступками. Писатели не всегда, конечно, предлагают решения поставленных проблем, предоставляя свободу для различных толкований. Порой причины поведения того или иного персонажа так и остаются нераскрытыми. И все же мотивы того-либо поступка или поведения, хотя бы приблизительно, должны возникнуть в сознании читателя, в противном случае действия героев могут показаться странными, надуманными и потерять всякий психологический интерес.

Обращаясь к творчеству писателей, я, прежде всего, ищу «проблемных личностей», требующих особой расшифровки и всегда раскрывающихся однозначно. Пусть такие персонажи представляют особый психологический интерес, пусть даже безумная мысль, однако я не стремлюсь ни анализировать известные образы, ни предлагать их новую трактовку. Напротив, я стараюсь лишь извлечь из художественного творчества материал для собственного исследования, обогатить его примерами, подтверждающими мои соображения, придающими им наглядность. Я останавливаюсь лишь на тех художественных образах, которые позволяют легко определить, каким путем человек пришел к данным реакциям. Иногда писатель сам достаточно точно изображает мотивы поведения героев, иногда же эти мотивы сквозят непосредственно в речах и поступках действующих лиц. Правда, определяющие поведение мотивы (конечно, не исключено наличие и нескольких мотивов, иногда даже прямо противоположных) еще не свидетельствуют о тех или иных чертах личности, однако они объясняют позицию человека в данной ситуации. По содержанию произведения всегда можно установить, свойственны ли реакции, изображенные писателем при данных обстоятельствах, натуре человека или же эти реакции вызваны исключительными событиями, а может быть, просто надуманы.

Таким образом, многие образы художественной литературы, которые представляют особый психологический интерес, могут служить материалом для нашего исследования, ибо мотивы персонажей сложны и требуют специального толкования. Сами

ировским Макбетом мы знакомимся в момент совершения им убийства, мы слышим его последующие слова, но как именно дело шло до преступления — судить об этом Шекспир предоставляет нам самим путем собственных умозаключений. О характере Макбета, который, несомненно, сказывался еще за много лет до злодеяния, не сообщается почти ничего. Для нас ясно, что немаловажную роль в этом характере играли честолюбивые мотивы. Однако ясно и то, что в личности Макбета преобладают черты превосходности. В решающий момент страх, видимо, удержал бы его от убийства, если бы не подстрекательство леди Макбет. Святая-таки из-за постоянного страха перед чьей-то мстью он впоследствии становится кровавым тираном. С нашей точки зрения, именно так следует понимать поведение Макбета, но задумал ли сам автор эволюцию его характера именно в таком плане — этот вопрос остается открытым.

Поведение Гамлета также можно попытаться объяснить исходя из структуры его личности. В лице Гамлета перед нами личность безусловно интровертированная. Он даже друзьям весьма скупно приоткрывает свой внутренний мир. Этой чертой определяется линия его поведения, его постоянные колебания: с одной стороны, намерение отомстить за отца, с другой, его нежелание предпринять конкретные шаги в этом направлении. Об этических соображениях Гамлета едва ли приходится говорить, если уж он не задумываясь отдает в руки палача Розенкранца и Гильденстерна. Бросается в глаза склонность принца датского постоянно предаваться раздумьям. Ярче всего это представлено в знаменитом монологе Гамлета из 3-го акта, который начинается словами: «Быть или не быть — таков вопрос». Далее следует:

Так трусами нас делает раздумье,
И так решимости природный цвет
Хиреет под налетом мысли бледным,
И начинанья, вознесшиися мощно,
Сворачивая в сторону свой ход,
Теряют имя действия.

Великая склонность мыслить, взвешивать служит Гамлету помехой к принятию решений, которые диктуются конкретными фактами, иными словами, «налет мысли бледной» препятствует его активности. По-английски это место звучит так: «And thus the native hue of resolution/Is sicklied o'er with the pale cast of thought». Интровертированность не только Гамлета, но и многих людей лишает радости принятия решения.

Многие проблемные образы мировой художественной литературы могут быть раскрыты при помощи анализа структуры их личности. Однако такой цели я перед собой не ставлю, для меня представляют интерес лишь те образы, которые не требуют особого толкования, которые достаточно раскрыты самим писателем.

Если искать в художественной литературе иллюстрации акцентированных личностей, то речь может идти лишь о персонажах, вполне жизненных, хотя некоторые их черты и не лишены

известного поэтического преувеличения. Наряду с ними в художественных произведениях встречаются и характеры совсем иного типа, например, личности идеальные или персонажи, представляющие собой воплощение какого-либо принципа — зла, добра, возвышенного начала, справедливости, насилия; иногда герои книг являюся попросту глашатаями той или иной идеи. По этому поводу интересно высказывание *Достоевского* в его романе «Идиот» (с. 521):

Есть люди, о которых трудно сказать что-нибудь такое, что представило бы их разом и целиком в их самом типическом и характерном виде; это те люди, которых обыкновенно называют людьми «обыкновенными», «большинством» и которые действительно составляют огромное большинство всякого общества. Писатели в своих романах и повестях большею частью стараются брать типы общества и представлять их образно и художественно, — типы чрезвычайно редко встречающиеся в действительности целиком, хотя они тем не менее еще действительнее самой действительности. Подколесин в своем типическом виде может быть, даже и преувеличение, но отнюдь не небывальщина. Какое множество умных людей, узнав от Гоголя про Подколесина, тотчас же стали ходить, что десятки и сотни их добрых знакомых и друзей ужасно похожи на Подколесина.

Итак, по Достоевскому, в художественной литературе отнюдь не обязательно должны изображаться люди из реальной жизни, достаточно, чтобы они представляли какую-нибудь характерную жизненную черту. Будучи преувеличенной, эта черта особенно бросается в глаза, но персонаж из-за этого не перестает быть для нас подлинным, живым и чем-то близким нам человеком. Достоевский имеет в виду не только образы, созданные им самим. Он упоминает Подколесина из комедии Гоголя «Женитьба». Подколесин хочет жениться, но никак не может решиться на этот шаг. Друг убеждает его в необходимости вступить в брак, а он то приближается к решению, то скоропалительно отступает от него. В конце концов Подколесин перед самой свадьбой выпрыгивает из окна, чтобы избавиться от этой перспективы.

Конечно, многие мужчины робеют, говорит Достоевский, перед вступлением в брак, они пытаются отодвинуть окончательный шаг или даже вовсе его не делать. Но такое отношение к женитьбе остается в данном случае тем единственным обстоятельством, которое дает нам возможность почувствовать в Подколесине настоящего живого человека. Судить по этому моменту о структуре его личности едва ли возможно, ибо читателю совершенно неясно, почему он так трепещет перед женитьбой. Да и остальные черты его личности остаются в тени. Смысл героя произведения типичным вполне возможно даже тогда, когда известна лишь одна его характерная черта, встречающаяся в психологическом плане у многих людей. Но в случае с Подколесиным мы имеем дело не с личностью, — ведь кроме одной этой живой черты, все остальное в нем — пустая оболочка.

То же можно сказать и о другом примере, приведенном Достоевским. Писатель указывает на Жоржа Дандена из комедии *Мольера*, цитируя его слова: «Ты этого хотел, Жорж Данден».

«Боже, сколько миллионов и биллионов раз,— пишет Достоевский,— повторялся мужьями целого света этот крик отчаяния после их медового месяца, а кто знает, может быть, и на другой день после свадьбы!»

Безусловно верно, что некоторые мужья после медового месяца с ужасом замечают, что они попали впросак, потому что в основу будущего брака ими были положены только соображения сугубо материального порядка, но эта жизненная мудрость в трагедии *Мольера* не связана с индивидуальностью персонажа. Данден вынужден покорно сносить насмешки жены и ее родителей, ибо ему дают понять, что брак с особой дворянской крови рассматривается как оказанная ему милость. Жена нагло обманывает его. Когда же Дандену кажется, что вот она, наконец, вылезла, жена в который раз изворачивается и ведет себя как ни в чем не бывало. В конце концов Дандену приходится униженно просить прощения у жены и ее любовника за якобы несправедливые обвинения в их адрес. Если бы Данден в психологическом плане был представлен как личность, читатель (или зритель) узнал бы, в силу какой внутренней позиции Данден оказался в столь плачевном положении и почему он, теряя чувство собственного достоинства, продолжает терпеть. Но об этом драматург ничего не говорит. И снова наблюдаем ту же картину — характерные реакции в характерной жизненной ситуации как бы не принадлежат живому реальному человеку, а попросту помещены в пустую оболочку.

Остановимся теперь на образах художественной литературы, которые психологически выписаны более тщательно, а, может быть, и задуманы как специальные психологические этюды. В этих случаях усиливается не одна какая-либо жизненная черта в ее проявлениями, а изображается человек в целом, который мыслит, чувствует и действует. Однако те или иные индивидуальные черты данных героев не только гиперболизированы, они также искажают действительность. Если необычная линия поведения героя выходит за пределы жизненных реакций, мы не можем ни прочувствовать такого поведения, ни сочувствовать такому герою: его поведение несовместимо с объективной действительностью, и мы психологически отрицаем его.

Например, в «Ироде и Мариамне» *Гиббеля* Ирод дважды издает распоряжение о том, что Мариамна должна быть убита, если он не вернется живым, так как она не должна стать женой другого мужчины. Между тем Мариамна, еще ничего не зная об этом распоряжении, поклялась покончить жизнь самоубийством, если узнает о гибели Ирода, которого глубоко любит. Узнав о его распоряжениях, она до такой степени возмущена и оскорблена, что возводит на себя ложное обвинение. Когда Ирод возвращается, она притворяется, что изменила ему, с тем чтобы тот приговорил ее к смерти.

Если бы такая ситуация в принципе была возможна, она, несомненно, представляла бы огромный интерес. Но едва ли мож-

но вообразить себе нечто подобное: невинная любящая женщина идет на смерть, чтобы в такой форме сохранить свое достоинство и наказать мужчину, который поправил его. Ведь к смерти тут ведет принцип женской чести и женского достоинства, а не принцип отвлеченный: мы не видим гнева живого человека, самолюбие которого задето.

Точно так же в «Бранде» Ибсена принцип оказывается выше всяких уз человеческих. Ригоризм такого масштаба, как у Бранда, его принцип «все или ничего», выходит за пределы психологически мыслимого. Изображение столь крайних позиций для психолога едва ли приемлемо еще и потому, что чувства, существующие у любого человека помимо этих крайностей, не принимаются писателем в расчет или, во всяком случае, недооцениваются. Бранд отрекается от матери, жертвует женой и ребенком. В «Кукольном доме» Ибсен как бы не замечает того, как привязана каждая женщина к дому, особенно к детям. Если Нора покидает мужа и троих маленьких детей, которых горю любит, потому лишь, что на нее всегда смотрели как на женщину-куклу — это опять-таки можно понять исключительно как принцип, но не с точки зрения психологии. Правда, тот факт, что муж в час ее испытаний думает только о себе, о своей чести, тогда как Нора в тяжелые для него минуты в мыслях всегда была с ним, проливает некоторый свет на ее решение. Однако даже при этих условиях о материнской любви, о долге матери не так уж просто женщине позабыть.

Назову еще один пример — Ифигения из одноименной драмы Расина. Драматург может сколько угодно убеждать нас, что Ифигения с глубочайшей любовью и с необыкновенно развитым чувством долга относится к своему отцу, но психологически невозможно себе представить, чтобы девушка, которая по преданию отца должна быть зарезана на алтаре одного из богов, могла говорить (с. 180):

Отец, предательства не бойся; / Ты повелишь, и буду я послушна / Глаза моя принадлежит тебе. И если смерть / Избрать должна я, то достаточно тебе / лишь приказать. Спокойно и с удовлетворением во взоре, / Как быда, когда меня соединял с супругом ты, / Я положу главу на камень жертвенный / Испугаюсь, когда Калхаса меч ее отрубит. / Я буду благодарна за удар, / нанесут его по твоему велению / И так исполнится мое предназначенье.

Когда читаешь эти слова, понимаешь, что драматург изображает не живого человека, а опять же принцип, принцип безоговорочного повиновения детей отцам, проповедовавшийся в древности. Прообразом Ифигении Расина служит Ифигения Еврипида. У Еврипида Ифигения произносит такие же высказывания и психологически неправдоподобные слова, но они здесь в большей мере относятся к отцу, они обращены прежде всего к отцу и к родине — Элладе (с. 187):

Ради отечества и всей Эллады / Себя готовно в жертву предать. / Поведут меня / К богини алтарю и там как жертвенного агнца / Зависит от того потребовали боги.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ С ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВОЙ БЕЗ ВЫДЕЛЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Часто писатели меньше уделяют внимания психологии своих героев, чем *событиям*, которые должны быть необыкновенными, невероятными, эмоциональными, поучительными и т. п. Случайности и невероятности психологического порядка в определенных литературные эпохи совершенно не смущают читателя и не удивляют его. Они являются им как вещи самые обыкновенные. Так, например, «Новеллы» Сервантеса, который показал себя выдающимся мастером в «Дон Кихоте», изобилуют грубейшими психологическими натяжками и неправдоподобными деталями, нисколько не удивлявшими читателей его эпохи. Неправдоподобные психологические ситуации нередко встречаются и у *Дона де Вега*.

В XIX в. в художественной литературе стали господствующими течения — реализм и натурализм, положение несколько изменилось, но натяжки психологического порядка все еще представляются в изобилии. Внешние перипетии сюжета продолжают играть немаловажную роль. По сравнению с необычностью самих событий индивидуальность героя как бы отступает на второй план, ни его характер, ни поступки не отличаются своеобразиями. Если даже герой и вмешивается в происходящее, то его реакции ничем особенным не примечательны. Это реакции, свойственные в подобном положении любому человеку: герой страдает, борется с тяготами жизни, ищет выхода из создавшегося положения, когда к нему приходит счастье, старается удержаться за него, насладиться им сполна.

В других случаях реакции персонажей художественного произведения не столь общи. Герои могут оказаться, с моральной точки зрения, людьми добрыми или недобрыми, могут быть замкнутыми, обладать выдержкой, но могут обнаружить нерешительность, нерешительность; могут быть замкнутыми и, наоборот, очень откровенными, некоторые предстают перед нами жестокими и бесцеремонными, другие чутки, всегда готовы предложить руку помощи и т. д. Но линии поведения каждого из них определяются авторами, читателю предлагается как бы определенный образец доброты, энергичности и т. п. Истинную психологическую основу повествование обретает лишь в том случае, когда автор более четко обосновывает особенности поведения героя, т. е. либо всесторонне показывает нам необычную индивидуальность, либо изображает эволюцию — процесс развития данной индивидуальности.

Часто писатели оставляют открытым вопрос, почему герои ведут себя именно так, а не иначе, отражается в поведении определенная структура личности или попросту так обстоят обстоятельства, как принято говорить, такова судьба. В крайних однозначных проявлениях характера может возникнуть вопрос, как и по какой причине они возникают. Например,

герой новеллы *Сервантеса* «Ревнивый эстремадурец» невероятно ревнив. Он принимает всевозможные меры, чтобы изолировать свою юную жену от внешнего мира. Остается, однако, непонятным, почему он стал таким ревнивым, ибо кроме этого голого факта о нем почти ничего не известно. Конечно, поскольку он стар, а жена его молода, можно понять, что он склонен к ревности, тем более, что ревнивцем был всегда и именно поэтому слишком поздно женился. Но почему именно он был всегда столь склонен к ревности и почему по отношению к жене дело дошло до того, что он запер ее, как в гробнице, в доме, где велел замуровать все окна, Сервантес ничего не говорит. Он сделался целью изобразить до крайности ревнивого человека, который, несмотря на все свои варварские ухищрения, все-таки оказывается обманутым, только лишь это интересует автора. Это вовсе не психологический вопрос — как человек доходит до таких поступков.

Поскольку психологические подробности остаются в тени, часто бывает неясно, не мог ли этот герой оказаться совсем другим, т. е., возможно, он лишь в данной частной ситуации реагирует подобным образом. Так, например, почему Альбрехт сын герцога в романе *Гейбеля* «Агнесса Бернауэр» ведет себя иначе чем другие аристократы? Лишь потому, что он полюбил благородную девушку из бюргерского сословия? Быть может позднее, уже не будучи влюбленным, Альбрехт станет таким же, как и его отец, для которого положение в обществе значит больше, чем жизнь ни в чем не повинной женщины? А может быть, он по натуре другой человек? Мы этого так и не узнаем, ибо писателя интересует лишь фактическая, а также социальная сторона вопроса, т. е. конфликт между человечностью и жестокостью родственной необходимостью, влияние такого конфликта на душу человека. Реакции личности не занимают его. Что касается Агнессы, то ее реакции вообще не представляют особого интереса. Она без ума влюбляется в Альбрехта, соглашается стать его женой, — все это более чем понятно с человеческой точки зрения. В дальнейшем к драматическому финалу Агнессу толкают обстоятельства, в которых она сама ничего не может изменить: она является не более чем любящей женщиной, которая, не будучи ни в чем виновной, должна взойти на эшафот.

Нередко писатели описывают *внутреннее душевное состояние* своих героев, возникающее как реакция на те или иные события бытия. Такое описание носит взволнованный характер, и писателей глубоко трогает судьба литературных героев. Рассматривая развитие фабулы под «внутренним» углом зрения, писатель может свести фактические события к одной лишь рамке, которую как бы вставлено основное — мысли, желания и чувства человека. Так построена большая часть произведений *Достоевского*, особенно его описания настроений. Писатели рассказывают тем самым, что они способны к сопереживанию, но не к анализу.

изложения психологическим в истинном смысле слова у нас нет оснований, поскольку внутренняя жизнь действующего лица изображена здесь в общем плане, в ней не находят отражения моменты сугубо индивидуального характера.

Писатели, изображая душевную жизнь героя, склонны обращаться к его глубоким чувствам — показать его в большом горе, в радости. Цель их — вызвать искреннее сочувствие к своему герою. Но они часто не стараются убедить нас в том, что герой, действительно, испытал столь тяжкие страдания или что он был в самом деле несказанно рад. А между тем изображенные им объективные события часто не объясняют подобного накала чувств. И читатель лишен возможности сопереживать с героем, наоборот, относится к нему скептически: нет, право, для такой бурной эмоций вроде и не было достаточных оснований! Массе детовых романов, обращенных к «чувствам», присущ именно этот недостаток, в силу чего они становятся *сентиментальными и слащавыми*. Следует заметить, что чем более возбудимы эмоции читателя, тем меньше он воспринимает данный дефект, тем искреннее он захвачен чувствительными картинами такого рода. Поэтому такие романы и рассказы гораздо охотнее читаются в юности (особенно в отрочестве), чем в более зрелом возрасте. Бывает, что рассказ, который сильно растрогал нас, когда мы читали его в молодости, способен вызвать даже раздражение, когда приходится читать его через много лет. Существенную роль играет чрезмерная читательская чувствительность в детском возрасте, когда ребенок до слез захвачен трогательной историей в детях. Впрочем, в последнем случае следует учитывать и неадекватную развитость критического подхода к прочитанному в детском возрасте.

Порой не чувства, а мысли героя, связанные с событиями, становятся самодовлеющими: этими мыслями выражаются то общепринятые суждения, то личные взгляды героя, а иногда и личные взгляды самого писателя. Последнее особенно ярко сказалось у Толстого. Вторая часть эпилога к роману «Война и мир» занимает свыше 50 страниц подобных рассуждений писателя. У Музиля в рассуждениях буквально утопает само действие. В его романе «Человек без качеств» действующие лица ведут бескончаемые разговоры о всевозможных проблемах, интересах, позволяющих понять события той эпохи, однако не имеющих ровно никакого отношения к развитию сюжета. Иногда это даже не разговоры, а лишь мысли главного героя романа Ульбрихта, мысли о морали, религии, свободе, любви, счастье, экстазе, политике, национализме, либерализме, пацифизме, преступности, гениальности, душевной болезни. Безусловно, можно утверждать, что те герои художественных произведений, которые постоянно и интенсивно мыслят, относятся к интровертированным личностям, но все же правильнее было бы отнести эту характеристику к самому писателю. Он часто даже не старается выносить свои мысли в уста героя, а предлагает их как свои соб-

ственные. Поэтому ниже, там, где речь будет идти об интровертированности, я не стану анализировать музилевского Ульриха; я предполагаю использовать для анализа лишь таких героев, которые своей интровертированностью существенно влияют на ход повествования.

Во многих литературных произведениях можно наблюдать как различные повороты событий вызывают *неожиданные и своеобразные реакции* героев. Они внезапно начинают вести себя совершенно не так, как можно было бы ожидать по их предыдущему поведению. Лицо, поступавшее непорядочно, вдруг обнаруживает добрые стороны своей натуры, человек мягко-сердечный оказывается выдержанным, сильным, человек грубым и бесцеремонным — нежным, и все эти метаморфозы происходят потому, что того требуют неумолимые повороты сюжета. Например, герои *Вальтера Скотта* постоянно преподносят нам неожиданные речи и поступки. Так, Равенсвуд, главный герой «Ламмермурской невесты», преисполнен неумолимой гордыни и думает лишь об одном, — как бы сохранить честь рода Равенсвудов и отомстить за отца. Однако это не мешает ему с интересом следить за охотой, которую устроили его враги на тех самых полях, которые еще до недавнего времени принадлежали ему. Столкнувшись со своим злейшим врагом — лордом-хранителем печати, Равенсвуд смотрит на него с таким мрачным гневом, что окружающие даже опасаются, как бы он не застрелил лорда. Не проходит немного времени, и Равенсвуд приглашает лорда к себе в гости, а затем и сам отправляется к нему. Иногда резкие повороты следуют у Вальтера Скотта друг за другом необыкновенно быстро. Так, у одних и тех же персонажей жестокая вражда внезапно переходит в искреннюю дружбу, мужчины хватают мечи из ножен и в одно мгновение убеждаются в том, что ярость их была необоснованна. Отношение Равенсвуда к своему верному слуге Калебу (тот постоянно придумывает всякие небылицы, чтобы скрыть, что его господин обеднел) какое-то двойственное: с одной стороны, он видит обман слуги (да это невозможно не увидеть), с другой стороны, он позволяет ему весьма примитивным образом водить себя за нос. Так, Равенсвуд верит, слуге, утверждающему, что родовой замок Равенсвудов объят пламенем, на самом же деле это пылает костер во дворе замка. Когда Равенсвуд хочет приблизиться к замку, слуга удерживает его очередной ложью: погреба замка якобы завалены порохом, и каждую минуту все вокруг может взорваться.

Изменения в реакциях героев у Вальтера Скотта мы наблюдаем и там, где фабула вовсе не требует таких психологических поворотов.

Чрезвычайно изменчивой, например, представлена Эффи в романе «Эдинбургская темница». Сначала это избалованная девица, которая позволяет овладеть собой грубому и жестокосердому человеку. Когда ее новорожденный ребенок вдруг «исчезает», Эффи понимает, грозит смертная казнь. К казни Эффи выносятся

очень противоречивое отношение: то она умоляет свою сестру дать ложное показание, которое могло бы спасти Эффи от смерти, то она намерена стойко принять кару, отказавшись от подготовленного ее возлюбленным бегства из тюрьмы. Во время суда она испытывает отчаянный страх, и когда в зале суда появляется ее сестра, кричит: «О, Дженни, спаси, спаси меня!» Но давая Эффи держит себя с достоинством, а после объявления приговора суда о смертной казни через повешение даже обращается к присяжным заседателям с чем-то вроде наставления: «Да простит вас бог, господа. И не сердитесь за то, что скажу вам: все мы нуждаемся в прощении. Что касается меня, то вправе ли я упрекать вас? Вы вынесли такой приговор, какой совесть вам подсказала». Через много лет мы встречаем Эффи светской дамой, утопавшей в роскоши.

Непоследователен и образ соблазнителя Эффи, пресловутого бандита и убийцы Робертсона. Он слывет на редкость ловким хитрецом, но так нелепо ведет себя во время рождения ребенка, что новорожденного похищают у него из-под носа, хотя он и дал слово «все устроить». После смертного приговора, вынесенного Эффи, Робертсон готов пожертвовать жизнью, чтобы добиться ее помилования. Однако приносимая в жертву жизнь — это жизнь преступника, за поимку которого назначено вознаграждение. «Пожертвовать жизнью» Робертсону мешает падение с лошади, но, по всей видимости, травма ноги не столь уж серьезна, так как во время разговора, происходящего в тот же день с его женой, он живо вскакивает с постели. Казалось бы, что невозможно спасти Эффи от страшной смерти должна была бы потрясти ее возлюбленного, однако он вообще не заводит об этом речи, хотя при разговоре присутствует ее сестра. Вместо этого он начинает пространно рассказывать о своей жизни, о том, как он попался до бандитизма. Это свидетельствует о полной бесчеловечности Робертсона, который должен был бы испытывать благодарность к Эффи, и горькое раскаяние за причиненные ей страдания. Позднее происходит моральное перерождение Робертсона, женой которого он становится сэром Джорджем Стаунтоном. Впрочем, по слухам, он, став сэром Англии, по-прежнему весьма страшен, жена дрожит при одном его взгляде. Но вот он посещает Эдзбург, где было в свое время совершено самое тяжкое его преступление. Внезапно он приходит в ужас от своих прежних деяний, от вида тюрьмы, которую некогда хладнокровно штурмовал. Во время посещения тюрьмы он испытывает приступ острой слабости, головокружение. Спутники вынуждены отвести его в соседний дом, чтобы он пришел в себя и успокоился. На обратном пути он несколько раз возвращается мыслями к визиту в Эдзбург и всякий раз почти теряет сознание, так что приходится делать в пути одну остановку за другой.

След Эффи, Девис Динс, религиозный сектант, непоколебимо верен своей секте. Его отношение к Эффи двойственно: оно колеблется между искренним сочувствием и резким осуждением.

Упомянем также Лэрда Дамбедайка, влюбленного в Дженни. Из-за беспомощности и робости он никак не может признаться ей в любви, хотя и не спускает с нее влюбленных глаз. Это повторялось изо дня в день, из года в год, но смелости объяснить он так и не обрел никогда. Во всем остальном он также неловок и нелеп. Дженни про себя называет его «болваном». Однако этот застенчивый и даже не совсем как будто умственно полноценный человек одновременно превосходно наладил хозяйство в своем имении и умудрился сколотить приличное состояние.

Все это говорится для того, чтобы показать, как свободно иногда обращаются писатели с таким понятием, как *цельность личности*. Такой недостаток мы наблюдаем даже у мастера создания акцентуированных личностей, *Иеремии Готхельфа*. Примером может служить образ дядюшки Ганзли из его романа «Ганз Йоггели, кум с наследством», к которому мы еще вернемся. Дядюшка Ганзли, этот грубый, не владеющий собой горлан, впервые предстает перед нами в личине лицемерного льстеца (с. 390):

Братец Ганзли, этот барин с ног до головы, грубый и ограниченный, умелый, наглый и хитрый там, где речь шла о крупных денежных кушах, приближался к усадьбе с лицом, дышащим злобой, как у самого дьявола.

Тяжело толая, он направился к конюшням, где приказал немедленно складывать лошадей, и при этом сбрую взять нарядную. Затем он с гордым проследовал в дом, где схватил кнут и выездной кафтан. Погоняя лошадей, стал вдруг усиленно думать, что случилось с ним не часто. Дело в том, что он пришел в голову — раньше он над этим как-то не задумывался — что ведь он не женат, а Бебели не замужем, и что Бебели стала теперь богатой наследницей, и что если уж с завещанием ничего сделать не удастся, то зато будет дело выгорит с самой девушкой. И в конце концов, не все ли равно, каким путем, лишь бы прийти в итоге к имению Недлебоден. Недлебоден — это вот что главное! И вдруг дядюшка Ганзли весь вывернулся как перчатка, известной элегантностью открыл дверь в гостиную, где он надеялся увидеть Бебели и в самом деле увидел ее. И с бесстыдством человека, для которого существует то, о чем он сам же заявлял всего несколько часов тому назад, подошел к ней, протянул руку и от всей души пожелал ей счастья. Тут же вставил, что считает ее достойной наследницей и что покойный братец уж давно знал, в чьи руки отдает свое добро, а Бебели, конечно, заслужила такое свое счастье терпением и кротостью.

Так Ганзли относится теперь к девушке, которую он раньше поносил последними словами. И текут сладкие речи, которыми он надеется завоевать расположение Бебели.

Что ж, понятно, что человек старается загладить впечатление, вызванное его грубым поведением. Представ в невыгодном свете, он изо всех сил пытается смягчить ситуацию и для этого ему не перестраивается. Однако *эпилептоидный психопат* не может внезапно стать *психопатом истерическим*, даже если этого требуют соображения личной выгоды. Не может он вдруг обрести жить незаурядные актерские способности, не дано ему «сменить нуться как перчатка». Но, может быть, у нас есть основания думать, что смотреть у Ганзли *обе* упомянутые черты личности? Нет, и такое предположение не решает проблемы: те возбудимые черты, которые одновременно являются демонстративными, все же являются тяжеловесными и проявляют даже в истерическом

известную грубоватость. Эти люди могут при желании показать себя и добродушными, и заслуживающими доверия, но никогда не разыграют роль льстеца так тонко, с таким мастерством и таким изяществом, как это описано у Готхельфа.

Смех не может всегда быть одинаковым. Однако в основе принципиальной перестройки поведения всегда лежат глубокие причины. Речь, например, может идти о психическом развитии, которое вызвано течением внешних событий. Такое развитие для психиатра представляет особый интерес. Но, например, в «Тимоне Афинском» Шекспира мы не можем говорить о развитии личности, а лишь о ее надломе, который с психологической точки зрения непонятен. Вначале Тимон кажется нам человеком, добрым и добросердечнее которого трудно себе представить. Он постоянно полон дом гостей, он готов одарить всякого, кто к нему подойдет. Получая подарки, он воздает подарившему. Так постепенно он растрчивает огромное состояние. Сначала прежде увивавшиеся вокруг него, покидают обедневшего в долгах Тимона, и никто не хочет одолжить ему денег. Понятно, что такая неблагодарность возмущает до глубины души, но объективно немислимо, чтобы столь великодушный человек, как Тимон, стал бы неистовым кликушей, презирающим не только фальшивых друзей, но и всех афинян, посылая им головы страшные проклятья (с. 283):

В последний раз взгляну на город свой!
Стена, раз ты волкам оградой служишь,
Рассыпья и не защищай Афин!
Матроны, станьте шлюхами; вы дети,
Почтение к родителям забудьте.
Рабы и дураки, с постов свергайте
Сенаторов морщинистых и важных
И принимайтесь править вместо них.
Цветущая невинность, окунись
В грязь и разврат, распутницей бесстыдно
В присутствии отцов и матерей.
Банкрот, держись, не возвращай долгов,
Хватай свой нож — режь глотку кредиторам!
Слуга надежный, грабь своих господ;
Хозяин твой надежный — тоже вор,
Но покрупней и грабит по закону!
Ложись в постель к хозяину, служанка:
Его жена распутничать пошла.
Ты, сын любимый, вырви у отца
Увечного и дряхлого костыль,
И голову ему разбей...

Такое резкое изменение личности, конечно, нельзя объяснить только действиями судьбы, которые пришлось испытать Тимону. Такое могло быть только душевное заболевание. А может быть, Шекспир хотел создать образ душевнобольного человека: в «Тимоне» Алемант, который, судя по его репликам, сам не был душевнобольным, здоров, говорит Тимону: «Да ты глава всех проклятых!».

В «Тимоне» мы встречаем картину параноического развития личности, которую мы встречаем в «Отелло» Шекспира, а также в

повести Клейста «Михаэль Кольхаас». К этому вопросу мы еще вернемся.

Здесь вкратце остановимся на двух персонажах из повести «Деньги и душа» Готхельфа, которые являются примером развития, но говорить здесь о параноическом синдроме нет никаких оснований. Двое супругов после ряда материальных потерь и всевозможных разногласий начинают все больше чуждаться друг друга. До этого они вели довольно мирную совместную жизнь, теперь же изводят друг друга явными и скрытыми упреками, затем оба начинают раскаиваться, доводя таким образом друг друга до состояния аффекта. Взаимная вражда, которая лишь кое-как прикрыта внешне, все нарастает. Такое развитие можно сравнить с распространенным бытовым явлением, с так называемым *колебанием тещи*, при котором за начальным этапом довольно милого сосуществования следует нарастающая враждебность сторон. Аффект возникает в силу того, что повседневные разногласия, которые чаще всего связаны с вмешательством тещи в дела молодых супругов, постепенно переходят во враждебные отношения, в которых обе стороны поочередно то побеждают, то терпят поражение. Эти «колебания маятника» ведут к постепенному нарастанию аффекта, в конечном итоге появляется глубокая ненависть. Человек, настроенный в общем-то мирно, может стать агрессивным спорщиком. Развитие не имеет места в тех случаях, когда при разногласиях одна из сторон полностью доминирует, так что борьба как таковая вообще немыслима. У стороны угнетаемой — независимо от того, будет ли это теща или невестка — спор не порождает ситуации аффекта, даже если эта сторона испытывает настоящие страдания. То, что в психиатрии называют патологическим развитием всегда возникает на почве *«аффекта раскачивания»*. Впрочем, развитие в широком смысле слова можно усматривать в тех случаях, когда человек все больше приспособляется к внешним воздействиям, например, в зависимости от положения становится все более робким или, наоборот, добившись большой власти, делается надменно-неприступным.

Когда по ходу повествования в поведении героя наблюдаются принципиальные изменения, мы впадаем в соблазн усмотреть наличие развития, в узком или широком смысле слова, но остановившись глубже, убеждаемся, что основания для этого отсутствуют.

Например, образ Нана из одноименного романа Золя. Вначале у нас создается впечатление, что Нана — падшая женщина, которая под влиянием развития ведет себя все более необузданно-распутно. Однако, присмотревшись внимательнее, мы убеждаемся, что между различными стадиями ее поведения нет связующих психологических мостиков. Начинается все с того, что Нана — актриса, и актриса бездарная. На публику она воздействует преимущественно своей наготой. Она становится любовницей крупного банкира, он дарит ей особняк с роскошным садом. Она приходит в восторг от свалившегося на нее богатства, с блещет

Жизнь женщины «из низов» она взирает на старую герцогиню, живущую по соседству. Вскоре она знакомится с семнадцатилетним юношей, в котором принимает близкое участие, вначале словно материнское, затем между ними возникает сексуальная связь. Одно время она живет в крошечной квартирке вместе с каким-то новым другом, тот постепенно становится ее сутенером. Она боготворит его, безропотно сносит брань и любые издевательства, после побоев любит «друга» еще сильнее. В этом периоде жизни Нана является проституткой самого низкого пошиба, из тех, что стоят на углу и зазывают мужчин. Между прочим она попадает и в круг гомосексуалистов. Проходит немного времени, — и вот мы уже видим Нана любовницей графа Мюффа. Она живет в великолепном дворце с массой слуг, с собственным парадом. В блеске окружающего ее богатства Нана становится на некоторое время властительницей дум светского Парижа. Если раньше в ней было хоть какое-то добродушие, искренность, то теперь она ведет себя крайне бесцеремонно, ни с кем и ни с чем не считаясь. Она изменяет графу со множеством других мужчин, заставляя его мириться с этим. Она, как вампир, высасывает деньги из Мюффа (а попутно и из других мужчин). Те же, у которых деньги кончились, подлежат изгнанию. Несмотря на безмерные доходы, Нана всегда в долгах: ей нужно все, что может сделать ее блеск еще более ярким. Одно время Нана находится в сфере гетеросексуальных и гомосексуальных страстей. В конце концов она становится бесчувственной и беспощадной фурией, которая обращается с мужчинами, как с рабами, с собаками, избивая их, попирая ногами и бесстыднейшим образом заставляя отдавать ей последний грош. Несколько человек из-за нее разведены, один попадает в тюрьму: чтобы удовлетворить ее прихоти, он присвоил банковские вклады. Семнадцатилетний юноша из ревности закалывается ножом на ее глазах. Под конец она на некоторое время становится содержанкой русского князя. Вернувшись в Париж, она погибает от оспы.

Трудно было бы усмотреть во всех этих личинах, в которых Золя заставляет пройти перед нами свою героиню, цельную структуру личности, эволюция которой представляет собой психологически подкрепленное развитие. Впрочем, Золя и не ставит перед собой цель показать путь такой личности: он изобретает Нана такой, какой она, по его замыслу, должна представлять в различных стадиях своей биографии.

Другие персонажи романа не столь изменчивы, как его главная героиня, но они и не проявляют никаких индивидуальных реакций. Они, пожалуй, могут быть примером того, как часто в художественной литературе «судьба играет человеком», сам же он остается инертным в ее «лапах».

Золя задумал проиллюстрировать своим романом определенный психологический тезис: если сексуальные потребности в человеке развиваются до патологической степени, то они способны сметать любые социальные и личные преграды. Все люди, по-

коренные эротичностью Нана, являются лишь пассивными жертвами ее страсти. Золя недоучел, на мой взгляд, что различные индивиды, даже охваченные влечением одинаковой силы, все же по-разному поддаются или вступают с ним в борьбу, по-разному реагируют на грозящую им опасность. У Золя же все любовники Нана покоряются ей безоговорочно, внешние проявления угнетения оказываются одинаковыми. Конфликт между личностью и влечением у большинства мужчин вообще не возникает. Правда, в душе графа Мюффа мы наблюдаем внутреннюю борьбу, но она связана не с особенностями его личности, а с его религиозными убеждениями.

Как заметно страдает психологическая убедительность художественного произведения, когда развитие персонажей личностно кажущееся и не коренится в цельности личности, я хотел бы показать на примере романа, который подтверждает эту мысль гораздо убедительнее, чем «Нана» Золя. Я имею в виду один из романов Бальзака. Бальзака часто причисляют к романистам-психологам, да он, возможно, и хороший психолог, поскольку хорошо понимает людей и способен блестяще описать отдельные их характерологические черты. Однако образы его не обладают цельностью личности, героев отличает чистая смена реакций. Реакции же представлены такими, какими нужны автору для осуществления его сюжетного замысла, для того, чтобы помочь созданию придуманных им ярких ситуаций, а не глубокому показу психологии. Собственно, автора мало трогает, насколько поступки героев оправданы, как они согласуются с их предшествующими реакциями. Проанализируем детально одно из самых знаменитых произведений Бальзака роман «Тридцатилетняя женщина».

Жюли, главная героиня романа, — девушка очень жизнерадостная, даже в день своей свадьбы она шалит напропалую. В сцене, которую я имею в виду, Бальзак несомненно хочет подчеркнуть все еще свойственную его героине детскую резвость. Однако трудно себе представить, чтобы даже совсем юная девушка, полурубенок, выходя замуж, в день свадьбы могла допускать такие нелепости, как Жюли. Разве что в структуре ее личности содержится элемент веселости не совсем нормальной:

— Отец не раз пытался поубавить мою веселость, потому что я слишком бурно выражала свою радость, а это считается неподобающим, и мою готовню истолковывали в дурную сторону именно оттого, что в ней не было ничего дурного. Чего только не вытворяла я с подвенечной фатой, с платьем и цветами. Вечером меня торжественно повели в спальню и оставили одну. Хотела стала придумывать, как бы мне ко всему еще посмешить и подразнить отца.

Через год после свадьбы Жюли становится совсем другим человеком. Она восклицает:

— Чувства мои застыли, мысли мертвы, жизнь стала невыносимо тяжелой. Душу наполняет страх, он замораживает чувства, парализует волю. Нет у меня голоса, чтобы пожаловаться, нет слов, чтобы выразить мои мучения.

Когда Жюли пытается передать свои страдания в письме к подруге, «голова ее падает на грудь, как у умирающей». Ее

которой она поверяет свои тайные муки, говорит ей: «Бедное дитя, брак был для тебя цепью непрерывных страданий...» Читателю хочется узнать, что же произошло с молоденькой женщиной после брака, и вновь ему приходит на помощь тетка:

— Девочке, ангел мой, ты обожаешь своего Виктора, но ты предпочла бы быть его сестрой, а не женой; брак для тебя оказался сплошным разочарова-

нием. Можно предположить, что Виктор в сексуальном отношении считал себя грубым пошлым развратником, но это едва ли возможно, так как он любит свою Жюли «до безумия». Очевидно, причина кроется в чем-то ином. Виктор не удовлетворяет Жюли как человек. Еще до брака отец так характеризовал его:

— Виктора я знаю: он весел, но не остроумен, весел по-казарменному, он ленив и расточителен. Это один из тех людей, которых небо сотворило для того, чтобы они четыре раза в день плотно ели и переваривали пищу, спали, и первая попавшаяся красотка и сражалась. Жизни он не понимает. По отношению к сердечной — а сердце у него доброе — он, пожалуй, отдаст свой кошелек какому-нибудь бедняку или приятелю; но он беспечен, у него нет той осторожности, которая делает нас рабами счастья любимой женщины; но он невежлив, эгоистичен...

Теперь мы можем понять, что Жюли была жестоко разочарована, и это опять-таки странно — ведь она любила именно тот блестящий блеск, который был характерен для Виктора. Возникает вопрос: она потеряла вкус к этому блеску? Но тогда, видимо, все ее вкусы коренным образом изменились, — ведь она тяжело страдает из-за наличия того, что раньше ей так нравилось. Однажды Жюли, носящая несколько болезненный характер, была разочарована. Узнав, что муж ей изменяет, она опять становится совершенно другим, новым человеком:

Она решила бороться с соперницей, оболестила Виктора, вновь появлялась в обществе так, как будто бы она не могла чувствовать, затем, пустив в ход всевозможные козни интрижки и подчинив мужа своей воле, вертеть им, как делают это женщины, которым приятно мучить своих любовников.

Она вдруг постигла, что такое вероломство, лживость женщин, не ведающих любви, постигла, как обманчиво и как чудовищно их коварство, которое порождает у мужчины глубокую ненависть к женщине и внушает ему мысль, что она порочна от рождения.

По Бальзаку, впавшей в глубокую меланхолию женщине достаточно принять подобное решение, чтобы превратиться в кокетливую светскую львицу. Внезапность такого превращения специально подчеркивается Бальзаком.

Затем Жюли увенчалась полным успехом:

Она словно внезапно овладела всеми пошлостями, которые применяют сушители, неспособные любить: тут и кокетливо-томная покорность, и обман, и притворство, словом, целая система отвратительных приемов, которыми достигаются лишь ненависть мужчин к подобным женщинам и возмущение такой женщиной, как они считают, порочностью.

Востановленных, наполненных изысканными и красивыми дамами, Жюли одерживает победу над графиней. Она была остроумна, оживлена, весела, и вокруг нее собрался весь цвет общества. К великому неудовольствию женщин туалет она была безупречен; все завидовали покрою ее платья и тому, как сидит на ней

корсаж,— это обычно приписывается изобретательности какой-нибудь немой портнихи, ибо дамы предпочитают верить в мастерство швеи, нежели верить в изящество и стройность женщины.

Психологически вряд ли мыслимо, чтобы тонкая, склонная к меланхолии женщина вдруг стала отчаянной кокеткой, лишь потому, что она так решила. Так же психологически несовместима страстная любовь Жюли к лорду Гренвилю и ее патетический отказ стать его возлюбленной: при истинной любви так не бывает.

— Милорд,— сказала Жюли, притрагиваясь к его руке,— прошу вас охраните ту жизнь, которую вы мне вернули, чистой и незапятнанной. Наши дороги расходятся навсегда.

Величественно глядя на лорда, она заверяет его, что остается верной женой своего мужа. Преданность ее мужу отныне будет безгранична, но все же она всегда будет жить при нем «одной». Пафос Жюли представляется тем более неискренним, тем более вычужденным, что мы впоследствии узнаем о ее нарушении столь торжественного обещания. Следует подчеркнуть еще раз, что притворный пафос и искреннее чувство психологически несовместимы.

После смерти лорда Гренвиля, пожертвовавшего жизнью ради спасения Жюли, с нею происходит очередное превращение. Она вновь напоминает нам маленькую Жюли после первого года супружеской жизни. Правда, теперь для глубокой печали есть основания, однако эта печаль принимает болезненные формы и длится слишком долго. Уезжая в свое имение, Жюли сидит, кинувшись на спинку тарантаса, «как смертельно больная». Она живет в полном одиночестве, отказывается принимать гостей. Жюли решает ждать конца здесь, в этой комнате, где недавно умерла ее бабушка.

Чувства ее не увяли, не зачахли, а словно окаменели под влиянием невыносимой и нескончаемой боли. Местный священник после нескольких дней с нею убедился в том, что состояние ее в самом деле ужасающее. Несмотря на весьма доброжелательное отношение к Жюли, он роняет разительную фразу: «Да, сударыня, вы правы: для вас лучше было бы умереть».

Но если здесь еще можно почувствовать цельность личности, хотя бы в «цельности страдания», то в отношении Жюли в детстве и в раннем возрасте мы сталкиваемся с новым вариантом ее личности. Как и в детстве, девочке она холодна и абсолютно равнодушна, даже видеть ее не хочет. Когда ребенок обращается к ней с вопросом или с просьбой, Жюли прогоняет ее прочь. Как же объясняет это Барнетт? Никак. Он ограничивается тем, что несколько раз задает Жюли риторический вопрос: «Не страшны ли, не чудовищны ли решения, что заглушили голос материнства в женщине столь молодой?»

Под влиянием еще одного мужчины, который становится ее возлюбленным, с Жюли снова происходит полнейшее превращение. Она переживает идиллию на лоне природы с двумя маленькими детьми, из которых первая — нелюбимая дочь — от мужа, вторая же — горячо любимая — от друга. Куда девалась ее жестокость, ее личавшаяся столь строгой моралью? Теперь она безмятежна.

и нежничает со своим возлюбленным у всех на виду. Как странно, что муж ничего не подозревает, хотя восьмилетняя дочь все замечает и смотрит на мать со скрытой враждебностью.

По ходу дальнейшего повествования мы с Жюли уже почти сливаемся. Она изображена в кругу семьи, все с тем же мужем и уже с четырьмя детьми. Но продолжение ее истории начинается уже в сугубо приключенческом духе, видимо, в духе «бульварных» романов, которые автор писал в юности. Тут мы видим убийца, ищущий убежища от преследователей в доме Жюли, а роковая любовь с первого взгляда к нему старшей дочери Жюли, а пиратское судно, начальником которого становится Жюли, и сцены жестокой расправы с пленниками на палубе, в которой как молодая жена, дочь Жюли (у нее тоже уже четверо детей), физически прохладается в каюте, и нападение пиратов на корабль, на котором путешествует Жюли с мужем и с детьми, и уничтожение всех пассажиров, кроме Жюли с любимой. Апофеозом романа является полная резиньяция Жюли.

Рассуждается, психологический роман не обязательно должен опираться на своих страницах акцентированных личностей. Цельность личности должна быть хоть в какой-то мере сохранена. В анализируемом романе эта цельность нарушена самым очевидным образом. Поведение Жюли в разное время не только непоследовательно, что еще можно было бы объяснить изменившимися обстоятельствами, а, возможно, и патологическим развитием, но и противоречиво. И Нана еще можно было сделать попытку отыскать «психологические мосты», которые могли «связывать» ее внутренние противоречия. У Жюли это вообще исключено. Сначала она столь действительна, что повседневная супружеская рутина доводит ее до болезни, до отчаяния. Непосредственно после этого она становится одна из самых блестящих и уверенных кокеток высшего света, с которой не может сравниться ни одна женщина. На смерть близкого друга она реагирует чрезвычайно безразлично, в то же время не проявляет никакой чуткости к умирающему ребенку, неестественно холодна к нему. Под конец романа Жюли наслаждается жизнью, открыто обманывая мужа и близкого. Хотя в романе есть много ценных наблюдений над современным обществом, хотя его страницы свидетельствуют о жизни людей, однако думается, что такое пренебрежение целостности личности психологически недопустимо.

В романе «Тридцатилетней женщины» я мог бы привести и ряд примеров из романа Бальзака, чтобы продемонстрировать резкие перемены в структуре личности его персонажей. Особенно показателен Вотрен, который изображается в нескольких романах Бальзака, нередко на протяжении даже одного романа Вотрен предстает иным человеком.

В романе «Бетси» (из одноименного романа) такие метаморфозы в характере Вотрена не происходят: вся ее жизнь подчинена

одному-единственному страстному желанию — отомстить сестре к которой она постоянно испытывает ревность и зависть. Однако метаморфозы личности имеются и здесь, только Бальзак придает им особую форму, как бы объединив в кузине Бетте две различные личности. Она тайком принимает меры к тому, чтобы бросить честь семьи своей сестры, чтобы пустить эту семью в миру, но одновременно является добрым ангелом семьи, ее хозяйственницей. Когда Бетта умирает, сестра с детьми и внуками стоят у ее смертного одра, все присутствующие в слезах, скорбят о ней, как о благодетельнице и святой. Не исключено, что особенно талантливый истерик и мог бы в течение долгого времени играть в жизни такую двойную роль, но, судя по опыту, Бетта полностью лишена истерических черт. Однако это еще не все. Бетта предстает перед нами еще и в третьем образе: девушка из простой семьи, работающая в Париже много лет и зарабатывающая этим на жизнь, она умудрилась отпугивать помолвку с маршалом Франции и вот-вот станет графиней. Только неожиданная смерть графа препятствует взлету Бетты на вершину тогдашнего светского общества. Между тем в ее поведении не говорит об утонченном расчете, об интригах; напротив, кузина Бетта ведет себя достаточно грубо, прибегая к самым неуклюжим маневрам.

С большим правом, чем Бальзака, можно назвать психологом немецкого писателя *Жана Поля* (1763—1825), который глубоко проникает в особенности человеческих реакций. Ничего у Жана Поля не всегда бывает соблюдена цельность личностного Позволю себе несколько подробнее коснуться его известного романа «Зибенкэз». Здесь мастерски показано, как на почве материальной нужды и бытовых трудностей полностью распадается брак. Мы видим, что супруги, в силу различного отношения к бытовым неполадкам, все чаще ссорятся друг с другом по ничтожным мелочам, постепенно начинают друг друга не только раздражать и после очередной ссоры испытывают все возрастающую взаимную ненависть.

В это развитие вплетается весьма любопытный, с точки зрения психиатра, факт: *внешние раздражения воспринимаются им с особой силой по той причине, что человек сосредоточен на своих ожиданиях*. Так, шум на улице и на лестнице не раздражает Зибенкэза, но малейший шорох, производимый женой при уборке квартиры, выводит его из себя. Жан Поль пишет: «Достаточно было ей сделать пару шагов, чтобы он уже почувствовал приступ бешенства: этот звук всякий раз душил пару его хороших мыслей» (с. 179). После разговора с мужем жена выполняет машинную работу почти бесшумно: «Она перелетала из комнаты в комнату, шепотом, как паучок» (с. 160). Но Зибенкэз почти не улавливает звуков, остается на протяжении длительного времени в ожидании того, когда же «послышится шум»: «Вот уже час ты сидишь как ты ходишь на цыпочках; лучше уж топай в деревню, где тебя побьют железом, право, лучше не старайся, ходи как обычно».

...» (с. 160). Жена выполняет и эту его просьбу, ходит обычной походкой. Но как бы она ни ходила, Зибенкэз все равно сосредоточен на ее шагах, а не на своей работе. Тогда «Линетта решила прибегнуть к хитрости: не делать никакой работы по дому, пока Зибенкэз сидит за столом, пишет; дождавшись паузы в работе мужа, она с удвоенной энергией принимается орудовать щетками и ве...» (с. 194). Но Зибенкэз вскоре раскусил эту тактику «полезной работы». И ожидание Линеттой пауз в работе мужа делало его больным, а его идеи — бесплодными. Ситуация достигла кульминации в тот момент, когда Зибенкэз кричит Линетте, чтобы она не выжидала его «интервалов», а лучше сразу убила...

... так, как это описано у Жан Поля, возникает обычно... ожидания. Непрерывное ожидание чего-либо обостряет... Общеизвестно раздражающее действие капающей... хочется спать. Если бы засыпающий начал считать... капли, то он сначала включился бы в «результативное»... и постепенно уснул бы. Подобный же ход намечается... когда человек примиряется с фактом: все равно капли... всю ночь. Но когда ожидаешь, что капание прекра... , беспокойно ворочаясь, надеешься на это, каждая... капля приносит новое разочарование, именно такие... способствуют возрастанию эмоционального напряжения. Эмоциональное напряжение может усиливаться и по другому по... человек понял, что капанье не прекратится, но... : встать ли, чтобы закрутить кран, или уж махнуть... и остаться в постели. Подобным образом Зибенкэз... к тому, что будет делать его жена. Жан Поль... описал в своем романе течение данного развития. Линетты поведение мужа, конечно, непонятно. Она... , почему живущий по соседству мальчик, который... дилкает весь день на скрипке, не мешает ему... диссонансами, в то время как она, Ли... даже тихонько подметая пол.

... вежливо разбирается в различных типах поведения... лучше знает самих людей. Линетту он называет хо... машиной и механической метлой. Ее сугубо... не покидает ее и тогда, когда речь идет о чув... в безгородных. Никогда Зибенкэзу не удастся зара... энтузиазмом любви» — так, чтобы она за... свете: под градом его поцелуев она считает... городской башне или прислушивается, не выки... . Она способна прервать пение псалма воп... на ужин. А однажды, когда Зибенкэз читал... свою проповедь о смерти и вечности, она... фразой: «Левый носок не надевай, пока я не...».

... образ Линетты весьма характерен, такого ти... На редкость пластичной делают эту молодую

особу не акцентированные черты характера или темперамента сами по себе, а мастерство Жана Поля как художника слова.

Сам Зибенкэз обнаруживает во многих ситуациях чрезвычайно любопытные с психологической точки зрения реакции, но одновременно мы наблюдаем у него и ту совершенно необоснованную изменчивость поведения, о которой я говорил выше. С одной стороны, он — чувствительный мечтатель, жестоко страдающий из-за примитивности эмоциональной сферы своей жены, с другой стороны, он сварливый, вечно раздраженный супруг, отношение которого к жене далеко от чуткости и теплоты. Его чувство к Натали чрезмерно сентиментально, даже экзальтировано, в то же время он способен на грубый обман и жульничество (исторически когда он притворился умирающим, а затем и мертвецом, с последующими ложными похоронами). Вряд ли один человек может носить столько личин. Справедливости ради следует отметить, что в роли, исполняемой в данный момент, — будь то сварливый супруг, романтический любовник или наглый обманщик — Зибенкэз абсолютно правдив и искренен. Можно утверждать, что по глубине, которая свойственна Жану Полю при описании человеческого поведения, он безусловно писатель-психолог. Однако некоторые персонажи его не совсем реальны.

Отвечая на вопрос о том, есть ли среди персонажей Жана Поля акцентированные личности, мы должны были бы назвать прежде всего своеобразного «практикующего врача и анатомического профессора Каценбергера», если бы только существовали реальные люди в действительности. Однако этот образ порожден, собственно, юмором Жана Поля или, как писатель сам когда-то признался, он попросту решил в этом случае «поозорничать». В лечении профессора являются всякого рода уродства: зажимать восемью ногами, шестипалые руки. Ему хотелось бы, чтобы и у родной дочери было какое-либо уродство (с. 49):

— Но,— говорит он, обращаясь к ней,— к сожалению, прости, я хотел бы знать к счастью, твоя мать последовала тезису Лафатера, авторитетного врача, что обычно те матери, которые во время беременности болели, производят на свет уродца, рожают самых красивых детей.

Каценбергер пошел бы и на то, чтобы вступить в брак с уродом, если его нельзя приобрести для коллекции за более высокую цену. Чрезвычайно странные вкусы у профессора по отношению к паукам. В подвале одной гостиницы, где ему пришлось задержаться, он усиленно ищет пауков, чтобы полакомиться ими. Он рассказывает, что его разрыв с невестой произошел из-за того, что она в его глазах «разделал и съел» майского жука.

В обществе он блещет дикими и дурашливыми высказываниями. Например, одной старой деве он советует «не закрывать грудь», но тут же добавляет: «Впрочем, все это вы знаете, вы кормили? Признавайтесь, — скольких выкормили?» Любопытное занятие профессора — во время еды заводить речь об уродствах. Если о человеке с обезьяньим хвостом, то ли о жене...

которой «расположился» двенадцатипалый мужчина. В компании не мог рассказывать о женщине, у которой стул был возможен при одном условии: для этого ей надо было начать безудержно смеяться. На банкетах профессор любил говорить обо всем, что вызывает физическое отвращение. Например, он пространно разговаривал о чистоте слюны, указывая, что, несмотря на это, никто не в состоянии выпить даже пол чайной ложки слюны.

Таков портрет профессора Каценбергера. Бесспорно, он — личность акцентуированная, но лишь в разрезе фантазии писателя, а никак не в рамках действительности, реальной жизни. Однако при говорить о психологизме анализируемого произведения бесспорно, в романе нашли отражение и жизненная мудрость, и большое знание Жаном Полем людей, несмотря на шуточные и смешные преувеличения. Но не такой психологизм в первую очередь привлекает внимание во второй части моей книги.

Общаясь подробнее на другом образе Жана Поля, несомненно, представляющем собою акцентуированную личность, на примере проповедника Шмельце.

Говоря об акцентуированных личностях, не могу обойти молчанием и такого художника слова, как *Вильгельм Раабе*, у которого много общего с Жаном Полем. Однако странности, бросающиеся в глаза у многих чудаковатых персонажей Раабе, не вытекают органически из тех или иных черт личности, а прилагаются к различным лицам без внутренней связи, иногда как бы искусственно пристегиваются к ним. Например, тетушка Шлотерман в романе «Голодный пастор», ничем не выделяясь, являясь вполне здравой и даже практичной особой, на улице постоянно встречается с покойниками». Сам «Голодный пастор» в моменты гнева был мечтателем, в чем походил на своего отца, но мы сталкиваемся с ним в тот период, когда он лишился этого романтического ореола, напротив, строит свою жизнь на весьма практических началах. Что касается лейтенанта Гейда, то можно было бы вначале принять его за грубого гипоманиакального, но позднее мы видим, как он заботливо относится к племяннице, так он чувствителен и даже сентиментален с нею (а эти черты гипоманиакалу вовсе не свойственны). Гипоманиакальный лейтенант Геда сказывается, пожалуй, в постоянных отступлениях от основной, логической линии в его рассказах, в манере подробно останавливаться на никому не нужных подробностях.

Такая же особенность свойственна, впрочем, многим персонажам Раабе, а отчасти и его собственной манере повествования. Например, Мастер Автор в одноименной повести на протяжении 22 страниц рассказывает о своем младшем брате, прежде чем перейти к непосредственной цели своего визита — завещанию в счет завещания брата. Его рассказ то уводит читателя то возбуждает излишними деталями, хотя в складе мышления не заметна ни гипоманиакальная, ни эпилептоидная

Многих чудаковатых персонажей Раабе можно было бы отнести к интровертированным, но чудачества их связаны настолько со своеобразным ходом мыслей, сколько со странностью поведения. В особенности это относится к Квериану из повести «Госпожа Саломея», о мыслях которого читатель так ничего и не узнает, однако поражается его более чем странному поведению. Сам Мастер Автор несомненно является интровертированной личностью, у него мы встречаем много философских рассуждений о жизни, о смерти, однако бросается в глаза, что он не развивает конструктивных концепций, а главным образом критикует образ жизни окружающих.

Вероятно, основной целью Раабе было просто создать галерею людей необычных, ибо он весьма охотно говорит о своих персонажах как о глупых чудаках или блаженных, иногда там, где для этого как будто нет оснований. Вельтен Андреас в повести «Летописи Птичьей слободы» после смерти матери ведет себя, пожалуй, как душевнобольной: он немедленно сжигает и раздаривает кому попало все ее вещи, к которым был всецело привязан. Но Раабе наделяет его эпитетами «глупец», «заменимый чудак и фантазер», «идиот Андреас», «сумасшедший» и т. п. еще в период его пребывания в школе, когда он проявляет не более чем мальчишескую шаловливость или отсутствие интереса к занятиям.

В своих высказываниях многие персонажи Раабе часто обнаруживают глубокую мудрость, которая трудно вяжется с их родом деятельности. Например, в «Шюдерумпе» самым мудрым из персонажей оказывается Яна Варвольф, занимающаяся торговлей галантереей вразнос. Крестьянин, по прозвищу «Фаршированный пирог», говорит как филолог с классическим образованием. Он смутно помнит, что во время оно окончил гимназию (правда, оставшись несколько раз на второй год), однако много лет крестьянствует, и это вряд ли могло не отразиться на строе его речи. Его жена Валентина тоже ничем не отличается от крестьянки, а говорит, как образованная дама из высшего круга.

В общем следует сказать, что многие обладающие индивидуальными странностями герои художественной литературы, у которых можно было бы предположить акцентуацию, все же не позволяют создать о себе четкого суждения, ибо писатели не позволяют в чем же корни их своеобразных черт.

Возьмем *Карло Гольдони*. В своей комедии «Господин в шляпе» он выводит двух мужчин, тип которых не столь уж редок встречается в реальной жизни. Оба в семье чувствуют себя ничтожными владыками, требуют, чтобы жены постоянно им служивали, но сами несколько не интересуются судьбой своих жен, считают зазорным их стремление привнести в дом надежду драгоценности. Они категорически запрещают своим женам даже самые скромные развлечения вне дома, домашние театры считают для порядочного человека позором.

они держат на положении рабов, они не только сами решают, с кем дочь или сын должны соединиться узами брака, но не разрешают им до бракосочетания даже посмотреть на своих су-

Получая одну лишь голую информацию о таком поведении героя, не зная его истоков, мы лишены возможности отнести действующее лицо к определенному типу акцентуированных личностей: может быть, перед нами своеобразные черты застреленные, а может быть, изображаются личности педантические, которые знают, какими путем, какой тщательной и выработанной системой можно уберечь членов семьи от несчастия. Возможно, речь идет о лицах совершенно бесчувственных, холодных и равнодушных к переживанию близких, о лицах, не знающих иных ценностей, кроме как поесть и поспать, а может быть, такие герои просто люди крайне консервативные и ограниченные, погрязшие в патриархальных «домостроевских» традициях. Сам материал произведения не позволяет нам провести нужную дифференциацию, поэтому о данных персонажах мы не можем говорить как об акцентуированных личностях, так как их поведение и отличается рядом любопытных особен-

В комедиях часто встречается еще и другой тип людей — чрезмерные себялюбцы, которые всю жизнь только и делают, что любуются собой. Всем бросается в глаза их напыщенное поведение. В качестве примера можно назвать графа де Роккамонте из комедии Гольдони «Веер». Хотя граф является обедневшим аристократом и, собственно, сам нуждается в помощи, он повсюду назойливо рекламирует себя как «влиятельного лица», протекцию которого всем было бы полезно себе обеспечить. Обращение «ваше благородие» Роккамонте не преминет направить на «ваше высокоблагородие»; к другим аристократам граф обращается со словами «достойный коллега по сословию» и очень любит говорить «мы, дворяне...». Приглашение пойти вместе в трактир он охотно принимает, но заплатить за обед не позволяет с таким видом, словно оказывает особую милость забывшему.

Однако и здесь драматург не касается корней поведения персонажа, опять-таки остается проблемой, чем руководствуется граф: может быть, он охвачен типичной для истерика потребностью самопроявления? Или он чрезмерно честолюбив и просто преследует дешевую цель для удовлетворения честолюбия? Возможно, он крайне ограничен интеллектуально и поэтому не замечает, как смешны его напыщенные манеры. Наконец, быть может, такой всему нелепое воспитание, сделавшее Роккамонте надменным, спесивым человеком? Все эти вопросы остаются открытыми, поведение графа не выходит за рамки сюжета комедии и поэтому не позволяет отнести его к тому или иному типу акцентуированной личности. Само по себе поведение Роккамонте комично, но и нужно автору, причины же его не интересуют.

Выше говорилось, что существует немало хороших психологических романов, в которых вообще не выведены акцентированные личности. Это положение убедительно подтверждается творчеством величайшего психолога среди романистов Л. Н. Толстого.

Герои романов Толстого отличаются друг от друга не индивидуальности, а как типы. Типичный чиновник, типичный офицер, типичный кутила, типичная мать, типичная светская дама — вот что в первую очередь можно сказать о действующих лицах его больших романов. В «Анне Карениной» Кити является типом молодой, только что вышедшей замуж женщины, которая подходит к вставшим перед нею задачам с практическим оптимизмом. Ее сестра Долли — тип заботливой многодетной матери, считающей, что удел ее как женщины — увядание, в то время как ее муж остается цветущим, вечно молодежавым Степаном Облонским. Мать Кити и Долли — тип матроны, озабоченной лишь тем, как бы пристроить дочерей. Каренин, муж Анны — тип сухого чиновника, чувства которого спрятаны под непроницаемым панцирем. Сводный брат Левина — тип односторонне образованного ученого: у него отсутствует объективное восприятие мира, события расцениваются в свете предложенной им самим субъективной научной схемы. Второй брат — опустившийся в социальном и моральном отношении человек, но читателю ничего не сообщается о том, как он дошел до такого состояния.

Впрочем, в этом же романе выведены и две явно акцентированные личности, обе отличающиеся гипоманиакальностью. Это уже упомянутый Степан Аркадьевич Облонский и — в большей степени — его друг Васенька Веселовский, который сначала ухаживает за Кити, а потом и за Анной. Оба они — нерадостные весельчаки, всегда готовые посмеяться, пошутить, беспечные, добродушные и несколько бестактные. Впервые Толстой задумал воплотить в обоих тип прожигателя жизни, с этой целью обратился именно к гипоманиакальным личностям, среди которых прожигателей жизни весьма много.

Сам Левин, кстати, представляет собой весьма своеобразную индивидуальность. Его отличают глубокая искренность и стремление к справедливости. К этому присоединяется наличие собственного мнения по любому поводу, особенно по вопросам религиозного характера. Все это позволяет усматривать в нем черты интровертированности. Однако, попадая в Москву, Левин ведет такой же поверхностный образ жизни, как и все люди, принадлежащие к его общественному кругу. В деревне он является образцовым помещиком. Толстой и здесь отнюдь не ставит целью показать мир идей человека, исходя из структуры его личности. Видимо, он стремится изложить сами идеи, первоначально этическое, а позднее подчеркнуто религиозное содержание. Но эти идеи берут свое начало не в личном духовном мире Левина, а механически приписываются ему. В сущности же речь идет об идеях самого Толстого.

Нет оснований относить к акцентуированным личностям даже главных героев этого романа. Анна Каренина, которая в наиболее тяжелых конфликтных ситуациях изображена с величайшей психологической глубиной, как личность ничем особенным не примечательна. Это типичная представительница тогдашней элиты, которая до зарождения чувства к Вронскому не выделяется среди других представительниц своей среды, хотя она, конечно, и обаятельнее их, и более непреклонна в решениях. Разрешение конфликтов в жизни Анны объясняется не особенностями ее личности, а скорее тем, как чисто объективно сложилась ее судьба. Что касается Вронского, то он был человеком, который прекрасно «вписывался» в повседневный ритм жизни людей высшего света. Вначале он испытывает чувство личной гордости: ведь он соблазнил очаровательную женщину, а не еще замужнюю. Позднее он достаточно достойно держит себя в тяжелых конфликтных ситуациях, на которые жизнь и судьба его не поспешила, но черты акцентуации личности у него вообще не наблюдаются.

Весьма типичны члены семьи Курагиных из романа «Война и мир». Князь Василий — это яркий тип светского человека. Лживый, хитрый, не без доли лукавства, он в любом кругу находит не только правильную линию поведения, но и обеспечивает ему прямую выгоду. Уверенная манера «лабиринтовать» в светском свете роднит его с Анной Павловной Шерер. Все пожелания сына князя Василия, Анатоля, устремлены непосредственно к радостям бытия. Толстой определяет его как «прожигателя жизни». Его называют также «Магдалиной мужского пола», которой «много простится, ибо она много любила». Дочь князя Василия Элен — тип светской львицы. Своей красотой, уверенностью и поверхностной болтовней она прикрывает свойственную глупость. Типичны также и другие образы романа. Борис Друбецкой — офицер, карьерист, посвятивший жизнь тому, чтобы преуспевать на военной службе. Ханжество его матери, Анны Михайловны, связано, пожалуй, с известной истеричностью, но в целом она все же типичная вдова, для которой единственный сын стал и единственным смыслом жизни. Графиня Ростова — воплощение образа матери. Она, как птица, распростерла крылья над детьми, причем постоянно питает более сильную любовь к тому из двух своих сыновей, который в данный момент больше нуждается в ее заботах и сочувствии. Княжна Марья, дочь чудаковатого князя Болконского, оказывается весьма выразительным типом. Мужчины на эту некрасивую девушку вообще не смотрят. Чтобы заполнить зияющую пустоту жизни, она ищет утешения в религии, набожность ее доходит до фанатизма. После смерти отца и с началом ее любви к Николаю Ростову Марья как личность становится совершенно незаметной. Отца ее, старого князя Болконского, безусловно, можно бы отнести к категории ярко акцентуированных личностей, если бы его поведение не выходило за пределы психи-

ческой нормы. Старый князь фактически находится на грани тяжелого психического заболевания, на что неоднократно указывает и сам Толстой.

Его сына, князя Андрея, одного из главных героев «Войны и мира», трудно определить, так как его поведение на протяжении романа неоднократно меняется. Вначале он «хочет славы», что, впрочем, проявляется лишь в словах; позднее князь начинает философствовать в глубоко пессимистических тонах. Некоторое время он думает навсегда остаться в деревне, но затем его снова пробуждается интерес к большой политике. Страдая от неверности Наташи, он держит себя сухо и с чувством превосходства, а мысль простить ее «холодно и зло» отвергает. Возвратившись в армию, князь Андрей приветлив со своими офицерами и солдатами, но полон ненависти, пренебрежения к людям, в кругу которых вращался раньше. Совершенно неуживается с его обычной замкнутостью и сдержанностью то, что перед великим сражением прямо кричит о своих взволнованных чувствах, даже его голос при этом становится «тонким, писявым». Князь Андрей предьявляет целый ряд тяжелых обвинений войне, считает, что к врагам, развязавшим эту войну, нельзя проявлять рыцарские чувства, что пленных брать вообще не надо, а захваченных в плен солдат «убивать и идти на смерть». С этими аффективными реакциями князя Андрея на события на фронте военных действий трудно согласуется тот факт, что незадолго до этого он принимал действительность, смиренно смирно коряясь судьбе, а вся жизнь казалась ему бессмысленной. Именно поэтому вольно вспоминаешь об описанных Кремером шизоидных личностях, которые постоянно находятся между полюсами эмоциональной холодности и чрезмерной чувствительности. Однако если подходить с такой точки зрения, то князя Андрея, точно так же, как и его отца, старого князя Болконского, придется отнести к людям с психическим отклонением. В недели, предшествующие смерти князя Андрея от ранения, мы еще раз сталкиваемся с этими крайностями его поведения: он испытывает блаженство от сознания «любви к ближнему, любви к своим врагам». Но в то же время свою сестру, которая приехала, полная тревоги, утешить его, он встречает отчужденно, смотрит на нее «холодным почти враждебным взглядом». Холоден он и к Наташе, к которой незадолго до этого вновь устремился было с любовью в дом. Толстой объясняет эту холодность князя Андрея все усиливающейся отрешенностью от жизни.

Типическим среди персонажей «Войны и мира» является также образ «немца» Барклая де Толли, который появляется на страницах романа несколько раз. Упомянув о четкости и последовательности тех немецких генералов, которые находятся на службе в русской армии, Толстой приводит чрезвычайно интересное в психологическом отношении сравнение, которое показывает, что хваленая немецкая основательность для русского человека не всегда приемлема. Князь Андрей говорит (с. 185):

—Барклай де Толли не годится теперь именно потому, что он все обдумывает очень основательно и аккуратно, как и следует всякому немцу. Как бы тебе сказать... Ну, у отца твоего немец-лакей, и он прекрасный лакей и удовлетворяет всем его нуждам лучше тебя, и пускай он служит: но ежели отец твой умрет, болен, ты прогонишь лакея и своими непривычными, неловкими руками станешь ходить за отцом, и лучше успокоишь его, чем искусный, но чужой лакей. Так и сделали с Барклаем. Пока Россия была здорова, ей мог служить Барклай, и был прекрасный министр, но как только она в опасности, нужен свой, русский человек.

Большое впечатление производит изображение Толстым не только типических персонажей, но и типических ситуаций — вечернего приема в высшем свете Петербурга или Москвы, обеда в кругу семьи, веселой пирушки беспечных молодых людей, собрания, совещания офицеров, беседы солдат у лагерного костра и т. п. О психологизме Толстого свидетельствует то, что он больше внимания уделяет самим событиям, чем поведению людей на их фоне, тому, как эти люди ходят, жестикулируют, как разговаривают между собой. Типично в таких ситуациях, во-первых, некоторое единообразие поведения, проявляющееся, например, в том, что все действующие лица принимают одинаковое участие в поверхностной болтовне, из уст в уста передаются слухи и те же сплетни; во-вторых, писатель располагает тут возможностью выделить на общем фоне и типических персонажей, подчеркивая типичность их манер, реплик. Например, в I томе «Войны и мира» описывается обход фронта верховным главнокомандующим, поведение при этом командира полка, его офицеров и солдат. По сути все такие официальные военные обходы изображены друг на друга, ничего необычного, нового читателю Толстой не сообщает, но никакой другой писатель не мог бы с таким блеском изобразить именно эти типические детали.

Но если уж кто из героев романа не типичен, а, напротив, исключительно индивидуален,— так это Пьер Безухов. Впрочем, и его мы не имеем оснований рассматривать в плане акцентуации личности, ибо его личностное своеобразие для Толстого куда менее важно, чем нравственное очищение, которое происходит с ним в протяжении романа. Пьер переживает ряд важных внутренних изменений, мотивируемых, однако, не психологическим развитием, а целью, которую преследовал писатель, создавая этот образ: показать процесс облагораживания человека.

Пьер, достигнув двадцатилетнего возраста, должен подумать, куда поехать, о будущем роде занятий, но ничего в этом направлении он не предпринимает, слоняется по разным сборищам золотой молодежи, пьет, участвует в отчаянных проделках, подстраивает всевозможные каверзы. В светском обществе он неуклюж, неумел. Он сам себя характеризует как человека безвольного. Иногда он дает слово никогда больше не ходить в некую «определенную компанию», но в ту же ночь нарушает слово и тут же оправдывает самому себе разные оправдания. Сидя у постели умирающего он засыпает. Пьер вызывает на дуэль любовника женой, предварительно ничего не продумав, не взвесив,— под влия-

нием чистейшего импульса. В припадке ярости он угрожает разможжить жене череп тяжелой мраморной доской, затем швыряет доску на пол.

Нетрудно прийти к заключению, что перед нами эпилептоидный психопат, об этом может как будто свидетельствовать массивное неуклюжее телосложение Пьера. Однако в дальнейшем с ним происходят серьезные метаморфозы. И опять-таки Толстой не показывает нам, каким образом, под влиянием таких переживаний с Пьером происходит психологически понятное перерождение (заметим, что эпилептоидные типы, ведомые своими влечениями, вряд ли способны на подобное перерождение). Толстой применяет совсем иной метод: на пути к нравственному совершенствованию у Пьера обнаруживаются совсем новые черты личности. И лишь добросердечие, присущее Пьеру с самого начала, сохраняется как его характерная индивидуальная особенность. Доброта — единственное, в чем он остается верен себе до конца.

В масонской ложе Пьер начинает фанатически бороться за победу добродетели над пороком, за нравственное возвышение рода человеческого. Религиозное начало в его поведении проступает теперь еще ярче, он чувствует себя грешником и пишет дневник, изобилующий обращениями ко всевышнему и цитатами из библии. Здесь, я полагаю, нецелесообразно напоминать о том, что многие больные эпилепсией (но не эпилептоиды) отличаются религиозностью. Кроме того, у эпилептиков отмечается религиозность чистой воды, у Пьера же наблюдается большая примесь покаянного начала. Вскоре Пьер отходит от религиозной сферы, начинается период возмущения лживостью людей и лицемерностью общественных систем. Отсюда — прямой путь к размышлениям над смыслом жизни. Возникает желание повести войну как общественное явление. Среди фронтовиков он пребывает в штатской одежде, они смотрят на него с крайним изумлением. Интерес Пьера обостряется во время сражения. Он внимательно, иногда с улыбкой следит за событиями, даже тогда, когда вокруг него под рвущимися пушечными снарядами гибнут люди. Чувство страха ему в эти моменты, видимо, совершенно чуждо. Но вот, совершенно внезапно, он, «обезумев от страха», бежит по полю боя. Когда французы начинают приближаться к Москве, Пьер не в силах разобраться в обрушившейся на него лавине мыслей и чувств. В состоянии крайнего возбуждения, близкий к помешательству, как подчеркивает Толстой, Пьер принимает решение убить Наполеона. Вскоре Пьер попадает в плен. После этого он вынужден пройти вместе с французами часть ужасающего пути их отступления, в этот-то и происходит его окончательное очищение, которое и приводит его «к вере в живого, всегда ощущаемого бога». Теперь он больше не рассуждает, а только верит (с. 534):

Прежде разрушавший все его умственные постройки страшный вопрос: чем? теперь для него не существовал. Теперь на этот вопрос — зачем?

он всегда готов был простой ответ: затем, что есть бог, тот бог, без воли ко-
го не спадает волос с головы человека.

После «очищения» Пьер как личность становится бесцвет-
ным. В эпилоге романа он глава патриархальной семьи, пользуется
всеобщим уважением и находится под башмаком у жены.
Правда, кроме семьи в его жизни существуют еще и цели идей-
ного характера, однако изменений в структуру его личности они
не вносят.

В очищении Пьера, в его христианском просветлении удает-
ся распознать черты, которые некоторое время спустя прояви-
лись у самого Толстого. В лице Пьера писатель безусловно хо-
тел показать не своеобразность личности, а представить этапы
становления собственного мировоззрения. Подтверждением этой
идеи может служить и вторая часть эпилога романа: Толстой
двигает в сторону всех своих литературных героев и на про-
тяжении 50 страниц только излагает свои философские и науч-
но-исторические взгляды. С подобным подходом мы уже стал-
кивались при описании Левина в «Анне Карениной».

Однако все философские рассуждения романиста меркнут
перед психологическим значением его творчества. Разумеется,
это психологическое значение нельзя сводить к яркому изобра-
жению типического. Истинного психологического величия пи-
сателя достигает тогда, когда он проникает в глубины душевных
движений героев, раскрывает взаимосвязи между движущими
силами и изображает их с тонкостью, которая дается только ве-
ликому художнику. Вспомним, как живо воспринимаем мы тя-
желые душевные потрясения, выпавшие на долю Анны Ка-
рениной. В качестве примеров можно привести очень сильную
сцену встречи Анны с сыном Сережей, описание душевного
состояния Пьера после дуэли с Долоховым, потрясает описание
душевного состояния Ростова после его крупного проигрыша.
Вот еще пример, быть может, не столько глубины психологи-
ческого проникновения, сколько чрезвычайной тонкости его: я
вижу в виду описание того, как Пьер, все больше влюбляясь в
Элену, становится неспособным увидеть ее глупость. Параллелью
может служить влюбленность Наташи в красавца Анатоля, хотя
она и обручена с князем Андреем.

Особенно правдиво описывает Толстой состояние княжны
Марьи в дни, когда ее отец при смерти. Искренняя любовь к
отцу, которая, несмотря на его тиранию, всегда жила в ее душе,
не могла подавить «бесовского желания», чтобы поскорее на-
ступил конец. После этого обычно следовали ужасные угрызения
совести. Такие чувства сменяли друг друга, пока смерть отца не
поставила конец столь мучительному состоянию. В описании
Марьи личность перед атаками противоречивых чувств ярко
выявлена глубина психологической правды.

Толстой с особой остротой проникает в то, что не проявля-
ется на поверхности, в то, что люди охотнее всего скрыли бы
от мира. Приведу пример из «Анны Карениной». Николай Левин

умирает. Общее мнение окружающих, что любящий брат Константин полон сострадания к нему, что он, погружен в размышления о таинстве смерти. Некоторое время так оно и было. Но на длительный период времени человека не хватает на подобное сострадание, независимо от того, плох он или хорош. Сострадание к другому даже у самых лучших людей постепенно вытесняется повседневными делами и заботами сугубо эгоистического плана (с. 436):

С рукой мертвеца в своей руке он сидел полчаса, час, еще час. Он теперь уже вовсе не думал о смерти. Он думал о том, что делает Кити, кто живет в соседнем номере, свой ли дом у доктора. Ему захотелось есть и спать. Он оторожно выпростал руку и ощущал ноги. Ноги были холодны, но больной дышал. Левин опять на цыпочках хотел выйти, но больной опять зашевелился и сказал:

— Не уходи.

Левин действительно любил своего брата, несчастье, постигшее Николая, было для него большим горем. Но когда ему пришлось часами просиживать у постели умирающего, то появились мысли, кажущиеся крайне неуместными в связи с чьей-то близкой смертью и все же вполне естественные для человека. Того, кто ничего не приукрашивает и не скрывает, он открывает все как бы трепет души человека, интересующий писателя, пожалуй, больше, чем тот или иной тип личности (с. 437):

Все одного только желали, чтобы он как можно скорее умер, и все, зная это, давали ему из склянки лекарства, искали лекарств, докторов и звали его, и себя, и друг друга.

Толстому известны те процессы, которые происходят у порога сознания, так как человек избегает пропускать их через сознание, чаще всего из нежелания или боязни нанести удар самоуважению. В этом смысле исключительно сильное впечатление производит один момент в романе «Война и мир». Каратаев и Пьер Безухов попали в плен к французам и «отступили» вместе с врагом. Если кто-либо из истощенных русских не мог двигаться далее, его пристреливают (с. 491):

Каратаев смотрел на Пьера своими добрыми круглыми глазами, большими теперь слезою, и, видимо, подзывал его к себе, хотел сказать что-то Пьеру слишком страшно было за себя. Он сделал так, как будто не видел его взгляда, и спешно отошел.

Когда пленные опять тронулись, Пьер оглянулся назад. Каратаев стоял на краю дороги, у березы, и два француза что-то говорили над ним. Пьер оглядывался больше. Он шел, прихрамывая, в гору.

Сзади того места, где сидел Каратаев, послышался выстрел. Пьер ясно слышал этот выстрел, но в то же мгновение, как он услышал его, Пьер знал, что он не кончил еще начатое перед проездом маршала вычисление, сколько переходов оставалось до Смоленска. И он опять стал считать. Два французские солдата, из которых один держал в руке снятое, дымящееся ружье, пробежали мимо Пьера. Они оба были бледны и в выражении лица один из них робко взглянул на Пьера — было что-то похожее на то, что он дел в молодом солдате на казни. Пьер посмотрел на солдата и вспомнил о том, как этот солдат третьего дня сжег, высушивая на костре, сапоги и как смеялись над ним.

Собака завyla сзади, с того места, где сидел Каратаев. «Экая дура, о чем она воет?» подумал Пьер... Вглядевшись ближе, Пьер узнал лиловую собаку, которая, виляя хвостом, сидела подле солдата.

— А, пришла? — сказал Пьер. — А, Пла... — начал он и недоговорил. В его воображении вдруг одновременно, связываясь между собой, возникло воспоминание о взгляде, которым смотрел на него Платон, сидя под деревом, о выстреле, слышанном на том месте, о вое собаки, о преступных лицах двух французов, пробежавших мимо его, о снятом дымящемся ружье, об отсутствии Каратаева на этом привале, и он готов уже был понять, что Каратаев убит, но в то же мгновение в его душе, взявшись бог знает откуда, возникло воспоминание о вечере, проведенном им с красавицей-полькой, летом, на балконе его киевского дома.

Именно так, как это описано Толстым, люди стараются прогнать, задушить в себе мысли, которые им чересчур неприятны.

Обладая способностью фиксировать полусознанные реакции, Толстой подметил, что чувства человека часто возникают раньше, чем мысли и представления, с ними связанные. Характерен следующий пример из «Войны и мира». Пьер не узнает Наташу, которую он увидел вновь в доме у княжны Марьи: она очень изменилась, была в черном траурном платье. Кроме того, он никак не ожидал увидеть ее в этом доме. И все же беглый взор, который он бросил на нее, пробуждает его чувство (с. 542):

Он взглянул раз на лицо компаньонки, увидел внимательно ласковый, любящий взгляд, устремленный на него, и как это часто бывает во время разлуки, он почему-то почувствовал, что эта компаньонка в черном платье — была доброе, славное существо, которое не помешает его задушевному разговору с княжной Марьей.

Наконец, Толстому отлично известно и то, насколько самые глубокие человеческие чувства зависят от привычки. Описывая страшные страдания, которые довелось перенести Пьеру во время отступления, Толстой замечает (с. 437):

Он узнал, что есть граница страданий и граница свободы и что эта граница очень близка; что тот человек, который страдал от того, что в розовой обуви его завернулся один листок, точно так же страдал, как страдал он теперь, засыпая на голой, сырой земле, остужая одну сторону и согревая другую, то, когда он бывало надевал свои бальные, узкие башмаки, он точно так же страдал как и теперь, когда он шел уже совсем босой (обувь его давно растручалась), ногами, покрытыми болячками.

Описание конкретных фактов, связанных с отступлением Пьера и других, при такой манере изложения, пожалуй, теряется в деталях. Но для Толстого важнее психологически показать то, что страдания и радости человека относительно и всегда зависят от исходной точки. При благополучии радость человеку приносит лишь то, что лучше существующего, в горе, с которым человек связка, страдание возникает лишь в том случае, если на него обрушивается нечто еще более тяжелое.

Выбирая столь подробно некоторые моменты из произведения Толстого, я хотел наглядно проиллюстрировать, что писатели могут быть великими психологами независимо от того, изображают ли они в своих произведениях акцентированных личностей.

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Некоторые черты личности, не являясь акцентуированными, все же отличаются в плане индивидуальном, в таких случаях наблюдаются вариации различных реакций человека. Такие индивидуальные вариации реакций мне не удалось проиллюстрировать на клиническом материале, однако я располагаю возможностью проанализировать их у некоторых персонажей художественных произведений.

Индивидуальные особенности в сфере влечений

В формировании структуры личности человека могут участвовать и всевозможные влечения. Так, при обжорстве помыслы человека постоянно устремлены к удовлетворению ненасытного аппетита, соответственно с этим складывается весь его образ жизни. Не подлежит сомнению, что среди полных людей есть немало таких, которые отличаются ненасытностью. Многие из них медлительны в действиях и поступках (о них часто говорят «тяжелый на подъем»). Возникает порочный круг: полнота ограничивает активность человека, и как следствие на передний план выступают примитивные телесные потребности. Вспоминаются слова Цезаря из драмы Шекспира:

— Пусть я буду окружен мужчинами плотного телосложения и с полными лицами, которые хорошо спят по ночам.

Должен заметить, что влечениями этого рода я не занимаюсь, так как изучение акцентуированных черт личности не связано с анализом качеств, имеющих, в основном, физиологические проявления.

Сексуальные влечения также могут оказывать влияние на образ жизни в целом. При большой силе этих влечений человек видит главный смысл жизни в их удовлетворении. Правда, здесь сексуальный инстинкт играет более значительную роль, чем влечение. Если сексуальный инстинкт чрезмерен, то он может выйти и за пределы сферы чисто сексуальной. Женщина, охваченная сексуальным влечением с такой силой, как, например, Кетти фон Хайльброн из одноименной драмы Клейста, становится добычей мужчины. Граф фон Штрель обращается с нею иногда буквально, как с собакой. При таком положении вполне нормально умная женщина начинает во всем безоговорочно покоряться мужчине и в быту. Рыцарь Миракля Лузман, обладающий инстинктом женщины и «предлагающий» себя желающим, как жесть (мы еще встретимся с ним в главе об истериках), неопастыжен тщеславен: патетическими словами он расхваливает свое красивое тело; главное для него заключается в том, чтобы это красивое тело было одето так, «как ему подобает».

Самым сильным человеческим влечением следует считать «жажду переживаний». От этого влечения зависит степень

живости, с которой человек использует возможности, предлагаемые ему жизнью. С одной стороны, мы сталкиваемся с поиском переживаний у неодолимо стремящегося к ним человека, с другой стороны — с тупой удовлетворенностью, примитивной бытвой повседневностью. Меня хорошо поймут, если я для раскрытия понятия «жажда переживаний» приведу знаменитый сатирический образец. В «Госпоже Бовари» Флобер показывает, как человек, который доходит положительно до головокружения от вечного «голода по переживаниям», может подчинить этому весь свой образ жизни, ибо все его чувства и помыслы устремлены к одной цели.

Еще ребенком Эмма испытывает потребность пережить что-то значительное, особенное, прекрасное. Когда ее отдают учиться в школу при монастыре, она сначала видит много нового и испытывает удовлетворение. Но вскоре у нее развивается пристрастие к сенсационным романам (с. 65—66):

Там только и было, что любовь, любовники, любовницы, преследуемые дамы, задающие без чувства в уединенных беседках, почталыоны, которых убивают во всех станциях, лошади, которых загоняют на каждой странице, темные и светлые сердечное смятение, клятвы, рыдания, слезы и поцелуи, челноки при лунном свете, соловьи в рощах, кавалеры, храбрые, как львы и кроткие, как ягнцы, добродетельные сверх всякой меры, всегда красиво одетые и элегичные и какая-нибудь плакучая ива,— здесь можно найти все, чего жаждала ее душа.

Несмотря на наличие столь сильных возбуждающих эмоций, Эмме в монастыре становится все скучнее, но обстановку Эмма ей еще менее по душе (с. 68):

Вернувшись домой, Эмма с удовольствием начала командовать слугами; в провинция надсела ей, и она стала скучать по монастырю.

В браке для госпожи Бовари тоже все представляется слишком взрослым (с. 68—69):

Возможно, что в некоторых уголках земли счастье возникает само собою,— Эмме,— подобно тому, как иные растения требуют известной почвы, и не принимаясь на всякой другой. Почему не могла она облокотиться на перила балкона швейцарского домика или заключить свою печаль в шотландском одеяле, укрыться там вместе с мужем, и чтобы на нем был черный камзол с синими фалдами, мягкие сапожки, остроконечная шляпа и кружевные манжеты.

Однако напрасны мечты о счастье, разочарование все усиливается (с. 71—72):

Мечты Эммы сначала были беспредметны, цеплялись за случайное... Потом, слишком прояснились, и, сидя на земле, Эмма повторяла, тихонько воровая зонтю:

— Боже мой! Зачем я вышла замуж!

Существование ее холодно, как чердак, выходящий окошком на север, и Эмма, как молчаливый паук, плетет в тени свою сеть по всем уголкам ее жизни.

Эмма приглашена к некоему маркизу, живущему поближе к свету. Эмма попадает в светское общество. С этих пор она на-

ходится в плену мечты — жить в светском кругу, и постоянно тоскует (с. 85):

Но в глубине души она ждала какого-то события. Подобно матросу на терпевшем крушение корабле, она в отчаянии оглядывала пустыню своей жизни и искала белого паруса в туманах дальнего горизонта. Она не знала, как это будет случать, какой ветер приготовит его, к какому берегу он ее унесет. Она не знала, будет ли то шлюпка или трехпалубный корабль, будет ли он нагружен страданиями или до самых люков полон радостей. Но, просыпаясь утром, она всякий раз надеялась, что это случится в тот же день, — и прислушивалась ко всем шорохам, вскакивала с места, удивлялась, что все еще ничего нет. А когда заходило солнце, она грустила и желала, чтобы поскорее наступил следующий день...

Эмма поднималась в свою комнату, запирала дверь, начинала ворошить угли в камине и, слабая от жары, чувствовала как тяжелеет гнетущая скука.

Но особенно невыносимо было во время обеда, внизу, в крохотной столовой с вечно дымящей печью и скрипучей дверью, с промозглыми стенами и влажным от сырости полом. Эмме казалось, что ей подают на тарелке всю горечь существования, и когда от вареной говядины шел пар, отвращение карабами подымалось в ее душе. Шарль ел долго; она грызла орешки или, облокотившись на стол, от скуки царапала ножом клеенчатую скатерть.

Чувствуя свою вину, госпожа Бовари старается сдерживать себя при муже, которого презирает, но иногда она все же не в силах собой владеть (с. 148):

Она переносила на него всю ненависть, возникавшую на почве невыносимой скуки, а попытки бороться еще усугубляли ненависть, ибо из-за бесплодных попыток отчаяние возрастало и все больше отдаляло ее от Шарля.

Окруженная одними лишь буднями, мучимая бесконечной скукой, Эмма приходит в конце концов к эксцессам в поведении.

Ее личность испытывает, собственно, обычные торможения. Эмма оказывается несостоятельной не в результате слабости, а под влиянием сильных внутренних желаний и потребностей, которые как бы «перерастают» эту личность, обладающую средней силой воли. Речь идет в первую очередь о сексуальных переживаниях. Кроме этого, госпожа Бовари обладает таким пороким, как расточительность; она безудержна в расходах, покупает красивую мебель, дорогие ковры, роскошные наряды — все это и того, чтобы создать иллюзию пребывания в богатом утонченном окружении. Любовные приключения особенно утоляют жажду острых переживаний. Так было и у Эммы. Однако в конечном итоге к гибели ее приводят не эти эксцессы, а финансовые затруднения.

Несомненно, писатель, описывая переживания Эммы, несомненно сгущает краски, но, несмотря на это, дает представление о какой мере неутоленная жажда переживаний, оборачивающаяся невыносимой скукой, может воздействовать на поведение человека. Если бы такое своеобразие личности, как у Эммы Бовари, встречалось чаще и было так же ярко выражено, как у нее, то можно было бы таких «жаждущих переживаний» людей отнести к акцентуированным личностям. Однако в действительной жизни их своеобразное поведение никогда не приобретает таких

Шарль Бовари, если только оно не усиливается другими акцентуированными чертами.

Господин Бовари представляет собой резкий контраст по сравнению с женой. У него нет избытка жажды переживаний, как у Эммы. Напротив, он страдает явным недостатком жажды переживаний. Шарль всегда трезв, повседневен, банален. Вот что задит его жена вскоре после брака (с. 69):

Разговоры Шарля были плоски, как уличная панель, общие места веренически свалились в них в обычных своих нарядах, не вызывая ни волнения, ни смеха, ни мечтаний. Он сам вспоминал, что, когда жил в Руане, ни разу не пожеловал зайти в театр, поглядеть парижских актеров. Он не умел ни фехтовать, ни стрелять из пистолета, и когда однажды Эмма наткнулась в романе на непонятное слово, относившееся к верховой езде, он не мог объяснить его значение.

Когда Шарль возвращался домой после посещения больных, он снимал сюртук и начинал обедать в свое удовольствие. Переберет всех людей, с какими встретился, все деревни, в какие побывал, все рецепты, какие прописал и, довольный сам собой, доест остатки жаркого, поковыряет сыр, погрызет яблоко, выпьет графин вина. А потом уйдет в спальню, ляжет на спину и захрапит» (с. 70).

Любовь его также была крайне будничной. Попытки жены внести в нее хоть каплю романтики никак не удавались (с. 71):

Пытки Шарля приобрели регулярность: он обнимал ее в определенные часы. То было как бы привычкой среди других привычек, чем-то вроде десерта, в котором знаешь заранее, сидя за монотонным обедом.

Приглашение к маркизу, которое наполнило госпожу Бовари искренним восторгом, тяготило господина Бовари. На приеме он чувствовал себя ужасно и не мог дожидаться возвращения маркиза (с. 78):

Шарль еле тащился, держась за перила,— у него подкашивались ноги. Два часа подряд простоял он за столами, глядя на игру в вист, но ничего не понимая. И, сняв ботинки, он глубоко и облегченно вздохнул.

Так Флобер изображает Шарля. Шарль — обыватель с головы до пят. Он не знает ничего, кроме обыденности, и вполне этим доволен. С такой же мещанкой-женой, как он сам, они бы составили отличную супружескую пару и прожили бы вместе счастливую жизнь. Надо полагать, что в образе Шарля писатель вообще ничего не преувеличил. В действительной жизни существуют такие невзыскательные люди, которые не стремятся познать, увидеть что-нибудь, кроме повседневных, банальных вещей. Подобное поведение обусловлено отсутствием человеческого интереса высшего уровня — жажды разнообразных пережи-

Индивидуальные особенности в сфере направленности интересов и склонностей

Значительное количество индивидуальных черт личности относится к *психической сфере направленности интересов и склонностей*. Говоря о характере человека, мы в первую очередь имеем в виду качества именно этой сферы. Важнейшие из них можно проиллюстрировать, анализируя некоторые образы художественной литературы.

Среди акцентуированных черт личности мы сталкиваемся с боязливостью, или тревожностью; последняя связана с вегетативной нервной системой. Однако тревожность может иметь и другие корни: некоторые люди находятся при определенных обстоятельствах как бы на интенсивной «волне страха». Это состояние накладывает на человека некий особый отпечаток, который, в сущности резко не отличает его от средних людей. Таким боязливым человеком является господин Паран — персонаж одной из новелл *Ги де Мопассана*. Рассказ так и начинается с описания данной черты господина Парана. Выйдя на прогулку в парке со своим сынишкой, он все время озабочен тем, как бы не опоздать домой, т. е. как бы не вернуться с прогулки позднее женов. Он берет малыша на руки и, с трудом переводя дыхание, этот сорокалетний мужчина поспешно поднимается в гору по этому переулку. Да, Паран боится, что его забранит жена, которая и сама-то систематически опаздывает к обеду. Тревожность доходит до предела, когда Паран замечает, что он, погруженный в свои мысли, слишком долго переодевался. А между тем уже идут часы... Семь часов... Паран в ужасе хватается за чистую рубашку... Паран трепещет и перед своей прислугой, грубоватой и в сущности особой, которая вечно бранится, что «обед снова не стоял». На этот раз она собирается устроить скандал из-за опоздания Паран пытается утихомирить недовольную Жюли. Он, собственно, не сердится ни на опаздывающую Генриетту, ни на Жюли, он просто боится, безумно боится их обеих, да и вообще любого возможного происшествия в его доме. Он так боится, что личности его делаются «мягкими, как тряпка».

Позднее служанка «просвещает» Парана насчет поведения жены, годами обманывающей его с любовником. Но вместо того, чего не пишет о гневе Парана, а говорит лишь о его «срывающихся» всхлипываниях. В довершение всего жена возвращается домой вместе с любовником и открыто издевается над Параном. Узнав от служанки, что вдобавок ко всему и сын Парана вовсе не отец, что это ребенок от того же любовника, Паран в отчаянии пытается отыскать сходство между мальчиком и любовником. Однако Паран до такой степени боится посмотреть в глаза «этому субъекту», что все время опускает глаза. Тревожности, боязливости не противоречит и то обстоятельство, что Паран со временем доходит до состояния злобного бешенства. В этом случае мы имеем дело с острым проявлением боязливости.

...аффекта, который созревал постепенно. Повод для проявления был достаточно серьезным: однажды, возвращаясь домой, Паран застал Генриетту в объятиях любовника.

Продолжение рассказа психологически вполне последовательно. Порвав с женой, Паран жестоко страдает и от вечной одиночества, и от одиночества: он боится пустой темной квартиры, боится пустынных, почти неосвещенных улиц с редко разбросанными газовыми фонарями, боится одиноких пешеходов, в числе которых готов увидеть бродягу и грабителя.

Интересно, что здесь писатель упоминает такой фактор, как боязливость: ее боязливых людей она действует устрашающе. Боязливость людей также всегда съезживаются при виде незнакомых людей, «от них хорошего не жди!» Зато присутствие людей привычных наполняет их чувством защищенности. Паран так же ограничивает себя весьма узким кругом хороших знакомых людей, проводя большую часть времени за столом за пивом в своей пивной; тут его знают и официантки, и почти все посетители.

Он проводит 20 лет. Однажды, будучи уже старым человеком, Паран случайно встречает на улице свою жену, ее любовника и взрослого сына. Негодование и горечь по поводу разбитых надежд готовы прорваться у Парана наружу, но и здесь он останавливает в себе несчастия высказать свое возмущение людям, виноватым в его несчастье. Паран догоняет их, но его охватывающий «необъяснимый» страх, и он проходит мимо, так и не заговорив с ними, хотя и пытался себя «растравить».

Боязливость, боязливость Парана столь велики, что они накладывают отпечаток и на его образ жизни, и на его судьбу. Мы склонны видеть в нем большой соблазн причислить его к тревожным акцентуированным личностям, однако следует учесть, что Паран, насколько нам известно, мало чем отличался бы от человека обычного, среднего типа, если бы не сложная жизненная ситуация, в которую он попал, и которая оказала на него пагубное влияние.

Сюжетные субъекты нередко изображает *Lone de Vega*, у которого своеобразно слуги, которые должны составить как бы контраст со своими господами. Например, слугу Марина из пьесы «Облавы и Монтези» (своеобразные «Ромео и Джульетта» этого драматурга) уже в самом начале драмы действия характеризуют как труса, что и подтверждает дальнейшее действие. Так, сцена гибели героев в усыпальнице из пьесы «Адриан» разыгрывается скорее как комедия, чем как трагедия.

С другой стороны, склонность к тревожности, боязливость, как таковая, отсутствует, мы встречаемся с мужественным человеком, который просто с отчаянным смельчаком. Подобная склонность ярко проявляется в «Вильгельме Телле» Шиллера.

Важнейшим качеством на таком чувстве, как сострадание, которое в определенных обстоятельствах овладевает человеком с

огромной силой. Если кто-нибудь очень легко поддается жадности, это опять-таки нюансирует такую личность особым образом. В отличие от мягкосердечия, которое наблюдается у многих эгоистичных личностей, эмоции в таких случаях проявляются исключительно именно в чувстве жалости, сострадания, которое возникает с необыкновенной легкостью.

Состраданием охвачен Ваня из романа «Униженные и оскорбленные» Достоевского. Оно сильнее всего проявляется по отношению к Наташе, которая говорит ему (т. 3, с. 122):

— Ах, Ваня, друг ты мой дорогой! Вот если я буду опять несчастна, опять горе придет, ведь уж ты, верно, будешь здесь подле меня; один, один, быть, и будешь! Чем заслужу я тебе за все! Не проклинай меня никогда, Ваня!

Ваня, безусловно, любит Наташу, но если бы он не был столь жалостлив, его любовь не выражалась бы в такой взволнованной заботливости, нежности, ведь Наташа-то любит дружить. Иногда, когда девушка чем-то опечалена, Ваня доходит до отчаяния; он способен часами успокаивать, утешать ее. Сердце его «сжимается от горя», когда он думает о тяжелой ситуации, в которой бедняжка оказалась. Всякую беду Наташи, всякую несправедливость, причиненную ей, Ваня близко принимает к сердцу.

Дело в том, что Ваня относит к Наташе объясняется одним только его чувством к девушке — он вообще крайне чувствителен. Это сказывается, например, и в сердобольном отношении к родителям Наташи: Ваня прилагает все усилия, чтобы хоть немного смягчить боль, которую дочь причиняет своим уходом. Величайшим сочувствием и самоотверженным стремлением помочь наполняет Ваню судьба подростка Нелли. Нередко Ваню охватывает желание помочь сразу всем своим друзьям. То, что это физически невозможно, так как нельзя одновременно находиться в нескольких местах, глубоко удручает его. Так, заботясь о Нелли, он мысленно все время с Наташей, находясь у Наташи, неотступно думает о ее матери, которая с нетерпением ждет его.

Благодаря тому что эгоистические черты в характере Ваня совсем отсутствуют, его можно определить как *доброе сердце*. Ниже, однако, мы увидим, что доброта обладает различной степенью проявления: бывают люди, которые вообще способны ни к кому испытывать враждебное отношение, другие способны ненавидеть даже своих врагов. У Вани, однако, не так: он охвачен гневом, видя коварство князя, дрожит от него, когда говорит с ним.

От жалостливых людей исходит особая *душевная теплота*. Говоря же о *душевной холодности*, неэмоциональности, мы имеем в виду не отсутствие эмоций как таковых, а недостаток сострадания. Сюда относится также и неспособность *разделять чью-то радость*. Душевно холодные люди не способны сочувствовать чужому горю, ни радоваться чужой радости.

— Твой отец добрый малый,— промолвил Базаров,— но он человек отставной, его песенка спета.

Николай Петрович принял ухом... Аркадий ничего не отвечал. «Отставной человек» постоял минуты две неподвижно и медленно пошел домой.

— Третьего дня, я смотрю, он Пушкина читает,— продолжал между тем Базаров.— Растолкуй ему, пожалуйста, что это никуда не годится. Ведь он мальчик, пора бросить эту ерунду. И охота же быть романтиком в нынешнее время! Дай ему что-нибудь дельное почитать.

Сын поддерживает ту обидную ситуацию, что сложилась между другом и отцом: он отнимает у Николая Петровича томик Пушкина и подсовывает вместо него какую-то книгу по естествознанию. В дальнейшем Базаров своим бесцеремонным поведением продолжает нарушать мирную обстановку, царящую в семье Кирсановых.

Однако, если, допустим, можно простить поведение Базарова по отношению к отцу и дяде друга, то уже вовсе непростительно его отношение к своим родителям. Его с нетерпением ждут дома после трехлетнего отсутствия, но он отнюдь не торопится туда вернуться. Когда он, наконец, приезжает, простодушная радость родителей оставляет его безучастным. Вскоре после приезда домой он обращается к Аркадию со словами (с. 106):

— Вот тебе на! Презабавный старикашка и добрейший,— прибавил Базаров, как только Василий Иванович вышел.— Такой же чужак, как твой, только в другом роде. Много уж очень болтает...

О матери же Базарову нечего сказать, кроме как: «Да, она у меня без хитрости. Обед нам, посмотри, какой задаст».

Во всепоглощающей любви родителей к единственному сыну, возвращения которого они так долго ждали, есть нечто чрезмерное, но очень трогательное. Не трогает она только самого Базарова, он явно сторонится ее, так что отец и мать одного лишь боятся,— как бы не помешать сыну (с. 123):

Арина Власьевна по-прежнему сидела возле сына (в карты она не играла по-прежнему подпирая щеку кулачком; и вставала только затем, чтобы подать какое-нибудь новое яство. Она боялась ласкать Базарова, и он не обижал ее, не вызывал ее на ласки; при том же и Василий Иванович присоветовал ей не очень его беспокоить...

Но глаза Арины Власьевны, неотступно обращенные на Базарова, выражали не одну преданность и нежность: в них виднелась и грусть, смешанная с любопытством и страхом, виднелся какой-то смиренный укор. Впрочем Базарову было не до того, чтобы разбирать, что именно выражали глаза его матери; он редко обращался к ней, и то с коротеньким вопросом.

А вот слова, произносимые Базаровым уже на следующий день по приезде домой (с. 124):

— Нет,— говорил он на следующий день Аркадию,— уеду отсюда завтра. Скучно; работать хочется, а здесь нельзя. Отправлюсь опять к вам в деревню, я же там все свои препараты оставил. У вас по крайней мере запереться можно. А то здесь отец мне твердит: «Мой кабинет к твоим услугам — никто не мешает не будет», а сам от меня ни на шаг. Да и совестно как-то от него пираться. Ну и мать тоже. Я слышу, как она вздыхает за стеной, а выйти к ней — и сказать ей нечего.

Тогда Аркадий заявляет, что испытывает жалость к матери Базаров цинично говорит ему в ответ (с. 124):

— Что так? Ягодами, что ли, она тебе угодила?

На следующий день родители глубоко потрясены: сын и в своем деле уезжает. Старикам хочется утешить друг друга. Необходимо поддержать Арину Власьевну, которая сошла вне себя (с. 126):

Василь Иванович суетился больше, чем когда-либо: он, видимо, храбрился, говорил и стучал ногами, но лицо его осунулось, и взгляды постоянно скользили мимо сына. Арина Власьевна тихо плакала; она совсем бы распустилась и не совладала бы с собой, если бы муж рано утром целых два часа не тискал ее.

Но потом она начинает утешать мужа (с. 127):

«Бросил нас! — залепетал он, — бросил, скучно ему стало с нами. Как же верст, теперь, один!» повторил он несколько раз и каждый раз вынул вперед свою руку с отделенным пальцем. Тогда Арина Власьевна прикоснулась к нему и, прислонив свою седую голову к его седой голове, сказала: «Что делать, Вася! Сын — отрезанный ломоть. Он, что сокол: захотел — прилетел, захотел — улетел...»

Образ Базарова ярко показывает, что собой представляет личность чувств. Сострадание к людям, которых он оскорбляет, которым он причиняет порой глубокое горе, для Базарова не существует. Неведомо ему и чувство радости за другого, сопереживание. Счастье, наполняющее его родителей, когда он к ним приходит, так же мало его трогает, как и их страдания в дальнем будущем.

Возможно, Базаров умышленно демонстрирует бессердечие, протестом против всех и всяческих чувств, считая их лишней романтикой. Возможно, писатель поставил перед собой цель создать именно такое впечатление о Базарове. И все же в его движениях такого рода, как, например, чуткость к родителям, вряд ли легко стереть доводами разума. В развитии романа наблюдается «самокоррекция» Базарова. Хотя он и считает романтическими бреднями, однако его поведение все же свидетельствует о глубоком чувстве к Анне Сергеевне Одинцовой, и никакие доводы рассудка ему не в состоянии помочь. Базаров сам себе высказывает соображение, что и сочувствие горю других людей, даже если пытаться подавить его разумом, не оставляет следа в душе.

В образе Базарова в мастерском изображении Тургенева предстает собой весьма своеобразную личность. Однако от друзей и врагов его отличают не столько чувства и поступки, сколько мысли и идеи. Можно с уверенностью сказать, что на основе индивидуальности чувств Базаров никогда бы не выделился на фоне людей среднего уровня, как выделяет его оригинальность его оригинальности своих идей. К тому же необходимо отметить то художественное преувеличение, которое неиз-

бежно возникает у каждого крупного писателя, изображающего сферу чувств. Подобное преувеличение несомненно распространяется и на область «холодности чувств».

Вследствие эмоциональной холодности поведение Базарова является нередко грубым, бесцеремонным, даже циничным, и все же оно не становится в узком смысле слова асоциальным. Если бы этот герой Тургенева не только холодно проходил мимо искренних эмоций других людей, но и бездушно преследовал бы свои эгоистические интересы, получилась бы другая конфигурация: у Базарова отсутствовало бы сознание долга. Однако Базарова — отнюдь не его личное дело. Он считает, что обязан насаждать их для блага общества!

С чувством долга переплетается теснейшим образом чувство стыда. Чувство стыда неизменно охватывает человека во всех тех случаях, когда он не выполняет своего долга.

В художественной литературе чувство долга нередко вступает в конфликт с каким-либо сильным желанием персонажа.

В драме «Сид» Корнеля героиню Химену отличает очень сильное чувство долга. Ее возлюбленный Родриго убивает в пещере отца Химены, однако она не может ставить это в вину Родриго: чувство собственного достоинства требовало, чтобы она приняла вызов. Но Химена знает и свой дочерний долг (с. 127):

Химена:

Увы, хотя вражда нас развела далеко,
Родриго, я к тебе не обращаю упрека;
И, дань страдания платя моей судьбе,
Тебя я не виню, я плачу о себе.
Я знаю хорошо, что если честь задета,
Бесстрашье требует достойного ответа,
То, что ты выполнил, был только долг прямой;
Но выполнив его, ты мне открыл и мой.
Победа мрачная твоя была по праву;
Отмщая за отца, свою соблюл ты славу;
И я свой трудный долг исполню до конца;
Я славу соблюду, отмщая за отца.

Хотя Химена и сейчас любит Родриго ничуть не меньше, но руководит одно лишь сознание дочернего долга. И она отказывается перед королем (с. 114):

Вслед горю, государь, спешит чрезмерность чести.
Так вот, он не дышал, он был убит на месте;
Зияла грудь его, он навсегда умолк,
Но кровью на земле начертывал мой долг.

Ни одно слово, ни один жест Химены не выдает, однако того, что она все еще любит Родриго. Она только требует мездия за отца (с. 120):

Неотомщенная кончина храбреца
Погасит рвение вернейших слуг венца.
Да, мой отец убит, я требую отмщенья,
Скорей для пользы вам, чем мне для утешенья.

Подобного отцу вы не найдете вновь.
Воздайте ж смерть за смерть,
Пролейте кровь за кровь.
Пусть жертвою падет, не мне, но вашей славе,
Но вашему венцу, и скиптру, и державе,
Пусть жертвою падет на благо всей стране
Гордыню черплющий в неслыханной вине.

Только своей воспитательнице Эльвире признается Химена в
Родриго (с. 124):

Ты говоришь — люблю; боготворю, Эльвира;
Страсть борется во мне с законною враждой;
Все так же дорог мне мой недруг молодой;
И хоть в моей душе есть гневное упорство,
Родриго в ней с отцом ведет единоборство;
Он ломит, он теснит, он гнется перед ним,
То яростен, то слаб, то вновь неодолим;
Но грозная борьба, и жгучая, и злая,
Терзает сердце мне, души не разделяя;
И хоть моей любви могущественна власть,
Я без раздумия свою избрала часть;
Я непоколебимо спешу на голос чести.
Родриго дорог мне, я с ним душою вместе,
Я сердцем за него, но долг мне говорит:
Ты знаешь, чья ты дочь, и твой отец убит.

когда Химена считает своего возлюбленного мерт-
живая порывом страстного чувства, признается
истителю за ее же отца, в том, что любовь к Родри-
госа вылает в ее груди (с. 151):

Химена:

Чтоб кровь передо мной дымилась дорогая?
И ты еще прийти осмелился сюда,
Ты, счастье мое отнявший навсегда?
Рыдай, моя любовь, забудь свой плен суровый:
Отец мой отомщен, ты можешь снять оковы,
Отныне честь моя вовек вознесена,
Душа растерзана, и страсть моя вольна.

Диего Санчо:

Когда спокойнее...

Химена:

Молчи, злодей, ужасный,
Чьей гнусною рукой убит герой прекрасный!
Ты взял предательством, не мог боец, как он,
Таким противником открыто быть сражен.
Иди; ты видишь сам своей услуге цену:
Пытаясь защитит, ты умервил Химену.

всегда тем, собирается всего лишь сообщить ей,
и был сражен Родриго, однако не был убит, а
этим благородным воином. Но Химена, кото-
охватывает отчаяние (она убеждена в
не дает сказать ему ни слова. Глубина любви
вам всю глубину ее сознания своего долга.
написана в возвышенной, патетической,
анализ ее бросает свет и на мотивы поведе-

ния тех встречаемых нами в жизни «негероических» людей, которые отличаются сильным сознанием долга.

Еще более жестокую борьбу с самим собой переживает император Тит в «Беренике» *Расина*, где долг в конце концов одерживает верх над любовью. Существует римский закон, запрещающий императору жениться на иностранной королеве (Береника — королева Палестины). Тит, властелин, исполненный благочестия, постоянно вспоминает о произволе своих предшественников, ему очень не хотелось бы начинать свое правление нарушением закона. Но к Беренике он испытывает страстное чувство. Он восклицает (с. 100):

О, сколь несчастен я!
О, Рим! О, Береника!
Как тяжело любить
И быть страны владыкой!

И, может быть, Тит в конечном счете, преступил бы закон, если бы сама Береника не пришла ему на помощь, разрывая борьбу своим собственным сознанием долга: она отказывается от любви Тита с тем, чтобы все свои чувства император мог посвятить своим страждущим соотечественникам.

О конфликте между любовью и долгом пишут многие писатели, но нигде, пожалуй, он не показан с такой силой, как у Шекспира и Расина. Часто любовь подавляется не только законом. В «Заире» *Вольтера* запрет на чувство к султану-магометанину налагает христианское вероисповедание героини. Отец и брат убедили Заиру, что одни лишь христиане способны познать истинное блаженство, поэтому долг христианки — отказаться от возлюбленного другой веры. Но в отречении Заиры участвуют еще и страх перед наказанием, грозящим вероотступнице в загробной жизни.

Впрочем, если в конфликте побеждает любовь, как это происходит в «Анне Карениной» *Толстого*, где героиня ради любви оставляет не только мужа, но и ребенка, то это еще не свидетельствует о недостаточном сознании долга: чувственная любовь может оказаться сокрушительной силой, которую человек не в силах преодолеть.

Отсутствие сознания долга мы наблюдаем в «Федре» *Расина*. Федра, охваченная страстью к пасынку Ипполиту, пытается, чтобы ее наперсница оклеветала перед отцом юного Ипполита, но шел навстречу любовным домогательствам Федры, и в моральном отношении становится виновницей смерти Ипполита. Трагедии *Еврипида* «Ипполит» Федра идет еще дальше: не зная, как покончить с собой, она в письме к мужу просит его покончить на Ипполита.

В ином плане решается конфликт между тем, что в XVIII веке хотелось, и тем, что ему велит долг, в драме «Курфюрст бургский» *Генриха фон Клейста*. Борьба происходит между долгом по отношению к родине и отцовской любви к принцу: курфюрст поддается страсти

говорит о жестокости, бесчеловечности этого решения. Курфюрст отвечает, что он не в праве отменить приговор, что это повлекло бы за собой невосполнимые потери.

Самое понятие долга в одних случаях связано с общепризнанными нормами, в других оно более односторонне и распространяется на какую-либо частную область, например, сугубо профессиональную. В своем романе «Отверженные» В. Гюго иллюстрирует понятие величественного сознания долга у чиновника. Полицейский Жавер безгранично честен в отношении своих обязанностей, потому следить за порядком во вверенном ему департаменте — его священный долг. Ночью на одной из улиц Парижа он становится свидетелем того, как какая-то женщина с кулаками бросается на элегантно одетого мужчину. Жаверу и делу не до того, что женщина действует в порядке самозащиты. Он собственными глазами видел, как «эта проститутка» налетела на какого-то господина, значит, она подлежит аресту.

Важно в том, что «отверженные» заслуживают не только наказания, но и сострадания, Жаверу совершенно чужды, не интересны, но дело его жизни — блюсти порядок.

Жавер не может оградить себя от глубокого человеческого чувства, однако это обозначает для него жизненную опасность, и он приходит в отчаяние. Он не задержал человека, которого считает тяжким преступником, но который спас ему жизнь. И Жавер не может простить себе такого своеволия — «отклонения от законных предписаний». Он «подчиняется интересам личным». Когда он окончательно убежден, что в жизни существует нечто высшее, чем долг чиновника, это приводит его в полное замешательство: для него утрачивается всякая оценка собственных действий! Выхода, очевидно, не существует. Жавер бросается в Сену и гибнет в ее водоворот.

С чувством долга особое внимание следует уделить чувству дружбы. Чувство дружбы или взаимной симпатии возникает между людьми непосредственно.

Чувство дружбы изображает Шиллер в драме «Дон Карлос». Оно — глубокое дружеское чувство едва ли может возникнуть, и все же Шиллер дал нам ярчайшее изображение способности дружбе способна выработать в человеке чувство долга.

Дон Карлос жертвует собой ради друга, дон Карлоса. Не жалеет он перед смертью, он радостно идет ей навстречу. Он чувствует, как он был счастлив, когда ему пришла в голову мысль, взять на себя предъявленное Карлосу обвинение.

Лунный свет озаряет мрак. / Что, если короля я обману, / Пусть же на себя возьму Карлоса вину? / Правдоподобно это обвинение, ведь для короля / Всегда правдоподобно то, что

дурно. / Итак, смелей вперед! Цель стоит риска, / Пусть известие ошеломит
липа Как гром средь неба, ясного. / А мне одно лишь нужно: / Чтоб в
время Карлос / Бежать в Брабант.

Другой прославленный дуэт друзей воспел Шиллер в бран-
де «Порука», сюжетом которой служит известное предание

Вторая черта личности маркиза Поза, о которой след-
упомануть,— это его *стремление к свободе*. Но оно в гораздо
меньшей степени выражается в призыве к борьбе против
тирании, чем жалости к угнетаемому тираном народу. Поза
борется с тираном, он лишь закликает его «божественно»
рядиться своей властью, предоставив людям «свободу ма-
даря им тем самым новую жизнь. Вторая черта личности
киза Поза свидетельствует, таким образом, не о готовности
социальной борьбе, о которой речь пойдет ниже, а лишь о
сострадания к несчастному народу.

Не лишено поэтического преувеличения изображение дру-
ких чувств также и у *Лопе де Вега*. В пьесе «Три бриллианта»
Энрике самоотверженно любит Лизардо. Когда Лизардо по-
ет в плен, Энрике ищет его по всем морям и океанам; един-
но преданность другу толкает его на эти бесконечные стран-
вия. Во время поисков Энрике сам попадает в плен и, находясь
в тюрьме, мысленно заверяет Лизардо, что его «сердце,
и честь принадлежат другу».

Несколько слов о знаменитых со времен античности дру-
Оресте и Пиледе. *Гете* изображает их дружбу в «Ифигения в
Тавриде» как искреннее чувство, правда, без особой эмоци-
ной восторженности. Дружба началась еще в раннем детстве.
тех пор мальчики делили друг с другом радость и горе. В
величайшей опасности для обоих Орест думал только о Пиледе.
Пилад же произносит следующие слова: «Жизнь для меня
чалась в тот миг, когда я тебя полюбил». У *Еврипида* в изобра-
нии этих друзей нет такой задушевности, как у *Гете*. В
Еврипида «Орест» изображены скорее совместные действия
друзей, чем их духовная близость. В драме же «Ифигения в
риде» оба готовы умереть друг за друга, но руководит ими
рывом не одна дружба. Орест, преследуемый Эринидами,
смерти, независимо от своих дружеских чувств к Пиледе.
же боится быть обвиненным в предумышленной смерти Ореста,
так как он женат на сестре Ореста Электре и мог бы
вать унаследовать его имущество. У *Эсхила* («Орестейная
фокла («Электра») оба друга упоминаются лишь вскользь.

Дружба обозначает *привязанность* к тому, с кем дружишь.
Из привязанности рождается *верность в мыслях и поступках*,
особенно в тех случаях, где к ней присоединяется чувство долга.
Особенно ярко изображается такая комбинированная черта
ности при описании верности вассалов. Примером может служить
жить Кент в «Короле Лире». Кент одновременно и вассал
ему господину многим, и искренне привязан к нему. Однако
чувство долга не могло бы заставить его последовать за королем

формы он был изгнан, но к долгу здесь присоединяется глубокая привязанность. Кстати, в этой же трагедии Шекспира и Гектор проявляет к королю трогательную верность, в которой соединились и чувство долга, и привязанность.

Не следует, конечно, отождествлять верность другу с верностью начальнику, господину. *Верность в дружбе* основана на взаимной привязанности и на взаимных обязательствах. Такова верность Ахиллеса его другу Патроклу, продолжавшаяся и после смерти последнего; именно верность — как результат преданности другу и долга по отношению к его памяти — толкает Ахиллеса на месть Гектору.

В психической сфере интересов и склонностей мы причисляем к враждебному отношению к людям, которое порой доходит до выраженной ненависти. Нередко возникает воинствующая нетерпимость к сопернику. Особенно характерны проявления подобных чувств в тех случаях, когда в них преобладают тщеславие и жадность, здесь наблюдается бестактность поведения, доходящая до грубости. Впрочем, при нетерпимости этические нормы нарушаются не обязательно.

Последнее находит яркое выражение в образе Варвары Петровны Ставрогиной («Бесы» Достоевского). Перед нами женщина титанически навязывающая всем свою волю. Со своим многочисленным другом Степаном Трофимовичем она говорит «строго и властно», полностью подчиняя его себе. Даже когда Варвара Петровна заявляет ему, что намерена женить его, человека 53-х лет, на своей двадцатилетней воспитаннице, он возражает очень робко, растерянно (с. 84):

Степан Трофимович был удивлен. Он заикнулся было, что невозможно же говорить с невестой, но Варвара Петровна раздраженно на него накинулась:

— Это зачем? Во-первых, ничего еще, может быть, и не будет...

— Как не будет! — пробормотал жених, совсем уже ошеломленный.

— Так. Я еще посмотрю... А впрочем, все так будет, как я сказала, и не беспокойтесь, я сама ее приготовлю. Вам совсем незачем. Все нужное будет сделано, а вам туда незачем. Для чего? Для какой роли? И сами не беспокойтесь, вы все не пишете. И ни слуху, ни духу, прошу вас. Я тоже буду молчать.

Когда жених хочет обменяться несколькими словами с невестой, это расценивается как «вмешательство» в дело Варвары Петровны. Подобным образом она ведет себя и с другими персонажами романа. Например, к одной подруге она относится, «как деспот», друга своего в конце концов выгоняет из дому, ибо тот ее «разочаровал». Но это отнюдь не говорит о бессердечии: стоит ей узнать о том, что Степан Трофимович серьезно болен, она тотчас же мчится к нему со своим — помочь, поддержать. У него она застаёт мало знакомую ухаживающую за больным женщину. Тут же в ее душу пробивается подозрение, что женщина втерлась в дом друга с корыстных целей, и на ни в чем не повинную Софью Матвеевну обрушивается поток брани (с. 682):

— Я по твоему бесстыжему лицу догадалась, что это ты. Прочь, негодка! Чтобы сейчас духа ее не было в доме! Выгнать ее, не то, мать моя, я тебе в острог навеки упрячу. Она уже в городе сидела раз в остроге, еще пошла. И прошу тебя, хозяин, не смей никого впускать, пока я тут. Я генеральши Ставрогина и занимаю весь дом. А ты, голубушка, мне во всем дашь отчет.

С подобными же словами она обращается и к другу, тяжелого состояния которого она сначала не осознает. Впрочем, вскоре вновь подтверждается, что хотя Варвара Петровна и нетерпима, но способна и на внимание, и на сочувствие. Такое отношение пробуждается у нее к Соне, стоит ей убедиться в бескорыстии девушки, а ведь за пять минут до этого она ругала Соню последними словами! Нет, Варвара Петровна займется сама. Соня не будет больше зарабатывать на жизнь жалкими гроши, продавая «Евангелие». Однако в самой заботливости генеральши Ставрогиной звучат властные повелительные ноты. Никаких возражений Сони, ужасно испуганной предложением (вернее приказанием) поселиться навеки в Скворешниках, она не хочет слушать (с. 688):

— Все вздор! Я сама буду с тобой ходить продавать «Евангелие». Ты меня теперь никого на свете!

— У вас, однако, есть сын,— заметил было Зальцфиш.

— Нет у меня сына! — отрезала Варвара Петровна и — словно чила.

По отношению к своему сыну Варвара Петровна, наоборот, не только не отличается нетерпимостью, но ведет себя вежливо и смирно, и все же противоречия здесь нет: ведь речь идет о материнской любви, о постоянной тревоге матери за единственное дитя.

Когда нетерпимость сочетается с *положительными этическими чертами характера*, данное обозначение, пожалуй, не совсем уместно; такие люди не выносят возражений и приходят в состояние аффекта при всяком критическом замечании в их адрес.

Нетерпимой женщиной, ставящей, однако, перед собой высокие городные цели, является у *Готхельфа* Лизи, жена крестника Бенца (роман «Дух времени»). Уже в начале романа мы узнаем о том, что если мужа Лизи собираются избрать в муниципалитет, то прежде всего необходимо спросить саму Лизи. Она решительное лицо заявляет (с. 41):

— Я не возражаю против избрания Бенца, но тут прежде всего надо с его женой договориться. Жена у него уж больно решительная. Если ему такое запоет, если он даст согласие без ее ведома, что ему, бедняжке, поздоровится.

Ту же тему обсуждает с самой Лизи один из друзей Бенца, который тоже член муниципалитета (с. 174):

— Так ты ему не разрешила? — спросил Ханс. — Знаешь, дорогой, еще, что не каждый муж должен спрашивать разрешения у жены о всяком пустяке. — Вот как? А ведь многим, ох, как многим мужьям это не повредило! Другой, бывает, — ну, просто ни ума не хватает, ни опыта не знает, а вот посоветовался бы с женой, — и себе, да и детям было бы лучше.

Лизи обладает драгоценным качеством — сочувствием. Тем не менее в стремлении добиться своего она крайне нетерпима. Она не выносит людей, не прислушивающихся к ее словам, стремится всех поучать. Лизи взрывается, когда муж говорит о необходимости быть терпимей. Именно нетерпимость является ее характерной чертой. Она и ведет к тому самому «решительному поведению», которое подчеркивает Готхельф.

Весьма характерна картина поведения там, где борец по натуре обладает к тому же резко выраженным чувством справедливости. Потребность в справедливости составляет одну из важнейших черт в сфере направленности интересов. Подкрепляемая нравственными задатками, она приводит к поступкам, напоминающим *параноическое развитие*, именно те его случаи, когда человек «борется за свои права». Но в то время как параноически акцентированные личности борются за то, чтобы достичь своей личной цели, а не за объективную справедливость, люди, у которых является борьба за правду, ищут именно объективной справедливости. Существуют люди с сильным чувством справедливости, но не отличающиеся одновременно большой социальной активностью. Этих людей знают в узком кругу друзей или семьи, но в общем они мало бросаются в глаза и вряд ли дадут писателю или поэту повод изобразить их в галерее личностей героических. Совсем иное положение в тех случаях, когда человек отстаивает справедливость социальную.

Герой с подобной комбинацией черт представляется Шиллером в лице Карла Моора в драме «Разбойники». У Моора обостренное чувство справедливости, одновременно в нем живет и беззастенчивый дух, готовый смести с пути все преграды. Так он становится атаманом шайки разбойников. Случилось же это именно тогда, когда отец оттолкнул его, низко оклеветанного собственным братом. В Мооре пробуждается ненависть мятежника, близкая к «инстинкту борьбы» (с. 44):

— О, если бы я мог протрубить на весь мир в рог восстания и воздух, мои руки земли поднять против этой стаи гниел!

Однако позднее Карл борется не столько за собственные права, сколько за попранные права других людей. Правда, иногда его банды действуют бесконтрольно, но он сам уничтожает только тех людей, которые обидели других, а поэтому и являются справедливого возмездия. Один из разбойников говорит о нем (с. 66):

— Он убивает не для грабежа, как мы. О деньгах он, видно, и думать перестал с тех пор, как может иметь их вволю; даже ту треть добычи, которая принадлежит ему по праву, он раздает сиротам или жертвует на учение талантливым, но бедным юношам. Но если представляется случай пустить кровь вешнему, дерущему шкуру со своих крестьян, или проучить бездельника в кабаке галунах, который криво толкует законы и серебром отводит глаза правосудию, или другого какого господничка того же разбора, тут братец Карл он в своей стихии. Тут словно черт вселяется в него, каждая жилка его закипит фурней.

Вслед за этой тирадой идет описание конкретного случая, когда граф Регенсбург выиграл миллионную тяжбу благодаря плутням своего адвоката. Людей такого склада, сумевших обойти закон с помощью коварного обмана, Карл Моор наказывает. При этом он ориентируется не на то, что дозволено или запрещено законом, а на то, что подсказывает ему собственное чувство справедливости. Его преосвященство патер пытается внушить Моору, что следует понимать под «правом» и «недозволенностью». Моор сознается в том, что он бандит, убийца и поджигатель, заявляя одновременно, что отнюдь не чувствует за себя вины. Указывая на перстни на своих пальцах, он говорит:

— Видите эти четыре драгоценных перстня у меня на руке? Ступайте и пункт за пунктом изложите высокочтимому судилищу, властному вельможи и смерти, все, что вы увидите и услышите! Этот рубин снят с одного министра, которого я на охоте мертвым бросил к ногам его государя. Выходец из черни, он лестью добился положения первого любимца предшественника послужило ему ступенью к высоким почестям, он в слезах обобранных сирот.— Этот алмаз я снял с одного финансового спекулянта, который продавал почетные чины и прогонял от своих дверей скверного родине патриота.— Этот агат я ношу в память гнусного попа, который придуршил собственными руками за то, что он в своей проповеди плавно упалок инквизиции.

А как же расценивает Моор «справедливость» господствующих сильных? Вот что он говорит патеру (с. 76):

Из поднебесной выси грозным голосом проповедают они смиренность и любовь, богу любви, словно огнерукому Молоху, приносят человечество. Они поучают любви к ближнему — и с проклятиями отгоняют вешние летнего слепца от своего порога; они носят скупость — и они же за золотыми слитками опустошили страну Перу и, словно тятля, впрягли язычников в свои повозки.

Так Карл Моор раскрывается Шиллером как страстный борец за истинную справедливость. Ущемления его самого в драме не преувеличены, ведь личный протест Карла Моора — реакция на несправедливость, разрушившую всю его жизнь, отнявшую у него и отца, и невесту, и состояние. Естественно, что известное место в драме отведено и борьбе Моора за собственные интересы, — в конце концов, присущая ему нетерпимость к любой несправедливости. Но борьба за «личную справедливость» безусловно отступает на задний план перед борьбой за общественную правду.

Нетерпимости как индивидуальной черте человеческого характера можно противопоставить такую черту, как миролюбивость. Мирлюбивые люди не могут чувствовать враждебности там, где это было бы полностью обосновано. Эта черта присуща Натану Мудрому Лессинга. Он всегда противостоит религиозной нетерпимости. Религия не только считает, что она одна способна дать человеку блаженство, но не понимает и не хочет понять сути других религий, фанатически ее преследуя, а Натан

сосуществование трех великих религий Европы и Малой Азии — христианской, иудейской и магометанской. Для него это не только сугубо теоретическая идея, она отвечает сущности его характера, есть проявление его самовыражения. Его взгляды совпадают с поведением в жизни, что особенно ярко показывает реакция на страшное несчастье, причиненное ему христианами (с. 327—328):

Натан: Дала от Вас я получил в Даруне, / А перед тем... Едва ли вам известно, / Когда брата христиане перебили / От мала до велика всех евреев; / Едва ли вам известно, что при этом / Лишился я жены и семерых / Цветущих сыновей; у меня в доме / Я спрятал их — и все они сгорели.

Идиот: И как? / О Боже праведный!

Натан: Когда вашим / Прибытием лежал я трое суток / В золе, в пыли, — лежал и плакал? / Нет, мало: бесновался, проклинал, / И господа хулил, и царству / В непримиримой ненависти клялся.

Идиот: И как? / А мнею вам!

Натан: Когда зовонок ко мне / Рассудок постепенно возвратился, / И услышал его голос: / «Ведь есть над нами бог! И в этом только / Исполнилось его слово! / Теперь — на новый путь! Яви в делах, / Что уже давно постигнуто. / Кто хочет, для того осуществить / Что-либо не труднее, чем постигнуть. / Иди!» Я встал и произнес: «Иду, / Коль божья воля такова.

Эта страшная судьба вызывает ненависть к совершившим ее людям даже у Натана. Но в то время как другой человек бы ненависть к злодеям на всю жизнь, Натан вскоре превращает ненависть и гнев. Он искренне привязывается к молодой сироте, христианке. В этой посланной ему небом «дочери» видит компенсацию за своих умерщвленных христианами. То есть ненависть совершенно чужда натуре Натана.

Лессинг трактовал своего Натана несколько иначе. Он задался, пожалуй, целью утвердить примат разума. Но разумом он стремился обосновать терпимость своего героя. Но ведь разумные поступки возникают не на голом месте. Они возникают, ни добрая воля не способны победить там, где преобладают, особенно аффекты личности выступают против. Лессинг называет Натана не только умным, но и добрым. Но никакого альтруизма мы в нем не видим. Он раздает, конечно, милостыню, но на его огромном богатстве это несколько не сказывается. «Добрый» в этом случае не значит «щедрый».

Вотому что движущей пружиной его поступков является не милосердие, стремление к миру между людьми. Но, как мы знаем, эта индивидуальная особенность человека и оказывает существенное влияние на его поведение.

В романе «Идиот» Достоевского одним из главных героев является эпилептик князь Мышкин, идеально добрый человек, доброты которого вызывает всеобщее удивление. Князь Мышкин обладает всеми качествами, побуждающими человека

защитить ближнего. Его отличительная черта — очень сильное *сочувствие людям*. Князь ко всем испытывает *жалость*. Это проявляется еще во время пребывания в Швейцарии, когда принимает участие в бедной девушке, от которой все окружающие отвернулись. В этот же период проявляется и его склонность к *сопереживанию радости* — он искренне любит детей и, забываясь с ними, испытывает чистосердечную радость. Достоевский неоднократно описывает поступки Мышкина, продиктованные сочувствием, жалостью. Любовь к Настасье Филипповне у самого начала окрашена жалостью, а впоследствии от любви кроме жалости, ничего и не остается. Князь испытывает жалость даже к своим противникам, например, к Рогожину, настроенному к нему враждебно. Рогожин вынашивает некоторое время мысль об убийстве князя и однажды даже замахивается на него ножом. От верной смерти князя спасает только эпилептический припадок, начавшийся как раз в тот момент. Мышкин не поддается на провокации Рогожина, хотя оба они постоянно сталкиваются как соперники на почве любви к Настасье Филипповне.

В этом сказывается вторая особенность личности, отличающая князя Мышкина и добрых людей вообще, — отсутствие *враждебности, ненависти* к людям, отсутствие духа борьбы с тающего зло с пути. Эта черта роднит князя с Натаном Мудрым. Князь склоняется даже к тому, чтобы уступить Настасью Филипповну Рогожину, он не делает шагов в этом направлении только потому, что жалеет девушку. Князь хорошо знает, что Рогожин в свое время отомстит Настасье Филипповне, и месть эта будет ужасна.

Впрочем, князь имеет основания испытывать ненависть не только к Рогожину, но и ко многим героям романа: люди часто задевают его, насмехаются над ним, открыто называют его именем. Мышкин ни к кому не испытывает враждебных чувств, никем не возмущается; более того, анализируя поведение своих обидчиков, князь нередко склонен винить себя. В тех случаях, когда у него должны просить прощения, он сам его просит и полагает, что проступок был спровоцирован чем-то в его поведении. Когда другим следовало бы устыдиться, Мышкин чувствует себя пристыженным. Это третья индивидуальная особенность, отличающая князя, — *преувеличенное чувство чести*. Некий молодой человек оказал Мышкину незначительное одолжение. В знак благодарности Мышкин готов заплатить «бедному детелю» десять тысяч рублей, но после этого предложения начинаются угрызения совести: князь корит себя за то, что предложил деньги в «грубой, вульгарной форме» и позднее просит простить его. Когда он впервые делает предложение руки и сердца Настасье Филипповне, а та соглашается еще обыкновенной содержанке, а она бормочет что-то о потерянной ей чести, князь говорит: «Я полагаю, что вы потеряете честь, а не я вам». Князь часто краснеет от стыда.

объективно для этого повода и нет. Вспомним, что мы отмечали в романе доброту Вани и Натана Мудрого, но идеально добрый человек должен обладать сочетанием всех трех названных особенностей.

Идеальный образ доброго человека, созданный в этом романе Достоевским, едва ли может существовать в действительности. Князь — своего рода Христос, готовый полюбить своих врагов и подставить правую щеку, когда его бьют по левой. Достоевский сам говорит о его «христианском смирении». И все же Мышкин — не схема, не оболочка, внутри которой заключен голый принцип, с чем мы выше сталкивались у других авторов. Достоевский — настолько совершенный психолог, что даже идеальный образ остается у него человеком, т. е. он не превращает его в условную фигуру, в действующую маску. Несмотря на некоторое неизбежное преувеличение всех черт личности, обычное в романе, Мышкин вправе сказать, что можно особенно хорошо проникнуть в психологию реального доброго человека, если знакомиться с ней не «преувеличению» Достоевского. Следует заметить, что добрые люди в действительности не являются акцентированными личностями. Конечно, в них больше чем в недобрых людях сочувствия к окружающим, они — за мирное разрешение любого конфликта, они обладают и большим сознанием долга, но все эти качества не проявляются в чрезмерной степени, так что в целом тип не выходит за рамки человека среднего уровня.

Сходную с князем Мышкиным идеальную фигуру представляет собой Алеша из романа Достоевского «Братья Карамазовы». И здесь Достоевский изображает человека, который всегда все прощает и каждого готов полюбить. Только свойственная Алеше стыдливость у Алеши развита в значительно меньшей мере. Однако сталкиваясь со страданием, с болью, Алеша испытывает и жалость, и неодолимое желание, даже потребность помочь. Если помочь не удастся, Алеша озабочен, опечален. Например, его доводит почти до отчаяния тяжелый конфликт между братьями Иваном и Дмитрием, ведь один обручен с женщиной, которую любит другой, а к чему может привести такая ситуация (с. 235):

Не новые ли поводы к ненависти и вражде в их семье? А главное, кому, Алеше, жалеть? И что каждому пожелать? Он любит их обоих, но что каждому пожелать среди таких страшных противоречий? В этой путанице можно было совсем потеряться, а сердце Алеши не могло выносить неизвестности, потому что характер любви его был всегда деятельный. Любить пассивно он не мог, возлюбив, он тотчас же принимался и помогать.

Ко всему Алеше, точно так же, как и Мышкину, *неведомо чувство вражды и тем более ненависти*. Он всегда настроен кротко, миролюбиво. Он никогда не нападает на другого, как бы тот ни оскорблял.

Особенно характерно поведение Алеши в сцене его случайного вмешательства в драку школьников, когда один из них избивает его камнями, а затем до крови прокусывает ему палец.

Хотя Алеша знает, что нападение на него совершено без всякой причины, он тем не менее не испытывает гнева к злобному мальчишке (с. 226):

Алеша закричал от боли, дергая изо всей силы палец. Мальчик выпустил его, наконец, и отскочил на прежнюю дистанцию. Палец был больно протиснен, у самого ногтя, глубоко, до кости; полилась кровь. Алеша вынул палец и крепко обернул в него раненую руку. Обертывал он почти целую минуту. Мальчишка все это время стоял и ждал. Наконец Алеша поднял на него спокойный тихий взор.

— Ну, хорошо,— сказал он,— видите, как вы меня больно укусили? Ну, и довольны ведь, так ли? Теперь скажите, что я вам сделал?

Мальчик посмотрел на него с удивлением.

— Я хоть вас совсем не знаю и в первый раз вижу,— все так же спокойно продолжал Алеша,— но не может быть, чтобы я вам ничего не сделал. Не стали бы вы меня так мучить даром. Так что же я сделал и чем виноват перед вами, скажите?

В лице Алеши Достоевский также создал нечто вроде фигуры Христа. На это есть непосредственные указания и в самом романе. Между Алешей и Ракитиным происходит следующий разговор (с. 447):

Ракитин не выдержал:

— Что же, обратил грешницу? — злобно засмеялся он Алеше. — Блудница на путь истины обратил? Семь бесов изгнал, а? Вот они где, наши чудеса давешние, ожидаемые совершились!

— Перестань, Ракитин,— со страданием в душе отозвался Алеша.

— Это ты теперь за двадцать пять рублей меня давешних «презираешь». Продал, дескать, истинного друга. Да ведь ты не Христос, а я не Иуда.

Доброму человеку Алеше Ракитин противопоставлен как злое начало, как Иуда. Он всюду сеет раздор, из которого жаждет извлечь для себя выгоду. В дальнейшем мы столкнемся с персонажами, злоба которых гораздо более жестока, чем у Ракитина.

Не лишен некоторого романтического преувеличения и «добрый» человек, изображенный *Байроном* в драме «Сарданапал». Ассирийского царя Сарданапала все считают недостойным потомком предков-воителей, так как он настроен против кровопролитных войн, против завоеваний. В бредовых снах ему является могучая владычица, его прабабка Семирамида. Сарданапал призывает ее «чудовищем средь царственного рода»; «целомудрой бабкой-ведьмой, воинствующей Семирамидой». Позднее обращается к ней так: «Прочь ты, прабабки тень, пятой кровью! Там в Индии, ступавшая по трупам». Посылать людей на смерть, покорять себе целые народы? Нет, у него другие идеалы. «Лучше было б, / Чтоб, сидя во дворце, она соткала / Десятка десятков одежд, чем так бежать / С двумя десятками солдат, оставив Волкам и воронам и вражьей злобе / Тьмы тем своих работ». Сарданапал знает себя: он склонен любить, творить добро, прощать безрассудство. Он восклицает: «С меня довольно. Коль я могу снять с подданных своих / Нужду и страх и дать им умереть спокойно». Когда брат его жены, ассирийской царицы, нарушает границы этикета, Сарданапала лишь на мгновение

вытывает гнев, а затем он произносит: «Я снисходителен и терпелив, / Ты знаешь это. Чем же ты встревожен?»

Он не может быть жестоким и к своим скрытым противникам — придворным, хотя не сомневается в их вине: он оставляет их оружие, обрекая себя на гибель. Мирра, его возлюбленная рабыня-гречанка, так говорит об этом поступке (с. 360):

— Он сбил его ударом крепким с ног, / И негодяй спастись пытался бегством, / Но, пожалев о нем в последний миг, / Царь спас его, своим венцом

Сарданапал заставляет страдать свою жену, полюбив гречанку-рабыню, но и сам он страдает, видя скорбь царицы Зарины. Будучи уже близок к гибели, он организует бегство ее и детей, хотя Зарина не хочет покидать его, она все еще любит его. Попрощавшись с нею и оставшись один, он горестно восклицает (с. 350):

— Мне ль так страдать, / Не причинявшему мучений людям! / Неправда! / Если любили мы друг друга. / О, роковая страсть! Зарина, / Я дорого расплачусь за твои мученья...

Его возлюбленная, рабыня Мирра, достойна столь самозабвенного чувства, она предана царю и говорит о своем унижении (с. 353):

Сарданапал:

Ты ведь говорила о позоре.
Мирра:
Да, и лишь моя любовь сильнее его.

Несмотря на все старания царя спасти Мирру, она идет с ним на смерть.

Создавая образ Сарданапала, Байрон основывался на рассказе Диодора Сицилийского, который отмечает в царе «женственные черты». Может быть, этим объясняется то, что Байрон выделяет своего героя, наряду с мужественностью и благородством, некоторыми сугубо женскими качествами. Так, перед тем как отправиться в бой, Сарданапал смотрит на себя в зеркало; в лицо ли ему военные доспехи. А возможно, Байрон приписывает царю собственные черты характера. Как известно, поэт был сластен и всегда старался блеснуть изысканностью одежды.

Сарданапал, можно сказать, идеал добродетели: это миролюбивый человек, владыка, испытывающий искреннюю жалость и сочувствие к своим подданным.

Вообще мы не так уж редко встречаем в художественной литературе описания людей добрых, хотя они и не всегда настолько колоритны. В «Войне и мире», например, большой добротой отличается Соня, которая сама всегда остается в тени. Она «сопереживает» все радости и горести семьи Ростовых, в которой выросла; никогда она не забывает о долге в отношении Ростовых, почти без борьбы отказывается от своих прав на мо-

лодого Ростова, несмотря на горячую к нему любовь и на обещание, которым он себя с нею связал. Конечно, на разрыве настаивает старая графиня, и Соня почти не оказывает сопротивления.

Подобной фигурой, несколько тщательнее выписанной в романах, является Врени из романа *Готхельфа* «Ули-арендатор». Она тоже воспитывается в чужой семье, но привязана к ней любовью. Она также не «борется» за возлюбленного, который любил ее сводную сестру, не достойную Ули, и вообще не знает ничего хорошего о нем. У Врени есть все основания относиться к ней враждебно, но она ничего не предпринимает против соперницы. К концу романа Врени все же становится женою Ули и «навсегда остается путеводной звездой».

Не менее редко встречаются в художественной литературе персонажи, воплощающие злое начало, такие как Ричард Яго («Отелло»), незаконный сын Эдмунд («Король Лир»). Такие же дочери короля Лира Регана и Гонерилья, секретарь Эдварда («Коварство и любовь» Шиллера). У всех этих лиц нет сочувствия к окружающим, к близким, они причиняют им жестокое мучение,нисколько не стыдясь своих поступков. К тем, кто стоит им поперек дороги, они относятся враждебно, с ненавистью. Ненависть вносит активную ноту в присущую им злобу. Таким образом, в любой их черте мы находим прямую противоположность доброте. *Доброе или злое начало проявляется в человеке там, где оно «накладывается» на определенную ситуацию.* Например, злоба Реганы и Гонерильи носит сначала довольно пассивный характер, но, охваченные ревнивой любовью к Эдмунду, они становятся желчны, исполнены ненависти и даже начинают дьявольски активны.

В реальной жизни злобность (как и доброта) в подобных масштабах не свойственна людям. Такого мнения, видимо, придерживался и, например, Шекспир — Яго говорит своей жене, когда та говорит ему о сходстве с ним самим негодяя: «Фу, Эмилия, оставь это! Таких людей не бывает! Право, это невозможно».

Блестяще показана скверна и низость действительности в другом образе художественной литературы, Жорже Дюруа — герое романа «Милый друг» *Мопассана*. «Милый друг» — так называют этого пожирателя женских сердец. Но лишь немногие знают, что Дюруа, или барон Дю Руа де Кантель, мультимиллионер, обязан своими успехами холодному расчету и что, забыв об этом, потеряв не только элементарное сочувствие к людям, но и всякий стыд и совесть.

С характером этого типа, которого мы с полным правом можем определить как законченного подлеца, мы знакомимся в самом начале романа, когда Дюруа вспоминает о своей несчастной ской жизни в Африке (с. 5—6):

Дюруа невольно пришли на память два года, которые он провел в Африке, в захолустных крепостях на юге Алжира, где ему часто удавалось выигрывать у арабов. Веселая и жестокая улыбка мелькнула на его губах.

... об одной проделке: трем арабам из племени улед-алан она стояла
... это он и его товарищи раздобыли двадцать кур, двух баранов, золо-
... для всем том целых полгода им было над чем смеяться.

Читатель в самом начале может предположить, как в даль-
... тем будут складываться отношения Дюруа с женщинами,
... Мопассан и здесь слегка приоткрывает занавес прошлого:

Карьерная служба благоприятствовала его сердечным делам; помимо
... побед у него были связи с женщинами более высокого полета,— ему
... соблазнить дочь податного инспектора, которая готова была бросить
... эти за ним, и жену поверенного, которая пыталась утопиться с горя,
... ее покинул.

Плане Дюруа удастся снова «развернуться» в Париже, про-
... некоторое время, поскольку вначале ему приходится бо-
... с денежными и профессиональными (овладение профес-
... журналиста) трудностями. Первый порок Дюруа, с которым
... знакомимся по ходу развития фабулы,— это отсутствие сты-
... Он не только не отказывается от денег, которые его возлюб-
... тайком сует ему в карман, но даже расплачивается эти-
... сумми деньгами с какой-то проституткой. Однако его бес-
... в этом периоде еще не проявляется. Более того, он так
... обращается с маленькой Лориной, дочерью своей воз-
... лубленной, что все считают его добрым, чувствительным чело-
... Но и эти забавы с малышкой построены на голом расчете.
... в таком случае она, та самая девочка, которая придумала ему
... «Милый друг», впоследствии упорно уклоняется от
... с ним; ее отталкивает от Дюруа здоровый инстинкт. По мере
... действия мы все чаще убеждаемся в том, что герой
... лишен сочувствия к тем людям, которым он наносит
... или материальный ущерб. Нет у Дюруа даже эле-
... порядочности. Он глубоко потряс возлюбленную со-
... о своей предстоящей женитьбе, сначала он делал вид,
... жалел об этом, но на самом деле (с. 133):

... чувствовал себя так, точно сбросил с себя невероятную тяжесть, да,
... свободен, спасен, мог начинать новую жизнь.

Дюруа из расчета женится сначала на госпоже Форестье,
... своего друга. Некоторые детали наводят его на мысль, что
... состоя в первом браке, обманывала своего мужа; и вот
... он называет покойника (своего лучшего друга!) только
... «рогоносец Форестье». Он заявляет жене, которую это ос-
... выразение всегда корбит (с. 206):

... ведь это правда, дорогая! А кому вредит правда теперь, когда этот
... Форестье уже отошел к праотцам?

Дюруа считает, что ему выгодно будет вступить в интимную
... с госпожой Вальтер, женой своего шефа. Несколько раз,
... с ней, он вворачивает в разговор лестные замечания о
... а затем почти силой вынуждает ее к сожителству с
... (с. 214):

Заперев за собой дверь, он бросился на нее, как хищный зверь на добычу. Она отбивалась, боролась, шептала: «Боже мой!.. Боже мой!..»

Вскоре после этого он отталкивает от себя полюбившую его мадам Вальтер самым грубым образом, так как нащупал безреальные возможности обеспечить свои деловые интересы.

На этот раз он начинал ухаживать за молоденькой дочерью того же шефа. Этот союз обещает куда больше, чем сомнительная выгода связи с мамашей, ведь Вальтер назначил за дочерью колоссальное приданое. Правда, чтобы загрести эти капиталы, необходимо освободиться от жены, брак с которой в свое время тоже принес ему и деньги, и почет, — но все же куда скромнее капиталам Мадлены до миллионов дочери Вальтера? Дюруа добивается оснований для развода бессовестным и наглым образом. Плевать ему на то, что он сам, женатый мужчина, постоянно имеет любовницу, а то и двух; он устанавливает слежку за женой. В сопровождении полицейского инспектора он проникает в комнату, в которой находится Мадлена со своим любовником. Мотив для развода, так нужный Дюруа, он держит в руках! После этого он окончательно покоряет дочь и увозит ее. Отчаяние матери, которая теряет не только дочь, но и любовника (а она все еще безумно его любит), оставляет Дюруа совершенно холодным. Он и на этот раз демонстрирует полное бездушие.

Дюруа совершает еще не одну гнусность. Выходки Дюруа сопровождаются его «злорадным смехом»: он хохочет, когда добивается своего.

Госпожа Вальтер очень долго не может поверить в его жестокость (с. 290):

Она долго думала о том, замешан или не замешан в интригу этот человек. Нет, Милый друг, наверное, ничего не знает о выходке Сюзанны... Неужели подбил ее на это, то какой же он негодяй!

Госпожа Марель, его возлюбленная, находит правильные слова для оценки его поведения (с. 295):

— Значит, ты, как только разошелся с женой, тут же начал ухаживать за дочерью, а меня преспокойно держал в качестве временной заместительницы. Глядя ему в лицо проговорила она злобным шопотом.— Какой же ты подлец! Как же это я не раскусила тебя с самого начала? Да нет, я никогда не была мала, что ты такая дрянь.

Когда же Дюруа просит ее быть поосторожнее в выражениях, она окончательно взрывается (с. 295):

— Как? Ты хочешь, чтобы я разговаривала с тобой в белых перчатках? Все время ты поступаешь со мной по-свински, а я не смею слова сказать тебе. Ты всех обманываешь, всех эксплуатируешь, всюду срываешь цветы, ворочишь и солидные куши и после этого хочешь, чтоб я обращалась с тобой как с рядочным человеком?

В финале этой сцены грубость Дюруа достигает апогея. Когда же да госпожа Марель бросает в его адрес, наряду со свирепыми обвинениями, также несколько ложных обвинений, он жестоко отплатит ей (с. 296):

Он бросился на нее, подмял ее под себя и принялся избивать ее так, точно был мужчиной.

Эта сцена подтверждает, что Дюруа обрушивает на тех, кто стоит ему поперек дороги, яростную *ненависть*. В начале романа это свойство было не столь заметно, но постепенно оно обрывается все ярче, а к корыстным устремлениям теперь прибавляется еще и агрессивная тактика. Дюруа восклицает: «Тем, кто помешает моим планам! Я никогда ничего не прощу». Даже его шеф Вальтер понимает это: «Черт возьми! Этот молодчик надо быть в ладах... Да, этот негодяй далеко пойдет». В этот момент Вальтер еще не знает, что Дюруа замышляет сразить его самого.

Иногда мы видим, что три слагаемых психики определяют Дюруа как носителя злого начала: недостаток сочувствия, в первую очередь жалости к людям, отсутствие стыда и тенденция преувеличивать препятствия, встающие на его пути, прибегая к чело-веческим выпадкам. Если мы находим в художественной литературе много персонажей, которым присущи все три качества, это объясняется отчасти профессиональными соображениями: изображение гнусного персонажа открывает писателю возможность показать трагическую судьбу положительного героя, столкнув того и другого. Людям добрым, наивным, сердечным злодей наносит ущерб, а нередко служат причиной их гибели; поэтому художник достигает эффекта трагической коллизии. Обычно, как правило, погибают не только добрые, но и злые... Милый Робессана в этом случае составляет исключение: Милый своим коварством и коварством обеспечил себе превосходное будущее. Дюруа никого не уничтожал физически, лишь госпожа Вальтер была близка к самоубийству.

Дюруа, в которой стремится Дюруа, — добиться денег и положить им нет оснований утверждать, что эти эгоистические стремления носят патологический характер: просто их осуществление никто не препятствует. Любому человеку хотелось бы иметь почет и материальных благ, но у большинства людей развито этическое начало, чтобы не позволить себе «шагнуть по трупам». Но существуют лица, у которых тщеславие и жадность выходят за пределы нормы.

Принадлежат ли к таким персонажам Франц Моор из драмы «Франц» Перед нами, несомненно, дьявольский характер. Но Франц — *явный истерик*: наряду с прочими качествами характера человека ему помогает великолепное искусство притворяться. При наличии истерической структуры личности злобные стремления человека требуют особого подхода. В таких случаях важно определить, отсутствует ли у данного лица эстетическое чувство, или, может быть, оно имеется, но вытеснено эгоистическими тенденциями, что усугубило эгоистические про-стремления. К Францу Моору мы еще вернемся.

Можно также сказать о Тартюфе *Мольера*, который под личиной святости совершает величайшие гадости. Мож-

но было бы вспомнить и о миледи из «Трех мушкетеров» Дюма — истинной дьяволице в облике красивой женщины. Ее притворство так совершенно и убедительно, что, несомненно, носит исторический характер. Молодой офицер Фельтон должен доставить миледи к месту назначения как преступницу, но миледи, находясь под конвоем, сумела так оплести своего конвоира, что он под конец пути видит в ней чуть ли не ангела, преследуемого низкими людьми. Фельтон преклоняется перед ней, «как перед святой», она же толкает его к гибели, такой ценой покупая свободу. Теперь у нее развязаны руки и она может совершить злобу в отношении Констанции Бонасье, которую также притворяется «своей притворной ангельской улыбкой».

Конечно, привлечение такого фактора, как истерические моменты в структуре личности, может в какой-то мере смягчить отрицательную оценку подлого поступка, но ни в коем случае не снимает ее полностью. Впрочем, истерия не противоречит наличию у человека нравственных принципов.

Выше мы рассмотрели преобладание эгоистических установлений в тех случаях, когда альтруизм, если и был представлен, то в зачаточном состоянии. Однако существует и такое явление, когда сила эгоистических интересов подавляет всякое проявление альтруизма даже тогда, когда он заложен в человеке. Эффект в общем примерно одинаков. Но все же интенсивность активного, «наступательного» эгоизма обычно заметнее. Особенно сильно разрушительное действие эгоизма сказывается у людей честолюбивых, честолюбие также принадлежит к *стремлений и склонностей*.

Превосходную иллюстрацию *честолюбия* такого плана нам дает *Стендаль* в романе «Красное и черное». Все мысли и поступки Жюльена Сореля подчинены честолюбивым планам. Для него не свойственно паранойяльное честолюбие, так как оно дозорительности, ни патологической обидчивости в его отношении нет. Отсутствует и паранойяльная борьба за «правду». Однако в романе неоднократно упоминается о том, что Жюльен с завистью смотрит на представителей высшего общества, хотя в этом сказывается лишь досада честолюбца, но она является протест угнетенного человека. Поэтому Жюльен не враждебно настроен и никогда не чувствует серьезной обиды. С другой стороны, ему чуждо и желание быть в центре внимания, свойственное истерикам. Он не склонен к притворству, хотя часто фальшь, царящая в высших сферах, Жюльену кажется гадкой. Внешний блеск человека должен быть лишь средством уважения, которое он вызывает у окружающих.

Уже в юности Жюльен мечтает о славе. Его мечта — стать императором (с. 70):

В продолжении многих лет не было, кажется, в жизни Жюльена ни одного часа, когда бы он не повторял себе, что Бонапарт, сделавшись владыкой мира с помощью своей воли, спас его от его несчастий, которые ему казались ужасными, и доставил ему радость, когда ему случалось чему-нибудь радоваться.

Госпожа де Реналь Жюльен решает завоевать из честолюбия. Ему удается получить первое доказательство чувства (с. 106):

Госпожа де Реналь, совершенно упоенная своей любовью, пребывала в том изнеможенном неведении, что даже не упрекала себя ни в чем. Всю ночь не смыкнула глаз: счастье не давало ей уснуть. Жюльен сразу заснул мертвым сном, совершенно изнеможенный той борьбой, которую в течение целого дня вел в его сердце застенчивость и гордость.

Жюльен вскоре после этого госпожа де Реналь делает отчаянную попытку своей холодностью, строгостью порвать с Жюльеном, что вызывает у него не страдания, а только высокомерное презрение (с. 132):

На его лице можно было прочесть только гнев и возмущение... На податливом лице его отразились оскорбленная гордость, гнев.

Госпожа де Реналь покорена окончательно; она ищет вернуть Жюльена, еще больше подогревая его честолюбие (с. 132):

Она была уверена в привязанности Жюльена, может быть, ее добродетель была бы не в состоянии устоять против него. Но сейчас, когда она боялась потерять Жюльена, она не противилась своему чувству и забылась до того, что сама была готова за руку, которую он в рассеянности положил на спинку стула, и сама встал из оцепенения юного честолюбца. Как ему хотелось, чтобы сейчас все эти знатные, спесивые господа, которые за завтраком, когда он сидел с детьми на заднем конце стола, поглядывали на него с покровительственной улыбкой! «Нет, эта женщина не может быть такой покровительственной улыбкой! — сказал он себе, — а если так, то мне незачем противиться ей, я сам не хочу потерять уважение к самому себе, я должен быть победителем».

В отношениях с Матильдой де ля Мошь Жюльен вначале, как и госпожа де Реналь, ищет только самоутверждения. Он чувствует себя самоуверенно: «Было бы забавно, если бы она была так добра». Получив от Матильды письмо с объяснением в любви, он испытывает чувство триумфа (с. 412):

Жюльен восторжествовал над маркизом де Круазенуа окончательно и окончательно добродетели.

— Ты бы и хотел, чтобы он вышел из себя! — говорил Жюльен. — С какой гордыней ты бы я ему теперь удар шпагой! — И он сделал стремительный шаг вперед. — До сих пор я был в его глазах просто холуем, которого он считал за меру. После этого письма я ему ровня.

Жюльен продолжал он, с каким-то необыкновенным сладострастием произнося каждое слово, — наши достоинства — маркиза и мои — были взвешены, и маркиз из Юры одержал победу.

Письмо Матильды вызывает в душе Жюльена больше счастья, чем счастье любви (с. 432):

Какая разница! В его ощущениях сейчас не было решительности. Это был просто бурный восторг честолюбия, а Жюльен был так же честолюбив. Он снова стал рассказывать ей, какие у него меры предосторожности он придумал. И, рассказывая, он бы ему воспользоваться плодами своей победы.

Отношения между Жюльеном и Матильдой двойственны: то они любят друг друга, то унижают; то они признают успех у Матильды в гораздо боль-

шей степени влечет за собой удовлетворение гордости Жюльена, чем пылкие любовные переживания. Стендаль прямо говорит об этом: «Это было больше счастье честолюбия, чем любви».

Роман Стендаля дает наглядное представление о том, что такое *человеческое честолюбие*. Впрочем, поэтическое преувеличение и здесь весьма заметно, ибо вряд ли можно встретиться в действительности с такой силой, упорством и постоянством честолюбивых устремлений. Люди, основным стимулом которых является сильное честолюбие, в реальной жизни обладают иной структурой личности — это личности паранойяльные. Честолюбие Жюльена Сореля — это черта сферы стремлений и склонностей. Она является яркой особенностью индивидуальности Жюльена, но образ, созданный Стендалем, не дает оснований причислить Жюльена к акцентуированным личностям. Эмоциональные реакции Жюльена, порой чересчур бурные, мы носим за счет естественного поэтического преувеличения.

Весьма характерно сочетание честолюбия и чувства долга.

Мы уже знакомимся с таким сочетанием у Корнелия на примере его Химены, отличающейся не столь острым сознанием долга, как сознанием чести. Еще сильнее такое *сознание* выражено там, где сочетаются чувство долга, довлеющее над чувством стыда, и честолюбие, содрогающееся перед унижением.

Сочетание этих компонентов можно проследить на примере драмы *Лопе де Вега* «Дань из ста девушек».

Испания отправляет в Египет сто испанских девушек, назначаемых в жены арабам, — так верховный властелин использует право взимать дань с побежденных. Герой Нуньо Озорио, сначала охвачен возмущением, получив задание своего короля доставить «транспорт» по назначению, но долг заставляет его подчиниться распоряжению. Он сам попадает «изъятием» из соответствующих семей девушек, на пал жребий. Слыша вопли несчастных угоняемых, с глубоким сочувствием, но чувство долга Нуньо перед жертвами, Нуньо сначала не задумывается. Перелом происходит благодаря поведению одной из девушек, Санча. Кстати, в финале пьесы становится супругой Нуньо. По арабам Санча вдруг раздевается донага и в таком виде живая по кораблю среди подруг и конвоя: все считается масшедшей. Однако, видя арабов, она тотчас закутывается в одежды. Нуньо хочет выяснить мотивы ее страдания. Санча объясняет, называя при этом Нуньо «позором человечества». Известно, что женщины в другом наготы не стесняются. А перед таким конвоем стесняться тоже нечего, так как конвоиры-то еще трусливее любой женщины! Но когда Санча увидит настоящих мужественных мужчин, о, тут она сразу

себя одежды. Так чем же она унизила женскую честь, сбросив одежды перед жалкими трусами?

Слова Санчи сильно задевают честь Нуньо. Как? Он, гордый рыцарь, герой, назван «бабой» и оценен соотечественницей гораздо ниже, чем мавры?! Слова Санчи глубоко унижают Нуньо, а она его повергает в ярость. Он клянется кровью отцов, что потерпит издевательства женщины! Но если она права? Так это значит, куда заводят соглашения и приказы короля Альфонсо? И Нуньо отдает распоряжение готовиться к бою с маврами, хотя их пятьсот, а испанцев всего сотня. Он не боится смерти... Кто погибнет в бою, тот всего-навсего выполнит священный долг перед угнетаемыми...

Два долга было у Нуньо Озорио: долг перед королем и долг перед угоняемыми в рабство. Первый долг затмевал для него второй. Но коль скоро оказалась задетой его гордость, он пересмотрел свою позицию, и победу одержало то чувство долга, которое поддерживалось честолюбием.

Чувство чести в Древнем Риме, где величию империи были посвящены все личные чувства, воплощено *Корнелем* в его *Горациях* (в одноименной драме). Гораций в поединке убил одного из врагов Рима, который обручен с его сестрой Камиллой. Камилла оплакивает смерть возлюбленного, и, охваченная горем, проклинает Рим. Тогда Гораций, закалывая сестру кинжалом, восклицает: «Такой удар ожидает всякого, кто посмеет оплакивать врагов Рима!». Его отец — человек такого же склада, над трупами дочери он заявляет: «Я не сожалею о Камилле: она была преступницей». Женщины в этой пьесе противопоставлены мужчинам: жена и сестра Горация воплощают чувство человечности.

Чувство долга и честолюбие борются друг с другом и в драме *«Минна фон Барнхельм» Лессинга*, где «невольником чести» оказывается майор фон Теллхейм. Во время войны он обручился с дочерью Минной фон Барнхельм, но после войны, несправедливо обвиненный в проступке, вынужден покинуть армию и уйти в отставку. Обедневший Теллхейм не считает себя вправе жениться на этой девушке (с. 85—86):

Сударыня... Вы не дали мне кончить. Я хотел сказать: если у меня так скорбительно отнимут мне принадлежащее, если моя честь не будет восстановлена, то я не могу, сударыня, быть вашим. Ибо в глазах общества я не достоин этого. Фрейлен фон Барнхельм заслуживает ничем не заменимого мужа. Какая цена любви, если она не боится навлечь презрение на свой предмет? Какая цена мужчине, если ему не стыдно быть обязанным своим своим счастьем женщине?

Только искусной тактикой Минне удается вернуть себе возлюбленного и любовь торжествует над чрезмерной гордостью майора.

Чувство чести определенной социальной касты, например, дворян или студентов, обязывало их испытать огромную гордость от сознания принадлежности к ней. Ни под каким видом

и ни при каких обстоятельствах представитель касты не смирится, запятнать эту гордость.

Так не являются ли некоторые вышеописанные герои не индивидуальностями, а типами, представляющими, пусть несколько схематически, идеи и принципы определенной социальной касты, прослойки? Из этих соображений нам кажется уместным привести в качестве иллюстрации также персонаж из простонародья, так как в этом случае человек не понуждается к тем или иным нормам поведения никакими классовыми «предписаниями».

Эльзи, странная батрачка — героиня одноименного рассказа Готхельфа. Эльзи нанимается — вдали от родины — батрачкой к зажиточному крестьянину. Здесь она всем понравилась, ее любят и ценят. Но она не соглашается стать женой любимого ее парня, ибо стыдится признаться в том, что ее отец, батрацкий мельник, по собственной вине стал нищим. И лишь перед смертью — возлюбленного убивают, когда Эльзи находится рядом с ним — она сознается ему в своем чувстве. Трудно представить себе, чтобы любящая девушка в вопросе, решающем ее будущее, проявляла такую стойкость, а лучше сказать, упорство. Но Готхельф, глубокий психолог, пытается объяснить мотивы поведения героини. Важнейшими в характере Эльзи являются две черты: гордость, относящаяся к сфере чести, и чрезвычайно уязвимое чувство долга. Писатель характеризует оба элемента ее личности довольно однозначно. Сначала мы сталкиваемся с гордостью Эльзи (с. 256):

Одна дочь осталась в доме отца, самая красивая и самая гордая девушка в стране. Она мало участвовала в детских забавах, в играх и танцах, — они были ей не по душе, а ее считали гордячкой. Женихи приходили свататься к ней толпами, но один казался ей хуже другого. А везде шли слухи и повсюду поносили ее спесь и заносчивость.

Но в душе доброй дочери мельника живет и чувство долга (с. 256):

С детских лет Эльзи постоянно помогала по хозяйству, да и сама была так же умело, что родителям приходилось сдерживать ее пыл: не позволять наследнице выполнять тяжелую работу! Тогда Эльзи начала помогать им выполнять тайком, так, чтобы родители ни о чем не догадывались.

Особенно ярко иллюстрирует сочетание обоих элементов характера следующая отрывок, где наряду со стыдом, вызванным рождением чувства долга, проявляется гнев, свидетельствующий о разочарованной гордости (с. 257):

Ей казалось, что ее сердце разрывается на части, что в груди жгутся мельничные жернова; гнев, стыд душили ее, жгли, словно горячие угли. Собравшиеся вокруг люди злорадствовали по поводу ее горести, но она отлично чувствовала; даже если бы ей обещали все сокровища мира, она не могла ни одному из собравшихся сказать приветливого слова.

Будучи батрачкой, Эльзи сохраняет оба элемента своего характера — гордость, и сознание долга (с. 209):

Грубые шутки батраков она отвергала столь решительно, что батраки

казались их повторять, ибо слово Эльзи обладало редкой душевной силой, ответственней женскому полу, и все же все женщины уважали ее. Она ни в чем не жаловалась, и если могла оказать услугу батракам или батрачкам, то делала это не задумываясь; кое-какую работу Эльзи выполняла даже потихоньку от всех: бывало, кто-то забудет доделать начатое, а увидит мастер — непременно будет ругаться, вот тут-то Эльзи и спасала положение.

Хозяйке Эльзи нередко казалась «гордячкой», однако она считалась с девушкой из-за того, что с работой та справлялась превосходно (с. 258):

Но вскоре хозяйка поняла, что в лице Эльзи она обрела редкое сокровище, которого не купишь ни за какие деньги. Эльзи не только безукоризненно выполняла все, что ей поручали, но и сама видела, что надо еще сделать, включив в работу, не ожидая указаний, делала все быстро, безмолвно и безукоризненно. Не успеет хозяйка оглянуться — и все уже кончено, точно тут появились невидимые руки, точно добрые гномы помогли.

Готхельф показал таким образом, что честь, достоинство могут быть присущи не только знатым лицам, но и простой женщине. Особенно больно было бы Эльзи снести неуважение любимого человека, с которым она хочет построить семью. Вот почему она остается немой к его мольбам (с. 275):

— Мне бы пришлось выслушивать разные нелестные вещи об отце или о моей бедности. Я-то знаю мужской нрав и выносить нападки мужчины не умею, — признается она подруге.

Честолюбие в сочетании с чувством долга обычно теряет этический характер и напротив, человек, сочетающий чувство долга с нетерпимостью может выродиться в беспощадного дьявола в человеческом облике.

Многие крупные исторические фигуры, мы не говорим здесь о личностях параноидальных, завоевывая власть, отличались исключительной агрессивностью. Вероятно, здесь нужна была и исключительная сила воли. Писатели часто дают эскизные зарисовки таких исторических лиц, но особого желанья детально разработать эти образы мы не наблюдали. Быть может, реакции в этих случаях представляются художникам слишком несложными, инстинктивными? Например, судя по историческим материалам, Юлий Цезарь, и Валленштейн страстно жаждут власти и оба весьма агрессивны. Однако Шекспир в своей драме, хотя она и носит название «Юлий Цезарь», гораздо больше занимается убийством императора и мстителями за него, чем им самим. Что касается Шиллера, то он в знаменитой трилогии изображает Валленштейна скорее не борцом, а скептиком и нерешительным человеком, который верит больше в звезды, чем в свою собственную силу.

Несколько слов о Фиеско. Этот генуэзский заговорщик, герой Шиллера («Заговор Фиеско в Генуе»), безусловно, ведет весьма беспримиренную честолюбивую борьбу, но одновременно он обладает редкостным талантом притворства, поэтому с точки зрения исторической нельзя не увидеть в Фиеско исторического напастника. А это начало само по себе может вызвать стремление к власти. Видимо, более сложная индивидуальность выигрывает,

так как делает фигуру для художника более многоплановой и проблемной, чего нельзя сказать об образе прямолинейного властолюбца.

По каким-то неясным соображениям, писателей больше привлекает борьба за власть женщин. Я располагаю возможностью привести два женских образа, обе героини не знают ни удержу ни пощады в своих властолюбивых устремлениях.

В пьесе «Британик» *Расина* Нерон еще только успел «скрыть» список своих жестокостей, но его мать *Агриппина*, достойным преемником которой позже окажется сын, имеет в этом деле солидный опыт. Она борется за власть уже годами и, наполненная ненависти, устраняет всех со своего пути. Мать Нерона цинично признается:

— Я виновата в судьбе обоих. Я вырвала корону из рук Британика, ведь она принадлежит ему по праву, как сыну императора; его брата Юния что стоял мне поперек дороги,— ибо Клавдий обещал ему руку Октавии. Я приказала убить, чтобы этот брак не состоялся. Тем самым на мне возлагается все величие Нерона.

Однако для нее, «рожденной господствовать», как она сама говорит, речь шла не о том, чтобы завоевать власть для сына, а о том, чтобы властвовать самой. Когда же и Нерон позавкусил власти и начал понемногу отстранять от нее родительскую опеку, она вступила в союз со своим прежним противником Британиком и обратила свой гнев против Нерона. Она грозит ему поднять против него войско. Именно войску она предоставит решение кому служить: истинному сыну императора Британику, борющемуся за свои законные права, или Нерону.

Ее ненависть к сыну возрастает еще и вследствие того, что тот влюбляется в Юнию. Если Юния станет женой Нерона, *Агриппина* окончательно потеряет власть при дворе, которую нынешняя жена Нерона, *Октавия*, всегда безмолвно ей уступала. Она описывает данную ситуацию *Альбине*, своей наперснице. *Октавия* почти не бывала при дворе, жила в одиночестве, поэтому было известно влияние *Агриппины*, всякий обращался к ней просьбами прежде всего к ней. *Альбина* умоляет *Агриппину* уротить свой гнев, но та повторяет наперснице, а затем и Британику, что она твердо решила бороться до конца и пустить в дело любые средства.

Сыну она напоминает о том, чем он ей обязан. Но Нерон прекрасно знает свою мать, о чем свидетельствует его ответ:

— Так на что же ты жалуешься? Между нами говоря, эти твои жалобы каждого человека наведут на мысль, что я служил лишь предлогом, а ты хотела для себя!

После смерти Британика *Агриппина* уже предвидит, что Нерон станет убийцей матери, но остается верна себе: она возносит оказанную ею Нерону помощь и свои благодарения. Этот страшный груз, что будет давить на Нерона до самой смерти. Образ убитой матери не оставит его ни на минуту, а устремления совести превратятся в неумолимых фурий.

Так через всю драму Расина проходят властолюбивые усобицы Агриппины и ее борьба с соперниками.

В центре в драме «Родогуна» также встречаем женский тип — Клеопатру, — только не египетскую, а сирийскую царицу — которая из жадности славы готова погубить всех, кто мешает ей добиться цели. За одного из сыновей просватана Родогуна, претендующая на престол, и как только брак состоится, Клеопатра будет отстранена от власти. Царица замышляет и Родогуну, а в случае необходимости пожертвовать и другими сыновьями. В одном из монологов она мысленно обращается к Родогуне: «Смотри же, куда меня завело стремление к венцу». В другом монологе прорывается ее яростная ненависть к сыновьям, которые отказываются вступить с ней в брак. В третьем монологе Родогуны: «И, к ужасу моему, я обнаруживаю в сыновьях мятежный дух соперников, объединившихся против матери». Клеопатра велит убить одного из сыновей, а другому сыну и Родогуне сама подносит бокал с ядом. Но в итоге становится не сын с невесткой, а сама Клеопатра.

В центре драмы — властолюбие, одно из важнейших эгоистических качеств — это жадность. Жадность к власти, жадность к славе, жадность к богатству — это жадность к власти, жадность к славе, жадность к богатству. Жадность к власти, жадность к славе, жадность к богатству. Жадность к власти, жадность к славе, жадность к богатству.

В центре сюжета в центре новеллы Мопассана «Дьявол». Мать умирает. Старуха умирает. Сын, как раз в это время урожай со своего участка, охотно оставил бы ее, но она так же отчаянный сквалыга и беспокоится насчет зерно. Мать строго запрещает ему оставлять больную без присмотра. Мать предлагает пригласить сиделку бабу Рупэ (с. 406):

«... медлительный крестьянин, терзался сомнениями: не испугался угрозы врача, с другой его снадало неистовое желание, в это переминаясь с ноги на ногу, он что-то соображал, приговаривая: «Сколько же она берет, бабка Рупэ?» — спросил он.

Бабу Рупэ дежурит у постели умирающих. Она еще более жадна, как отмечает Мопассан, это «морщинистое существо» было злобно, алчно и завистливо. Между жадными людьми происходит диалог (с. 407):

«... все возьми чохом. С обеих сторон, значит, риск будет. — вот-вот кончится.

«... значит тебе повезло, а мне нет. А коли она до завтра не придет, значит, мне повезло, а тебе — нет.

«... присматривается к умирающей, а затем

«... заварняка потянет, а может и все три. Дашь мне шесть франков? шесть франков? Да ты всего-то ей осталось часов пять, либо шесть, больше не успеешь долго, отчаянно торгуясь. Но так как сиделка должна прийти, и время шло, а рожь ведь сама не придет, — да, да, пусть будет шесть франков за все, но ты же не забудь. По рукам?»

В дальнейшем выгода как будто переходит на сторону Онорэ (с. 410):

Сиделка спросила: «Ну что ж мамаша преставилась?» А он ответил, как во прищурившись: «Да нет, ей нынче будто полегче». Вскоре он ушел. Рапэ, не на шутку встревоженная, приблизилась к умирающей, которая все в том же положении: ко всему равнодушная, она тяжело дышала, ее глаза были по-прежнему открыты, судорожно сведенные руки все так же лежали на одеяле. И сиделка поняла, что это может продолжаться два дня, а то и восемь. Ужас сжал ее скаредное сердце, и ярость охватила ее против хитрой лисы Онорэ, который так надул ее, и против этой карги, которая как не желала умирать. Однако она взялась за работу и стала ждать, выжидая как глаза с морщинистого лица старухи.

Приходил домой позавтракать Онорэ: вид у него был довольный. Он даже насмешливый, затем он снова ушел в поле. Ему положительно удалось с уборкой хлеба.

Алчность и злоба из-за того, что она оказалась обманута, буквально душат бабу Рапэ. И она решает ускорить смерть матери Онорэ. Переодевшись чертом, она в этом обличье производит страшный шум и грохот у ложа умирающей, и так окончательно умирает от страха. Новелла заканчивается (с. 412):

И когда вечером вернулся Онорэ, он еще застал ее за молитвой, а тотчас высчитал, что она все ж таки выжала с него лишних 20 су, ибо провела три дня и одну ночь, т. е. наработала всего на 5 франков, а выложить ей пришлось все 6.

Мопассан показал здесь двух человек, у которых алчность и скупость оказываются важнейшими качествами. С эстетической точки зрения эти персонажи изображены блестяще. Новелла и не лишена местами поэтического преувеличения.

Однако еще сильнее чувствуется поэтическое и юмористическое преувеличение в комедии *Мольера* «Скупой». В жизни Гарпагона существует только одна страсть: деньги. Люди рассказывают, как он однажды пытался «свистнуть» своего собственного стойла. Гарпагон постоянно озабочен тем, что кто-то похитит его деньги (с. 297):

Гарпагон:

— Нелегкий, ах, право, нелегкий труд хранить большие деньги в доме! Хорошо тому, кто все свое богатство вложит в прибыль, а не себе только на расход оставит. Поди-ка вот придумай да устрои будь уголочке надежный тайник. А сундукам золото доверять не надо, когда не буду держать его в сундуках. Что сундук? Приманка для воров, бители первым делом в сундук полезут...

Особенно опасается Гарпагон за те 10 000 талеров, которые он закопал в саду. Нередко он прямо среди разговора с женой, будь поднимается и уходит проверить, не забралась ли туда воров. Когда оказывается, что 10 000 талеров похищены, а не своиены его сыном Клеантом,— он вне себя (с. 335):

— В голове мутится. Не знаю, где я, кто я, что делаю. Мои бедные, голубчики родные, друзья бесценные! Похитили мою опору, утешение мое, мою отраду! Что мне делать в этом мире? Зачем мне теперь жить? Все кончено! Ох, смерть моя близка, умер, погребен, зарыл в могилу! Ужели никто меня не воскресит!

Для дочери своей Гарпагон подбирает в женихи пожилого индусу, весьма ценимого им по той причине, что тот богат и согласен жениться на дочери Гарпагона Элизе даже без приданого. Все возражения Валера, молодого возлюбленного дочери, сметает: Валер «без приданого!» Кроме этого аргумента ничего более не имеет для Гарпагона значения.

Скупость Гарпагона особенно подчеркивается в тех случаях, когда Гарпагон начинает *нетерпимо относиться к препятствиям*. Перед нами комбинированная структура личности: человек не только предпринимает все возможное, чтобы приумножить свои капиталы, он беспощаден и ни с кем не почитается, если кто-либо попытается ему в этом помешать.

Купец Шейлок из пьесы *Шекспира* «Венецианский купец» представляет одновременно *и отчаянного скрягу, и человека неукротимого*. Он беспардонно груб в своих требованиях, а в одном случае даже заставляет должника выставить вексель, согласно которому тот обязуется дать вырезать кусок своего тела, если Шейлок потребует (с. 228):

Шейлок:

— Судите сами: если он просрочит — Что пользы мне от этой неустойки? Два фунта мяса фунт — от человека! — Не столько стоит и не так полезен. Как бы то ни было, барана или козла. Помочь хочу, чтоб милость заслужить; Согласен — извольте; нет — прощайте; За дружбу мне обидой не платите..

Конечно, в поведении Шейлока немалую роль играет ненависть к христианам, преследующим евреев, однако определяющей чертой является безудержная жажда наживы. Выше денег для Шейлока нет ничего на свете. Когда единственная дочь вместе со своим возлюбленным покидает отцовский дом, прихватив с собой драгоценности и деньги, он восклицает (с. 258):

— У меня сбежала дочь. Будь она за это проклята! Нет такого несчастья, как за меня обрушилось... Дочь похитила червонцы. Пропал брильянт, за который я заплатил две тысячи дукатов. Две тысячи дукатов в одном этом червонце, и еще другие драгоценные камни... Хотел бы я, чтобы моя дочь лежала мертвой у ног моих с драгоценными камнями в ушах! Чтобы ее положили у моих ног, а червонцы положили в гроб!

У Шекспира опять-таки немало художественного преувеличения, и все же он создает впечатляющую картину психики людей, которых в действительности есть немало; они жестоки и нетерпимы и живут только приумножением своих богатств.

Флобер выводит подобный образ в «Госпоже Бовари». На этот раз в нем нет преувеличений, однако в характеристике многие смазано, нечетко. Имеется в виду коммерсант Лерэ, который систематически вовлекает Эмму в свою финансовую паутину. Ему удается полностью разорить ее. После того как он высосал из Бовари все, что мог, он ее безжалостно покидает, а сам же кончает жизнь самоубийством.

В повести «Душа и деньги» *Готхельфа* крестьянин Дорнгрют настолько жаден, что готов «продать» свою дочь в жены кому угодно, лишь бы сорвать за нее куш посolidнее. В то же время

это натура властная, не терпящая возражений, со своей жестью она всегда обращается, как с рабыней.

Весьма оригинальный способ экономии предлагает столь же властная, как и скупая супруга Шнока из одноименной новеллы *Гелбеля*. Ее муж рассказывает (с. 227):

— Под конец она зашла так далеко, что подчинила своей бережливости даже физиологические функции организма; так, она запрещала мне «бесцельную растрату энергии», сильно ограничивая выполнение мною супружеских обязанностей. Все это явилось результатом хитроумной калькуляции, которая привела ее к выводу, что полезнее и эффективнее будет использовать силы в занятии ремеслом, чем в любви.

Было проиллюстрировано большое количество психологических качеств, относящихся к сфере интересов и склонностей. Нетипичные качества в интерпретации художников слова вообще не были затронуты. В жизни они встречаются настолько редко, что и в художественных произведениях обычно не находят отражения. Позволю себе, однако, надеяться, что мне удалось показать, как ярко человеческую личность и индивидуальность определяют психологические качества именно в сфере. Речь идет о человеческом характере в узком смысле слова, т. е. о том, как человек обычно реагирует на жизненные обстоятельства, каковы его склонности, к чему он стремится, именно в этой сфере и заложены основы характера.

Индивидуальные особенности в сфере чувств и воли

Человеческую личность мы определяем по направленности а также по внутренней форме реакций и по внутренней структуре впечатлений. Эта сфера находится в ведении волевого начала, с которой непосредственно связаны эмоциональные переживания, ибо волевые реакции развиваются из чувств и волевого снова в чувства. На этом основании я и говорю о *сфере воли*. В этой сфере чувства носят несколько иной характер, чем в сфере интересов и склонностей. Здесь отсутствует органическая чувств, они гораздо теснее связаны с интеллектом.

К явлениям сферы чувств и воли принадлежит вся деятельность человека перерабатывать те внутренние процессы, которые не нашли своего завершения, т. е. в состоянии ли человек «освободиться» от той эмоционально-волевой проблемы, которая требует решения, или он долго еще будет на ней застрять, будет заниматься рефлексией и самоанализом. Люди, которые, но возвращающихся к своей страсти, можно считать обладающими *эмотивным интеллектом*.

В «Избирательном средстве» Гете один из персонажей, суровый и жесткий, своим поведением постоянно препятствует разрешению для всех участников решения конфликта. Он принадлежит к тем людям, которые мало взвешивают свои поступки, а лишь увлечь себя страстному чувству. В отличие от эмотивного интел-

которое ориентируется на объективную ситуацию, у них преобладает «мышление раскованное», в котором все определяется эмоциональными порывами. Если Эдуард счастлив в данный момент, он совершенно не думает о том, что положение может измениться. Если же он несчастен, то не ищет никакого выхода: он предается надеждам, легко переходящим в уверенность счастливого исхода. Подобные эмоциональные реакции больше свойственны ребенку, чем взрослому, поэтому Гете пишет об Эдуарде: «Годы шли, но Эдуард сохранил во всем своем облике нечто детское, что особенно импонирует Оттилии».

После того как Оттилия впервые позволила Эдуарду прикоснуться к себе, он думает только о своем счастье; будущее, которое представляется сложным и во многом сомнительным, не существует для него (с. 219):

— Когда поднимается над лесом. Теплая ночь влечет Эдуарда на лоно природы, у него потребность побродить, он сейчас самый взволнованный и счастливый среди смертных. Он ходит по парку, но ему в нем слишком тесно, и в поле — оно оказывается чересчур просторным. Его тянет обратно к окну, а вот уже он под окном Оттилии, опускается на каменные ступеньки, «как разделяют каменные стены и железные засовы» говорит он сам: «как наши сердца вместе». Если бы она стояла сейчас предо мной, мы бы шли друг другу в объятия, а что еще нам нужно?

Счастье переполняет Эдуарда, он решает сделать возлюбленную своим женихом ко дню рождения, устроив грандиозный фейерверк. Однако родители стараются его отговорить, так как подготовка фейерверка небезопасна, но Эдуард остается глухим к предостережениям. Между тем опасения оправдались; несколько человек во время приготовления упали в воду, один мальчик чуть не погиб (с. 230):

— Мать решила немедленно оказать помощь потерпевшим и кивнула Оттилии, которая присоединилась к ней. Но Эдуард крепко сжал ее руку, восклицая: «Не жели мы закончим этот день в лазарете! Право, ты слишком добра для сестры милосердия! Эти мнимо умершие очнутся и без нашего вмешательства, а живые постараются обсохнуть».

Позднее Эдуард узнает из разговора с Шарлоттой, что Оттилия не может стать его женой, он немедленно отправляется добровольцем на войну. Сначала он жаждет одного — смерти, но затем снова просыпаются надежды и вера в то, что ему все же удастся завоевать Оттилию. Он описывает свое состояние перед отъездом (с. 346):

— Оттого, что вот кто должен был стать мне наградой за борьбу; ее я ставлю в каждом вражеском построении, в каждой траншее, в каждой крепости. Я жажду творить чудеса, подталкиваемый одним желанием — остаться в живых, чтобы соединиться с Оттилией. Эти чувствительные мои целиком, они охраняли меня от опасности. Теперь же я чувствую себя победителем, достигшим цели, преодолевшим все преграды; дорога к Оттилии моя: ничто не может помешать осуществлению моего желания.

— Эдуард объективно препятствия никоим образом не были. Всегда Оттилия, став старше, а может быть и вслед-

ствие перенесенных печальных переживаний, обретает более зрелый взгляд на вещи и хотя бы внешне старается владеть собой, Эдуард полон любовных ожиданий, он не изменился ничем (с. 352):

Ибо Эдуард, жаждавший быть только с нею, был убежден, что его желание полностью ею разделяется, а поэтому он ожидал от нее скорейшего согласия, потому что других желаний не было у него самого.

Так Эдуард на протяжении всего романа живет одним своим чувством. Порой он, в силу сложившихся обстоятельств, понимает безнадежность своего положения, но лишь на короткое время, затем он снова охвачен *необоснованными мечтаниями*, которые его внутренний взор видит уже осуществленными. Эдуард с подобным эмотивным мышлением *опрометчивы* в своих решениях. Поскольку критерием их поступков является чувство, решения нередко ведут к губительным последствиям. Такая опрометчивость, необдуманность постоянно чувствуется в действиях Эдуарда.

Эмотивным мышлением обладает и другой герой Гюго — Эгмонт. Вначале может показаться, что он акцентирован своей личностью, отличающаяся экстравертированностью. Но в дальнейшем убеждаемся, что это не так: дело в том, что Эгмонт способен самостоятельно мыслить. Во время долгих бесед с Альбой он обнаруживает и мужество, и разумные идеи, в ряде случаев может оценить будущее не хуже своего противника. Однако поддается он и различным влияниям со стороны, что столь характерно в случаях экстравертированности. Его друг Вильгельм Оранский настойчиво отговаривает его принять приглашение Альбы, которое может повлечь за собой его гибель, но Эгмонт все же не отказывается от своего решения.

Однако многое роднит Эгмонта с Эдуардом. Как и Эдуард, он отказывается от неприятных, тяжелых мыслей: Эдуард не желает верить в то, что ему никогда не завоевать Страну Альбы, Эгмонт не верит, что его счастливой свободной жизнью угрожает. И обоих эта позиция приводит к опрометчивым поступкам: у Эгмонта это бросается в глаза еще больше, чем у Эдуарда, который все же испытывает на себе влияние влиятельной жены, и деловитого друга. У Эгмонта же на протяжении всей драмы наблюдаются реакции короткого замыкания. Последней опасностью, угрожающей ему со стороны Альбы, ни в коем случае не предостережение Вильгельма, попадает в ловушку Эгмонта в присутствии Альбы он еще раз поступает опрометчиво. В это время как ворота за ним закрылись и путь назад уже был закрыт, он ведет крайне неосторожный разговор со своим противником, в результате которого у Альбы в руках оказываются четко сформулированные им самим пункты обвинения против Эгмонта. Альба прямо заявляет ему, что он слишком неосторожно выдал свое сердце, что он сам обвиняет себя еще больше, чем это сделал бы злобный и коварный противник.

Его почтенный друг Олива, которого он называет «стариком», — человек серьезный и вдумчивый. Эгмонт спрашивает его, всегда ли он так взвешивал свои поступки? Неужели он, Олива, никогда не совершал рискованного восхождения на вершину? Неужели ни в одной битве он не терял рассудочности? Разве он не знает, что тот, кто постоянно опасается за свою жизнь, уже мертвец.

Своими словами Эгмонт противопоставляет порывистость, импульсивность как основную черту своей натуры трезвому взвешиванию, размышлениям. Этим резко подчеркивается антагонистичность обеих черт. Когда сын Альбы вручает Эгмонту смертный приговор, он принимает его без протеста: «К чему раздумывать тем, кто действовать не может?» Между тем раздумья и анализ в положении Эгмонта были бы естественны: может ли человек не размышлять о том, как он по своей неосмотрительности попался на удочку смертельному врагу?

Опрометчивость Эгмонта характеризует особый индивидуальный склад героя, но не дает оснований отнести его к акцентуированным личностям. Что выделяет его на фоне прочих людей? Прежде всего трагическая судьба. Не занимая он столь высокого положения, он никому не бросался бы в глаза и, возможно, благополучно и счастливо прожил бы жизнь. Однажды он спрашивает Оливу, для чего человеку жить? Оливе чуждо наслаждение мгновением, но ради чего тогда жить? Ради уверенности в следующем мгновении? Ведь следующее мгновение снова будет заполнено опасениями, анализом, мрачными мыслями!

В качестве контраста с Эгмонтом Гете выводит Вильгельма Оранского как осторожного, вдумчивого аналитика, всегда взвешивающего в мыслях будущее. В драме содержится несколько замечаний по поводу натуры Вильгельма, друга Эгмонта, который так на него непохож. Вот, например, слова о нем Маргариты Пармской, правительницы Нидерландов (с. 230):

— Сказать откровенно, я боюсь принца Оранского и мне страшно за Эгмонта. Не о хороших делах думает принц Оранский, замыслы его вдаль пролетают: он скрытен; как будто все принимает; никогда не возражает; и с величайшим почтением, с великой осторожностью делает, что ему угодно.

Вильгельм Оранский сам так высказывается о себе (с. 251):

— Эгмонт, уже много лет мне гнетет сердце создавшееся вокруг нас положение вещей. Я стою все время как бы над шахматной доской и ни одного противника не считаю маловажным. И как досужие люди с величайшей осторожностью доискиваются тайн природы, так я считаю первой заботой, обязанностью каждого князя — проникнуть в воззрения и намерения всех людей.

Особенно ярко это сказывается в диалоге, содержащем напутное предостережение Эгмонту: мы видим, как тщательно все обдумано принцем. Эгмонт же ставит Вильгельму в вину его чрезмерную склонность к глубокому анализу, ненужное копание в идеях. И все же жизнь показывает, что Эгмонт был

неправ, так как опасения Вильгельма Оранского сбылись. Принц не мизантроп, он просто разумно осторожен.

Позднее, когда мы будем рассматривать два характернейших образа Сервантеса, Дон Кихота и Санчо Пансу, первого — с интровертированностью, второго — как типичную экстравертированную личность, мы убедимся, что ни Эгмонт, ни Вильгельм Оранский нисколько не похожи на них.

Названные индивидуальные качества, опрометчивость и осторожность, находятся в тесной связи с опосредованными чувствами. Эти чувства также участвуют в формировании личности.

Особо следует упомянуть о чувствительных, или впечатлительных личностях. Такой личностью является юный Ганно в романе «Будденброки» Томаса Манна. Еще будучи маленьким ребенком, он видел страшные сны, от которых просыпался в холодном поту. Он сочиняет мелодии, сидя за роялем, и доставляет ему куда больше радости, чем игры на площадке с сверстниками. В школе ему неприятно все бездуховное, в семье Ганно видит грубое начало. Своих физически сильных соучеников, всегда готовых вступить в драку, Ганно систематически избегает. Отец пытается — не совсем удачно — приучить сына к столкновениям с суровыми сторонами жизни. Однажды он просит Ганно прочитать на семейном празднике стихи, но не может мальчик произнести при гостях заглавие, как отец резко реагирует (с. 363):

— Э-э, друг, мой! Это ни на что не похоже! Руки ты зачем-то складишь на животе, навалился на рояль. Прежде всего — стой свободно! Голову свободно! Поди-ка встань там, между портьерами! Голову выше! Огучь!

Далее отец вновь неоднократно перебивает его своими замечаниями и поучениями: ведь юноша должен стать настоящим мужчиной. Ганно же под конец весь охвачен страхом и уже не в состоянии произнести ни слова.

Чистую радость он способен испытать только во время прогулок, на берегу моря. Здесь он забывает о жестокостях жизни и может полностью отдаться общению с природой (с. 472):

Но всегда умнее вернуться к морю, сесть на конце мола, лицом к открытому горизонту, махать платком большим судам, скользящим мимо, как маленькие волны лепечут что-то, плескаясь о подножье мола, а в необъятная даль полнится этим величавым и ласковым шумом. Иногда забывшая что-то маленькому Иоганну и заставляя его блаженно жмуриться.

Наряду с впечатлительностью Ганно, видимо, свойственна также интровертированность. Позднее мы подробнее рассмотрим комбинацию компонентов личности, анализируя персонажи романа Мопассана «Наше сердце» в ее эволюции.

Когда чувства не только быстро воспламеняются, но вызывают и глубокие реакции, то возникает *эмотивность*. Это качество в чистом виде встречается у акцентуированных личностей. Подробнее о нем говорится ниже. Мы не имеем оснований считать Ганно акцентуированную эмотивность. Если же

и накладывает на его личность известный характерный отпечаток, то это говорит не столько об акцентуированности, сколько о патологии, связанной с физической слабостью и болезненностью Ганно.

Замедленность эмоциональных реакций при нормальной глухой чувств свидетельствует не о тупости эмоций, а скорее о инертности.

В произведениях Лопе де Вега, Мольера и других писателей того же времени важную роль в развитии сюжета часто играют слуги. В отличие от своих хозяев они сплошь и рядом отличаются глубиной реакций, выдающей, как правило, их «низкое» социальное положение. Хотя слуга часто и искренен в своих чувствах, его чувства обладают той упрощенностью, о которой так часто говорилось. В качестве примера можно привести Эрнандо в пьесе «Умная влюбленная» Лопе де Вега.

В то время как хозяин Эрнандо молодой Люциндо весь охвачен страстной любовью, причем любовь эта постоянно подогревается ревностью, сам Эрнандо смотрит на вещи весьма трезво. Его сдержанные реплики показывают, что он никак не одобряет чувства своего господина. В самом начале комедии курьер Жерарда покидает Люциндо. Терзаемый ревностью, он продолжает сетовать замечание: «Что ж, значит надо раздобыть поскорее яды...» Далее он философствует: «Неужели так уж неодолима ревность, кроме как шлюх?»

Затем после этого следует взволнованный монолог Люциндо:

...забота моя заботы, / Попал я в топкое болото, / И зря лишь буду
... / Бель засосет, так нет возврата.
... обратницу — беда: / Чуть ей твои немилы ласки, / Она любому
... / Ей нужно вызвать ревность, да!
... — волей подавлю; / Но ей со мной разрыва мало! / Вчера
... «люблю», / А нынче пляшет с кем попало.
... — вот что бесит, / Поэтому я так невесел...

Этот поток эмоций прерывает реплика Эрнандо (с. 19):

... — вкрая лиса, — / Ей в вас ревнивца зреть — потеха, / А вы —
... / И вам, конечно, не до смеха.
... / И плюнете на все бабье.

Эрнандо продолжает сетовать, а Эрнандо — вставлять свои замечания вроде «До чего все это глупо!», «Мне бы ваши заботы...». По отношению к возлюбленной Люциндо Эрнандо продолжает пренебрежительно называть ее «ведьмой» и с изобретательностью разыгрывает вымышленную сцену ее похорон, «со всеми принадлежностями погребальной пеленой и факелами».

В то время как уже Люциндо прерывает своего слугу полными эмоциями вставками: «О, Жерарда, любовь моя!», или «Взгляни на меня, я люблю тебя я!», или «О, сжался, чудо красоты!...» грубость Эрнандо все возрастает. Так, на сцене Эрнандо «Никто не знает, как страдаю я!» следует спо-

койный ответ: «Что, уже начались потуги?» Любовную сцену где Люциндо целует и обнимает любимую, он прерывает словами: «Не пора ли прекратить скучные излияния?» Любви сцена, в которой Эрнандо, по требованию своего хозяина рывая влюбленного в некую особу, вдруг просит закусить (с. 117).

Ну, хватит, голод страшный вдруг
Желудок мой нещадно гложет:
Коль пылко я в любви клянусь,—
Он пополненья тотчас просит!
Красотка, окажи мне честь,
Дай хоть чего-нибудь поесть...

Очень часто действующие лица художественных произведений, обладающие упрощенными чувствами, всячески стремятся способствовать добру, чем подтверждается, что они отнюдь не лишены глубины эмоций. Горничная Дорина в «Тартюфе» Мольера служит тому превосходным примером. Грубыми, но меткими замечаниями ей удается вмешаться в ход событий. Великолепная сцена, в которой Дорина решила примирить поссорившихся Мариану и Валера (с. 608—609):

Дорина (оставляя Мариану и догоняя Валера):

Опять? О, боже мой! Да бросьте, господа!

Прошу обоих вас пожаловать сюда.

(берет Валера и Мариану за руки и приводит их назад).

Валер (Дорине): Ты что затеяла?

Мариана (Дорине): Какая польза в этом?

Дорина:

Хочу вас помирить и вам помочь советом. (Валеру):

В своем ли вы уме? Вдруг этакий задор!

Валер: Ведь ты же слышала, какой был разговор?

Дорина (Мариане): А вы с ума сошли? С чего надули губки?

Мариана: Ведь ты же видела сама его поступки?

Дорина:

Все это глупости. (Валеру):

Она весь пламень свой

Вам дарит одному, ручаюсь головой.

(Мариане): Он любит вас одну и

никого другого

Не хочет, кроме вас; я присягнуть готова.

Мариана (Валеру): Зачем же мне тогда такой давать совет?

Валер (Мариане): Зачем же спрашивать, коли сомнений нет?

Дорина: Вы сумасшедшие. Давайте руки!

Простые натуры охотно вмешиваются и там, где в грубой форме выразить правду. Сильно впечатляет тавление ханжи и лицемера Тартюфа грубо открытое в следующей сцене (с. 614):

Тартюф (доставая из кармана платок):

Но только, бога ради,

Пожалуйста, сперва возьмите мой платок.

Дорина:

Зачем?

Тартюф:

Прикройте грудь, чтобы вас слушать мог.

Нам возмущают дух подобные предметы,

И мысли пагубным волнением согреты.

- Ужели вам соблазн так трудно побороть
- И столь чувствительно на вас влияет плоть?
- И этой пылкости не мне иметь сужденье,
- И не так легко впадаю в вожделье,
- И даже если б вы разделись догола,
- И кожей, что на вас, прельститься б не могла.

Мартина в «Ученых женщинах» Мольера — тот же Дорина. Несмотря на кулинарные таланты Мартины, она выгоняет ее из дому, потому что кухарка недостаточно изъясняется по-французски. Кризаль, хозяин, ползает в башмаком у жены, поэтому он не протестует, хотя и души и не согласен с женой. Позже он все же приглашает Мартину на старое место. В споре хозяина с женой Кризаль теперь поддерживает, пересыпая свою речь юмористическими замечаниями: «Да где это видано, чтобы курица летала раньше, чем петух запоет..?»; «Мадам, верно, забыла да убоится жена мужа...»; «Когда супруга щеголяет, то это означает, что муж у нее шляпа...»; «Простите, мадам, полагаю, что первый хозяин в доме — мужчина, т. е.

Мартин также борется за то, чтобы добро восторжествовало: она хочет вернуть дочь хозяев, Генриетту, от брака с человеком, который заинтересован исключительно в ее приданом.

Мартин у людей с упрощенными чувствами манеры часто отсутствуют. Примером может служить Долль из драмы Шекспира «Беззакония IV». Достаточно послушать, как она умеет ру-

ководить Перси, грязной карманной воришка! Шелудивый мошенник, ты стоишь в моем плену, я всажу нож в твою поганую глотку, если ты попытаешься сопротивляться. Пошел прочь, ты пивная бутылка! Истасканный Перси: С чего это пор, сэр, вы набрались подобной прыти? Подумайте, как вы выглядите на плечи! Эка невидаль!

Мартин: Ах ты, окаянный проклятый обманщик, и тебе не стыдно называться капитаном? Будь я на месте капитана, я бы тебя выкинул, а ты берешь на себя чужое звание, не дослужившись до него. Ты считаешь, что тебе мразь? Да с какой это стати? За то, что ты рвешь в пух и прах все, что находится в публичных домах? Это он-то капитан? Повелевай, капитан! Он пытается прокисшим черносливом да черствыми пирогами накормить Перси! Эти негодяи скоро так же испоганят слово «обладать», которое раньше было отменным словом, которое стало непристойным. Настоящим капитанам следовало бы

иметь такое качество, как чувствительность, мы употребляем слово «чувствительность» эмоций. Под возбудимостью эмоций мы подразумеваем чувства, сколько горячий нрав, т. е. свойственный Перси и сфере воли. Долль характерен холерический

темперамент. В «Беззакониях IV». Это Генри Перси, по прозвищу Перси, его натура сказывается у Хотспера как в

поединке с врагом, так и в словесном поединке. Когда кто-то требует выдачи пленных, он отказывается подчиниться приказу, а под конец восклицает (с. 21):

Хотспер:

Когда б, рыча, стал требовать их черт,
Я не прислал бы их! Пойду к нему и выскажусь.
Все ж облегчу я сердце,
Хотя своей рискую головой.

От возбуждения Хотспер вообще не слышит, что ему говорят. Когда друзья хотят сообщить ему важную весть, он не дает изнести им ни слова, так что под конец они заявляют (с. 25):

Вустер:

Прощай, племянник, мы поговорим,
Когда ты будешь расположен слушать.

Нортемберленд:

Ты, что, осой ужален, сумасброд?
Потоком слов по-женски разразился,
Не внемлешь никому, лишь сам себе.

Однако Хотспер, несмотря на предостережения друзей, не способен сдержаться (с. 25):

Хотспер:

Мне кажется, меня бичами хлещут,
Бьют розгами, иль жжет меня крапива,
Кусают муравьи, лишь речь зайдет
О, хитреце проклятом Болингброке.

Реакцию, охватившую Хотспера, отнюдь нельзя квалифицировать как чрезмерную эмоциональную взволнованность, вызванную нами скорее сильнейший волевой протест, полный волевого напряжения.

Хотспер безрассудно рвется в бой, в котором его ждет поражение, а когда любимая жена пытается удержать его, она его отталкивает: в мыслях у него только борьба (с. 39—40):

Хотспер:

Прочь, баловница, прочь!
Любовь? Она сейчас совсем некстати,
Не до тебя мне, Кет; теперь не время
Ни играм в куклы, ни турнирам губ.
Голов пробитых, сломанных носов
Давай побольше! Вот что любо нам!—
Скорее мне коня! — Что скажешь, Кет?
Чего еще ты хочешь от меня?

И Хотспер стремительно мчится в бой, в котором он потерпит поражение.

При анализе образа Хотспера мы должны учесть некое преувеличение. Если его отбросить, то объяснение его поведения можно искать в комбинированной структуре личности Хотспера, в таких особенностях личности, которые повышают эмоциональную возбудимость индивида: таковыми могут быть компоненты застенчивости и неуверенности возбудимой личности. Однако, основываясь на анализе поведения Хотспера, мы не находим у Хотспера ни тех, ни других особенностей личности, ни тяжеловесности, ни беспокойства возбудимых личностей; ничто в нем не указывает на

ность личностей застревающих. Мы не наблюдаем в его психике стойких аффектов, связанных с возникновением сверхценных идей. Очевидно, Хотспер обладает типичным холерическим темпераментом, но эта индивидуальность раскрыта Шекспиром без известного поэтического преувеличения.

Существуют индивидуальности, которым свойственна возбужденность как таковая — она вызывает мгновенные реакции, прищипывание и затухающие с одинаковой быстротой. Такого человека изображает *Гольдони* в комедии «Вспыльчивый добряк». Характеристика господина Жеронта дана уже в названии комедии: он вспыльчив невероятно. Стоит малейшему пустяку его задеть, как он вскипает гневом и обрушивается на окружающих с оскорблениями, однако вскоре гнев стихает. Нередко при этом возникают забавные ситуации; жалость к людям, которых Жеронт раздражал своей грубостью, вступает в конфликт с его же собственным гневом, между этими двумя аффектами идет жестокий переделок. В припадке гнева Жеронт часто бранит своего слугу Пикара, но одновременно он постоянно заботится о том, чтобы его семья (у Пикара — жена и четверо детей) была хорошо обеспечена. Когда слуга однажды в страхе перед разъяренным хозяином падает на пол, Жеронт дает ему денег на лечение ноги, которое, кстати, вовсе не требуется.

Итак, у Жеронта доброе сердце, но гораздо ярче в комедии характеризуется не доброта его, а возбудимость, она и является главным носителем комизма. Например, когда Пикар робко просит денег на лечение ноги, Жеронт снова набрасывается на него, разозленный отказом: да почему это он отказывается? Он, верно, гордец? Может быть он вообще ненавидит Пикара? Ну, уже не думает же он, что Жеронт подстроил его отказание умышленно! «Возьми деньги, друг мой, не надо меня беспокоить!»

Чаще всего близкие не могут к нему обратиться ни за советом, ни с просьбой: при первых же словах, которые ему чем-то не по вкусу, он грубо обрывает говорящего, не желая выслушивать его до конца.

Жеронт задумал выдать замуж шестнадцатилетнюю племянницу за своего 45-летнего друга. Оба они робко пытаются возражать, но Жеронт не дает им сказать ни слова:

Дорваль: Позволь мне сказать!

Жеронт (резко): Молчать!

Ангелика: Дорогой дядюшка!..

Жеронт: Молчать! (Меняя тон, спокойно). Я был у нотариуса и привел в ажур все дела. В моем присутствии он составил соответствующий акт и вскоре явится сюда,— нам останется только поставить свои подписи.

Дорваль: Но соблаговолите выслушать меня, умоляю.

Жеронт: Молчать!

Жеронт, безусловно, человек нетерпимый, но агрессивная сторона добиваться своего появляется у него только тогда, когда

он приходит в состояние возбуждения. В спокойном состоянии Жеронт вполне доступен и уговорам, и возражениям. Он, например, спокойно выслушивает советы своей домоправительницы Мартон по поводу его обращения с племянницей: «Правда, месье, ведь я хорошо вас знаю: вы добры, человек добροжелательны. Но прошу вас, пощадите это бедное существо, говорите с ней чуть поприветливее!» И Жеронт даже обещает говорить с племянницей резким.

Если это ему не совсем удается, то не из опасения, что племянница станет противиться его планам — на это Ангелина вполне способна, а потому, что его раздражают ее неуверенность и нерешительность.

Холерику Жеронту Гольдони противопоставляет флегматичного Дорваля, который, впрочем, обрисован весьма схематично. Домоправительница Мартон заявляет, что Дорваль «самый флегматичный человек на свете».

Для людей холерического темперамента характерно быстрое нарастание волевых проявлений, при флегматическом темпераменте волевые проявления нарастают замедленно.

Человека флегматического типа описывает Томас Манн в своем романе «Волшебная гора». Ганс Касторп, главное действующее лицо романа, сначала производит впечатление флегматичного человека. Еще будучи гимназистом, он не мог заставить себя систематически работать и несмотря на старания отца остался в одном из классов на второй год. Позже он признает «...то несколько постыдное, но приятное ощущение призрачности, которое испытал, когда в последней четверти года будто сошел с беговой дорожки и мог надо всем этим стоять» (т. 3, с. 115).

Однако развитие действия не дает оснований констатировать у героя отсутствие выдержки, столь характерное для людей холерических. Просто активность его чрезвычайно туго движима (т. 3, с. 144):

Ибо он был терпелив от природы, мог долго оставаться без всякой деятельности, любил, как мы уже видели, иметь досуг и желал, чтобы этот досуг не вспугнут лихорадочной деятельностью, заполнен ею и разрушен.

Его флегматичность хорошо чувствуется в словах, когда он проводит параллель между собой и своим двоюродным братом (т. 3, с. 248):

Всегда он стремился к тому, чтобы тело у него было крепче, больше, чем я, или во всяком случае иначе: я ведь в душе человек беспокойный и заботился о том, чтобы потеплее была вода в ванне, чтобы вкуснее поесть и выпить, а он старался быть мужчиной, добиваясь мужских успехов.

Вскоре в тексте произносится и само слово «флегматичность». Один из больных санатория, итальянец с живым темпераментом высказывается о Гансе следующим образом (т. 3, с. 250):

— Отлично! Значит, с этой стороны все в порядке. Флегматичность — это всей линии. В вашей стране, наверное, люди вообще флегматичны.

Когда Ганс Касторп узнает, что ему не разрешают — после длительного пребывания у брата — вернуться на родину, что выдерживают в санатории, ибо он сам серьезно заболел, он принимает это сообщение спокойно. У него с Иоахимом происходит следующий разговор (т. 3, с. 256—257):

— Ты они вовсе не ждут меня так уж точно, непременно в назначенный срок. Им же у них и дела, что ждать меня да считать дни, когда я вернусь. И все, и дядя Тинапель скажет: «А, вот и ты!» А дядя Джемс спросит: «Ты доволен?» И если я не приеду, так они еще долго меня не خواهند видеть быть уверен. Разумеется, со временем их придется известить».

— Ты сможешь себе представить, как мне все это не нравится. А что будет, когда Бедя и на мне лежит ответственность за эту историю. Ты приезжаешь, чтобы навестить меня, я ввожу тебя в нашу жизнь — и вдруг вырвешься, и никто не знает, когда ты опять вырвешься и сможешь вернуться на место. Согласись, что мне это в высшей степени не нравится!

— Остановил его Ганс Касторп, все еще лежавший, закинув голову, только чтобы навестить тебя? Конечно, и для этого тоже, но в основном, я это главное, — чтобы отдохнуть и поправиться, по совету доктора. И вдруг выясняется, что я нуждаюсь в гораздо более серьезной помощи, чем он, да и все мы, могли себе представить.

В санатории, конца которому не видно, Ганс перестает читать и терпеливо. Он не без интереса занимается делами, занимается ничем общего с профессией инженера, такими как физика и физиология человека, позднее — ботаника и астрономия. Некоторое время он увлечен уходом за товарищами по болезни — больными, находящимися на излечении в том же санатории.

В санатории проявляется флегматичность Касторпа в том месте родине, где любимая им Клавдия Шоша возвращается в санаторий в сопровождении нового друга. Ганс обращается к ней со следующими словами (т. 4, с. 359—360):

— Я прошу предоставить мне мою флегму. Повторяю: как бы я обошелся без нее, например, ожидание?... — Ну, ждать бы Клавдия, даже для человека с флегматическими страстями, — это не так уж и плохо, а с твоей стороны было жестоко приехать вместе с ним, ведь ты знала от Беренса, что я здесь и жду тебя. Но я же тебе обещаю, что вернусь на ту нашу ночь, как на сон, и признаю за тобой полную

Касторп глубоко страдает из-за того, что Клавдия от него уходит, но таков уж у него темперамент — горячо, страстно любить, а отпустить он не может.

В санатории для вынужденности человека характерно быстрое нарастание страстных проявлений. Что касается силы воли, то она вытекает из бане волевых реакций, проявляющихся чаще всего в моменты, когда сила человека как бы подстегивается различными факторами. Поэтому сила воли больше познается не в отрывочных проявлениях, а в стойкой и длительной активности. Если наблюдать проявления истинной силы воли, то они не происходят вне острых аффектов, ибо последние вызывают наиболее сильные реакции даже у не столь уж сильных волей. Поэтому, чтобы узнать, чему следует приписать энергичный волевой

поступок: воле или аффекту, в таких случаях остается открытым. По этой причине те примеры силы воли, сильного характера, которые я здесь привожу, могут показаться несколько бледными. Выдвинуть как сильную волевою личность Карла Моора в «Разбойников» или Эдмунда из «Короля Лира» я не решаюсь, хотя оба они — люди безусловно волевые. Аффекты, вызывающие их поступки, несколько смазывают общую картину.

Сильной волевой личностью является Иоахим Цимсен, младший брат Ганса Касторпа. Сильный характер проявляется у него вне состояний аффекта. Все его мысли во время пребывания в санатории сосредоточены на одной цели — выздороветь как можно скорее. Он с чрезвычайной четкостью выполняет все назначения врачей и не позволяет себе никаких отступлений от предписанного ими режима, тогда как у других больных вредные нарушения наблюдаются сплошь и рядом (т. 3, с. 40).

Иоахим обычно уклонялся от всех местных развлечений. Не раз говорил он здесь, и вообще он здесь не для того, чтобы просто жить и бороться с жизнью, проводя время приятно и разнообразно: нет, его единственная цель — как можно скорее освободиться от ядов болезни, вернуть равнину и начать службу, настоящую службу, а не лечебную...

Он обуздывает и свои эротические тяготения. Он любит девушку, с которой познакомился в санатории, но всячески подавляет попытки сблизиться с ней, хотя ему это нелегко. Осуждает Ганса Касторпа, ибо из-за его болтовни окружающие начинают поговаривать о влюбленности Иоахима. В целом Иохим человек весьма заурядный. Чертой, которая отличает его от всех других больных санатория и определяет стойкость его позиции, является сила воли.

Сильной волей обладает и Шарлотта из «Избранных средств» Гете. Она подавляет любовь к капитану в сложной и реносит ситуацию тяжелого конфликта, в которую попал из-за неверности мужа. Гете, видимо, хотел в образе ее изобразить людей трезвых, противопоставляя их объективным героям, которые плывут по течению своих эмоций. Давление отнюдь не означает, что Шарлотта не способна на чувства, но не будь у нее силы воли, выдержки, она была бы не в состоянии подчиниться тому, что подсказывал разум.

Обратимся теперь к людям со слабой волей, в первую очередь к тем, которые оказываются в жизни несостоятельными из-за отсутствия терпения и выдержки. Примером может служить пьяница Мармеладов из романа «Преступление и наказание» Достоевский, правда, описывает его как типичного русского человека, следовательно, он не совсем укладывается в рамки европейского героя, но не будь он субъектом слабохарактерным, он не стал бы алкоголиком, да и жене своей не подчинился бы столь бесповоротно. Если пьяницами становятся люди, поддающиеся слабостям, то их поведение совсем иное. Мармеладов становится таким, когда жена в наказание за то, что он пропил деньги, бежит к гробовому насилию над ним:

— А! — закричала она в иступлении, — воротился! Колодник! Изверг!
— Где деньги? Что у тебя в кармане, показывай! И платье не то! Где твои
денежки? Где деньги? говори! ...

И она бросилась его обыскивать. Мармеладов тотчас же по-
сраженно и покорно развел руки в обе стороны, чтобы облегчить
исполненный обыск. Денег не было ни копейки (с. 29—30):

— Где же деньги? — кричала она, — О господи, неужели же он пропил
еще двадцать целковых в сундуке оставались! ... — и вдруг, в бешен-
стве схватила его за волосы и потащила в комнату. Мармеладов сам об-
легченно ее усилія, смиренно ползя за нею на коленках.

Если бы Мармеладов не стал алкоголиком, то, вероятно, да-
же достиг бы кое-чего в жизни. Безволие само по себе не грозит
человеку моральной гибелью. Пусть у людей безвольных вы-
ступит в жизненной борьбе и понижена, но необходимая мера
стойкости вырабатывается самой жизнью. Бывает и так, что
слабохарактерный человек занимает с самого начала пост, ко-
торый другой завоевал бы не без труда, и положение это как бы
защищает его от дурных последствий бесхарактерности.

Из литературных персонажей в качестве примера человека
слабохарактерного, хотя и занимающего весьма высокое место
в социальной иерархии, можно назвать герцога Альбанского
(Освальда) из трагедии Шекспира «Король Лир». Герцог Альбан-
ский спасовал перед жизнью, ибо он не в силах положить ко-
нец интригам своей жены, коварной и злобной Гонерильи. Как
человек, облеченный властью, герцог Альбанский заслуживает
высокой положительной оценки, он вообще никак не склонен по-
ступаться козням супруги. Но попытки, которые он предпри-
нимает, чтобы противостоять злу, чрезвычайно слабы и не до-
стигают цели. Слабость его чувствуется уже в первом акте,
когда Гонерилья возводит на отца ряд обвинений и изгоняет
Лира из замка. Хотя поведение жены герцогу чрезвычайно не-
приятно, однако он не занимает позиции протеста. Он обраща-
ется к королю Лиру (с. 387):

Милорд, в чем суть? Я ничего не знаю,
И не повинен...

Позднее он пытается все же заявить о своем возмущении
поведением Гонерильи, но та вообще не желает его слушать
(с. 389):

Освальдья:

Вы это слышал?

Герцог Альбанский:

Слышал, Гонерилья,

Но быть пристрастным из любви к тебе...

Освальдья:

Довольно, позовите мне Освальда!

Освальдия держит себя так, словно муж ее — пустое место,
она зовет дворецкого Освальда и дает ему дальнейшие распоря-
жения. Наконец, герцог удаляется, но перед этим он и жена об-

мениваются репликами и герцог бросает знаменательную фразу (с. 390):

Гонерилья:

А ваша бесхарактерная кротость —
Будь сказано вам герцог не во гнев —
Скорее непростительная глупость,
Чем признак настоящей доброты.

Герцог Альбанский:

Зато вы бьете в цель неумоимо,
Смотрите лишь, не попадите мимо.

Гонерилья:

Однако ...

Герцог Альбанский:

Будущее нам покажет.

Придя в ужас от неслыханной подлости старших дочерей Лира, герцог Альбанский гневными словами пытается изобличить жену, но и здесь это не более чем вспышка; волевой протест в его словах не чувствуется. Гонерилья и тут не принимает его всерьез, она осыпает его насмешками (с. 439):

Гонерилья:

Жалкий трус
С щеками для пощечин, с головой
Для промахов! Ты разницы не видишь
Меж честью и бесчестьем. Должен знать:
Лишь дураки преступников жалеют,
Делам которых помешала казнь.

В споре с Эдмундом, который «тайно помолвлен с его женой», герцог Альбанский также ведет себя достаточно бесхарактерно. Например, герцог не считает Эдмунда равным себе по рождению, на что Регана иронически заявляет: «Смотря по твоей какой я дам ему сейчас». Когда герцог Альбанский хочет назвать Эдмунда как государственного изменника, Гонерилья называет его поведение фиглярством. Наконец, Гонерилья, как мы знаем, открыто признается в своей любви к Эдмунду. Герцог Альбанский называет такое признание пределом бесстыдства, но после того как Гонерилья гордо удаляется, обеспокоенно обращается к офицеру: «Смотрите за ней, она от горя вне себя».

Таким образом, в лице герцога Альбанского Шекспир изображает человека, который хотел бы совершать добро, но слишком слаб, чтобы постоять за него. В этом образе Шекспира яркое воплощение такие качества, как бесхарактерность и эгобование.

На этом позволю себе подвести итог изображению эгоистической личности в классической литературе тех примечательных индивидуальностей, которых отношу к *сфере чувств и воли*.

Индивидуальные особенности ассоциативно-интеллектуальной сферы

Функции воли переплетаются с мыслительными процессами. Вследствие этого вырабатываются различные мыслительные типы, однако они лишь побочно связаны со структурой личности.

Эта мышления трудно поддается конкретным наблюдениям, кроме того, интеллект не отражается непосредственно на особенностях личности человека. Реальным можно считать лишь то, что в зависимости от интеллектуального уровня изменяется окраска колорит структуры личности. Как мы убедились на приведенном материале, проанализированные персонажи обладали в значительной мере, и слабо развитым интеллектном, что, однако, для характеристики личности не имело решающего значения.

Однако существует область психики, близко стоящая к интеллекту; она может участвовать и в образовании отдельных особенностей личности. Это — сфера ассоциативно-интеллектуальных чувств, в которой берут начало заинтересованность, т. е. потребность человека познать нечто новое, необычное, и любовь к порядку, т. е. противоположная первой склонность придерживаться установленного, привычного.

Привести пример человека, или персонажа, которого отличает чистая заинтересованность, как свойство ассоциативно-интеллектуальной сферы, я лишен возможности: это особое свойство очень трудно отграничить от ряда других устремлений, которые также способны стимулировать различные духовные интересы. Однако мы как в жизни, так и в литературе находим довольно много людей, которые при известном утрировании представляются педантами. Имеется в виду не ананкастическое отношение к порядку, которое в чрезмерной степени ведет к навязчивым представлениям. Отсутствие любви к порядку у людей часто педантичных вызывает неудовольствие, но без всякого оттенка навязчивости. Такой человек строго придерживается установленного распорядка, и все же это не связано с постоянной напряженностью психики.

Писатели, описывая любовь к порядку, обычно ставят своих героев в рамки определенной профессии, которая вменяет в обязанность человеку следить за порядком (полицейские, архивариусы и т. д.). В этих случаях в образе воспринимается не столько индивидуальность, сколько представитель данной профессии. Дисциплинированность воспитывается профессией также и в учителе, которому зачастую приходится направлять в нормальное русло темперамент и несдержанность детей. Но вот перед нами магистр, описанный *Стриндбергом* в рассказе «Так должно было случиться». В данном случае трудно говорить о том, что он стал педантом благодаря педагогической деятельности. Магистр довольно формален в еде: для различных трапез у него предусмотрен строжайший ритуал; когда, например, подаются раки, он должен быть обязательно шесть штук, и притом все — самки. Так же начала он сам отмеривает себе три четверти рюмки водки и выпивает ее с наслаждением, после чего восклицает «Ух!». *Свежая* газета должна находиться в это время слева от магистра, на корзинке для хлеба (с. 62):

Так же поступал в течение двенадцати лет и будет поступать до конца своей жизни. Когда на столе появляются раки, то он начинает с исследования их

половых признаков, а при положительных результатах осмотра приступает к дальнейшей процедуре. Салфетка уголком закладывается за ворот, рядом с тарелкой кладутся два или три бутерброда с сыром, затем он наливает себе стакан пива и вторую рюмку водки, берет в руки маленький ножик для раков и начинает их разделявать.

Поглощение раков также происходит в строго установленном порядке. После того как съедены три рака, выпивается третья рюмка водки; когда она выпита, разворачивается газета, в которой магистр в первую очередь знакомится с разделом названий должностных лиц. Во всем остальном магистр также является образцом порядка (с. 67):

Он безукоризненно выполнял в школе учительские обязанности, да не опаздывал, никогда не болел. В частной жизни его можно было считать эталоном аккуратности; плату за квартиру он вносит идеально точно, да ничего не покупал в магазинах в кредит и один раз в неделю ходил «женщинам» (он никогда не говорил «к девицам»). Жизнь его была посвящена поезду, который мчит по блестящим рельсам и прибывает с точностью секунды на предусмотренные в дорожном плане станции.

Далее Стриндберг дает понять, что его герой отнюдь не страдает преувеличенной добросовестностью или чрезмерным чувством долга (с. 67):

О будущем он не думал: ибо истинный эгоист не думает о нем, уже по той причине, что будущее принадлежит ему не более чем на 30 лет.

Но может быть в основе педантичности магистра лежат некая эпилептоидная тяжеловесность, медлительность? Такие признаки мы в рассказе не видим.

Педантичную любовь магистра к порядку иллюстрирует один пример. Одевается он также, соблюдая заранее намеченный порядок. Например, он неизменно подтягивает вверх нижний край брюк, чтобы они не волочились по земле. Из дому выходит в точно намеченное время. Никогда он не выезжает из города, боясь, что его могут стиснуть и задушить в городском транспорте, вообще он мечтает о том, чтобы «кончилось наконец это безобразие с праздниками», от которых ничего, кроме беспорядка не приходится ждать. По дороге в пансион, где он живет, он возмущен по выходным дням непорядком в поведении взрослых и детей: например, какой-то мальчик попал ему в глаз мячом, полицейский же смотрел на этот эпизод с улыбкой, вытягивая пиво из кружки.

Психологически вполне объяснимо, что 32-летний магистр, который никогда не собирался жениться, чтобы не изменить своего раз и навсегда установленного распорядка дня, в конце концов вступает в брак. Дело в том, что любовь в браке, коренящаяся в ассоциативно-интеллектуальной сфере, непременно должна потерпеть поражение, вступая в конфликт с первичными человеческими чувствами и порывами. Состояв в браке, магистр отказывается от многих своих привычек, в частности привычки употреблять в еду самок раков.

В «Избирательном средстве» Гете также изображает

...рядок человека, это — капитан. Но поскольку данный образ не столь утрирован, как образ магистра Стриндберга, то он не раздражает читателя меньше.

Детальность капитана в замке начинается с того, что он приводит в порядок рукописи Эдуарда (с. 155):

... капитана они устроили хранилище для актуальных рукописей, а для менее нужных. Сюда были доставлены документы, записи, заметки из различных помещений, шкафов, сундуков замка; весь этот хлам был приведен в порядок, разложен по ящичкам и рубрикам. Все, что могло потребоваться, удавалось найти куда можно было надеяться.

... капитан вводит и в парке, который планируется разбить по-новому, исходя из соображений целесообразности. Разбивка парка была недостаточно тщательно продумана Шарлоттой, и это очень мешает капитану. ... капитан задается целью перестроить и близлежащее село (с. 174):

... обратился он к Шарлотте, — как мы, совершая путешествие ... загорелись желанием создать дополнительную красоту нашего ... находящуюся поблизости деревню, но обращаясь не к швейцарской архитектуре, а подражая швейцарской чистоте, к порядку, который ... используют пользование.

... хочется упорядочить еще и многое другое, например ... нищих и подачу им милостыни. Он отдает себе ... что его любовь к порядку рискует перейти в педантизм. ... объясняя химический опыт, который капитан ... с максимальной корректностью, он заявляет: ... не сочтете это за педантизм, то я могу ради краткости ... язык формул».

... что Гете несложно было создать образ любящего ... человека, так как образец такой любви был у него ... с самого детства. Аккуратность его родного отца ... педантизма, что и описал Гете в романе «Поэзия ... Моножество моментов подтверждают данную характеристику. Например, произведения римских писателей должны ... библиотеке быть представлены непременно голландскими ... «in quarto» — «из соображений внешнего по ...» зачатое не смеет в его представлении остаться ...

... реализации намеченного, то в этом смысле мой отец соблюдал ... Раз намеченное должно было во что бы то ни стало ... будь это даже сопряжено с неудобствами, скукой, до ... бессмыслицы поставленной цели.

... для своих рисунков брал неаккуратно нарезанную ... потом подравнивал ее; если же сын помещал не ... на один лист бумаги, он разрезал лист и ... аккуратно подобрать рисунки и переплести выре ... войны в частных особняках расквартировывали ... Гете сильно страдал из-за этого, он не мог «от-

дать на чей-то произвол то, что с такой любовью организовал, чем привык сам распоряжаться». Хотя расквартировавшись в семье Гете офицер вел себя безукоризненно, тем не менее вступил с ним в конфликт. В связи с этим он однажды не встал к завтраку и целый день ничего не ел. Жене очень хотелось править еду в его комнату, «но такого непорядка отец никак бы не потерпел, даже в самых крайних случаях». Сыну своему Гете-отец внушил неприязнь ко всем гостиницам:

Ему казалось ужасным платить за отказ от всего, что привычно к его рогу сердцу, платить за то, что пляшешь под дудку хозяина и официанта да к тому же еще платить большие деньги.

Хотя Гете-отец и имел склонность поучать, но эта склонность была тесно связана с любовью к порядку, ибо поучения сводились в основном к призывам быть аккуратным. Например, когда дети учились рисовать, он начал учиться вместе с ними, дабы просто подавать пример «величайшей опрятности рисовальщика», а также чтобы тщательнейшим образом следовать традициям оригинала. Большинство предметов отец вообще преподавал детям сам, в том числе и танцы, что весьма странно сочеталось с серьезностью этого человека. Когда он убедился в великой одаренности своего сына, он стал с большим упорством настаивать на завершении начатого.

Моя работа над «Эгмонтом» неплохо подвигалась, но надо было откровенно, что меня день и ночь подстегивал отец: на эти вещи он смотрел несколько наивно, полагая, что то, что легко было начать писателю, так же легко будет и довести до конца.

Ярко выраженной у отца упорядоченности Гете часто противопоставляет собственную неустойчивость, но в то же время вынужден признать:

Если искренние старания отца не были в состоянии прибить меня к ланте, то все же эта черта его, любовь к порядку, оказала на меня сильное влияние, что позднее во многом сказалось.

И действительно, мы нередко сталкиваемся и с любовью к порядку и с его склонностью к поучениям, чаще всего — в мемуарах «Годы учения Вильгельма Майстера» и «Годы странствий Вильгельма Майстера». Особенно эти черты бросаются в глаза в «Годах странствий» — там, где Ленардо описывает в своем дневнике процесс обработки хлопка, «который доставляется из Македонии и с Кипра через Триест». Здесь подробно описываются некоторые мелкие ручные приемы ремесла, когда Ленардо знакомится с прядильной техникой в тогдашних мастерских. Мы узнаем обозначения массы и длины пряжи, ряд специальных выражений типа «обрезок», «скоростная обработка». Ленардо узнает, кроме того, чем отличаются друг от друга различные личные способы прядения. Затем мастер по волею судьбы получает «т. к. милостивый государь обо всем хочет иметь собственное представление», кое-что и о смежных областях производства: о ткачестве, о мер, о сухом ткацком производстве. Затем речь идет о ткачестве

...пряжи, при этом снова называются некоторые специ-
... термины: «основная нить», «нити для сетчатой ткани»,
... подлежащая окраске», «провязка нитей», «сновальная
... И снова казалось бы, что материал полностью исчерпан,
... является мастер по ремизе, который еще лучше все
... от него мы узнаем мельчайшие подробности о наматы-
... и накручивании и многое другое.

В этом месте, впрочем, далеко не единственном в наследии
... писателя, Гете без труда убеждает нас в том, что он пе-
... у своего отца очень многое по части любви к порядку
... сообщать людям поучительные сведения. Это под-
... и одной из бесед Гете с Эккерманом. Гете расска-
... ску, что в своем художественном творчестве постоянно
... к солидным мотивированиям, а однажды дело дошло
... что он собственноручно вписал Шиллеру в его «Капу-
... проповедь» две стихотворных строки с тем, чтобы ло-
... обосновать некое побочное обстоятельство.

Стремление к порядку, надо полагать, сыграло свою роль и
... Гете был не только поэтом, но и естествоиспытателем:
... он всегда пытался систематизировать то, что наблю-
... природе.

Впрочем, когда у человека ярко выражены оба ассоциатив-
... чувства, он одновременно и стремится к упорядоченности,
... открывает новое. Людям, обладающим тем и другим, нра-
... и комические ситуации: новые, необычные стечения
... дают удовлетворение там, где под них подводится
... база, т. е. где обычный порядок снова восстанавли-
... У некоторых писателей использование острот, юмористи-
... аллюзий, игры слов в речи персонажей становится
... приемом. Это Жан Поль, Вильгельм Раабе, от-
... Шлегель и Байрон. Бывает и так, что анализируемая чер-
... прямого отношения к характеру самого персонажа,
... правом можем приписать ее автору. Так, у Раабе
... и чудаковатым действующим лицам его романов
... в связь с его склонностью к комизму. У Жана
... степени своеобразны его сравнения, к ним при-
... много неологизмов, непереводаемая игра слов: на-
... и любимый оба свои «спутника» (т. е. оба глаза)
... своему «Урану» (к возлюбленной Ленетте); «Ева —
... история воровка яблок».

Жан Поль приводит в своих произведениях превеликое мно-
... из которых следует, что этот человек обладал энци-
... знаниями. Он с наслаждением использовал их,
... свое творчество животрепещущими сведениями
... периодов истории, а также из многих других наук.
... его громадным запасом знаний, то часто труд-
... являются ли приводимые им факты исторически
... сам Жан Поль их придумал и лишь в шутку
... Напримр, в его романе «Зибенкээз» мы чи-

таем, что жена Расина не умела отличить лирическое стихотворение от трагедии, но она «тем не менее отлично справлялась домашним хозяйством». А вот другая иллюстрация того же типа: Монтень якобы предлагал будить себя глубокой ночью, чтобы «ощутить тайну сна». Мы находим у него также сведения о том, что Сократ и Катон ходили по рыночным площадям босыми.

Байрон подобным же образом в совершенно нестандартной остроумной манере связывает друг с другом факты, которые объективно чрезвычайно далеки друг от друга, как, например, греческие мифы и весьма прозаические события сегодняшнего дня. Ирония помогает ему связать высокое, благородное и святое с банальным, а нередко и пошлым. Вот как описывает любовное томление во время путешествия на корабле (с. 73—74):

...Но хуже всех, конечно, тошнота.
Как быть любви прекрасному пыланью
При болях в нижней части живота?
Слабительное, клизмы, растиранья
Опасны слову нежному «мечта»,
А рвота для любви страшней изгнания!
Но мой герой, как ни был он влюблен,
Был качкою на рвоту осужден.

А вот описание кораблекрушения (с. 76):

Ничто так не способно утешать,
Как добрый ром и пламенная вера:
Матросы, собираясь умирать,
И пили, и молились свыше меры;
А волны продолжали бушевать,
Клубились тучи в небе мутно-сером,
И, вторя вою океана, ввысь
Проклятья, стоны и мольбы неслись.

Складывается впечатление, что склонность к остроумным сравнениям характерна для натур холодных, неспособных на глубокое чувство. Но это не так, напротив, и Жан Поль, и Байрон страдают чрезвычайно сильными эмоциями. Первый блещет остроумием, часто впадает в сентиментальность, а второй стал лирическим поэтом своим ровным именем. Шутка, облеченная в ироническую форму, и с другой стороны искренние порывы чувств у Байрона часто стоят рядом. И на первый взгляд, несомнимые моменты находят в его творчестве как бы независимо друг от друга.

У Шекспира мы особенно часто встречаемся с остроумием и с игрой слов. Его словесные шутки свидетельствуют, во-первых, о редчайшем филологическом даровании Шекспира, а во-вторых, о том, что в жонглировании словами Шекспир достиг высшей степени мастерства. И несомненно, что он имеет в виду именно эту большую пристрастие, когда вкладывает в комедии «Как вам это нравится?» следующую реплику в уста Виолы: «Да, это правда: тот, кто умеет ловко играть словами, тот умеет сделать из одного дать им двоякий смысл». А вскоре после этого звучит в комедии шутка: «Право, я вовсе не шут: я просто путаю, путаю, путаю (перемешиваю слова)».

Завуалирование словами помогает Шекспиру создать особую индивидуальность людей; остроумие, колоритность словесных реплик — влюбленный прием для создания комических фигур. В комедии «Много шума из ничего» Бенедикт и Беатриче по-прежнему очень колко иронизируют друг над другом. В «Комедии ошибок» описанная черта ярко выражена у Дромия Сиракузского, который ошеломляет аудиторию потоком гротескных гипербол, раскованных сравнений, каламбуров, сногшибательных метафор. Подобности нагромождений мыслей и слов. В прародительской этой комедии, в «Менехмах» Плавта, один из персонажей, Старшая Щетка, обнаруживает сходную склонность к шуткам, правда, здесь она менее ярко выражена. В «Виндзорских юродивках», а затем и в «Генрихе IV» Шекспира его Пистоль активно употребляет в речи странные сопоставления, делает неожиданные завуалированные намеки, приводит цитаты, все это обильно пересыпается латинскими словечками. Замечание, сделанное Фальстафом о том, что влюбленный взгляд скользнул с Фальстафа животу, Пистоль парирует словами: «Значит, твой живот упал на навозную кучу».

Во многих пьесах Кальдерона Кларин играет роль шутника. В комедии «С любовью не шутят» Кларин вместе со своим другом Бонифратто обеспечивает своими шутками и чудачествами течение и протекание всего действия. Перед тем как Цирцею превратить его в обезьяну, он успевает скороговоркой изложить свое последнее прошение:

Если уж суждено мне превратиться в обезьяну, то прошу, окажи мне милость и сделай меня симпатичным экземпляром: ловким, резвым, подвижным. Пусть мои обезьяньи подобные обезьяны, радуйтесь, скоро ваши ряды пополнятся!

В комедии философских, как например, «Маг-чудотворец» (своеобразный испанский «Фауст») и в «Жизнь — это сон» Кларин своим комическим поведением постоянно оживляет действие.

В комедии впечатляют остроты в иронической форме в пьесе «Женщина на водах» Лопе де Вега. Донья Марчела ревнует своего жениха, который завязал дружбу с набожной дамой преклонившей перед тетей Беатой. Но вот дружба как будто дала трещину (с. 227):

— Ты же не случалось, дорогой мой возлюбленный? Ты нашел, что ей не нравится твой вид. Может, она недостаточно опрятна? погоди, я уже тебе объясню. Ты ей понравился у тебя за любовь слишком много денег, да? Или скажи мне, не знает ли у нее какого тайного телесного порока? Не худа ли она тебе? Или она не так ли миниатюрна? Не чересчур ли холодна она в любви? Или ты не чувствуешь ни ощущения грехов перед каждым поцелуем? Да говори же, что тебе не нравится во всем, и ты хочешь все узнать из твоих уст!

Донья Марчела иронизирует не только тогда, когда она ревнует. После примирения она заявляет жениху: «Но предостерегаю и прошу свою святошу-тетеньку, чтобы она хоть что-нибудь сказала мне свое платье: надо переснять фасон и выстирать его, в точь такое же: только при этом условии я»

смогу быть уверена в твоей любви». В ответной реплике Риза жених, корит насмешницу: «Ах, Марчела, ты остаешься все время верна себе, вечно шутишь».

В «Амфитрионе» *Плавта* точно так же, как в соответствующих пьесах Мольера и Клейста, есть персонаж Соций, который все обращает в шутку, обнаруживая при этом бездну наивности. Но с другой стороны он нередко проявляет и свою бесстыдную коварность.

Еще ярче сочетаются эти два противоположные качества Труффальдино из комедии *Гольдони* «Слуга двух господ». Чтобы получить вознаграждение из двух источников, Труффальдино служит двум господам, скрывая от них, что одновременно находится в услужении и у другого. Благодаря редкостной находчивости, он в сложнейших ситуациях способен выйти сухим из воды, действуя умно и весьма ловко. Однако, с другой стороны, он часто по бестолковости попадает впросак и терпит поражение. Так он по глупости вскрыл важное письмо, хотя читать и не должен. Труффальдино может быть и отчаянно нерасторопен: он перепутал чемоданы обоих господ, и вещи обоих попали не туда, куда положено; из-за этого начинается суматоха и страшная ссора. Так он беспрерывно разыгрывает то хитреца, то простака, что вызывает комический эффект. Психологически в развитии сюжета нельзя, конечно, подходить чересчур строго. Можно быть весьма проницательным человеком, т. е., несмотря на примитивный в общем интеллект, обладать способностью видеть свою выгоду. Однако люди никак не могут быть одновременно слишком умными и слишком глупыми. Хозяин, в услужении которого Труффальдино обслуживает своих господ, замечает о нем: «Никак не могу понять этого субъекта. Иногда он очень сообразительный, а иногда и вовсе дурень». Но так как он от души веселится из-за комизма ситуаций на сцене, то различные психологические противоречия никому не мешают.

Шутов в художественной литературе можно считать истинными профессионалами по части острот, каламбуров, иронии. Достаточно вспомнить шута в «Короле Лире» Шекспира. Но и эти словесные шутки содержат в себе одновременно и неприятные истины, которых люди никогда не рискуют сказать высокопоставленному лицу без обиняков, глядя в глаза.

АКЦЕНТУИРОВАННЫЕ ЛИЧНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Писатели нередко изображают в своих произведениях акцентуированных личностей и делают это талантливо и убедительно, однако это никогда не является для них самоцелью. Чаще всего многие акцентуированные личности являются второстепенными персонажами: хотя в развитии сюжета они играют определенную роль, но сами по себе мало интересны.

Кроме того, писатель преследует множество целей, находящихся за пределами сферы психологии, и просто не имеет возможности тщательно выписать особенности личности разных типовых лиц. Нередко, наконец, сами персонажи служат средством идеи, принципа, порой они задуманы скорее символически, так что вообще не могут представлять людей реально. Вспомним хотя бы образы *Кафки*: несмотря на то что в творчестве писателя они необычайно пластичны и оказывают сильное эмоциональное воздействие, они все же остаются не столько символами. Да и само понятие личности в художественной литературе не всегда трактуется в плане сугубо психологическом, это явствует хотя бы из неоднократно цитированного в нашем труде слов Достоевского.

Среди акцентуированных личностей находим в произведениях писателей, и особенно у *Достоевского*. Если у него акцентуированные личности нередко стоят на грани патологии, то можно считать в известной степени преимуществом, так как это дает возможность подчеркнуть, выделить черты личности. Если же о строгой границе между акцентуированными и психически нормальными личностями, как мы уже видели, нет. Далее можно было бы особо отметить как создателя образов многих акцентуированных личностей *Иеремию Готхельфа*. В его творчестве акцентуированность нередко присуща даже некоторым психически нормальным персонажам. Кроме того, его персонажи тесно связаны с бытовым окружением, что особенно приближает их к реальной действительности.

Демонстративные личности

Часто в художественной литературе мы сталкиваемся с демонстративными личностями. Иногда они лгут и дурачат, иногда так ловко, что им нельзя отказать в актерских данных, иногда им более резко выражаются истерические симптомы. Способность истериков, способность их играть всевозможные роли могут чрезвычайно оживить рассказ, сюжетную линию. Однако они склонны к раскованному мышлению, а тем не менее обладают особой живостью воображения, то я склонен считать, что многие авторы воспринимают реакции истериков художественно, как близкие им самим: ведь сплошь и рядом творческий процесс неотделим от реакций такого типа. Подтверждение этой мысли можно усмотреть в том, что особый тип ананкаста в художественной литературе встречается: ананкастическое начало подавляет богатство фантазии, отклика на внутренний склад такого типа писателя душе не находит, поэтому ему негде и черпать материал для создания такого образа.

Интересно заметить, что демонстративные проявления, нередко встречающиеся у классиков, не всегда идентичны встречающимся

в нынешнее время. Так, в эпоху рококо у дам, принадлежащих к аристократическим кругам, считалось чуть ли не хорошим тоном падать в обморок в связи с малейшими переживаниями. С такими реакциями сталкиваемся у многих героинь Достоевского. Однако параллельно он описывает и типичные припадки истерического крика у так называемых кликуш (т. 9, с. 61—62).

Притянули к нему одну кликушу за обе руки. Та, едва лишь зашевелила старца, вдруг начала, как-то нелепо взвизгивая, икать и вся затряслась в родимце. Наложив ей на голову эпитрахиль, старец прочел над нею короткую молитву, и она тотчас затихла и успокоилась. Не знаю, как теперь в детстве моем мне часто случалось в деревнях и по монастырям видеть кликуш. Их приводили к обедне, они визжали или лаяли по-собачьи из церквей, но когда выносили дары и их подводили к дарам, тотчас «беснование» прекращалось и больные на несколько времени всегда успокаивались.

Меня, ребенка, очень это поражало и удивляло. Но тогда же я узнал от иных помещиков и особенно от городских учителей моих, на мои расспросы, что это все притворство, чтобы не работать, и что это всегда можно коренить надлежащею строгостью, причем приводились для подтверждения разные анекдоты. Но впоследствии я с удивлением узнал от специалистов диков, что тут никакого нет притворства, что это страшная женская болезнь и кажется, по преимуществу у нас на Руси, свидетельствующая о тяжелой судьбе нашей сельской женщины.

Итак, трудно сказать, болезнь ли то была или притворство, и какое из этих определений более соответствовало истинному положению вещей, но у меня создается впечатление, что в этом Достоевский не совсем согласен был с мнением врачей. Впрочем, можно решительным образом утверждать, что социальные условия, царившие в тогдашней России, бесспорно соответствовали описываемой картине.

Выше мы коснулись только самих реакций. Однако Федор Павлович, отец братьев Карамазовых, истеричен не только в своих реакциях, но и как личность в целом. Нередко окружающие называют его шутником, т. е., что его нельзя принимать всерьез, поскольку он всегда лишь играет некую роль. Достоевский описывает, например, следующую чрезвычайно характерную роковую сцену (т. 9, с. 95—96):

— Дмитрий Федорович! — завопил вдруг каким-то не своим голосом дор Павлович, — если бы только вы не мой сын, то я в ту же минуту бы вас на дуэль... на пистолетах, на расстоянии трех шагов... выстрелом через платок! — кончил он, топая обеими ногами...

Есть у старых лгунов, всю жизнь свою проактерствовавших, и другие привычки, да они до того зарисуются, что уже воистину дрожат и плачут, и всхлипают, несмотря на то, что даже в это самое мгновение (или секунду) они могли бы сами шепнуть себе: «Ведь ты лжешь, старый лгунов, ты актер и теперь, несмотря на весь твой «святой» гнев и «святой» плач...

Здесь Достоевскому удалось превосходно показать, как истериче- терики могут быть до самозабвения поглощены своим плачем, однако где-то на заднем плане у них вполне сохраняется осознание реальности.

В другом месте Достоевский говорит о Федоре Павловиче (т. 9, с. 59, 116):

Слеза и ничего такого особенного не значил наш монастырь в его жизни. Горьких слез не проливал он из-за него. Но он до того увлекся слезами своими, что на одно мгновение чуть было сам себе не даже заплакал было от умиления: но в тот же миг почувствовал, возвращать оглобли назад...

Павлович патетически разгорячился, хотя и совершенно ясно было, что он опять представляется. Но Миусов все-таки был больно уяз-

Павлович Карамазов представляет собой не только инстинктивную личность, более того, он тяжелый истерический экзальтат, разыгрывающий роли, которые показали бы его с какой-либо стороны или, во всяком случае, привлекли бы к нему внимание окружающих. Все его поступки свидетельствуют о такой установке. Так, он не проявляет ни малейшего такта в отношениях ни с первой, ни со второй своей женой, постоянно приносит в дом посторонних женщин, но нисколько не чувствует себя виноватым. После смерти первой жены он совершенно равнодушен о ребенке, после смерти второй жены — не интересуется и думая родившимися от нее сыновьями. Карамазов как человек забывает, что он — отец; слуга его, вот кто берет на себя заботу о заброшенных детях. Вытеснение подобной стези предполагает наличие явно истерических предпосылок. Позитивные поступки отца направлены на то, чтобы обманным путем завладеть имущественной, особенно старшего сына, части наследства. Печальное истерик, вытесняющий все то, что могло бы препятствовать осуществлению его эгоистических целей.

Смердяков ему сродни Смердяков, сын Серафимы Смердящей, дочери слабоумной женщины, и незаконный сын Карамазова. Смердяков — хитрый, лукавый тип домашнего соглядатая, который одновременно доносит и отцу, и сыну, хотя те живут в состоянии вражде между собой. Он пытается втереться в доверие к старшему сыну, вызвать его симпатии к себе. Не будь он слугой ему, конечно, было бы труднее вести столь сложную игру. Смердяков то прикидывается сердечным и искренним, то выставляет ребяческую покорность. Его приемный отец настолько знает его истинную сущность, что во время заседания суда горячностью ручается за его честность. Прокурор допрашивает его, правда, в красках несколько патетический, но все же убежденно заявляет следующее (т. 10, с. 253—

...честным от природы своей молодым человеком и вой-... своего барина, отличившего в нем эту честность, когда... потерянные деньги, несчастный Смердяков, надо думать, ...в измене своему барину, которого любил как

...Смердяков был убийцей того, кто ему... Бо он сумел подготовить все так, что обвиняемым... старший сын, который и был осужден за... Истерическая натура Смердякова сказалась и в... страдая эпилепсией, перед совершением убийства

симулировал припадок, который был настолько типичным во всех деталях, что никто не сомневался в его подлинности. Поскольку он, согласно свидетельским показаниям, находился в бессознательном состоянии, то полагали, что о Смердякове и убийце не может быть и речи. Назойливое истерическое поведение, подобное поведению старика Карамазова, Смердяков также не чуждо. Когда Иван Карамазов, доведенный до бешенства нагло-вызывающим тоном Смердякова, изо всей силы ударил его кулаком в плечо, тот разыграл сильнейшее душевное потрясение (т. 10, с. 134):

В один миг все лицо его облилось слезами, и, проговорив: «Стыдно, стыдно, слабое человека бить!», он вдруг закрыл глаза своим бумажным платком, вытер ими цветочками и совершенно засморканным носовым платком и погрузился в тихий слезный плач.

Образ Смердякова в целом позволяет создать представление и об отдельных компонентах его личности: его отличает не только *истеричность*, но и в еще большей мере, чем Федора Павловича, *недостаток этического начала*, т. е. отсутствие чувства долга, чувств сопереживания и сострадания. Он неблагоприятен в отношении к приемным родителям, мучает животных, равнодушен к горю других людей. Но не это все заставляет признать Смердякова к акцентуированным личностям, а его дар способности от окружающих свою этическую несостоятельность: он играет роли, не соответствующие его внутреннему состоянию.

Истеричен и Лебедев из романа Достоевского «Идиот». Он способен играть всевозможные роли: может быть лакеем и добострастным, когда считает это для себя полезным. Он может и надевать маску исполненного достоинства величия. Лебедев может не задумываясь, он интригует, пишет анонимные письма и все это с невиннейшим видом. Читатель понимает в конце концов, что он просто не осознает непорядочности своих поступков. Лебедев умеет быстро перевоплощаться: например, он может желать плести интриги против определенного лица, но в экстремальной ситуации измениться — и он первый протянет этому же лицу руку помощи. Утрированные жесты, гримасы, столь часто упоминаемые при описаниях истериков, торжественные жесты, иногда и слезы подчеркивают театральность манер этого человека. Особенно выразительно показано актерское поведение Лебедева в том месте, где пьяный генерал Иволгин крадет у него бумажник с 400 рублями. Лебедев с самого начала знает, кто вор, но он в своих пространственных речах обвиняет человека, который в силу социального положения скорее мог совершить кражу, чем генерал; и не только обвиняет — он разработывает подробный план, как уличить этого человека. Суть его игры заключается в том, что Лебедев не желает потерять генеральского достоинства, а поэтому и не собирается выдать в лицо бличать его: он намерен добиться своего, но только скрытыми путями.

Ряд истерических личностей мы встречаем у Достоевского.

В повести «Крестьянское зеркало, или История жизни Готхельфа» в этом плане можно трактовать только матери писателя. Вот что он пишет о ней (с. 3, 14):

Матушка моя была дочерью мелкого лавочника, говорят, что в молодости была красотою, а также и кокетливою, по хозяйству и в поле ничего не делала, а преимущественно дежурила в лавке или сидела перед казачкею и делала вид, что шьет или вяжет...

Возбуждающие о себе девушки впоследствии нередко отпугивают неприглядностью: комнату свою матушка не проветривала и не приоткрывала, и везде бросалась от одной крайности к другой, — то появлялась безукрасно и крикливо одетая, то в отчаянно неряшливом виде, при этом случалось все реже, а второе под конец повторялось изо дня в

этих характеристики матери в повести встречаем неоднократно детьми своими она вообще не занималась, они были воспитаны самим себе.

Черты *«разойливого истерического бахвальства»* находим в повести Готхельфа, в «Ули-батраке» и в «Ули-арендаторе». В первом в виду Элизи, дочь богатого крестьянина, которая хочет женить на себе Ули. В самой себе она не видит недостаточного, не замечает слабостей, которых у нее в деле множество. Она хвастливо рисуетя перед Ули, решила завоевать во что бы то ни стало (с. 237):

...самым красивым ребенком во всей округе! Как увидят ее, все глаза руками всплеснут от восторга, любят ее и все приговаривают: «Вот ребенок! Нет, право, такой красоты мы еще никогда в жизни не видели». Но что Элизи отлично помнит. А когда она приехала во французский кантон, то и в том кантоне более красивой девочки не оказалось. Все там было словно раскрашенные, а кожа на лице — такая гладкая, как в зеркало смотришь! Когда она перебрасывала через плечо красную ленту и так прогуливалась у своего дома, напевая какую-нибудь песенку, и сопровождая себя на гитаре, то вокруг нее толпами стояли мальчишки и заперевой ухаживали за ней; от нее одно только требовали: «Веди нас сюда», ведь она могла их дюжинами водить за собой на веревочке. Но Элизи выбрала самого знатного из тех южных швейцарцев; ну, а уж если бы она захотела замуж выйти, какой здесь никому и не снился. Люди там во всем лучше, чем здесь. Но тут случилось, что она, Элизи, заболела, и ее пришлось увезти домой, а дома отнесли ее просто так, что хуже не бывает: ее положили на кровать как самую простую крестьянскую девушку, а есть ей дали только такое, что и всем другим людям было положено, поварья Швейцарии и собака приличная на такую пищу не пойдут. Но ни один пор и не было у нее ни одной светлой минутки. Но ей нечего было бояться, чья возьмет!

Эта черта Элизи проявляется, однако, не только в ее отношении к себе, но и в других поступках. Если что-нибудь ей не нравится, она устраивает дикие скандалы, кричит, плачет, рыдает, кричит от конвульсивных рыданий, нередко переходящих в истерику. В романе «Ули-батрак» ее реакции проявляются следующим образом (с. 254):

...мать не хочет ее порадовать, все только дергают ее и мучают. Она хочет, чтобы все было поскорее умереть. По мере того как Элизи становится все более бурными, в конце концов происходит истерическое припадание; мать вынуждена была расстегнуть ей лиф, и она умерла. Т. к. серьезно поверила, что Элизи уже кончается,

А поскольку добрая матушка никак не желала ее смерти, то немедленно новила и поток упреков.

Еще более явственно обрисован истерический припадок в следующей сцене (с. 307):

Собственно старик был не прочь отдать ее за Ули; но как только в этом заходила речь, Элизи делалась совсем одержимой; ноги и руки ее начинали подергиваться, на губах выступала пена, так что окружающие боялись припадка падучей.

И такие сцены повторялись нередко. Правда, истерическая потеря сознания ни разу не было, один только раз после насильственной расправы с собравшимися, учиненной ее братом. «Элизи упала бы в обморок», как пишет сам Готхельф, «если бы не была, как это делается».

Готхельф уже тогда знал лучше, чем врачи его времени, лучший способ прекращения истерического припадка — обращать на истерика внимание. В «Ули-арендаторе» есть авторские слова (с. 360):

Зря никакая Элизи не заплачет. Итак, как только наша героиня заплакала, что на нее больше не обращают внимания, она прекратила плакать и ушла в комнату, взяв с собой вино и ветчину, заметив, что если никто не угощает, то надо самим приниматься за дело.

Часто в романах Готхельфа встречаются люди, до такой степени пени самодовольные и такие пройдохи по натуре, что их можно назвать *авантюристами, патологическими лжецами или шарлатанами* (обозначения, принятые в психиатрии). Интересны этими качествами могут быть наделены и второстепенные персонажи, как, например, знахарь Люрлипетерле из романа «Ули-арендатор». Вот что мы читаем о нем (с. 249):

Тут он начал рассказывать, как он невероятно знаменит и что он иногда просто отбою нет от желающих получить его указание и совет. Всецело всех уголков Германии пишут ему самые знаменитые врачи, которые оказываются в затруднительное положение. Он уже не одного вызволил из бедного состояния, из них об этом, конечно, не пикиет; впрочем, в его Люрлипетерле это записано. Вот к примеру один написал ему из города под названием Шюли этот город — столица России. Лицо это — надворный советник по фамилии Шюли, он запросил его, с чего следует начинать, когда станет свирепеть холера. Холера же есть жестокое заболевание, начинается она с того, что человек нец волосы на голове делаютя раскаленными, так что можно их вырывать пинцетом; он, Люрлипетерле, подробно объяснил советнику, как надо принимать, но негодяй и по сей день его не поблагодарил. Так как другие лжецы, постукаясь его советами, становятся надворными советниками, но ни один человек не знает, что спасение России было в руках Люрлипетерле. А посоветовал он следующее: каждому больному во время начала болезни давать только пахту (сбитые сливки) и суп, который готовят так: в мерке молока растирается один фунт сахара, порция дается больному каждые два часа, что и предохраняет от холеры. Теперь в России от холеры ни один человек не умирает. В тот же день его слуга. Но русскому царю ничего об этом не скажут, об этом Люрлипетерле специально просил; а не то еще, чего доброго, назначат его надворным советником, что ему совсем-совсем ни к чему.

То же можно сказать об одном второстепенном персонаже в романе «Ули-батрак». Это — некая Кати, которая

женить на себе Ули и тем самым, между прочим, дает возможность герою романа показать свою стойкость и выдержку. Психологическое хвастовство по содержанию полностью отвечает кругу представлений крестьянской девушки: Катя похвалит не только тем, что станет наследницей богатой тетушки, но и тем, что в работе она крепче и выносливее любого мужчины.

Из авантюриста предстает перед нами в лице героя романа Якова Яковича «Странствия Якова-подмастерья по Швейцарии». Приехав в Базель, Яков сразу начинает с привычного ему вранья и хвастовства, больше всего стараясь скрыть свое весьма скромное состояние (с. 46):

— У дома он сочиняет, что бабушка у него отчаянно богата, у нее огромный двор, да к тому же еще полно железнодорожных акций. Но Яков себе в голову, что он должен жениться на богатой деревенской девушке, вдове вдовы сельского старосты. Беда в том, что жениться на ней он не всегда остается ограниченным крестьянином, он же и мысли таковой не допускает; поэтому он и отправился на чужбину, к большой досаде тетушки. Если только она узнает, где он находится, то она тут же либо приедет к нему в коляску, наполненную доверху талерами и окороками, либо сама приедет и вручит племяннику кошелек, набитый деньгами; быть может, он будет и полный бумажник акций железной дороги, но при всех этих богатствах будет умолять, чтобы он вернулся домой.

Яков и прочие истерические лгуны, Яков свои фантазии представляет так уверенно, что ему все верят, и всюду он имеет успех.

Яков не свои небылицы с величайшим мастерством, и все охотно верит каждому его слову. Часто, просясь в дом, на ночлег, он слышал голос из кухни: «Матушка, послушай-ка, он видно не из простых, пахнет чем-то, надо будет свежее постельное белье ему дать, а может и что-нибудь откусать с нами?» — «Как хочешь, доченька, — можно и пригласить» — отвечало в ответ. И вот Якова угощали как почетного гостя, ел он как в самом лучшем трактире за большие деньги, пили самые лучшие вина разных сортов, и спал на роскошной постели, а утром выпил чашку шоколада с куском превосходного пирога.

Яков перед нами образ типичного авантюриста. На девиц производит неотразимое впечатление и постепенно переходит до роли *брачного афериста*. Так, он принимает от Катерины то, что она любит, и еду, и одежду, и ее посылки. Но вот Катри заговаривает о браке, так как ждет ребенка, и Яков немедленно исчезает из городка, не оставляя за собой ничего, кроме долгов.

Из дальнейшего повествования мы узнаем, что Яков, попав в Базель, становится весьма набожным и переходит на сторону католиков. Следует отметить, что психологически блестящее изображение истерического лгуна, данное в начале романа, производит куда более убедительное впечатление, чем эти послышки.

В Якове притворщиком следует признать и *мольеровского афериста*, который полон сугубо корыстолюбивых целей, но при этом он себя смиренно-набожного человека, а в конце

комедии — некоторое время даже преданного слугу короля. Впрочем, безоговорочно верят этому притворщику только хозяйка дома и бабушка, все остальные считают его лицемером и плутом. Именно такая ситуация психологически мало правдоподобна. Дело в том, что истерики-авантюристы обычно исключительно удачно приспособляются к окружающим и покоряют всех.

Напротив, авантюриста Лузмана, «рыцаря Миракля», из одноименной драмы *Lone de Vega*, можно считать характерным истерическим шарлатаном. Если ему всегда удавалось достигнуть намеченной цели, то это объяснялось не чудом, не «магическим даром», а его истерическим даром. Он — тоже своего рода бравадаферист, так как разыгрывает перед женщинами безумную любовь, а в действительности интересуется только их богатствами. Внутри же остается абсолютно холодным. Его слуга Трагедия говорит, обращаясь к нему:

— Ты не любишь ни одной из всех этих многочисленных бабочек, увидев которую ты тут же овладеваешь ею и выбрасываешь вон, кощунственно нарушая законы природы.

Лузман в то же время — тип авантюриста. Получив от одной дамы, соблазненной им, много денег, он хочет употребить их на то, чтобы купить частичку «фон» в добавление к своей фамилии, но потом ему приходит в голову, что этого слишком мало. Он сочиняет себе следующее имя «Дон Лузман фон Толедо и Кадола-Гирон-Энрикец-Лара». Когда хозяину гостиницы называет это имя, он уверен, что прибыло несколько постояльцев. Рассчитывая на деньги, Лузман может перебраться из Рима в Испанию. Заранее мечтает о том, как он будет рассказывать своим знакомым, посланникам и кардиналам «о своем друге».

Лузман покоряет женщин умением демонстративно притворяться. Он говорит сам о себе:

— Меня ни одна не заманила в свои сети; что касается их, то я наметил себе опутать, я замечательно водил за их же собственные волосы. Я, как знаменитый органист, играю на многих регистрах: я превращаю в музыку вздохам любовного томления, издаю стоны в момент любовной борьбы, умею изобразить и слезы, и ревность, и упрямство, и гнев, и стеснение — там, где это нужно; да, я могу притворяться, что испытываю любовь. Глупые курицы, женщины, верят в искренность моей игры. Они восхищаются мной, любят все, что я приказываю. Разве ты и сам часто не наблюдаешь, как они готовы подарить мне все, что у них есть?

Слуга его подтверждает наличие у Лузмана редкого истерического дара:

Как он спекулирует, как рассчитывает! Каким притворством пользуется! Как он двуличен и сколь лукавы его речи! Он выпрашивает, умоляет, просит, бьет, приказывает, то смиренно беднеет, то краснеет от гнева — и всегда находит единственно верное слово в верный момент.

В финале пьесы Лузман полностью разорен: это истерический слуга, которым он не уплатил жалованья. И в этот момент он еще раз демонстрирует верх лживости, заявляя: «Я никогда не любил ни одну из этих бабочек».

человек; душа моя правдива, за всю жизнь я ни разу не

Характерен до мельчайшей детали и «Авантюрист Феликс» Томаса Манна. Его манеры так естественны и уверены, что у кого не возникает сомнения в его правдивости, когда он играет роль маркиза де Веноста. Он и до этого уже проявляет себя как демонстративная личность, в частности, с помощью своего припадка добился освобождения от службы в армии. Если бы нам не было известно, что Томас Манн много времени посвятил изучению медицины, то нас могли бы поразить его меткость, с которыми он вылепил законченный образ истерического авантюриста. В связи с этим уместно вспомнить комедию «Лжец» Корнеля. Ее герой Дорант лжет так, что мы не подумали бы о *pseudologia phantastica*. Однако ложь Доранта в комедии представлена как бы изолированно; ибо во всем остальном личность Доранта нисколько не похожа на авантюриста. Таким образом, в этой комедии ложь все же служит характеристикой лживой личности, а созданию комизма ситу-

В истории мы можем указать на такого истерического персонажа, как император Нерон. В своем романе «Quo Vadis» Соловьев изображает Нерона как яркий истерический тип. В Нероне-поэте, Нероне-певце, Нероне-возничем у Сенатуса всюду чувствуется аффективность и театральность. Нерон ведет себя так, словно отнюдь не является преступником на троне, а властелином, полным благородства и любовью к народу. Когда он отказывается от одного из путешествий в провинциях предзнаменований, он лицемерно заявляет, что отказывается «из любви к своим согражданам, увидев печаль на их лицах и желая остаться с ними, как отец со своими детьми, и делая с ними радость и горе». Он восклицает: «Не думаю, что у меня меньше душевного величия, чем у Цезаря, ради блага империи не пощадил собственных чувств». Даже подлинные, искренние чувства самого Нерона вызываются в чем-то театрализованно. Например, когда он узнает о смерти своей дочурки, к которой он был сильно привязан, он ведет себя чрезвычайно аффективно:

...они обратились в торжественное траурное шествие, во время которого Нерон в зеркалах бурные проявления горя, охватившего цезаря... Нерон склонился к словам утешения сенаторов, устремив взгляд на их измученным лицом. Да, быть может, он и в самом деле глухо и одновременно он думал и о том, какое впечатление произведет на присутствующих. Он изображал Ниобею, он разыгрывал горя отца, и ни один актер на подмостках не мог бы лучше его.

...у Нерона, наряду с истерической психопатией, ... этических принципов, как это представляет ... что едва ли. Достаточно вспомнить грохот ... сосредоточенную в руках Нерона, его совершен-

но обоснованный страх перед заговором и жестокие нравы этого времени, описываемые самим же писателем, чтобы отбросить фактор ущербности этического начала. Заместители Нерона его отсутствие ведут себя еще более жестоко, чем он сам. Правда, есть один поступок, который выходит далеко за пределы проявлений истерической жажды самоутверждения: Нерон не может вынести, чтобы кто-то лил задушить маленького сынишку своей любовницы за то, что малыш не оценил какого-то патетического рассказа Нерона. Это самый волнующий момент заснул. Следует, однако, заметить, что Нерон и без того ненавидел этого мальчика, он искал подходящий повод для совершения злодеяния.

Остановимся еще раз на всех проанализированных тут случаях истериков. Может создаться впечатление, что истерические предпосылки психики служат исключительно достижениям истерических целей. Однако это далеко не всегда так, поэтические художественной литературе находят отражение и вполне значительные в этическом плане истерические личности. Можно указать на драму Шиллера «Заговор Фиеско в Генуе». Великий дар притворства Фиеско ставит на службу доброй борьбе против тирании в Генуе, в первую очередь против бесчинств, которые творит племянник герцога со своими друзьями. Фиеско для видимости как бы объединяется с врагами, роль свою играет с таким совершенством, что даже его собственные мысленники начинают подозревать его в измене. Благодаря блестящему притворству, убаюкивающему подозрения, борьба Фиеско и заговорщиков проходит успешно. Конечно, это не только игра, но и энергия героя имела значение в достижении положительного результата. Под конец, однако, выясняется, что Фиеско, подталкиваемый тщеславием, сам хочет захватить власть свергнутого герцога. Таким образом, истерические черты личности Фиеско в конечном счете служат все же целям эгоистическим, как мы и наблюдали в вышеприведенных примерах.

Можно привести и другой пример — следователя Порфирия из «Преступления и наказания» Достоевского. Порфирий играет роль неординарными способностями прикидываться, но роль. Об этом свидетельствуют его разговоры с Раскольниковым — все реплики и вопросы, подхватывание и трактование слов Раскольникова, да и само поведение Порфирия. Порфирий смеется ли он, хохочет или, напротив, сохраняет серьезность, садится ли рядом с Раскольниковым или ходит вдалеке, по комнате — все это игра. Любопытно и то, как выстраиваются следователя различные реакции Раскольникова — истерическое поведение, внезапно охватывающую Родиона слабость и т.д. — проявление его гнева. Все это вызывает и у самого Раскольникова, и у нас за ним и у читателя неизменный тревожный вопрос — каковы же истинные мысли Порфирия, что он намеревается сделать, чем заключаются его скрытые цели? На первый взгляд, манеры слова его, и манеры кажутся совершенно безобидными. Раскольников так и склонен их расценивать, но все же мы не можем не заметить

...ощущается стремление следователя изобличить убийцу. Двойной смысл слов, жестов, подхода Порфирия в целом к своему расследованию оказывается ничем иным как хитроумным метаморфическим приемом. Раскольников должен постоянно пребывать в состоянии неустойчивом состоянии, должен быть неуверен, своим делом он еще или уже может считать себя погибшим; напряжение и беспокойство его должно все время возрастать с тем, чтобы в конечном итоге, будучи в состоянии крайнего возбуждения, выдал себя. Мысли о подобной «ловушке» высказываются самим Порфирием, и опять Раскольников не в состоянии уловить их скрытого смысла: являются ли слова Порфирия лишь безобидным поучением, или это зловещее предупреждение о том, что западня захлопнулась. Приводим слова Порфирия

...Зачем я много-то господина совсем одного: не бери я его и не беспокойся, он ведь знал он каждый час и каждую минуту, или по крайней мере что я все знаю, всю подноготную, и денно и ночью слежу за его движениями, его сторожу, и будь он у меня сознательно под вечным подзором и стрелом, так ведь, ей-богу, закружится, право-с, сам придет, да, и тогда, когда я наделаю чего-нибудь, что уже на дважды два походить будет, математический вид будет иметь,— оно и приятно-с.

...Порфирий достигает цели. К концу допроса Раскольников признается в совершении преступления, что, правда, проявляется в бессмысленных словах, а во всем его поведении. Он кричит

...ничего не будет! Зови людей! Ты знал, что я болен, и раздражен до бешенства, чтобы я себя выдал, вот твоя цель! Нет, ты ошибся! Я все понял! У тебя фактов нет, у тебя одни только дрянные догадки, заметовские! ... Ты знал мой характер, до иступления не довел, а потом и огорошить вдруг, попами да депутатами... Ты ждешь? Где? Подавай!

...Порфирий обладает уникальным даром притворяться. Он оказывается в этом во время первого же своего разговора с Раскольниковым (с. 267):

— Вы тоже где вы такой притворщик? — спросил небрежно Раскольников.

— Да разве нет? Подождите, я и вас проведу — ха, ха, ха!

...Благодаря этому искусству притворяться поведение Порфирия в любой момент соответствует намеченной им цели — изобличить преступника. Произносятся двусмысленные слова, Порфирий может себя при этом совершенно простоудушно и искренне вести, так что если в его словах и сквозит подозрение, то поведение его не заключает в себе чего-либо, что могло бы вызвать сомнения. Поэтому Раскольников никогда не улавливает за плечами его реплики Порфирия случайный характер, они лишь высказываются преднамеренно. Порой Порфирий может даже весьма озабоченным состоянием здоровья

...его участие Порфирия Петровича были до того натуральны, что с диким любопытством стал его рассматривать...—

«Неужели, неужели,— мелькало в нем,— он лжет и теперь? Невозможно, невозможно!» — отталкивал он от себя эту мысль, чувствуя заранее, до какой степени бешенства и ярости может она довести его, чувствуя, что от бешенства с ума сойти может.

Человек, который умеет до такой степени притворяться, который находит не только нужные слова, но управляет и своим поведением, контролирует мимику, жесты, заставляет передать именно то, что требуется в данный момент,— такой человек, по-видимому, полностью «входит в роль», которую сам себе наметил. Итак, есть все основания предположить, что следователь Порфирий Петрович — демонстративная личность. С другой стороны, поведение Порфирия Петровича — это совсем роль, он не играет другое лицо, а просто непрерывно приспособливает свое поведение к достижению поставленной цели. Он даже и права не имеет выдавать себя за другого человека, которым он не является, он обязан оставаться следователем, обязан следить за всеми нюансами поведения Раскольниковова, немедленно на них отреагировать. Для этого нужны большая наблюдательность и большое знание людей. Достоевский показывает редкую психологическую проницательность Порфирия. Одновременно писатель доказывает и свою собственную психологическую проницательность. И все же возникает вопрос: не должен ли подобный Порфирию тип обладать способностью вытеснения, если то, чего психологически требует от него ситуация, подается до такой степени талантливо и в словах, и во внешних реакциях.

Выше мы показали, что человек может совершенно сознательно, т. е. без участия вытеснения, притворяться. При этом он заранее явственно представляет себе определенную ситуацию, которая может возникнуть, и намечает линию поведения. Эта ситуация действительно складывается так, как данное лицо представило, то его план оказывается определяющим, и человек четко ориентируется по плану. Но коль скоро намеченный наступает, то притворство уже не может развиваться по своему пути, так как неожиданный поворот обстоятельств был заранее предусмотрен. Обладая одной лишь психологической проницательностью, невозможно быстро отменить старый план поведения и моментально выработать новый. У истеричной личности подобные быстрые переключения вполне возможны. Истерическое вытеснение действует молниеносно — в момент вытеснения оно снимает нежелательные «наметки», и поведение человека определяется уже новой неожиданно возникшей ситуацией. Исключительная способность приспособливаться, приспосабливаться, демонстративным личностям, и является следствием частых и быстрых переключений. Таким образом, можно утверждать, что Порфирий наряду с большой психологической проницательностью обладает еще и выраженными демонстративными чертами личности.

Образ следователя Порфирия Петровича может служить примером

того, что демонстративная личность способна использовать известные ей данные и в положительных целях, т. е. для достижения этически ценного результата, ибо именно так можно ставить ту задачу, которую поставил перед собой следователь Порфирий Петрович.

С притворством как результатом четко осознанной ориентации на определенную ситуацию мы особенно часто сталкиваемся в греческой литературе. В трех из дошедших до нас трагедий *Софокла* именно притворство приводит к решающему повороту сюжета. Аянт, который (в одноименной драме) намерен совершить самоубийство, притворяется столь искусно, что даже не подозревая отпускают одного из дому. В «Филоктете» *Софокла* притворяется по воле Одиссея, хотя это глубоко чуждо его натуре. В «Электре» воспитатель рассказывает вымышленную историю о мнимой смерти Ореста, которой Клитемнестра безоговорочно верит. В «Орестей» *Эсхила* ложь исходит от самого Ореста. Поскольку в любом случае такое разыгрывание роли является строго запланированным заранее, то можно считать психологической фальши в том, что притворство оказываются здесь персонажи, несколько не отличающиеся искренностью.

Важную роль в развитии событий играет притворство действующих лиц и в трагедиях *Еврипида*. Особенно сильно впечатляет сцена, где Ифигения («Ифигения в Тавриде») своей ложью вводит в заблуждение короля Фоаса, с целью обеспечить возможность бегства себе и своему брату Оресту. У *Гете* Ифигения должна до конца выдержать характер и заставить поверить в ложь.

В комедиях притворства, заранее строго запланированную и вымышленную историю можно наблюдать параллельно в комедии «Брававо Дамато». Вся интрига построена на ловкой лжи и на неожиданных выходках раба Палестрио, в них и раскрывается истинная сущность. Его господин, победоносный покоитель Орестей, прежде всегда «считал этого детину сущим героем», но он в корне изменяет свое мнение в тот момент, когда Палестрио начинает демонстрировать по отношению к нему полную фальшивую преданность, нагло притворяясь верным слугой. Напротив, другие действующие лица комедии, две женщины — Акротелейтион и Мильфидиппа — притворствуют исключительно согласно плану, предписанному им самим.

Сцены всякого рода притворства, разыгрывание по заранее разработанному плану охотно включаются в комедии, контраст между этими сценами и действительностью дает материал для множества шуток и острот.

Педантические личности

Художественная литература, изобилующая демонстрацией личностями, в то же время весьма бедна личностями педантическими. Более того, я, собственно, и не могу привести ни одного художественного образа, который можно было бы по параметрам обозначить как личность *педантическую* или *ананкастическую*. Факт этот, на мой взгляд, весьма примечательный. Неужели такого рода люди, которые в жизни встречаются чрезвычайно часто, столь мало подходят для того, чтобы стать персонажами повестей или романов? Мне думается, что это вероятно. Они могли бы представить известный интерес для контраста с людьми изменчивыми, неустойчивыми и мимолетными. Конечно, в художественной литературе много образов просто честных людей, но почему мы не находим среди них ни одной педантической личности? Однако, может быть, я попросту не учел, упустил из виду тот или иной подобный образ. Я консультировался с лицами, отлично знакомыми как с художественной литературой, так и с проблемами психологии и психиатрии (отмечу, что в поисках ни одной другой из разновидностей личности мне не пришлось прибегать к таким характеристикам), и мне были указаны некоторые персонажи с анаанкастическими чертами, однако их трудно с полным правом отнести к педантическим личностям.

Объяснение того, почему писатели не описывают в своих произведениях ананкастов, следует, очевидно, искать в самих писателях. Вероятно, они в самих себе не находят подобных личностей, а потому и не могут убедительно их изобразить. Мы видели, что педантичность не способствует развитию воображения; человеку, который по структуре личности оказывается ананкастом, видимо, нелегко стать продуктивным писателем.

С другой стороны, тщательное изображение ананкастических черт писателя в качестве примера можно привести хотя бы *Томаса Манна*. Его «Будденброки» и другие произведения буквально переполнены деталями. Особенно бросаются в глаза детали в рассказе «Смерть и собака». Однако на самом деле такая особенность манеры писателя ни о чем подобном не свидетельствует. Он лишь показывает, что писатель испытывает радость от описания подмеченного его воображением своеобразием человеческих методов, и что он стремится описать их как можно более точно и пластично, так как их видит его внутренний взор. Великий успех Томаса Манна можно считать бесспорным, объясняется тем, что вещи, написанные в такой манере, воспринимаются: конкретное воздействует на читателя сильнее, чем абстрактное.

Передачу писателем подробностей можно считать успешной, если его ананкастическими чертами лишь в том случае, когда он в силу гложущего его внутреннего беспокойства не может

если ему приходится выдерживать внутреннюю борьбу. В итоге чувствует себя вынужденным — против своей воли — включить их в повествование. Между тем, анализируемые описания не дают никаких оснований для таких суждений, так как писатели явно находят удовольствие в их описании. Томас Манн отличается тончайшей наблюдательностью и если он проявляет ее в картинно-подробных описаниях быта, то в этом нет абсолютно ничего навязчивого.

Джозеф Мюллер полагает, что Чехов в своем рассказе «Судья» описывает человека, страдающего неврозом личности. Судебный исполнитель Червяков чихнул, обрызгав при этом лысину сидевшего перед ним высокопоставленного лица, генерала. Он многократно пытается извиниться перед генералом, сначала тут же, в театре, затем в присутствии генерала. Однако Червяков нисколько не сомневается в том, что его поведение оправданно и обоснованно, в то время как люди с навязчивыми состояниями неизменно мучаются таковыми. Червяков обычно характеризует такая особенность личности — робость. Важную роль играет, наряду с робостью, тревожность. Какое из этих качеств важнее для характеристики личности ананкаста, сказать трудно. В рассказе «Госпожа попадья» героиня очень робкая по натуре. Она встречается с викарий, который так же робок, как она сама. Мюллер о нем: «Мой муж был робок, а я еще больше». Первым делом влюбленные обменялись в день свадьбы. Жену постоянно мучают угрызения совести из-за того, что у нее детей, хотя она в этом не виновата. После смерти мужа она переехала в город Берна, а больше всего — управляет швейцарским домом, человека грубоватого, но разумного, который считали ее опекуном. Когда он захотел навестить ее в Берне, она была настолько напугана, что притворилась больной. Позже она очень сожалеет об этой «игре», и угрызения совести начинают мучить ее снова.

Мюллер считает, что вдова викария с этими постоянными, кстати необоснованными, угрызениями совести вырисовывается как трагическая личность, однако дальнейшие подробности у этой женщины отсутствуют, в ее жизни ничего, что могло бы поддержать данную версию. Готтельф рисует ее скорее тревожной, боязливой, трагической.

Анакиевича, героя рассказа «Шинель», можно считать не только педантичной личностью, но и педантичным ананкастом. Гоголь говорит о нем (с. 502):

«...можно было найти человека, который так жил бы в своей шинели, как он жил в своей шинели». Часто он включался в переписывание бумаг. Часто он приходил к начальнику и на дом (с. 503):

Заметивши, что желудок начинал пучиться, вставал из-за стола, вынул баночку с чернилами и переписывал бумаги, принесенные на дом.

Акакий Акакиевич настолько тяжел на подъем, что не мог приспособиться ни к какой другой работе (с. 502):

Один директор, будучи добрый человек и желая вознаградить его за добрую службу, приказал дать ему что-нибудь поважнее, чем обыкновенное переписывание; именно из готового уже дела было велено ему сделать какое-то отношение в другое присутственное место; дело состояло только в том, чтобы переменить заглавный титул, да переменить кое-где глаголы из первого в третье. Это задало ему такую работу, что он вспотел совершенно, терзая наконец, сказал: «Нет, лучше дайте я перепису что-нибудь».

Поскольку Акакий Акакиевич не был дебилен, а порученная ему на пробу работа отнюдь не требовала каких-то исключительных способностей, то препятствием для переключения на новую работу могли служить только его сомнения и боязнь; в постоянии ли он с нею справиться?

Кроме долга для Акакия Акакиевича не существует никаких ни удовольствий, ни развлечений (с. 504):

Даже тогда, когда все стремится развлечься, Акакий Акакиевич не поддавался никакому развлечению. Никто не мог сказать, чтобы когда-нибудь дел его на каком-нибудь вечере.

Как и следовало ожидать от ананкаста, ему было очень неловко сознавать, что он со своей новой шинелью очутился в центре внимания (с. 513—514):

Все в ту же минуту выбежали в швейцарскую смотреть новую шинель Акакия Акакиевича. Начали поздравлять его, приветствовать, так что он только улыбался, а потом сделалось ему даже стыдно. Когда же все перестало пив к нему, стали говорить, что нужно sprysнуть новую шинель, а в крайней мере, он должен задать им всем вечер, Акакий Акакиевич совершенно, не знал, как ему быть, что такое отвечать и как отговариваться.

Ему все же приходится отправиться на вечеринку. Среди прихостей, окруженный сотрудниками, он снова приходит к своему мешательству (с. 516):

Акакий Акакиевич, хотя было отчасти и сконфузился, но будучи чистосердечным, не мог не порадоваться, видя, как все похвалило его.

Читатель склонен считать, что робость Акакия Акакиевича ананкастического происхождения: ведь тот никогда не видел, как же, какого рода поведение окажется уместным в том или другом случае. Ему несомненно присуща и тревожность. Когда он обратился к одному высокопоставленному лицу с просьбой посодействовать в нахождении похищенной шинели, тот грубо ответил ему, герой рассказа совсем растерялся от удивления и страха и чуть не упал в обморок (с. 522):

Акакий Акакиевич так и обмер, пошатнулся, затрясся всем телом, не мог стоять; если бы не подбежали тут же сторожа поддержать его, он шлепнулся на пол; его вынесли почти без движения.

Полное физическое изнеможение и истощение в рассказе Гоголя описывается в медицинской литературе, оно даже описание Гоголя не лишено некоторого преувеличения.

неожиданной, боязливой натурой Акакия Акакиевича можно добавить также и то, что он неизменно являлся «мишенью» коллег-офисных работников (с. 501):

Вокруг чиновники подсмеивались и острили над ним, во сколько хвалялись его остроумия, рассказывали тут же пред ним разные составленные на него истории, про его хозяйку, семидесятилетнюю старуху, говорили, спрашивали, когда будет их свадьба, сыпали на голову ему снежком, швыряя это снегом. Но ни одного слова не отвечал на это Акакий Акакиевич, как будто никого и не было перед ним; это не имело даже влияния на его: среди всех этих докук он не сделал ни одной ошибки в письме.

Вдуматься, то все приведенные цитаты дают основания считать, что Гоголь в образе своего робкого и исполненного долга героя в самом деле нарисовал колоритного ананка. В действительности, однако, такое впечатление лишь создано. Цитируя, я опустил продолжение большинства приведенных фрагментов, а тут-то и говорится о причинах, объясняющих безбашенное рабочее рвение Акакия Акакиевича. При этом они раскрывают нам ситуацию с внутренней стороны, показывая, что являлось основой образа жизни и поступков Акакия Акакиевича. И когда мы узнаем истинное положение вещей, то понимаем, что в личности героя ананкастическое начало почти совсем не представлено. Продолжение первой же из вышеприведенных цитат, где говорится о том, что Акакий Акакиевич «в своей должности», звучит так (с. 502):

Он работал ревностно, нет, он служил с любовью. Там, в своем кабинете, ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир, в котором выражалось на лице его; некоторые буквы у него были такие, до которых если он добирался, то был сам не свой: и посмеивался над собой, и помогал губами, так что в лице его, казалось, можно было видеть каждую букву, которую выводило перо его.

Из этого можно сделать вывод, что столь большое рвение выходящее у Акакия Акакиевича ничем иным как радостью труда. Здесь уже не приходится говорить о старательности, о рвении ананкаста, у которого решающим моментом является радость труда, а страх перед возможными ошибками

отсутствует, в которой идет речь о том, что Акакий Акакиевич «в своем кабинете» продолжает работу своего департамента и дома, продолжается следующая цитата (с. 503):

Он брал бумаги, принесенные на дом. Если же таких не случалось, он писал для собственного удовольствия, копию для себя, особенно тщательно, но не по красоте слога, но по адресу к какому-нибудь важному лицу.

Акакий Акакиевич частенько занимался копированием. Бумага вrostro так, без специальной цели, для собственного удовольствия. Будь он личностью педантической, то по работе переписывание тратил бы непомерные средства, так как постоянно проверял и перепроверял, сделано ли согласно правилам? Для чего же так много тратить на себя ненужный труд, который, в силу

его особой структуры личности, был бы опять таки связан с постоянным трудоемким самоконтролем?

Подчеркнув, что Акакий Акакиевич не позволял себе никаких развлечений, Гоголь замечает далее (с. 504):

Написавшись всласть, он ложился спать, улыбаясь заранее при мысли о завтрашнем дне: что-то бог пошлет переписывать завтра.

Писатель старается как можно ярче выделить мысль, что переписывание было для его героя наслаждением, а не простым трудом, и уже тем более не было оно связано с навязчивой работой. Наконец, против ананкастического толкования этого образа выступает и то, что в быту Акакий Акакиевич менее всего напоминает педантом (с. 502—503):

Он не думал вовсе о своем платье: вицмундир у него был не зеленого, какого-то рыжеватого-мучного цвета. Воротничок на нем был узенький, как у тех солдатских мундиров, так что шея его, несмотря на то, что не была длинна, выходя из воротника, казалась необыкновенно длинною, как у тех гипсовых котеночков, продающихся на головах целыми десятками русских и французских солдат. И всегда что-нибудь да прилипало к его вицмундиру: или селенка, или какая-нибудь ниточка; к тому же он имел особенное искусство, когда стоял на улице, поспевать под окно именно в то самое время, когда из него вывали всякую дрянь, и оттого вечно уносил на своей шляпе арбузные корки и тому подобный вздор.

Таким образом, Акакий Акакиевич характеризуется Гоголем попросту как человек неопрятный, нечистоплотный, а поскольку, как мы знаем, ничего общего не имеет с ананкастическими чертами личности.

Большой интерес, на мой взгляд, представляет то, что Гоголь изображает человека, который внешне выполняет свои обязанности как ананкаст, но внутренне никаких ананкастических черт не имеет. В этом я усматриваю подтверждение моей мысли, что писателям трудно изображать ананкастов, поскольку они сами в них себе никогда не находят соответствующих черт личности. Я полагаю, что Гоголь исходил из фактических наблюдений над каким-то ананкастом, когда рисовал внешний образ Акакия Акакиевича. Чрезвычайно пластично показан писателем характерный, неловкий, беспомощный, у которого вся жизнь сводится к переписыванию бумаг и ни на какие другие впечатления не отвлекается времени. Однако в процессе описания к этой внешней характеристике добавились какие-то привходящие творческие мотивы, которые в психике писателя нашли более действенный, сильный отклик, чем ананкастические мотивы. В результате получился парадокс, так как эти вторичные мотивы оказались совместимы со структурой личности ананкаста.

Сомнительным представляется также и то, что страдая навязчивым неврозом главный герой повести «Путешествие из Петербурга в Петербург» священника Шмельцле во Флец» Жана-Поль Сартра попросту можно утверждать лишь одно: в этом процессе описывается громадное количество поступков, очень далеких от связанных с навязчивыми состояниями. Они с детства присущи священнику (с. 11):

Это изображение уже в детстве часто вгоняло меня в страх. Так, например, в храме священник обращался к молча слушающим его верующим: «Вот ты, вот прямо, сидя в кресле среди прихожан, заорешь во весь голос: «Помилуй бог, и я тоже тут сижу!» и мысль превращалась в до того страшный образ, что мне приходилось с ужасом бежать из храма...

Вот и спрашивало внутри меня: можно ли представить себе нечто более страшное, чем если начнешь в момент принятия святых даров кощунственно хохотать? И тотчас же я начал бороться с этим наваждением, представляя в меня как адская собака; но как я собаку эту не унимал, как она кусала меня, — она не уходила, а я все больше терял силы; когда я дошел до алтаря и до скамеечки, то уже с точностью знал, что вот-вот расхохочусь даже внутри меня будет плач и скрежет зубовой.

Эти священника навязчивые идеи религиозного содержания, весьма характерны, но ни психологическому, ни психиатрическому опыту не соответствует переход навязчивых опасений в конкретный поступок; а между тем именно это описывается в рассказе Полем. Дело в том, что результат безумных опасений не замедлил сказаться, ибо он действительно стал самым ответственным моментом (с. 36):

«...и вот когда мы поклонились второй раз, я начал ухмыляться и корчить гримасы, и начал обезьяна. Мой напарник, бургомистр прощептал мне на ухо: «Помилуй бог, и я тоже тут сижу!» и мысль превращалась в до того страшный образ, что мне приходилось с ужасом бежать из храма...»

В рассказе следует множество поступков, в которых проявляется чрезмерная осторожность Шмельцле. Несомненно, можно усматривать навязчивые действия, тем более если учесть историческое преувеличение. Так, войсковой священник носит с собой гипсовые повязки на случай перелома руки — так же, как коляска по дороге может опрокинуться, и возникнет повреждение конечностей. Когда его бреют, он держит бритву в руке для нанесения удара на случай, если заметит поспешное движение цирюльника. Он сам сконструировал зонтик, который способен отвести молнию, если ей удастся ударить.

Бездельности и подозрительности войскового священника особенно ярко показана в описании первой ночи, которую он проводит в ристинице (с. 43):

«...и вот когда мы поклонились второй раз, я начал ухмыляться и корчить гримасы, и начал обезьяна. Мой напарник, бургомистр прощептал мне на ухо: «Помилуй бог, и я тоже тут сижу!» и мысль превращалась в до того страшный образ, что мне приходилось с ужасом бежать из храма...»

«...и вот когда мы поклонились второй раз, я начал ухмыляться и корчить гримасы, и начал обезьяна. Мой напарник, бургомистр прощептал мне на ухо: «Помилуй бог, и я тоже тут сижу!» и мысль превращалась в до того страшный образ, что мне приходилось с ужасом бежать из храма...»

«...и вот когда мы поклонились второй раз, я начал ухмыляться и корчить гримасы, и начал обезьяна. Мой напарник, бургомистр прощептал мне на ухо: «Помилуй бог, и я тоже тут сижу!» и мысль превращалась в до того страшный образ, что мне приходилось с ужасом бежать из храма...»

«...и вот когда мы поклонились второй раз, я начал ухмыляться и корчить гримасы, и начал обезьяна. Мой напарник, бургомистр прощептал мне на ухо: «Помилуй бог, и я тоже тут сижу!» и мысль превращалась в до того страшный образ, что мне приходилось с ужасом бежать из храма...»

я ночью дома, я, впрочем, во сне гораздо меньше рискую. Я крепко перетягиваю большой палец правой ноги шнуром в несколько аршин длины, которым вторым концом прикреплен к правой кисти руки моей супруги; таким образом супруга представляет собой как бы живую уздечку, которая в нужный момент удержит меня, притянув за шнурок обратно к постели. Но в гостинице я вынужден, к сожалению, ограничиться тем, что несколько раз для безопасности обмотал шнурок, закрепленный на пальце левой ноги, вокруг ножек кровати; однако это меня никак не могло спасти от возможного вторжения выдумывателей... А вообще должен сказать, что сон для всякого человека является чрезвычайно опасной штукой, т. к. любой рискует: ведь во сне у него «уснуть» одна из конечностей, рука или нога. И в медицине известны случаи, когда такую конечность на следующее утро приходилось ампутировать. Я всегда велю, чтобы меня ночью почаще будили, — как бы что-нибудь у меня «уснуло».

Невротиками с навязчивыми представлениями способны испытывать своеобразные страхи, но все же не в такой мере, как это изображает Жан Поль. Вообще гротескная природа идей и поступков этих лиц часто более напоминает шизофреническое мышление, чем навязчивые представления. Даже учитывая известную долю поэтического преувеличения, мы все же приходим к выводу, что описываемые факты не связаны с навязчивыми идеями. Шмельцле, как и чеховский чиновник, не видит, что образы его поступки крайне нелепы. Порой у нас создается впечатление, что Шмельцле искренне убежден в большой ценности своих идей и своих выдумок. Мы не имеем оснований считать его действиями и странные меры предосторожности результатом внутренней борьбы нормы с навязчивой идеей; куда скорее мы склонны видеть в них поступки человека, начиненного опасениями и гротескности трусливого. Только при такой трактовке образ священника его можно считать шутником и даже остряком. Если бы он на самом деле был подвержен навязчивым идеям, овладевающим ананкастом в те моменты, когда он борется с навязчивой идеей, то все изображаемое писателем было бы совсем не смешным.

И опять мы приходим к мысли, что и Жан Поль не ставил бесспорно гиперболизированный образ ананкаста, а представил чисто внешне; внутренне же у его героя ничего общего с ананкастами нет.

В одном из образов художественной литературы можно усматриваю поступки ананкаста, хотя психологически они, конечно, можно, не совсем типичны. Речь идет о рассказе «Вечерний разговор в Венсене» *Альфреда де Виньи*. Характерно само название первой главы: «Солдат редчайшей доброты».

О человеке, к которому отнесены эти слова, мы знаем

Рядом с нами, неподалеку от деревянных ворот крепости, в саду старого вахмистра, лицо которого выражало беспокойство, он то отпирал, то запирает дверь небольшой башни, которая служила складом и арсеналом для крепостной артиллерии и была наполнена рожковыми бочками, оружием и снаряженными боеприпасами.

Озабоченность, описываемая де Виньи, носит чисто психический характер:

В руках он держал три длинных списка и внимательно изучал ряды цифр; мы спросили его, почему он столь поздно еще на работе. Он ответил почтительно и спокойно, как подобает старому солдату на следующий день, в 5 часов утра, предстоит генеральный осмотр пороха, а он отвечает за запасы пороха, поэтому он и проверяет эти запасы, вероятно, в 20-й раз, чтобы не получить замечания за халатность. Он хотел использовать для этого хоть скудные остатки дневного света, но из-за со строгими предписаниями, запрещающими вход в башню пороховой башни, но даже с потайным фонарем; к несчастью, у него не хватило фонаря, чтобы охватить проверкой все объекты, еще несколько снарядов остались неосмотренными; хорошо бы, если бы он имел возможность пройтись в башню после наступления темноты! С некоторым нетерпением он стоял в сторону гренадера, который стоял у дверей башни; вон он и воспрепятствует замышляемой дополнительной сверке! Сообщив нам, вахмистр опустился на колени посмотреть, не забились ли под дверью пороха. Он боялся, что порох взорвется при соприкосновении со шпательными металлическими набойками на сапогах офицеров. «Впрочем, не это меня больше всего беспокоит,— произнес он, вставая,— а мои списки». И он с довольным видом взглянул по ним взглядом.

В этих словах превосходно показаны болезненные сомнения вахмистра, который никогда ни в чем не уверен, постоянно перепроверяет свои действия и все же никогда не может окончательно успокоиться. Его тревожат опасности, которые вообще не существуют. Вахмистр скорее всего сам боится, что мысль о взрыве остатков пороха под дверью нелепа; поэтому он опускается на колени и проверяет. Очевидно, что вахмистр добросовестный по природе человек совершенно выбит предстоящим генеральным осмотром. Страх, что при проверке откроется какая-либо его ошибка, превращается в мучительную навязчивую идею.

Основная мысль рассказа заключается в том, что вахмистр именно из-за чрезмерных предосторожностями вызывает катастрофу, которая грозит ему жизни. Навязчивое представление, что он не может ошибиться, не дает ему покоя:

— Я боюсь, сделали, господин лейтенант, что я, как солдат, большое значение придаю добросовестному выполнению долга. Я бы верно умер со стыда, если бы при осмотре обнаружили недостачу хоть одной картежи. И предположительно кажется, что во время последних упражнений по стрельбе у меня была недостача пороха для пехоты. Меня так и подмывает пойти посмотреть, не осталось ли пороха, если бы вход в помещение с источником света в руках...

...иногда заходить со светом в пороховую башню добросовестно нарушить не может. Но соображения, толкающие его к этому, сильнее, так как они уже превратились из-за навязчивости лежащих его сомнений в навязчивую мысль. Через некоторое время после того, как прозвучали слова вахмистра, пороховой вахмистром взлетает на воздух:

...несчастный все же не мог воспротивиться неодолимой потребности посмотреть на свои пороховые бочки и посчитать свои запасы. И вот что-то, подковка, камешек, просто неосторожное движение — в пороховую башню...

...отнюдь не исключено, что человек из-за навязчивости совершает нечто такое, что может повлечь...

за собой большую опасность. Возможно, вахмистр и убедился перед смертью, что все пороховые бочки находятся в целости и сохранности, но заплатил за это дорогой ценой.

Итак, поведение ананкаста описано здесь весьма убедительно, что же касается личности ананкаста, то ее де Виньи фактически не показал. Между описаниями навязчивых невротических действий в начале и в конце повести представлена вся биография вахмистра. Это история честного служака, possessed сознанием долга, но никогда в прошлом не выявлявшего признаков типичного ананкаста, поэтому нет оснований считать его педантической личностью. Вероятно де Виньи отнюдь и не ставил перед собой цель изобразить акцентуированную личность. Его творческий замысел заключался в том, чтобы показать тип человека, для которого исполнение армейского долга является важнейшим жизненным принципом.

Навязчивые раздумья героя изображает Толстой в романе «Воскресение». В описании пребывания Нехлюдова в Палате есть такие строки (с. 234):

— Да, да,— думал он.— Дело, которое делается нашей жизнью, во всем смысле этого дела непонятно и не может быть понятен мне: зачем ты, тетушки, зачем Николенька Иртенев умер? — а я живу? Зачем была война? И мое сумасшествие? Зачем эта война? И вся моя последующая жизнь? Все это понять, понять все дело Хозяина не в моей власти. Не по его воле, написанную в моей совести,— это в моей власти, и это в моей власти. И когда делаю, несомненно спокоен.

И в других местах романа мы сталкиваемся с аналогичной самооценкой Нехлюдова, он часто обвиняет себя в беспощадности, подлости, низости, гнусности, называя себя жестоким и беспринципным человеком. Бывает, что ананкасты, оказавшиеся повинными в тяжелом стечении обстоятельств, ходят, обвиняя себя, до самобичевания. Но как личность Нехлюдов не ананкаст. После того, как он прошел «стадию сомнения» (так она воспринимается Толстым), он идет вперед без особых сомнений и раздумий. Фанатизм, с которым Нехлюдов предается идее покаяния, скорее напоминает параноическое состояние; но опять-таки следует заметить, что идея параноического состояния у параноийальных личностей, абсолютно лишена истинного истического характера.

Можно также привести пример «Мнимого больного» Мольера, ибо среди ипохондриков, к которым относится и герой романа, встречается много педантических личностей. Они подвержены волги и опасений по поводу многих событий окружающей жизни. Опасения могут относиться и к их собственному здоровью. Существенно, что в своей комедии Мольер показывает именно в ипохондрические черты, т. е. изображает человека, который исключительно заботой с своим здоровьем. Относительно важных жизненным событиям и ситуациям остается впечатление зрения читателя. Заметим, что ипохондрические размышления

...ваться не только у педантических личностей, особенно когда... забудь нелепые мероприятия, предписанные врачами, как... место у Мольера, постоянно сосредоточивают внима... человека на собственном здоровье.

...нем, наконец, *Готфрида Келлера*, который также говорит... навязчивых симптомах невротического характера в романе... Генрих» (с. 35):

... в течение некоторого времени я немало страдал от того, что у меня... болезненное желание давать богу грубые прозвища и даже ругать... словами, вроде тех, какие я слышал на улице. Обычно все начи... того, что меня охватывало какое-то приятное задорное чувство отча... желости; после долгой борьбы я, наконец, поддавался искушению и, ... сознавая, что совершаю богохульство, одним духом произносил ка... из тех запретных слов, после чего сразу же принимался умолять... он не принимал этого всерьез, и просил у него прощения; но меня... рисковало riskнуть еще разок, и я проделывал все с начала и снова... калялся в содеянном — до тех пор, пока не проходило мое стран... явление. Чаще всего это мучительное состояние наступало перед сном;... после этого я не испытывал беспокойства или недовольства собой.

... навязчивые представления, проявившиеся в ко... хулильных словах и в «странном возбуждении»,... по всей видимости, на сексуальной почве. Они сродни... явлениям, которые встречаем иногда у католи... священнослужителей, дающих, как известно, обет без... Несмотря на страх перед грехом, они не могут удержать... осыпать бога или Иисуса Христа неприличной... и даже от того, чтобы представить их в скабресных си... Страх, появляющийся при этом, носит безусловно на... характер, но сами мысли вызываются неосуществлен... влечением, а не являются навязчивыми. Имен... следует трактовать богохульство героя в «Зеленом... В период, когда происходили описываемые сцены, он... в словесном возрасте, сексуальное начало могло уже да... знать, хотя эротическое влечение и оставалось у это... неудовлетворенным. Важно, однако, отметить, что *Гот... Келлер* также меньше всего ставил перед собой цель... в лице своего героя невротическую личность, страда... комплексом навязчивых идей.

... личности

... бы, обнаружить *паранойяльные личности* в худо... литературе совсем нетрудно. Достаточно назвать... известь «*Михаэль Кольхаас*» *Генриха фон Клейста*. ... скорее изображено параноическое развитие, чем... паранойяльная личность. О чертах, от приро... Кольхаасу, в повести сказано лишь несколько ввод... (с. 49):

... этот человек до тридцатого года своей жизни по праву... гражданского гражданина. Близ деревни, и поныне носящей его... и, живя на ней, он кормился своим промыслом. Детей,

которых ему подарила жена, он растил в страхе божьем для трудолюбивой честной жизни. Среди соседей не было ни одного, кто бы не испытал из-за его благодетельной справедливости. Короче, люди бы благословляли его, вспоминая, если бы он не перегнул палку в одной из своих добродетелей, ибо чувство справедливости сделало из него разбойника и убийцу.

Конечно, не приходится отрицать, что Кольхаас в ходе борьбы боролся не только за свои права, но добивался справедливости и для других людей. Однако присущее ему чувство справедливости нельзя назвать зародышем патологического разлада. В борьбе с реальным или воображаемым врагом у Кольхааса раздуваются несомненно эгоистические чувства, он стремится встать обидчику. Параноики вообще борются за объективную справедливость лишь во вторую очередь, что относится и к Кольхаасу, ибо он действует, побуждаемый больше чувством мести, чем справедливости. Смерть жены послужила толчком к действию. Автор прямо называет вещь именем, расценивая поведение Кольхааса именно как месть (с. 458):

Когда могила была засыпана землей и увенчана крестом, когда гости, съехавшиеся на похороны, он еще раз упал на колени перед опустелым ложем и затем приступил к делу возмездия.

И действительно, все, что за этим следует, было в полном смысле слова *местью*, а не борьбой за объективную справедливость (с. 459):

Кольхаас у самых дверей преградил путь попавшемуся ему на пути к конюшине гансу фон Тронка, швырнул его в угол, так что мозг брызнул на каменный пол, и спросил, в то время как конюхи расправлялись с другим мятежником, схватившимся было за оружие, где юнкер Венцель фон Тронка. Мятежники люди ничего не могли ему ответить; тогда он ударом плеча распахнул двери покоев, ведущих в боковые пристройки замка, обошел все строения, но никого не нашел и, изрыгая проклятия, стремглаз бросился во двор, чтобы поставить стражу у всех выходов. Меж тем с крыши сараев с грохотом обрушился дым валил из окон, вздымаясь в то время как Штерибальд с тремя растерянными конюхами пытались попасть и бросали прямо под ноги своим лошадям, Херзе из конюшни с ликующим хохотом выбрасывал трупы управителя, кастеляна и конюхов-мошадцев.

Все описанное здесь — следствие ненависти. Такие смертельные удары поражают людей, не имеющих никаких оснований к смерти жены Кольхааса; они виноваты только в том, что обращены к лошади Кольхааса; да и то не все. Кольхаас убивает даже маленьких детей! И так, едва ли можно было бы вильным превозносить до небес чувство справедливости, столь мощно представленное в Кольхаасе. Однако паранойя паранойей отнюдь не смазывается, напротив, она придает большую психологическую четкость, ибо паранойя часто возникает на почве личной уязвленности и сопровождается склонностью к вражде и ненависти. Если же говорить о художественном произведении, обладающем

правды и не являющимся параноиком, то таковым, на наш взгляд, является Карл Моор из драмы Шиллера «Разбойники».

Фанатолобие как эмоциональное проявление альтруистического типа никак не может сопровождать параноическое развитие. Поэтому «мизантроп», так остроумно изображаемый Мольером в одноименной комедии, содержит в себе внутреннее противоречие. Во всех своих поступках он фанатичен, как могут быть лишь параноики, но он борется за альтруистические идеалы, чего параноики не делают никогда. В первой же сцене драмы Альцест порывает отношения с близким другом из-за чрезмерной «воспитанности» (т. е. неискренности) последнего (1-10—13):

Альцест:

Но если кто-нибудь нас встретит так сердечно —
Мы тем же заплатить должны ему, конечно,
Его радушию, по мере сил, в ответ
За ласку — ласку дать и за привет — привет.

Альцест:

Нет, я не выношу презренной той методы,
Которой держатся рабы толпы и моды.
И ненавижу я кривлянья болтунов,
Шутков напыщенных, что не жалеют слов,
Объятий суетных, и пошлостей любезных,
И всяких громких фраз, приятно-бесполезных.
Дают друга превзойти в учтивости спешат;
Где честный человек, не разберу, где фат.
Какая ж польза в том, когда вам «друг сердечный»
Появляется в верности, в любви и в дружбе вечной,
Рискуяливать вас, а сам бежит потом,
И так же носится со всяким наглецом,
На возжище несет любовь и уваженье...
Для благородных душ есть в этом униженье!
И даже гордцам — какая ж это честь —
Со всей вселенною делить по-братски лесть?
Самое предпочтенье в нас чувства усугубит;
И вот, кто любит всех, тот никого не любит.
И без вас зам по душе пороки наших дней,
Их черт меня возьми, не из моих людей.

Фанатолобие для Альцеста становится важнейшим жизненным принципом. Наблюдая, как он на протяжении всего действия неукоснительно придерживается этого принципа, мы можем назвать Альцеста *фанатиком правды*. Однако правдолобие, основанное на чувстве общественного долга человека, в силу своей гуманности и стимулируется ананкастическим, а не параноическим типом. Мы нередко сталкиваемся у ананкастических типов, что они большие правдолюбцы, но эта черта объясняется не стремлением совершить ошибку, основанную на лжи, а агрессивным требованием правдивости, которое встречается у Альцеста. Фанатики всегда являются параноиками, но параноики не бывают ананкастами, в силу чего правдолобие не встречается во взаимосвязи с фанатизмом.

Ананкастическим отлично сочетается с тяжелой *ревностью* Альцеста, в которой развивается ненависть-любовь — страст-

ная привязанность и одновременно ожесточенная ненависть к Селимене. Селимена восклицает в ответ Альцесту (с. 81—82):

Альцест:

Непостижима страсть безумная моя!

Никто, сударыня, так не любил, как я.

Селимена:

Никто. Вы новую изобрели методу

Сердиться и кричать любви своей в угоду.

Упреки, ссоры, брань — вот пылкий ваш экстаз.

Подобную любовь я вижу в первый раз.

В этом плане мы обнаруживаем у Альцеста типичное параноическое развитие.

Еще более тщательно это развитие выписано у Г. фон Кольхааса в его «Михаэле Кольхаасе». В первую очередь мы подробно о деталях; они, конечно, способны вызвать гнев, возмущение человека, но не более. Затем нам показывают, как Кольхаас вновь и вновь, имея юридически веские основания, пытается добиться справедливости, но его отовсюду прогоняют, все осмеивают. Это именно тот путь, который ведет к параноическим аффектам. Постоянные колебания, те самые «раскачивающаяся маятника» между надеждой, желанием добиться цели и глубоким разочарованием способствуют непрерывному взрыву чувств. Может ли такая эскалация произойти у личности в структуре неприметной, каковой являлся Кольхаас, и к тому же достичь таких масштабов? С точки зрения психиатрии мы должны ответить на данный вопрос отрицательно, между тем у Кольхааса мы нигде не находим подтверждений того, что Михаэль Кольхаас был личностью параноической.

Приблизительно то же можно сказать о *шекспировском Отелло* с его ревностью. Человек, в котором столь ярко параноическое начало, как в Отелло, должен уже быть чувствительным и подозрительным. Но лишь в том случае, как Отелло убил Дездемону, из самых последних слов трагедии мы узнаем, что он «любил без меры и благородства, но не легко ревнив, но в буре чувств впал в бешенство». Такие случаи наводят даже на мысль о том, что перед нами скорее маниакальная (эпилептоидная), чем застревающая личность. Следует упомянуть, что у Отелло ситуативные предвосхищения, внешние обстоятельства безусловно способствовали параноическому развитию. В этом отношении Шекспир дает не только в художественном, но и в психологическом смысле интересный анализ трагических событий. Рафинированный анализ удается подвести Отелло к неустойчивому, шаткому состоянию, к постоянным колебаниям между надеждой и страхом, которые столь опасны при параноическом развитии, — и все время поддерживать его в этом состоянии. Чужда Яго только делает намеки, отказывается говорить, тем самым вызывает напряжение. Когда Отелло видит Яго, он понимает, что тот, чтобы вспылать бешеной ревностью, высказывает ему намеки, которые уже сделаться более определенными, так как он не может

встретить резкий отпор. Тонко сообразуя свою тактику в состоянии Отелло, который постепено созревает для веры в ложь, Яго начинает раздувать свои коварные обвинения. Когда Отелло уже окончательно сражен ревностью, то клеветник может пустить в ход тяжелые орудия, т. е. расписать Отелло в подробностях картину интимного сближения Дездемоны и Кассио.

Первый разговор Яго с Отелло начинается так (с. 297—300):

Яго:

Скажите, генерал, знал Кассио о вашем увлеченье
До вашей свадьбы?

Отелло:

Знал. Конечно, знал.
А что такое?

Яго:

Так. Соображенья.
Хочу сличить их, вот и все.

Отелло:

Во имя неба, говори ясней!

Яго:

Хотя б вы сердце мне руками сжали,
Не буду, не могу и не хочу.

Отелло:

Так вот как!

Яго:

Ревности остерегайтесь,
Зеленоглазой ведьмы, генерал,
Которая смеется над добычей.

Яго:

А главное, не надо углубляться
В вопросы эти дальше, генерал.
Все предоставьте времени. Взысканья
С Кассио пока бы не снимал.
Он превосходный офицер, конечно,
Но я его держал бы в стороне,
Чтоб наблюдать за ним на расстоянье.
Следите, как проявит госпожа
Свое участие в судьбах лейтенанта.
А в заключение должен повторить:
Он по натуре склонен к ложным страхам.
Наверно, я хватаю через край.
Не думайте о Дездемоне плохо.

Когда ревность Отелло достигает апогея в силу наговоров и коварных предельных Яго, происходит диалог (с. 318):

Отелло:

Он вслух о ней болтал?

Яго:

Болтал.

Отелло:

Что? Что?

Яго:

Ты от чего всегда он отречется.

Отелло:

Но все-таки.

Яго:

Согласован...

Отелло:
Итак?
Яго:
Что он лежал...
Отелло:
С кем? С ней?
Яго:
Да... Нет. Увольте.

Вероятно, во всей художественной литературе не найдется другого произведения, где с таким мастерством было бы показано течение *параноического развития*, как у Шекспира в трагедии «Отелло». Яго удается держать Отелло все время в неуверенности, «дозировать» клевету таким образом, что Отелло колеблется между жестоким подозрением и доверием к Дездемоне. Если бы Яго начал сразу с грубой клеветы, Отелло тоже с возмущением отверг бы наговоры, он ничему бы не поверил. Но Яго шаг за шагом провоцирует все более глубокие дефекты Отелло, пока, наконец, тот не начинает принимать за чистую монету самую вульгарную ложь, что наблюдается у психодовых больных. Между тем, пока дело не дошло до последней стадии, Отелло терзают неопишуемые мучения, и вызваны они не чем иным как перманентной неуверенностью (с. 304):

Отелло:
Как! Изменить мне!
Яго:
Довольно, генерал.
Оставьте эти мысли.
Отелло:
Сгинь! Исчезни!
Ты жизнь мою в застенок обратил.
Пускай меня и больше б обманули,
Да я б не знал...

Вполне возможно, что в личности Отелло не столько представлены параноические тенденции сами по себе, сколько учитываются того, с каким изощренным коварством ест Яго на путь параноического развития. Кроме того, он был мучим, его терзали опасения, может ли быть прочной любовь к нему у такой тонкой нежной девушки, как Дездемона.

Подобную трагедию переживает султан Оросман в трагедии «Заира» *Вольтера*. Подозрения о неверности Заиры все время сгущаются, но султан не дает им бесповоротно овладеть собой, вновь и вновь любовь и доверие побеждают сомнения. Это приводит к переменной игре эмоций. Оросман ведет отчаянную борьбу с собой. Лишь когда появляется последнее, «неопровержимое» (он думает) доказательство, Оросман сломлен и решает покончить с изменнице.

Поскольку *при ревности*, как мы уже знаем, *исключаются инстинкты*, тают на обоих полюсах, а в конечном итоге превращаются в *зависимость-любовь*, то и Отелло, и Оросман убивают тех, которых безумно любят. Отелло целует спящую Дездемону, прежде чем умертвить ее, и жаждет целовать ее еще и еще.

Отелло:

О, чистота дыханья! Пред тобою
Готово правосудье онеметь.
Еще, еще раз. Будь такой по смерти.
Я задушу тебя — и от любви
Сойду с ума. Последний раз, последний.
Так мы не целовались никогда.
Я плачу и казню, совсем как небо,
Которое карает, возлюбив.

А смерти Заиры предшествует следующая сцена:

Оросман:

О, ты не знаешь, как пылко я ее любил.
Взгляд ее способен был решить мою судьбу.
Без нее нет и не может быть мне счастья на земле.
Но и страдать могу я лишь из-за Заиры.
Скажи же, Корасмин, тебе не жаль меня?

Корасмин:

Как, султан, ты плачешь? ... Ты?

Оросман:

Так знай же: эти слезы — первые,
Что увлажнили очи мне
На протяжении всей жизни.
О, мой позор! И все ж его страшнее
Слезы эти: за ними будет кровь,
За ними будет смерть...

Корасмин:

Душа моя страдает за тебя...

Оросман:

Не за меня страдай, а за терзанья,
И за любовь! Страдай за мсты!... Ты слышишь?

Эти оба, Отелло и Оросман, накладывают на себя руки, то происходит не только от страшного сознания, что их жертвой в чем не повинная женщина, но и потому, что без возлюбленной они не хотят жить дальше.

Психическое развитие мы встречаем уже в античной литературе, в частности, у Электры, героини одноименной трагедии Эсхила. Ее боль по поводу смерти отца, несмотря на многие годы с той поры годы, еще свежа, но куда больше ее нежность к убийцам — матери с ее теперешним мужем. За все эти годы нежность не смягчилась, напротив, она возросла. Ведь Электра вынуждена была остаться в доме убийц, где ее всячески унижали. Она сама рассказывает брату, Оресту, что с ней обращались как с рабыней, заставляли голодать, избивали. Но здесь говорить о «маятниковом движении», столь характерном для параноического развития? Да, несомненно, было так. Электра защищалась как могла, осыпала мать бранью, но вот явится законный мститель, сын Орест. Такая сцена происходит даже перед самым возвращением Ореста. Электра восклицает, что у матери — интимная связь с ее убийцей, в союзе с которым она сгубила отца; что зря она ждала матерью. Рабовладелица, вот как называет ее Электра — стоит лишь посмотреть в каких условиях живет ее мать, чтобы это всякому стало ясно.

Глубина ненависти, охватившей Электру, свидетельствует о том, что параноическое развитие достигло вершины. После второго удара, нанесенного Орестом матери, Электра кричит, чтобы он ударил еще раз, ударил со всею силой. А перед тем как он убивает Эгиста, сестра требует, чтобы брат не дал ему произнести ни слова, чтобы поскорее, немедленно убил, а тело убитого бросил на съедение шакалам. Параноическое развитие, доходящее до ненависти подобных масштабов, возможно только у параноической личности; впрочем в трагедии Софокла нет никаких данных, чтобы утверждать это. У Эсхила в его «Оресте» печаль и угнетение Электры сильнее, чем ненависть. Поэтому нет оснований говорить о параноическом развитии у героини Эсхила.

Еще более резко отличается Электра у Еврипида. Между Электрой и Орестом напоминает здесь разговор по готовым темам, особая глубина чувств Еврипидом также не выражается. На весьма прозаически сформулированный Орестом только что убившим Эгиста, вопрос: «А с матерью что будешь делать? Убьем тоже, что ли?» Электра отвечает утвердительно, рассуждая при этом трезво, деловито: «А чем это тебе, собственно, может повредить? Ведь ты мстишь за отца!»

Чувство ненависти у Медеи в одноименной драме Еврипида еще более глубокое, чем у Электры Софокла. Однако эта ненависть является не признаком параноического развития, а непосредственным следствием оскорбления, нанесенного Медее Орестом, отвергшим ее. Глубина вырисовывающейся здесь эмоциональной реакции, несмотря на отсутствие параноического развития, тем более заставляет подумать, что перед нами параноическая личность. Эту мысль подтверждает и сам Еврипид, вкладывая в уста няни следующие слова, характеризующие Медею: «У нее жесткий нрав, а несправедливости она не выносит».

У Грильпарцера Медее до совершения преступления пришлось перенести еще больше страданий; ее поступки кажутся варварскими, ее обвиняют в убийстве отца и брата, она попадает на гонимую всеобщему презрению. Оценка ее всеми оскорбленами сконцентрирована в словах, которыми Креза приветствует Медею: «Бедняжка, они связали тебя супружескими узлами омерзительной женщиной, отравительницей». Однако даже у Грильпарцера описана не картина параноического развития, а лишь сумма страданий Медеи. Язон уже давно и сильно ненавидит жену, а под конец никак своей ненавистью не ролирует; Медея не имеет возможности постепенно справиться со своей горестной судьбой, т. к. на нее всякий раз обрушивается новое горе. Она убила своих детей, была изгнана из родины и нигде на земле не смогла бы найти пристанища, во всей Греции ее ненавидели. Ситуация у Грильпарцера еще более ясной, чем у Еврипида. У Еврипида Медея также предстоит изгнание, но она знает, где ей пристань, и знает, что выехать туда можно и одной, а вместе с детьми

Ее преступление предстало перед нами психологически убедительным, нам следует допустить, наряду с параноическими чертами, также и эпилептоидные, — к этой комбинации мы еще вернемся. Указание на это имеется и в самой трагедии. Еврипида вообще склонна к безудержным вспышкам аффекта. Так, думая о своих детях, она восклицает: «Проклятые, рожденные ненавидящей матерью! Издохните же вместе со своим отцом, пусть погибнет мерзкий род навеки».

Анализируя ненависть Кримгильды к Хагену и к братьям («Сцена о Нибелунгах»), мы также не склонны усматривать моменты параноического развития. По крайней мере автор об этом ничего не говорит. Геббель (в своем послесловии к этой пьесе) также ничего не упоминает о том, почему ненависть в Кримгильде жила, притаившись, столько лет. По натуре Кримгильда едва ли может быть отнесена к параноикам или истерическим личностям.

Хорошим примером параноических черт личности в художественной литературе может служить Раскольников Достоевского. К этим чертам присоединяются моменты интровертированности, то о нем речь пойдет позже.

В пьесе «Преступление и наказание» находим и вторую параноическую личность. Жена Мармеладова представлена нам как женщиной, сломленной голодом и болезнью, к тому же вспыльчивой, черствой из-за пьяницы-мужа. Но мы убеждаемся в том, что перед нами в общем довольно сбалансированная личность. Мармеладова на каждом шагу упоминает свое дворянское происхождение и о титулах и званиях отца. Под рукой у нее всегда некое свидетельство, выданное за особые заслуги, и в котором, кстати, указаны должностное звание отца. Она высокомерно, в оскорбительном тоне, разговаривает со своей квартирной хозяйкой, бранит ее, постоянно указывая на ее низкое происхождение. Видимо, из-за присущего ей высокомерия она особенно тяжело переносит бедственное положение. В этом плане понятно и ее поведение у бывшего мужа, к которому она нагло врывается и начинает громко ругать, а под конец швыряет в него чернильницу. Она должна знать, что не начальник виноват в плачевном состоянии семьи, а ее муж-алкоголик. Проявлением душевного расстройства следует считать и эпизод, когда госпожа Мармеладова выгоняет своих малолетних детей на улицу, заставляя их петь. Этим она хочет как бы продемонстрировать перед окружающими безжалостны к ней и ее семье окружающие, опять заставляя себя главным виновником — ее муж, беспробудный пьяница. «Сцена за горизонтом» — в данном случае, сведение всего к параноическим реакциям над «ни в чем неповинной семьей», — приводит к тяжелому стечению обстоятельств, к реакциям параноической личности.

Интересно заметить, что голод и болезни и у Мармеладовой, и у Раскольникова не только вызывают ожесточение, но оказыва-

ются и чисто физически болезнетворным фактором, а это в свою очередь отражается на психике. У обоих мы наблюдаем особую раздражительность, которую нет оснований связывать с параноическими проявлениями. У Раскольникова к тому же развивается *психоз экзогенного характера*. В романе описана сцена нападения нескольких человек на его хозяйку. Он слышит все необыкновенно четко (хотя сам и не присутствует), как это бывает обычно при экзогенных психозах, протекающих с делирием или галлюцинозом. Между тем, это был и не сон, так как позднее Раскольников спрашивает горничную, почему били хозяйку. Весь этот эпизод связан с внезапным изменением настроения Раскольникова. Он вдруг делается невероятно раздражительным, речь его становится импульсивной и агрессивной. Мы полагаем, что причиной было именно физическое болезненное состояние.

Параноической личностью следует, по-видимому, считать, учитывая его невероятную подозрительность, и Митридата из одноименной драмы *Расина*. Митридат чрезмерно ревнив и по этой причине жесток в обращении с женщинами. Его сын говорит о нем:

Сердце у отца жестокое; уже не одну женщину он предал суду за то, что его ревность не допускала вблизи нее никакого другого мужчины...

Не хочется и говорить о том, сколько горя наделала бешеная ревность отца.

Благодаря изощренной подозрительности Митридат вскоре разгадывает, что один из сыновей намеревается предать его римлянам, другой же любит девушку, с которой он сам собирается вступить в брак. О подозрительности свидетельствуют следующие слова:

Я вечно жил под страхом предательства, поэтому я изучал яды и тратил бесконечные часы на поиски противоядия от самого страшного яда.

Чрезмерная осторожность приводит к тому, что тот яд, которым Митридат сам хотел отравиться, не оказывает действия.

Как пишет Расин в предисловии к драме, он опирался на исторически достоверные материалы. Согласно историко-биографическим данным, Митридат, очевидно, был личностью параноической. Упорство, с которым он на протяжении 40 лет вел борьбу с римлянами, можно объяснить в какой-то мере структурой его личности.

Итак, мы могли убедиться в том, что писатели редко представляют нам параноическую личность в чистом виде, без параноического развития. Впрочем, это легко объяснимо: ведь поведение персонажей при постоянном раскачивании аффекта придает действию большое напряжение, делает произведение особо впечатляющим. Заметим, однако, что о параноическом развитии у Митридата все же трудно высказаться категорически.

Можно назвать один образ художественной литературы, где параноическое развитие следует полностью исключить. Странным

ра типичной застревающей личности выявлена здесь с особой яркостью.

Образ алькальда (судьи) из «Саламеи» у Кальдерона воплощает в себе чистое однозначное застревание личности. В одноименной драме *Лопе де Вега*, послужившей Кальдерону образцом, герой в общем сходен с кальдероновским, но обрисован куда менее ярко. У Кальдерона же Креспо, будущий алькальд, представляется в самом начале весьма многозначительными словами. Капитан дон Альваро, узнав, что он будет расквартирован у Креспо, заявляет:

Я получаю квартиру в доме крестьянина, который является самым большим богачом во всей этой местности. Но мне говорили, что не существует на свете человека более сурового и гордого, по высокомерному тону не уступающему наследному принцу Леонскому.

Весьма характерна одна сцена, в которой Креспо, пока еще не алькальд, а простой крестьянин, дискутирует с генералом доном Лопе. Креспо садится на стул только после настойчивого приглашения генерала.

Дон Лопе: Однако, не далее как вчера вы уселись сразу, не ожидая приглашения.

Креспо: Я это сделал именно потому, что вы не пригласили меня. Нынче же я просто сам не хочу, хотя вы и пригласили сесть. Я вежлив тогда, когда вы мной вежливы.

О большом чувстве *собственного достоинства*, присущем Креспо, свидетельствует следующая его реплика:

Креспо: Сударь, я всегда отвечаю в том тоне, в котором ко мне обращаются. Вчера вы говорили иначе; для меня нет сомнения в том, что все наши обоюдосторонние вопросы и ответы должны всегда гармонировать друг с другом.

Позднее Креспо с большим упорством (и, между прочим, безуспешно) борется за то, чтобы тот, кто обесчестил его дочь, понес заслуженное наказание. Не объясняется ли это желанием хоть как-нибудь компенсировать позор, свалившийся на семью. Но содержание пьесы показывает, что такие планы у Креспо были еще до происшествия, т. е. когда плачевная перспектива лишь угрожала дочери. Креспо пока еще совершенно спокоен, говорит не в состоянии аффекта, но в словах его чувствуется принципиальная позиция:

Дон Лопе: С вами стряется беда? Из-за чего?

Креспо: Если я убью того, кто, пусть даже издали, угрожает моей чести...

Дон Лопе: Черт возьми! Вы не знаете, что ли, что дон Альваро капитан?

Креспо: Черт возьми, я это знаю. Но даже если б он был генералом и угрожал моей чести, то я бы убил его.

Дон Лопе: Да ты знаешь, ли, что если кто-нибудь дотронется хоть до кусочка ткани на мундире моего солдата, то я немедленно распоряжусь его повесить!

Креспо: А если кто-нибудь похитит хоть один атом моей чести, то — повешусь — я повешу его собственноручно.

Дон Лопе: Ты забыл, что, как крестьянин, ты обязан молча стерпеть несправедливый урон?

Креспо: Урон, нанесенный состоянию; но не чести, клянусь всеми нами! Мой король властен над моими деньгами и над жизнью, если он потребует их — мой долг молчать. Но он не властен над честью человека! Честь — собственность души, а господин души моей — бог.

Дон Лопе: Черт меня побери, вы, пожалуй, правы, патрон!

Креспо: Черт меня побери, я сам так думаю. Я вообще всегда бываю прав.

Странные слова произносит здесь Креспо; но эти странные слова вложены в уста типичной параноической личности, которая упрямо защищает свои права и честь, даже тогда, когда речь идет о жизни и смерти. При этом Креспо признает, что сословные различия требуют уступок в отношении обращения, вежливости, но он не уступит того, на что имеет право как личность.

Позднее, когда капитану удалось похитить и обесчестить девушку, происходит еще один разговор между доном Лопе и Креспо, сельским алькальдом, но гораздо серьезнее:

Дон Лопе: Арестованного я спасу и отомщу за позор.

Креспо: Именно за позор и я заковал его в цепи.

Дон Лопе: А известно ли вам, что он солдат и отвечает передо мной?

Креспо: А известно ли вам, что он похитил мою дочь?

Дон Лопе: Но я, как генерал, распоряжаюсь всем в городе, вам это известно?

Креспо: Этот наглый негодяй украл честь моего дома, — вам это известно?

Неподатливость, неуступчивость параноической личности проявляется здесь со всей очевидностью. Вряд ли можно говорить об упрямстве Креспо, ведь он прав, да он и сам так считает. Характерен такой штрих: незадолго до этого генерал презрительно отозвался о каком-то «субъекте крестьянского сословия». Креспо отвечает: «Конечно, он крестьянин и есть, но если ему, этому упряму, взбрет в голову, что его недруга следует повесить, то клянусь богом, что он не уступит».

Креспо и сам добивается цели: капитан вздернут на виселицу еще до спасительного вмешательства генерала. Он поступает заведомо не по закону, ибо по закону капитана имеет право судить только военный суд. Но тем убедительнее подтверждается мысль, что Креспо является именно застревающей личностью, ибо, как истинный параноик, он устанавливает свои права сам, ему наплевать на то, что требуется официальными постановлениями.

Драма Кальдерона представляется исключительно ценной именно для моей тематики, и вот из каких соображений: здесь мы прежде всего сталкиваемся не с параноическими реакциями, а с самой параноической личностью с характерными реакциями. Кроме образа Креспо мы во всей мировой художественной литературе не нашли ни одного столь яркого, убедительного и однозначного образа параноической личности. Когда мы сталкиваемся с параноическими реакциями людей, то за ними, как правило, стоит параноическое развитие. Тем временем, Саламейский алькальд буквально с первых реплик пьесы занимает твердую позицию, и именно эта позиция определяет все его дальнейшее

поступки. Возможно, из-за этого снижается художественная ценность произведения, но для моей проблематики в этом заключается особое преимущество пьесы Кальдерона.

Демонстративно-застревающие личности

При комбинациях *истерических* и *параноических* черт развитие может принимать различные направления, иногда совершенно противоположные. С одной стороны, возможно, что характерная для истерика тенденция обходить трудности начинает определять его поведение, а параноическое постоянство как бы фиксирует такое отрицательное направление. Но может создаться и обратная картина: параноическое честолюбие обращает человека к социально положительным целям, преследуемым с упорством, а истерическая способность приспособливаться благоприятствует этому. Впрочем, конечный результат в этом случае может быть отрицательным, например, при чрезмерном параноическом честолюбии или при попытке обеспечить успех одним лишь истерическим притворством.

Примером *комбинированной истерико-параноической личности*, решенной в социально-отрицательном плане, можно считать образ Франца Моора из драмы Шиллера «Разбойники».

В самом начале драмы притворно раздутая жалость Франца к отцу и к брату свидетельствует о фальши, а уверенность и наглость, с которой он клеветает, — об *истерических чертах* (с. 27):

Дозвольте мне сначала отойти в сторонку и пролить слезу сострадания о моем заблудшем брате. Я бы должен был вечно молчать о нем — ведь он ваш сын; должен был бы навеки скрыть его позор — ведь он мой брат. Но повиниться вам — мой первый, печальный долг. А потому не взыщите...

Патетическое самовосхваление Франца с экзальтированными заверениями дополняет истерический характер его поведения (с. 30):

Ваш Франц готов пожертвовать своей жизнью, чтобы продлить вашу. Ваша жизнь — для меня оракул, которого я вопрошаю перед любым начинанием; зеркало, в котором я все созерцаю. Для меня нет долга, даже самого священного, которого бы я не нарушил, когда дело идет о вашей бесценной жизни. Верите ли вы мне?

После того как Франц убедил отца в своей искренности, ему уже можно расписывать и мнимую подлость своего брата, но делает он это весьма хитро, подчеркивая собственные «благородные» намерения. Отец должен оттолкнуть Карла не в наказание, а из желания его спасти (с. 31—32):

Франц: Сколько тысяч людей, жадно пивших из чаши наслаждений, закупили свои грехи страданием! И разве телесный недуг, спутник всяких извеществ, не есть перст божий? Вправе ли человек своей жестокой мягкостью отвращать этот перст? Вправе ли отец навеки погубить залог, врученный ему небом? Подумайте, отец: если вы хоть на время отступитесь от Карла, не будет ли он вынужден исправиться и обратиться на путь истины? Если же он в великой школе несчастья останется негодяем, тогда горе отцу, потворст-

вом и мягкосердечием разрушившему предначертания высшей мудрости.— Ну как, отец?

Старик Моор: Я напишу, что лишаю его отцовской поддержки.

Франц: Вы поступите правильно и разумно.

Хотя высказывания Франца полны, казалось бы, искреннего чувства, все это лишь игра (с. 32):

Франц: (со смехом глядя ему вслед): Утешься, старик! Ты никогда уже не прижмешь его к своей груди! Путь туда ему прегражден, как аду путь к небесам. Он был вырван из твоих объятий, прежде чем ты успел подумать, что сам того пожелаешь. Жалким был бы я игроком, если бы мне не удалось отторгнуть сына от отцовского сердца, будь он прикован к нему даже железными цепями.

Ту же тактику Франц применяет позже в разговоре с Амалией. После тщетных попыток грубо оклеветать Карла в ее глазах, он переходит к новой роли, прикидываясь любящим братом (с. 48):

Франц (закрыв лицо руками): Отпусти меня! Отпусти! Дать волю слезам! Тиран отец! Лучшего из своих сыновей предать во власть нужды, публичного позора! Пусти меня, Амалия! Я паду к его ногам буду молить его переложить на меня тяжесть отцовского проклятья — лишить меня наследства... Моя кровь... моя жизнь... все...

Амалия (бросается ему на шею): Брат моего Карла! Добрый, милый Франц!

Однако после первого успеха Франц, несмотря на безусловное актерское дарование, совершает ошибку. Его страсть к Амалии заставляет обманщика поступить неосмотрительно, он поспоропился прежде времени (с. 49):

Франц: Был тихий ясный вечер, последний перед его отъездом в Лейпциг, когда он привел меня в беседу, где вы так часто предавались любовным грезам. Мы долго сидели молча. Потом он схватил мою руку и тихо, со слезами в голосе, сказал: «Я покидаю Амалию... Не знаю почему, но мне чудится, что это навеки. Не оставляй ее, брат! Будь ее другом, ее Карлом, если Карлу не суждено возвратиться» (бросается перед ней на колени и с жаром целует ей руки). Никогда, никогда, никогда не возвратится он, а я дал ему свящ=ную клятву!

Амалия (отпрянув от него): Предатель, вот когда я уличила тебя!

И вторая черта личности, *параноическое начало*, наблюдается у Франца уже в самом начале драмы. Все мошеннические действия Франца могут быть правильно оценены лишь в том случае, если мы узнаем, каким он всегда чувствовал себя униженным и жалким по сравнению со своим братом. Франца природа действительно обидела, но та страстность, с которой он против этого восстает, указывает на обиду истинно параноического характера (с. 33):

Франц: У меня все права быть недовольным природой — и, клянусь честью, я воспользуюсь ими. Зачем не я первый вышел из материнского чрева? Зачем не единственный? Зачем природа навалила на меня это бремя уродства? Именно на меня? Слово она обанкротилась перед моим рождением. Почему именно мне достался этот лапландский нос? Этот рост, как у негра? Эти готтентотские глаза? В самом деле, мне кажется, что она у всех людских пород взяла самое мерзкое, смешала в кучу и испекла меня из такого теста. Ад и смерть! Кто дал ей право одарить его всем, все отняв у меня?

Стремление достичь власти явственно звучит в этом же монологе, заканчивающемся словами (с. 34):

Франц: Я выкорчую все, что преграждает мне дорогу к власти. Я буду властелином и силой добьюсь того, чего мне не добиться располагающей внешностью.

Эти черты определяют поведение Франца на протяжении всей драмы. Его лицемерные выпады продиктованы непомерным честолюбием и вечной обидой на брата: ведь он навсегда обречен быть хуже его! В момент, когда он думает, что отец уже мертв, параноические аффекты еще раз проявляют себя со всей силой. Вот теперь настала долгожданная минута, и он выщипывает чашу своего торжества до дна (с. 62):

— Кто же теперь осмелится прийти и потянуть меня к ответу или сказать мне в глаза: «Ты подлец?!» Теперь долой тягостную личину кротости и добродетели! Смотрите на подлинного Франца и ужасайтесь! Мой отец не в меру подлащивал свою власть. Подданных он превратил в домочадцев; ласково улыбаясь, он сидел у ворот и приветствовал их, как братьев и детей. Мои брови нависнут над вами, подобно грозovým тучам; имя господина, как зловещая комета, вознесется над этими холмами; мое чело станет вашим барометром. Он гладил и ласкал строптивую выю. Гладить и ласкать не в моих обычаях. Я вонжу в ваше тело зубчатые шпоры и заставлю отведать кнута.

Можно полагать, что натуру Франца Моора определяет отсутствие этических норм. Его легко поставить в ряд с теми злодеями, образы которых проанализированы выше. Но поскольку он к тому же и истерик, то трудно доказать полное пренебрежение им требованиями этики: торможения злодейских замыслов могли не иметь места из-за часто встречающегося у истериков вытеснения.

Возбуждаемые личности

Грубые, импульсивные личности, которыми руководят влечения и инстинкты (они часто обладают атлетическим сложением), также представлены в художественной литературе.

В «Братьях Карамазовых» Достоевский наделяет одного из центральных персонажей чертами *эпилептоидного психопата*. Мы имеем в виду Дмитрия, старшего из братьев Карамазовых. Хотя и не он убил отца, но заподозрить его в отцеубийстве нетрудно, потому что он однажды избил Федора Павловича настолько жестоко, что тот вполне мог умереть от побоев. После этого Дмитрий несколько раз грозил, что он все равно не оставит его в живых. Причиной была страстная любовь обоих к Грушеньке. У Мити аффект усугублялся тем, что отец был богат, но прятал от сына оставленные ему в наследство матерью деньги, более того — именно с помощью этих денег пытался завоевать расположение Грушеньки. Митя весьма похож на отца в сексуальном плане, в остальном же не имел ничего общего с Федором Павловичем, которого мы выше охарактеризовали как истерическую личность. Отец называет Митю «легкомыслен-

ным, буйным, со страстями, нетерпеливым и кутилой». Достоевский так характеризует Митю (т. 9, с. 88):

Впрочем, некоторая болезненность его лица в настоящую минуту может быть понятна: все знали или слышали о чрезвычайно тревожной и «кутышавшей» жизни, которой он именно в последнее время у нас предавался, равно как всем известно было и то необычное раздражение, до которого он достиг в ссорах со своим отцом из-за спорных денег. По городу ходило уже об этом несколько анекдотов. Правда, что он и от природы был раздражителен, «унылого и неправильного», как характерно выразился о нем у нас в мировой судья Семен Иванович Качальников в одном собрании.

Митя нередко пускает в ход грубую силу. Например, он издевается над штабс-капитаном Снегиревым — тащит его за бороду на улицу и избивает лишь за то, что считает его доверенным лицом своего отца. На вопрос, что он станет делать, если Грушенька пойдет жить к отцу, Митя прямо говорит, что совершит убийство, и уточняет, что убьет «старика». Однажды, полный подозрений и страха, что Грушенька находится у отца, он обежал все комнаты в доме и, не найдя ее, все же ринулся к отцу, когда тот обвинил Митю в краже денег (т. 9, с. 177):

Но Митя поднял обе руки и вдруг схватил старика за обе последние кудри волос его, ушелевшие на висках, дернул его и с грохотом ударил об пол. Он успел еще два или три раза ударить лежащего каблуком по лицу. Старик пронзительно застонал...

Сумашедший, ведь ты убил его! — крикнул Иван. — Так ему и надо! — задыхаясь воскликнул Дмитрий. — А не убил, так еще приду убить, не устережет!

Однажды, стоя под домом отца, снова объятый подозрениями, что Грушенька находится здесь, Митя был обнаружен слугой в момент, когда собирался лезть через забор. Митя ударом свалил слугу с ног, тот упал без сознания. Поскольку эпилептоидные личности не бесчувственны, а лишь крайне импульсивны и возбудимы, то нам понятно горячее раскаяние Мити. Он вытер своим платком кровь с лица слуги и старался привести его в чувство.

Можно назвать множество случаев, когда поступки Мити диктуются не разумом, а настроениями, влечениями и даже капризами. Любовь его также носит импульсивный характер. Впервые появляется он у Грушеньки с намерением побить ее, так как ходят слухи, что она и Федор Павлович совместно обделяют разные нечистые денежные делишки. Но все вышло по-иному (т. 9, с. 151):

— Пошел я бить ее, да у ней и остался. Грянула гроза, ударила чума, заразился и заражен доселе, и знаю, что уж все кончено, что ничего другого и никогда не будет. Цикл времен совершен. Вот мое дело.

Охваченный страстью к Грушеньке, Митя устраивает для нее сумасбродную пирушку, которую сам описывает следующим образом (т. 9, с. 151):

— А тогда вдруг как нарочно у меня в кармане, у нищего очутились три тысячи. Мы отсюда с ней в Мокрое, это двадцать пять отсюда верст, цыган туда добыл, цыганок, шампанского, всех мужиков там шампанским перепод...

раб и девок, двинул тысячами. Через три дня гол, но сокол. Ты думал, чего сокол-то? Даже издали не показала.

Подобную пирушку Митя позже устраивает еще раз, когда приходит к выводу, что потерял Грушеньку навсегда и что убил ее. По окончании пирушки он решил застрелиться, но до этого не доходит: его арестовывают.

Таков Дмитрий Карамазов, запальчивый, необузданный, отчаянный человек, раб минутных настроений, иными словами, *возбуждаемая личность*, доходящая до *степени эпилептоидной личности*. Для Мити и для таких типов вообще характерно, что его выходки могут быть результатом не только патологической раздражительности, но также и других аффектов; находясь в состоянии аффекта, он не чужд патетики. Например, во время испуганных попыток раздобыть не принадлежавшие ему три тысячи рублей, которые он прокутил, он молится богу. Он охвачен безумным страхом, но все же в нем еще тлеет надежда, к тому же он переполнен безумной любовью к Грушеньке, и все это изливается в таких словах (т. 9, с. 137):

— И вот в самом этом позоре я вдруг начинаю гимн. Пусть я проклят, пусть я венок и подл, но пусть и я целую край той ризы, в которую облакается святой; пусть я иду в то же самое время вслед за чертом, но я все ж таки твой сын, господи, и люблю тебя, и ощущаю радость, без которой нельзя жить и быть.

Эпилептическое телосложение Мити подтверждает его эпилептическую конституцию: был он мускулист, и в нем можно было видеть значительную физическую силу. Позднее прямо говорится о его «громадной физической силе».

Вне аффектов у Мити проявляются и благородные реакции. В состоянии аффекта он способен пустить на ветер чужие 3000 рублей, но в нормальном состоянии его ужасает мысль, что он — вор. Он всячески старается смыть с себя позорное пятно. Он обладает умом, логикой. Но достаточно высокий уровень личности не смягчает патологической подверженности Мити влечениям.

Достоевский, сам страдавший эпилептическими припадками, изобразил ими многих персонажей своих произведений, в частности, Мышкина («Идиот»), Смердякова («Братья Карамазовы»), Мурина («Хозяйка»), Нелли («Униженные и оскорбленные»). Однако он не наделял их чертами эпилептических или эпилептоидных личностей. Мурин, правда, человек грубый и жестокий, но, судя по деталям, для него эпилептоидность не характерна. Его волевые проявления устойчивы. Даже Кириллова в «Бесах», у которого нет «припадков падучей», но который отличается эгоистическими настроениями экзотического типа, нельзя характеризовать как эпилептическую личность.

У Готхельфа впечатляет *эпилептоидный психопат* из повести «Курт фон Коппиген». Мать Курта разорилась в своем средневековом поместье (сюжет повести исторический), однако он мог бы снова стать зажиточным, так как женился на весьма

обеспеченной девушке. Беда заключалась в том, что он был не способен к организованному, систематическому труду; он слонялся по лесам и лугам, все более скатываясь вниз по наклонной плоскости, а в конечном итоге превратился в разбойника, занимающегося грабежами и убийствами. Он обладал примитивной связью (на почве влечений) с природой и животными, однако элементарные проявления человечности ему чужды. Когда его жена Агнесса после свадьбы переступила порог своего нового дома, она содрогнулась, увидев вопиющую нищету, в которой очутилась. Но Курт даже не замечает ее реакции (с. 88).

Если кто-либо из читателей подумает, что Курт был опечален, а его молодая жена испытывает серьезные опасения в отношении будущего, то этот читатель ошибется: Курт ничего не видел. Вообще-то, он обладал превосходным зрением, так что замечал и ужá в прибрежном иле, и разбросанную густой траве, и вальдшнепа в сухой листве, и кабана в лесной чаще, но в мире человека он не видел ровно ничего. Конечно, он не умел читать, и так же точно не умел он читать и мысли людей, отражающиеся на лице, еще того менее те, что сквозят во взгляде или коварно гаятся в углах. Шрифт этот всегда оставался для него неразборчивым, и даже если бы он ничего бы не увидел.

Нередко у эпилептоидов устанавливается гораздо лучший контакт с животными, чем с людьми. Сердечного отношения к матери у Курта нет и в помине, хотя в этом, возможно, виновата была и она сама, женщина весьма сухая. Но и другие его реакции свидетельствуют о недостатке тонких человеческих эмоций (с. 102):

Данное событие Курт тоже воспринял равнодушно; он вообще не разделял интереса ни к чему, что происходило у него в доме, ни к рождению матери, ни к рождению ребенка; впечатление создавалось такое, что события его вообще не касаются.

Курт все чаще надолго уходил из дому (с. 98):

Он слонялся со своими дружками по разным подозрительным местам дворов, иногда они отправлялись и в дом одного из них, если там можно пожить. Нередко они исчезали на некоторое время безвестно, так как земля их поглотила, и никто не мог бы сказать, живы ли они, а там, где они находятся.

Курт со своей «тяжелой походкой» был самым грубым и нечуждым из них. Когда его охватывал приступ, он становился невменяемым. Вот как он ведет себя с одним из членов своей же банды (с. 118):

Гнев охватил Курта в один миг, как пламя пожирало солому; он схватил каменный кувшин, стоявший рядом с ним, и с силой ударил им по ухмыляющейся физиономии... Курт напал на бандита, и тот хотел задушить мощными руками, но тут другие бросались на помощь.

Психика Курта отмечена типичной для эпилептоидов неадекватностью чувств, поэтому он часто оказывается в состоянии гнева (с. 110):

Среди участников банды никто не мог сравниться с Куртом. Куртом, но несмотря на это над ним постоянно властвовали другие, и он был жестче других, а получал меньше всех, — сущий великан, который...

Во время разбойничьих нападений он первый шел напролом, и ему одному доставались все ответные удары; зато при дележе награбленного ему оставалось почти ничего.

Если эпилептоидов никто не задевает, они часто проявляют агрессию. Это относится и к Курту; хотя его и обманывали при дележе, он все еще готов был поделиться своей скудной добычей с нуждающимися людьми.

Курт фон Коппигена можно считать *эпилептоидным психопатом* в чистом виде. Но и здесь конец повести психологически убедителен, вернее, он как бы рассчитан не на психологическую, а на дидактическую убедительность: после одного ужасного бредового сна, в котором за ним устраивает бешеную погоню сам черт, Курт просыпается совершенно обновленным человеком и вскоре он из асоциального субъекта становится настоящим семьянином. В этом можно усмотреть сугубо воспитательную устремленность творчества Готхельфа. Однако, к сожалению, он тем самым перечеркивает психологическую ценность своих образов. Порой его поучительная манера, одобренная мещанствующей религиозностью, врывается в психологический рисунок как грубая помеха, что особенно заметно в романе «*Смерть в душах*».

Шекспир трактует Кориолана в одноименной драме как «*жесточайшего врага народа*». Кориолан является возбудимой личностью. Его несгибаемая сила поднимает его до уровня героизма. Отличается неустранимостью, отвагой и огромной физической силой, участвует всегда в первых рядах, уничтожает любого противника, а в решающей битве почти исключительно своими силами добивается покорения вражеского города — он собственноручно штурмует городские ворота. Кориолан в полной мере осознает, что победы добился он один; он презирает народ и его судей, презирает трибунов. Когда последние, возмущенные его наглостью, «забирают» свои голоса, без которых Кориолан не может быть избран консулом, он, исполненный гнева, начинает говорить грубой бранью народ и его вождей. За это его собираются покарать как изменника, ему грозит смерть. Друзья пытаются оттеснить его в сторону, и Менений отечески восклицает (с. 337):

Но вспомните... что выбирать слова он не приучен,
А потому их сыплет без разбора,
Как отруби с мукою вперемежку.
Позвольте мне пойти за ним...

Кориолан, разгневанный, кричит (с. 338):

Пусть мне они грозят колесованьем
Иль смертью под копытами коней;
Пусть друг на друга десять скал Тарпейских
Нагромоздят, чтоб я не видел дня
Пред тем, как буду сброшен,— все таким же
Останусь с ними я...

После этого, успокоенный друзьями, Кориолан обещает последовать их совету и попросить прощения. Но как только народ-

ный трибун начинает зачитывать поступившую на него жалобу, как только он в речи прибегает к обозначению «изменник народа», гнев Кориолана вновь вскипает:

Кориолан:

Испепели народ, о пламя ада!
Изменник? Я? Трибун, ты клеветник!
Когда б гнездились целых двадцать тысяч
Смертей в твоих глазах, когда б зажал
Ты двадцать миллионов их в руках
И столько же на лживом языке
Танлось у тебя, то и тогда бы
Сказал я: «Лжешь!»...

Кориолана изгоняют из Рима; тогда он объединяется со своим главным врагом, с которым сам же до этого сражался не на жизнь, а на смерть. Этот шаг следует расценивать как крайне необдуманный, ибо совместно с бывшим врагом он замышляет уничтожить город Рим, в котором находятся его друзья, его мать, жена и ребенок. Заклинаемый матерью, Кориолан заключает все же мир с Римом, но после этого он так же необдуманно сам идет навстречу смерти: он отправляется в город врагов, твердо веря, что и враги сразу же заключат мирный договор с Римом. Не будем дискутировать с Шекспиром: видимо, в древние времена одной импульсивной силы было достаточно, чтобы породить героев.

По необыкновенной физической силе, по непоседливому образу жизни и множеству подвигов можно было бы и легендарного Геракла расценивать как эпилептоида. И образ, создаваемый *Софоклом* в «Трахинянках», в самом деле многим напоминает нам эпилептоидного психопата. Деянира, жена Геракла, жалуется в начале драмы:

— Соединившись с Гераклом, я оказалась счастливой избранницей, но знает ли кто-нибудь о том, что меня без конца преследует страх за мужа? Если лишь вчера вечером какое-нибудь событие казалось свежим горем, то ныне оно вытеснено уже новым, более свежим и более тягостным. На детей на плод нашего брака, он смотрит как крестьянин на отдаленнейшие участки своей земли: только в период посева и жатвы он кидает на них взор и то лишь раз. Жизнь моего мужа вечная гонка — стоит ему войти в дверь своего дома как он уже выходит из нее, отправляясь оказывать кому-то очередную услугу. И, наконец, сейчас, когда срок опасных испытаний закончен, мое беспокойство возрастает еще во много раз. Ибо коль он убил Ифита, то мы можем считать себя изгнанными отсюда...

Вслед за опасениями Деяниры приходит и трагическая развязка. Геракл влюбился в Иолу, дочь короля Эврита. Король отказывает ему в руке дочери, и Геракл разрушает его город, убивает самого Эврита и увозит Иолу, лишившуюся от печали дара речи, с собой, чтобы поселить ее в доме в качестве второй жены. Деянира, желая сохранить любовь мужа, посылает ему одежду, обладающую якобы даром любовных чар, на самом же деле человек, тела которого эта одежда коснется, сгорает (Деянира не знает об этом). Почувствовав страшное действие ткани на своем теле, Геракл хватается за ногу доставившего наряд

... (кстати ни в чем не повинного) и швыряет его в море, оживив его череп о скальные рифы. Умиравший Геракл посылает своему сыну жениться на Иоле, хотя сын и противится (из уважения к матери). Между тем Деянира, в отчаянии, что одежда оказалась орудием смерти, кончает жизнь самоубийством.

Итак, в софокловском Геракле эпилептоидное беспокойство, всегда связывающиеся с эпилептоидной бесчувственностью и жесткостью.

В драме Еврипида «Геракл» автор идет еще дальше. Мы знаем, что Геракл, вернувшись домой, в припадке безумия убивает жену и детей. Геракл погружается в сон, проснувшись ничего не помнит о совершенном злодеянии. Он с ужасом узнает о том, что им совершено. Припадок безумия Геракла напоминает эпилептическое сумеречное состояние сознания. Психиатров такой поворот должен склонить к мысли, что Геракл можно охарактеризовать не только как эпилептоидно-идиопата, но и как эпилептика. Однако следует учесть, что Еврипид трактует его поступок иначе: безумие было нанесено Гераклу богиней Герой, которая ненавидела Геракла незаконнорожденного сына своего супруга Зевса.

Как мы уже знаем, эпилептоидные личности в детстве склонны к побегам из дому, которые чаще всего представляются неопровергаемыми. Розеггер описывает в повести «Якоб последний мальчик», который, несмотря на все воспитательные меры, истинно убежал из дому. «Ну, что ж, — читаем мы, — Якоб всего 12 лет. Когда же и убежать, как ни в этом возрасте? А если он уже в таком возрасте не убежит, то когда? Однако следует отметить справедливости ради, что Якоб, по дате с характером бродяги, убежал не только в 12 лет, но и раньше (с. 87):

... своим особыми путями мальчик шел уже с раннего детства, неоднократно встречаясь с чужими людьми, а будучи пяти лет от роду, присоединился к группе кочующих цыган.

Когда отец возвращал его домой и запирали, то он гневно протестовал и возмущался, что, как нам известно, типично и для эпилептоидов-детей, и для эпилептоидов-взрослых. Упорствование Якоба продолжалось несколько дольше, чем у эпилептоидов.

Застравающе-возбуждаемые личности

... опасность таит в себе, как уже указывалось, комбинация возбуждаемости и застревания.

С психологической точки зрения весьма примечателен убийца, объединяющий в себе эти черты личности, описанный у ... Мы имеем в виду Рогожина из романа «Идиот». Читатель узнает о неумении Рогожина владеть собой. Контроль над своими поступками иногда достигает

у Рогожина таких масштабов, что можно смело говорить об *эпилептоидной психопатии*. Он присваивает деньги отца, чтобы купить серьги для Настасьи Филипповны, в которую влюбился. Избитый отцом до полусмерти, он бежит из дому и проматывает находящуюся у него сумму. Преследуя одну цель — покорить Настасью Филипповну, добиться ее взаимности, он сколачивает вокруг себя шайку отчаянных молодчиков, проникает в квартиру соперника и здесь устраивает дебош. В состоянии дикого возбуждения он обещает дать Настасье Филипповне 100 000 рублей. Позднее он в самом деле приносит эту сумму, в сцене, которая при этом разыгрывается, особенно ярко проявляется его несдержанность, полное отсутствие самообладания. Шайка его буйствует, а сам он швыряет в лицо молодой женщине 100 000 рублей, точно покупая ее за эти деньги. Когда, после длительных колебаний, она как-будто решает соединиться с ним, он вне себя от радости (с. 196):

— Едем! — заревел Рогожин, чуть не в иступлении от радости.— Эй, кругом... вина! Ух!

— Припасай вина, я пить буду! А музыка будет?

— Будет, будет! Не подходи! — завопил Рогожин в иступлении, увидя, что Дарья Алексеевна подходит к Настасье Филипповне.— Моя! Все мое! Проводевал! Конец!

Он от радости задышался.

Вскоре, однако, мы убеждаемся, что объяснить поведение Рогожина одной лишь эпилептоидной возбудимостью невозможно. Крайняя настойчивость, упорство, с которым он домогается Настасьи Филипповны, свидетельствуют о параноических чертах личности. Здесь нужно оговориться, что Достоевский предлагает в романе такое развитие сюжета, которое у самого нормального и незаметного человека может вызвать глубочайшие аффективные потрясения. Настасья Филипповна не любит Рогожина, но на протяжении романа неоднократно делает шаг навстречу его домоганиям. Она заявляет, что в ближайшее время готова выйти за него замуж, но снова и снова отступает, иногда спасаясь бегством от него к князю Мышкину. Рогожин постоянно шатает от надежды к неверию, он испытывает мучительную ревность, вместе с ревностью растет и его любовь. Достоевский, таким образом, изобразил *развитие ненависти-любви в психологическом плане*. Но если бы для Рогожина не были характерны параноические реакции, то эти аффекты не обрели бы столь рокового, пагубного характера. У самого Достоевского находим указания на то, что натура Рогожина заключала в себе параноическое начало, что было характерно и для его отца. Князь Мышкин однажды даже сравнивает отца с сыном (с. 242):

— А мне на мысль пришло, что если бы не было с тобой этой любви, не приключилась бы эта любовь, так ты, пожалуй, точь-в-точь как твой отец был стал, да и в весьма скором времени. Засел бы молча один в этом доме с женой, послушною и бессловесною, с редким и строгим словом, ни одному человеку не веря, да и не нуждаясь в этом совсем, и только деньги

сметство наживая. Да много-много, что старые бы книги когда похвалил, да перестным сложением заинтересовался, да и то разве к старости...

А вскоре после этого следуют слова, которые наводят на мысль, что *параноическим чертам Рогожина* князь придает еще большее значение, чем *эпилептоидным* (с. 243):

— Ты все это баловство теперешнее скоро бы и бросил. А так как ты необразованный человек, то и стал бы деньги копить, и сел бы, как я в этом доме со своими скопцами; пожалуй бы и сам в их веру под кошку перешел, и уже так бы ты свои деньги полюбил, что и не два миллиона, а пожалуй бы десять скопил, да и на мешках своих с голоду бы и помер, потому у тебя во всем страсть, все ты до страсти доводишь.

В этой характеристике раскрыта параноическая застреваемость эгоистических устремлений.

Очень глубока ненависть Рогожина к Мышкину; добросердечное отношение князя способно лишь временно приглушить эту ненависть. Рогожин преследует его, внезапно появляясь перед ним и угрожающе устремляя на него взгляд своих черных глаз. Он объят мыслями об убийстве и постоянно держит наготове нож, предназначенный для расправы не то с князем, не то с Настасьей Филипповной. Однажды он даже заносит нож над Мышкиным. Ненависть к Настасье Филипповне достигает победной же силы, хотя здесь она сочетается с огромной любовью. В конечном итоге он убивает любимую женщину. Одна лишь эпилептоидная возбудимость, как и сам по себе параноический аффект, едва ли привела бы к убийству. *Только комбинация этих особенностей личности психологически последовательно приводит к совершению преступления.* Параноический аффект в этом случае нашел разрешение в эпилептоидной зверской жестокости.

Тревожные (боязливые) личности

Среди индивидуальностей, характеризующихся тревожностью, описал господина Парана из новеллы *Мопассана*. Когда человек постоянно в значительной степени тревожностью, которую нельзя целиком объяснить способствующими обстоятельствами, то она может рассматриваться как акцентуация личности. Это качество часто мешает человеку найти свое место в жизни.

Таков мастер Щука из одноименной новеллы *Гейбеля*. Несмотря на свое атлетическое телосложение, он боится не только своей властной жены, но и множества людей, с которыми его связывает жизнь. Он позволяет издеваться над собой лицам, физически слабее, чем он сам, а если не может избежать от них бегством, то терпит и истязания. От наглого домогательства он ищет защиты ... у своей жены. Когда община подвергнута подвергнуть критике неудачную проповедь священнослужителя, он весь дрожит и не может произнести ни слова. Все считают его пьяным. Он страшно боится смотреть на диких зверей в цирке. Когда брат насильно втал-

кивает его в узкий проход между клетками, он не знает, что ему делать: закрыть ли глаза, чтобы не видеть ужасных морд или внимательно следить за клетками и держаться от зверей подальше. Брат вообще постоянно над ним подсмеивается, в однажды Шука, будучи пьяным, дает ему пощечину. Испугавшись своей смелости, он удирает от брата, физически слабее человека, попадает не в ту дверь, его сбивают с ног:

— Хозяин и арендатор Нирнхейтль хотели меня поднять, но я сопротивлялся, как бешеный, и не из упрямства, а только потому, что Финкель считал меня мертвым, так что если бы я встал, он мог бы совсем выкинуть меня.

Тревожность Шуки безусловно накладывает отпечаток на всю его жизнь, в результате возникает акцентуация личности.

Как мы уже видели (из описаний, приведенных в I части), люди-«мишени» часто от природы тревожны, боязливы, что усугубляется из-за преследования окружающих. В художественной литературе описано немало «мишеней», но обычно писатели ничего не говорят о том, как развивалась такая постоянная, болезненная пугливость.

Готфрид Келлер описывает в «Зеленом Генрихе» одного учителя, которого до такой степени мучили ученики, что он вынужден был покинуть школу, чтобы не погибнуть окончательно. Описывается его поведение с учениками — крайне педагогически неумелое, но и подробности о личности этого учителя почти не сообщаются.

Томас Манн также описывает типичную «мишень» в лице Тобиаса Миндерникеля (из одноименной новеллы). У него создается впечатление, что именно пугливость не дает ему персонажу обороняться от детей, которые, улюлюкая, бегут вслед за ним по улице. Поскольку Тобиас очень жалок, можно было бы предполагать в нем и эмотивную личность. Впрочем, картина в данной новелле вообще неясна: Тобиас сам ранит свою собаку, для того чтобы иметь возможность ей ухаживать. В этом мы сталкиваемся с новой психологической чертой, не имеющей ничего общего ни с боязливостью, ни с эмотивностью.

У *Достоевского* в «Идиоте» также выведена подобная «мишень». Князь Мышкин рассказывает о чахоточной девушке, которую соблазнил торговый служащий из французской компании, бросил. После этого над нею стали издеваться все окружающие — не только взрослые, но и дети, которые, преследуя ее, выкрикивая злые насмешливые слова. Лишь только князь Мышкин сумел войти в доверие к детям, и благодаря им он смог гадко подобное поведение, мучения девушки прекратить. История формирования этой личности и здесь весьма интересна.

Тревожно-застревающие личности

Интересна комбинация личности с преобладанием тревожности и личности застревающей, жаждущей самоутверждения. При этом неизбежно возникает дисгармония личности.

С такой комбинацией мы встречаемся у Йогана из повести «Сын служанки» Стриндберга. В соответствии с подзаголовком этого произведения «История развития одной души», здесь много сообщается о душевных переживаниях некоего человека, который во многом напоминает самого Стриндберга, так как перед нами фактически его автобиография.

Начиная с детского возраста Йоган все время объят страхом:

На третьем этаже доходного дома формировалось как самосознание, так и сознание обязанностей у сына продавца и служанки. Первыми его ощущениями, как он вспоминает позднее, были страх и голод. Он боялся темноты, побоев, боялся сделать что-нибудь не так. Он боялся упасть, задеть за что-нибудь и стоять кому-нибудь на пути. Он боялся кулаков братьев, наказаний горничных, брани бабушки, розги матери и палки отца. Он дрожал перед денщиком генерала, стоявшим в островерхой каске и с саблей на боку в воротах, и перед дворником, играя у мусорного ящика. Он боялся и советника юстиции, т. к. это был домохозяин. Над ним находились более сильные люди, с привилегиями, начиная от возрастных привилегий братьев, власти отца, как всемогущего судьи, но все же еще выше этого судьи стоял дворник, трясший его за чуб и грозивший хозяином.

Из-за постоянного страха школа стала для Йогана постоянным мучением.

Он считал первые годы ученья в школе не школой жизни, а школой ада. Учителя, казалось, только для того и существовали, чтобы терзать учеников, а не воспитывать их; вообще вся жизнь, казалось, давила на человека, как тягостный страшный кошмар, ибо учи не учи уроки, результат все равно был один... Иногда жизнь казалась ему местом заключения, где люди отбывали срок наказания за преступления, совершенные еще до их рождения. Вот почему он всегда чувствовал, что совесть у него нечиста.

Прочитав, что онанизм ведет — такие представления господствовали в то время — к полному физическому и духовному разрушению, мальчик испытывал неописуемый страх.

Однажды ночью он проснулся. Старшие братья еще не спали и говорили о той самой теме. Он спрятал голову под одеяло, зажал пальцами уши, однако слышал все. Братья рассказывали о каких-то пансионатах в Париже, где мальчиков привязывают веревками к кровати, но эти меры не помогают. Йогана подмывало вскочить и во всем признаться, моля о помощи. Но он боялся услышать подтверждение собственного смертного приговора и смолчал. Теперь оставалось только молиться не богу, а Иисусу Христу. Страшное слово он видел везде, написанное черными печатными буквами: на стенах домов, на обоях своей комнаты. А в ящике письменного стола, в котором лежала книга, находилась гильотина. Как только брат открывал ящик, Йогана охватывала дрожь, он выбегал из комнаты; часами он простаивал перед зеркалом, изучая себя: ввалились ли уже глаза, выпали ли волосы.

Описания этих страхов часто наводят на мысль о другой стороне личности героя, о стороне параноической; ибо Йоган — Стриндберг придерживается мнения, что преобладание тревожности в психике мальчика являлось следствием неправильного воспитания, жестокости учителей, злобы окружающих людей.

Он подтверждает это мнение иллюстрированием жестокостей, которым сам подвергался, однако примерно тому же подвергались и другие дети, в том числе его собственные братья, но подобного следа в их душе это не оставило. Следует полагать, что предпосылки страхов были заложены в данной личности.

Черты застревающей личности, чувствительность к обидам, болезненное самолюбие характерны для Йогана:

Если при плавании никто за ним не наблюдал, он с большой опаской входил в воду. Но стоило кому-нибудь быть поблизости, как он взбираясь на крышу купальни и сломя голову прыгал оттуда в озеро. Он, конечно, зная свои вечные опасения и пробовал таким путем их затушевать.

Таким образом раздутое самолюбие помогало мальчику преодолевать страх. Далее читаем:

Однажды проветривали церковь. Дети вбежали туда и стали шалить; они полезли «штурмовать» алтарь. Однако Йоган, подстрекаемый товарищами «большие дела», пошел дальше: он вззошел на церковную кафедру и начал читать проповеди и цитировать библию.

Чувствительность к обидам и унижениям выливалась иногда в бунтарское поведение в школе:

Протест Йогана против учения в школе становился все сильнее. Дома читал всевозможные книги, но уроков совсем не делал. Постепенно возрастал и его упрямство: бывало учитель вызывает его отвечать, а он упорно молчит, точно не знает урока, хотя и был подготовлен.

Примерно в это же время Йоган восстает против отца:

Его отношение к отцу становится все холоднее. Теперь он ищет, в чем проявляется угнетение сыновей отцом, и постоянно пытается устраивать «сражения», несмотря на свою слабость.

Он восстает и против семейных традиций:

Все уходит в церковь, но Йоган остается дома. Еще до возвращения он объявляет пришедшим уже домой братьям и теткам, что никто не смеет насловать чью бы то ни было совесть, вот почему он не пойдет больше в церковь!

Школьные замашки Йогана позже повторяются в университете, где он также все время плывет против течения. Например, экзамены он сдает на свой манер, вопреки принятым здесь правилам:

В мае должен был состояться экзамен по эстетике. Вопреки правилам Йоган отослал курсовое сочинение почтой в Упсалу, прося в письме назначить ему срок устного экзамена. Подобно этому он ведет себя и на другом экзамене, заявляя, что это вопрос принципа и чести.

В его протесте против окружающих проявляется, наряду с болезненной обидчивостью, также и другая черта параноической личности — большое самолюбие, раздутое чувство собственного достоинства. Когда он жалуется братьям, что его умственно обвинили в бедности, желая унижить, те отвечают: «А ты не будь таким высокомерным ...».

Йоган где только можно восставал против высших классов, ибо при виде дворян он чувствовал, как «в нем закипает гнев раба», однако в то же время он постоянно, даже когда был еще

совсем ребенком, заигрывал с людьми, стоящими выше его по положению:

Был ли он высокомерен? Видимо, да. Правда, в школе он старался вступать в дружбу с учениками аристократического происхождения, но ему было приятнее смотреть на них, чем на детей из мещанского сословия; первые импонировали его эстетическому чувству тонкими чертами лица и бриллиантовыми булавками.

Позднее Йоган никак не мог разобраться в том, бороться ли ему против представителей дворянства или, наоборот, сделать все возможное, чтобы попасть в их среду. Во всяком случае он испытывал большое удовлетворение, когда кто-нибудь из представителей знати искал его общества. В целом *честолюбивые мысли* Йогана меньше останавливают внимание автора, чем его болезненная *чувствительность*, да это и понятно: жил он в весьма стесненных условиях, поэтому поводов протестовать у Йогана было куда больше, чем поводов к заносчивости.

Описанные две стороны личности Йогана, противоречие между его страхом перед окружающими и склонностью к агрессивному отношению к ним, и являются основой постоянных колебаний Йогана между двумя крайностями. Вероятно, то же может быть отнесено и к самому Стриндбергу, который в зрелом возрасте страдал бредом преследования. Постоянно мы находим в его произведениях тревожно-боязливых и в то же время застревающих персонажей, хотя, быть может, и не так ярко обрисованных. В романе «Красная комната» Фальк почти фанатически борется за справедливость и против угнетения бедняков, однако в решающий момент он всегда боязливо отступает.

Эмотивные личности

Живое сочувствие, которое мы наблюдали у Вани из «Униженных и оскорбленных», не указывает само по себе на эмотивный характер личности. Однако следует отметить, что при эмотивности глубина реакций обусловлена, как правило, также и состраданием.

В «Преступлении и наказании» *Достоевский* выводит одну явно *эмотивную личность* — это Соня Мармеладова. Именно ее влиянию следует приписать тот завершающий роман поворот к добру, который происходит в душе Раскольниковова. Исполненная чувства долга, а еще больше сострадания к отцу, мачехе и ее детям, она жертвует своей девичьей честью, чтобы помочь родным в ужасающей нужде, чтобы спасти их от голодной смерти. Для нее это связано с жестокими муками, ибо те страдания, которые она берет на себя, кажутся ей невыносимыми. Когда позднее Раскольников намекает, что ее младшей сестре, вероятно, предстоит судьба, сходная с Сониной, она ужасается (с. 333):

— Нет! Нет! Не может быть, нет! — как отчаянная, громко вскрикнула Соня, как будто ее вдруг ножом ранили. — Бог, бог такого ужаса не допустит!...

Соня остается все той же тонкой, эмоциональной девушкой, какой была и до «падения», вынужденная перемена образа жизни не отразилась на ней.

Частично Сонина сильная эмоциональная возбудимость предстает перед нами как тревожность, боязливость. Однажды ей пришлось сесть за стол рядом с матерью и сестрой Раскольниковыча, и уже одним этим фактом она была потрясена (с. 245):

Соня села, чуть не дрожа от страха и робко взглянула на обеих дам. Видно было, что она и сама не понимала, как могла она сесть с ними рядом. Сообразив это, она до того испугалась, что вдруг опять встала и в совершенном смущении обратилась к Раскольникову.

Во время визита, о котором идет речь, Соня увидела, как бедно живет Раскольников, который незадолго до этого дал ей мачехе денег. Осознав всю тяжесть нужды, царящей в семье Раскольниковых, Соня очень страдает (с. 247—248):

— Вы нам все вчера отдали! — проговорила вдруг в ответ Сонечка, каким-то сильным и скорым шепотом, вдруг опять сильно потупившись. Губы и подбородок ее опять запрыгали. Она давно уже поражена была бедной обстановкой Раскольниковыча, и теперь слова эти вдруг вырвались сами собой.

Тревожность, боязливость Сони зависят в какой-то мере от ее молодости, ведь сама она почти дитя. Но еще сильнее, чем боязливость, проявляется у Сони — с самого начала романа — *сострадание*. Так, она с величайшей готовностью берет под защиту мачеху, хотя та относится к ней без особой симпатии и даже в известной степени виновна в том унижительном положении, в котором оказалась Соня (с. 330):

Видно было, что в ней (Соне) ужасно много затронули, что ей ужасно хотелось что-то выразить, сказать, заступиться. Какое-то ненасытимое сострадание, если можно так выразиться, изобразилось вдруг на всех чертах лица ее.

— Била! Да что вы это! Господи, била! А хоть бы и била, так что же так что ж? Вы ничего, ничего не знаете... Это такая несчастная, ах, какая несчастная! И больная...

Более того, Соня после смерти отца обвиняет даже себя, чтобы защитить мачеху (с. 331):

А сколько, сколько раз я ее в слезы вводила! Да на прошлой еще неделе! Ох, я! Всего за неделю до его смерти. Я жестоко поступила! И сколько раз это делала. Ах, как теперь, целый день вспоминать было больно!

Соня даже руки ломала, говоря, от боли воспоминаний.

Автор рассказывает читателю и о том, в чем заключалось мнимое бессердечие Сони. Соня отказалась отдать мачехе первый воротничок и нарукавнички, которые той были действительно совсем ни к чему (с. 332):

— На что вам, говорю, Катерина Ивановна? Так и сказала «на что». Это этого-то не надо было бы ей говорить! Она так на меня посмотрела, и так ей тяжело-тяжело стало, что я отказала, и так это было жалко смотреть...

Поскольку Соня одновременно обладает чувством долга, исполнена сострадания и боязлива, то можно предполагать, что это личность, отличающаяся общей возбудимостью эмоций.

преобладанием альтруистических чувств. Подтверждением могут служить многие эпизоды романа. Соню так болезненно волнует презрительное замечание о боге, срывающееся с уст Раскольникова, что она тут же выходит из себя (с. 334):

Лицо Сони вдруг страшно изменилось: по нем пробежали судороги. С невыразимым укором взглянула она на него, хотела было что-то сказать, но ничего не могла выговорить и только вдруг горько-горько зарыдала, закрыв руками лицо.

Она приходит в ужас, узнав, что ее обвиняют в краже ста рублей. Ужас этот можно считать в общем обоснованным, но и здесь мы убеждаемся в том, как легко может она потерять самообладание под наплывом чувств:

— Нет, это не я! Я не брала! Я не знаю! — закричала она разрывающим сердце воплем и бросилась к Катерине Ивановне.

Но и после того как ее невиновность доказана, душевная боль не прекращается (с. 422):

Но в первую минуту уж слишком тяжело стало. Несмотря на свое торжество и на свое оправдание,— когда прошел первый испуг, первый столбняк, когда она поняла и сообразила все ясно,— чувство беспомощности и обиды мучительно стеснило ей сердце. С ней началась истерика.

В связи с подобными сценами автор дает четкие, почти прямые формулировки, характеризую Сонину личность (с. 422):

Соня, робкая от природы, и прежде знала, что ее легче погубить, чем кто бы то ни было, а уж обидеть ее всякий мог почти безнаказанно. Но все-таки, до самой этой минуты, ей казалось, что можно как-нибудь избежать беды — осторожностью, кротостью, покорностью перед всем и каждым.

Линия поведения Сони в отношении Раскольникова выдает не только ее растущую любовь к нему, но также и сильную эмоциональную возбудимость. То, что она приходит в ужас, услышав из уст Раскольникова признание в совершении преступления, вряд ли может кого-нибудь удивить, интереснее то, что в ее реакции снова звучит то самое «ненасытимое» сострадание (с. 249):

Как бы себя не помня, она вскочила, и, ломая руки, дошла до середины комнаты; но быстро воротилась и села опять подле него, почти прикасаясь к нему плечом к плечу. Вдруг, точно пронзенная, она вздрогнула, вскрикнула и бросилась, сама не зная для чего, перед ним на колени.

Сострадание свое в отношении убитой Соня уже выражала по другому поводу, теперь же ею без остатка овладевает сострадание к несчастному убийце (с. 430):

— Нет, нет тебя несчастнее никого теперь с целом свете! — воскликнула она, как в иступлении, не слышав его замечания, и вдруг заплакала навзрыд, как в истерике.

Позднее Соня следует за Раскольниковым на каторгу; конечно, это есть свидетельство ее «закалившейся» за это время любви, но без заложенной в ее личности эмотивности она оказалась бы неспособной на столь самоотверженную любовь. Она остается с ним в горе навсегда (с. 430):

— Так не оставишь меня, Соня? — говорил он, чуть не с надеждой смотря на нее.

— Нет, нет, никогда и нигде! — вскрикнула Соня, — за тобой пойду, куда пойду! О, господи! Ох, я несчастная!... И зачем, зачем я тебя прежде знала! Зачем ты прежде не приходил? О, господи!

— Вот я и пришел.

— Теперь-то! О, что теперь делать!... Вместе, вместе! — повторяла она бы в забытьи и вновь обнимала его, — в каторгу с тобой вместе пойду!

Глубина эмоциональных переживаний у Сони столь велика, что их нельзя считать вариантом психики среднего человека. Бесспорно, Соня — акцентуированная личность. Ее готовность рыдать даже по незначительному поводу, что свидетельствует о мягкосердечии Сони, еще раз доказывает правильность такой квалификации. Акцентуированность Сони у Достоевского воспринимается еще рельефнее, если мы вспомним другую Соню, изображенную Толстым в «Войне и мире». Эта другая Соня — добрая девушка, способная на сочувствие, обладающая даром искренне сочувствовать людям. Однако глубочайшая эмоциональная возбудимость у нее отсутствует, отсюда и параллель между нею и Соней Достоевского возникнуть не может.

Дистимические личности

Понятие *характер* мы в принципе отличаем от понятия *темперамент*. Эмотивность должна быть отнесена прежде всего к темпераменту в широком плане. Ряд других свойств личности, связанных также с темпераментом, касаются его проявлений в более узком смысле слова.

В одном из своих произведений *Готхельф* описывает *дистимическую* или, по степени соответствующих проявлений, *скорее субдепрессивную личность*. В «Воскресном дне дедушки» тяжело больной старик собирает свою семью вокруг себя для последних наставлений. Невестка старика — натура жизненная и практичная. Что же до сына, то он чрезвычайно тяжел на подъем и постоянно нуждается в опеке отца. Медлительность, по всей вероятности, есть следствие депрессивного темперамента Никлауса; автор вводит его в повествование следующими словами (с. 336):

Одним из последних пришел поздороваться с дедушкой сын, нынешний хозяин дома. Это был человек средних лет, с несколько мрачным лицом и чрезвычайно медлительный.

Отец дает ему поручение сходить к пастору, но озабоченный тем, будет ли все своевременно выполнено, тут же начинает проверять Никлауса.

В свое время дедушка присмотрел ему жену, которая была бы способна «взбодрить» его. Теперь он обращается к ней с такими словами (с. 342):

— Я хорошо знал нашего Никлауса, нерешительного, все в жизни ложнящего человека. И подумал, что лучше всего помогу ему, подбираю подходящую жену. Ты, Кетели, нравилась мне еще тогда, когда была совсем

веселой, и я думал: она веселая, быстро соображает, обладает находчивостью, которая у него отсутствует. Если он женится на девушке, похожей на него самого, плохо будет дело, они ни с чем, даже вдвоем, не смогут справиться: допустим, они и ссориться не будут, но ведь ни одного светлого часа не увидят; а когда дети появятся, то будут они самые несчастные дети на свете, а жизнь их будет протекать словно в особой стране, где солнце не светит ни зимой, ни летом.

Однако надежды дедушки сбылись лишь частично (с. 345):

Дедушка надеялся, что славный, открытый и живой нрав Кетели сможет изменить угрюмость сына, что жизнь их озарится радостью, но его мечтания сбылись, хотя и жилось супружеской чете не так уж плохо.

Мысль о том, что отец может умереть, глубоко потрясла Никлауса (с. 350):

Кетели быстро пробежала по всему дому, но никого не нашла; Никлауса она обнаружила в стойле, он сидел на скамеечке и душераздирающе рыдал. «Сходи, да что с тобой?» — спросила Кетели испуганно, и, когда он ничего не ответил, присела около него, обняла его за плечи и спросила более нежно, чем когда-либо: «Никлаус, что с тобой происходит? Ну, поделись со мной...» «Отец умрет, а что мы тогда будем делать?» — произнес он сквозь слезы.

Серьезность и медлительность мешают Никлаусу вступать в живой контакт с окружающими. Люди ему не симпатизируют. Он из-за этого страдает, все больше замыкается в себе и кажется всем неприветливым, нелюдимым человеком (с. 344):

Добрый Никлаус принадлежал к тем редким людям, которые по натуре приветливы, но не умеют этого показать, а поэтому они никому и не нравятся: сами же они решают, что люди с ними не хотят иметь ничего общего, терзаются тем, что их никто не любит, и именно поэтому создается видимость, что они сами ко всем нетерпимо относятся.

Никлаус любит своих детей, но постоянно боится, что они будут нищенствовать, если состояние придется делить на несколько частей, а у детей создается впечатление, что он жалеет им денег.

Неприветливые манеры Никлауса объясняются, таким образом, не его «вредным нравом», а скорее постоянной озабоченностью, подавленностью. Никлаус — личность несомненно *депрессивная*, именно это обуславливает и его *медлительность*, и *нерешительность*. Готхельф сумел удивительно тонко подметить все эти черты и связать их воедино, описывая данный темперамент.

Дистимически-застревающие личности

Надо полагать, что Готхельф испытывал особое пристрастие к изображению дистимических или субдепрессивных личностей, ибо этот темперамент представлен еще у двух персонажей его произведений, правда, на этот раз не без примеси параноических черт. Речь идет, прежде всего, о главном герое рассказа «Бартли-корзинщик». В первой половине произведения *депрессивное* начало Бартли показано более ярко, чем параноическое. После того, как по местности прошел сильный ураган, Готхельф так характеризует Бартли и его реакции на это бедствие (с. 439):

Бартли относился к тем нытикам, которые всегда находят причину поскривить и никогда ничему не радуются: вечно они жалуются на свои потери, и к кому не испытывают благодарности, когда появляется повод порадоваться, они постепенно призывают PROVIDЕНИЕ к ответу за ущерб, который оно им нанесло. Когда соседи поздравляют его с исключительным везением (его дочка также домик волны во время урагана пощадили), он ничего и слушать не хочет, отвечая пстоком жалоб: погибли все его козы.

Когда Бартли, ко всеобщему удивлению, находит коз здоровыми и невредимыми, он, казалось бы, имеет основание хоть здесь испытать радость. Ничуть не бывало! Он вновь мрачен и озабочен, так как разбушевавшиеся воды разрушили сарай, в котором содержались козы (с. 441):

— Гм, да, конечно, вроде бы есть и причина успокоиться, повеселеть. Но вы мне одно скажите: что мне с козами-то делать, куда я их теперь дену? Сарай-то держится на честном слове! Ума не приложу, куда их запереть.

Ему еще раз указывают на то, что ураган пощадил его и что он должен не сетовать, а быть благодарным богу и судьбе. На это Бартли замечает (с. 453):

А за что, собственно, их благодарить? За то, что у меня не отняли мою кровной собственности? Что же, тогда я должен был бы благодарить каждую собаку, которая меня не покусала. А что прикажете делать, когда частенько ураган меня все-таки разорил, а люди только и делают, что подсмеиваются, когда я вот-вот лопну от злости.

Здесь уже четко намечаются *параноические черты* личности Бартли обвиняет бога и судьбу за то, что они послали на землю ураган, но одновременно он жалуется и на людей, подтрунивающих над ним из-за непрекращающихся воплей.

Более резко проявляются его параноические черты в тех эпизодах, где он упорно отказывает будущему зятю — славному малому — в руке дочери. Под конец юноша даже спасает Бартли вместе с дочерью от смерти в разбушевавшихся волнах, но Бартли не собирается благодарить его, а вместо этого восхваляет (с. 543):

— Не нужен мне зять, который бы меня объедал. Одно несчастье у меня уже есть, ну, допустим, тут никуда не денешься, это — родная дочка. Но можно ли мне из одного несчастья делать два?

Отказ жениху мотивируется двумя моментами: скупостью и ревнивой подозрительностью. В основах обеих черт лежит параноическое начало, определяющим фактором является подозрительность. С ревнивой подозрительностью он следит за каждым шагом дочери, он постоянно озабочен тем, что кто-то обнаружит спрятанные им деньги, лишив его бесценных сбережений. Не желая расставаться с накопленными денежками, он напрасно ругает и тех мастеров-каменщиков, которые ремонтируют его дом после бедствия (с. 467):

— Эй, ты, только у тебя безделью и учиться! Не нравится здесь, так убирайся на все четыре стороны, каменщиков у нас, слава богу.

Бартли, вероятно, всех каменщиков разогнал бы с удивлением, так как затраты на ремонт дома с каждым днем...

Большее выводят его из себя. После каменщика наступает черед плотника (с. 467):

Бартли спросил беднягу-плотника, что он, собственно, себе думает? Он, считая, что с хозяина можно семь шкур драть? Но хозяин не дурак и душевно больной, он не позволит себя грабить среди бела дня.

Друг юности Бартли вступает в спор со старым скрягой — для него же блага. Под конец Бартли разрешает другу управиться своим состоянием, объясняя это тем, что у него «сердце кровью обливается», когда он видит, как «разбазариваются его деньги», как «эти негодяи-рабочие» обогащаются за его счет.

Итак, мы явственно различаем у Бартли обе черты: *субдепрессивную и параноическую*; однако они не отделены друг от друга, а органически взаимосвязаны в данной личности. Враждебная позиция Бартли по отношению к окружающим питается его озабоченностью, связанной с воображаемым близким разорением. Депрессивная черта, являющаяся прямой противоположностью активному, агрессивному поведению, объясняет отсутствие у Бартли параноической активности. С одной стороны депрессивный темперамент связан с большими трудностями в принятии решения, с другой — люди депрессивного типа всегда избегают возможных последствий проявленной агрессии. Правда, Бартли можно кое в чем считать агрессивным, но это только на словах: на деле он никогда не доходит до враждебных акций. Когда соседи над ним подтрунивают, а друг детства возмущенный, пытается его урезонить, то, хотя Бартли и собирается вопить и жаловаться, но он ни на кого не нападает. В конце он дает даже согласие на брак дочери с ненавистным ему зятем, которого ему навязывают как бы насильственным путем.

Резко подчеркивает автор *подозрительность* также и у второй субдепрессивно-параноической личности из дилогии «Ули-арендатор» и «Ули-каменщик». Это — крестьянин Йоггели, в имени которого Ули вначале служит батраком, а затем становится арендатором этого имения. Йоггели постоянно носится с мыслью о том, что его хотят надуть, хотят что-то отнять у него. Ему недостаточно того, что Ули был рекомендован ему весьма солидным и уважаемым человеком, и он тайком решает собрать действительно сведения о порядочности батрака. Уже значительно позднее, когда Йоггели смог воочию убедиться, что Ули действительно честный человек, он все еще проводит оскорбительные эксперименты с целью установить, можно ли абсолютно доверять Ули. Жена Йоггели заявляет (с. 69):

— Поверьте, Йоггели не так уж зол, как кажется, он только чрезмерно подозрителен. Но он же сам больше всего от этого страдает; хотя он и меня больше всего боится, что я очень злая стала, но все равно моя ноша легче, чем его. У него самое тяжелое заболевание, у самого Йоггели: он всегда неудовлетворен тем, что господь его так покарал, об этом я уже думала не раз, — и все же не могу дождаться. Мучает меня то, что помочь ему я не в состоянии. Я уже много раз пыталась ему все это втолковать: но он только посмеялся надо мной.

Итак, мы констатируем, что Йоггели — *параноическая личность*, но у него нет открытой агрессивности; ему также не хватает активности. Наталкиваясь на какое-либо сопротивление, он отступает. И в этом случае виной здесь его *депрессивность*, ведь Йоггели никогда не бывает весел, раскован, всегда он производит впечатление недовольного, безрадостного, брюзги. Лишь там, где ему нечего опасаться отпора, параноические черты прорываются наружу. Со своей женой, например, он постоянно ссорится, осыпая ее грубой бранью.

Гипертимические личности

Выше речь шла о том, что Толстой в «Анне Карениной» описывает двух представителей высшего петербургского света, являющихся гипоманиакальными личностями. В особенности это касается Васеньки Веселовского.

Достоевский в «Братьях Карамазовых» изображает Катерину Осиповну Хохлакову как типично гипертимическую и даже можно сказать, *гипоманиакальную личность*. Это веселая, подвижная и чрезвычайно многословная женщина. Последнее качество изображается писателем очень колоритно. Алешу, пришедшего к ее дочери, госпожа Хохлакова приглашает к себе «на одну только минутку», но поток ее абсурдной нескончаемой болтовни не дает гостю возможности вырваться (т. II, с. 80—81):

— Века, века, целые века не видала вас! Целую неделю, помню, впрочем, вы были всего четыре дня назад, в среду. Вы к Lise, я уверена, вы хотели пройти к ней прямо на цыпочках, чтоб я не слышала. Милый Алексей Федорович, если бы знали как она меня беспокоит! Это потом. Это хоть и самое главное, но это потом. Милый Алексей Федорович, вам доверяю мою Лизу вполне. После смерти старца Зосимы — уполнотворил я его душу! (она перекрестилась) — после него я смотрю на вас как на схимника, хотя вы и премило носите ваш новый костюм. Где это вы достали здесь такого портного? Но нет, нет, это не главное, это потом. Простите, я вас называю иногда Алешей, я старуха, мне все позволено, — кончила она, нулась она, — но это тоже потом. Главное, мне бы не забыть про главное. Пожалуйста, напомните мне сами, чуть я заговорюсь, а вы скажите: «А ты, Катя, ах, почему я знаю, что теперь главное! С тех пор, как Lise взяла у вас свое обещание — свое детское обещание, Алексей Федорович. — вы бы и не замуж, то вы, конечно, поняли, что все это была лишь детская игра, Катя, тазия больной девочки, долго просидевшей в креслах, — слава богу, она теперь уже ходит. Этот новый доктор, которого Катя выписала из Москвы, — несчастного вашего брата, которого завтра... Ну, что об завтрашнем? Верну от одной мысли об завтрашнем! Главное же, от любви, от любви, словом, этот доктор вчера был у нас и видел Lise... Я ему столько денег за визит заплатила. Но это не то, опять не то... Видите, я уж совсем сбилась. Я тороплюсь. Почему я тороплюсь? Я не знаю. Для чего это случилось в какой-то комок.

В таком духе разговор продолжается еще долго. В это время Катерина Осиповна перебивает себя, замечая, что сбивается на никому не интересные второстепенные детали: «Только, Алеша, ужас я что говорю, а вовсе не говорю ли надо? Ах, само говорится!» Под конец она уж и не может вы-

зачем попросила к себе Алешу: «Я столько хочу сказать вам, я для этого и попросила вас, но кажется так ничего и не скажу».

Так госпожа Хохлакова задерживает у себя Алешу часа на два. В другой раз она точно так же не отпускает Перхотина. Хотя тот отчаянно спешит — в связи с делом об убийстве Федора Павловича, — он вынужден выслушать много чепухи, прежде чем ему удастся вырваться. Даже когда он покидает гостиную Хохлаковой, вслед ему несутся возгласы хозяйки.

Хохлакова не только разговорчива, это особа вообще чрезвычайно живая и энергичная. Когда с визитом к ней приходит Митя Карамазов, она буквально врывается в гостиную, крича, что заждалась его.

Образ Хохлаковой у Достоевского характеризуется прежде всего *скачкообразными отклонениями в мыслях и в речи*, типичными для *гипоманиакальных личностей*. Однако у Хохлаковой к этому присоединяются живость и веселый нрав. Темпераменту ее вполне соответствуют фантастические затеи. Например, Хохлакова носится с мыслью послать Дмитрия Карамазова на «золотые прииски в Сибири», с тем чтобы он там разбогател и начал новую жизнь.

Типично гипоманиакальной личностью является и *шекспировский Фальстаф* из «Виндзорских насмешниц». Он весел, поверхностен, деловит, болтлив, склонен к шуткам, изобретателен. Плотный и грузный, толстяк Фальстаф даже внешне олицетворяет приверженность гипоманиаков к чревоугодию и к иным радостям жизни.

Фальстаф не слишком заботится о соблюдении моральных норм, относясь к ним поверхностно. Ему до зарезу нужны деньги, и он начинает заигрывать с двумя женщинами, у которых богатые мужья (с. 230):

Ф а л ь с т а ф: Я написал миссис Форд вот это письмо. А другое такое же письмо написал жене мистера Пейджа, которая также строит мне глазки. Еще сегодня она пристально изучала каждую подробность моей фигуры. Лучи ее сияющих глаз то скользили по моей могучей ноге, то золотили мое сияющее брюхо.

Ф а л ь с т а ф: Я буду их казначеем, а они моими казначействами. Одна будет для меня Ост-Индией, другая — Вест-Индией, и с обеими я заведу выгодные дела. Ступай, Ним, отнеси это письмо миссис Пейдж. А ты, Пистоль, отнеси это письмо миссис Форд. Мы еще поживем, ребята, мы еще поживем!

Простоты ради он посылает обеим дамам совершенно идентичные письма (с. 237):

Миссис Пейдж: Слово в слово, буква в букву. Только в одном письме сказано «прекрасная миссис Пейдж», а в другом — «прелестная миссис Форд». Вот и вся разница. Но чтобы вас не очень огорчала эта обидная и зазвучавшая история, позвольте вам показать кое-что. Это — близнец вашего письма. Но мы дадим ход вашему, а мое останется при мне.

Когда женщины подготовили уже все, чтобы должным образом наказать Фальстафа, Фальстаф все еще подсмеивается над ревнивым супругом, которого считает обманутым (с. 248):

Фальстаф: А ну его ко всем дьяволам, этого жалкого, бедного рога носца. Я с ним незнаком. Впрочем, я ошибся, назвав его бедным: у этого ревнивого рогатого подлеца, говорят, уйма денег. Потому-то его жена мне так и понравилась. Он будет тем ключом, который откроет передо мной сундук этого подлого ревнивца. Поверьте, мистер Брук, меня ждет богатая жатва.

Хотя вскоре над Фальстафом зло посмеялись, однако он не теряет чувства юмора. Конечно, он разгневан, но умудряется иронизировать над самим собой (с. 266—267):

Фальстаф: Неужели я дожил до этих лет только для того, чтобы меня погрузили в корзину, как отбросы из мясной лавки, и вывалили в Темзу? Ну, хорошо же! Если я позволю еще раз сыграть над собою такую шутку, пусть выбьют из моей головы мозги, поджарят на масле и скормят собакам под Новый год!.. Эти мошенники безо всякой жалости бросили меня в реку, точно одного из пятнадцати слепых щенят, которых принесла сука. А ведь я погружаюсь в воду, как это и полагается мне по моему весу, с необыкновенной быстротой. Даже если бы дно было глубоко как преисподняя, я бы и не сразу бы там очутился. Но к счастью, река в этом месте мелка и берега высоки. А то бы я непременно потонул... Противная смерть: от воды человек разбухает, а чем бы я стал, если бы еще разбух! Меня бы раздуло горой!

Когда Фальстаф, наконец, немного приходит в себя, на него обрушивается второй удар. Он вынужден переодеться в женское платье, чтобы не быть узанным одним из супругов, но, несмотря на это, его жестоко избивают. И снова к его гневу примешиваются шуточные нотки, на этот раз он даже больше доволен собой (с. 283):

Фальстаф: Что ты там толкуешь о синяках! Посмотрела бы, как написали меня — с ног до головы — во все цвета радуги. Да мало того! Чуть и обвинили меня в том, что я — бренфордская ведьма! Если бы я не был так умен и находчив и не сумел бы сыграть роль честной, невинной старухи, а бы уже сидел в колодках — в обыкновенных тюремных колодках, как настоящие ведьма!

Фальстаф болтлив не менее чем Хохлакова, однако мысли его менее скачкообразны. Здесь уместно отметить, что женщины, пожалуй, более склонны к скачкообразному ходу мысли, чем мужчины. Различие между мужчиной и женщиной сказывается и в том, что в эротических вопросах мужчины легче легковеснее женщин, примером чего может также служить Фальстаф. Впрочем и Хохлакова представляется не такой уж высоконравственной особой, как это следовало бы ожидать от вдовы и матери взрослой дочери. Некая газета сообщает о ней даже, что «одна дама из «скучающих вдовиц», молодая женщина, хотя уже имеющая взрослую дочь, до того им, т. е. обвиняемым Митей, прельстилась, что всего только за 2 часа до преступления предлагала ему три тысячи рублей, лишь бы он тотчас же бежал с нею на золотые прииски».

Все же особое легкомыслие Фальстафа объясняется не столько его полом, сколько еще более веселым, чем у Хохлаковой, нравом, и неизменно хорошим настроением, которое ничем невозможно омрачить. Фальстаф является гипоманиакальной личностью в плане настроения, а госпожа Хохлакова — по характеру мышления. Таким образом, отдельные черты темперамента

у разных людей часто оказываются выраженными не в одинаковой мере.

Мальчика с гипоманиакальным темпераментом рисует *Виктор Гюго* в своем романе «Отверженные». Это Гаврош, паренек 11—12 лет, типичный парижский уличный мальчишка. Хотя Гаврош выглядит болезненным ребенком, он весьма шутлив, всегда на ногах, поет, играет, он не прочь при случае стянуть что-нибудь, но незлобив, как кошка или воробей. У Гавроша нет ни дома, ни хлеба, ни тепла, ни любви, и все же веселье так и брызжет из него, потому что он — свободен. В романе мальчик всегда оживлен, склонен к шуткам и к шалостям, остроумен, находчив и неизменно жизнерадостен — даже в минуты большой опасности распевает песни. Поведение Гавроша характерно — в несколько разбавленном виде — для того, что можно было бы назвать «веселой, беспечной» манией. Он никогда не раздражается и даже тогда, когда подсмеивается над взрослыми людьми, он незлобив. Более того, он всегда готов доставить радость другим. Несомненно, окружение, в котором проходит жизнь Гавроша, сообщает его гипоманиакальному темпераменту особую окраску. Вынужденный постоянно бороться с нуждой, он становится нахальным. Непokoйная жизнь бездомного подростка многому научила его, мальчик не по летам развит, опытен, говорит, как взрослый, может нередко дать хороший совет и взрослому.

Гипертимически-демонстративные личности

С Фальстафом мы встречаемся в нескольких драмах *Шекспира*, но он не во всех этих драмах одинаков. В 1-й части «Генриха IV» он во многом напоминает Фальстафа из «Виндзорских насмешниц», но к этому добавляется еще одно качество личности, которое в уже анализированной пьесе лишь намечалось. Мы имеем в виду *склонность к обману и мошенничеству*. Здесь Фальстаф в полной мере демонстрирует нам свойственное *истерикам* искусство притворяться. К истерическим чертам можно отнести и его чрезмерное *самовосхваление*, и умение с помощью хитростей уйти от угрожающей опасности. Таким путем гипоманиак превращается в трусливого хвостуна.

Однажды принц Генрих подстраивает ему ловушку. Он позволяет Фальстафу с друзьями напасть на группу мирных путешественников и ограбить их. Затем Генрих со своими приближенными, переодевшись и замаскировавшись, отнимают у Фальстафа добычу, а Фальстаф спасается бегством. При обсуждении этого случая Фальстаф заявляет, что его и друзей сломили превосходящие силы противника: их было до сотни человек «против нашей жалкой четверки». Далее Фальстаф восклицает (ч. 1, с. 47):

Фальстаф: Будь я подлец, если я не сражался добрых два часа носом к носу с целой дюжиной грабителей. Я спасся чудом. Куртка у меня проко-

лота в восьми местах, штаны — в четырех; щит мой пробит, меч иззубрен, как ручная пила, — esse signum! [вот знак! (лат.) — примеч. переводчика]. Никогда я не дрался так яростно с тех пор, как стал мужчиной, но что я мог сделать? Чума на всех трусов! Пусть вот они вам расскажут, и если они что-нибудь прибавят или убавят, то после этого они мерзавцы и исчадия тьмы.

После ряда других небылиц Фальстаф узнает от принца, что нападающими были никто иной как сам принц Генрих вместе с сопровождающим его Пойнсом. Однако Фальстафа это разоблачение нисколько не смущает. С находчивостью, достойной гипоманиака и истерика в одном лице, Фальстаф ловко выкручивается, объявляя, что все его враки были лишь шуткой, что смешно принимать их всерьез. Пафос, чувствующийся в его словах, также свидетельствует об истерическом характере этих высказываний (ч. 1, с. 51):

Фальстаф: Клянусь богом, я сразу тебя распознал, как узнал бы родной отец. Но послушайте, господа, как мог я посягнуть на жизнь наследника престола? Разве у меня поднялась бы рука на принца крови? Ты ведь знаешь, что я храбр, как Гераклес, но вспомни про инстинкт: лев, и тот не тронет принца крови. Инстинкт — великое дело, и я инстинктивно стал трусом. Огньне я всю жизнь буду высокого мнения о себе, да и о тебе тоже. Я показал себя львом, а ты показал себя чистокровным принцем.

Изображая для увеселения своих друзей короля, который предлагает своему сыну объяснить причины его столь неподобающего поведения, Фальстаф и сюда умудряется вплести несколько слов для восхваления своей собственной персоны (ч. 1, с. 56—57):

Фальстаф: Но все же около тебя, сын мой, есть один достойный человек; я часто видел его с тобой, но только позабыл, как его зовут.

Принц Генрих: Не соблаговолите ли вы, ваше величество, сказать, каков он из себя?

Фальстаф: Симпатичный, представительный мужчина, уверяю тебя, хотя и несколько дородный: взгляд у него веселый, глаза приятные и весело-благородная осанка. На вид ему лет пятьдесят, или, вернее уже под шестьдесят. Теперь я припоминаю — его зовут Фальстаф. Если это человек распутного поведения, значит, его наружность обманчива, ибо в глазах у него, Гарри, видна добродетель. Если дерево узнают по плодам, а плоды — по дереву, то я решительно заявляю: Фальстаф наполнен добродетели. Оставь его при себе, а остальных прогони. Теперь скажи мне, бездельник, скажи, где ты провалялся весь этот месяц?

Когда впоследствии Фальстафу приходится принять участие в войне, он при первом же столкновении с всадником из вражеского войска падает и притворяется мертвым. Но только он «пришел в себя», как в нем снова заговорил *веселый гипоманиак*, а также и *жуликоватый истерик* (ч. 1, с. 114):

Фальстаф: Если меня сегодня выпотрошат, то завтра я разрешу солить меня и съесть. Черт подери, вовремя я прикинулся мертвым, иначе этот неистовый шотландец мигом вышиб бы из меня дух. Притворился? Ну, вот и соврал: и не думал я притворяться. Умереть — вот это значит притворяться, потому что тот, в ком нет жизни, — лишь подобие человека. Но притвориться мертвым, в то время как ты жив, значит вовсе даже и не притворяться, а быть подлинным воплощением жизни. Главное достоинство храбрости — безгорузумие, и именно оно спасло мне жизнь.

Во 2-й части пьесы «Генрих IV» Фальстаф в целом остается

тем же, но этически и социально он все больше деградирует. Себя самого он представляет следующими словами (с. 131—132).

— Я купил его (слугу Бардольфа) в соборе святого Павла, а он купил мне коня в Смитфилде. Если я еще добуду жену в публичном доме, у меня будет славный слуга, славный конь и славная жена.

Вслед за этим он обращается к верховному судье, который хочет арестовать его за неуплату долгов (ч. 2, с. 134—135):

Фальстаф: Я беден, как Иов, милорд, но не так терпелив, как он. Ваша милость может ввиду моей бедности прописать мне порцию тюремного заключения, но хватит ли у меня терпения выполнить ваши предписания — в этом мудрец может усомниться не на грош, а на добрый червонец.

Он вечно ссорится со своей хозяйкой, с которой находится в интимной связи. Различными обещаниями он постепенно выманивает у нее «в долг» все ее состояние — деньги, имущество. Весьма метко характеризует Фальстафа верховный судья (ч. 2, с. 147):

Верховный судья: Сэр Джон, сэр Джон, я отлично знаю вашу способность извращать истину. Ни ваш самоуверенный вид, ни поток слов, который вы извергаете с наглым бесстыдством, не заставят меня отступить от справедливости. Вы, как мне представляется, злоупотребили доверием этой податливой женщины, заставив ее служить вам и кошельком, и собственной особой.

Рассматривая гипоманиакально-истерические черты Фальстафа, можно вспомнить другой образ художественной литературы, внешне как будто не имеющий ничего общего с Фальстафом, но по самой структуре личности обладающий несомненным сходством с ним. Я имею в виду Люциану, дочь Шарлотты, из романа Гете «Избирательное сродство». В развертывании фабулы Люциана существенной роли не играет, автор мог бы без особых потерь исключить этот персонаж. Люциана появляется в романе всего один раз. Возможно Гете хотел в ее лице создать особо резкий контраст с Оттилией, однако нельзя отрицать, что он относился к своей Люциане, безусловно, с интересом. Он посвящает описанию ее много страниц, в результате она обрисована четко и ясно.

По прибытии в материнский дом Люциана сразу же показывает свой деятельный и весьма напористый нрав (с. 242):

Все охотно хоть самую малость отдохнули бы после столь утомительного путешествия; жениху хотелось поскорее побеседовать с будущей тещей, завести ее в искренности своих чувств: однако Люциана была неутомима и неумолима. Она, наконец, дорвалась до счастливого мгновенья, — здесь были лошади, и значит нужно было всласть наездиться верхом. Ветер, непогода, дождь, буря — ничто не принималось во внимание. Казалось, что все люди в замке только и живут для того, чтобы сначала промокнуть до костей, а потом обсыхать. Иногда ей вдруг приходило в голову устроить прогулку пешком; в таких случаях Люциану меньше всего занимало, как она одета, какая на ней обувь; ведь необходимо было познакомиться с окрестностями, о которых она так много слышала! Если бывало так, что во время прогулки верхом всаднику где-то не проехать, все осваивали эту территорию пешком. Так Люциана вскорее все осмотрела, обо всем составила мнение. Спорить с ней — из-за живости

ее темперамента было нелегко, и общество, конечно, многое вынуждено было сносить молча. Но больше всего страдали камеристки, которые света божьего не видели из-за постоянной стирки и глажки, из-за бесконечного распарывания и пришивания.

Во время своего пребывания в замке Люциана всех окружающих держит в постоянном напряжении и не дает им перевести дух: она вовлекает всех в этот водоворот одурманивающей суеты. Между прочим, Люциана не очень-то стеснялась в выражениях и говорила порой резко, «однако никто за это на нее не обижался. Так уж повелось, что люди со многим мирились благодаря ее обаянию, а под конец стали мириться и с ее озорством».

Приведенные цитаты убедительно свидетельствуют о ярком *гипертимическом темпераменте* Люцианы. Но по мере чтения романа мы убеждаемся, что ее слова не всегда диктуются одной лишь непосредственностью, импульсивностью. Она не прочь по критиковать других, отрицательно о них отозваться (с. 282):

С одной стороны, она пыталась расположить к себе людей, но обычно все портил ее злой язычок, который никого не щадил. Сколько бы визитов она наносила соседям по имению, какой бы ни устраивался в честь ее и сопровождающих ее лиц радушный прием,— всегда она, по возвращении домой, обдуманно злословила и любые взаимоотношения людей умела изобразить в смешном виде.

Здесь наряду с *гипоманиакальностью* сказываются *истерические черты* личности Люцианы, ее развлекают насмешки над знакомыми. Вскоре мы замечаем, что в обществе она находится в центре внимания не столько благодаря живости темперамента, сколько в силу назойливого поведения. Если она оказывает кому-либо услугу, то делает это не по добrote сердечной, а потому, что хочет произвести хорошее впечатление. Одного молодого человека, избегавшего бывать в обществе, так как на войне не ему исклечило руку, она пытается к себе «приручить» (с. 281):

Люциане было известно о замкнутом образе жизни этого молодого человека. Она стала приглашать его к себе, сначала собирая совсем маленькое общество, затем несколько большее, наконец устраивая весьма многочисленные праздники. Она была с ним особенно мила и приветлива: но главное — не себя по отношению к нему навязчиво-услужливо, все время давая понять окружающим, какая это беда — потерять руку, и показывая, как она старается быть ее «эрзацем». За столом она садилась рядом с ним и нарезывала ему на его тарелке, облегчая ему возможность пользоваться только вилок. Если ей приходилось сидеть около какого-нибудь знатного сановника, то она с жалостью направляла на другой конец стола (где сидел инвалид), приносил слугам заменить свою «сердобольную» руку. Под конец она стала обучать его письму левой рукой, причем все свои попытки он был обязан представлять на ее суд, так что между ними постоянно поддерживало контакт.

Подобным же образом Люциана разыгрывает из себя *сестрицу* одной несчастной девушки. Вмешательство Люцианы делает ту еще более несчастной, поскольку вся ее помощь сводилась к тому, чтобы вызвать восхищение ею, Люцианой, причем действовала она в высшей степени бестактно.

В другой раз Люциана, стремясь выставить себя в роли обольстительницы, вызывает всеобщий смех (с. 286):

Едва Люциана услышала, что граф большой любитель музыки, как она тотчас же организовала домашний концерт, на котором сама решила выступить с пением песенок под аккомпанемент гитары. День настал. Надо сказать, что вообще-то Люциана довольно неплохо играла на нескольких инструментах и обладала приятным голосом; но увы! — слов песен в ее исполнении никто не мог разобрать; впрочем, это не такая уж редкость там, где наши немецкие представительницы прекрасного пола берутся петь под гитару. По окончании выступлений все присутствующие заверяли ее, что она пела очень выразительно, так что Люциана вполне могла удовлетвориться таким успехом. Но все же именно в связи с исполнением песен ее постигла своеобразная неудача. Среди других приглашенных в обществе находился известный поэт, которому Люциане особенно хотелось польстить, в надежде, что он посвятит ей стихи; по этой причине она исполняла под гитару множество куплетов, написанных этим поэтом. После концерта он сказал ей несколько вежливых слов, и Люциана ожидала большего. Она подошла к нему кого-то из своей «свиты» и просила выпытать у поэта, не восхищен ли он тем, что услышал сегодня свои прекрасные стихи в столь прекрасном исполнении. «Мои стихи?» — спросил он с крайним удивлением. «Простите, сударь, — добавил он, — но право, я ничего не слышал, кроме гласных звуков, да и гласные воспринял далеко не так». Впрочем, за милое намерение я пользуюсь случаем передать благодарность исполнительнице».

Недостаточно внимания уделял Люциане и архитектор, реинвентаризировавший замок. В связи с этим она специально продумала и подготовила *эффектную сцену*, которая могла бы привлечь ее к этому человеку. Между прочим, она вообще любила участвовать в любительских театральных представлениях, в которых неизменно играла главную роль, при этом целью ее было главным образом продемонстрировать свои *актерские способности*.

Таким образом, у Люцианы наблюдается сочетание *гипомания и истерического темперамента и истерических черт характера*. Она постоянно разыгрывает ту или иную роль, что и служит удовлетворению ее самомнения, тщеславия. Однако все это происходит не от врожденной напористости, живости, а как бы «в рамках» последней и параллельно ей.

У читателя может вызвать некоторое удивление тот факт, что и Фальстафа, и Люциану мы относим к категории гипоманьяльно-истерических акцентуированных личностей, тогда как при поверхностном наблюдении это совершенно различные люди. Однако несходство их связано с различным общественным положением обоих: избалованная барышня, воспитывавшаяся в замке, и грубый немолодой вояка Фальстаф принадлежат совершенно разным мирам. При анализе структуры личности не следует полностью отвлекаться от всего внешнего. И в этом отношении Фальстаф, пожалуй, окажется не грубее Люцианы. По отношению к Люциане бывает в высшей степени нечутким, бестактным, как мы убедились на примере молодого человека с искаженной рукой или несчастной девушки, которую Люциана решила «спасать»; и в том и в другом случае единственная цель — это удовлетворение тщеславия их «благодетельницы».

Впрочем, здесь есть и еще одна существенная разница: в самом способе показа персонажей Гете и Шекспиром. Гипоманиакально-истерическая акцентуация Люцианы может быть выведена в произведении Гете преимущественно из ее поступков, однако речь ее представлена весьма скупой. Фальстаф же проявляет себя главным образом в словах, обманывая окружающих, постоянно плетя различные небылицы. Следует отметить, что в нужный момент и он способен на типично истерические поступки — вспомним хотя бы сцену, где он притворяется мертвым, а принц даже подумывает заказывать гроб.

У *Достоевского* мы также встречаемся с типичной гипертимическо-демонстративной личностью. Речь идет о повести «Дядюшкин сон», один из главных героев которой, Марья Александровна, исполнен гипоманиакальной подвижности и изворотливости. Она умеет выпутаться из сложнейших ситуаций, о чем автор замечает в самом начале повести. В своих стараниях выдать дочь за богатого старика-князя она извергает целые потоки красноречия. Дочери, противящейся плану мамы, она ловко приводит все новые аргументы, которые должны убедить Зину в разумности этого замысла.

В момент, когда недоброжелательно настроенные гости Марьи Александровны готовы вот-вот припереть ее к стене, она проявляет величайшую ловкость и маневренность (с. 374).

Марья Александровна удесят�ерилась в эту минуту, видела все, что происходило в каждом углу комнаты, слышала, что говорилось каждою из посетительниц, хотя их было до десяти, и немедленно отвечала на все вопросы, не ходя за словом в карман.

Поскольку гипоманиакальные личности в состоянии гнева склонны к бестактности, доходящей до бесцеремонности и грубости, «светской» натуре Марьи Александровны несколько не противоречит факт, что в такие минуты она осыпает своего высокоумного мужа отборнейшей бранью.

Однако все эти качества характеризуют Марью Александровну лишь наполовину. Она может притвориться сущим источником доброты. Несмотря на переполняющую ее ненависть, она может расточать улыбки и быть воплощением любезности. Обманывая ею молоденького возлюбленного своей дочери, который по побой высказывает свое возмущение, она умеет вкрадчиво обманывать вокруг пальца, так что он в конце концов расстается с ней под видом благодарности. Лишь позднее на Мозглякова находит свое наказание (с. 364—365):

Тут он, кстати, припомнил, что Марья Александровна чрезвычайно красивая дама, что она, как ни достойна всеобщего уважения, но все-таки женщина и ляжет с утра до вечера.

Марья Александровна добивается того, чтобы князь предложил Зиночке предложение. Князь, надо сказать, страдает старческим маразмом и непрерывно мелет отчаянный вздор: тем же вечером Марья Александровна восклицает (с. 245):

— Но сколько юмору, сколько веселости, сколько в вас остроумия!

Какая драгоценная способность подметить самую тонкую, самую смешную черту!.. И исчезнуть из общества, запереться на целых пять лет! С таким талантом! Но вы бы могли писать, князь! Вы бы могли повторить Фонвизина, Грибоедова, Гоголя!..

Аффективно-лабильные личности

Некоторые люди обладают особым психологическим складом, который характеризуется изменчивостью настроения без внешнего повода. Такие люди то весьма деятельны и болтливы, то медлительны и скупы на слова. Изменчивость (лабильность) подобного типа объясняется сугубо биологическими причинами, а поэтому мало располагает к созданию художественного образа. Найти такой образ в художественной литературе нелегко.

Единственный однозначный пример циклотимической личности находим в романе *Отто Людвига* «Мария». Окружной голова Брайтунг, немолодой сухошавый мужчина, веселый и бойкий, в обществе, которое собирается у священника, считается общепризнанным остряком. Он занимает всех посетителей, смеется, шутит, устраивает веселые игры. Он постоянно стремится быть с молодежью, заявляя, что пусть, мол, старики держатся вместе, а молодые, любящие шутки и поцелуи, будут развлекаться по-своему (причем, к молодым он причисляет и себя). В этом плане Брайтунг — типичная гипоманиакальная фигура. Однако веселым шутником, остряком Брайтунг бывает только тогда, когда находится не в своем поместье; там же, среди своих, он «страшный брюзга и ипохондрик». И действительно, первое впечатление о хозяине, сложившееся у Айзенера во время его визита к Брайтунгу, сводится ко вздохам, которые тот выпускает, и к ироническим усмешкам. Брайтунг мрачнеет, узнав о случае, который его жене кажется только забавным. Лишь за рюмкой вина и оживленной беседой Айзенер начинает узнавать весельчака Брайтунга. Его жена в ответ на удивленный вопрос гостя объясняет, что муж попросту недостаточно владеет собой. Айзенер возражает, считая, что глубина мрачного настроения Брайтунга говорит о чем-то более серьезном, чем обыкновенная невыдержанность, разве нет таких ситуаций, когда человек попросту не в силах совладеть с самим собой, как бы он ни старался.

Фабула романа не дает возможности определить, характерны ли для Брайтунга повороты в настроении, независимые от событий, происходящих с близкими ему людьми. Но следует заметить, что циклотимия может быть установлена и в тех случаях, когда сугубо маниакальное состояние и глубокая депрессия сменяют друг друга у человека под влиянием только внешне видоизменяющихся ситуаций.

Пожалуй, и Разумихина — друга Раскольниковова — можно считать циклотимиком («Преступление и наказание» *Достоевского*). Это — живой, общительный деловитый молодой человек, о таких людях говорят: «Наш пострел — везде поспел». Язык

у него подвешен хорошо, он любит говорить и много говорит о себе (с. 207):

Разумихин имел свойство мигом весь высказываться, в каком бы он был настроении, так что все очень скоро узнавали, с кем имеют дело.

Особенно разговорчивым он становится под влиянием алкоголя и тогда сообщает такие вещи, которых вообще не следовало бы оглашать.

В живости и непосредственности Разумихина проявляются *гипоманиакальные черты*; отсюда как будто напрашивается вывод об известной поверхностности Разумихина. Однако дальнейшее развертывание сюжета не подтверждает этого. Напротив, он скорее отличается глубокими эмоциями. Любовь к Дуне захватывает его с такой силой, что он в ее присутствии или даже когда лишь заходит о ней речь краснеет и теряет самообладание. Его искренняя забота о друге, Раскольникове, также указывает на глубину его чувств. Судя по этим моментам, можно бы полагать, что Разумихину наряду с гипоманиакальными чертами присущи и эмотивные реакции. Однако мы не наблюдаем у Разумихина ни повышенной жалостливости, ни тревожности. Зато можно констатировать, что Разумихин с одинаковой легкостью и интенсивностью ощущает и восторг, и горе. После того как он — под влиянием алкоголя — чересчур порывисто проявил свою любовь к Дуне, его на следующий день охватывает *глубокая депрессия*: он гневно осуждает самого себя и без всяких оснований отказывается от надежд, связанных с этой девушкой (с. 218):

— Фу, как это все низко! И что за оправдание, что он был пьян? Глупая отговорка еще более его унижающая! В вине — правда, и правда-то вот вся и высказалась, то есть вся-то грязь его завистливого грубого сердца высказалась. И разве позволительна хоть сколько-нибудь такая мечта ему, Разумихину? Кто он сравнительно с такой девушкой, — он, пьяный буян и вчерашний хвастун?

Подобное самоуничижение невозможно объяснить одной лишь тяжелой с похмелья головой, оно безусловно связано со *склонностью к депрессии*. Поэтому мы считаем, что речь здесь идет не о гипоманиаке с ровным настроением, а о *циклотимике*, склоняющемся и к другой крайности, к депрессии. Склонность к депрессии можно объяснить глубину эмоций, присущую Разумихину. Когда в жизни этого человека происходит нечто важное, он реагирует уже не со свойственной гипертимику поверхностностью, а с серьезностью дистимической личности. Обе стороны его личности раскрываются в следующем отрывке (с. 56):

С Разумихиным же он (Раскольников) почему-то сошелся, т. е. не то что сошелся, а был с ним общительнее, откровеннее. Впрочем, с Разумихиным невозможно было и быть в других отношениях. Это был необыкновенно веселый и общительный парень, добрый до простоты. Впрочем, под этой простотой таились и глубина, и достоинство. Лучшие из его товарищей ~~любили~~ это, все любили его.

Экзальтированные личности

Героев с *экзальтированным темпераментом* мы находим в литературе великое множество. Задаваясь вопросом о причинах пристрастия писателей к данной структуре личности, вспомним то, что говорилось уже об истерических личностях. Экзальтированные личности могут придать развитию сюжета большую живость, глубокие чувства героев способны увлечь читателя, захватить, потрясти его. Кроме того, писатели сами часто обладают в известной мере порывистой, лабильной психикой, поэтому человека данного типа им легко описать, так как его внутренний мир им близок.

Нередко чрезмерная напряженность и страстность художественного произведения коренится не в своеобразии структуры личности его героев, а в том, что писатель показывает *любовь, сексуальное влечение*. В подобных случаях даже личности ничем не выделяющиеся легко доходят до высшей степени блаженства и отчаяния. Так, например, может быть истолкована экзальтация героев в трагедии *Шекспира* «Ромео и Джульетта». Вот жалоба Ромео, когда он узнает о своем изгнании из города, в котором живет Джульетта (с. 82):

Ромео:

Какая это милость! Это месть.
Небесный свод есть только над Джульеттой.
Собака, мышь, любая мелюзга
Живут под ним и вправу с ней водиться,
Но не Ромео. У навозных мух
Гораздо больше веса и значенья,
Чем у Ромео: им разрешено
Соприкасаться с белоснежным чудом
Джульеттиной руки и воровать
Благословенье губ ее стыдливых,
Но не Ромео. Этому нельзя.
Он в высылке, а мухи полноправны.
И ты сказал, что высылка — не смерть?

Экстазом охвачен Ромео и в знаменитой сцене прощания, разделяет экстаз также Джульетта. Вот эта необыкновенная по романтичности и лиризму сцена (с. 87—88):

Джульетта:

Уходишь ты? Еще не рассвело,
Нас оглушил не жаворонка голос,
А пенье соловья: он по ночам
Поет вот там, на дереве граната.
Поверь, мой милый, это соловей!

Ромео:

Нет, это были жаворонка клики
Глашатая зари. Ее лучи
Румянят облака. Светильник ночи
Сгорел дотла. В горах родился день
И тянется на цыпочках к вершинам.
Мне надо удалиться, чтобы жить,
Или остаться и проститься с жизнью.

Джульетта:

Та полоса совсем не свет зари,
А зарево какого-то светила,

Взошедшего, чтоб осветить твой путь
До Мантуи огнем факелоносца.
Побудь еще. Куда тебе спешить?

Ромео:

Пусть схватят и казнят. Раз ты согласна
Я и подавно остаюсь с тобой.
Пусть будет так. Та мгла — не мгла рассвета,
А блеск луны. Не жаворонка песнь
Над нами оглашает своды неба.
Мне легче оставаться, чем уйти.
Что ж, смерть так смерти! Так хочется Джульетте.
Поговорим, еще не рассвело.

Джульетта:

Нельзя, нельзя! Скорей беги: светает,
Светает! Жаворонок-горлодер
Своей нескладницей нам режет уши,
А мастер трели будто разводит!
Не трели он, а любящих разводит,
И жабы будто у него глаза.
Нет, против жаворонка жабы — прелесть!
Он пенем нам напомнил, что светло
И что расстаться время нам пришло.
Теперь беги: блеск утра все румяней.

Ромео:

Румяней день и все черней прощанье.

Экзальтированность как черта акцентуированной личности наблюдается не только в любви. Особенно ярко это проявляется в образе принца Гомбургского в одноименной драме *Клейста*.

Характерно, что принц появляется на сцене в виде лунатика, автор явно хочет подчеркнуть этим нервность, возбудимость данного персонажа. Позже мы узнаем его в моменты, когда он целиком *отдается как восторгу, так и отчаянию*, т. е. когда проявляются обе стороны его экзальтированной личности. Когда после победы его переполняет счастье, это естественно и понятно. Но когда принц узнает, что он приговорен военным судом к смерти из-за нарушения порядка битвы, приравниваемого к измене, и в этот момент начинает восторженно бредить любовью к нему курфюрста, который все равно, мол, не допустит его, принца, казни, то это уже граничит с безрассудством экстаза. Своими собственными словами он как бы все больше разжигает в себе обожание принца, он убежден в отмене смертного приговора и не прислушивается к строгим предупреждениям друга. Тот в конце концов восклицает: «Безумный человек! На чем же беспечность зиждется твоя?» Но даже этот окрик не охлаждает избытка чувств принца (с. 395):

Принц:

Но прежде чем он даст исполнить кару
И это сердце, верное ему,
Отдаст на казнь, платку на мановенье,
Он сам себе скорее вскроет грудь
И кровь свою разбыржет в прах по капле.

И вот вскоре эта беспечность исчезает; переполняющее принца счастье победы рушится по мере того, как угрожающая опасность становится все более грозной, зловещей. Теперь

цем овладевает безумное отчаяние. Он умоляет курфюрстинку и Наталию о помощи (с. 100):

Принц:

Ах, матушка, ты б так не говорила,
Когда б тебе грозила смерть, как мне.
Мне кажется: ты, весь твой двор, принцесса
Одарены всесильностью небес.
Ведь я на шею броситься готов
К последнему из слуг твоей конюшни
С одной мольбой: спаси меня, спаси!

Отчаяние полностью лишает принца чувства собственного достоинства. Когда курфюрстина пытается его образумить, единственным ответом ей служит новый взрыв отчаяния (с. 401):

Принц:

Но божий мир, родная, так хорош!
Не приобщай меня до срока в мыслях
К семье страшилищ черных под землей!
Он должен наказать меня? Есть кары,
К чему же обязательно расстрел?
Он может отрешить меня от званья,
Понизить в чине, раз таков закон —
Разжаловать, уволить. Боже праведный!
С тех пор как я увидел близко гроб,
Что ждет меня, я жить хочу, и только,
А с честью, нет ли — больше не вопрос.

Однако когда курфюрст, пораженный поведением принца, призывает его самого стать судьей в этом конфликте, принять верное решение, с которым курфюрст непременно посчитается, то к принцу возвращается и гордость, и отвага, впрочем, не без экзальтированного преувеличения. Принц готов встретить смерть, но это решение не свидетельствует о большой силе воли, которая подчиняет себе чувства человека, напротив: именно чувства помогают ему принять новое решение. Принца теперь воодушевляет уже величие результата его казни (с. 430):

Принц:

Мое решенье непреклонно. Я желаю
Увековечить смертью гот святой
Закон войны, который я нарушил
Перед лицом солдат. Друзья мои,
Что значит скромный выигрыш сраженья
Пред одоленьем страшного врага:
Пред торжеством над спесью и упрямством,
Которые я завтра поборю?

Это воодушевление, смешавшееся с горечью, принц ощущает даже и тогда, когда его ведут с закрытыми глазами и он абсолютно уверен, что его ведут на казнь (с. 434):

Принц:

Теперь, бессмертье, ты в моих руках
И, сквозь повязку на глаза, сверкаешь
Снопом из многих тысяч жарких солнц.
На крыльях за обими плечами,
За взмахом взмах, пространствами плыву.
И как из кругозора корабля

Под вздохом ветра исчезает гавань,
Так постепенно вдаль уходит жизнь.
Вот все еще я различаю краски,
Но вот их нет, и вот сплошной туман.

Вполне соответствует такой эмоциональной сверхвозбудимости тот факт, что узнав о помиловании, принц падает в обморок.

В этом произведении Клейст чрезвычайно выразительно показал, что собой представляет *экзальтированная личность*. Сначала принц абсолютно уверен в отмене вынесенного ему смертного приговора, в помиловании. Осознав, что смерть совсем близко, он впадает в бурное отчаяние. Следует заметить, что не обладай принц сверхмощной эмоциональной возбудимостью, он в эти моменты скорее всего не потерял бы чувства собственного достоинства. Под конец мы снова сталкиваемся с его способностью к воодушевлению. При любом повороте ситуации принц не воспринял бы свой предстоящий расстрел так радостно, даже с экстазом, если бы его реакции не определялись все той же резкой эмоциональной возбудимостью, которая в данный момент представляет его воображению желанным то, что еще недавно приводило его в ужас. Характерна и быстрая смена эмоций. Следует учитывать также элемент поэтического преувеличения. Ведь описываемую степень экзальтации мы наблюдаем только у *тревожно-экстатических душевнобольных*. Нередко в подобных ситуациях они готовы к любому, самому тяжелому покаянию, готовы и пожертвовать жизнью ради другого человека.

Любопытно сравнить принца Гомбургского с Перси, персонажем трагедии Шекспира «Генрих IV». Перси носит прозвище «горячая шпора» (оно, кстати, вполне подходит и к принцу Гомбургскому). В силу горячности темперамента он нарушил приказ о ходе битвы и этим навлек на себя смертный приговор. Различие между принцем и Перси заключается в том, что первого захлестывают несдержанные порывы чувств, которые повиняют себе волю; у Перси же первичным стимулом оказывается сильная волевая возбудимость, в то время как эмоциональная возбудимость его выражена слабо.

Точно так же, как и принц Гомбургский, способна на экзоторг, быстро переходящий в отчаяние, Катерина Ивановна из «Братьев Карамазовых». Катерина Ивановна, собственно, никогда не любила своего жениха, гораздо больше ее увлекала другая мысль — спасти его. В основном из этих соображений она и стала его невестой. Снова мы сталкиваемся здесь с эндогенным психозом, имеющим некоторое отношение к экзальтированному темпераменту, или с «психозом счастья», как иногда его называют: такие больные, владея в экстатическое состояние, чувствуют себя призванными к тому, чтобы принести счастье и освобождение другим людям. Катерина Ивановна восклицает (с. 187):

— А коли так, то он еще не погиб! Он только в отчаянии, но я еще могу спасти его... Я хочу его спасти навеки! Пусть он забудет меня как свою

ту! И вот он боится предо мной за честь свою!? Ведь вам же, Алексей Федорович, он не побоялся открыться? Отчего я до сих пор не заслужила того же? — Последние слова она произнесла в слезах; слезы брызнули из ее глаз.

Полный страсти темперамент этой женщины заставляет ее позвать к себе домой Грушеньку, свою соперницу в отношениях с Митей. В силу легкой возбудимости она одержима мыслью, что сделает Грушеньку своей союзницей в деле спасения Мити. Она в восторге от Грушеньки (с. 101):

— Грушенька, ангел, дайте мне вашу ручку, посмотрите на эту пухленькую, маленькую, прелестную ручку, Алексей Федорович; видите ли вы ее, она мне счастье принесла и воскресила меня, и я вот целовать ее сейчас буду, и сверху, и в ладошку, вот, вот и вот!... И она три раза как бы в упоении поцеловала действительно прелестную, слишком, может быть, пухлую ручку Грушеньки.

Но Катерине Ивановне пришлось пережить жесточайшее разочарование. Отрезвление началось уже с того момента, когда Грушенька не соглашается ни на какие дальнейшие предложения, направленные на спасение Мити. И вот Грушенька окончательно срывает с себя маску (с. 193):

— Так и оставайтесь с тем на память, что вы-то у меня ручку целовали, а я-то у вас совсем нет. Так я и Мите сейчас перескажу, как вы мне поцеловали ручку, а я-то у вас совсем нет. А уж как он будет смеяться!

В этот момент эмоциональное состояние Катерины Ивановны делает резкий «поворот» в другую сторону: она начинает бранить эту «беспутную женщину», это «создание, всегда готовое к услугам». Под конец «с Катериной Ивановной сделался припадок. Она рыдала, спазмы душили ее. Все около нее суетились».

Во время суда чрезмерная эмоциональная возбудимость Катерины Ивановны проявляется особенно резко. Вначале она Митю защищает, доходя до самоунижения. В своих свидетельских показаниях она рассказывает, как однажды, спасая отца, пришла просить у Мити денег (с. 219):

Тут было что-то беспримерное, так что даже и от такой самовластной и презрительно-гордой девушки, как она, почти невозможно было ожидать такого высокооткровенного показания, такой жертвы, такого самозаклания. И для чего, для кого? Чтобы спасти своего изменника и обидчика, чтобы послужить хоть чем-нибудь, хоть малым, к спасению его, произведя в его пользу хорошее впечатление.

Однако спустя немного времени свидетельские показания дает брат Мити, Иван, которого она любит больше, чем своего жениха. Иван предстает перед нами во время суда человеком психически больным, он обвиняет себя в подстрекательстве к отцеубийству. И вот тут-то разбушевавшиеся чувства заставляют Катерину Ивановну занять абсолютно противоположную позицию. Потрясенная жалостью к Ивану, а может быть, и объятая страхом, что его признания будут приняты всерьез, она почувствовала жестокую ненависть к Мите, считая его ответственным за душевное заболевание брата. Она кричит (с. 230):

Я пробовала победить его (Митю) моей любовью, любовью без конца, даже измену его хотела снести, но он ничего, ничего не понял. Да разве он может что-нибудь понять! Это изверг!

Незадолго до этого она уже называла его «зверем». Достоевский продолжает (с. 232):

О, разумеется, так говорить и так признаваться можно только какой-нибудь раз в жизни — в предсмертную минуту, например всходя на эшафот. Но Катя именно была в своем характере и в своей минуте. Это была та же самая стремительная Катя, которая кинулась тогда к молодому развратнику, чтобы спасти отца; та же самая Катя, которая давеча, перед всею этою публикою, гордая и целомудренная, принесла себя и девичий стыд свой в жертву, рассказав про «благородный поступок Мити», чтобы только лишь сколько-нибудь смягчить ожидавшую его участь. И вот теперь точно так же она тоже привнесла себя в жертву, но уже за другого, и может быть только лишь теперь, только в эту минуту, впервые почувствовав и осмыслив вполне, как дорог ей этот другой человек.

Дойдя до предела эмоционального возбуждения после своего свидетельского показания против Мити, Катерина Ивановна впадает в истерический припадок (с. 232—233):

Минута же мщения слетела неожиданно, и все так долго и больно срывавшееся в груди обиженной женщины разом, и опять таки неожиданно, порвалось наружу. Она предала Митю, но предала и себя! И разумеется, только что успела высказаться, напряжение порвалось, и стыд подавил ее. Когда началась истерика, она упала, рыдая и выкрикивая. Ее увели.

Припадок не свидетельствует о наличии патологического истерического начала в психике; он указывает лишь на то, что внутреннее напряжение сделалось невыносимым, а нормальный путь разрядки не представлялся возможным.

В тех случаях, когда экзальтированность чувств остается ведущим фактором, но к ней присоединяется и самостоятельная возбудимость в сфере воли, возникает такое качество личности как *страстность*. Восторг и отчаяние находят в этом случае выражение в самих поступках, в то время как при отсутствии волевой возбудимости чрезмерная экзальтированность чувств больше выражается в идеях и душевных переживаниях. У Катерины Ивановны активность появилась лишь тогда, когда эмоциональное возбуждение достигло апогея, обычно же оно проявлялось больше в экзальтированности идей.

В художественной литературе есть и другие примеры сочетания в страстном порыве чрезмерности чувств и максимальной активности. Вспомним о взрыве чувств Мортимера, который так убедительно изображен Шиллером в «Марии Стюарт». Мортимер пылает страстью к Марии (с. 528):

Мортимер:

О, нет! Клянусь, не я, безумец — тот,
Кто не удержит клад, ему однажды
Дарованный по изволению бога!
Хотя б на казнь вела меня дорога,
Спасу тебя! Спасу! Но... видит бог.
Спасу затем, чтоб завладеть тобою!

Охваченный бешеной страстью, он сжимает Марии в объятиях. Мария в ужасе кричит: «Так сжался же, как никогда».

надо мною!» Шиллер ничего не сообщает о том, вел ли себя подобным образом Мортимер и в других жизненных ситуациях. Но можно сказать, что человек, становящийся рабом своих аффектов в такой мере, должен быть по природе своей натурой необычайно страстной.

Кстати, в «Орлеанской деве», где, казалось бы, страстные проявления подсказаны самим сюжетом, Шиллер изображает несравненно меньше «страстей». Вероятно, это объясняется тем, что Иоанна с радостью подчиняется воле матери божьей, что делает ее поведение скромным, сдержанным.

У Достоевского страстность натуры Настасьи Филипповны в романе «Идиот» проявляется во многих эпизодах. Если она, наряду с этим, представляется нам и подчеркнуто гордой, то эту черту можно считать проявлением психологического развития: ее еще ребенком вынудили стать любовницей развращенного сластолюбца, из-за чего она постоянно подвергалась унижениям, о которых уже никогда не могла забыть. Можно было бы рассматривать ее гордость как психологическую реакцию на все перенесенные унижения.

Страстность же этой женщины никак нельзя объяснить обстоятельствами ее биографии. Хотя Настасья Филипповна постоянно старается наладить спокойный размеренный ход жизни, тем не менее она постоянно сбивается с пути, и это связано с ее легкой эмоциональной возбудимостью. Она все время колеблется между князем Мышкиным и Рогожиным, и колебания эти не контролируются разумом — ее чувства непрерывно толкают ее то к одному, то к другому. То она решает выйти замуж за одного, то за другого, но всякий раз именно аффекты уводят ее в сторону от принятого решения. Наконец, князь ждет Настасью Филипповну в церкви, где должно состояться венчание. Невесте остается только сесть в экипаж, чтобы доехать до церкви. В это мгновение она увидела Рогожина — и вот уже бросается к нему и бежит с ним. Особенно ярко проявляется страстность героини в одной сцене: в результате всевозрастающего возбуждения она, вырвав кнут во внезапном порыве из рук одного из присутствующих гостей, хлещет своего оскорбителя этим кнутом по лицу.

Между импульсивностью Настасьи Филипповны и грубыми эксцессами Рогожина, о которых говорилось выше, нет никакого сходства. Поступки Настасьи Филипповны отнюдь не бесконтрольны, она отлично отдает себе отчет в том, что нужно, что она хочет сделать. Со своим «сластолюбцем» она расстается, как только достигает совершеннолетия; после этого она не ищет сексуальных походов. Она начитана, образована, обладает большой чуткостью. Последнее проявляется в том, что она не хочет выйти за князя Мышкина, которого глубоко любит, ибо не верит, что сможет дать ему счастье. Таким образом именно аффекты, а не грубая несдержанность вызывают бурные взрывы чувств Настасьи Филипповны.

Экзальтированность в сочетании со взрывами страстей еще более ярко выражены у Матильды де ля Моль в романе «Красное и черное» *Стендаля*. Ее чувства к Жюльену все время колеблются между страстной любовью и ожесточенной враждебностью. Когда Жюльен равнодушен к ней, она льнет к нему со всей пылкостью; когда она уверена в его любви, она холодно отворачивается, бросает на него взгляды, полные ненависти и презрения. Стендаль изображает здесь как раз то психологическое развитие, которое им подробнее описано в произведении «Любовь»: самая сильная любовь возникает в тех случаях, когда любящий не встречает взаимности. Правда, Стендаль, стремясь доказать эту мысль, изображает эти противоположные чувства с максималистских позиций.

После того как мадемуазель де ля Моль сама пригласила Жюльена, который на данном этапе развития их отношений едва ли ее любил, ночью в свою спальню и отдалась ему, утром наступает первый резкий поворот в ее поведении (с. 437):

— Сударь, вы изволили, по-видимому, вообразить,— сказала она с еле сдерживаемым гневом,— что вы приобрели надо мной какие-то особенные права, если, вопреки моему желанию, выраженному как нельзя более ясно, вы пытаетесь заговорить со мной?... Известно ли вам, что никто в мире не осмеливался на подобную дерзость?

Через два дня происходит следующая сцена (с. 439):

Растерявшись от неожиданности, Жюльен в порыве горя не удержался и сказал ей кротким голосом, идущим из глубины души:

— Так, значит, вы меня больше не любите?

— Я в себя не могу прийти от ужаса, что отдалась первому встречному.— сказала Матильда и от злости на себя залилась слезами.

В последующие дни Матильде доставляет радость наблюдать терзания Жюльена; она глубоко презирает его. Но вскоре, под влиянием разлуки, ход ее чувств и мыслей снова изменяется, она уже начинает тосковать по возлюбленному, к ней возвращается пламенная любовь. Во время этой мучительной внутренней борьбы Матильды в спальне ее появляется Жюльен, на этот раз проникший сюда без приглашения. Она вновь охвачена страстью и проклинает себя за холодность, предшествовавшую их встрече (с. 453—454):

Кто мог бы описать безумную радость Жюльена? Матильда была счастлива, пожалуй, не меньше его. Она кляла себя, жаловалась на себя.

— Накажи меня за мою чудовищную гордость,— говорила она, обнимая его так крепко, словно хотела задушить в своих объятиях.— Ты мой повелитель, я твоя раба, я должна на коленях молить у тебя прощения за то, что я взбунтовалась.— И, разомкнув объятия, она упала к его ногам.— Да, ты мой повелитель!— говорила она, упоенная счастьем и любовью.— Властуй надо мной всегда, карай без пощады свою рабыню, если она вздумает бунтовать.

Через несколько мгновений, вырвавшись из его объятий, она зажигает свечу, и Жюльену едва удается удержать ее: она непременно хочет отрезать огромную прядь, чуть ли не половину своих волос.

— Я хочу всегда помнить о том, что я твоя служанка, и если когда-нибудь моя омерзительная гордость снова ослепит меня, покажи мне эти волосы и скажи: «Дело не в любви и не в том, какое чувство владеет сейчас вашей душой; вы поклялись мне повиноваться,— извольте же держать слово!»

На следующее утро страсть еще владеет ею с той же силой (с. 456):

За завтраком все поведение Матильды вполне соответствовало ее опрометчивой выходке. Можно было подумать, что ей не терпелось объявить всему свету, какую безумную страсть питает она к Жюльену.

Но уже на следующий день она впадает в противоположную крайность (с. 461):

Ее подавляло невыносимое сознание, что она дала какие-то права над собой этому попику, сыну деревенского мужика. «Это вроде того, если бы мне пришлось сознаться самой себе, что я влюбилась в лакея»,— говорила она себе в отчаянии, раздувая свое несчастье.

Даже когда Матильде кажется, что она держит себя с величайшим достоинством, ее поведение полно экспансивных крайностей (с. 463):

Сердце Матильды ликовало, упиваясь гордостью: вот она и порвала все, раз и навсегда! Она была необыкновенно счастлива, что ей удалось одержать блестящую победу над этой, так сильно одолевшей ее слабостью. «Теперь этот мальчишка поймет, наконец, что он не имеет и никогда не будет иметь над мной никакой власти». Она была до того счастлива, что в эту минуту действительно не испытывала никакой любви.

Но следующего поворота в чувствах не приходится долго ждать, холодность, с которой Жюльен теперь демонстративно относится к Матильде, снова вызывает в ней пылкие чувства.

Не подлежит сомнению, что как во всех приведенных, так и во многих других эмоциональных проявлениях Матильды для Моль заключено немало пафоса; слова и поступки ее, конечно, не всегда искренни. И все же перед нами *типичная страстная натура*, изображенная с некоторым поэтическим преувеличением.

В корне отличается от Матильды мадам де Реналь, которая также искренне любит Жюльена. Чувства ее, хотя не так сильны, не так жгучи, как чувства Матильды, но не менее глубоки. Можно полагать, что мадам де Реналь — *личность эмотивная*. К сожалению, психология этой героини в романе описана исключительно в любовном аспекте, а следовательно, сама глубина ее чувств может быть обусловлена сокрушительной силой любви, которую она охвачена. Большая материнская любовь мадам де Реналь, упоминаемая в романе, описана здесь недостаточно, но все же и она заставляет лишний раз подумать о том, что перед нами личность эмотивная.

Крайности в поведении в романе «Идиот» мы наблюдаем не только у Настасьи Филипповны, но также и у ее соперницы Аглаи. Она тоже склонна к импульсивным поступкам. Но здесь речь идет о проявлении общей неуравновешенности в юном возрасте. Аглая еще почти ребенок, она склонна к тем крайностям, которые свойственны людям в период отрочества и в ранней юности. У этой молоденькой девушки, кроме того, нет никакого жизненного опыта. Она не способна справиться с чувством внезапно охватившей ее любви к князю, она то отталки-

вает, то снова приближает его к себе, причем чаще отталкивает, что характерно для натур импульсивных. Чисто юношескую склонность к крайностям обнаруживает в романе и шестнадцатилетний Ипполит. Преобладание враждебных и человеконенавистнических аффектов у Ипполита указывает на патологическое развитие. Причиной этого явилось его заболевание туберкулезом (Ипполит рано умирает от туберкулеза) — чахоточный юноша озлоблен, ожесточен против всех...

Юношеская чрезмерность чувств, которая в периоде «бури и натиска» проявляется у героев в страстности реакций, весьма ярко представлена у одного из главных персонажей «Войны и мира» — Николая Ростова. Он с воодушевлением идет на войну, думая только о славе, но, столкнувшись с реальными опасностями битвы, впадает в другую крайность (т. 1, с. 360):

И разгоряченная, чужая физиономия этого человека, который со штыком на перевес, сдерживая дыхание, легко подбегал к нему, испугала Ростова. Он схватил пистолет и, вместо того чтобы стрелять из него, бросил им в француз и побегал к кустам, что было силы. Не с тем чувством сомнения и борьбы, с которым он ходил на Энский мост, бежал он, а с чувством зайца, убегающего от собак. Одно нераздельное чувство страха за свою молодую, счастливейшую жизнь владело всем его существом.

Проходит немного времени, и Николай уже снова оправдываясь, он начисто забыл о своем недостойном поведении во время боя и искренне гордится тем, что принимал в нем участие. Он охвачен воодушевлением, когда царь появляется на фронте, и мечтает о блаженстве умереть за своего царя.

Он совершенно забыл о недавней реальной возможности отдать жизнь за этого царя, когда, гонимый страхом и отчаянием, удирает, как заяц. Юный возраст Николая подчеркивается несколько ниже, когда автор говорит о его «добром, молодом сердце».

С годами эти юношеские гиперболизированные чувства уходят. Николай Ростов в дальнейшем не отличается избытком эмоций. Свой долг в отношении родины он рассматривает теперь весьма трезво (т. 2, с. 364):

Николай Ростов без всякой цели самопожертвования, а случайно, так как война застала его на службе, принимал близкое и продолжительное участие в защите отечества и потому без отчаяния и мрачных умозаключений спрашивал то, что совершалось только в России. Если бы у него спросили, что он думает о теперешнем положении России, то он бы сказал, что ему думать нечего, так как на то есть Кутузов, и другие...

Таким образом, в зрелом возрасте Николай Ростов стал совсем другим человеком.

Все повышенные реакции Наташи, сестры Николая, относятся к раннему девичьему возрасту. Совсем независимо от того как она влюбилась в Анатоля, мы еще читаем о том же самом, импульсивном детском складе Наташи, который способствует включению ее без остатка в события, происходящие в данный момент. Именно с этим, пожалуй, связано то исключительное обожание, которым окружают этот образ читатели.

Экзальтированно-демонстративные личности

Отличить взрывы аффекта у личностей экзальтированных от истерической театральности поможет анализ личности, обладающей одновременно *экзальтированным темпераментом и демонстративным характером*.

Штабс-капитан Снегирев («Братья Карамазовы» Достоевского) неопишимо страдает в связи с болезнью, а затем и смертью сынишки. Он надеется услышать от врача хоть одно-два утешительных слова (с. 64—68):

Штабс-капитан стремительно выскочил вслед за доктором и, согнувшись, почти извиваясь перед ним, остановил его для последнего слова. Лицо бедняка было убитое, взгляд испуганный: — Ваше превосходительство, ваше превосходительство... Неужели?... — начал было он и не договорил, а лишь всплеснул руками в отчаянии, хотя все еще с последнею мольбой смотря на доктора, точно в самом деле от теперешнего слова доктора мог измениться приговор над бедным мальчиком... Он не договорил, как бы захлебнувшись, и опустился в бессилии перед деревянною лавкою на колени. Стиснув обоими кулаками свою голову, он начал рыдать, как-то нелепо взвизгивая, изо всей силы крепясь, чтобы не услышали его взвизгов в избе.

Снегирев исполнен искренней и глубокой боли, мы чувствуем его неподдельное отчаяние. И все же к глубокой боли, возможно, примешивается некоторая доля театральности. Например, когда Снегирев узнает, что его сын укусил Алешу за палец, он раздражается следующей тирадой (с. 251—252):

— Жалею, сударь, о вашем пальчике, но не хотите ли я, прежде чем Иллариону сечь, свои четыре пальца, сейчас же на ваших глазах, для вашего справедливого удовлетворения, вот этим самым ножом оттыпаю. Четырех-то пальцев, я думаю, вам будет довольно-с для утоления жажды мщения-с, пятого не потребуете?

Он еще некоторое время продолжает подобные патетические речи, разглагольствования, пока его не прерывает дочь, крича из соседней комнаты, чтобы он перестал, наконец, валять дурака.

Когда Алеша вручает Снегиреву 200 рублей, переданных штабс-капитану Катериной Ивановной, мы сначала наблюдаем умеренную экзальтацию, в форме которой проявляется на этот раз восторг. «Бедняк», как называет его Достоевский, постепенно приходит «в какой-то беспорядочный, почти дикий восторг». Его живая фантазия рисует ему картины того, на что он сможет потратить эти деньги. Счастье захватывает его — наконец-то тяжелая жизнь его и его семьи кончится! Но тут же настроение Снегирева снова изменяется. У него мелькает мысль, что его сын сочтет унижительным, если отец примет деньги. Это ощущение причиняет ему невыносимую боль, и тут снова его страдания приобретают налет театральности (с. 297):

— Видели-с, видели-с! — взвизгнул он Алеше, бледный и испуганный, и вдруг подняв вверх кулак, со всего размаху бросил обе смятые кредитки на пол. — Видели-с? — взвизгнул он опять, показывая на них пальцем, — ну, как же не-с!.. — И вдруг, подняв правую ногу, он с дикою злобой бросился их

топтать каблуком, восклицая и задыхаясь с каждым ударом ноги.— Вот ваши деньги-с! Вот ваши деньги-с!— Вдруг он отскочил назад и выпрямился перед Алешей. Весь вид его изобразил собой неизъяснимую гордость.

Однако после этой вспышки театральность исчезает, в его поведении, в его словах чувствуется подлинная боль (с. 297):

Но и опять, не пробежав пяти шагов, он в последний уже раз обернулся, на этот раз без искривленного смеха в лице, а напротив, все оно сотрясилось слезами. Плачущую, срывающуюся, захлебывающуюся скороговоркой прокричал он: «А что же бы я моему мальчику-то сказал, если б у вас деньги за pozor наш взял?»

Интересно, что в образе Снегирева Достоевский изобразил *истерика с глубокими душевными переживаниями, с экзальтированными, легко возбудимыми чувствами*. Как уже говорилось, не только актеры, но и писатели, и художники часто сочетают в себе черты истерической и экзальтированной личности.

Интровертированные личности

От внимания писателей не ускользнуло, что чрезмерная степень интровертированности в сочетании с далекими от жизни идеями, которые обычно сопутствуют ей, нередко бывает сопряжена с серьезными психическими отклонениями. Однако сначала я приведу пример интровертированной личности вполне жизненной, не заключающей в себе ничего патологического. Недаром в своем анализе я останавливаю внимание на образе простого крестьянина. Дело в том, что склонность к размышлениям и формированию личных оценок разных событий у людей мало образованных со всей определенностью указывает на интровертированный склад личности.

«Ганс Йоггели — богатый дядюшка», которого описывает Готхельф, — холостяк. Уже одно это свидетельствует о том, что он никогда не испытывал особой потребности вступать в близкий контакт с окружающими. Правда, в деревенский кабачок он заходит, как и другие, но в разговорах участвует мало. У себя дома он также ведет довольно замкнутый образ жизни, общаясь лишь с молодыми батраками и батрачками, но и у них держится на расстоянии. По селу ходит обычно один. И тем не менее он способен умело, ловко обращаться с людьми, когда появляется потребность или вынуждают к тому обстоятельства. Он ведет долгие обстоятельные беседы, во время которых особенно приспособливается к внутреннему миру собеседника. Он успешно справляется со своими назойливыми родственниками, многие из которых пытаются втереться к нему в доверие, хотя он не забыл упомянуть их в своем завещании. Каждый дядюшка Йоггели, стараясь очернить соперников, Йоггели спокойно выслушивает, делая любезные замечания, и ни словом не намекает на то, что думает о них в глубине души. Вот как описывает Готхельф раздражение одной из родственниц (с. 302):

Возвращаясь домой, она ворчала себе под нос: у этого чудака никогда ничего понять нельзя. Разве по нему разберешь, как он к тебе относится? Да и крепкий он дяденька, кто его переживет? Он еще чего доброго будет нашими-то костями орехи сбивать с деревьев. Скупые люди — они все такие, они просто не могут умереть, их, верно, уже после страшного суда добывать будут; а более отчаянного скрягу, чем Йоггели, свет не видал. Дура я круглая, что все думаю об этом наследстве. Как бишь он сейчас сказал? Какова у человека судьба да сколько у него добра — все в руках божьих. Ах, старый плут! Чует мое сердце, что все это зря и что останемся мы все ни с чем...

У претендентов на наследство в мыслях одно, а у Ганса Йоггеля совсем другое. Он насквозь видит игру, которую они ведут в надежде отхватить кусочек его добра, но не питает к ним злобы. Отсюда можно заключить, что его сдержанность и замкнутость лишены аффективной базы, т. е. интровертированность Йоггели не связана с аффективными стимулами со стороны окружающих. Когда посещения родственников уж слишком тяготят его, он проявляет некоторое неудовольствие или старается сбежать на свое поле, но не более.

Спокоен он и тогда, когда его импульсивная двоюродная сестрица выдает свое раздражение по поводу того, что старик Йоггели еще так бодро держится (с. 307):

Ганс Йоггели спокойно поджидал ее прихода в помещении. «Доброго вам здоровья, братец церковный староста!» — сказала она, входя и протягивая ему руку. «Вы все такой же, — бодрый, совсем еще молодой, это меня искренне радует». — «Да, да, слава господу, чувствую себя неплохо, а если на то будет божья воля, то собираюсь и еще немного попользоваться жизнью. Бабушка моя дожила до девяноста семи лет, а мне много раз говорили, что я очень похож на деда и бабу. — «О, да, разумеется. — сказала женщина, — прекрасный возраст, я бы желала вам до него дожить. Правда, я бы, пожалуй, так долго не выдержала, пропала бы с тоски. А что, дед ваш, он кажется, умер совсем молодым?» — «Да, — сказал староста, — он упал с дерева, но люди, знавшие его, всегда говорили, что если б не это несчастье, то он жил бы до ста лет».

Уже из этой беседы мы можем сделать вывод, что Ганс Йоггели большой шутник, он признает это и сам (с. 357):

Кто одной ногой стоит в могиле, тому нельзя уже ни лгать, ни дурачить людей. Я не один раз участвовал в разных шутках, многих людей водил за нос, а сейчас, я, право, не люблю об этом вспоминать.

Подсмеиваясь над людьми, Йоггели никогда не высказывается прямо, а ограничивается намеками. Так, он обращается к одному из двоюродных братьев, который тоже жаждет получить наследство, рассказывая о другом родственнике (с. 318):

— Я его крестный и, кроме того, — так утверждают, — двоюродный брат. Сам я этого точно не знаю, моя голова слишком мала, чтобы вместить такую громадную родню; иногда мне вообще кажется, что каждый год словно из земли вылезают какие-то мои новые двоюродные братья и сестры, ну прямо таки как натуральный клевер на хорошо возделанном участке.

Намеки вместо открытого высказывания о вещах и явлениях характерны для интровертированности. Склонность строить отношения в полшутливом плане свойственна преимущественно интровертированным личностям, ибо в основе таких отношений лежит скрытая, внутренняя игра ума.

Принято считать, что комические рассказчики, вызывающие дружный хохот всего зала, — личности экстравертированные. Если это действительно так, то они воздействуют на публику живостью манер, блестящим исполнением заранее подготовленных анекдотов и шуток. Однако те рассказчики, которые импровизируют свои оригинальные остроты, как например мюнхенский комик Валентин, по своему психическому складу являются интровертированными личностями. Сведения о частной жизни карикатуриста Вильгельма Буша заставляют нас предположить о нем то же самое.

Ганс Йоггели живет своей внутренней жизнью, но он не удаляется от действительности, напротив, оценивает ее трезво и лучше всех окружающих. Это нисколько не противоречит интровертированности. Во-первых, интровертированность лишь в значительной степени приводит к появлению оторванных от жизни идей; во-вторых, Ганс Йоггели — простой крестьянин, у которого в жизни не было стимулов к выработке абстрактного мышления. Естественно, что интровертированность Йоггели лишь расширяет его суждения о данных фактах, но не влечет за собой опасности полного отрыва от действительности.

Более ярко выраженную интровертированность наблюдаем у Ордынова из повести *Достоевского* «Хозяйка». В этом случае такая особенность личности граничит с психическим заболеванием. С детства Ордынов почти не вступает в контакт с окружающими, возможно, не только из-за интровертированности, но также из-за своей слабой общительности. Он живет в своем внутреннем мире (с. 425):

Еще в детских годах он прослыл чудаком и был непохож на товарищей. Родителей он не знал; от товарищей за свой странный, нелюдимый характер терпел он бесчеловечность и грубость, от чего сделался действительно нелюдимым и угрюм и мало-помалу ударился в исключительность. Но в уединенных минутах его никогда, даже и теперь, не было порядка и определенной системы. Теперь был один только первый восторг, первый жар, первая горячка хулиганства. Он сам создавал себе систему; она выживалась в нем годами, и в дни его мало-помалу восставал еще темный, неясный, но какой-то дивно-страшный образ идеи, воплощенный в новую, просветленную форму, и эта форма вырвалась из души его, терзая эту душу; он еще робко чувствовал оригинальность истину и самобытность ее: творчество уже сказывалось силами его; оно оформлялось и крепло.

Долгое время Ордынов совсем не сталкивался с людьми. Но он вынужден вступать с ними в контакт из-за необходимости подыскать себе новую квартиру. Во время этих поисков он чувствует себя как «отчужденным» (с. 426):

Теперь он ходил по улицам, как отчужденный, как отшельник, вышедший из своей немой пустыни в шумный и гремящий город. Все ему казалось ново и странно. Но он до того был чужд тому миру, который кипел и грохотал кругом него, что даже не подумал удивиться своему странному ощущению.

Ордынова никогда еще никто не любил, он сам никогда не испытывал этого чувства. Поэтому вспыхнувшая любовь поглощает его всецело, а последующее разочарование...

всего, погубит его, ибо в конце повести Достоевский пишет (с. 499):

Мало-помалу Ордынов одичал еще более прежнего, в чем, нужно отдать справедливость, его немцы нисколько ему не мешали. Он часто любил бродить по улицам, долго, без цели. Он выбирал преимущественно сумеречный час, а место прогулки — места глухие, отдаленные, редко посещаемые народом.

Для психиатра эта картина ясна: перед нами *аутистический психопат* столь высокой степени, что его можно назвать шизоидом, который под влиянием сильнейших душевных потрясений превращается в *аутистического шизофреника*.

Еще один персонаж Достоевского, Иван, средний из братьев Карамазовых, также весьма близок к душевному заболеванию. Он постоянно занят различными философскими и религиозными вопросами и вынашивает собственные оригинальные идеи, противоречащие, как правило, идеям и взглядам большинства окружающих людей. С тезисом «все дозволено», к которому он пришел путем философских выкладок, Иван знакомит и Смердякова, а тот, возможно, и исходил из этого тезиса, когда решился на убийство Федора Павловича Карамазова. Вставную новеллу религиозно-философского содержания «Великий инквизитор» Достоевский также вкладывает в уста Ивана. Становится ли этот персонаж под конец на самом деле психически больным или дело ограничивается лишь «нервной горячкой» — остается неясным.

Наконец, явной душевной болезнью страдает Дон Кихот. Может показаться неуместным анализ этого образа в рамках акцентуации личности. Однако в этом заболевании в аспекте медицинском, психиатрическом — слишком уж много несоответствий. Душевное заболевание Дон Кихота представляет собой скорее *вершину порожденных интровертированностью идей*, которую *Сервантес* изображает, конечно, не без поэтического преувеличения. «Рыцарь печального образа» так глубоко погружен в свои отвлеченные представления, что он не только забывает о действительности, но попросту ее игнорирует. Когда воображение рисует ему великанов, замки, прекрасную даму Дульцинею, он не способен понять, что речь идет всего-навсего о ветряных мельницах, деревенской таверне и крестьянской девушке. Там же, где его фантазия приводит к слишком резким столкновениям с действительностью, он готов предположить колдовство — лишь бы остаться в мире своих полубредовых идей. В образе Дон Кихота весьма четко — несмотря на заметное поэтическое преувеличение — показана основная тенденция *интровертированности*. Особенно она бросается в глаза благодаря тому, что постоянно поддерживается наглядным контрастом экстравертированности Санчо Пансы, партнера и антипода рыцаря. Когда ниже речь пойдет о Санчо Пансе, мы убедимся, что он фактически от Дон Кихота неотделим.

Описывая акцентуацию интровертированных личностей, а также ее комбинации, мы задавались вопросом, *способствует*

ли интровертированность параноическому развитию. Наши наблюдения над сутягами (кверулянтами) свидетельствовали скорее об обратном, так как последние большей частью гипоманиакальны. Однако вопрос о том, развивается ли гипоманиакальность параллельно с экстравертированностью, остался открытым. С уверенностью можно сказать лишь одно: параноическое развитие, направленное не в сторону *бреда преследования*, а в сторону *бреда величия*, безусловно стимулируется интровертированностью. Ибо именно в этом случае частая «игра колебаний», которая все более усиливает аффекты, меньше зависит от конфликтов с окружением человека; она обусловлена появлением мыслей, идей, которые постепенно наполняются аффективным сознанием своей значительности и исключительности. Такое развитие изображено Достоевским в «Преступлении и наказании». Мы имеем в виду Раскольникова.

Долгое время читатель не знает, что же именно побудило Раскольникова к совершению *убийства*. А дело в том, что он «уперся» в идею о существовании двух видов людей. Высшие люди обладают правом шагать по другим, низшим, ни с чем не считаясь, они имеют право и убить низшего человека, если высшая цель того требует. Раскольникову мерещится Наполеон, который, сообразно со своей великой целью, шагал по крови и трупам. Раскольников пишет даже научное исследование на эту тему. По этому случаю Порфирий говорит (с. 268):

— Все дело в том, что в ихней статье все люди как-то разделяются на «обыкновенных» и «необыкновенных». Обыкновенные должны жить в послушании и не имеют права переступить закона, потому что они, видите ли, обыкновенные. А необыкновенные имеют право делать всякие преступления и всячески преступать закон, собственно потому, что они необыкновенные. Так у вас, кажется, если только не ошибаюсь?

По этому ходу мыслей мы узнаем параноическое развитие, которое получает направление в сторону *бреда величия*, а не, как в вышеописанных случаях, в сторону *бреда преследования*. По-видимому, Раскольников долго боролся со своей идеей, а тем самым — что, впрочем, типично для таких больных — запутался в ней и сам оказался у нее в плену. В какой-то степени поняв это, он говорит Соне (с. 437):

— И неужель ты думаешь, что я не знал, например, хоть того, что если уж начал я себя спрашивать и допрашивать: имею ли я право власть иметь? — то, стало быть, не имею права власть иметь. Или что если задаю себе вопрос: вошь ли человек? — то, стало быть, уж не вошь человек для меня, а вошь для того, кому этого и в голову не заходит и кто прямо без вопросов идет... Уж если я столько дней промучился: пошел ли бы Наполеон, или нет? так ведь уж ясно чувствовал, что я не Наполеон... Всю муку всей этой болтовни я выдержал, Соня, и всю ее с плеч стряхнуть пожелал...

Учитывая это глубоко зашедшее параноическое развитие, которое извне ничем особенным не провоцировалось, можно сказать, что Раскольников является *личностью застревашей*. О личности Раскольникова в романе есть несколько замечаний. Его друг Разумихин говорит о нем однажды, что Родион Рас-

кольников «угрюм, мрачен, надменен и горд». Свидригайлов, который Раскольников не любит, говорит безусловно правду, описывая его следующим образом, причем родная сестра Родиона Дуня ничего ему не может возразить (с. 513—514):

— Оно, тоже, конечно, обидно для молодого человека с достоинствами и с самолюбием непомерным знать, что были бы, например, всего только тысячи при, и вся карьера, все будущее в его жизненной цели формируется иначе, а между тем нет этих трех тысяч. Прибавьте к этому раздражение от голода, от тесной квартиры, от рублища, от яркого сознания плачевности своего социального положения, а отсюда и положения сестры и матери. Пуще всего тщеславие, гордость и тщеславие, а впрочем, бог его знает, может и при хороших наклонностях... Я ведь его не виню, не думайте, пожалуйста; да и не мое дело. Тут была тоже одна собственная теория, — так себе теория, — по которой люди разделяются, видите ли, на материал и на особенных людей, т. е. на таких людей, для которых, по их высокому положению, закон не писан, а, напротив, которые сами сочиняют законы остальным людям, материалу-то, со-ду-то...

Эти слова и много других указывают на чрезмерную *само-надеянность* Раскольникова. Если же второй компонент параноической личности, *чувствительность*, в нем менее заметен, то это находится в соответствии с экспансивным направлением его параноического развития. И все же нельзя сказать, что чувствительность у Раскольникова полностью отсутствует. Он тяжело переносит возражения; при любом возражении в нем поднимается протест, он упорствует в принятом решении (с. 224):

— Вы думаете, — с жаром продолжает Пульхерия Александровна, — его бы остановили тогда мои слезы, мои просьбы, моя болезнь, моя смерть, может быть с тоски, наша нищета? Преспокойно бы перешагнул через все препятствия.

Эти слова матери относятся к прошлому намерению Раскольникова жениться на девушке, которая не подошла бы в семье Раскольниковых.

Однако у Раскольникова в то же время ярко выражена *интровертированность*. Своей внутренней жизнью он ни с кем не делится. Его лучшему другу Разумихину ничего не известно о его идеях. Разумихин был крайне удивлен, когда услышал о статье, написанной Раскольниковым. Замкнутость Раскольникова вообще постоянно подчеркивается в романе. Разумихин говорит о нем (с. 222):

— Чувств своих не любит высказывать и скорей жестокость сделает, чем словами выскажет сердце.

Интровертированность несомненно способствовала и тому, что Раскольников в своем параноическом развитии терялся в ходе собственных мыслей, удалялся от действительности.

Интровертированность способствует, наконец, и *эротическому развитию*. Постоянная смена надежд и тревожных опасений, часто возникающая при любовных переживаниях, у интровертированных личностей усугубляется, так как «внутренняя переработка» активизирует такие колебания. Интровертированную личность с эротическим развитием изображает *Мопассан*

в «Нашем сердце». Мариоль человек чрезвычайно чувствительный. Качеств его личности, которые в первую очередь имеют тенденцию к развитию, т. е. параноических и ананкастических черт у него нет.

Интровертированность Мариоля проявляется в том, что он вечно анализирует свои переживания, пытаясь их объяснить. Он сам говорит о себе, что слишком много размышляет обо всем и при этом расчленяет разные чувства. Один раз он упоминает даже о своих навязчивых идеях.

Ясно видна и его *чувствительность*, впечатлительность, легкая возбудимость. Мадам де Бюрн, которой хочется завоевать привязанность Мариоля, разгадывает его характер и находит ключ к его сердцу. Она проникает в эту робкую, нежную и тоскующую душу постепенно, своим вниманием и участием преодолевает сдержанность Мариоля и окончательно его покоряет.

Аффективное развитие Мариоля сопряжено с тем, что он попадает в руки женщины, неспособной на глубокую любовь, которая постоянно дает и снова отнимает то, что она дала. Она как бы швыряет его чувства то в одну, то в другую сторону; сам же он еще усугубляет такую «раздерганность чувств» — благодаря включению «мысленной переработки». В то же время чувствительность Мариоля повышает его возбудимость.

Колебания между Мариолем и мадам де Бюрн возникают уже в самом начале. Мишель окружена поклонниками, кокетничает с ними, тем не менее держит их на расстоянии. В данный момент ей хочется завоевать Мариоля, поэтому ему отдается предпочтение перед всеми остальными. Однако проявления благосклонности Мишель не могут его удовлетворить, так как она по-прежнему идет навстречу и другим, увлеченным ею молодым людям. Мадам де Бюрн сама раскрывает свои карты (с. 24):

— Не бойтесь слова «кокетка». Да, я действительно кокетничаю с людьми, которые мне нравятся. Все это знают, да я и сама не скрываю. Но присмотритесь и вы увидите, что я никому не оказываю особого предпочтения, именно это мне и позволяет сохранять всех своих друзей, ... держать их при себе.

Мариоль сразу чувствует опасность, он настороже, но в конце концов и он сражен ее кокетливой игрой, разница лишь в том, что в нем пробуждается более глубокое чувство, чем в других. С этого момента начинаются его страдания. Они перемежаются с моментами экстаза, причем смены не заставляют себя долго ждать. Мадам де Бюрн постепенно все больше приближает Мариоля к себе и наконец отдается ему. За этим следует 20 дней безоблачного восторга, когда Мишель де Бюрн ежедневно приходит в домик в саду, снятый для них обоим Мариолем. Но он уже тогда чувствует, что женщина, ставшая его возлюбленной, не принадлежит ему до конца. Вскоре появляется и подтверждение, которое его ошеломляет: в течение этих двадцати дней — дней расцвета любви, когда, как он полагал, каждая их минута была наполнена для нее новым и живым чувством, жизнь Мишель текла в старом русле. Она по-прежнему

наносила визиты и планировала вечеринки, продолжала начатые флирты, побеждала соперниц, с удовольствием выслушивала льстивые речи и расточала ласковые слова вовсе не ему одному, а многим другим. В лице появившегося в светском кругу графа Бернгауза она увидела достойный для покорения объект. Правда, она все еще предпочитает Мариоля, по-своему внимательна к нему, изредка бывает даже в домике в саду, но все это носит внешний характер, души в этом нет. Когда Мариоль пытался найти душу, он словно заглядывал «в «черную дыру». А мадам де Бюрн заверяла, что любит его и как будто и доказывала это милым приветливым отношением. Однажды он не выдержал и высказался (с. 149):

— Как странно вы смотрите на любовь. Я для вас всего-навсего один из тех, кого вы не прочь увидеть в гостиной рядом с собой! Для меня же вы означаете целый мир: я ничего не знаю, не чувствую, кроме вас, да мне ничего больше и не нужно.

Вначале счастье близости с возлюбленной и боль от ее отказа побыть вместе как бы компенсируют друг друга. Однако проявления нежности Мишель становятся все более скупыми, Мариоль вынужден дать себе отчет в том, что его любовный пыл тяготит Мишель. Он «почувствовал конец», и его страдания, вызванные бесплодной борьбой и неизменными разочарованиями из-за несбывшихся надежд, стали чрезвычайно болезненными: «Она распяла его на кресте, он истекал кровью, она видела его агонию, — но неспособна была понять эти страдания и даже оставалась довольна собой».

Ревность, мысль, что мадам де Бюрн, возможно, позволяет другим мужчинам, в особенности графу Бернгаузу больше, чем ему, доводит его до последней грани отчаяния. В этом состоянии, а то и раньше, к такой дисгармонической любви примешивается ненависть, впрочем, у Мариоля это чувство проявляется очень слабо. Он со своей чувствительной натурой, не обладающей боевыми качествами, едва ли способен на страстную ненависть. Но все же ненависть вспыхивает и в Мариоле. Это происходит тогда, когда Мишель де Бюрн, здороваясь с подругой, бурно обнимает и целует ее. Мариоль трепещет от страданий. Ни разу она не приветствовала его так сердечно, не целовала, не душила так в объятиях. И охваченный гневом он произносит: «Эти женщины, разве можно их любить?»

Уже и прежде ненависть прорывалась, когда мадам де Бюрн однажды при встрече любовалась красотой сада, а Мариоля почти не замечала (с. 166):

Он смотрел на нее и думал: так вот она, ее пылкая любовь. Впервые он ощутил ненависть к ней — ненависть обманутого мужчины — к ее лицу, к этой неуловимой душе, к этому телу, которого он так желал и которое всегда ускользало от него.

В конце концов Мариоль бежит из Парижа. Но любовь не покидает его, дни наполнены мыслями о Мишель. Думая о счастье, которое она подарила ему, о графе Бернгаузе, который,

вероятно, теперь занял его место, он продолжает и после разлуки «раскачивать» свои чувства, никак не может найти покоя. На некоторое время страдания облегчает простая милая девушка, которая в него влюбляется. Но потом он все же не в силах совладать с собой и пишет Мишель письмо; та зовет его вернуться. Правда, он увозит с собой, возвращаясь, и милую девушку, с ее искренними чувствами, поэтому можно надеяться, что она в будущем вытеснит из его души мадам де Бюрен с ее половинчатой натурой.

В описанном случае кокетливая игра мадам де Бюрен явно стимулировала эротическое развитие, но лишь наличие интровертированности и чувствительности могло привести к развитию в таких масштабах.

Психологически картину эротического развития в «Нашем сердце» можно понять еще лучше, если сравнить его с психологической ситуацией в романе *Генриха Манна* «Охота за любовью». Его герой Клод точно так же глубоко и, собственно, без взаимности, как и Мариоль, привязан к женщине. Разлука с возлюбленной приводит даже к постепенному физическому угасанию Клода, вплоть до смертельного исхода. И все же здесь нет чрезмерной любви, психологические предпосылки для нее отсутствуют. Клод не колеблется между экстазами любви и тяжким разочарованием, так как любимая всегда отвечает ему отказом. Ута всецело посвятила жизнь погоне за славой, которой она, будучи актрисой, хочет добиться во что бы то ни стало. Ради карьеры она даже отдается двум старым, авторитетным в театральном мире, мужчинам; в то же время отвергает все попытки Клода к эротическому сближению. При таком категорическом отказе любовь истощает себя: когда любви нечем питаться, она исчезает. Сестринская привязанность, которую Ута испытывает к Клоду, не может заменить любовь, стать ее эрзацем. К этому следует добавить, что Клод не обладает четко выраженной акцентуацией личности, да и, собственно говоря, не страдает от недостатка любви: он любит других женщин, подчас даже пылко, а они отвечают ему взаимностью. Таким образом, в романе Г. Манна отсутствует та психологическая последовательность действия, которая впечатляет в «Нашем сердце».

Интровертированно-гипертимические личности

Особый интерес представляет собой сочетание интровертированности и гипертимичности. Личность гипертимическая направлена «наружу», она характеризуется деловитостью, отвлекаемостью и большой словоохотливостью. Напрашивается мысль, что интровертированность в таких случаях исключается. Однако это не так, что было уже показано выше: обе эти особенности находятся в различных плоскостях психической структуры, и каждая из них распознается отдельно. Превосходный пример

интровертированно-гипертимической личности дает Томас Манн в «Волшебной горе». Итальянец Сеттембрини всегда оживлен, разговорчив, даже болтлив, он все обо всех знает, постоянно острит и весело заигрывает с проходящими мимо девушками. У него, несомненно, гипертимический темперамент. При первой же встрече с Гансом Касторпом и его двоюродным братом он обнаруживает свой живой веселый нрав, а также несколько скачкообразный ход мыслей. Именем «Радамант» в приводимом фрагменте он шутливо называет доктора Беренса, ведущего врача санатория (с. 87):

— Да что вы? — воскликнул Сеттембрини.— Превосходно! — бросил он в пространство и, смеясь, откинулся назад.— Как это поется в опере вашего композитора? «Я птицелов, всегда я весел и здоров». Словом, все это весьма занято. И вы решили последовать его совету? Без сомнения? Да и почему не последовать? Чертов приспешник этот Радамант! И потом всегда «весел», хотя иной раз и через силу. У него же склонность к меланхолии. Его порок ему идет во вред — впрочем, что это был бы иначе за порок?.. Табак вызывает в нем меланхолию — почему наша достойная всякого уважения старшая сестра и взялась хранить его запасы курева и выдает ему на день весьма скромный рацион. Говорят, что иногда, будучи не в силах противиться соблазну, он крадет у нее табак, а затем впадает в хандру. Короче говоря — смятенная душа. Вы, надеюсь, уже познакомились с нашей старшей сестрой? Нет? А следовало! Как же вы не домогались знакомства с ней? Это ошибка! Она ведь из рода фон Милендонков, сударь мой. А от Венеры Медицейской отличается тем, что там, где у богини перси, у нее крест...

Несмотря на исключительную гибкость и подвижность своего ума, Сеттембрини обладает собственными весьма твердыми взглядами, он всецело независим от высказываний окружающих. Он часто ведет философские беседы с Гансом Касторпом и непрерывно спорит с господином Нафта, своим научным противником. Больше всего его занимает некая идея, которую он хочет детально развить в задуманной книге. В центре идеи стоит вопрос о том, как можно наилучшим образом обеспечить прогресс человечества? В связи со сказанным спрашивается вывод, что Сеттембрини — *личность интровертированная*.

Обе эти стороны, гипоманикальность и интровертированность, проявляются в следующем обращении к Гансу Касторпу (с. 247—248):

— Что я слышу, инженер? Знаете, какие до меня доходят вести? Ваша Беатриче возвращается? Ваша водителница по всем девяти кругам рая? Что ж, хочу надеяться, вы и тогда не отвергнете окончательно направляющую дружескую руку своего Вергилия? Наш сидящий здесь Экклезиаст подтвердит вам, что картина *medio evo* окажется неполной, если францисканской мистике не будет противостоять, как полюс, идея познания, созданная томизмом.

Этими веселыми и шутливыми словами Сеттембрини намекает Гансу Касторпу на предстоящее возвращение его любимой, Клавдии Шоша, но делает он это в форме, свидетельствующей о его большой начитанности в таких областях, которые весьма отдалены от актуальных проблем сегодняшнего дня. Обе черты темперамента представлены и в следующем отрывке (с. 46—47):

Сеттембрини тотчас с удивительной непринужденностью преодолел недовольство или замешательство, которое обнаружил при виде молодых людей.

Он казался в отличном настроении и, знакомя их, весело подшучивал — так, например, он представил им Нафту в качестве «*principis scholasticorum*».

— Радость,— возгласил он,— «царит в чертогах моей груди» — по выражению Аретино, и это заслуга весны, весны, которую он особенно ценит.

Сначала нам кажется странным, что ученый человек увеселяет всех своей находчивостью и остроумиями, но впоследствии оказывается, что это психологически вполне объяснимо. Томас Манн представил нам впечатляющую комбинацию двух типов темперамента. Правда, некоторое поэтическое преувеличение и здесь налицо: такой *ярко выраженный гипоманиак*, как Сеттембрини, не может обладать *столь же ярко выраженной интровертированностью*. Но подобное преувеличение не искажает картины, напротив, оно делает ее более четкой.

Экстравертированные личности

Подобно тому как Дон Кихот представляет собой тип интровертированной личности, Санчо Панса — личность *типично экстравертированная*. Он во всем является противоположностью своему господину, видит перед собой одну лишь объективную действительность. Именно поэтому Санчо олицетворяет практический подход к вещам, здравый рассудок, противостоящий оторванности от жизни Дон Кихота.

Перед первым приключением Дон Кихота, борьбой с ветряными мельницами, *Сервантес* изображает следующую сцену:

С этими словами Дон Кихот вонзил шпоры в бока Россинанта, не обращая внимания на крики Санчо, который уверял его, что, вне всякого сомнения, он нападает не на великанов, а на ветряные мельницы.

Дон Кихот и Санчо вступают в ожесточенный спор и перед трактиром, здание которого пока еще неясно перед ними вырисовывается. Когда они подъезжают ближе, Санчо вообще не обращает внимания на слова Дон Кихота:

Не прошел он и мили, как судьба, которая от добра к добру вела его, направила его на дорогу, где вскоре завидели они постоялый двор, который Дон Кихоту (но отнюдь не Санчо) показался замком. Санчо уверял, что это постоялый двор, а его господин — что это замок. И так затянулся их спор, что они, не закончив его, прибыли на место, и Санчо, не спрашивая, куда упал, проследовал во двор со всем своим обозом.

В дальнейшем еще одна комическая сцена разыгрывается перед двумя овечьими стадами, которых Дон Кихот принял за два рыцарских войска:

Внимательно слушал его Санчо, не решаясь проронить ни слова, и только время от времени поворачивал голову в надежде увидеть рыцарей и великанов, которых перечислял его господин; но так как ни одного из них ему не удалось обнаружить, то в конце концов он сказал: — Куда к черту запровадились, сеньор, все эти рыцари и великаны, о которых говорит ваша милость? Я, по крайней мере, ни одного из них не вижу. Или все они так зачарованы, как призраки, являвшиеся к нам прошлой ночью?

Когда Дон Кихот тотчас же после этого бросается в атаку, Санчо кричит ему вслед:

— Господин мой, сеньор Дон Кихот, вернитесь. Клянусь моей душой, вы нападаете на овец и баранов! Вернитесь, заклинаю вас именем отца небесного! Ну, что это за безумие! Верьте мне, здесь нет ни великанов, ни рыцарей, ни кошек, ни доспехов, ни щитов цельных или четырехпольных, ни небесной лазури, ни всей этой вашей чертовщины. Да что же он делает, грехи мои тяжкие!

Все же многое из того, что говорит Дон Кихот, Санчо принимает за чистую монету. Например, он твердо верит в то, что окончательной его наградой в случае победы будет титул наместника некоего острова. Впрочем, экстравертированности Санчо это ни в коей мере не противоречит, ибо, как уже отмечалось выше, понятие экстравертированности и реализм отнюдь не являются синонимами и отождествлять их нельзя.

Экстравертированная личность достаточно бездумно принимает все, что ей предлагается объективной действительностью. Но в силу отсутствия критического мышления она безоговорочно и наивно верит и слову — рассказам, обещаниям окружающих. Чаще всего в ирреальности, сумасбродстве идей своего господина Санчо убеждается собственными глазами; обещания же — совсем другое дело, тем более, если они соответствуют желанию человека, выношенной им мечте. Особенно ярко эта *легковерность* Санчо однажды проявляется, когда его самого, не без оснований считающего своего господина «глупцом», принимают за круглого дурака. Например, когда герцог, при дворе которого гостят Дон Кихот и Санчо, назначает (конечно, шутки ради) церемонию введения Санчо в сан наместника острова, всю эту злую каверзу Санчо Панса принимает за чистую монету. Несомненно, в этом эпизоде немало художественного преувеличения со стороны Сервантеса — чего только он не нагромождает, заставляя нас поверить в нелепую доверчивость Санчо. И все же это хорошо вписывается в рассказ о личности в высокой степени экстравертированной, которая все, о чем ей рассказывают, принимает как неопровержимый факт — словно ребенок, слушающий волшебную сказку.

К экстравертированности относится также *стремление и готовность чувств человека выражаться во внешних проявлениях*. У Санчо Пансы это особенно заметно тогда, когда им овладевает чувство страха. А испытывает он это чувство на каждом шагу, в чем также, между прочим, является полной противоположностью своему господину.

В целом нельзя отрицать, что в образе Санчо Пансы Сервантес чрезвычайно удачно показал тип *экстравертированной личности*. Благодаря художественному преувеличению все характерное и здесь выступает необыкновенно ярко.

Интровертированной личности противопоставляет экстравертированную и *Аристофан* в комедии «Облака», в диалоге между Сократом и Стрепсиадом. Исторически Сократ со своим миром идей был личностью несомненно интровертированной. У Аристофана его идеи абсурдны, так, например, облака являются у него богами. Он приветствует Стрепсиада словами: «Хочешь ли ты

проникнуть в глубину сущности богов? И сам вести беседу с облаками, которые и есть наши боги?» Свои идеи Сократ разрабатывает в «мастерской глубоко ученых мыслителей». Для Стрепсиада же с его экстравертированной натурой критерием истинности любого учения является проверка нашими ощущениями. Сократ воспринимает облака как «божественные силы, внушающие нам мысли, идеи, понятия, дающие нам диалектику и логику». Стрепсиад в ответ удивленно восклицает: «Да неужели? Право же я всю жизнь видел в облаках только влагу, туман и испарения».

В этой комедии Сократ выведен как представитель софистов, способных всегда исказить истину с помощью искусных поворотов красноречия. Стрепсиад не прочь подучиться у Сократа, чтобы с помощью ловкого искажения права избавиться от собственных долгов. Когда Стрепсиад видит, что обманулся в своих ожиданиях, он взбирается на кровлю дома Сократа, чтобы разрушить строение сверху. Глядя вверх, Сократ спрашивает о цели пребывания Стрепсиада на чужой кровле. Гримасничая, как обезьяна, и подражая патетическому тону Сократа в прошлом, Стрепсиад изрекает: «Я парю в воздухе, но Гелиоса не замечаю».

Эта фраза полностью повторяет слова Сократа, сказанные им когда-то в пылу философского спора. Но Стрепсиад вкладывает в нее совсем иной, насмешливый смысл. Отсюда — вывод о том, насколько различный смысл может вкладываться интровертированной и экстравертированной личностью в одни и те же слова.

Санчо Панса и Стрепсиад люди примитивные, необразованные, интеллект их весьма скуден. Им чужд собственный взгляд на вещи, именно поэтому их экстравертированность проявляется особенно резко.

В связи с этим целесообразно показать и такую экстравертированную личность в художественной литературе, которая выделяется как своим авторитетным положением в обществе, так и своими выдающимися достижениями. Я имею в виду Вильгельма Телля в драме *Шиллера*.

По индивидуальному складу, да и по занимаемому положению Вильгельм Телль представляет собой прямую противоположность Санчо Пансе. Он умен, достаточно образован, он — свободный человек среди своих владений, а поэтому весьма уверен в себе. В таких условиях *экстравертированность* его не так резко бросается в глаза. Особенно подчеркивается несходство между ним и Санчо Пансой тем, что Вильгельм Телль не знает страха, в то время как у Санчо Пансы трусость является особенно характерной отрицательной чертой.

Вильгельм Телль — человек на редкость мужественный. В сочетании с экстравертированностью мужество может превратиться в отчаянную смелость (в удалство), относящуюся к сфере стремлений и склонностей.

Вильгельм Телль непосредственно реагирует на ситуации, с которыми сталкивает его жизнь, долго он не раздумывает. Уже такая непосредственность носит экстравертированный характер. Он постоянно находится как бы в поисках новых переживаний. Это хорошо показано в одном из его разговоров с женой (с. 654):

Г е д в и г а:

Прощай семья, покой...

Т е л л ь:

Покой мне чужд.

Я не рожден быть пастухом. Я должен
За целью ускользающею гнаться;
И лишь тогда жизнь для меня отрада,
Когда в борьбе проходит каждый день.

Г е д в и г а:

А я одна, с детьми оставшись дома,
Тебя в тоскливом страхе поджидаю.
И с ужасом я слушаю рассказы
О ваших дерзких подвигах в горах.
Боюсь, тебя я больше не увижу.
Мне чудится, меж диких вечных льдов
Ты, оступившись, падаешь с утеса.
Иль вижу я, ты серну шиб — и в пропасть
Она тебя с собою увлекает.
Иль вдруг тебя засыпало лавиной,
Вдруг под тобой коварный треснул лед...
И ты летишь в ужасную могилу,
Чтоб заживо быть в ней похороненным.
Ах, сотни раз меня облик свой,
Смерть мчится за охотником в горах!
Какой злосчастный промысел — он вас
На край бездонной пропасти приводит.

Т е л л ь:

Кто ловок, осмотрителен, силен,
На бога уповает, тот легко
Беду любую побороть сумеет.
Природным горцам горы не страшны.

Теллю чуждо чувство страха. Как личность экстравертированная он не видит грозящей ему опасности. Если бы он ясно представлял себе все то, что пугает его жену, то он не действовал бы сломя голову.

Характерно для Телля и его поведение у озера, перед лицом разбушевавшейся стихии. Он решается плыть, чтобы спасти Баумгартена, которому угрожают преследователи. Рыбак-хозяин челна отказывается плыть с ним (с. 600—601):

Р у о д и:

И мне придется жизнь свою сгубить,
И у меня в дому жена и дети...
Бушуют волны, яростен прибой,
Водоворот до дна взбурился пучину...
Он честен, смел, я рад его спасти;
Судите сами — это невозможно.

Сначала Телль пытается уговорить Руоди все же сделать попытку спасти Баумгартена. После окончательного отказа

Руоди Телль решается сам броситься на челне в пучину волн (с. 602):

Руоди:

Будь он мне брат, мое дитя родное —
Иуды день и Симона сегодня,—
Пучина алчет жертв — я не дерзну!

Телль:

Пустою речью делу не помочь.
Поторопись, ждет помощи бедняга...
Что ж, лодочник, возьмешься?

Руоди:

Ни за что!

Телль:

Так с нами бог! Ты лодку мне доверь.
Попробую, коль сил моих достанет.

Рыбак Руоди отнюдь не трус, в чем мы убеждаемся в ряде других эпизодов драмы, однако взвесив обстоятельность, он имел все основания отказать от намерения броситься на борьбу с бурными волнами. Поступок же самого Телля представляется нам не столько отважным, сколько *безрассудным*. Прежде чем занять место в челне, он поручает пастуху утешить жену и детей в случае его гибели, однако экстравертированность мешает ему думать о семье серьезно. Отвага может позволить ему не бояться за себя, но следовало бы посчитаться с семьей, которую он оставлял без кормильца.

Особенно сильное впечатление производит экстравертированность Телля в сцене, где друзья обращаются к нему с просьбой принять участие в общей борьбе против владетельного тирана. В начале беседы Телля с Штауффахером нам кажется, что он хочет уклониться от этой борьбы, но вскоре мы убеждаемся, что Телль не боится борьбы, ему просто неприятны пустые разговоры на эту тему (с. 615):

Штауффахер:

Что ж, родине на вас надежды нет,
Когда придет нужда к самозащите?

Телль:

Телль вытащит из пропасти ягненка,
Так разве он друзей в беде покинет?
Но вы не ждите от меня совета:
Я не умею помогать словами.
А делом захотите вы ответа,
Звоните Телля — он пойдет за вами.

Склонность действовать без предварительных размышлений, которая свойственна экстравертированным личностям, приводит к тому, что Телль попадает в руки своего смертельного врага Геслера. Всем известно, что в Альтдорфе на шесте установлена шляпа, являющаяся символом власти имперского наместника. Каждый, кто проходит мимо шляпы, обязан ее приветствовать. Друзья Телля стараются не появляться поблизости от шляпы, и только Телль, забыв о ней, мирно беседует со сво-

им сынишкой, проходя мимо шеста. Шляпу он, естественно, не приветствует, и его задерживают. Допрашивает Телля сам Геслер, проходящий мимо, и Телль чистосердечно признает, что «не подумал» о приказе (с. 671):

Телль:

Простите, сударь! Я не из презренья —
По безрассудству ваш приказ нарушил.
Будь я другой, меня б не звали Телль,
Помилуйте, я впредь не провинюсь.

Таким образом, Телль сам квалифицирует свой поступок как *безрассудный*. А затем, чуть избавившись от страшной опасности — попасть в голову собственного сына из лука, — он снова совершает необдуманый поступок, который грозит тяжелым бедствием. На вопрос Геслера, кому предназначалась вторая стрела, Телль отвечает (с. 680):

Телль:

Что ж, если вы мне жизнь дарите, сударь,
Я вам скажу всю правду без утайки,
Стрелюю этой я пронзил бы... вас,
Когда бы я попал в родного сына, —
И тут уж я не промахнулся б, нет!

Геслер сдержит свое обещание не убивать Телля, но он хочет «упрятать» знаменитого стрелка понадежнее. Всем ясно, что ничего доброго это не сулит. Друзья Телля приходят в ужас, Штауффхер, обращаясь к нему, восклицает: «И надо ж было изверга дразнить» (с. 621).

Когда Телль совершает свой подвиг — посылает стрелу в сердце тирана, и тут сказываются особенности его личности. Решение Телль принимает непосредственно под влиянием событий. С небывалой отвагой покинув корабль Геслера, который нес его к тюрьме, к гибели, он осознает необходимость уничтожения наместника. Он ни с кем не советуется, не колеблется, что было бы вполне естественно, если учесть цель героя пьесы. Поджидая Геслера, который должен проехать у подножия горы, где находится Телль, он, спокойно и приветливо разговаривая с горцами, пронзает стрелой сердце ландфохта. Впрочем, Телль не мог бы действовать успешнее даже при самой тщательной подготовке. Мы видим, как его поступки активизируются благодаря ситуации, которая благоприятствует немедленному принятию решения.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет тот факт, что *тирана у Шиллера уничтожает экстравертированная личность*. Шиллер как бы хотел подчеркнуть этим невинность, непосредственность поступков убивающего. К решению убить тирана Телля толкают только те злодеяния, которые совершены Геслером непосредственно в отношении самого Телля и его земляков; кровавая расправа вызвана издевательствами и тяжкими преступлениями наместника.

Какие-либо скрытые желания добиться положения, почестей Теллю абсолютно чужды. Вообще открытые, общительные натуры в гораздо большей мере заслуживают доверия, чем интровертированные: они на самом деле таковы, какими мы их воспринимаем. Недобрый замысел таких людей сразу можно разгадать. Такие личности напоминают детей, неспособных что-либо скрыть. Телль невинен именно как ребенок. Противоположность между ним и жестоким коварным убийцей здесь как бы подчеркнута.

Вообще экстравертированность имеет много общего с детским складом психики, часто экстравертированные люди оказываются умственно несколько незрелыми. Это положение также нашло отражение в художественной литературе.

Экстравертированной личностью именно *по незрелому складу психики* является Алеша из «Униженных и оскорбленных» Достоевского. Ума у него действительно не больше, чем у ребенка. Наташу за дружбу с ним прозвали «подругой мальчика», и любит она его почти как мать. Его вторая подруга, Катя, быстро берет над ним верх, хотя сама она еще ребенок (с. 113):

Если он не мог сам мыслить и рассуждать, то любил именно тех, которые за него мыслили и даже желали,— а Катя уже взяла его под опеку... Алеша мог привязаться только к тому, кто мог им властвовать и даже повелевать... Вот как говорит о нем его отец: Алеша без характера, легкомыслен, чрезвычайно нерассудителен, в двадцать два года еще совершенно ребенок и разве только с одним достоинством, с добрым сердцем,— качество даже опасное при других недостатках.

Всем приведенным характеристикам соответствует поведение Алеши. Он убеждает Наташу покинуть родительский дом с тем, чтобы немедленно выйти за него замуж. Однако он ничего не подготовил для венчания, не знает, где, когда и кем этот обряд будет совершаться. Венчание так и не состоялось, а Наташа не очень на нем настаивает и не проявляет никакой активности. Алеша безумно увлечен своей возлюбленной, когда он находится рядом с нею, но полностью попадает под влияние отца, когда он рядом с ним. Подобно ребенку, он поддается влиянию любого человека. Князь (его отец) настаивает на его дружбе с Катей, и теперь Алеша больше любит ту из двух девушек, с которой он чаще и дольше видится. Алеша обладает и типичной доверчивостью детей: от людей, которые к нему хорошо относятся, он не способен ничего скрывать. Например, Наташе он откровенно признается в своей возрастающей любви к Кате, рассказывает о своих встречах с нею. Он всегда счастлив, когда Наташа прощает его.

Читатель видит, что Алеша постоянно обращен к внешним впечатлениям, он неспособен самостоятельно что-то продумать, что-то спланировать. К этому можно добавить, что это хороший ребенок, несмотря на то, что он часто причиняет боль близким людям. Например, его всегда охватывает глубокое раскаяние, когда он по необдуманности или под влиянием дурного человека заставляет страдать Наташу. Описанные ситуации да-

ют достаточно четкую картину экстравертированности этого юноши.

Детские реакции на события мы наблюдаем и у Фабрицио дель Донго, героя романа «Пармский монастырь» Стендаля. В 16 лет, когда он, собственно говоря, и по возрасту еще ребенок, он бежит, чтобы присоединиться к армии Наполеона, за которого мечтает сражаться. Он совершает множество необдуманных поступков, наполеоновские солдаты принимают его за шпиона и едва не расстреливают. Он участвует в битве при Ватерлоо, он сталкивается с поистине ужасающими сценами, но они задевают его хоть и сильно, однако поверхностно, что типично для детей. Он возмущен французами, бегущими с равнины Ватерлоо, доверчив и неосторожен с людьми, на устах которых играет приветливая улыбка. Однако точно так же необдуманно и наивно он ведет себя и в 23 года. Хотя из-за былой приверженности Наполеону его все еще считают изменником родины, однако в один прекрасный день, следуя импульсивному желанию навестить своего старого учителя, аббата Бланеса, он отправляется на территорию, принадлежащую Австрии, где ему грозит арест. Встреча с аббатом состоялась и не повлекла за собой никаких осложнений, но вот на обратном пути он задумал во что бы то ни стало поглядеть на «свое дерево», т. е. на старый каштан, к которому еще в детстве питал особую любовь. Чтобы удовлетворить эту прихоть, он вынужден совершить большой объезд; кроме того, он целый час задерживается у дерева, ему хочется и подрезать сухие ветви, и разрыхлить землю у корней, хотя он отчаянно рискует: каждую минуту может появиться полицейский патруль и потребовать у него предъявить паспорт. Но и тут ему везет. Благополучно перейдя границу, он весело рассказывает о своих опасных приключениях. Позднее ему грозит арест уже в двух странах, и все же он беззаботно пребывает в одной из них, лишь бы в данный момент на горизонте не сгустились тучи преследования. Он беспечно совершает со своей подругой Мариеттой прогулки по Болонье. О герцогине Сансеверине, которая питает к нему такое сильное чувство, Фабрицио и не думает (с. 225):

Фабрицио зажил в Болонье в глубокой и безмятежной радости. Простодушная склонность весело довольствоваться тем, что наполняло его жизнь, сквозила в его письмах к герцогине, так что она даже была раздосадована. Фабрицио едва заметил это.

Ребяческим складом натуры объясняется и то, что в этот период Фабрицио дель Донго еще не способен на глубокую любовь (с. 227):

— Называть меня мечтателем? Станный упрек! Я ведь даже влюбиться неспособен!.. Но как, право, странно: я совсем неспособен на то всепоглощающее и страстное волнение, которое зовут любовью! Среди всех связей, которые по воле случая были у меня, разве мне встретилась хоть одна женщина, свидание с которой было бы мне приятнее прогулки верхом на породистой лошади? Неужто то, что зовут любовью, опять-таки ложь?

И еще когда только зарождается любовь, которая захватывает его потом без остатка, Стендаль пишет: «Короче говоря, у Фабрицио не было никакого опыта в истинной любви, он никогда, даже в самой слабой степени, не знал ее волнений». Даже в наружности Фабрицио сохранилось нечто детское. Стендаль упоминает и о «тонких нежных чертах его лица», и о его «невыразимом обаянии». В это время Фабрицио было 25 лет.

Поскольку именно в этом возрасте он глубоко и до конца жизни полюбил, то возможно, что замыслом Стендаля было показать несколько запоздавшее эмоциональное созревание. Но в таком случае следовало бы ожидать, что и безрассудные реакции Фабрицио теперь должны прекратиться. В романе, однако, дело обстоит иначе.

В момент заключения в тюрьму, в которую он в конечном счете все же угодил из-за своего легкомыслия, он влюбляется в дочь коменданта тюрьмы. Поскольку он может общаться с нею через окно своей камеры, он забывает о грозящей ему опасности, отныне все его существование сосредоточивается на Клелии Контти. Клелия, обеспокоенная тем, что враги могут отравить Фабрицио, делится с ним своими опасениями, на что Фабрицио отвечает: «Да еще никогда в жизни я не был так счастлив... Не правда ли, странно, что счастье ждало меня в тюрьме?» После освобождения из тюрьмы он должен будет для проформы отправиться на некоторое время в другое место заключения, до окончательной отмены приговора суда. Однако к ужасу своих друзей он вновь возвращается в цитадель, где господствуют его враги. Для Фабрицио же в данный момент важно лишь одно: быть вблизи Клелии. Лишь срочное вмешательство Клелии спасает Фабрицио от смертельного отравления. Граф Моска, всемогущий покровитель Фабрицио, в отчаянии восклицает: «О великий боже, мне поистине не везет с этим ребенком!»

До конца жизни у Фабрицио сохранились особенности экстравертированной личности с ее импульсивными реакциями на постоянно меняющиеся жизненные ситуации. Но любовь его к Клелии оказалась глубокой и постоянной. Мы не решаемся настаивать здесь на психологической совместимости таких проявлений, поскольку детская экстравертированность характеризуется той беглостью, «летучестью» чувств, которая не уживается с их постоянством. А ведь в романе показано, что психология Фабрицио отличалась типичной переменчивостью экстравертированного ребенка.

Детские черты характеризуют и Тони Будденброк (в замужестве Грюнлих, во втором браке Перманедер) из романа «Будденброки» Томаса Манна. Такой ее, несомненно, задумал и сам автор, так как брат Тони по ходу действия романа неоднократно повторяет, что она «остаётся ребенком». Когда Тони исполнилось сорок лет, тот же брат лаконично заявляет: «А Тони все равно ребенок». В сорок лет и даже гораздо позднее став уже бабушкой, Тони сохраняет свою непосредственность и

трогательную манеру плакать. Она и сама себя всегда чувствует немного ребенком и нередко сама себя называет «дурочкой» или даже «глупой гусыней».

Тони вся отдается чувствам, порождаемым мгновениями, какое-либо новое впечатление может вызвать у нее быстрый переход от радости к печали. Тот факт, что ей придется вступить в брак с нелюбимым ею господином Грюнлихом, полностью выветривается у нее из памяти во время каникул, проводимых у моря. Она безмятежно радуется свободе, влюбляется в студента-медика и соглашается вступить с ним в брак, хотя отлично знает, что на данный брак родители согласия не дадут. Лишь по дороге домой ею овладевают печальные мысли. Вскоре происходит и ее обручение с Грюнлихом, и это как нельзя лучше показывает, что Тони неспособна на длительное сопротивление, на упорное отстаивание своих решений. Впрочем, здесь играет роль и другое, тоже детское чувство: она по-детски гордится тем, что поступает в интересах знаменитого рода Будденброков, который имеет право рассчитывать на солидного уважаемого зятя. Если жизнь сталкивает Тони с событиями грустными или даже мрачными, она реагирует на это несдержанными излияниями горя, лишая тем самым подобное переживание глубины. Первый муж ее оказывается мошенником и обманщиком. Второго она покидает под влиянием внезапного импульса. Добиться у родных согласия на развод с Перманедером ей, правда, удастся, но тут играют роль особые обстоятельства: Тони воспитана в сугубо светском духе и вряд ли сможет выдержать до конца дней жизнь с грубовато-добродушным мюнхенцем, интересы которого не выходят за пределы ежедневной кружки пива в городской пивной.

Но госпожа Перманедер обладает и такими чертами, которые выходят за рамки детской экстравертированности. Например, ее гордость носить, с одной стороны, ребяческий характер, она коренится в благоговении перед семьей, к которой Тони принадлежит; судьбы семьи и всего рода Будденброков записаны в особой почетной книге, хранящейся у старшего в роду. Но зато величественная надменность, проявляемая иногда Тони, не может считаться «детской» чертой. В такой надменности чувствуется даже некоторый пафос, которого Тони вообще не лишена. Если она не встречает сопротивления, то умеет действовать по заранее разработанному плану и добиваться своего с завидной энергией.

Обычно инфантильные личности не способны ни рассуждать, ни действовать самостоятельно. Во время приема у врача такие личности легче всего определяются по характерной для них пассивности: они не имеют собственного мнения о причинах, вызывающих неприятные болезненные явления, а доверчиво ждут, что скажет им врач. С такой доверчивостью, не сопровождаемой оценкой своих поступков, сталкиваемся у Алеши в романе «Униженные и оскорбленные».

Я заканчиваю свой труд упоминанием персонажа *Достоевского*. Именно произведения Достоевского больше всего и лучше всего снабжают специалистов информацией о том, что собой представляют акцентуированные личности. И все же этот автор — не единственный, а один из многих художников слова, которые дают богатый материал для изучения личности в психологическом плане.

**СПИСОК ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, АНАЛИЗИРУЕМЫХ
И ЦИТИРУЕМЫХ В КНИГЕ**

1. *Аристофан. Облака* // Комедии: В 2 т.: Пер. с греч.— М., 1954.— Т. 1.— 452 с.
2. *Байрон Дж. Г. Дон Жуан* // Собр. соч.: В 3 т.: Пер. с англ.— М., 1974.— Т. 3.— 576 с.
3. *Байрон Дж. Г. Сарданапал* // Собр. соч.: В 3 т.: Пер. с англ.— М., 1974.— Т. 2.— 544 с.
4. *Бальзак Оноре. Тридцатилетняя женщина* // Собр. соч.: Пер. с фр.— М., 1952.— Т. 2.— 636 с.
5. *Де Виньи Альфред. Неволя и величие солдата*: Пер. с фр.— Л.: Наука, 1968.— 187 с.
6. *Гebbель Фрид. Агнесса Бернауэр* // Избр. произведения: В 2 т.: Пер. с нем.— М., 1978.— Т. 1.— 639 с.
7. *Гebbель Фрид. Ирод и Мариамна* // Избр. произведения: В 2 т.: Пер. с нем.— М., 1978.— Т. 1.— 639 с.
8. *Гebbель Фрид. Нибелунги* // Избр. соч.: В 2 т.: Пер. с нем.— М., 1978.— Т. 2.— 672 с.
9. *Гельдерлин Фр. Гиперион* // Собр. соч.— М., 1969.— 546 с.
10. *Гете И. В. Избирательное сродство* // Собр. соч.: В 10 т.: Пер. с нем.— М., 1975.— Т. 6.— 478 с.
11. *Гете И. В. Годы ученья Вильгельма Мейстера* // Собр. соч.: В 10 т.: Пер. с нем.— М., 1978.— Т. 7.— 527 с.
12. *Гете И. В. Годы странствий Вильгельма Мейстера* // Собр. соч.: В 10 т.: Пер. с нем.— М., 1979.— Т. 8.— 462 с.
13. *Гете И. В. Поэзия и правда* // Собр. соч.: В 10 т.: Пер. с нем.— М., 1977.— Т. 3.— 718 с.
14. *Гете И. В. Ифигения в Тавриде* // Собр. соч.: В 10 т.: Пер. с нем.— М., 1977.— Т. 5.— 622 с.
15. *Гоголь Н. В. Женитьба* // Собр. соч.: В 7 т.— М., 1976—1977.— Т. 4.— 446 с.
16. *Гоголь Н. В. Шинель* // Повести — М., 1951.— 544 с.
17. *Гольдони Карло. Веер* // Комедии: В 2 т.: Пер. с ит.— М.; Л., 1959.— Т. 2.— 710 с.
18. *Гольдони Карло. Ворчун-благодетель* // Комедии: В 2 т.: Пер. с ит.— М.; Л., 1959.— Т. 2.— 710 с.
19. *Гольдони Карло. Самодуры* // Комедии: В 2 т.: Пер. с ит.— М.; Л., 1959.— Т. 2.— 710 с.
20. *Гольдони Карло. Слуга двух господ* // Комедии: В 2 т.: Пер. с ит.— М.; Л., 1959.— Т. 2.— 710 с.
21. *Грильпарцер Фр. Медea* // Пьесы: Пер. с нем.— М.; Л., 1961.— 767 с.
22. *Гюго Виктор. Отверженные* // Собр. соч.: В 15 т.: Пер. с фр.— М., 1953—1956.— Т. 6—8.— 672, 688, 348 с.
23. *Достоевский Ф. М. Бесы* // Собр. соч.: В 10 т.— М., 1957.— Т. 7.— 760 с.
24. *Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы* // Собр. соч.: В 10 т.— М., 1957.— Т. 9, 10.— 636 с.
25. *Достоевский Ф. М. Дядюшкин сон* // Собр. соч.: В 10 т.— М., 1957.— Т. 2.— 664 с.
26. *Достоевский Ф. М. Идиот* // Собр. соч.: В 10 т.— М., 1957.— Т. 6.— 736 с.
27. *Достоевский Ф. М. Преступление и наказание* // Собр. соч.: В 10 т.— М., 1957.— Т. 5.— 624 с.

28. Достоевский Ф. М. Униженные и оскорбленные // Собр. соч.: В 10 т.— М., 1957.— Т. 3.— 724 с.
29. Достоевский Ф. М. Хозяйка // Собр. соч.: В 10 т.— М., 1957.— Т. 1.— 684 с.
30. Дюма Ал. Три мушкетера: Пер. с фр.— Иркутск, 1980.— 703 с.
31. Еврипид. Геракл // Трагедии: В 2 т.: Пер. с греч.— М., 1969.— Т. 1.— 638 с.
32. Еврипид. Ипполит // Трагедии: В 2 т.: Пер. с греч.— М., 1969.— Т. 1.— 638 с.
33. Еврипид. Ифигения в Авлиде // Трагедии: В 2 т.: Пер. с греч.— М., 1969.— Т. 2.— 720 с.
34. Еврипид. Ифигения в Тавриде // Трагедии: В 2 т.: Пер. с греч.— М., 1969.— Т. 1.— 638 с.
35. Еврипид. Орест // Трагедии: В 2 т.: Пер. с греч.— М., 1969.— Т. 2.— 720 с.
36. Еврипид. Электра // Трагедии: В 2 т.: Пер. с греч.— М., 1969.— Т. 2.— 720 с.
37. Золя Эмиль. Нана // Собр. соч.: Пер. с фр.— М., 1957.— Т. 7.— 607 с.
38. Ибсен Генрик. Бранд // Собр. соч.: Пер. с норв.— М., 1958.— Т. 2.— 774 с.
39. Ибсен Генрик. Кукольный дом // Собр. соч.: Пер. с норв.— М., 1958.— Т. 3.— 856 с.
40. Кальдерон де ла Барка. Жизнь — это сон // Пьесы: В 2 т.: Пер. с исп.— М., 1961.— Т. 1.— 702 с.
41. Кальдерон де ла Барка. Саламейский алкальд // Пьесы: В 2 т.: Пер. с исп.— М., 1961.— Т. 1.— 702 с.
42. Кальдерон де ла Барка. С любовью не шутят // Пер. с исп.— М.: Л., 1949.— 188 с.
43. Келлер Готфр. Зеленый Генрих: Пер. с нем.— М., 1958.— 626 с.
44. Клейст Г. фон. Амфитрион // Избр. произведения: Пер. с нем.— М., 1977.— 542 с.
45. Клейст Г. фон. Кетхен из Гейльброна: Пер. с нем.— М., 1969.— 624 с.
46. Клейст Г. фон. Михаэль Кольхаас: Пер. с нем.— М., 1969.— 624 с.
47. Клейст Г. фон. Принц Фридрих Гомбургский // Драмы. Новеллы: Пер. с нем.— М., 1969.— 624 с.
48. Корнель Пьер. Гораций // Театр французского классицизма: Пер. с фр.— М., 1970.— 608 с.
49. Корнель Пьер. Лжец // Театр французского классицизма: Пер. с фр.— М., 1970.— 608 с.
50. Корнель Пьер. Родогуна // Избр. трагедии: Пер. с фр.— М., 1956.— 352 с.
51. Корнель Пьер. Сид // Театр французского классицизма: Пер. с фр.— М., 1970.— 608 с.
52. Лессинг Г. Э. Минна фон Бархельм // Избр. произведения: Пер. с нем.— М., 1953.— 640 с.
53. Лессинг Г. Э. Натан Мудрый // Избр. соч.: Пер. с нем.— М., 1953.— 640 с.
54. Лопе де Вега. Изобретательная влюбленная // Собр. соч.: В 6 т.: Пер. с исп.— М., 1962.— Т. 2.— 800 с.
55. Лопе де Вега. Мадридские воды // Собр. соч.: В 6 т.: Пер. с исп.— М., 1962.— Т. 3.— 803 с.
56. Лопе де Вега. Чудеса преображения // Собр. соч.: В 6 т.: Пер. с исп.— М., 1962.— Т. 4.— 792 с.
57. Манн Томас. Будденброки // Собр. соч.: В 10 т.: Пер. с нем.— М., 1959.— Т. 1.— 820 с.
58. Манн Томас. Волшебная гора // Собр. соч.: В 10 т.: Пер. с нем.— М., 1959.— Т. 3—4.— 500, 543 с.
59. Манн Томас. Признания авантюриста Феликса Крулля // Собр. соч.: В 10 т.: Пер. с нем.— М., 1960.— Т. 6.— 672 с.
60. Манн Томас. Тобиас Миנדерникель // Собр. соч.: В 10 т.: Пер. с нем.— М., 1960.— Т. 7—8.— 551, 471 с.
61. Манн Томас. Хозяин и собака // Собр. соч.: В 10 т.: Пер. с нем.— М., 1960.— Т. 7—8.— 551, 471 с.
62. Манн Генрих. Погоня за любовью // Собр. соч.: В 8 т.: Пер. с нем.— М., 1958.— Т. 1.— 624 с.

63. *Мольер Ж.-Б.* Жорж Данден // Собр. соч.: В 2 т.: Пер. с фр.— М., 1957.— Т. 2.— 704 с.
64. *Мольер Ж.-Б.* Мизантроп // Собр. соч.: В 2 т.: Пер. с фр.— М., 1957.— Т. 2.— 704 с.
65. *Мольер Ж.-Б.* Мнимый больной // Собр. соч.: В 2 т.: Пер. с фр.— М., 1957.— Т. 2.— 704 с.
66. *Мольер Ж.-Б.* Скупой // Собр. соч.: В 2 т.: Пер. с фр.— М., 1957.— Т. 2.— 704 с.
67. *Мольер Ж.-Б.* Тартюф // Собр. соч.: В 2 т.: Пер. с фр.— М., 1957.— Т. 1.— 676 с.
68. *Мольер Ж.-Б.* Ученые женщины // Собр. соч.: В 2 т.: Пер. с фр.— М., 1957.— Т. 2.— 704 с.
69. *Ги де Мопассан.* Дьявол // Избр. соч.: Пер. с фр.— М., 1946.— 427 с.
70. *Ги де Мопассан.* Господин Паран // Избр. соч.: Пер. с фр.— М., 1946.— 427 с.
71. *Ги де Мопассан.* Милый друг: Пер. с фр.— Ташкент, 1956.— 304 с.
72. *Ги де Мопассан.* Наше сердце // Собр. соч.: В 12 т.: Пер. с фр.— М., 1958.— Т. 9.— 511 с.
73. *Плавт.* Амфитрион // Избр. комедии: Пер. с лат.— М., 1967.— 664 с.
74. *Плавт.* Два Менехма // Избр. комедии: Пер. с лат.— М., 1967.— 664 с.
75. *Раабе Вильгельм.* Летопись Птичьей слободы // Повести и новеллы: Пер. с нем.— М., 1959.— 487 с.
76. *Расин Жан.* Британик // Театр французского классицизма: Пер. с фр.— М., 1970.— 608 с.
77. *Расин Жан.* Федра // Театр французского классицизма: Пер. с фр.— М., 1970.— 608 с.
78. *Расин Жан.* Ифигения: Пер. с фр.— Л., 1977.— 431 с.
79. *Расин Жан.* Береника: Пер. с фр.— Л., 1977.— 431 с.
80. *Рихтер Жан Поль.* Зибенкэз: Пер. с нем.— Л., 1937.— 574 с.
81. *Сенкевич Г.* Камо грядеши? (Quo vadis) // Собр. соч.: Пер. с польск.— М., 1910.
82. *Скотт Вальтер.* Ламмермурская невеста // Собр. соч.: В 20 т.: Пер. с англ.— М.; Л., 1962.— Т. 7.— 658 с.
83. *Скотт Вальтер.* Эдинбургская темница // Собр. соч.: В 20 т.: Пер. с англ.— М.; Л., 1962.— Т. 6.— 623 с.
84. *Сервантес Мигуэль.* Дон Кихот: Пер. с исп.— М., 1970.— Т. 1—2.— 560, 624 с.
85. *Сервантес Мигуэль.* Ревнивый эстрамадурец // Назидательные новеллы: Пер. с исп.— М., 1966.— 576 с.
86. *Софокл.* Аянт // Трагедии: Пер. с греч.— М., 1958.— 464 с.
87. *Софокл.* Трахинянки // Трагедии: Пер. с греч.— М., 1958.— 464 с.
88. *Софокл.* Филоктет // Трагедии: Пер. с греч.— М., 1958.— 464 с.
89. *Софокл.* Электра // Трагедии: Пер. с греч.— М., 1958.— 464 с.
90. *Стендаль Ф.* Красное и черное // Собр. соч.: В 15 т.: Пер. с фр.— М., 1959.— Т. 1.— 640 с.
91. *Стендаль Ф.* Пармский монастырь // Собр. соч.: В 15 т.: Пер. с фр.— М., 1959.— 532 с.
92. *Стендаль Ф.* О любви // Собр. соч.: В 15 т.: Пер. с фр.— М., 1959.— Т. 4.— 608 с.
93. *Стриндберг.* Красная комната // Собр. соч.: В 12 т.: Пер. с норв.— М., 1910—1911.— Т. 4.
94. *Стриндберг.* История одного супружества // Собр. соч.: В 12 т.: Пер. с норв.— М., 1910—1911.— Т. 5.
95. *Толстой Л. Н.* Война и мир.— М., 1948.— Т. 1—2.— 672 с.
96. *Толстой Л. Н.* Анна Каренина.— К., 1953.— 708 с.
97. *Толстой Л. Н.* Воскресение.— Петрозаводск, 1951.— 464 с.
98. *Тургенев И. С.* Отцы и дети.— М., 1951.— 192 с.
99. *Флобер Гюстав.* Госпожа Бовари // Собр. соч.: В 5 т.: Пер. с фр.— М., 1956.— Т. 5.— 356 с.
100. *Чехов А. П.* Смерть чиновника // Собр. соч.: В 12 т.— М., 1957.— Т. 2.— 504 с.

101. *Шекспир В.* Король Лир // Трагедии. Сонеты: Пер. с англ.— М., 1968.— 792 с.
102. *Шекспир В.* Ромео и Джульетта // Трагедии. Сонеты: Пер. с англ.— М., 1968.— 792 с.
103. *Шекспир В.* Отелло // Трагедии. Сонеты: Пер. с англ.— М., 1968.— 792 с.
104. *Шекспир В.* Макбет // Трагедии. Сонеты: Пер. с англ.— М., 1968.— 792 с.
105. *Шекспир В.* Гамлет // Трагедии. Сонеты: Пер. с англ.— М., 1968.— 792 с.
106. *Шекспир В.* Кориолан // Собр. соч.: В 8 т.: Пер. с англ.— М., 1960.— Т. 7.— 824 с.
107. *Шекспир В.* Тимон Афинский // Собр. соч.: В 8 т.: Пер. с англ.— М., 1960.— Т. 7.— 824 с.
108. *Шекспир В.* Венецианский купец // Собр. соч.: В 8 т.: Пер. с англ.— М., 1960.— Т. 3.— 568 с.
109. *Шекспир В.* Генрих IV // Собр. соч.: В 8 т.: Пер. с англ.— М., 1960.— Т. 4.— 652 с.
110. *Шекспир В.* Ричард III // Собр. соч.: В 8 т.: Пер. с англ.— М., 1960.— Т. 1.— 616 с.
111. *Шекспир В.* Юлий Цезарь // Собр. соч.: В 8 т.: Пер. с англ.— М., 1960.— Т. 5.— 640 с.
112. *Шекспир В.* Виндзорские насмешницы // Собр. соч.: В 8 т.: Пер. с англ.— М., 1960.— Т. 4.— 652 с.
113. *Шекспир В.* Комедия ошибок // Собр. соч.: В 8 т.: Пер. с англ.— М., 1960.— Т. 2.— 548 с.
114. *Шекспир В.* Много шума из ничего // Собр. соч.: В 8 т.: Пер. с англ.— М., 1960.— Т. 4.— 652 с.
115. *Шекспир В.* Как вам это понравится // Собр. соч.: В 8 т.: Пер. с англ.— М., 1960.— Т. 5.— 640 с.
116. *Шиллер Фр.* Разбойники // Драмы. Стихотворения: Пер. с нем.— М., 1975.— 864 с.
117. *Шиллер Фр.* Коварство и любовь // Драмы. Стихотворения: Пер. с нем.— М., 1975.— 864 с.
118. *Шиллер Фр.* Лагерь Валленштейна // Драмы. Стихотворения: Пер. с нем.— М., 1975.— 864 с.
119. *Шиллер Фр.* Мария Стюарт // Драмы. Стихотворения: Пер. с нем.— М., 1975.— 864 с.
120. *Шиллер Фр.* Вильгельм Телль // Драмы. Стихотворения: Пер. с нем.— М., 1975.— 864 с.
121. *Шиллер Фр.* Дон Карлос // Собр. соч.: В 7 т.: Пер. с нем.— М., 1955.— Т. 2.— 848 с.
122. *Эккерман И. П.* Разговоры с Гете в последние годы его жизни.— М.; Л., Academia, 1934.— 967 с.
123. *Эсхил.* Орестея: Пер. с древнегреч.— М., 1970.— 384 с.
124. *Gotthelf, Jeremias.* Zeitgeist und Bernergeist. Sämtl. Werke in 24 Bänden. 13 Band. — Zürich, 1926.
125. *Gotthelf, Jeremias.* Jakobs des Handwerksgesellen Wanderungen durch die Schweiz. — Zürich: E. Rentsch-Verlag, 1937.
126. *Gotthelf, Jeremias.* Geld und Geist. — Zürich und Stuttgart: E. Rentsch-Verlag, 1964.
127. *Gotthelf, Jeremias.* Uli der Knecht. — Berlin: Union-Verlag, 1959.
128. *Gotthelf, Jeremias.* Uli und Pächter. — Berlin: Union-Verlag, 1959.
129. *Gotthelf, Jeremias.* Hans Joggeli der Erbvetter. Erzählung. Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung. — Leipzig, 1965.
130. *Gotthelf, Jeremias.* Bartl, der Korber. Erzählung. Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung. — Leipzig, 1965.
131. *Gotthelf, Jeremias.* Kurt von Koppingen. Erzählung. — Berlin: Union-Verlag, 1965.
132. *Gotthelf, Jeremias.* Elsi, die seltsame Magd. Erzählung. — Berlin: Union-Verlag, 1965.
133. *Gotthelf, Jeremias.* Der Sonntag des Großvaters. Erzählung. — Berlin: Union-Verlag, 1965.
134. *Gotthelf, Jeremias.* Die Frau Pfarrerin. Erzählung. — Berlin: Union-Verlag, 1965.

135. *Hebbel, Friedrich*. Schnock. Werke in drei Bänden. 3. Band. — Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1966.
136. *Lope de Vega*. Die drei Diamanten. Schauspiele. Übers. aus d. Spanischen. — Leipzig: Barth-Verlag, 1820.
137. *Lope de Vega*. Der Tribut der 100 Jungfrauen. Übers. aus dem Spanischen. — Wien u. Leipzig: Verlag H. Epstein, 1929.
138. *Ludwig, Otto*. Maria. Novellen. — Leipzig. Fr. Wilh. Grunow, 1895.
139. *Musil, Robert*. Der Mann ohne Eigenschaften. — Hamburg: Rowohlt Verlag, 1952.
140. *Raabe, Wilhelm*. Der Hungerpastor. Werke in zwei Bänden. 1. Band. Verl. Th. Knaur Nachf. München — Zürich o. J.
141. *Raabe, Wilhelm*. Schüdderump. Werke in Zwei Bänden. 2. Band. Verl. Th. Knaur Nachf., München — Zürich o. J.
142. *Raabe, Wilhelm*. Meister Autor. Werke in zwei Bänden. 2. Band. Verl. Th. Knaur Nachf., München — Zürich o. J.
143. *Raabe, Wilhelm*. Frau Solome, Werke in zwei Bänden. 2. Band. Verl. Th. Knaur Nachf., München — Zürich o. J.
144. *Paul, Jean (Richter)*. Dr. Katzenbergers Badereise. Werke, 24—26. Teil. Gustav Hempel. Berlin o. J.
145. *Paul, Jean (Richter)*. Des Feldpredigers Schmelzle Reise nach Flätz. Werke, 31. Teil. Gustav Hempel. Berlin, o. J.
146. *Rosegger, Peter*. Jakob der Letzte. — Berlin: Union-Verlag, 1959.
147. *Strindberg, August*. Der Sohn einer Magd (Die Entwicklungsgeschichte einer Seele), übers. von H. J. Hube. — Rostock: VEB Hinstorff-Verlag, 1964.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Alexander, F.* : The neurotic character. *Int. J. Psychoanal.* 11 (1930), 292—311.
- Alsen, V.* : Entstehungsbedingungen des phobisch — anankastischen Syndroms. *Arch. Psychiat. u. Nervenkr.* 213 (1970), 215—227.
- Asperger, H.* : Die «autistischen Psychopathen» im Kindesalter. *Arch. Psychiat. Nervenkr.* 117 (1944), I.
- Battegay, R.* : Der Mensch in der Gruppe. Sozialpsychologische und dynamische Aspekte. H. Huber, Bern. Stuttgart, Wien 1970.
- Benedetti, G.* : Neurose und Gesellschaft in Lichte der neueren Kriegspsychiatrie. *Schweiz. Arch. Neurol. Neurochir. Psychiat.* 95 (1965), 337—344.
- Bergmann, B.* : Kombiniert abnorme Wesenszüge im neurotischen Reaktionen. G. Fischer, Jena 1961.
- Binder, H.* : Psychopathische Dauerzustände und abnorme seelische Reaktionen. In: *Psychiatrie der Gegenwart*, II. Springer, Berlin — Göttingen — Heidelberg 1960.
- Birnbaum, C.* : Über psychopathische Persönlichkeiten. Bergmann, Wiesbaden 1909.
- : Die kriminalistische Bedeutung der Hysterie. *Kriminalist, Monatsh.* 1 (1927), 79—81.
- : Die psychoreaktiven (psychogenen) Symptombildungen. In: *Hb. d. Geisteskrankheiten* (O. Bumke), II, 1. J. Springer, Berlin 1928.
- Böhm, V.* : Karl May und das Geheimnis seines Erfolges. *Österr. Bundesverlag*, Wien 1955.
- Boor de, C.* : Hysterie: Konversionsneurotisches Symptom oder Charakterstruktur? *Psyche* (Stuttgart) 8 (1866), 588.
- Borgatta, E. F.* : The coincidence of subtests in four personality inventories. *J. Soc. Psychol.* 56 (1962), 227.
- Bosch, G.* : Der frühkindliche Autismus. Springer, Berlin — Göttingen — Heidelberg 1962.
- Boss, M.* : Sturmzeichen in der Psychologie und Psychotherapie. *Psychother. u. Psychosomat.* 20 (1972), 1—116.
- Bräutigam, W.* : Reaktionen, Neurosen, Psychopathien. Ein Grundriß der kleinen Psychiatrie. Thieme, Stuttgart 1968.
- Cattell, R. B., I. H. Scheier* : The meaning and measurement of neuroticism and anxiety. Donald Press, New York 1961.
- Cremerius, J.* : Die Prognose funktioneller Syndrome. Ein Beitrag zu ihrer Naturgeschichte. Enke, Stuttgart 1968.
- Czernik, A., E. Steinmeyer* : Zur Frage des Einsamkeitserlebens Gesunder und Neurotiker. *Arch. Psychiat. Nervenkr.* 218 (1974), 93—194.
- Delane, J. G.* : Separation anxiety as a cause of early emotional problems in children. *Mayo Clin. Proc.* 39 (1964) 743—749.
- Delay, J., O. Pichot* : Medizinische Psychologie, Thieme, Stuttgart 1966.
- Dixon, J. J., C. de Montoaux, J. Sandler* : Patterns of anxiety : an analysis of social anxiety. *Brit. J. Med. Psychol.* 30 (1957 b), 107.
- Ehlers, T.* : Zur diagnostischen Bedeutung von Geschlechtsunterschieden in der Beantwortung eines Fragebogens zur Erfassung der Leistungsmotiviertheit. *Z. exper. u. angew. Psychol.* 16 (1969), 519—537.
- Erbstöh, J.* : Buddhistische Meditationsübungen aus ärztlicher Sicht. *Z. Psychother. u. med. Psychol.* 1 (1970), 20.

- Ernst, K u. C.* : Familie, Pubertät und Generationsvorgänge in der Anamnese neurotischer Klinikpatientinnen. Arch. Psychiat, Nervenkr. 212 (1969), 339—356.
- Ewald, G.* : Temperament und Character. Springer-Verlag, Berlin 1924.
- Eysenck, H. J.* : The scientific study of personality. London, Routledge & Kegan Paul 1952.
- : Phobias as Conditioned Responses. Internat. J. Psychiatry 6 (1968), 468—470.
- Foulds, G. A.* : Symptom clusters and personality types among psychoneurotic men compared with women. J. Ment. Sci. 105 (1959), 469.
- : Personality and personal illness. London; Tavistock 1965.
- Frankl, V. E.* : Der Mensch auf der Suche nach Sinn. Universitas 25 (1970), 369.
- Greenbaum, M.* : The displaced child syndrom. J. Child Psychol. 2 (1962), 93—100.
- Gruhle, H. W.* : Verstehende Psychologie. 2. Aufl., Thieme, Stuttgart 1956.
- Gurlitt, L.* : Gerechtigkeit für Karl May, Karl-May-Verlag. Radebeul 1919.
- Hansen, J.* : Hypochondrie und Antrieb. Enke. Stuttgart 1969.
- Harbauer, H.* : Zur Klinik der Zwangspänomene beim Kind und Jugendlichen. Jahrbuch für Jugendpsychiatrie und ihre Grenzgebiete 7 (1969), 181.
- Horney, K.* : Der neurotische Mensch unserer Zeit. Kilper. Stuttgart 1951.
- Huber, G.* : Der Psychisch Abnorme und die Gesellschaft. Universitas 21 (1966), 487.
- Jonsson, G.* : Delinquent boys, their parents and grandparents. Acta psychiat. scand. 43 Suppl. (1967), 159.
- Jung, C. G.* : Psychologische Typen. Dreizehntes bis fünfzehntes Tausend. Rasche-Verlag, Zürich 1950.
- Kallwass, W.* : Der Psychopath, Springer, Berlin — Heidelberg — New-York 1969.
- Karson, S., K. B. Pool* : Second order factors in personality measurement. J. Consult. Psychol. 22 (1958), 299.
- Kisker, K. P.* : Psychopathologie in den Vereinigten Staaten und England. Fortschr. Neurol. 27 (1959), 187.
- Klages, W.* : Der menschliche Antrieb. Thieme, Stuttgart 1967.
- Kleinberg, A.* : Karl May. Der Kunstwart 31 (1918), 141.
- Kline, P.* : The validity of the dynamic personality inventory. Brit. J. Med. Psychol. 41 (1967), 307.
- Kluge, E.* : Das Problem der chronischen Schädigung durch Extrebelastungen in der heutigen Psychiatrie. Fortschr. Neurol. Psychiat. 40 (1972), 1.
- Koch, J. L. A.* : Die psychopathischen Minderwertigkeiten. Ravensburg 1891—1893.
- Kretschmer, E.* : Hysterie, Reflex und Instinkt. 6. Aufl., Thieme, Stuttgart 1958.
- : Medizinische Psychologie. 12. Aufl., Thieme, Stuttgart 1963.
- : Körperbau und Charakter. Springer. Verlag. Berlin, 22. Aufl. 1965.
- : Der sensitive Beziehungswahn. 4. Auf. Springer, Berlin — Heidelberg — New-York 1966.
- Krevelen, A. van* : Über den Begriff der Psychopathie in der Kinderpsychiatrie. Acta paedopsychiat. 37 (1970), 67—84.
- Kringlen, E.* : Obsessional Neurotics. A Long-term Follow-up. Brit. J. Psychiatry. Vol. III, 477 (1965), 709.
- Kulawik, H., D. Decke* : Letzte Aufzeichnungen — eine Analyse von 223 nach vollendeten Suiziden hinterlassenen Briefen und Mitteilungen. Psychiat, clin., Vol. 6, 4 (1973), 193—210.
- Lader, M. H.* : Studies of anxiety. Ashford, Headley 1969.
- Lange, W.* : Hölderlin. Enke-Verlag, Stuttgart 1908.
- Leonhard, K. und Mitarb.* : Normale und abnormale Persönlichkeiten. Volk u. Ges., Berlin 1964.
- : Biologische Psychologie. J. A. Barth-Verlag, Leipzig, 4. Aufl. 1966; 5. Aufl. Frankfurt/M. 1972.
- : Die präpsychotischen Temperamente bei den monopolen und bipolaren phasischen Psychosen. Psychiat. Neurol., Basel 146 (1963), 105—115.

- : Die genauere Form von Schizophrenie bei Hölderlich in Beziehung zu seinem Sprachgenie. *Psychiat. Neurol. med. Psychol.* 16 (1964), 41.
- : Kinderneurosen und Kinderpersönlichkeiten. Volk u. Ges., Berlin, 3. Aufl., 1967.
- : Mord aus Haßliebe. *M Schr f. Kriminologie* 49. Jg. (1966), 9—17.
- : Der menschliche Ausdruck. J. A. Barth-Verlag, Leipzig, 1968.
- Lersch, Ph.* : Aufbau der Person. 7. Aufl. Joh. Ambrosius Barth, München 1956.
- Lidz, Th.* : Psychoanalytic theories of development and maldevelopment : some recapitulations. *Amer. J. Psychoanal.* 27 (1967), 115—126.
- Meili, R.* : Deskriptive und erklärende Persönlichkeitseigenschaften. *Z. exper. u. angew. Psychol.* 18 (1971), 621.
- Mentzos, St.* : Die Veränderung der Selbstrepräsentanz in der Hysterie : Eine spezifische Form der regressiven De-Symbolisierung. *Psyche* 25 (1971), 667.
- Messick, S., J. Ross* : Measurement in personality and cognition. Wiley, New-York — London, 1962.
- Meyer, J.-E.* : Depersonalisation. Wege der Forschung. Bd. 72. Wissensch. Buchges. Darmstadt, 1968.
- Moor, P.* : Heilpädagogik. 2. Aufl. Huber, Bern — Stuttgart 1969.
- Mühlen, H. v. der* : Streitgespräch eines Lebensmüden. *Z. f. klin. Psychol. Psychother.* 21 (1973), 46.
- Müller, D.* : Über die Schilderung einer anankastischen Konstitution mit Befürchtungsiden und abdominaler Komplikation in A. P. Tschschows «Der Tod des Beamten». *Psychiat. Neurol. med. Psychol.* 12 (1960), 193.
- Müller, I.* : Wie weit ist bei Zwangsneurosen eine Persönlichkeitsdiagnostik mit Fragebogen möglich? *Psychiat. Neurol. med. Psychol.* 10 (1970), 381.
- Müller-Küppers, M.* : Psychodynamische Konzepte der Zwangsneurose unter besonderer Berücksichtigung psychoanalytischer Aspekte. *Jahrb. Jugendpsychiat.* 7 (1969), 193.
- Panse, F.* : Angst und Schrecken in klinisch-psychologischer und sozialmedizinischer Sicht. Arbeit u. Gesundheit. H. 47. Thieme, Stuttgart 1952.
- Pawlik, K.* : Dimensionen des Verhaltens. Huber, Bern — Stuttgart 1968.
- Petrowitsch, N.* : Abnorme Persönlichkeiten. S. Karger, Basel — New-York, 2. Aufl. 1964.
- : Charakterstudien. Karger, Basel — New-York 1969.
- Petrowitsch, N., R. Baer* : Die Anlage-Umwelt-Problematik und der entwicklungspsychiatrische Aspekt. *Fortschr. Neurol. Psychiat.* H. 11, November (1967).
- Petrowitsch, N., R. Baer* : Psychopathie 1945—1966 (Teil 2). *Fortschr. Neurol. Psychiat.* 35 (1967), 627.
- Rapaport, D.* : Emotions and memory. Int. Univ. Press, New-York, 1950.
- Rasper, H. I.* : Kriminalität und Perversion als Manifestation von Über-Ich-Isolierung und Liebesunfähigkeit. Untersuchung der Selbstbekenntnisse im Prosawerk Jean Genets. *Z. Psychother. u. med. Psychol.* 20 (1970), 223.
- Sandler, J.* : Studies in psychopathology using a self-assessment inventory. I. The development and construction of the inventory. *Brit. J. med. Psychol.* 27 (1974), 142.
- Schickowensky, N.* : Pathologische Reaktionen der Persönlichkeit; Neurosen und psychogene Psychosen. Maudrich, Wien 1960/61.
- : Iatrogenie oder befreiende Psychotherapie. Hirzel, Leipzig, 1965.
- Schirmer, S.* : Motiviertes und unmotiviertes Weglaufen der Jugendlichen. *Psychiat. Neurol. Med. Psychol.* 18 (1966), 145.
- Schmieschek, H.* : Fragebogen zur Ermittlung akzentuierter Persönlichkeiten. *Psychiat. Neurol. med. Psychol.* 10 (1970), 378.
- Schneider, K.* : Die psychopathischen Persönlichkeiten. Deuticke, Wien, 7. Aufl. 1944.
- Seitz, W., G. Löser* : Über die Beziehung von Persönlichkeitsmerkmalen zu Schul- und Intelligenztestleistungen bei Gymnasial-Schülern. *Z. exper. u. angew. Psychol.* 16 (1969), 651—679.
- Spiel, W.* : Therapie in der Kinder- und Jugendpsychiatrie. Thieme, Stuttgart 1967.

- Spitz, R. A.* : Vom Säugling zum Kleinkind. Klett, Stuttgart 1967.
- Stolte, H.* : Der Volksschriftsteller Karl May, Karl-May-Verlag, Radebeul 1936.
- Störing, H. E.* : Besinnung und Bewußtsein. Persönlichkeitsaufbau und Persönlichkeitszerfall aus psychologisch-pädagogischer, soziologischer und psychiatrischer Sicht. Thieme, Stuttgart 1953.
- Süllwold, L.* : Forschungsziele und neuere Aspekte in der Psychotherapie. Nervenarzt 41 (1970), 21.
- Tölle, R.* : Katamnestische Untersuchungen zur zur Biographie abnormer Persönlichkeiten. Springer, Berlin — Heidelberg — New-York, 1966.
- Trostorff, S. v.* : Präpsychotische Temperamente bei den cycloiden Psychosen. Arch. Psychiatr. 208 (1966), 61—90.
- : Extraversion und Introversion sowie Kontaktfreudigkeit und Kontaktarmut bei normalen und präpsychotischen Persönlichkeiten. Fischer, Jena 1970.
- Tuschy, G.* : Depressive Struktur und Herzneurose. Z. Psychosomat. Med. n. Psychoanal. 18 (1972), 101.
- Vetter, A.* : Das menschliche Selbstverständnis bei Philipp Lersch. Z. f. klin. Psychol. Psychother. 20 (1972), 193—288.
- Walton, H. J., G. A. Foulds, S. K. Littmann, A. S. Presly* : Abnormal personality. Brit. J. Psychiat. 116 (1970), 497.
- Whitlock, F. A.* : The aetiology of hysteria. Acta psychiat. scand. 43 (1967), 144—162.
- Willi, J.* : Zur Psychopathologie der hysterischen Ehe. Nervenarzt 41 (1970), 157.
- : Die angstneurotische Ehe. Nervenarzt 43 (1972), 399.
- Wunderli, J.* : 11. Medikation im Yoga. Schweizer Arch. Neurol. u. Psychiat. 110 (1972), 189—380.
- Zellinger, E.* : Psychologie nach behavioristisch-reflexologischer Fassung. Z. f. klin. Psychol. Psychother. 20 (1972), 193—288.
- Zepf, S.* : Funktionelle Syndrome und ärztliches Gespräch. Z. psychosomat. Med. u. Psychoanal. 18 (1972), 145.
- Zubin, J.* : Classification on behaviour disorders. Amer. Rev. Psychol. 18 (1967), 373.

Авантюристы 41, 42, 54, 268
 Агрессивность 287, 311
 Аккуратность 32
 Актеры 56, 138
 Активность 167
 Акцентуация гипертимическая 116
 — личности интровертированная 159
 — — экстравертированная 155
 Аклоголизм хронический 35, 90
 Альтрустический 16, 111
 Анализ личности 29
 Анакастический 19, 111, 114, 143
 Аутизм 24, 343
 Аферист брачный 269
 Аффект параноический 76
 — эгоистический 75
 Аффективно-лабильный 20, 36
 Бахвальство истерическое 267
 Бегство в болезнь 50
 Безрассудство 354, 355
 Бесстрашие 352
 Бесчувственность 20, 227
 — эпилептоидная 305
 Блаженство восторженное 37, 329
 Борьба за справедливость 75, 219
 Бред величия 344
 — кверуляторный 167
 — преследования 344
 «Буря и натиск» 338
 Верность вассалов 216
 — в дружбе 217
 — в мыслях и поступках 216
 Взрыв аффективный 93, 109, 293
 Властолюбие 235
 Власть влечений (патологическая) 89
 Влечение сексуальное 35, 202, 329
 Влечения 90, 151
 Возбудимо-гипертимический 150
 Возбудимо-дистимический 150
 Возбудимо-истерический 110
 Возбудимо-педантический 113
 Возбудимо-тревожный 153
 Возбудимость необузданная 35, 89
 — в сфере воли 334
 — эмоциональная 247, 312
 Возраст детский 13, 20, 21, 25, 38, 50, 68, 87, 92, 94, 106, 109, 122, 129, 137, 356
 — отроческий 21, 96, 97
 Воодушевление, восторг 37, 125, 330
 Впечатлительность 244, 346
 Враждебность 217, 286
 Вспыльчивость 89, 301
 Вытеснение 40, 51, 102, 274
 Гебоид 20
 Гипертимически-возбудимый 150
 Гипертимически-демонстративный 136

Гипертимически-педантический 140
 Гипертимически-экзальтированный 155
 Гипертимический 20, 146, 155
 Гипоманикальный 116, 138, 158, 162, 328, 349
 Гнев 89
 Дар артистический 44, 169
 Демонстративно-возбудимый 110
 Демонстративно-гипертимический 136
 Демонстративно-застравающий 102
 Демонстративно-интровертированный 168
 Демонстративно-педантический 101
 Демонстративно-экзальтированный 139
 Демонстративный 18, 101, 126
 Депрессия 152, 315, 328
 — реактивная 37, 120, 132, 133
 Дистимически-возбудимый 150
 Дистимически-педантический 142
 Дистимический 20, 132, 153
 Добросердечие 221
 Добросовестность 31, 64
 Жадность (алчность) 217, 237
 Жажда переживаний 91, 202
 Жалость 222
 — к себе 34, 45, 54
 Жестикоуляция 26
 Заболевание ипохондрическое 71
 — душевное 343
 Заикание 145
 Заинтересованность 255
 Замешательство 278
 Заносчивость 75
 Запальчивость 35, 301
 Застравающе-возбудимый 109
 Застравающе-гипертимический 145
 Застравающе-демонстративный 102
 Застравающе-интровертированный 167
 Застравающе-педантический 111
 Застравающе-тревожный 148
 Застравающий 16, 30
 Злоба (злое начало) 224, 229
 Злопамятность 29, 75
 Идеи, далекие от действительности 162, 343
 — параноические 76
 — сверхценные 45, 76
 Изобретатель 77
 Изобретательность. богатство идей 35
 Импульсивность 21, 136, 156, 336, 338
 Индивидуальность 12, 202
 Инстинкт борьбы 219

- сексуальный 202
- Инстинкты примитивные (древние) 91
- Интеллект (интеллектуальная сфера) 14, 93, 96, 158, 159, 255
- эмотивный 240
- Интонация 26
- Интровертированность 21, 38, 114, 126, 244
- Интровертированный 20, 177, 192
- Ипохондрический 63, 71, 74, 78, 112, 131
- Ипохондрия 65
- Истерический 16, 19, 40, 137, 229, 264, 265
- Кардиофобия 74
- Клаустрофобия 142
- «Козел отпущения» 129
- Кокетство 346
- Колебания эмоциональные (избыток) 37
- «Комплекс тещи» 182
- Контакт с людьми 24, 39, 161, 163, 164, 342
- Корыстолюбие 237
- Легковерие 155, 351
- Легкомыслие 358
- Литература художественная 10, 170
- Лицемеры 246
- Личности ананкастические 19, 276
- аффективно-лабильные 20, 123, 327
- возбудимые 88, 299
- гипертимически-демонстративные 321
- гипертимически-интровертированные 348
- гипертимические 20, 35, 116, 318
- гипоманиакальные 318
- демонстративно-гипертимические 321
- демонстративно-застревающие 297
- демонстративно-экзальтированные 339
- демонстративные 18, 32, 40, 263
- диагностика 24
- дистимически-застревающие 315
- дистимические 36, 120, 314
- застревающие-возбудимые 305
- застревающие-демонстративные 297
- застревающие-дистимические 315
- застревающие-тревожные 309
- застревающие 18, 74, 285
- идеальные 172
- интровертированно-гипертимические 348
- интровертированные 39, 159, 340
- инфантильные 359
- истерические 16, 263
- патологические 18
- педантические 18, 30, 61, 276
- субдепрессивные 314
- тревожно-застревающие 309
- тревожные (боязливые) 129, 307
- экзальтированно-демонстративные 339
- экзальтированные 329
- экстравертированные 39, 350
- эмотивные 131, 311
- «Маятниковое воспитание» 85, 86
- Месть 286
- Методика опроса 24
- Мимика 26
- Мир восприятий 20, 155
- представлений 20, 159
- фантазии 139
- Миролюбие 220
- «Мишень» 129, 133, 149, 279, 308
- Модуляции голоса 26
- Мошеники патологические 33, 54
- Мстительность 75
- Мышление замедленное 91, 120
- раскованное 241
- тяжеловесное 91
- эмотивное 242
- Мягкосердечие 37, 131
- Наблюдательность 170, 277
- Наблюдение пациента 25
- Навязчивое мудрствование 164
- умывание 62
- Навязчивые действия 281
- идеи (представления) 32, 114, 283
- раздумья 284
- Напряжение аффективное 98
- Настроения, трактовка их 176
- Насилие грубое 90
- Невроз ананкастический 62, 70
- ипохондрический 63
- истерический 45
- — рентный 43, 102
- навязчивых состояний 38, 62, 69, 142, 277
- ожидания 189
- Незрелость психики 356
- Неискренность 287
- Ненависть 182, 217, 221, 229, 236, 286
- Ненависть-любовь 77, 290
- Необдуманность поступков 45
- Необузданность 301
- Неосознанный 43
- Неподатливость, неуступчивость 296
- Непорядочность 105
- Нерешительность 62, 315
- Несговорчивость 77
- Несправедливость 29
- Нетерпимость 217, 220, 235
- Неуживчивость 29
- Неустойчивость психики 150
- Неустойчивый 19

- Нозофобия 74
 Нормы этические общественные 100
 Обидчивость 298
 Обман (патологическое надувательство) 34, 43
 Образование (высшее) 28
 Обследование психиатрическое 25
 Обстоятельность 91
 Обязанности служебные 215
 Объективность 21
 «Одиночки» (индивидуалисты) 160
 Опасения 281
 Опрометчивость 16, 242, 243
 Осознанный 43
 Осторожность 243, 281
 Осуществление желаний 43
 Отвлеченность 343
 Отпечаток, накладываемый профессией 12
 Отклонения в мыслях скачкообразные 319
 Отчаяние 38, 127, 330
 Паранойя 287
 Параноический 316
 Педантически-возбудимый 113
 Педантически-гипертимический 140
 Педантически-дистимический 142
 Педантически-застревающий 111
 Педантически-тревожный 144
 Педантический 18, 30, 101
 Педантичность 100, 255
 Персонажи чудаковатые 191
 Побег 90, 306
 — импульсивные 90
 — немотивированные 90
 Подвижность (умственная) 27
 Подозрительность 75, 288, 317
 Попытки самоубийства 35, 93, 128, 132, 136
 Потребность в признании 30, 43, 48
 — в справедливости 219
 Правдолюбие 287
 Преданность в дружбе 215
 Преступность 91
 Привязанность 216
 Принцип женского достоинства 174
 Припадки эпилептические 301
 Приспособляемость 46, 50, 274
 Притворство 47
 Проба на продуктивность 91
 Прожигатель жизни 194
 Произведения художественные с психологической основой 175
 Проституция 90, 97
 Проявления переживаний (мимика, жестикуляция) 28, 132, 157
 Психоз маниакально-депрессивный 123
 — счастья 332
 — тревоги и счастья 125
 — экзогенный 294
 Психопатия 18, 143, 144
 — ананкастическая 32, 61
 — гипоманиакальная 35
 — истерическая 265
 — паранойяльная 30
 — реактивно-лабильная 37
 — субдепрессивная 36
 — эпилептоидная 35, 89, 99, 299, 301
 Пугливость (боязливость) 129, 277, 278
 Радость принятия решений 20
 Развитие 62, 76, 83
 — аффективное 346
 — ипохондрическое 78
 — кверуляторное 145
 — параноическое 83, 167, 210, 285, 344
 — паранойяльное 167
 — экспансивно-параноическое 77
 — эротическое 345
 Раздражительность 89, 150
 Раздумия 243
 — бесплодные 32
 — длительные 16
 Разум 221
 «Раскачивание» аффекта 112
 «Раскачивание» (взвинчивание) эмоций 62, 85, 88, 182
 Реактивно-лабильный 37
 Реакции типа короткого замыкания 38, 102, 110, 242
 Реализм 21, 351
 Ревность 76, 87, 149, 176, 290, 316
 Робость 129, 277
 Самобичевание 284
 Самовнушение 78
 Самовосхваление 34, 45, 321
 Самолюбие 310
 Самонадеянность 75, 345
 Самоуверенность 50
 Сверхкомпенсация 148
 Сентиментальный 177
 Сила воли 251
 Симуляция 41
 Синтонный 20, 123
 Ситуации комические 259, 342
 Скука 204
 Скупость (алчность) 237
 Слабоволие 19
 Сладость 132
 Словоохотливость 348
 Смягчение поступка 111
 Сны наяву 169
 Соблазн (искусство «предлагать себя») 202
 Сознание долга и чести 232
 Сомнения 277
 — ананкастов 277, 283
 Сопереживание радости 222
 Состояние сенсопходрическое 74

- Сострадание 16, 207, 311
 Сочетание черт характера 101
 Сочетание черт характера и темперамента 136
 Сочувствие 17, 222
 Стимулирование жизнедеятельности 120
 Стойкость (патологическая) аффекта 74
 Страстность 334
 Страстный порыв 334
 Страх 78, 84
 Стремление к власти 17, 235, 299
 — к свободе 216
 Способность к принятию решения 63
 Справедливость 146, 219
 Субдепрессивно-экстравертированная 158
 Субдепрессивный 143
 Субъективность 22
 Сфера ассоциативно-интеллектуальная 14, 254
 — влечений 202
 — направленности интересов и склонностей 13, 206
 — чувств и воли 14, 240
 Твердолобость 77
 Творчество художественное 170
 Телосложение атлетическое 92, 301
 Темперамент 20, 136, 149
 — аффективно-лабильный 36, 123, 149, 153
 — аффективно-экзальтированный 125
 — гипертимический 116, 124, 146, 155
 — гипоманиакальный 148, 153
 — дистимический 120, 150, 153
 — синтонный 123
 — субдепрессивный 120
 — «счастливый» 153
 — тревоги и счастья 125
 — тревожный 152
 — холерический 247
 — циклотимический 153
 — эмотивный 36, 136, 148
 Терпимость 221
 Тесты 24
 Тип интровертированно-гипоманиакальный 162, 163
 — интровертированно-демонстративный 169
 — интровертированно-застравающий 165
 — интровертированно-контактный 161
 — интровертированно-педантический (ананкастический) 164
 — интровертированно-слабоконтактный 164
 — субдепрессивный 120
 — эмотивный 36
 Типы людей 12, 194
 Точность, тщательность 64
 Тревожно-возбудимый 152
 Тревожно-застравающий 148
 Тревожно-педантический 144
 Тревожно-экстатический 332
 Тревожность (боязливость) 17, 38, 206, 277, 312
 Тщательность (сверхтщательность) педантическая 64
 Тщеславие 106, 325
 Тяжбы судебные 77
 Тяжеловесность 89, 94, 149
 Убийство 87, 344
 Убийца 87, 98, 305
 Угрюмость 35
 Упрощенность чувств 245
 Фанатизм 284, 287
 Фанатик правды 287
 Фантазия 34, 57, 58, 61, 139, 263
 Флегматичность 250
 Фобия 38, 141
 — ситуации 74
 Характер 28, 40, 101, 136
 — шизоидный 24
 — эпилептоидный 108, 109
 Хвастовство патологическое 269
 Холерик 89, 250
 Холодность чувств 211
 Художники (артистически одаренные натуры) 57, 126, 127, 340
 Цельность личности 180
 Циклотимия 20, 36, 123, 144, 328
 — аффективно-экзальтированная 38
 Частотное 16, 30, 75, 103, 106, 107, 230, 297, 311
 Чувства ассоциативные 14, 259
 — эгоистические 16
 Чувствительность 29, 75, 345, 346
 — болезненная 311
 Чувство долга 16, 212, 216, 233, 234, 235
 — дружбы 215
 — собственного достоинства 295
 — стыда 212, 222
 — чести 233
 Чудаки 259
 Школа интеллектуальная 28
 Шутки 259
 Эгоистический 16, 75, 111
 Экстаз 329
 Экстравертированность 21, 28, 38, 39, 114
 Экстравертированный 20, 244
 Эмотивность 17, 244
 Эпилептоидный 108, 109, 110, 113, 149, 151, 153
 «Эффект раскачивания» 182
 Ярость 35

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Предисловие к русскому переводу	8
Предисловие ко второму изданию	9
Введение	10
Часть I. Типология личности	12
Человек как индивидуальность и как акцентуированная личность	12
Методика диагностики личности	24
Акцентуированные черты личности	40
Демонстративные личности	40
Педантические личности	61
Застравающие личности	74
Возбудимые личности	88
Сочетание акцентуированных черт характера	101
Акцентуированные черты темперамента	116
Гипертимические личности	116
Дистимические личности	120
Аффективно-лабильный темперамент	123
Аффективно-экзальтированный темперамент	125
Тревожные (боязливые) личности	129
Эмотивные личности	131
Сочетание акцентуированных черт характера и темперамента	136
Экстравертированная акцентуация личности и ее комбинации	155
Интровертированная акцентуация личности и ее комбинации	159
Часть II. Личность в художественной литературе	170
Художественные произведения с психологической основой без выделения индивидуальности личности	175
Индивидуальность в художественной литературе	202
Индивидуальные особенности в сфере влечений	202
Индивидуальные особенности в сфере направленности интересов и склонностей	206
Индивидуальные особенности в сфере чувств и воли	240
Индивидуальные особенности ассоциативно-интеллектуальной сферы	254
Акцентуированные личности в художественной литературе	262
Демонстративные личности	263
Педантические личности	276
Застравающие личности	285
Демонстративно-застравающие личности	297
Возбудимые личности	299
Застравающе-возбудимые личности	305
Тревожные (боязливые) личности	307
Тревожно-застравающие личности	309
Эмотивные личности	311
Дистимические личности	314
Дистимически-застравающие личности	315
Гипертимические личности	318
Гипертимически-демонстративные личности	321

Аффективно-лабильные личности	327
Экзальтированные личности	329
Экзальтированно-демонстративные личности	339
Интровертированные личности	340
Интровертированно-гипертимические личности	348
Экстравертированные личности	350
<i>Список художественных произведений, анализируемых и цитируемых в книге</i>	361
<i>Список использованной литературы</i>	366
Предметный указатель	370

Монография

Леонгард Карл

АКЦЕНТУИРОВАННЫЕ ЛИЧНОСТИ

Художественное оформление *А. В. Самсонова*
Художественный редактор *С. В. Анненков*
Технический редактор *Л. И. Швец*
Корректоры *Дудина Э. Г., Хоменко Н. И.*

ИБ № 12839

Сдано в набор 30.06.88. Подписано в печать 27.06.89. Формат 60×90^{1/16}. Бум. тип. № 1. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 23,5. Усл. кр.-отт. 23,5. Уч.-изд. л. 28,78. Тираж 30 000 экз. Изд. № 8754. Заказ 646. Цена 2 р. 10 к.

Головное издательство издательского объединения «Выща школа», 252054, Киев-54, ул. Гоголевская, 7

Белоцерковская книжная фабрика, 256400, г. Белая Церковь, ул. К. Маркса, 4.